det_hard
det_maniac
thriller

Майк
Омер

Тайны Зои Бентли. Книги 1 и 2

В Чикаго найдено три женских тела. Жертвы были задушены и покрыты специальным бальзамирующим составом, позволяющим придать телу любую позу. Тела выглядят так, словно женщины еще живы — свидетель не сразу понимает, что перед ним, и это ужасает. Преступник словно подшучивает над полицией или таким изощренным образом доносит свое зашифрованное послание.

За дело берется лучшая из лучших — Зои Бентли. Она — профайлер и по нескольким деталям способна воссоздать психологический портрет серийного убийцы. А еще у Зои есть один маленький секрет из прошлого. Порой по ночам ее мучают кошмары. Они возвращаются каждый раз, когда Зои получает по почте коричневый конверт. Вскоре девушка обнаружит связь между содержимым конвертов и страшными убийствами из ее детства. Она не сразу осознает, что охота началась. Но в роли охотника выступает не она, теперь Зои — жертва…

бестселлеры, The New York Times, маньяки, психологические детективы, психологические триллеры, расследование убийств, серийные убийцы, смертельная опасность
13 October 2020

ru
en

А.
А.
Посецельский

Наталья
Леонидовна
Холмогорова

Ratibor Strannik
ratibor@protonmail.com

FictionBook Editor Release 2.6.7
13 October 2020
https://coollib.net/s/50116
8EDBC401-9372-4C29-8650-E0CF7604C274
1.0

v. 1.0 — Компиляция, оглавление, обложка, чистка скриптами (Ratibor Strannik);

2020

Майк Омер
Зои Бентли
Сборник

Внутри убийцы

Эта книга является вымыслом. Имена, характеры, организации, места, события и происшествия, все характеры, события и диалоги являются плодом авторского воображения или используются в художественных целях. Любые совпадения с действительными событиями или личностями, живыми или умершими, абсолютно случайны.

Посвящается Лиоре, чтобы показать, почему серийные убийцы — приемлемая тема для обсуждения во время нашего праздничного отпуска.

Глава 1

Когда он добавил к смеси жидкость, комнату затопил резкий запах формалина. Поначалу он ненавидел этот запах. Но потом научился ценить его, зная, что
тот символизирует, — вечность. Бальзамирующая жидкость препятствовала разложению. "Пока смерть не разлучит нас" — концепция, мягко говоря, непритязательная. Истинная любовь должна преодолеть эту вершину.

Он добавил больше соли, чем в прошлый раз, надеясь на лучший результат. Соотношение — дело тонкое; он выучился этому на горьком опыте. Бальзамирующая жидкость обещала вечность, но физиологический раствор добавлял гибкости.

Хорошие взаимоотношения должны быть гибкими.

Из-за запертой двери послышался скрип. Эти звуки — скрежет, скрипы, перемешанные с натужными стонами, — действовал ему на нервы. Она опять пыталась развязать веревки. Вечно дергается, вечно старается сбежать от него — все они поначалу такие… Но она изменится, он позаботится об этом. Больше не будет ни усилий, ни задушенной мольбы, ни хриплых криков.

Она станет тихой и спокойной. И тогда они научатся любить друг друга.

Его сосредоточенность сбил резкий хруст. Мужчина раздраженно отставил соль и подошел к запертой двери. Отпер замок и распахнул дверь. В темную комнатку хлынул свет.

Она извивалась на полу. Она уронила деревянный стул на бок, и тот сломался. Каким-то образом она ухитрилась освободить ноги и, отталкиваясь ими, проползла через всю комнату, вытирая пол голой спиной. Она пыталась… что? Сбежать? Отсюда не убежишь.

Ее обнаженное тело корчилось на полу, отчего он почувствовал себя неуютно. Эти движения и сдавленные хрипы превращали ее скорее в животное, чем в человека. Это надо прекратить.

Он вошел в комнату, схватил ее за руку и вздернул на ноги, не обращая внимания на ее крики. Она начала биться и извиваться.

— Прекрати, — резко сказал он.

Она не прекращала. Он едва не ударил ее, но вместо этого заставил себя несколько раз глубоко вздохнуть и разжал стиснутый кулак. Синяки плохо сходят с мертвого тела, а он предпочитал оставить ее по возможности безупречной.

В идеале ему хотелось отложить этот момент. С предыдущей девушкой у него был настоящий романтический ужин при свечах, прямо перед трансформацией. Это было мило. Но необязательно.

Можно оставить ее в комнате. Но вдруг она поранится, испортит свою безупречно-молочную кожу, а вот этого ему не хочется…

Он выволок ее в мастерскую и усадил на собственный стул. Она извивалась, левой ногой ударила его по голени. Нога была босой, удар — безболезненным, но мужчина разозлился. Он схватил со стола скальпель и прижал острое лезвие к ее левой груди, прямо под соском.

— Если ты не прекратишь дергаться, я его отрежу, — холодно произнес он.

Она мгновенно обмякла, дрожа от страха. Ее покорность возбуждала — вот он, сладкий момент прелюдии, — и его сердце забилось быстрее. Он уже влюблялся.

Нежно взял со стола заранее приготовленную петлю. У этой веревки отличная текстура. Раньше он пользовался обычной хлопчатобумажной, но она оставляет ужасные следы. Трение портит безупречную кожу. На этот раз он воспользовался синтетической веревкой. Она гладкая, приятная на ощупь. Возможно, девушке даже понравится это ощущение.

Он надел петлю ей на шею. Когда она почувствовала, как шелковистая веревка сдавливает горло, то снова начала дергаться, но для всей этой ерунды было уже поздно.

Петля была простой, но с одним маленьким дополнением. Он вставил в узел тонкий металлический стержень. Сейчас он сдвигал узел, пока петля не затянулась у нее на шее, достаточно туго, чтобы веревка не крутилась. Одной отметины с лихвой хватит. Потом, ухватившись за стержень, он повернул его против часовой стрелки. Один поворот, второй, третий — петля стягивалась все туже и туже. Девушка дергалась, как безумная; одна нога даже ударила стол, наверняка оставив ссадину. Еще один поворот… и этого хватит.

Пока ее усилия слабели, он раздумывал об отметине, которую оставит петля. Первое время ему хотелось, чтобы никаких отметин не было. Но сейчас он считал эту отметину своим первым подарком, прекрасным ожерельем, знаменующим их узы. Обычные люди привыкли к кольцу на пальце. Неудивительно, что процент разводов настолько высок.

Когда она перестала корчиться, он уже трясся от возбуждения. Нужно немедленно начинать работать над ней. Чем быстрее он введет бальзамирующий состав, тем свежее она будет. Но страсть победила.

Он решил, что сначала может немного развлечься.

Глава 2

ГОРОД ДЕЙЛ, ВИРДЖИНИЯ,
ЧЕТВЕРГ, 14 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои Бентли резко села во тьме; в горле застрял крик, пальцы стискивали простыни. Все ее тело вздрагивало, в груди колотилось сердце. Ее облегчение — когда она осознала, что проснулась в собственной спальне — можно было пощупать рукой. "Просто еще один кошмар". Зои знала, что он придет, когда ложилась спать. Кошмары всегда возвращались, когда она получала по почте коричневый конверт.

Она ненавидела себя за то, что так легко поддается, за собственную слабость.

Зои взяла телефон с тумбочки и посмотрела на время. Яркое свечение экрана заставило моргнуть, перед глазами заплясали точки. Четыре двадцать одна. "Чтоб его…" Слишком рано для начала дня, но шансов уговорить себя еще поспать нет. Это будет день на семь чашек кофе. Ей никак не ухитриться обойтись обычными пятью.

Зои поднялась и выпуталась из одеяла. За ночь она умудрилась обмотаться им несколько раз. Включила свет, заморгала. В окно виднелось здание напротив, еще укутанное ночью. Все окна были темны. Она проснулась одной из первых на улице — нежеланное достижение. Посмотрела на растерзанную постель, одежду на полу, разбросанные на тумбочке книги. Хаос, внутри ее и снаружи.

"Зои, открой дверь. Зои, я не могу вечно стоять тут". А потом — хихиканье, смешок человека, поглощенного своим стремлением…

Она вздрогнула и встряхнула головой. Проклятье, ей тридцать три года. Она больше не ребенок. Когда же эти воспоминания разожмут свою хватку?

Возможно, никогда. Прошлое пробралось в самую глубину и укоренилось там. Ей это известно лучше других. Скольких объектов ее исследований навсегда напугало и изменило собственное прошлое?

Зои добрела до ванной, сбросила на пол рубашку и нижнее белье. Струи воды из душа прочистили мозги, помогли выдернуть последние нити сна. Бутылка с шампунем была пуста. Зои долила туда воды, встряхнула, но без толку. Она уже прибегала к этому трюку вчера. И позавчера. Если ей нужен шампунь, его придется купить. Она еще немного постояла под струями. Освежившись, вышла из душа с мыслью: "Вписать шампунь в список покупок. Вписать шампунь в список покупок". Порылась в одежде на полу, но не нашла ничего, что хотелось бы надеть. Открыв шкаф, отыскала синюю рубашку на пуговицах и черные штаны и натянула их. "Вписать шампунь в список покупок". Зои нетерпеливо расчесывала свои каштановые волосы и остановилась, как только убрала самые спутанные пряди. "Вписать шампунь в список покупок".

Она дошла до кухни и включила свет. Взгляд тут же уперся в короля кухни — кофемашину. Зои подошла к ней и взяла стоящую рядом банку колумбийского молотого кофе. Она всегда держала запас со времен кофейной катастрофы лета 2011 года. В машину пошли два фильтра, чтобы кофе вышел покрепче. Чтобы встретиться с утром, Зои требовался резкий удар кофеина. Она насыпала в фильтры горку кофе, потом добавила еще немного. Налила воды, включила машину и залюбовалась изумительным зрелищем — струйкой кофе, стекающей в кувшин.

Пока варилась вода жизни, Зои подошла к списку покупок на дверце холодильника и уставилась на него. Что-то нужно было вписать. В конце концов она дописала: "Туалетная бумага". Безотказный вариант — туалетная бумага все время заканчивалась. Зои вернулась к машине и налила кофе в свою любимую, хоть и надколотую, белую кружку, не обращая внимания на шеренгу прочих кружек на полке. Они были изгнаны: слишком маленькие, слишком большие, слишком толстая кромка или неудобная ручка. Зал позора кофейных кружек.

Зои отхлебнула, вдохнув запах. Она стояла у кофемашины, пила и наслаждалась ощущениями от кофе, растекающегося по всему телу, пока чашка не опус-тела.

"Одна. Осталось еще шесть".
Коричневый конверт лежал на деревянном кухонном столе, из него торчала полоска серой ткани. Она бросила его туда вчера вечером, будто пытаясь доказать себе, что ей все равно, что это больше не важно.
Сейчас, во тьме раннего утра, этот поступок казался глупостью. Зои взяла конверт, отнесла его в кабинет, к рабочему столу. Собралась с духом и выдвинула нижний ящик, который почти всегда держала закрытым. Внутри лежала небольшая стопка похожих конвертов. Она положила новый конверт сверху, придавила стопку и резко задвинула ящик. Ей стало лучше. Она вернулась на кухню, шагая намного легче.
Когти кошмара разжались, и Зои поняла, что проголодалась. Одно хорошо в раннем подъеме: есть время приготовить завтрак. Она разбила в сковородку два яйца, оставила их шипеть и засунула в тостер кусок хлеба. Решила, что сегодня заслуживает приличную порцию сливочного сыра. Улыбнулась и осторожно перегрузила яйца со сковородки на тарелку. Оба желтка остались целыми. Победа Зои Бентли. Она разрезала тост на треугольники, взяла один, аккуратно окунула в желток и откусила кусочек.
Превосходно. Как обычное яйцо может быть настолько вкусным? И главная часть завтрака — чашка кофе. Она налила себе еще одну.
"Две".
Снова взглянула на телефон. Пять тридцать. Для работы все еще слишком рано. Но ей была неприятна мысль остаться в этой тихой квартире, рядом с таящимся в ящике конвертом.
"Если мне придется сломать дверь, Зои, ты об этом пожалеешь".
К черту. Она может заняться отчетами. Шеф Манкузо будет счастлива.

Зои спустилась по лестнице и скользнула в свою вишневую "Фиесту". Включила зажигание и, найдя альбом "Red" Тейлор Свифт, быстро перешла на
All Too Well
. Голос и гитара Тейлор затопили салон машинки, утешая расстроенные нервы Зои. На Тейлор всегда можно положиться, она делает жизнь лучше.

Улицы Дейла были практически пусты. Еще темное небо окрашивали лишь синие тени, предвестники скорого рассвета. Зои ехала по бульвару Дейл и наслаждалась тихим городом. Может, стоит каждое утро вставать в четыре часа… У нее есть целый мир. Только она и водитель грузовика, мерзавец, который подрезал ее и заставил притормозить. Теперь песня Тейлор смешивалась с потоком брани яростно сигналящей Зои. Грузовик прибавил скорости.

Она добралась до шоссе I-95 и поехала на юг, когда Тейлор переключилась на
22
. Зои прижала педаль газа, смакуя ускорение. Затем добавила громкости и стала подпевать, качая головой в такт бодрой ритмичной мелодии. Жизнь, в общем-то, неплоха. Она решила, что сделает себе третью чашку кофе, как только доберется до работы. Эти три чашки дотянут ее до ланча. Она съехала на Фуллер-роуд, где тон задавали указатели на Квантико
[1]
.

Добравшись до места, поставила машину на почти пустой — вокруг разбросана всего горстка других машин — парковке. Короткая прогулка, взмах удостоверением на входе, два лестничных пролета — и она в своем кабинете. Тишина на всем этаже немного смущала. Отдел поведенческого анализа ФБР был не особо шумным местом даже в середине рабочего дня, но все равно из коридора доносились то случайные обрывки разговоров агентов, то шаги мимо ее двери. Сегодня все было тихо, если не считать гул кондиционеров. Зои уселась перед своим компьютером, мысленно настраиваясь на еженедельный отчет, который — она знала — Манкузо потребует, как только появится на рабочем месте. Зои должна была подавать отчет каждый понедельник, сводя в него свою работу за предыдущую неделю. Обычно она тянула с отчетом до пятницы, к которой

Манкузо начинала угрожать отправить Зои обратно в Бостон. Но сегодня будет по-другому. На этот раз отчет будет готов в четверг, с опозданием всего лишь на три дня, и она избавится от бюрократического кошмара до следующей недели. Зои улыбнулась и начала набирать текст…
Ее встряхнул звонок стационарного телефона. Зои растерянно уставилась на монитор, где сиротливо чернел заголовок "Еженедельный отчет за 4–8.07.2016". И всё. Должно быть, она уснула, пока пыталась придумать, с чего начать. В углу монитора виднелось время: 9:12. Вот вам и раннее начало работы. Она сняла трубку, крутя головой в попытках размять занемевшую шею.
— ОПА, Бентли слушает.
— Зои, — послышался голос Манкузо. — Доброе утро. Не могла бы ты заглянуть ко мне в кабинет? Я хочу, чтобы ты кое на что посмотрела.
— Конечно. Уже иду.
Кабинет начальника отдела располагался четырьмя дверями дальше по коридору. Бронзовая табличка на двери гласила: "Начальник отдела шеф Кристин Манкузо". Зои постучала в дверь, и та тут же отозвалась.
Зои уселась в кресло для посетителей у стола. Манкузо сидела с другой стороны, развернув кресло боком. Она в глубокой сосредоточенности разглядывала аквариум, стоящий у дальней стены. Шеф Манкузо была эффектной женщиной: гладкая, почти не тронутая возрастом желтовато-коричневая кожа, зачесанные назад черные волосы с серебристо-белыми прядями. Она сидела боком, и родинка на губе смотрела точно на Зои.
Та посмотрела на предмет завороженности шефа. Интерьер аквариума часто менялся, следуя прихотям Манкузо. Сейчас он напоминал густой лес, грозди водорослей окрашивали воду в зеленый и бирюзовый. Туда-сюда лениво проплывали стайки желтых, оранжевых и сиреневых рыбок.
— Что-то с рыбками? — спросила Зои.
— Белинда сегодня в депрессии, — пробормотала Манкузо. — Я думаю, она злится, что Тимоти плавает с Ребеккой и Жасмин.
— Ну… может, Тимоти просто надо немного отдохнуть, — предположила Зои.
— Тимоти — мерзавец.
— Ага… хм, ты хотела меня видеть?
Манкузо развернула кресло и посмотрела на Зои.
— Ты знаешь аналитика Лайонела Гудвина?
— Того, который вечно жалуется, что все воруют его еду?
— Он работает в программе "Шоссейные серийные убийства".
Зои с секунду припоминала, о чем речь. За последние десять лет выявился рисунок: тревожащее количество женских трупов, найденных вдоль федеральных автомагистралей. Аналитики ФБР выявили несколько общих черт этих убийств. Жертвами, как правило, были проститутки или наркоманки; подозреваемыми — дальнобойщики. В попытках соотнести определенные сценарии убийств с конкретными подозреваемыми, ФБР запустило программу "Шоссейные серийные убийства". Они искали похожие преступления в "ВиКАП", базе данных ФБР для тяжких преступлений, потом пытались соотнести их с маршрутами и графиками подозреваемых.
— О’кей, — сказала Зои, кивнув.
— Он думает, что отыскал почерк, и соотнес его с группой возможных подозреваемых.
— Здорово. И что мне нужно…
— Группа состоит из двухсот семнадцати дальнобойщиков.
— Ого.
Манкузо выдвинула ящик, достала толстую папку и плюхнула ее на стол.
— Это подозреваемые? — спросила Зои.
— А, нет, — ответила Манкузо. — Это уголовные дела из разных полицейских департаментов. — Она достала еще две папки и сложила их на первую. — Вот это подозреваемые.
— Ты хочешь, чтобы я сузила группу? — спросила Зои.
— Да, пожалуйста, — ответила Манкузо, улыбнувшись. — Будет отлично, если ты сможешь дать мне десять подозреваемых к концу следующей недели.

Зои взволнованно кивнула. Она просила дать ей профилирование с того момента, как пришла в Отдел поведенческого анализа, и сейчас впервые получила настоящую задачу. Свести группу из 217 подозреваемых к 10 за месяц — непростая задача. Но сделать это за неделю?..

Она сможет. С такими задачами она справляется лучше всего.

— Да, и еженедельный отчет… он уже готов? — спросила Манкузо голосом, в котором отрастали колючки. — Ты должна была сдать его…

— Почти готов, — торопливо ответила Зои. — Просто нужно добавить пару примечаний.

— Пришли мне его к обеду.

Кивнув, Зои встала, взяла три папки и вышла из кабинета Манкузо. По дороге к своему кабинету открыла верхнюю папку. На первой странице значилась сводка, описывающая тело девятнадцатилетней девушки, найденное в канаве в Миссури рядом с шоссе I-70. Девушка была раздета, с множественными синяками и следами укусов на шее. Зои пыталась перевернуть лист и добраться до следующего, когда врезалась в какого-то мужчину. Папки ударили его в живот, и мужчина издал удивленное "уфф".

Он был высоким и широкоплечим, с копной иссиня-черных волос. Глубоко посаженные карие глаза прятались под густыми бровями. Мужчина походил на более взрослую версию самодовольного парня из колледжа на футбольной стипендии. Он потрогал свой живот, глядя на Зои с кривой улыбкой.

— Простите, — сказала она, наклонившись за упавшими папками.

— Не беспокойтесь, — отозвался он и присел помочь ей.

Зои схватила с пола последнюю папку прежде, чем он успел коснуться ее.

— Я уже все собрала… спасибо.

— Вижу, — сказал он, улыбаясь все шире, и встал. — Кажется, мы еще не встречались. Я — Тейтум Грей.

— Хорошо, — рассеянно ответила Зои, пытаясь уместить папки в руках.

— А у вас есть имя, или мне нужен допуск более высокого уровня? — поинтересовался Тейтум.

— Я Зои, — ответила она. — Зои Бентли.

Глава 3

Тейтум бегло оглядел Зои. Первым в глаза бросился ее острый нос, раздраженно наморщенный после вопроса об имени. Но потом она подняла голову, посмотрела прямо на Тейтума, и он едва не отшатнулся. Сила взгляда ее светло-зеленых глаз поражала. Казалось, Зои в состоянии заглянуть ему прямо в мозг и отобрать нужные мысли, будто заглавия в книжном магазине. Вместе нос и глаза создавали впечатление хищной птицы, но эффект сглаживался нежной линией губ. Зои стригла волосы чуть выше плеч, и несколько прядей сейчас упали на лицо — результат их столкновения. Она небрежно встряхнула головой, убирая назойливые пряди с глаз — очаровательная привычка, на его взгляд, — и слабо улыбнулась.

— Ну, Тейтум, было приятно с вами познакомиться, — сказала она, собираясь уходить.

— Погодите, — заторопился он. — Не подскажете ли, где кабинет шефа… — ему потребовалась секунда, чтобы вспомнить фамилию, — Манкузо?

Она обернулась на коридор.

— Тремя дверями дальше.

— Вы работаете в ОПА?

— Я консультант.

Тейтум почувствовал в ее тоне настороженность, будто она ожидала услышать в ответ какую-то колкость.

— О, точно, — отозвался он, припомнив, как кто-то рассказывал о ней. — Вы — психолог из Бостона.

— Она самая, — подтвердила Зои. — А вы — агент из Эл-Эй

[2]
.

— Ага, — удивленно сказал он. — Вы обо мне знаете?
— Вчера была почтовая рассылка. Встречайте Тейтума Грея, переведенного к нам из регионального управления Лос-Анджелеса, и тэ дэ, и тэ пэ.
— О, точно, — повторил Тейтум и улыбнулся; от этой женщины ему было явно не по себе. — Что ж, Зои… еще увидимся.
Она зашагала прочь, таща свои тяжелые папки. Тейтум завороженно смотрел ей вслед. Потом вдруг сообразил, что стоит посреди коридора и откровенно пялится на задницу этой женщины. Торопливо развернулся, дошел до двери кабинета шефа Манкузо и постучал.
— Да?
Тейтум открыл дверь. Кристин Манкузо, новый начальник отдела, сидела за столом на фоне огромного аквариума в глубине комнаты. Он поспрашивал людей о Манкузо.
В Бостонском региональном управлении на нее было изрядное досье. Она руководила группой по очень громкому делу о похищении, после чего ее повысили до начальника ОПА. Это вызвало серьезные обиды. Заместитель начальника управления хотел повысить кого-то из самого отдела, но вместо этого ему приказали назначить Манкузо, и она тут же принялась менять протоколы работы и назначения. Хуже того, привлекла гражданского консультанта.
— Шеф Манкузо? — сказал он. — Я — Тейтум Грей.
— Входите, — сказала она и указала на кресло перед столом.
Тейтум закрыл дверь и сел. Его взгляд все время возвращался к родинке на губе шефа.
— Итак, — начала она, открывая папку на столе. — Специальный агент Тейтум Грей из регионального управления Лос-Анджелеса…
— Он самый, — сказал Тейтум, улыбнувшись.
— Последний год занимался делом о сети педофилов и после успешного завершения расследования недавно получил повышение.
Ее интонация превратила слово "успешное" в нечто противоположное, и Тейтум возмутился.
— Просто делаю свою работу.
— Правда? Ваш шеф видел это в несколько ином свете. И, насколько я понимаю, возможна речь об отложенном внутреннем расследовании, — заметила она, перевернула страницу и, казалось, углубилась в чтение, хотя Тейтум подозревал, что все написанное там давно ей известно.
В нем полыхнула ярость.
Манкузо отложила папку:
— Давайте выложим карты на стол. Вы получили повышение, поскольку это было громкое дело.
— Должно быть, звучит знакомо.
Она напряглась.
"Отличная работа, Тейтум. Не прошло и пяти минут, а твой начальник уже тебя не переносит".
— Но на самом деле это было не повышение, — стальным голосом продолжила Манкузо. — Они просто хотели избавиться от вас, перевести туда, где вы не сможете сильно навредить. Посадить за стол в ОПА, дабы вы разглядывали фотографии с места преступления.
Тейтум промолчал. Манкузо была права. По сути, именно это ему и сказали за закрытыми дверями, когда его "повысили".
— И вас перевели сюда, — продолжала она, — потому что я — новый шеф отдела, и устроить мне лишнюю головную боль — это весело.
Он пожал плечами. Его не интересовала политика высшего руководства и тем паче кто сидит на ветке над Манкузо.
— Я не собираюсь усаживать вас за стол рассматривать фотографии, — заявила Манкузо. — Это пустая трата ресурсов.
Тейтум молчал, не очень понимая, куда она клонит.

Манкузо толкнула к нему другую папку. Он взял ее и открыл. Сверху лежала фотография девушки, стоящей на деревянном мостике над ручьем; она безучастно смотрела на воду. Ее кожа выглядело странно, мертвенно-бледной.
— Это Моник Сильва, проститутка из Чикаго, — сказала Манкузо. — Неделю назад ее нашли мертвой в парке Гумбольдта. Как вы видите, она стояла так, будто глядит на воду.
— Мертвой? — нахмурившись, переспросил Тейтум и уставился на фотографию на вид вполне живой девушки. — Как…
— Она была забальзамирована, — ответила Манкузо. — Судмедэксперт говорит, что к моменту, когда нашли ее тело, она была мертва от пяти до семи дней. Пропала две недели назад, по словам ее сутенера. Она — уже вторая такая жертва. Поскольку оба тела были оставлены в общественных местах и выставлены напоказ, это дело мигом стало очень известным. На чикагскую полицию сильно давят с поисками убийцы. Достаточно сильно, чтобы они попросили нашей помощи.
— А что говорит Чикагское региональное управление?
— Оперативные сотрудники Бюро в Чикаго сейчас по уши заняты. Скоро ожидаются аресты членов "Латинских королей".
Тейтум кивнул. "Латинские короли" были крупной уличной бандой, которая расползлась по всей стране. Их главные шишки сидели в Чикаго.
— Чикагское управление, разумеется, заинтересовано в поимке этого убийцы, но было решено, что их ресурсы лучше использовать в другом месте.
Декодер херни Тейтума расшифровал эту фразу как "кто-то наверху решил, что им следует держаться подальше от этого расследования. Они сами дико бесятся от этого".
Он вздохнул и поднял взгляд на шефа.
— И что вы от меня хотите?
— Я хочу, чтобы завтра вы были там. Переговорите с детективом, который руководит группой, посмотрите, как именно идет расследование, и доложите мне. Потом мы решим, как двигаться дальше.
— Я должен докладывать и в Чикагское управление, или…
— Я сама разберусь с этими вопросами.
— О’кей, — ответил Тейтум.
Он был только рад возложить политические пляски на более способного человека. Это задание подразумевает, что выходные он проведет в Чикаго, но Тейтум не возражал. Он никогда не был в Чикаго.

— Агент Грей, ФБР будет там для
консультаций
. Я не хочу услышать, что вы забрали дело себе или повели себя так, будто возглавляете расследование. Мы изо всех сил стараемся добиться доверия полиции, чтобы в будущем они сами просили нас о помощи. Вам ясно?

Он кивнул
— Ясно, шеф.
— Что-нибудь еще?
— Нет, — сказал Тейтум и встал. — Симпатичные рыбки.
— Ага. Хотите одну?
Он растерянно посмотрел на нее.
— Вы хотите дать мне рыбку?
— Могу поделиться одной, для вашего нового дома, — сказала Манкузо, глядя на аквариум. — Но предупреждаю: он отпетый мерзавец.

Глава 4

Зои на автомате отперла дверь своей квартиры, продолжая мысленно перебирать информацию с мест преступлений. Весь день она читала и перечитывала материалы по

восьми убийствам, которые вручила ей Манкузо; две папки с подозреваемыми остались нетронутыми. Зои понимала, что ей следует работать быстрее и усерднее. Но что-то не давало ей покоя, мешая продолжать. Какие-то детали не сходились, и она рылась в уликах, пытаясь выловить их и вычислить проблему.
Материалы дела преследовали Зои все дорогу до дома, и она едва не пропустила съезд с I-95. Мысли гудели в голове, и она уже знала, что сегодня ей будет трудно уснуть.
Зашла в квартиру — и тут же напряглась, услышав какие-то звуки из кухни.
— Зои, это ты? — позвал голос.
Она расслабилась. Сбросила сумку у двери и крикнула:
— Хей, Андреа!
Из кухонной двери высунулась улыбающаяся сестра.
— Хей! — отозвалась она. — Ты голодная?
— Жутко.
— Я приготовила пасту; надеюсь, ты чувствуешь себя итальянкой, — сказала Андреа и исчезла в кухне.
Зои хотелось ответить что-нибудь забавное. Она попыталась оформить остроумный ответ: "Само собой, если на кухне меня будет ждать сексуальный итальянец". Но даже на ее вкус шутка вышла совсем не смешная. Как и большинство шуток Зои, эта безвременно скончалась, не дойдя до рта. Остроумие посещало в основном других людей, а если это вдруг случалось у Зои, то с опозданием часа на три.
— Ага, паста — это здорово, — наконец произнесла она.
— Супер, — радостно ответила Андреа.
Зои зашла на кухню и замерла.
— Ничего себе, вот это да…
Андреа выставила на клетчатую скатерть, под которой прятался уродливый квадратный столик, две тарелки. На зеленых листьях базилика лежали горки желтовато-белых спагетти. На вершине каждой горки располагался ломтик лосося, поджаренный с чесноком до светло-коричневой корочки.
— Я не заслужила такой волшебной еды, — неубедительно пробормотала Зои.
— Конечно, заслужила. Садись и вгрызайся. Я заодно прихватила пару бутылок пива.
Зои села и положила в рот кусочек лосося. Хрустящая корочка была не толще бумаги, рыба практически таяла во рту. Зои закрыла глаза и проглотила ее. Впервые за целый день она выбросила все дела из головы — и полностью погрузилась в наслаждение вкуснейшей едой.
Андреа поставила перед ней бутылку пива; стекло запотело, сверху красовался ломтик лимона.
— Прямо как в ресторане, — заметила Зои.
— Полагаю, это был комплимент, — с улыбкой сказала сестра, наматывая на вилку спагетти. — Ну… как работа?
Перед мысленным взором Зои вновь появились восемь мертвых девушек.
— Так плохо? — спросила Андреа, следя за выражением лица сестры.
— Нет-нет, — торопливо заверила ее Зои. — На самом деле очень хорошо. Очень интересно. Только… напряженно.
Она подцепила три прядки спагетти и намотала их на вилку. Потом уложила сверху листок базилика, отрезала кусочек лосося и отправила все это в рот. Вот оно, совершенство…
— Я изучала несколько дел об убийствах. Восемь девушек были выброшены в канавы в нескольких штатах, и мы думаем, что, возможно, тут есть связь. На них всех есть следы укусов. Все восемь изнасилованы вагинально, четверо — еще и анально; у двух не хватает нескольких зубов. Но самое странное…
Она умолкла.
Андреа глотнула пива и отложила вилку. Ее лицо заметно побледнело.
— Ты в порядке? — спросила Зои.
— Ну… когда я спросила про работу, я рассчитывала услышать, какая стерва твой босс или как ваш принтер зажевал бумагу. А вовсе не про… мм, изнасилования и пропавшие зубы.
— Прости, — сказала Зои. — Я просто… я весь день просматривала эти документы и не подумала…

Она проклинала себя. Она всегда была осторожной, избегая разговоров о своей работе с Андреа. И не желала, чтобы такое вновь свалилось на сестру.
— Я просто не понимаю, как ты можешь целыми днями разглядывать все это, — сказала Андреа, глядя в стол. — Особенно после Мейнарда.
Зои молчала. Проще всего сказать сестре, что таков ее механизм адаптации. Что "так она уверена, что случившееся в Мейнарде больше не повторится" или какую-то другую эффектную фразу. Но это было бы ложью. Ей нравилась ее работа. И она отлично с ней справлялась. Зои прекрасно понимала, что вылеплена своим прошлым, но хотела верить, что преодолела его.
Лучше всего просто не обсуждать работу. Защитить сестру от этой стороны жизни. Как она всегда делала. И как сделала в ту давнюю ночь.
"Не тревожься, Рей-Рей. Он нам ничего не сможет сделать".
— Ничего, — сказала Андреа, встряхнув головой. — В смысле, это же твоя работа.
Зои кивнула.
— Ага. Прости, что заговорила об этом, Рей-Рей.
На мгновение все затихло.
— Ты уже много лет так меня не называла, — заметила Андреа, подняв бровь.
Зои застенчиво улыбнулась.
— Наверное, я просто стала сентиментальной от твоей стряпни.
Андреа фыркнула и отодвинула свою тарелку.
— Не важно. Думаю, я доем остальное попозже. До твоего прихода я хорошо подкормила себя лососем.
— О’кей, — сказала Зои и взяла еще кусочек. — Ты приправила его лимоном?
— Чуть-чуть, — вставая, ответила Андреа.
— Я его чувствую, — радостно объявила Зои. — Очень богатый вкус. Наверное…
Кусочки головоломки внезапно сложились.
Все тела были найдены раздетыми, одежда валялась где-то поблизости, но в трех случаях нижнее белье и обувь исчезли. В отчетах этого не было, там перечислялись только найденные улики. Никто не упомянул отсутствующие предметы. Пропавшее белье и обувь были трофеями, взятыми убийцей. Но в пяти остальных случаях трофеи никто не забрал. Два разных почерка. Возможно, речь идет не об одном, а о двух разных убийцах.
— Всё в порядке? — послышался голос сестры. — Ты сидишь и просто смотришь в тарелку.
— Я кое-что сообразила, — ответила Зои.
— Да? А что?
Она замешкалась, потом покачала головой.
— Ерунда. Работа.

Глава 5

ГОРОД ДЕЙЛ, ВИРДЖИНИЯ,
ПЯТНИЦА, 15 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Тейтума разбудил громкий стук. Он разлепил веки и натолкнулся взглядом на пару больших и грозных зеленых глаз, глядящих на него практически в упор, с расстояния в несколько дюймов. Рука автоматически дернулась к кобуре с "Глоком", но Тейтум спал в нижнем белье, и никакого пистолета рядом не было. Рефлексы сработали — он выпрыгнул из кровати, подальше от агрессора, и упал на пол, лихорадочно пытаясь нащупать что-нибудь полезное для защиты. К тому времени, когда Тейтум с колотящимся сердцем встал на ноги, враг уже исчез. Он включил свет и заморгал.
На него с презрением взирал его уродливый рыжий кот.
— Да чтоб ты провалился, Веснушка! — заорал на него Тейтум. — Я же говорил тебе не лезть в постель…

Веснушка моргнул и зевнул, явно заскучав. Тейтум поискал взглядом водяной пистолет, карающий меч для Веснушки, но безуспешно. Скорее всего, кот разломал эту штуку, когда Тейтума не было дома, как он поступил с тремя предыдущими.
Послышался новый стук. Кто-то стучал в дверь; это его и разбудило, а вовсе не кот-социопат. Тейтум натянул шорты и футболку, схватил с тумбочки "Глок" и пошел к входной двери. Он уже освоился в своем новом жилье в Дейле, но со сна плохо соображал, и в темноте коридор казался почти чужим. Тейтум скучал по своей квартире в Эл-Эй, пусть даже эта была просторней и в лучшем районе.
— Кто там? — крикнул он.
— Полиция, — заявил резкий, официальный голос.
Тейтум распластался по стенке, потом отпер дверь, приоткрыл ее и выглянул. Снаружи стоял коп в форме, а рядом с ним — растерянный пожилой мужчина. Тейтум вздохнул, положил "Глок" на столик в прихожей и открыл дверь.
— Добрый вечер, сэр, — сказал коп. — Вы знакомы с этим человеком?
Он взглянул на седовласого сконфуженного мужчину.
— Ага, — вздохнул Тейтум. — Это мой дед. Его зовут Марвин.
— Мы обнаружили его, когда он бродил по парку Логан, — сказал коп.
— Где Молли? — слабым голосом спросил Марвин.
— Он все время о ней спрашивает, — заметил коп.
— Молли была моей бабушкой. Она скончалась, — ответил Тейтум. — Мы только переехали сюда… Я думаю, ему трудно привыкнуть.
— Сочувствую, — сказал коп. — Он был с какими-то молодыми людьми; они убежали, как только заметили нас. Я думаю, собирались его ограбить.
— Ясно, — произнес Тейтум. — Спасибо вам, патрульный.
Коп взглянул на столик, где лежал "Глок".
Тейтум откашлялся:
— Я — федеральный агент. Мое удостоверение в спальне, если вы хотите…
— Всё в порядке, — коп кивнул. — Позаботьтесь, чтобы он оставался дома, сэр. Ему не следует бродить одному в два часа ночи. Это опасно.
— Вы правы, патрульный. Спасибо. Дедушка, ты слышал?
— А Молли спит? — дрожащим голосом спросил Марвин.
— Спокойной ночи, сэр, — сказал коп и пошел прочь, пока за ним закрывали дверь.
Тейтум и его дед молча смотрели друг на друга, пока шаги полицейского не затихли.
— Да чтоб тебя, Марвин! — взорвался Тейтум, едва коп оказался за пределами слышимости. — Что это за херня?
— Ну, а что я должен был делать? — спросил Марвин, выпрямившись и уже без растерянного выражения на лице. — Я не могу бегать с такой скоростью, как молодежь. Или ты предпочтешь, чтобы меня арестовали за покупку наркотиков?
— Я предпочту, чтобы ты вовсе не покупал никаких наркотиков, — ответил Тейтум. — А за каким хреном ты вообще покупал наркотики? Тебе восемьдесят семь.
— Я не для себя. Они для Дженны, — сказал Марвин, направляясь в глубь квартиры.
— Кто такая Дженна?
— Одна моя знакомая.
— И где ты с ней познакомился?
— За игрой в бинго.
Тейтум прикрыл глаза и сделал глубокий вдох.
— И сколько лет этой Дженне?
— Восемьдесят два, — крикнул Марвин из кухни. — Но она очень боевая.
— Да уж не сомневаюсь, — пробормотал Тейтум, идя следом за своим дедушкой. — Ну, если Дженне восемьдесят два, кокаин ей тоже ни к чему.
— Тейтум, в нашем возрасте мы можем делать все, что пожелаем, — сказал Марвин. — Я приготовил чай. Хочешь?
— Я хочу пойти спать.
— У тебя все равно самолет через пару часов, — заметил Марвин.
— Ага. Слушай… насчет этого. Постарайся, чтобы тебя не арестовали в мое отсутствие. Мне нужно, чтобы ты позаботился о Веснушке.

— Не пойдет.
— Да я же ненадолго улетаю.
— Почему ты не отдашь этого кота в приют? Или… не знаю… выбросишь на шоссе?
— Тебя самого нужно отдать в приют, — проворчал Тейтум, взял чашку у Марвина и глотнул чаю. — Слушай, просто пригляди, чтобы у него была еда и он не разнес весь дом. Мы только переехали. И не дай ему сожрать рыбку.
— Какую рыбку?
— Которая плавает в миске в гостиной. Кстати, купи для нее аквариум. Я оставлю деньги.
— У нас есть рыбка?
— Ага. Рыбк. Его зовут Тимоти, и, похоже, он мерзавец. Из вас с ним выйдет хорошая пара. Только береги его от Веснушки.
— Это животное меня ненавидит.
— Он всех ненавидит, — заметил Тейтум. — Возможно, если ты перестанешь кидать в него тапки…
— Как только он перестанет на меня бросаться, я тут же перестану кидать тапки.
Веснушка прокрался на кухню, уставился на Марвина и угрожающе зашипел.
— Прекращай это дело, — сказал Тейтум коту. — Мне нужно, чтобы в мое отсутствие вы оба вели себя хорошо.
Кот и старик уставились на него одинаково круглыми и невинными глазами.
Тейтум вздохнул:
— И кормите эту проклятую рыбку.
* * *

Когда Тейтум увидел Сэмюеля Мартинеса из полиции Чикаго, его покорили усы этого человека. Тейтум пожал Мартинесу руку, мысленно примеряя их на себя. Усы были ухоженными и густыми, в стиле Тома Селлека
[3]
, и придавали рту их хозяина ауру важности. Очки в толстой оправе, обрамлявшие глаза лейтенанта, лишь усиливали излучаемую мужчиной серьезность. Тейтум подозревал, что если он сам попытается задекорировать лицо подобным образом, то будет похож на преподавателя-извращенца, который спит со своими учениками. Некоторые виды усов уместны на лицах других людей, но Тейтум так и не смог отыскать те усы, которые будут уместны на его лице.

— Агент Грей, рад, что вы смогли приехать, — сказал лейтенант.
Они стояли у входа в Главное управление полиции Чикаго, где располагался центральный следственный отдел. Повсюду были люди, копы и штатские, и в воздухе висел слабый гул множества разговоров, сливающихся воедино. Голос Мартинеса без труда прорезал этот шум; его речь была отрывистой и весомой.
— Пожалуйста, пройдемте со мной.
Они поднялись на лифте на два этажа, прошли по коридору и оказались в переговорной комнате. Посредине стоял большой белый стол, вокруг которого сидели с полдюжины людей. На стенах висело несколько досок: где-то нарисованы хронологические графики, где-то прикреплены фотографии. На стене слева от Тейтума была большая карта Чикаго; две точки отмечали красные кружки, нарисованные маркером.
— Это оперативная комната для расследования дела Гробовщика-Душителя, — пояснил Мартинес. — Входите, пожалуйста.
— Гробовщика-Душителя? — переспросил Тейтум, подняв бровь.
— Так его стали называть газеты, — сказал Мартинес. — Пару дней назад какой-то журналист вылез с этим названием, а остальные тут же подхватили его.
— Интересно, с чего бы, — пробормотал Тейтум.
Мартинес познакомил его с собравшимися. Пятеро были детективами. Шестой, пожилой мужчина с курчавыми волосами и множеством старческих пятен, оказался доктором Рубеном Бернстайном.

— Бернстайн подключился к нашей группе три дня назад, вскоре после того, как мы нашли второе тело, — сказал Мартинес. — Он — опытный специалист по профилированию и уже оказал нам огромную помощь.
— Рад это слышать.
Тейтум кивнул и пожал Бернстайну руку. Рука старика была мягкой и оставила у Тейтума впечатление, будто он только что помял дохлую рыбу.
— Я так понимаю, у вас наметился какой-то прогресс? Когда мой шеф вводила меня в курс дела, она описывала ситуацию как крайне тяжелую.
— Ну, ситуация действительно мрачная, — угрюмо ответил Мартинес. — Люди напуганы. Эти тела были выставлены в общественных местах, их видели семьи с детьми. Но доктор Бернстайн заметно сузил круг подозреваемых, так что мы наконец-то добились определенных результатов.
— Хорошо, — сказал Тейтум. — Рад слышать, что вы двигаетесь в правильном направлении. Хотите сообщить мне последние сведения?
— Вы прочитали досье? — спросил Мартинес.
— Прочитал. Я здесь только для консультаций, но буду рад короткой сводке и оценке текущей ситуации.
— Разумеется. Присаживайтесь.
Тейтум взглянул на стол. Пятеро детективов сидели с одной стороны, доктор Бернстайн — с другой; и там и там было по нескольку свободных стульев. Тейтум уселся рядом с пожилым психологом.
— Это Сьюзен Уорнер, — сказал Мартинес, указывая на фотографию на одной из досок. Женщина лежала на траве; тело жесткое, окоченевшее, рот раскрыт. На ней было черное вечернее платье, один рукав оторван, подол задран до бедер. Ноги были босыми. Тело выглядело практически безупречно, кожа розовая, только левая ступня слегка раздута и покрыта черно-зелеными разводами.

> — Жертве двадцать два года. Она была найдена двенадцатого апреля этого года на берегу Фостер-Бич. Тело было забальзамировано, за исключением левой ступни, которая уже заметно разложилась. Уорнер была студенткой-искусствоведом, жила одна в Пильзене
> [4]
> . О ее исчезновении сообщил один из ее друзей за четыре дня до того, как обнаружили тело. Из-за бальзамирования время смерти трудно оценить, но, исходя из состояния ступни, судмедэксперт предположил, что она была мертва уже пять дней. Причина смерти — удушение. Мы нашли следы бальзамирующей жидкости и крови в ду́ше у нее в квартире. На теле есть признаки посмертного сексуального надругательства.

Тейтум внимательно слушал. Он уже дважды прочитал всю эту информацию, но хотел знать, на чем сосредоточится лейтенант.
— Вторая жертва, — объявил Мартинес, указывая на другую фотографию, — Моник Сильва.
Тейтум посмотрел на фотографию, которую впервые увидел в кабинете шефа Манкузо. Тело Моник Сильвы стояло на деревянном мостике над ручьем, опираясь на перила, будто глядя на воду. На Сильве были юбка, чулки и футболка с длинным рукавом; кожа сплошь серого цвета.
— Двадцать один год, проститутка, работала на Логан-сквер. Ее нашли неделю назад, седьмого июля. Мужчина, который назвал себя ее родственником, но известен как ее сутенер, сообщил об исчезновении Сильвы всего за день до обнаружения тела, но он утверждает, что девушка пропала как минимум неделей раньше. Причина смерти та же — удушение. На теле остались синяки, свидетельствующие, что перед убийством она была связана. И опять-таки есть признаки посмертного сексуального надругательства. Мы проверили свидетелей…
— Секунду, — прервал его Тейтум. — В ее доме тоже нашли следы бальзамирующей жидкости?

— Нет, но она жила не одна, — ответил Мартинес. — Мы полагаем, ее схватили на улице и увезли в какое-то другое место.
— О’кей, — Тейтум кивнул. — Вам известно, почему ее кожа посерела? Кожа первого тела выглядит намного лучше.
В документах об этом ничего не говорилось.
— По мнению судмедэксперта, убийца мог использовать бальзамирующую жидкость разного состава, — ответил Мартинес. — Естественный цвет кожи в первом случае объясняется наличием в бальзамирующей жидкости красной краски.
— Понятно, — сказал Тейтум. — Какие у вас есть следы?

— Убийца был осторожен, — пояснил Мартинес. — На теле Сьюзен Уорнер нет следов ДНК. У Моник Сильвы найдено заметное количество спермы, но она была проституткой, так что в этом нет ничего удивительного. В любом случае, CODIS [5] не дала совпадений.

Тейтум кивнул.
— У первого убийства абсолютно никаких свидетелей, — продолжил Мартинес. — Вторую жертву предположительно забрали прямо с улицы, и мы допросили связанных с ней личностей. Получили несколько описаний клиентов-мужчин, подходивших к жертве в последний вечер, когда ее видели на улице, — но все они очень общие. В квартире Сьюзен Уорнер мы обнаружили кучу отпечатков пальцев, минимум семи разных людей, однако отслеживание этих отпечатков ни к чему нас не привело.
— То есть ничего существенного у вас до сих пор нет, — заметил Тейтум.
Он почувствовал, как все присутствующие напряглись. Двое детективов мрачно смотрели на него, Мартинес поджал губы. Тейтум мысленно сделал заметку держаться поосторожнее с любыми замечаниями, которые могут быть восприняты как критика.
— Я хочу сказать, убийца как следует подтер за собой следы.
— Напротив, — прервал его гортанный голос доктора Бернстайна. — Я бы сказал, что убийца оставил нам достаточно четкий след.
Тейтум, скрестив руки, посмотрел на доктора.
— Я так понимаю, у вас есть ниточка?
— У меня есть описание, — сказал Бернстайн. — И, воспользовавшись им, детективы смогут отыскать убийцу.
— Отлично, — отозвался Тейтум. — Давайте послушаем.
Доктор встал и подошел к доске. Мартинес сел, явно собираясь внимательно слушать доктора.
— Убийца — мужчина, белый, ему около тридцати лет, — заявил доктор. — Он…
— Откуда вы знаете? — прервал его Тейтум.
— Что?
— Откуда вам известно, что он белый мужчина и ему около тридцати?

— Ну, на самом деле я ничего не знаю. Но вероятность очень высока, и нам необходимо сузить круг подозреваемых.

— О’кей. Что заставляет вас думать, что он, скорее всего, белый мужчина тридцати лет или около того?
— Что ж… — начал доктор, который, по-видимому, начал закипать. — Он мужчина, поскольку…
— Я знаю, почему вы считаете его мужчиной. Отлично. Почему белый?
— Почти все серийные убийцы — белые, — ответил доктор. — И здесь очень показательны сексуальные надругательства над белыми женщинами.
Тейтум невозмутимо слушал Бернстайна, но сердце у него ухнуло.
— Ясно, — сказал он. — А почему около тридцати?

— Мысли об убийстве не появляются у человека внезапно, — терпеливо ответил доктор. — Это результат весьма изощренных фантазий. Обычно проходят годы, прежде чем убийца решит перейти к действию, так что он не может быть слишком молод. А если он значительно старше тридцати, мы уже столкнулись бы с похожими убийствами.
— О'кей, — устало выдавил Тейтум. — Продолжайте.
— Он оставляет тела в общественных местах, явно демонстрируя свое превосходство над полицией, и наслаждается тем, что находится в центре внимания. Вероятно, он говорил с полицией, притворяясь свидетелем, либо каким-то иным образом вмешивался в ситуацию — приближался к семьям жертв, приходил на похороны и тому подобное. Он умен, наверняка окончил среднюю школу, возможно даже, учился в колледже. У него есть машина. Он явно хорошо знаком с практикой бальзамирования, и это приводит меня к предположению, что он работал или до сих пор работает в похоронном бюро. Он все тщательно планирует, заранее выбирая свои жертвы. Тот факт, что он каждый раз длительное время сохраняет тела, говорит о впечатляющем терпении. Он не женат, хотя, возможно, часто встречается с женщинами; обаятелен и хороший манипулятор.
— Это очень подробный портрет, — заметил Тейтум.
— По моему опыту, такой род убийств…
— Какому опыту?
— Прошу прощения? — оскорбленно переспросил Бернстайн.
— Вы сказали — по вашему опыту. Откуда появился этот опыт?
Доктор побагровел от злости.
— Молодой человек, — начал он, — я провел годы, изучая поведение серийных убийц. Я больше десяти лет являюсь экспертом-консультантом по этому вопросу. Я…
— Прошу прощения, — сказал Тейтум, подняв руки. — Как и вы, я занимаюсь консультированием полиции. Я привык не принимать на веру все, что мне говорят, — работа научила. Мои слова не подразумевали, что я ставлю под сомнение ваш впечатляющий послужной список.
Доктор нахмурился, явно подозревая, что над ним издеваются, но Тейтум уже обернулся к Мартинесу и детективам.
— Так чем же вы сейчас заняты? — спросил он.
— Исходя из психологического профиля, подозреваемый с высокой вероятностью работает в похоронном бюро, — ответил Мартинес. — Мы начали изучать сведения о сотрудниках похоронных бюро в районе, где действует убийца, ищем соответствие с остальными данными профиля.
— О'кей, — сказал Тейтум, потирая переносицу. — А кто-нибудь следит за теми местами, где были найдены тела?
Мартинес пожал плечами:
— Это общественные места. Там каждый день бывают тысячи людей.
— Но ночью там пусто, верно? — заметил Тейтум. — Я полагаю, именно в это время убийца и перенес туда тела.
— Ну… да. Но зачем нам…
— Серийные убийцы иногда возвращаются на место преступления, — сказал Тейтум. — Уверен, что доктор Бернстайн сможет пояснить зачем.
— Разумеется, — вступил в разговор доктор. — Это чрезвычайно распространенный феномен. Подсознательно многие серийные убийцы хотят, чтобы их поймали — отчасти из чувства вины, отчасти желая получить заслуженную известность.
Тейтум вздохнул.
— Лейтенант, спасибо, что ввели меня в курс дела. У вас найдется какое-нибудь местечко, где я смогу присесть и поработать с вашими последними документами? Мне нужно подготовить отчет. Вы же знаете, как работает Бюро.
Мартинес улыбнулся.
— Разумеется. В комнате нашей группы есть свободный стол. Пойдемте, я покажу вам. — Он обернулся к детективам. — Дана, вы сможете сами поделить сегодняшние точки? Мне нужен прогресс по похоронным бюро.
— Конечно, лейтенант, — ответила серьезная на вид женщина.

Мартинес вышел с Тейтумом и повел того по коридору. Как только они отошли на достаточное расстояние от комнаты, Тейтум остановился.
— Послушайте, — сказал он. — Ваш психолог бесполезен. Избавьтесь от него.
— Простите? — напрягшись, переспросил Мартинес.
— Я сомневаюсь, что у него есть хоть какой-то реальный опыт. Он…
— Доктор Бернстайн хорошо здесь известен, агент, — холодно сказал Мартинес. — В Чикаго он медиаэксперт номер один по серийным убийцам.
"Медиаэксперт. Ну конечно". Тейтум покачал головой.
— Послушайте, возможно, для медиа он годится, но…
— Агент Грей, вы специалист по профилированию?
— Каждый агент ФБР проходит обучение профилированию, — ответил Тейтум.
— Но вы когда-нибудь сами занимались профилированием?
— Нет, но…

> — А доктор Бернстайн занимался. Он лично допрашивал Джона Уэйна Гейси
> [6]
> и написал об этом книгу. Его часто привлекают в качестве судебного эксперта по делам об убийствах на почве секса. Поверьте, он знает о серийных убийствах больше, чем вам или мне доведется узнать.

— Серийные убийцы, лейтенант, возвращаются на место преступления не из-за вины или желания прославиться, что бы там ни думал ваш психолог, — раздраженно заявил Тейтум. — Они возвращаются, чтобы вспоминать преступление и мастурбировать. В любую ночь, хоть сегодня, ваш убийца может вернуться на одно из мест преступления, и если б вы поставили там…
— У нас нет столько людей, чтобы следить за местами преступления. Не обижайтесь, но именно поэтому я не решался подключить к расследованию Бюро. Вы врываетесь к нам, тянете расследование на себя, и все это с покровительственными манерами и в оскорбительном тоне. Что дальше? Станете рассказывать СМИ, насколько мы некомпетентны?
— Прошу прощения, — произнес Тейтум, в очередной раз извиняясь. — У меня была тяжелая ночь, и я практически не спал. Разумеется, вы правы. Я повел себя не лучшим образом. Уверяю вас, ФБР хочет, чтобы наши скоординированные действия способствовали вашей работе.
— В таком случае, возможно, им не стоило присылать вас, — ответил Мартинес.
Тейтум всем сердцем был согласен с этой мыслью.
* * *
Тейтум откинулся на спинку кресла и вздохнул. Ему было тесно, ощущения даже слегка отдавали клаустрофобией. Специальная группа, возглавляемая лейтенантом Мартинесом, была создана для расследования именно этих серийных убийств, и команду наспех собрали из детективов различных подразделений Бюро детективов полиции Чикаго. Назначенное им помещение тоже было выделено наспех. Для гостиной размер вполне приличный, но шестерым детективам плюс стол для доктора Бернстайна было довольно тесно. А теперь им пришлось выделить место еще и для Тейтума. Они справились, но место в итоге оказалось не особо уютным. Его стол стоял в углу комнаты, за спиной шкаф, справа кулер. Стоило Тейтуму хоть чуть-чуть отодвинуть кресло назад, он неизбежно с лязгом врезался в шкаф. День шел, детективы разговаривали друг с другом, перешучивались, потом вместе сходили пообедать, и все это время намеренно игнорировали Тейтума.
Ему внезапно захотелось быть одним из них. Как он вообще здесь оказался? Работа в агентстве, которое его не ценит, в отделе, где он никогда не желал работать, без единого друга, зато с начальником, который ему не доверяет.
Еще пригоршня жалости к себе… Отвратительно. Люди отдали бы левую почку, чтобы стать агентом ФБР, и правую, чтобы оказаться в Отделе поведенческого анализа. Хотя это контрпродуктивная идея. Наверняка наличие хотя бы одной работающей почки — обязательное требование для всех агентов ФБР.

Тейтум сохранил отчет, над которым работал. Весь день он изучал результаты аутопсии двух жертв, говорил с судмедэкспертом и обсуждал дело с детективами группы. В действительности группа пошла по верному пути — точнее, шла по нему три дня назад. Первым делом ему следует помочь им туда вернуться. И у него появилась смутная идея на этот счет. Он достал телефон, собираясь позвонить шефу, и увидел уведомления о четырех непрочитанных сообщениях. Открыл их, все четыре были от Марвина.

Где кошачья еда?

Не важно, уже нашел.

Это не кошачья еда, но ему понравилось.

По-моему, кот болен, его вытошнило в гостиной. Рыбка норм.

Тейтум застонал и написал в ответ, что кошачий корм в левом шкафчике на кухне. Он задумался, чем же Марвин накормил Веснушку, но потом решил, что от любого ответа почувствует себя еще хуже. Прокрутив список контактов, нашел Кристину Манкузо и нажал кнопку вызова.

Она ответила через несколько секунд:

— Алло?

— Это Тейтум.

Он огляделся. Комната была пуста; все детективы либо ушли по делам, либо отправились домой.

— Я знаю.

— Ну да, точно. О’кей, послушайте. Ребята здесь отличные. Старший группы, лейтенант, очень неплохо соображает, для расследования этих убийств они подобрали очень приличную команду и до недавнего времени неплохо справлялись.

— И что случилось дальше?

— Они пригласили психолога по профилированию.

— А.

— Этот мужик со скоростью пулемета выдает полный набор клише о серийных убийцах. Похоже, он — чикагский медиаэксперт по серийным убийствам, все детективы его знают и рады двигаться по его подсказкам. Он впустую тратит время и ресурсы расследования, а они ему за это платят.

— Вы им об этом сказали? — спросила Манкузо.

— Да, — ответил Тейтум, бездумно рисуя карандашом в блокноте, лежащем на столе. — Я сказал лейтенанту — и встретил холодный прием. Они очень напрягаются насчет Бюро, лезущего в их дела.

Манкузо пару секунд молчала.

— И как вы намерены продолжать?

Тейтум нарисовал грустную рожицу, потом стал тыкать карандашом в бумагу.

— Помните эту штатскую, которую вы пригласили в отдел? У нее впечатляющее досье, верно?

— Зои Бентли? Она работала по делу Джована Стоукса. Это расследование принесло ей определенную известность в СМИ. Кроме того, у нее степень по клинической психологии, и еще одна по юриспруденции, из Гарварда.

Тейтум понизил голос, хотя в комнате по-прежнему больше никого не было.

— Я думаю, ей стоит прилететь сюда, ослепить детективов своим послужным списком и убедить их избавиться от этого шарлатана. А потом она поможет мне подтолкнуть расследование в верную сторону.

— И чем она может помочь? — с легким удивлением спросила Манкузо.

— Обаянием и умными словечками профайлеров. У меня есть несколько по-настоящему годных идей насчет того, в какую сторону должно идти это расследование.
— Значит, вы хотите, чтобы она прилетела и поддержала вас?
— Они не станут меня слушать, потому что я — федерал. Но она — гражданский специалист, поэтому ее слова будут весить побольше.
— О’кей, — сказала Манкузо. — Я ее отправлю.
— Супер.
— Спокойной ночи, агент Грей, — произнесла шеф и отключилась.
Удивленный таким внезапным завершением разговора, Тейтум засунул телефон в карман. Потом посмотрел на нарисованную им печальную рожицу и после секунды размышлений добавил к ней очки и три волосинки.

Глава 6

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Это не сработало. Он надеялся, что она станет той самой, но уже чувствовал, как блекнет волшебство и усиливает свою хватку скука. Проснувшись с ней рядом, он больше не чувствовал прежнего прилива восторга и похоти. И это разочаровывало.
И отчасти, как он понимал, дело было в бальзамирующей жидкости.
Он неудачно подобрал состав. Тело было слишком жестким, цвет кожи — неидеальным. Возможно, ему следовало добавить больше краски для компенсации физраствора. Но он не знал, сколько именно, а в материалах, которые ему удалось найти онлайн, о таких подробностях говорилось слишком туманно.
Две ночи назад, в раздражении, он отвесил ей пощечину, и она вывалилась из кресла и упала на пол, по-прежнему согнутая в сидячем положении. Он в ярости выскочил из дома, захлопнув за собой дверь, и ездил по городу, зная, что, если представится возможность, он убьет кого-нибудь. Но все женщины, которых он встречал, держались парами или группами, а когда он подошел к одной шлюхе на улице, она сказала, что на сегодня закончила, а ее взгляд выдавал страх. Что она увидела в его лице, почему так испугалась? Ужаснувшись, он бросился к машине и стал разглядывать свое лицо в зеркале, но оно выглядело как всегда. Он поехал домой и снял напряжение в ванной.
Ничего, следующая будет лучше. Он разберется, как сделать ее более естественной. Может, линзы помогут… Нужно будет попробовать.
Но сначала ему нужно избавиться от этой.
Он поднял ее с пола, посадил обратно в кресло. Она уставилась на стол, определенно ощущая напряжение в их отношениях.
Он взял ее за руку, нежно погладил.
— У нас ведь были хорошие деньки, верно? — сказал, улыбаясь ей.
Он растягивал молчание. Как она должна реагировать? Он пытался припомнить все, что знал, все просмотренные фильмы, прочитанные книги.
Она заплачет.
Он взял ее левую руку и согнул в локте. Ему хотелось сделать все качественно. Непростая задача, но в конце концов он ухитрился пристроить ее ладонь на лицо. Взяв правую руку, согнул ее в той же манере, так что в результате все стало выглядеть так, будто она, всхлипывая, прикрыла ладонями лицо.
Она была прекрасна. В этот момент он едва не передумал, едва не сказал ей, что, возможно, им нужен еще один шанс; но он знал, что рано или поздно это кончится плохо для них обоих. Лучше молчать.
Он налил им по бокалу вина, за прежние времена. Она не притронулась к своему, так что он выпил оба. Потом помог ей встать и доволок до машины. Усадил ее на заднее сиденье. Она по-прежнему закрывала руками лицо, по-прежнему рыдала.

Трудные минуты для них обоих.
Он на секунду присел рядом с ней, пытаясь решить, куда она пойдет оплакивать их отношения.
Он знал одно отличное место.

Глава 7

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
СУББОТА, 27 СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА

Родители Зои говорили друг с другом очень тихо, едва слышно. Обычно мать было слышно за милю, поэтому Зои сразу обратила внимание на ее приглушенный голос. И, как только девочка сообразила, что разговор не предназначен для ее ушей, она замерла, намереваясь уловить каждое произнесенное слово. Стояла в коридоре, вне зоны видимости. Свет из кухни лился на пол коридора. По светлому пятну двигались тени — наверное, отец; он всегда ходит взад-вперед, когда волнуется.
— У них есть подозреваемые? — спросила мать.
— Эрл сообщил мне, мол, шеф полиции сказал, что есть, — ответил отец.
Он тоже говорил негромко, но у отца всегда был тихий голос, так что ему не приходилось особенно стараться.
— Но он, конечно, не сказал, кто именно.
— Бедняжка ее мать, — сказала мама Зои ломким голосом. — Можешь такое представить? Услышать, что…
— Я стараюсь не представлять.
— Она была… в смысле, он… ее изнасиловал?
Зои ни разу не слышала, чтобы ее мать произносила это слово, и звуки, слетевшие с материнских губ, заставили девочку похолодеть. Отец ничего не ответил. Он думает? Или кивает? Или качает головой? Ей нужно узнать. Она прокралась поближе к дверям, выхватив очертания лиц родителей. Они стояли почти вплотную друг к другу; мать оперлась на стол. Зои видела только профиль матери, но сразу поняла, что та сильно расстроена; губы кривятся, намекая на подавленные рыдания.
— Нам нужно поговорить с Зои, — сказал отец. — Ей следует знать…
— Однозначно нет, — прошипела мать. — Ей всего четырнадцать.
— Она все равно узнает, и лучше, чтобы она узнала об этом от нас.
Мать собиралась ответить, когда на кухню, мимо Зои, влетела — размытые очертания рук и ног, копна волос и нос — ее младшая сестра.
— Мы делаем оладьи? — крикнула она.
Даже в пять лет Андреа, как мать, имела только два уровня громкости: крик и сон.
Мать откашлялась.
— Твоя сестра проснулась?
Зои напряглась.
— Ага, она стоит в…
— Доброе утро, — быстро произнесла Зои, входя на кухню.
Плитки на кухонном полу были холодными, и у нее тут же замерзли ноги. Мать оперлась на кухонный столик, а отец стоял посреди кухни, за большим столом. Странно, но завтрака не было. По выходным мать Зои всегда готовила завтрак к пробуждению дочерей, но, похоже, эти выходные оказались необычными. Зои потянулась и нарочито широко зевнула.
— Хочешь, я помогу тебе с завтраком?
— Я хочу, чтобы ты оделась, — заявила мать, глядя на нее поверх крючковатого носа.
Зои достался материнский нос или, как она называла его в мрачном настроении, клюв. Хотя бы глаза у нее папины.
Мать фыркнула и добавила:
— Замерзнешь тут до смерти.

На Зои все еще была растянутая футболка и тонкие штаны, которые она надевала в качестве пижамы.
— Ладно, — сказала она.
Зои шла в ванную, когда услышала, как разговаривают родители. Теперь ее мочевой пузырь собирался взорваться, и холодные плитки лишь ухудшали дело. Она неловко поерзала.
— Ничего не случилось?
— Нет, — ответила мать, возможно, чуть поспешней, чем следовало. — Просто занимаемся субботним завтраком. Твоя сестра хочет оладьи. Ты тоже хочешь?
— Конечно, — ответила Зои. — Потом я пойду к Хизер, и…
— Ты останешься дома, — оборвала ее мать.
Зои нахмурилась.
— Но нам нужно сделать домашку по химии. Она на понедельник.
— Я отвезу тебя, — сказал отец.
— Я бы лучше на велике поехала. Погода классная, и…
— Я тебя отвезу.
Отец напряженно смотрел на нее, и его тон не оставлял места для споров.
— И я хочу, чтобы ты позвонила, когда соберешься домой. Я заберу тебя.
— Мам, я хочу оладьи, — заныла Андреа.
— А что случилось? — спросила Зои.
Родители молчали.
Наконец отец произнес:
— Там было…
— Ничего не случилось, — оборвала его мать, взглянув на Андреа, которая продолжала ныть. — Мы просто не хотим, чтобы ты бродила одна.
* * *
— Они нашли мертвое тело, — сказала ей Хизер, едва они оказались у нее в спальне. — Рядом с мостом на Уайт-Понд-роуд.
— А ты откуда знаешь? — спросила Зои.
— Я слышала, как папа утром говорил об этом с соседом. Сосед сказал, это была девушка и она была голая.
По шее Зои пробежали мурашки. Они с подругой валялись на кровати Хизер, вокруг торчало мятое постельное белье, повсюду валялась одежда. Комната Хизер всегда выглядела так, будто ее шкаф вскрыл торнадо. Хизер грызла кусок яблока, которое им нарезала ее мать. Задание по химии лежало нетронутым на столе, и там оно, похоже, останется до конца дня.
— А он сказал, кто это? Она из Мейнарда? — спросила Зои.
— Нет, — прошептала Хизер.
Она придвинулась к подруге, коснувшись рукой ее плеча. От Хизер слабо пахло шампунем и мылом, и Зои пожалела, что сама не приняла утром душ. Ей было неуютно валяться на чистых простынях — ноги наверняка перепачкались, когда она ходила дома босиком. Правда, Хизер вроде бы не возражала. Они всегда ели у нее на кровати, и она часто вываливала сюда содержимое корзины для белья, разыскивая какой-нибудь предмет одежды. Ну, если бы мать Зои меняла постель каждые три дня, как делает мама Хизер, возможно, она тоже не стала бы возражать, если она быстро испачкается.
Хизер немного напряглась.
— Господи, а вдруг это кто-то знакомый?
Перед глазами Зои тут же выскочила картинка. Мертвое, обнаженное тело Кэрри из школы лежит у моста, и вода плещется вокруг ее ног… Картинка была настолько живой, что Зои едва не разрыдалась. Почему она подумала о Кэрри? Почему она вообще это вообразила? Может, с ней что-то не так? Она закрыла глаза, стараясь выкинуть образ из головы.
— По-моему, все распсиховались, — сказала Хизер. — Сосед сказал моему папе, что он не выпустит своих детей из дома. Спорю, моя мама сделает то же самое. Запрет меня в доме. Мама иногда страшно психует.
— Мои не разрешили мне идти к тебе одной, — ответила Зои. — Они меня привезли.
Она уставилась в окно спальни Хизер. С кровати было видно только голубое небо и листву ближайшего дерева. Все такое спокойное и мирное…

Хизер покачала головой.
— Надеюсь, это скоро уляжется, — заявила она. — Не хочу, чтобы родители все время заглядывали мне через плечо.
Зои рассеянно кивнула, но у нее было ощущение, что скоро тут ничего не уляжется.
* * *
Шины велосипеда жалобно взвизгнули, когда Зои нажала на тормоз. Она остановилась у моста на Уайт-Понд-роуд; легкие жгло от напряжения. Этим утром мать разрешила Зои поехать в школу на велосипеде лишь потому, что опаздывала на работу, и взяла с нее обещание ехать вместе с Хизер, а после школы прямиком мчаться домой. Так Зои и намеревалась сделать.
Но не сделала.
Каждый раз, когда она встречала Кэрри в школьных коридорах, ее горло перехватывало от стыда и вины. Она чувствовала себя так, будто Кэрри знала, что Зои нарисовала себе картинку с мертвой и голой Кэрри в воде. Когда та улыбалась ей на физкультуре, Зои краснела и, вздрагивая, быстро отводила взгляд. Образ мертвой Кэрри неотступно преследовал ее, норовя выскочить в самый неподходящий момент. В конце концов Зои решила, что если она доедет до моста и сама посмотрит на это место, то сможет избавиться от жуткой картинки.
Она слезла с велосипеда и спустилась по заросшему травой берегу прямо к тихой реке Ассабет. Поверхность воды покрывала зеленая ряска, покачиваясь на маленьких, почти незаметных волнах. Так это здесь они нашли тело?
Зои знала, что тело было слегка прикрыто водой — по крайней мере, так говорили в школе. Прочие слухи бродили в бесконечных перешептываниях. Кто-то сказал, что перед смертью девушку изнасиловали. Кто-то другой сказал, что ее мучили, ее лицо было опухшим и в синяках. Ее руки были связаны за спиной. Ее порезали ножом. И от каждого нового слуха Зои чувствовала себя слабой, напуганной, беспомощной.
Сейчас она знала имя жертвы. Ее звали Бет Хартли, она работала секретаршей у местного бухгалтера-счетовода. Двадцать один год. Этим утром Зои увидела в газете ее фотографию. Лицо казалось знакомым. Может, они встречались на улице? Или в парикмахерской? Или в пиццерии? Вполне возможно. Мейнард — город маленький. В газете не было других подробностей; в ней лишь говорилось, что полицейское расследование продолжается.
Теперь, когда она стояла здесь и вода сверкала под лучами солнца, вся эта история казалась невозможной. Зои, даже постаравшись, больше не могла представить себе тело, лежащее в воде. Слишком гротескный, слишком чуждый образ.
Однако страх не отпускал ее… и в него затесалось что-то еще. Возбуждение. Нервная дрожь.
Что-то прошуршало в листьях у нее за спиной, и девочка резко обернулась; сердце колотилось как бешеное. Сзади ничего не было. Может, птица? Зои вздрогнула, хотя день был довольно теплым.
Стараясь избавиться от наваждения, она подобрала камушек и бросила его в воду. Тот ударился о водную гладь и исчез в глубине, ряска разбежалась в стороны. Зои залезла на велосипед и поехала домой.
Род Гловер, их сосед, возился на переднем дворе с садом; его белая рубашка промокла от пота. Пока Зои слезала с велосипеда, Род поднялся и помахал ей. В другой руке он держал садовые ножницы. Ножницы принадлежали матери Зои, и Род вечно их занимал.
— Привет, Зои.
Он улыбнулся и отер лоб. Рыжевато-каштановые волосы — сбоку коротко, сверху длинно — были растрепаны, но отлично подходили к яркой улыбке и веселому взгляду. Хотя Род был на десять лет старше Зои, с ним было легко и весело болтать. Он отличался придурковатым чувством юмора и талантом подражать знаменитостям и знакомым горожанам.
— Привет, — ответила она и тоже улыбнулась. — Как дела?
— Не жалуюсь. Из школы вернулась?
— Ага…
Зои замешкалась, чувствуя потребность с кем-то поговорить.
— Я заезжала к мосту Уайт-Понд-роуд.

— Не слишком по пути, а? — заметил Род, прислонившись к забору.
— Я просто хотела… ну, там они нашли ту девушку, ты же знаешь.
Он кивнул.
— Ага. Слышал.
— Ужас, что с ней случилось, — сказала Зои.
Род снова кивнул.
— Так и есть, — сказал он. — Ладно… ну как, вечера ждешь?
Она растерянно уставилась на него.
— А что вечером?
— Эм… ау? Это же вечер "Баффи", забыла?
"Баффи — истребительница вампиров". Род и Зои обожали этот сериал; они обсуждали каждую новую серию. Но настолько резкая смена темы покоробила Зои, и она промолчала.
Род сменил позу, подражая Джайлсу, одному из персонажей сериала. Его слова были приправлены британским акцентом Джайлса:
— Право, Зои, это второй сезон. Тебе нельзя отвлекаться. Сегодняшний эпизод чрезвычайно важен.
— Мне нужно идти, — оправдываясь, сказала она. — Ей было неуютно от попытки Рода рассмешить ее, учитывая обстоятельства. В последние дни никто не шутил. — Увидимся.
— Пока, — ответил Род.
Зои повернулась к двери. Уже заходя в дом, она оглянулась. Род ухмыльнулся ей и изобразил, как снимает воображаемые очки и протирает их, — еще одна привычка Джайлса.

Глава 8

ПОНЕДЕЛЬНИК, 18 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Мерный гул двигателей жужжал в ушах, пока Зои листала тонкую папку, не в силах избавиться от непрерывного звука. Это раздражало. Она подозревала, что на самом деле проблема вовсе не в авиационных двигателях. Зои ужасно не любила, когда ее выдергивают из начатой работы. Есть бесспорная радость в том, чтобы начать какой-то проект, а дальше смотреть, как он движется к завершению. Ее заворожило дело о шоссейных серийных убийцах. Оно всплывало в ее мыслях даже дома, и Зои искала в этих преступлениях почерки, стараясь выделить не один, а два профиля убийц.
А потом в субботу вечером ей позвонила Манкузо и сообщила, что Зои получила другое назначение. В Чикаго работает серийный убийца, и агент "на земле" попросил ее помощи. Хотя подробности этого дела были интригующими, Зои заметила, что смертность и общее число жертв в шоссейных убийствах значительно выше. Шеф согласилась с ней, а потом повторила, что Зои должна вылететь в Чикаго.
Манкузо переслала ей папку с документами по делу, но Зои положила ее на тумбочку, намереваясь немного отдохнуть перед полетом. Однако всего через три часа она проснулась от кошмара и не смогла заставить себя уснуть второй раз.
Зои читала отчет об аутопсии первой жертвы, Сьюзен Уорнер. Ее внимание сразу привлекла разложившаяся левая нога. Она уже сделала некоторые допущения, основанные на этом факте. И еще интересная подробность по поводу рта…
— Работаете в самолете, а? — спросил дружелюбный голос.
Зои закрыла папку и посмотрела на соседа. Мужчина средних лет, редеющие светлые волосы, загар — похоже, искусственный — и улыбка типа "вы будете меня обожать". Держа в руке стакан с виски, он взбалтывал его, растворяя одинокий кубик льда. Зои мысленно вздохнула, готовясь к тягостной задаче пустой болтовни.
— Да, — сказала она. — Хороший способ сэкономить время.
— Меня зовут Эрл Хэвишем.

— Зои.
— Я стараюсь не работать в поездках, — заявил он. — Знаете, это хорошее время для того, чтобы сосредоточиться на себе.
Зои кивнула, едва удержавшись от замечания, что прямо сейчас он явно сосредоточен не на себе.
— Ну, а я люблю работать в поездках, — сказала она и открыла папку, надеясь, что на этом всё.
Смерть наступила за несколько дней до того, как нашли тело, но место, где его обнаружили, было общественным. Что убийца все это время делал с телом? Еще есть порванное платье, и оно…
— Я вообще-то побаиваюсь летать, — сказал Эрл.
Он взглянул на содержимое папки, где на первой же странице красовалась надпись "Отчет об аутопсии". Раздраженная Зои снова закрыла папку.
— Поэтому я пью, — продолжил он.
— Угу, — отозвалась Зои; хватит уже с нее вежливости.
— Я работаю техническим писателем в одном стартапе из Кремниевой долины.
— Звучит интересно.
— Ну… не так интересно, как вы думаете.
Он говорил абсолютно серьезно. Или там все же был легкий намек на сарказм? Нет, не похоже.
— А чем вы занимаетесь?
— Я психолог-криминалист.
— Ого!
Его взгляд вильнул в сторону, тело напряглось.
Типичная реакция на ее профессию. Некоторые люди опасались психологов, подозревая, что становятся объектом непрерывного анализа. И почти все напрягались, услышав слово "криминалист", поскольку сразу начинали думать о трупах. Сочетание этих двух слов резко заканчивало многие разговоры — именно то, что ей сейчас нужно.
Когда люди спрашивали, что же это значит, она объясняла, что в основном анализирует преступления, пытаясь получить в результате психологический портрет, или профиль, преступника. Это помогает следователям сузить круг подозреваемых от "все люди в мире" до небольшой группы, с которой можно работать. Зои всегда объясняла это очень осторожно, избегая терминов "серийные убийцы", "преступления на почве секса", "профили жертвы", "место преступления" и прочих, от которых слушатели начинали нервно ерзать на стульях.
— И вам это нравится? — наконец спросил Эрл.
— Бывают яркие моменты, — отрывисто и недружелюбно ответила она.
Прищурившись, уставилась на соседа. Ей много раз говорили, насколько у нее пронизывающий взгляд. Может, его хватит, чтобы этот тип заткнулся…
Зои в третий раз открыла папку и перелистала страницы до второй жертвы. Рот последней был зашит черной нитью. Это имеет какое-то значение? Возможно, маньяк убивал их, чтобы…
— Так куда вы собираетесь, когда мы приземлимся? — спросил Эрл, подавшись к ней и понизив голос.
Зои захлопнула папку и стиснула челюсти.
Он наклонился еще ближе:
— Мне нужно в филиал моей компании в Гого-билдинг. Но до десяти меня там не ждут, так что…
— Тогда вам стоит воспользоваться этим временем и найти женщину, которой будет интересно услышать, сколько раз вы разочаровали свою мать, — сказала Зои. — Если вам повезет, она не заметит силуэт обручального кольца у вас в кармане… кстати, симпатичный загар на пальце. Хорошо, что вы не забыли снять кольцо до того, как вас обрызгали. А потом вы, возможно, займетесь с ней сексом, и тогда будете меньше переживать насчет той деловой встречи.
Кое-что из этого было догадками. Всякий ребенок тем или иным образом разочаровывает свою мать. Банальный трюк из приемной психолога. Но, судя по ярости в его взгляде, Зои

попала в точку по каждому пункту — даже с деловой встречей. Разговор начинал ей нравиться.
— Сука, — пробормотал он, отвернувшись.
— Ох, Эрл, — произнесла она, улыбаясь. — Это не лучший способ разговаривать с человеком, который работает на ФБР.

Глава 9

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 18 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Сначала Тейтум решил, что Зои может и сама добраться из аэропорта до штаб-квартиры, но в последний момент передумал. Нужно переговорить с ней до того, как она встретится с лейтенантом Мартинесом и его фальшивым психологом. Лучше заранее убедиться, что их позиции согласованы. Пока Тейтум ждал, он позвонил Марвину проверить, все ли у старика хорошо.
— Разумеется, нет, Тейтум. Ты оставил меня заботиться о своем чудовищном создании. Он уже дважды меня расцарапал.
— Ладно, а как дела помимо Веснушки? Ты хорошо себя чувствуешь? Не забываешь принимать таблетки?
— Тейтум, я принимаю эти таблетки девять лет. Ты что, думаешь, от твоего отъезда в Чикаго у меня сразу начнутся проблемы с памятью? Разумеется, я помню о таблетках.
— Хорошо. А как насчет…
— Я перестал принимать голубые. Я тебе об этом говорил. От них у меня в горле зудит.
— Что? Когда?
— На прошлой неделе. Тейтум, я говорил тебе. Ты что, не помнишь?
— Ты ничего не говорил мне о таблетках, — сказал он, чувствуя, как у него внутри похолодело. — Ты советовался с доктором Нассаром?
— Не-а, ни к чему. Я поговорил с Дженной.
Тейтум пару секунд вспоминал, кто такая Дженна. А, точно, подружка деда с пристрастием к кокаину.
— Она врач?
— Нет, но у нее год назад была та же проблема. Ее доктор выписал ей другие таблетки. У нее остались лишние, и я перешел на них.
— Марвин, так нельзя делать. Поговори с доктором Нассаром…
— Тейтум, Нассар — занятой человек. А эти зелененькие отлично действуют и без побочных эффектов.
— Какие зелененькие?
— Которые дала мне Дженна.
— Эти таблетки как-то называются? Что ты принимаешь?
— Я не помню, Тейтум, но это отличная штука. Дженна мне сказала. У нее были те же побочные эффекты, и…
Тейтум заметил Зои в гуще сотен людей, покидающих терминал. Она быстро шагала к выходу, волоча за собой серый чемоданчик.
— Слушай, мне нужно бежать. Принимай свои чертовы таблетки, и голубые тоже, даже если от них зудит в горле. И не бери таблетки у Дженны. И позвони доктору Нассару. Он выпишет тебе все, что нужно.
— У меня есть все, что мне нужно.
— Если ты не позвонишь ему, я позвоню сам.
— Тейтум, ты жуткая вредина.
— Принимай таблетки. И не забудь покормить рыбку. Пока.
Тейтум отключился и поспешил за Зои. Нагнав женщину, постучал ей пальцем по плечу.

— Доктор Бентли, — поздоровался он с улыбкой, стараясь на время выбросить из головы Марвина и зелененькие таблетки.
— Агент Грей. Я думала, мы встретимся в управлении полиции.
— Ага, но я сообразил, что могу вас подбросить. Я вчера взял в прокат машину, так что такси не понадобится.
— Спасибо. Это очень предусмотрительно.
Похоже, она настроена бодро. Наверное, рада возможности хоть ненадолго выбраться из кабинета. Теперь Тейтум уже не так переживал, что выдернул ее в Чикаго.

— Хотите сначала перекусить? — спросил он. — Недалеко отсюда есть местечко под названием "Блинный дом Хиллари", на "Йелпе"
[7]
о нем отличные отзывы.

— Конечно, — ответила Зои, глаза ее сверкнули. — Я готова убить за чашку кофе.
— Тогда поехали. Хотите, возьму ваш чемодан.
— Спасибо, я справлюсь.
До "Блинного дома Хиллари" они доехали быстро. До часа пик оставалось совсем немного; Чикаго еще просыпался. Снаружи блинная несколько разочаровывала: грязноватое строение с темными окнами, на вывеске рядом с названием изображение женщины, со зловещей ухмылкой несущей сверкающую тарелку оладий. Однако внутри заведение выглядело несравненно лучше. Интерьер по большей части был деревянным и излучал ощущение домашней атмосферы. Смесь запахов разогретого масла и свежезаваренного кофе заставила желудок Тейтума забурчать от голода. Блинная была наполовину заполнена, в основном мужчинами и женщинами, одетыми для офисной работы с девяти до пяти, и парой сонных копов, у которых, скорее всего, подходило к концу ночное дежурство.
— Доброе утро, — бодро прощебетала официантка, едва они уселись, и выложила на столик меню.
Девушка была молодой, светлые волосы стянуты в хвост, и Тейтуму приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы смотреть ей в лицо, а не пялиться на грудь под тесной форменной одеждой. Взгляд все равно неудержимо сползал вниз, так что в конце концов Тейтуму пришлось сосредоточиться на ее носе.
— Если вам нужно немного подумать…
— Кофе, пожалуйста, — сказал Тейтум, пока официантка не сбежала. — И еще… — Он взглянул в меню и остановился на первом же годном варианте. — Блинчики с яблоками и специями.
— В этом блюде есть орехи. Это не страшно?
— Абсолютно.
— А мне, пожалуйста, бекон и яйца, — сказала Зои. — Яичница-глазунья, а бекон поджарьте до хруста.
— Хорошо. И вам тоже кофе?
— Да. Самый крепкий. И насчет бекона — чем сильнее будет хрустеть, тем лучше.
Официантка одарила их последней зубастой улыбкой и отошла.
— Как ваш перелет? — спросил Тейтум у Зои.
— Мужик, который сидел рядом, пытался снять меня и, когда не вышло, стал не очень приятным, — ответила она. — Но в остальном все отлично.
— Простите, что я вот так вытащил вас в Чикаго, но мне очень пригодится ваша помощь.
— Все нормально. Это дело прямо завораживает.
— Ну, — промямлил Тейтум, несколько растерянный ее выбором слов, — оно определенно необычное.
— Я хочу сказать, тут самое интересное — мышление. У этого парня очевидная склонность к некрофилии, а бальзамирование лишь усложняет сексуальный акт, поскольку…
— Может, нам стоит поговорить об этом попозже, не в таком публичном месте? — торопливо предложил Тейтум.
Увлекшись, Зои заговорила заметно громче. Женщина за соседним столиком звякнула вилкой о тарелку и с отвращением посмотрела на них.

— О’кей.
Бентли кивнула и замолчала. Не слишком разговорчива, если только речь не идет о серийных убийцах.
— Я нашел симпатичный и чистый мотель недалеко от полицейского управления, — сказал Тейтум. — Взял на себя смелость забронировать для вас комнату на ночь. Это годится, или вы хотите поискать другой мотель, или…
— Это прекрасно, спасибо, — ответила Зои.
Он кивнул, она кивнула в ответ. Он выдавил улыбку, она вернула ее. Потом наступило неловкое молчание.
— Я так понял, вы недавно в ОПА, — сказал Тейтум. — Слышал, до недавнего времени вы были в Бостоне…
Зои кивнула.
— Я несколько лет работала там консультантом ФБР. Но Манкузо нацелилась затащить меня в ОПА, и, честно говоря, такая работа — мечта любого психолога-криминалиста, так что я не особо сопротивлялась.
— Все ясно… У вас в Бостоне семья?
— Сестра жила там, — ответила Зои. — Но она переехала со мной в Дейл.
— Правда? — переспросил Тейтум, подняв брови. — У вас с ней такие близкие отношения?
— Ага. И она сказала, что хочет сменить обстановку. Она терпеть не может Бостон. У нее там были неудачные отношения.
Похоже, Зои не хотелось обсуждать эту тему, и Тейтум просто кивнул, решив не углубляться в подробности.
Она откашлялась.
— А что у вас? Как вы попали из Лос-Анджелесского отделения в ОПА?
— Ну… — пробормотал Тейтум. — Сам толком не знаю. Наверное, в каком-то смысле повышение.
Официантка вернулась, поставила перед ними тарелки и чашки кофе. Тейтум с радостью засунул в рот блинчик, избавившись от необходимости говорить о своем "повышении". Не переставая жевать, посматривал, как Зои справляется со своей едой. Она отделила кусок тоста, потом отломила кусочек бекона и наколола оба на вилку. Потом аккуратно обмакнула "счастливую парочку" в яйцо и, подняв вилку, изучила еду, будто особь редкого вида. Наконец засунула порцию еды в рот, пару раз прожевала и, закрыв глаза, выдохнула через нос.
— Ну как… хорошо? — спросил Тейтум.
Зои продолжала жевать, потом проглотила.
— Хорошо, — отозвалась она. — Но я люблю бекон чуть прожаренней.
Она отрезала кусочек яичного белка, положила сверху хрустящий ломтик бекона и аккуратно поднесла ко рту. Зои явно не относилась к быстрым едокам. Похоже, они тут пробудут какое-то время. Тейтум попытался притормозить. Он съел уже треть своей порции, а она за это время справилась только с двумя кусочками.
— Да, так по поводу расследования, — начал агент, решив перейти к безопасной теме — работе. — Парни, которые работают по этому делу, привлекли местного профайлера. Некоего доктора Бернстайна.
Зои скорчила гримасу, как будто он упомянул какую-то мерзкую кожную болезнь.
— Хм, — пробормотала она.
— Вы его знаете?
— Видела пару раз по телевизору.
— Мне не кажется, что он хороший специалист, — сказал Тейтум. — У меня есть некоторые мысли насчет расследования, а следователи плохо воспринимают их из-за этого мужика.
— О’кей.
— Я прикинул так: вы появляетесь и поражаете их своим послужным списком. Вы — штатская, так что они воспримут вас полюбезнее. А потом немного поддержите меня, и мы сможем двинуть расследование в правильную сторону.
— О, — выдохнула Зои. — Вы очень тщательно всё спланировали. И у вас есть идея.
— Несколько, — подтвердил Тейтум.

— И вы просите меня помочь избавиться от соперников.
— Ну… — Он замешкался. — И выслушать ваше мнение, разумеется.
— Разумеется.
Похоже, где-то он оступился. Тейтум попытался исправить ситуацию:
— Я слышал, вы отлично поработали в деле Стоукса.
— Правда? — равнодушно переспросила Зои. — Я рада. Кто бы мог подумать… Возможно, когда-нибудь я даже сравняюсь с настоящим агентом ФБР.
Тейтум вздохнул. Кажется, последнее время с людьми у него не ладится.

Глава 10

Дэн Финли получал от пляжа намного меньше удовольствия, чем рассчитывал. Во-первых, какой-то сопливый малыш рыл рядом огромную яму, отбрасывая песок через плечо и абсолютно не обращая внимания, есть ли кто рядом. Две пригоршни песка уже приземлились на пляжную подстилку Дэна. Он мог бы что-нибудь сказать, но это совершенно не его дело — дисциплинировать чужих детей или учить родителей быть родителями. В нынешние времена люди дают детям жизнь, но не собираются отвечать за них. Вместо этого они выталкивают детей в общество, а потом жалуются на рост преступности или безработицы.
Дэн грустно покачал головой и перевернулся на живот, подставив солнцу спину. Если уж прогулка на пляж не радует, пусть хотя бы загар будет хорошим. Будем надеяться, что солнцезащитный крем задержит все вредные части ультрафиолета, а пропустит только полезные для загара. В нынешние времена косметические компании снижают издержки, совершенно не думая о последствиях. Видно, дешевле обзавестись хорошими юристами и отбиваться от медицинских исков, чем производить качественный крем.
Мысль о раке обеспокоила Дэна. Когда он проснулся сегодня утром, солнце приглашало, заманивало. А сейчас оно больше походило на раскаленный роковой шар, рассыпающий по коже опухоли. Дэн встревоженно сел и натянул рубашку. Оно того стоит? Умереть от рака в сорок лет только ради хорошего загара?
Точно нет. В нынешнее время люди думают лишь о настоящем, забывая о будущем. Важнее здоровья у него ничего нет.
Женщина слева от него по-прежнему сидела и всхлипывала. Она сидела там уже битый час, и Дэн как мог старался ее не тревожить. Он заметил, что она плачет, только когда уселся сам, иначе выбрал бы другое место на пляже. Сидеть рядом с плачущим человеком — исключительно депрессивное занятие. Как ему радоваться, если в десяти футах от него рыдает девица…
Возможно, правда, она вовсе не плакала. Сидела на песке, закрыв лицо руками. Со стороны все выглядело так, будто она плачет. Но не исключено, что просто уснула. Вообще, если подумать, она совсем не двигалась с тех пор, как он здесь сел.
Может, она плачет, надеясь на помощь… Рыдает на пляже и ждет, вдруг кто-нибудь подойдет и спросит у нее, что случилось… Конечно, никто не подошел. В нынешние времена ты можешь залезть на небоскреб и угрожать, что спрыгнешь, а все прохожие будут снимать тебя на видео для своего канала на "Ю-тьюбе", и только. Никакого сочувствия. Он был глубоко возмущен.
Дэн медленно встал и подошел к женщине. Та выглядела больной — кожа совсем белая, почти серая… Может, у нее какое-то кожное заболевание? Тогда ей не следует вот так сидеть на солнце. Она хоть намазалась кремом? Рядом с ней не было ни сумки, ни подстилки. Она просто сидела на песке, одетая в желтую футболку с длинным рукавом и юбку.
— Прошу прощения… мисс? С вами всё в порядке? — спросил он.
Она не шевельнулась. Не ответила. Дэн едва не вернулся на свое место. Она не хочет, чтобы ее тревожили. Но что-то тут выглядело… странно. Ей нужна помощь, он в этом уверен.

— Мисс? У вас все хорошо? Вы не хотите пить? — спросил Дэн и присел рядом с ней. — Мисс?
Положил руку ей на плечо.
Оно было твердым, как камень, жестким и холодным. Внезапно он заметил, что вокруг шеи у нее явственно видна темная ссадина, кожа серая, и она совсем не шевелится. Даже не дышит.
— Блин! — отшатнувшись, взвизгнул он.
Эта девушка была мертва.

Глава 11

Тейтум попытался исправить свою ошибку — Зои пришлось отдать ему должное, — но она была в ярости и не настроена на примирение. Она занималась важным делом в Квантико, а он выдернул ее, по сути, на роль ведомого. Зои хранила ледяное молчание до конца еды и далее, вплоть до управления полиции, где Тейтум торопливо провел ее в оперативную комнату группы и познакомил с лейтенантом Мартинесом.
— Приятно познакомиться, — сказал лейтенант, пожимая ей руку. — Не знал, что ФБР собирается прислать еще одного агента… Просто не представляю, куда вас посадить. Когда я просил помощи Бюро, я не имел в виду…
— Я не федеральный агент, — быстро сказала Зои, входя в предложенную роль. — Я психолог-криминалист. И прилетела ненадолго; меня не нужно никуда усаживать. Мне просто интересно, что доктор Бернстайн думает об этом деле. Я заинтригована этим убийцей.
— Правда? — сказал Мартинес, подозрительно поглядывая то на нее, то на Тейтума. — Вы знакомы с доктором Бернстайном?
— Как и большинство моих коллег по профессии, — ответила Зои, мило улыбаясь Мартинесу. — Он хорошо известен. Я практически уверена, что и он обо мне слышал, так что у нас будет интересное обсуждение. Возможно, к концу мы придем к каким-то новым умозаключениям.
— Я спрошу его, — сказал Мартинес.
Зои дожидалась завершения разговора лейтенанта. Он явно заподозрил, что с ее помощью Тейтум хочет избавиться от местного профайлера. Дешевая уловка, практически очевидная. Но раз уж Зои здесь, она может сделать свою работу.
— О’кей, отлично. Увидимся там, — сказал лейтенант и, спрятав телефон, обернулся к Зои и улыбнулся ей. — Вы правы. Доктор Бернстайн слышал о вас и предвкушает возможность обсудить это дело с вами. Он только что вошел в здание. Давайте встретимся с ним в переговорной. Я позвоню остальным детективам…
— Не стоит пока тратить их время, — торопливо произнесла Зои. — Я думаю, сейчас хватит нас четверых — по крайней мере, чтобы запустить работу. Возможно, потом мы организуем большую формальную встречу.
— Ну, потом они могут быть на выезде, — нахмурившись, заметил Мартинес. — Ладно, пойдем в переговорную и послушаем, что думает доктор.
Зои последовала за мужчинами в комнату дальше по коридору. Доктор Бернстайн уже сидел за длинным столом и просматривал свои заметки. Зои знала этого человека, она несколько раз видела его по телевизору. Похоже, он выскакивал всякий раз, когда в фокусе СМИ оказывался серийный убийца. И Бернстайн был не единственным. Целая группа так называемых экспертов обожала давать интервью, позволяющие продемонстрировать свои обширные познания в области психологии серийных убийц. И этих "экспертов" нельзя было признать безвредными. Разносчики ошибочных представлений и истерии среди обычных людей, они зачастую меняли ход расследований. Совсем как сейчас.
— Доктор Бернстайн, — улыбнулась Зои, изображая восхищение. — Большая честь наконец-то встретиться с вами.
— Спасибо, — ответил мужчина.
Он встал, чтобы пожать ей руку. Его рукопожатие было слабым, вялым.

Зои, продолжая улыбаться, села.
— Итак, мне очень интересно, что же вы можете сказать насчет этого… Гробовщика-Душителя.
— Возможно, вы предпочтете начать наше обсуждение с чистого листа? — спросил доктор, усаживаясь обратно. — Чтобы мое мнение не повлияло на ваше.
Зои позабавила мысль, что идеи Бернстайна могут как-то повлиять на нее. Она взглянула на Тейтума и Мартинеса, которые тоже подсели к столу.
— Я не хочу зря терять время. Вы явно потратили много сил на это дело, так давайте начнем с того, что уже есть.
— Хорошо, — согласился Бернстайн и снова встал. — Что ж, наш объект — мужчина, скорее всего, белый, ему около тридцати лет…
— Полностью согласна, — заметила Зои, кивая.
Бернстайн скромно улыбнулся и метнул победоносный взгляд в сторону Тейтума, который сидел с непроницаемым лицом, сжав зубы.
— Строго говоря, — продолжила Зои, — я бы сказала, что он белый с вероятностью шестьдесят три процента, черный — с вероятностью всего двадцать процентов и латиноамериканец — с вероятностью шестнадцать.
Доктор растерянно моргнул.
— А откуда такая точность? — поинтересовался лейтенант Мартинес. — Как вам удалось…
— Это распределение по населению Соединенных Штатов, — пояснила Зои. — Выбор случайного человека будет соответствовать этим вероятностям. Я полагаю, именно это и имеет в виду доктор, поскольку не существует другого способа определить, что он белый. Серийные убийцы достаточно равномерно распределены по всем расам.
— Я имел в виду нечто другое, — заявил доктор, поджав губы. — Как я указывал в двух своих книгах…
— Простите, — извиняющимся тоном прервала его Зои. — Я не читала ни одной из ваших книг.
На мгновение повисла тишина.
Потом доктор откашлялся и, отвернувшись от Зои, обратился к Мартинесу:
— Ну, будь у доктора Бентли мой опыт, она согласилась бы, что он выбирает белых жертв, и это свидетельствует о…
— У нас есть две жертвы, — сказала Зои. — И мы пока не знаем, как он их выбирает. Известны белые, которые убивали исключительно черных женщин, и наоборот.
Она теряла выдержку. Ее задел укол насчет опыта.

> — Легко теоретизировать на этот счет, — заявил Бернстайн. — В конце концов, вы только недавно получили степень. Сколько времени вы занимаетесь криминальной психологией, будучи агентом… Прошу прощения, я имел в виду, будучи консультантом
> ?

Зои вспыхнула и улыбнулась, оскалив зубы.
— Несколько лет. А сколько было дел, в которых вы занимались профилированием? Я имею в виду, помимо интервью в СМИ.
— Вы согласны с заключением доктора по поводу возраста преступника? — спросил Мартинес, чуть повысив голос.

> — Возможно, это верная оценка, — ответила Зои. — Но я не собираюсь считать ее фактом. Монти Риссел
> [8]
> начал насиловать женщин, когда ему было четырнадцать. А вскоре после этого он перешел к убийствам. Кстати, Риссел — хороший пример серийного убийцы, который охотился как на белых, так и на черных женщин. Верно, доктор?

— Ну, да… э… — растерянно промямлил Бернстайн.

— Я считаю, мы уверенно движемся вперед, — объявила Зои. — Продолжайте, пожалуйста.
— Ну… он оставляет тела в общественных местах, демонстрируя свое превосходство над силами правопорядка и наслаждаясь известностью. Он…
— Он посылал какие-нибудь письма прессе или полиции? — спросила Зои.
— Нет, — ответил Мартинес.
— Тогда откуда вы знаете, что это не часть его фантазий, наслаждение опасностью? Или эти конкретные места что-то для него значат… Я не вижу в данных преступлениях никаких признаков того, что убийца ищет известности или играет в кошки-мышки. Он выбирает общественные места, это верно, но ночью эти места абсолютно безлюдны и там нет камер видеонаблюдения. И позы тел имеют для него какое-то значение. Возможно, с этим значением и связан выбор места.

— Это ваша интерпретация, — возразил доктор. — Но…

— Что ж, раз у нас есть две противоречащие друг другу интерпретации, мы не можем полагаться на одну из них, пока не докажем, что другая ошибочна, — твердо ответила Зои.
— О’кей, — сказал Мартинес, подняв руку в попытке унять слишком жаркую дискуссию. — Возможно, нам следует начать с той точки, с которой мы определенно согласны. Доктор Бернстайн сказал, что поскольку этот человек знаком с процессами бальзамирования, он, скорее всего, раньше работал в похоронном бюро. Я однозначно с этим согласен, и…
— Почему? — спросила Зои.
— Почему? — сердито переспросил Мартинес, глядя на нее. — В каком смысле?
— Почему вы согласны? Вы искали подозреваемого в похоронных бюро до того, как профилированием занялся доктор Бернстайн?
— Ну, нет, но это рассуждение звучит вполне логично и…
— Да, звучит, — перебила его Зои, решившая, что с нее хватит. — Что угодно будет звучать логично, если это произносит человек с культивируемой аурой знания. И однозначно, когда он пожилой, седовласый и регулярно появляется на телеэкране с подписью "эксперт по серийным убийствам". Но если у нашего убийцы такой опыт в бальзамировании, почему ступня первой жертвы разложилась, когда ее нашли? Дайте-ка я скажу вам почему. Она разложилась, поскольку до этого ему нечасто приходилось заниматься бальзамированием и он лишь изучал процесс. Вторая жертва была полностью набальзамирована. Наш убийца учится. Кроме того, агент Грей сообщил мне, что бальзамирующий состав второй жертвы отличался от первой. Он экспериментирует, поскольку все это для него внове. Я бы сказала, что если вам необходимо исключить какую-то часть населения, вы можете смело исключить всех людей, которые проработали в похоронных бюро дольше пары недель. Они уже знают свое дело.
Комната затихла, и Зои осознала, что она практически кричит. Андреа часто жаловалась, что сестра повышает голос, когда возбуждена или взволнована. Бентли глубоко вздохнула, потом обернулась к Мартинесу.

— Существует хорошо известный феномен, который всегда следует за серийными убийцами. Я говорю о псевдоэкспертах, которые рассказывают о серийных убийцах по телевизору. Они сбивают с толку публику, провоцируют массовую истерию и искажают решения присяжных. Их вред неизмерим. И у них есть название. Среди моих коллег их зовут говорящими головами.

Она посмотрела на доктора, который к этому моменту побагровел. Неужели он близок к сердечному приступу? Мысленно прокручивая пройденный курс первой помощи, Зои сказала:

— Доктор Бернстайн — говорящая голова. Вы можете и дальше прислушиваться к его так называемому профессиональному мнению профайлера, но убийцу вы так не найдете.
Доктор моргнул, стиснул зубы, потом встал и схватил свой портфель. Секунду казалось, что он собирается что-то сказать, но Бернстайн молча повернулся и вышел, захлопнув за собой дверь. Наступила тишина. Тейтум смотрел на Зои, вытаращив глаза. Она спокойно встретила его взгляд. Он притащил ее сюда, чтобы разобраться с этим профайлером, верно? Или он ждал улыбок и дружеских бесед?
— Это было ни к чему, — отрывисто произнес Мартинес.
— Вынуждена не согласиться, — возразила Зои. — Простите за такой напряженный разговор, но этот человек уже дал вам несколько дурных советов, потенциально ведущих к пустой трате ценного времени.
— И что теперь? — спросил Мартинес. — Вы скажете мне, что ваш приятель был прав? Что мы должны держать под наблюдением эти места, на случай если убийца вернется?
Взгляды Зои и Тейтума встретились.
— Только не этот убийца, — ответила она.
— Прошу прощения? — напряженным голосом произнес Тейтум.
— Это правда. Серийные убийцы часто возвращаются на место преступления, в основном ради воспоминаний об акте убийства и мастурбации. Но эти убийства совершались не там, где вы нашли тела. Первая жертва была умерщвлена в собственной квартире, и я сомневаюсь, что он туда вернется. Вторая исчезла с улицы, и на теле есть следы пут. Это приводит меня к предположению, что ее куда-то отвезли и убили там, иначе зачем ее связывать. Места, в которых вы обнаружили тела, не соответствуют фантазиям убийцы; его будет тянуть туда, где он убивал этих женщин. Устанавливать наблюдение незачем. Это пустая трата ресурсов.
В комнате вновь повисла напряженная тишина, когда Зои вызывающе посмотрела на Тейтума. Лицо мужчины потемнело, но он молчал.
Мартинес откашлялся:
— Так вы считаете, что…
Дверь распахнулась, на пороге стоял взволнованный мужчина.
— Лейтенант, — произнес он. — Мы нашли еще одну.

Глава 12

Толпа зевак сгрудилась на речном пляже у Огайо-стрит, прижимаясь к желтой полицейской ленте. Кое-кто, конечно же, фотографировал на телефон. Тейтум заметил две новостные группы; журналисты оживленно вещали в камеры. Следом за Мартинесом он подошел к одному из копов. Тот держал в руке маленький блокнот и пытался отогнать самых настырных зевак.
— Лейтенант Мартинес, — бросил лейтенант, махнув своим жетоном. — Эти двое со мной.
Они назвали себя копу, который прилежно записал их фамилии в журнал осмотра места преступления. Ветер играл страницами блокнота. Какой-то репортер бросился к ним, выплевывая на ходу вопросы. Тейтум повернулся спиной к камере и двинулся на пляж, Зои шла рядом. Он старательно игнорировал ее. Он жутко злился, что она подорвала его влияние на лейтенанта, и уже обдумывал, как уговорить Манкузо отозвать эту женщину обратно в Квантико.
Его черные туфли тонули в песке, оставляя глубокие отпечатки. Когда он выйдет отсюда, в туфлях будет полно песка, в носках тоже. М-да, одет он определенно не для пляжа…
Они подошли к группе людей, перемещающихся вокруг женщины, сидящей на песке. Не знай Тейтум заранее, что женщина мертва, он решил бы, что она просто наслаждается солнечным днем. Подойдя ближе, агент увидел, что тело усажено в такую позу, будто женщина закрывает лицо руками.
Зои остановилась в пяти ярдах от тела.
— Вы в порядке? — против собственной воли спросил Тейтум. — Вам не обязательно здесь находиться.

— Все отлично, — коротко отозвалась Зои.
— Смотреть картинки трупов, Бентли, — одно дело. А вот быть рядом с настоящим трупом — совсем…
— Я побывала на десятках мест преступлений и видела немало трупов, — не глядя на него, произнесла Зои. — Я стараюсь охватить картину в целом, и, честно говоря, агент Грей, вы здорово мне мешаете.
Эти профайлеры просто невыносимы. Тейтум сжал зубы и двинулся дальше. Подходя, он изучал людей рядом с телом. Один мужчина, явно в шоковом состоянии — вероятно, тот, кто нашел тело, — разговаривал с патрульным копом из полиции Чикаго. Другой кружил вокруг тела, делая фотографии. Слева женщина с черными волосами, стянутыми в хвост, осторожно подбирала что-то с песка и укладывала в бумажный пакет. Эти двое, скорее всего, были вызванными экспертами из Департамента криминалистики. Еще один мужчина, которого Тейтум счел судебным медиком, изучал ногу жертвы.
Тейтум присел рядом с женщиной с хвостиком. У ее ног лежала коробка с латексными перчатками.
— Привет, — сказал он. — Агент Грей, ФБР. Не возражаете, если я позаимствую пару перчаток?
Женщина обернулась к нему, ее темно-карие глаза смотрели практически в упор. Он едва не выпалил: "Тина?" Она была почти копией его школьной любви. Но только почти, и губы Тейтума задергались, проглатывая слово.
— Одри Джонс, — произнесла она и подняла бровь, глядя, как он хватает ртом воздух, будто рыба. — Берите, конечно. И проследите, чтобы ваши спутники тоже взяли по паре.
Он кивнул и взял перчатки. Те оказались маленькими, как раз для деликатных рук Одри, но его собственным лапищам почудилось, будто латекс выдавливает из них всю кровь. Он напомнил себе не сжимать кулаки, а то перчатки наверняка разлетятся на кусочки.
— Когда вы сюда приехали? — спросил Тейтум.
— Примерно полчаса назад, — ответила она. — Тело обнаружили в девять тридцать.
Он огляделся по сторонам.
— Пляж был пуст? Почему тело нашли так поздно?
— Я полагаю, люди просто не замечали ее, — ответила Одри, медленно складывая бумажный пакет; потом взяла карандаш и что-то нацарапала сверху. — Все думали, она спит или что-то в этом роде.
Тейтум недоверчиво покачал головой. Мертвая женщина посреди общественного пляжа в солнечный день, и людям потребовалось два, а то и три часа, чтобы ее заметить?
— Нашли что-нибудь?
— Здесь есть отпечатки, но все это место затоптано, и вряд ли они будут полезны. Однако мы все равно сделали снимки. Я нашла пару сигаретных окурков и использованный презерватив, практически закопанные в песке.
Тейтум подозревал, что, если Одри примется исследовать любую другую часть пляжа, улов будет примерно тем же.
— Спасибо, Одри, — вставая, сказал он.
— Не за что, — отозвалась она с улыбкой и посмотрела на него, чуть дернув головой в сторону.
Даже ее движения напоминали Тину. Тейтум задумался, не создали ли Одри средствами биоинженерии специально, чтобы закоротить ему мозги.
Зои подошла к ним, и Тейтум молча протянул ей пару перчаток. Она натянула их, не отрывая напряженного взгляда от тела. Тейтум последовал ее примеру, пытаясь понять, что она высматривает.
Руки жертвы закрывали лицо в безупречной имитации рыдающей женщины. Не будь этой противоестественной неподвижности и сероватого оттенка кожи, кто угодно счел бы ее живой. На ней была желтая футболка с длинным рукавом и коричневая юбка, собранная у бедер. Ноги босые. Синяк вокруг шеи, синяки на лодыжках и запястьях. Она была связана, это ясно и без судмедэксперта. Была ли она связана, когда ее убили? Была ли ее смерть болезненной? Кричала ли она, умоляла ли отпустить ее? Тейтум отвернулся и уставился на волны, пытаясь сдержать гнев.

День был ветреным, и невысокие волны озера Мичиган плескались, взбивая облачка белой пены. "Плохой день для серфинга", — автоматически прикинул Тейтум, хотя не катался на волнах уже пятнадцать с лишним лет. С первых дней занятий серфингом он, глядя на волны, каждый раз оценивал, годятся ли они.
Хороший пляж; с одной стороны вода, с другой — высокие здания прибрежной полосы Чикаго, чьи окна подкрашены синим, будто отражают воду. К югу — небольшой зеленый парк. Местные наверняка любят приходить сюда, гулять или бегать вдоль пляжа, а может, и плавать. Как долго они теперь будут сторониться этого места? Или уже завтра пляж снова будет полон, как будто здесь никогда не сидела мертвая женщина?
— Вы можете оценить время смерти? — услышал Тейтум вопрос Зои.
Он обернулся к ней и телу. Она разговаривала с судмедэкспертом.
— Возможно, позднее, когда я проведу вскрытие… но не уверен. Если она забальзамирована, как и предыдущие, это будет непросто.
— Предыдущими двумя тоже занимались вы? — спросила Зои.
— Точно.
— Я буду рада поговорить с вами попозже, сравнить ваши результаты по всем трем жертвам.

Рада
. Зои умеет выбирать слова. Рада поговорить о женщинах, которых задушили, а потом забальзамировали… Просто восторг. Ля-ля-ля.

Судмедэксперт кивнул, потом взялся за предплечье одной из рук жертвы и, удерживая ее плечо, потянул. Рука сдвинулась, открывая лицо.
— Она гибче, чем две другие, — сказал он.
— У нее закрыты глаза, — заметила Зои.
— И рот, — продолжил эксперт. — У первой жертвы рот был открыт.
Он натянул на ладонь убитой бумажный пакет и закрепил его резинкой.
— На ней кольцо, — сказала Зои, указывая на другую руку.
— Ага. В морге снимут, — бросил судмедэксперт и опустил вторую мертвую руку, полностью открыв лицо; оба глаза жертвы были закрыты, лицо — маска спокойствия.
— Можно мне? — спросила Зои, указывая на кисть.
— Я бы предпочел, чтобы вы ничего не…
— Я буду осторожна.
Она бережно взяла руку и сдвинула кольцо. Тщательно осмотрела палец, потом взглянула на Тейтума.
— Линии загара нет.
— Может, она вообще не загорала, — предположил тот.
Зои, нетерпеливо тряхнув головой, мягко оттянула ворот футболки убитой. Разница в цвете кожи была очевидной.
— Здесь линия загара есть, — заметила она. — Другой вид воротника, более открытый. — Сильнее оттянула ворот, открывая линию загара ближе к груди, и добавила: — Вырез глубже.
— И?.. — спросил судмедэксперт, держа в руке бумажный пакет.
— Она привыкла бывать на солнце в футболках, открывающих больше тела, — сказала Зои, пожевав губу. — Возможно, была проституткой.

— Или велокурьером, — возразил Тейтум. — Или чирлидером "Кабз"
[9]
. Или безработной, которая любила гулять по утрам в блузке на лямках. Нельзя делать вывод…

— Я не делаю никаких выводов, — отрезала Зои. — Но одна из предыдущих жертв была проституткой. Группы высокого риска — главные цели серийных убийц. Я думаю, это вполне возможно.

Тейтум, раздраженно отвернувшись и отойдя в сторону, направился к тому гражданскому, который стоял сейчас рядом с лейтенантом Мартинесом. У мужчины были светлые волосы и почти незаметные усы, особенно рядом с выдающейся порослью лейтенанта.
— Это тот парень, который нашел тело? — спросил Тейтум.
— Угу, — Мартинес кивнул. — Дэн Финли.
— Мне действительно нужно идти, — высоким голосом произнес Дэн. — Меня ждет бизнес, и…
— Какой бизнес? — уточнил Тейтум.

— Я — поставщик киноа [10]. От меня зависят магазины и рестораны. В нынешние дни стоит задержать поставку, и вы тут же потеряете клиента. Никакой лояльности, никакого партнерства. Каждый за себя и…

— Во сколько вы пришли на пляж? — спросил Тейтум.
— Я уже дважды это повторял. Сколько раз мне нужно отвечать на одни и те же вопросы?
— Мистер Финли, это расследование убийства, — сказал Мартинес. — Мы не хотим допускать ошибки. Уверен, вы это прекрасно понимаете.
— Как уже говорил, я пришел на пляж около восьми.
— И вы не сообщали о теле до девяти тридцати? — спросил Тейтум.
— Я не знал, что она мертва. Я думал, она плачет.
— Женщина плакала на пляже, и вам потребовалось полтора часа, чтобы подойти к ней?
— Другие тоже к ней не подходили. Мне не хотелось ей мешать, — ответил Дэн, с горечью скривив губы. — В нынешние дни стоит вам прийти на пляж, как случается что-нибудь в этом роде.
— Стоит вам прийти на пляж, и вы находите труп? — недоверчиво переспросил Тейтум.
Дэн поджал губы и промолчал. Тейтум покачал головой и отошел в сторону. Через минуту к нему присоединился Мартинес.
— Третья жертва, — сказал ему агент ФБР.
Лейтенант кивнул.
— И всего одиннадцать дней после предыдущей…
Тейтум скрестил руки на груди, глядя на озеро, раздраженный и встревоженный. Он надеялся, что им удастся отыскать убийцу раньше, чем появится четвертая жертва.

Глава 13

Зои без интереса разглядывала свой салат с курицей. Помимо места для парковки, которое нашлось рядом, заведение, в которое они зашли пообедать, могло похвастаться немногим. Официантка — отрывисто-грубоватая и неприглядная женщина с сыпью на шее — порекомендовала им салат с курицей. Ее любимое блюдо, так она сказала. Зои сильно в этом сомневалась. Сухая курица была приправлена какой-то невнятной зеленью, а овощи замораживали и размораживали столько раз, что они приобрели фактуру салфетки.
Компания тоже не способствовала аппетиту. Тейтум, угрюмый и молчаливый, кипел злостью. Он отрывал от своего гамбургера здоровые куски и глотал, почти не жуя. Ему явно хотелось поскорее покончить с едой.
В конце концов он отложил уполовиненный бургер и заявил:
— Вы могли поддержать меня. Взять под наблюдение эти места — надежный вариант, а теперь Мартинес не станет этим заниматься.
— От этого все равно было бы мало толку, — ответила Зои, изо всех сил стараясь держать себя в руках.
На месте последнего преступления Тейтум поставил под сомнение ее вывод, и Зои не стала говорить Мартинесу, что жертва могла быть проституткой. Теперь она жалела об этом.
— Убийца туда не вернется.

— Вы этого не знаете. Это лишь догадки.
— Я не гадаю, — отрезала Зои. — Я делаю выводы, основанные на предыдущих случаях и доступных уликах. Вот чем я занимаюсь. Это моя работа.
— Кстати, о вашей работе. Вы что, не могли повести себя с Бернстайном потоньше? Я вызвал вас сюда, чтобы вы ослабили его влияние, а не выгоняли.
— Вы меня не вызывали. Меня послала Манкузо. И послала она меня консультировать полицию Чикаго. Что я и делала. И чем продолжаю заниматься.
— Консультировать? Вы с Бернстайном — два сапога пара. Вы оба не лучше ясновидящих. Выдумываете всякие россказни для детективов, встреваете в расследования, лишь бы оправдать свою зарплату…
Зои побагровела, биения сердца отдавались у нее в ушах. Ей хотелось схватить этот проклятый куриный салат и засунуть туда его морду.
— Твою мать, Тейтум… Слушай, я не знаю, чем так тебе не встала. Я не поддержала твое предложение, потому что оно идиотское. И это тебе скажет любой человек, у которого есть хотя бы кроха опыта в расследовании серийных убийств. Но да, у тебя же нет никакого опыта. Ты попал в ОПА, потому что тебя больше никуда не хотели брать. Так что переживи размеры своего члена, недержание мочи, или что ты там пытаешься компенсировать, и повзрослей. Если тебе нужна моя поддержка, тебе придется держаться вровень со мной. А я двигаюсь быстро.
Она вскочила и выбежала на улицу. Пусть он платит за этот гребаный безвкусный салат.
"Слушай, детка, оставь полицейскую работу взрослым, ладно?"
Проклятый Тейтум и проклятый коп девятнадцатилетней давности, чье имя она намеренно забыла. Проклятые агенты ФБР, которые возмущаются, что она заняла место "настоящего агента". Проклятая снисходительность, которая по-прежнему встречает ее, несмотря на все достижения. Дождется ли она хоть когда-нибудь признательности, которой заслуживает?
В глазах стояли злые слезы, и Зои смахнула их ладонью; сглотнула, изо всех сил стараясь взять себя в руки. Она стояла неподвижно, сосредоточившись на дыхании. Глубокий вдох закончился слабой икотой, следующий прошел ровно и гладко. Пульс успокаивался. Злость осталась, но сейчас Зои снова контролировала себя.
Позади Тейтум выкрикнул ее имя. Да пошел он. Она двинулась дальше.
— Зои! Бога ради, подожди.
— Оставь меня в покое.
— Не вопрос, легко, — холодно произнес он за ее спиной. — Но я подумал, тебе может быть интересно, что они опознали девушку. Совпадение со списком пропавших людей. Ее зовут Криста Баркер, и она работала на панели.
"Работала на панели". Так Тейтум ухитрился подтвердить, что она была проституткой, не используя этого слова. Зои следовало сказать Мартинесу о своих заключениях. Тогда он был бы более восприимчив к ее последующим словам.
— Они едут побеседовать с ее соседкой, девушкой по имени Кристал. Мартинес спросил, не хотим ли мы присоединиться. Сказать, что тебе неинтересно?
В ярости она резко обернулась. Тейтум смотрел на нее прохладно и невозмутимо.
— Нет, — спокойно произнесла Зои, полностью держа себя в руках. — Я хочу услышать, что эта проститутка будет говорить.

Глава 14

Кристал ерзала на кровати, временами поглядывая на незнакомцев, пришедших повидаться с ней. Агент Грей сказал, что он из ФБР, а Мартинес был из полиции Чикаго. Женщина не говорила, откуда она. Может, подружка агента ФБР? Похоже на то. Вон как они палевно не смотрят друг на друга. Оба кивают, когда детектив говорит, а друг друга вроде как и не слышат… Ага, эта парочка стопудово трахается.
Кристал хотела, чтобы они убрались отсюда. От нее только вышел утренний клиент, а такое бывает, типа, раз в три дня. Обычно мужики предпочитают платить за секс под покровом

тьмы. Карман грела двадцатка, и, как только копы уйдут, она спустится к Р.Т., купит у него крэк и выкурит — день нужно начинать правильно.
В животе забурчало. Заодно нужно будет что-нибудь съесть. Когда она последний раз ела?.. Нет, сначала крэк, а потом нужно попробовать подобрать еще одного утреннего клиента. Кто знает, может, и повезет… И вот тогда точно будет время завтрака.
Она опять отключилась от разговора, и этот детектив, Мартинес, начал беситься.
— Простите, что? — спросила Кристал.
— Когда вы в последний раз видели Кристу?
Криста. Ей так не хватало Кристы… Только подруга и делала жизнь сносной. Бывало, Кристе удавалось по-настоящему развеселить ее. Они всегда были парой, Криста и Кристал. Когда они знакомились с кем-то, люди смеялись, будто это была такая забавная шутка. Встречайте двух нариков, Кристу и Кристал. Р.Т. часто повторял, что им стоит перейти с крэка на мет. Тогда они смогут говорить, что Криста и Кристал сидят на кристаллах… Ха-ха, чем жизнь не коробка шуток?
— Не знаю, — ответила она. — Наверное, неделю назад. Или больше?
— Вы сообщили о ее исчезновении четыре дня назад, — сказал Мартинес.
— Ага, ну, наверное, это было дольше… Ну, типа она исчезла за четыре или пять дней до того, как я заявила.
— А почему вы так долго ждали? — спросил агент Грей.
Кристал чувствовала, как по шее ползают муравьи. Так всегда бывало после дня без крэка. Вчерашний день был сплошным дерьмом. Всего один клиент, хотел простого отсоса и кинул ее; сунул десятку и ушел. Р.Т. говорил, что догонит парня и отберет деньги, но забил на это. Какой толк от сутенера, если тот даже не заступится, когда это нужно?
— Не знаю, — ответила Кристал, пожав плечами. — Она и раньше уходила. Криста всегда исчезала. У нее были клиенты, которые забирали ее на день или два. У Кристы всегда были классные клиенты.
Потому что Криста хорошо выглядела, не так, как она. И зубы хорошие, и не такая тощая.
— Вы знаете этих клиентов? — спросила женщина.
Как же ее зовут?.. А, Зои. Жуткие у нее глаза. Пялятся прямо внутрь, выкапывают все секреты… Кристал отвела взгляд. Господи, как же ей нужен крэк…
— Нет, — сказала она.
— А кто знает?
— Никто.
Может, Р.Т. и знает, но он ее грохнет, если она выдаст его имя.
— А вы что-то узнали? Ну, расследование? Думаете, вы ее найдете?

> Кристал знала расклад. Если исчезают девушки вроде них, они не возвращаются. Только Джулия Робертс может исчезнуть на неделю, а потом появиться с новым гардеробом и любовником-миллиардером [11]. Если исчезает девушка вроде Кристал, можно не сомневаться, что она лежит в какой-нибудь канаве.

Но не Криста. Кристал всегда думала, что канава не для ее подруги. Криста была почти как Джулия Робертс, в каком-то смысле. У нее было это сияние, эта… аура. Будто она предназначена для чего-то другого.
— Боюсь, у меня плохие новости, — сказал Мартинес. — Криста мертва.
Первым делом она подумала о тех восьмидесяти долларах, которые Кристал спрятала от Р.Т. Кристал клялась, что никогда не притронется к этим деньгам. Восемьдесят долларов, которые Криста сэкономила, чтобы убраться из Чикаго. Ее резервный фонд. И сейчас эти деньги достались Кристал, и она сможет купить на них четыре косяка с крэком… нет, три и хороший завтрак, а еще…
В этот момент она разрыдалась. Трое чужаков, наверное, думали, что она оплакивает свою мертвую подругу, но это была неправда. Кристал оплакивала себя.

Агент и детектив занервничали. Ну и черт с ними. Но эта женщина, Зои, присела и заглянула ей в глаза. Ее взгляд завораживал Кристал, и рыдания постепенно сменились всхлипами.
— Мне жаль твою подругу, — сказала Зои. — Это сделал мужчина.
Кристал кивнула. Само собой, а кто же еще.
— Мы его ищем, — продолжала та. — Мы хотим поймать его, пока он не убил кого-то еще, и нам очень нужна твоя помощь. Но мне нужно, чтобы ты собралась. Кристал, ты можешь собраться?
Может, эта женщина из социальных служб… Она очень напоминала социального работника, с которым Кристал однажды встречалась. У нее был тот самый взгляд, как будто она хочет помочь, и в то же время знает: таким, как Кристал, помочь нечем. В ее взгляде не было жалости, не было печали или отвращения. Только понимание.
— Ага, — ответила Кристал, шмыгнув носом.
— Криста тоже сидела на крэке?
Бам. Эта женщина бьет точно в цель. Кристал не спросила, откуда та знает. Крэк оставлял следы, пусть и не всегда очевидные. Кто-то скрывал их лучше, но уж точно не она.
— Иногда. Не так много, как я.
— Какой была Криста?
— Она была… доброй. Некоторые шлюхи с улиц, они становятся гнусными, по-настоящему, понимаете? А Криста никогда такой не была. И ладила почти со всеми. Даже с самыми гнусными.
"И Р.Т. бил ее не так часто, как меня".
— У Кристы было кольцо?
— Что? — переспросила Кристал.
— Серебряное кольцо. С маленьким рубином. Может, фальшивым.
Она фыркнула.
— Будь у нее такое, Криста давным-давно его заложила бы. Или кто-нибудь его отнял бы…
— Возможно, она получила его совсем недавно.
— Не было у нее никаких колец.
— Как Криста обычно одевалась?
— Ну у вас и вопросы, дамочка… Она одевалась как шлюха на крэке.
— У нее была желтая футболка с длинным рукавом или коричневая юбка?
— Она никогда не надела бы желтую футболку, — сказала Кристал. — Она всегда говорила, что желтый — не ее цвет. И коричневой юбки у нее не было.

— О’кей, — Зои кивнула. — Лейтенант Мартинес, вы хотите задать какие-то еще вопросы? Или вы, агент?

Она произнесла "агент" так, как люди обычно произносят "жопа". Что за дела с этой парой?
— Да, — сказал Мартинес. — Кто продает вам крэк?
— Я хочу помочь, но этого я вам не скажу.
— Даже если это тот человек, который ее убил?
— Это не он.
— А вы можете сказать нам, когда примерно видели ее в последний раз? — спросил агент Грей.

— Мы работали на улице, и я зашла в переулок с джоном [12], — ответила Кристал. — Когда я вернулась, ее уже не было.

— Кто-нибудь видел, с кем она ушла?
— Нет.
— Вы видели в тот вечер каких-нибудь подозрительных людей?
Она фыркнула.

— Там, где я работаю, все подозрительные.
— Кто-нибудь выделялся?
— Ага, — внезапно припомнила Кристал. — Там был гадкий такой чувак в раздолбанной машине. Пытался уговорить девчонок поехать с ним, но никто не согласился.
— Как он выглядел? — спросил Тейтум.
— Сплошные татуировки. Лицо, руки, шея, — ответила Кристал, вспоминая тот вечер. — И говорил смешно. Голос такой… пронзительный.
— Вы знаете марку машины? — спросил Мартинес.
— Не знаю. Но она была синяя. Краска облезла.
— Он пытался уговорить Кристу поехать с ним? — спросил агент Грей.
— Ага, но она бы никогда не села в такую тачку.
— Где вы работали в тот вечер?
— Рядом с Брайтон-парком. У нас там свой угол.
— Вы можете показать мне точное место? — спросил Мартинес.
Кристал замешкалась. Этот угол был самым классным местом, там она подбирала лучших клиентов. Если она покажет его этому офицеру, он будет знать, куда посылать полицию нравов.
Ну да, будто это какой-то большой секрет… Все знали, где работают шлюхи из Брайтон-парка.
— Конечно, — ответила Кристал. — Я вам покажу.

Глава 15

Его дом казался… пустым.
Этот разрыв оказался для него самым тяжелым. Он знал, что так правильно, но не был готов к последующему ощущению одиночества. Было что-то цельное в том, чтобы просыпаться в кровати рядом с женщиной, которую ты любишь, смотреть, как она лежит там — закрытые глаза, невинное лицо, теплое тело…
Ну, может, и не теплое.
Уходить из дома и знать, что когда ты вернешься, она будет ждать тебя… Это успокаивало, ободряло. Всегда там, на том же месте, где он ее оставил. Абсолютно предсказуемая. Та, кому он может доверять.
Но, честно говоря, если искорка погасла, какой смысл откладывать неизбежное, верно? Следующая женщина будет настоящей. Он станет осторожнее, станет тщательнее выбирать. Хотя последняя была очаровательной и полной жизни, скрывалась в ней какая-то… дешевизна. Их связь спасла ее от сползания к обычной наркоманке; он в этом не сомневался. Он всегда это знал, и она всегда это знала. Возможно, именно это и было той проблемой, которая привела к разрыву. Ну, и посредственное бальзамирование, конечно.
Нет, следующий раз будет лучше. Он лучше выберет и лучше справится со своей работой. Она будет безупречной.
Поехать сегодня вечером на поиски? Их отношения закончились только вчера. И он вымотался. Бессонная ночь, потраченная на то, чтобы отвезти ее на пляж и оставить там, где ей хотелось…
В какой-то момент той ночи ему показалось, что все может закончиться прямо сейчас.
* * *
Там была другая парочка, уютно устроившаяся на песке. Он не заметил их в темноте, иначе пошел бы дальше, отвел ее в другое место. Он тащил ее, каблуки временами задевали песок. Он тяжело дышал, проклиная себя за то, что не подогнал машину ближе. Пару раз почти решил, что зашел достаточно далеко. Но в душе понимал, что ей хочется быть поближе к воде, смотреть, как озерные волны набегают на берег. Он почти добрался до нужного места, когда парочка поднялась, явно собираясь направиться к дому.
Он заметил сдвоенный силуэт на фоне сверкающей в лунном свете воды, когда до них было футов двадцать. И они шли в его сторону. У него оставалось несколько секунд. Он сунул руку в карман за ножом; сердце колотилось, как бешеное.

Он торопливо продумывал план. Сначала перерезать глотку мужчине. С женщиной справиться будет проще. Может, он даже заберет ее домой и…
Нет, это слишком рискованно, и он не хотел уронить свою девушку. Вместо этого выпрямил ее, обхватил рукой за талию, прижался к щеке. Она стояла, закрыв лицо руками. Парочка сможет увидеть их суть: мужчину, утешающего женщину с разбитым сердцем.
Пара прошла мимо, не оглянувшись, завороженная друг другом. Он знал, каково это. Любовь — волшебное чувство.
Он дотащил ее, усадил на песок. Жаль, что он не догадался захватить для нее пляжное полотенце. Бережно расправил юбку, которая немного помялась по пути.
Наконец, удовлетворившись, он попрощался с ней и, не желая слишком затягивать расставание, ушел.
* * *
И сейчас ее не хватало. По крайней мере, не хватало ее присутствия в доме.
Ему нужно заполнить пустоту. Следующий раз будет другим. Он сделает верный выбор. И начнет искать завтра.

Глава 16

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ЧЕТВЕРГ, 23 ОКТЯБРЯ 1997 ГОДА

Родители Зои снова шептались. Сейчас такое случалось почти каждый день. Они всегда были громкой семьей, а теперь превратились в семью приглушенных разговоров, напряженного молчания или тихих всхлипываний.
Мать знала вторую девушку, которую убили пять дней назад. Джеки Теллер была дочерью женщины из ее книжного клуба. Мама Зои была на шестнадцатилетии Джеки два года назад. А теперь пошла на ее похороны.
Папа Зои пытался вести себя так, будто всё в порядке, но это было практически невозможно. Мама надолго отключалась, будто впадала в транс, глядела в пустоту и не слышала, когда к ней обращались. Она настаивала, чтобы девочек отвозили в школу и обратно. Зои должна быть дома до темноты, то есть к пяти часам дня. Вчера Андреа открыла дверь и выбежала наружу с мячиком; мать погналась за ней, истерически визжа, чтобы дочь немедленно вернулась домой. Перепуганная Андреа разрыдалась. Когда мать затащила ее в дом, Зои обняла сестру и успокаивала, шепча на ухо всякую ерунду.
На следующей неделе был Хеллоуин, но все понимали — в этом году никаких "сладость или гадость" не предвидится.
А сейчас ее родители шептались в гостиной, но тут же замолчали, стоило Зои войти в комнату.
— Папа, привет. Ты же не выбросил газету, правда? — спросила она.
— Нет, — ответил он, улыбнувшись дочери. — Лежит на кухонном столе.
— Здорово, спасибо, — сказала Зои и тут же направилась в сторону кухни.
— А зачем ей газета? — услышала она голос матери.
— Какой-нибудь школьный проект, — ответил ей папа. — Наверное, ей нужно собирать прогнозы погоды или еще что… Не знаю.
Зои взяла газету, пошла в свою комнату и закрыла дверь. Потом с колотящимся сердцем прочитала заголовок на второй странице: "Полиция сообщает о прогрессе в расследовании убийства Хартли".
Она на мгновение взглянула на знакомую картинку с Бет Хартли. Газеты все время печатали одну и ту же фотографию: улыбающаяся Бет с чуточку глуповатым видом искоса смотрит в камеру. Понравилось бы ей, что пресса раз за разом перепечатывает именно эту фотографию? Зои сомневалась. Но Бет мертва. И после того, что ей пришлось пережить перед смертью, вряд ли ее стала бы заботить плохая фотография.

Она быстро пробежала взглядом статью. Как и в большинстве статей, посвященных этим двум убийствам, в ней остро не хватало подробностей. О каком прогрессе идет речь? Они задержали подозреваемого или подозреваемых? Они выяснили, почему убили Бет? Полиция просто заявляла, что в расследовании есть прогресс. А на вопрос, была ли Джеки Теллер убита тем же человеком, копы ответили, что изучают все возможности.
Тело Джеки Теллер нашли в пруду Дюрана. Она вышла вечером погулять с собакой, но не вернулась. Через час мать пошла искать ее, а потом позвонила в полицию. Пес прибежал домой несколько часов спустя; поводок был по-прежнему пристегнут к ошейнику. В ту же ночь Джеки нашла поисковая партия. Она была голой; тело лежало в неглубоком пруду, руки связаны за спиной. Зои знала об этом, поскольку Рой, девятнадцатилетний брат Хизер, был в этой поисковой партии. Он вернулся домой, потрясенный до глубины души, и выпалил все подробности до того, как родители успели выставить его сестру за пределы слышимости.
Две девушки найдены обнаженными, мертвыми. Все были в ужасе. Это был худший кошмар маленького городка. Вчера вечером папа Зои ездил в супермаркет и, вернувшись, рассказал, что улицы абсолютно пусты. К вечеру Мейнард превращался в город-призрак, все жители прятались в своих домах.
Мысли об убийце, разгуливающем по улицам, леденили сердце Зои, но в то же время и завораживали ее. Она обожала читать триллеры и мистику, а сейчас триллер не просто ожил, но оказался совсем рядом. Зои не могла перестать думать об этом, складывая вместе скудные факты, которые знала, и слухи, которые долетали до нее.
Она достала из-под кровати альбом и открыла его на следующей чистой странице. Потом аккуратно вырезала статью из газеты. Прислонилась спиной к двери, готовая при первом же стуке засунуть альбом и вырезку под кровать. Затем вложила статью в альбом и внимательно перечитала ее.

> Прогресс. И что это должно значить? Они готовы арестовать убийцу? Человека, который по вечерам хватает женщин, раздевает их и убивает? Это
> чудовище
> ?

Любимое выражение газет, когда они упоминали убийцу. Чудовище на свободе. Чудовище, которое охотится на беззащитных женщин. Чудовище, прячущееся в Мейнарде.
Но Зои осознавала жуткую правду. Это не чудовище. Это не какой-то инопланетянин или скользкое существо, выползшее из канализации. Все намного хуже. Это человек. Мужчина, бродящий по улицам Мейнарда, возможно, живущий здесь. Может, он даже ходил в школу Зои, когда был младше. Может, она видела его вчера по дороге в школу. Может, ее папа встречал его в супермаркете. Он даже мог прийти на похороны Джеки Теллер, стоять рядом с матерью Зои и думать о совершенном убийстве.
Каждый незнакомец, встреченный на улице, вызывал тот же вопрос: "А вдруг это он?" Зои поймала себя на том, что напряженно вглядывается в людей, стараясь разглядеть в их взглядах искру вины. Позавчера она заметила у школьного уборщика царапину на шее — царапину, которую могла оставить молодая женщина, отчаянно борющаяся за свою жизнь. Зои начало трясти; ей пришлось зайти в туалет и стоять там почти десять минут, чтобы успокоиться.
Она пролистала альбом, останавливаясь на той или иной странице, потом перешла к последней, куда прикрепила маленькую карту Мейнарда. Отметила на карте две точки: пруд Дюрана и мост на Уайт-Понд-роуд.
Будет ли третья?
* * *
Уличные фонари почему-то не работали. Зои быстро шла по улице, уже жалея, что не позвонила отцу и не попросила забрать ее от Хизер. Вокруг была ночная тьма, холодная, давящая. Деревья качались под ветром, и к звуку ее шагов примешивался только шелест листьев. Зои, подрагивая, обхватила себя руками. Вечер был холодным, и ледяной ветер забирался в воротник, а тротуар морозил ступни ног. Ей не терпелось оказаться дома.

Один шнурок развязался, но Зои не хотелось останавливаться на темной улице и завязывать его. Она пошла немного быстрее. Почему фонари не работают? Она дрожала, черные тени деревьев не пропускали даже малость лунного света.
Какой-то звук сзади. Шаги. Другая пара ног, быстро идущих по улице. Приближается. Тяжелое, натужное дыхание человека переплеталось со звуками торопливых шагов. Зои почти добралась до дома. Если она закричит, на помощь прибегут люди. Наверное, это чепуха, просто быстро идущий мужчина…
Он приближался, и она пошла еще быстрее; потом в панике побежала, хватая ртом ледяной воздух, морозящий легкие. Кто-то испуганно заскулил. Это была она. Мужчина за спиной тоже побежал. Он не кричал ей остановиться, не звал ее по имени — просто бежал, дыша еще тяжелее, почти рычал.
Сколько шагов до дома? Тридцать? Сорок? По щекам бежали слезы страха. Зои оглянулась, увидела его тень — широкую, высокую, темную — и глаза хищника, прищуренные, сверкающие в ночной тьме.
Оставалось только кричать. "Помогите! Кто-нибудь!" — Голос звучал натужно, сорванно, совсем не так громко, как ей хотелось. Не открылась ни одна дверь, ни одно окно. Никто не вышел из домов, чтобы спасти ее. Мужчина, гнавшийся за ней, оказался совсем рядом, схватил за куртку… Зои пыталась вырваться, но ворот душил ее, и мужчина потянул ее обратно, поволок в кусты и где-то в зарослях бросил ее, беспомощную, на землю. Затем выхватил нож и принялся срезать с нее одежду, а взгляд его был полон безумия, похоти и ненависти…
Она вскинула руку, пытаясь остановить мужчину… и проснулась. В горле застрял крик. Зои лежала в темноте, тяжело дыша; сердце колотилось так, будто ему тесно в груди. Не сразу, медленно, до нее дошло. Она в своей спальне, за стеной — комната родителей. Ночь холодная, а она во сне сбросила с себя одеяло. Зои подняла его с пола. Ее трясло, и она сама не знала, от холода или от кошмара. Нащупала выключатель и включила лампу, зажмурившись от внезапного света.
Андреа, спавшая на полу, заворочалась. Зои быстро выключила лампу. Уже вторую ночь она обнаруживала Андреа спящей в ее спальне. По-видимому, хоть ее младшая сестренка и не понимала, что происходит, но ей запретили играть на улице, и она ощущала общую нервозность и страх, явно чувствуя, что происходит нечто плохое.
Зои свернулась в клубок под одеялом, боясь засыпать. Кошмар не желал уходить. Он был слишком ярким, слишком отчетливым. Неужели Джеки Теллер пережила это перед смертью? И Бет?
Нет. Им было намного хуже. И они не проснулись.
— Зои? — нарушил тишину сонный голос сестренки.
— Ай? — отозвалась Зои, стараясь говорить как обычно.
— А Джеки была старой?
— Что?
— Джеки. Та женщина, которую знала мама. Она была очень старой?
Зои задумалась, что Андреа подслушала и что из этого поняла. В конце концов, ей было только пять.
— Нет, — ответила она. — Она была не старой.
— Но мама сказала папе, что Джеки умерла. А умирают только старые люди, правда? Очень старые.
Зои лежала на спине, глядя в потолок, и молчала.
— Джеки была старой? — настаивала сестра; она точно не отстанет.
— Нет, но… так не должно было случиться.
— Но она умерла, правда?
— Да. Она умерла.
— Как ты думаешь, я тоже могу умереть? Я не хочу умирать…
Испуганный всхлип.
— Мама говорила, только очень старые люди умирают. Старше, чем бабушка.
— Ага, Рей-Рей, не волнуйся, — услышала Зои собственный голос. — Умирают только старые люди.
— Старше, чем бабушка?

— Ага, старше, чем бабушка.
— Так я не умру?
— Только когда ты будешь очень-очень старенькой, Рей-Рей.
— А ты умрешь?
— Ага, но только когда буду совсем старой. Засыпай, Рей-Рей.
— А можно я буду спать с тобой?
— Конечно, — с некоторым облегчением ответила Зои. — Забирайся.
Сестра запрыгнула в кровать, попав ей коленкой по животу. Пока Зои пыталась перевести дыхание, Андреа уютно устроилась рядом.
Казалось, прошла всего пара секунд, и дыхание сестры стало мерным. Зои лежала в кровати, и ей казалось, что она больше никогда не сможет заснуть.
* * *
Утром пятницы учитель математики заболел, и у Зои в расписании внезапно образовалась дырка в два часа. Хизер предложила сбежать с уроков и добыть горячего шоколада. Сперва Зои обрадовала эта идея, но потом в голову пришла другая, навязчивая мысль.
Она может сходить на пруд Дюрана.
Никакой опасности нет. Сейчас утро; наверняка там будут бегуны или люди, выгуливающие собак. Ей хотелось только взглянуть. И родители ничего не узнают…
Велосипед остался дома, в школу ее привез папа. Но до дома не так далеко. Она может прокрасться туда, взять велосипед и поехать на пруд. Быстренько осмотрится, потом вернется домой, оставит велосипед и будет в школе как раз к следующему уроку.
Зои понимала, что это странный поступок, но чем дольше она раздумывала, тем больше ей хотелось это сделать. Она не знала почему, но чувствовала, что нельзя упускать эту возможность. Зои помнила, насколько ей стало спокойнее после моста на Уайт-Понд-роуд. Может, когда она наконец увидит пруд Дюрана, то перестанет думать о голой Джеки Теллер со связанными за спиной руками, которая борется за свою жизнь…
Зои и Хизер вышли с территории школы и энергично двинулись к Главной улице. Хотя у них было два часа, до ближайшего кафе не меньше мили, и им стоило поторопиться. На другой стороне улицы стояла пара старшеклассников. Заметив девушек, они принялись улюлюкать, свистеть и глумиться над Хизер. Та в смущении прикрыла руками грудь. Она всегда беспокоилась о том, как выглядят ее груди, когда она быстро ходит.
— Придурки, — пробормотала Зои, когда они отошли подальше.
Хизер была свекольно-красной.
— Ага.
Они добрались до Главной улицы, но когда дошли до кафе, Зои приостановилась.
— Слушай, я… — сказала она и замешкалась. — Мне нужно кое-что сделать.
— Ты о чем? — спросила Хизер.
Сквозь окна кафе Зои увидела пару девчонок из их математического класса и едва не передумала. День был холодным, и горячий шоколад пришелся бы как нельзя кстати.
— Я забыла дома тетрадку по английскому, — соврала она. — Я только сбегаю и захвачу ее.
— Потом заберешь. У нас больше часа.
— Да я быстро. Иди, я приду к тебе.
Хизер пожала плечами.
— Ладно, как хочешь, — сказала она и вошла в кафе.
Из-за закрывающейся двери на Зои пахнуло свежей выпечкой, и она почувствовала себя дурой.
Ладно, нужно метнуться к пруду, потом выбросить его из головы — и у нее вполне хватит времени вернуться к Хизер.
Зои то шагом, то бегом добралась до дома и схватила велосипед. Отсюда до тропки у пруда Дюрана ехать минуть пятнадцать. Яростно давя на педали — в лицо дул холодный ветер, — она быстро доехала до Саммер-стрит и, тяжело дыша, покатила вверх по пологому склону. Какая-то женщина взглянула на Зои, когда та проносилась мимо, и девушка на секунду перепугалась. А вдруг эта женщина ее узнала? Что, если она расскажет маме? Зои убедила себя, что ее никто не узнал, что это просто какая-то незнакомка. Но Саммер-стрит была

одной из самых оживленных улиц Мейнарда. Если Зои будет и дальше ехать по ней, кто-нибудь ее заметит.
Она свернула направо, на Брукс-стрит, и поехала по маленьким улочкам, скрывающим ее от чужих взглядов, в сторону пруда Дюрана. С колотящимся от усталости и нервного напряжения сердцем выехала на тропу.
Деревья у пруда были почти голыми, землю устилали коричневые листья, хрустящие под колесами велосипеда. Сердце стучало от усилий и возбуждения; родители придут в ужас, если узнают, куда она забралась.
Несколько дней назад по этой тропинке шла Джеки Теллер, держа в руке поводок. Что же случилось дальше? Услышала ли она какой-то шум? Кто-то подошел к ней — может, даже кто-то знакомый ей? Он сразу напал на нее или они сначала поговорили? Может, он спросил ее о собаке или упомянул погоду?
Зои доехала до пруда и с минуту ехала вдоль берега. Потом остановилась и уставилась на воду. Пруд был абсолютно спокоен, на поверхности воды отражался противоположный берег: ряд деревьев, чистое небо. Множество опавших листьев пятнали зеленоватую поверхность коричневым и желтым. Посредине пруда сбились в стайку утки. Спокойная, безмятежная картина.
Оба тела нашли у берега. Имеет ли это значение? Может, убийца рыскал рядом с источниками воды? Зои слезла с велосипеда и пошла к воде, пока туфли не начали утопать в грязи. Она представила это место ночью — поисковая группа идет по тропе, светит фонариками на землю, и тут кто-то замечает в воде бледную, безжизненную фигуру… Мертвую девушку со связанными за спиной руками…
Хизер говорила, что слышала, как ее брат каждую ночь плачет в своей комнате. Их родители искали для него психолога.
Окружающая тишина сбивала с толку. Зои рассчитывала встретить одного, а то и пару бегунов или мать, гуляющую с ребенком. Но тут никого не было.
"Кому захочется гулять по парку, где меньше недели назад убили девушку?"
Ей уже не хотелось оставаться здесь. Она жалела, что не пошла в кафе. Быстро пошла обратно к велосипеду. И уже ехала обратно, когда заметила среди деревьев фигуру. Мужчина. Он стоял спиной к тропинке, и Зои не видела ни его лица, ни рук. Он что, пошел отлить? Ей не хотелось выяснять. Ей кажется или он тяжело дышит?
Она поехала дальше, и тут под колесо попала сухая ветка. Раздался громкий хруст. Перепугавшись, Зои оглянулась.
— Зои?
Она остановила велосипед, выдохнула. Это был Род Гловер, их сосед. Внезапно Зои осознала, какое облегчение встретить здесь кого-то, тем более достойного доверия взрослого человека.
— Привет, — с улыбкой отозвалась она.
— Что ты здесь делаешь? — спросил он, идя к ней навстречу, руки в карманах.
Она пожала плечами.
— У меня было свободное время в школе, и я подумала, что могу прокатиться. — Нахмурилась. — Только не говори моим родителям. У мамы будет приступ.
Ухмыльнувшись, он подошел к ней.
— Твой секрет в безопасности.
Зои кивнула, чувствуя, что может доверять ему. Род не тот человек, который будет трепаться зря.
— А что ты тут делаешь? — спросила она. — Тебе разве не нужно на работу?
— Да смешная фигня. У нас в офисе сегодня был пожар. Короткое замыкание или что-то в этом роде…
— Правда? Никто не пострадал?
— Ага, — он кивнул. — Секретаршу едва не обожгло, но я успел ее вынести. Пришлось ее тащить; она наглоталась дыма и не могла сама стоять.
— Ни фига себе… А пожар уже потушили?
Ее уколола тревожная мысль. Папина работа была в двух зданиях от телемаркетинговой компании, где работал Род.

— Ага, всё потушили, но нас отправили по домам. Босс сел нам на уши, чтоб все поняли — завтра будет обычный рабочий день. — Гловер нахмурил лоб и выпятил нижнюю губу, очень достоверно изобразив своего начальника. — Восемь тридцать, все должны быть на месте — нам нужно звонить по телефонам и продавать товар.
Зои ухмыльнулась.
— Рада, что у тебя все в порядке.
Род улыбнулся в ответ.
— Тебе правда не стоит бродить здесь одной. Я пройдусь с тобой.
Эта идея почему-то встревожила Зои. Будучи на несколько лет младше, она радовалась компании Рода и даже пару раз гуляла с ним. Будоражащее чувство — болтать и гулять со взрослым, который относится к ней как к равной. Но сейчас это почему-то показалось странным. От мысли, что Род будет идти рядом с ней через этот парк, по коже поползли мурашки. Их разница в десять лет сейчас казалась скорее отталкивающей, чем клевой.
— Все нормально, — сказала Зои. — Я уже уезжаю. Через три минуты буду в городе.
Род нахмурился.
— Ладно, — сказал он. — Пока.
Нажимая на педали, Зои начала жалеть, что так отшила его. Род просто хотел присмотреть за ней. В конце концов, они были соседями и он славный парень. При следующей встрече нужно не забыть поблагодарить его и объяснить, что она опаздывала в школу.
А все-таки, что Род здесь делал? Может, он тоже хотел посмотреть на пруд, в котором умерла Джеки? Эта мысль успокоила девушку. Наверное, она все-таки не чудачка. Людям любопытно. Это вполне естественное чувство.

Глава 17

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ВТОРНИК, 19 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Похоронное бюро Абрамсона располагалось всего в паре кварталов от полицейского управления. Зои терпеливо сидела в приемной, декорированной дорого и безвкусно. Большая люстра окрашивала комнату в сумрачно-желтый, придавая серому ковру от стены до стены болезненный оттенок. Диван, на котором сидела Зои, был обит тканью с узором из роз, наверняка стоящей больше, чем она заслуживала. Вдоль стены стояло еще несколько кожаных кресел и диванов, но других людей в комнате не было. Интересно, бывают ли дни, когда все сиденья заняты? Есть ли у похоронных бюро "высокий сезон"?
Зои устало потерла глаза. Прошлой ночью она спала ужасно, как бывало всегда, когда ночевала не дома. Она плохо спала уже пятую ночь и чувствовала раздражение и тревогу, обычно сопровождающие нехватку сна. Она даже не очень понимала, чем занимается здесь, в Чикаго. Агент Грей явно не желал ее присутствия, и бóльшую часть времени ей хотелось вернуться к тем дорожным убийствам, над которыми она работала. Но вместо того, чтобы сесть в первый же самолет в Вашингтон, Зои сказала девушке-администратору в мотеле, что задержится еще на несколько дней.
— Простите, что заставил вас ждать, — произнес подошедший к ней мужчина.
У него были очки в толстой оправе и улыбка, которая, казалось, излучала печаль. Она выглядела специально взращенной, проецирующей утешение и симпатию. Дескать, вот человек, который понимает вашу боль и готов взять все на себя.
— Ничего страшного, — сказала Зои, встав и пожав мужчине руку. — Я не договаривалась заранее.
— Вполне понятно, — ответил он. — Нельзя ожидать, что в минуту скорби вы…
— Я не скорблю, — поспешно перебила она.
Потом, сообразив, что это могло прозвучать немного прохладно, пояснила:
— Никто из моих близких не умер.

Махнула своим удостоверением. На обложке были буквы "ФБР", и Зои надеялась, что их хватит.
— Я работаю с ФБР. Я надеялась на несколько минут вашего времени.
Кажется, мужчина немного растерялся.
— Не представляю, чем я могу помочь ФБР.
— На самом деле я заинтересована в беседе с вашим бальзамировщиком, — сказала Зои. — Это связано с убийцей, которого пресса назвала Гробовщик-Душитель.
— О, да-да, — произнес он и скривил губы. — Я считаю это название довольно оскорбительным.
— Не сомневаюсь. И я с вами согласна. Совершенно очевидно, что убийца — не гробовщик и никогда не работал в похоронном бюро.
При этих словах лицо мужчины смягчилось. До сих пор Зои не задумывалась о неожиданном аспекте этих убийств: задетых чувствах директоров похоронных контор.
Она продолжила наседать:
— Мне нужна небольшая помощь, чтобы разобраться с методикой бальзамирования убийцы. Я нашла ваше похоронное бюро в Интернете, там много хвалебных отзывов, особенно о ваших услугах по бальзамированию.
Она не стала добавлять, что там же она наткнулась на целую пачку жалоб на стоимость гробов в "Похоронном бюро Абрамсона". Вряд ли тут есть какая-то связь.
— Понимаю, — ответил он и улыбнулся настоящей, полной гордости улыбкой. — Что ж, я — Вернон Абрамсон, владелец этого похоронного бюро и главный бальзамировщик. У меня работают еще двое бальзамировщиков, но я стараюсь брать на себя самые трудные случаи. Буду рад помочь вам всем, чем смогу.
— Отлично, — Зои удовлетворенно кивнула. — Сейчас у вас есть время?
Он провел ее вниз по чистой, стерильной лестнице, освещенной одинокой лампочкой. Переход от декорированной приемной к скудной лестнице был странным, но не удивительным. Зои предположила, что большинство клиентов никогда не спускаются на нижний этаж. Дверь открылась в небольшую комнату с кремовыми стенами и белым линолеумом на полу. Перед ними стоял стол с разными контейнерами, дальше — ряд белых шкафчиков, все закрытые. Напротив входа виднелись закрытые рольставни; вероятно, на них заносили тело для бальзамирования. В центре комнаты стояла плоская металлическая кровать. Зои вошла в комнату и завороженно уставилась на кровать.
— Сколько уходит времени на бальзамирование тела?
— Это сильно зависит от состояния тела. Одни находятся в худшем состоянии, другие — в лучшем. В среднем около двух часов.
Зои задумчиво кивнула.
— Я полагаю, у вас есть какие-то конкретные вопросы? По поводу убийств?
— Верно. Могу я показать вам несколько фотографий жертв?
— Разумеется.
Она достала папку из сумки, открыла ее и вытащила фотографии. Едва не разложила их на металлической кровати, освещенной лучше всего, но в этом было что-то неправильное, и Зои выложила снимки на стол. Вернон подошел и стал их заинтересованно разглядывать. Зои изучала выражение его лица. Непривычное ощущение — показывать такие снимки штатскому и не видеть ни потрясения, ни отвращения. Абрамсон перебегал взглядом с одной фотографии на другую, спокойно и бесстрастно. Этот человек был хорошо знаком со смертью.
— Я согласен с вашим заключением, — наконец произнес он. — Это работа не профессионала. По крайней мере, в двух первых случаях.
— Почему вы так считаете? — спросила Зои.
У нее были некоторые собственные идеи, но она не сомневалась, что директор похоронного бюро сможет сказать намного больше.
— Ну, во-первых, ни один уважающий себя профессионал не испортит так процесс бальзамирования ноги. К этому моменту тело должно было вонять до небес.
— А почему нога разложилась? Он не ввел бальзамирующий состав?
— Когда вводите бальзамирующую жидкость, вы должны массировать конечности, чтобы состав мог протечь в них и заменить собой кровь, — ответил директор. — Я предполагаю,

что он этого не сделал или был недостаточно терпелив. В любом случае нечто — возможно, сгусток крови — не дало бальзамирующей жидкости затечь в левую ногу. И ваш убийца этого не заметил.
— Так я и думала.
— Кроме того, — продолжил Вернон, — рот — абсолютно провальная работа.
— Рот?
— Взгляните, у этих двух жертв рот закрыт. Он был зашит. Но у первой жертвы его не зашили, и он открыт.
— Верно, — заметила Зои. — Я полагала, что убийца делал некое заявление. Вроде как он затыкает им рот или…
— Вы не поняли, — сказал Вернон. — Вам следует зашить рот. В противном случае он останется открытым, и это будет дурно выглядеть. Посмотрите на лицо первой жертвы. Она не выглядит безмятежной. Она выглядит удивленной… или напуганной.
Зои уставилась на снимки, впервые обратив внимание на выражение лиц. Абрамсон был прав. Зашитые рты придавали двум последним жертвам умиротворенный вид.
— Ясно… То есть вы считаете, что он дошел до этого не сразу?
— О, я уверен. Посмотрите, как он сделал этих двоих. Явно выяснил, как делать правильно. Я хочу сказать, что видел и лучше. Но для любителя это очень хорошая работа.
— А как он мог это выяснить? Ему требовался какой-то учитель?
— Думаю, если постараться, вы сможете найти эти сведения в Интернете. Конечно, если учитесь таким способом, вы будете допускать ошибки. Вроде рта у этой…
Он указал на снимок Моник Сильвы, второй жертвы. На снимке был крупный план лица.
— Видите края губ? И вот это почернение? — спросил Абрамсон, показывая обесцвеченные точки. — Это разложение. Он не продезинфицировал рот. До начала работы следует продезинфицировать рот, нос и глаза.
— Третье тело не разложилось, — заметила Зои, изучая фотографию Кристы.
В ярком солнечном свете лицо мертвой женщины казалось безупречным, разве что кожа была серовата.
— Возможно, он этому научился, — взглянув на снимок, сказал Вернон. — Она определенно забальзамирована лучше, хотя он использовал меньше краски, чем у первой жертвы, и кожа слишком серая.
— А почему он мог добавить меньше краски? — спросила Зои.
— Не представляю. Возможно, экспериментировал… Пытался добиться лучших результатов? Или просто краска кончилась?
Лучших результатов? Зои задумалась. Первое тело было найдено лежащим на траве, прямое как доска. Второе стояло на мосту, держась руками за перила. Третье нашли сидящим на пляже, лицо закрыто руками, колени согнуты — совсем живая поза.
— Забальзамированное тело, — произнесла она. — Насколько оно гибкое?
— Совершенно не гибкое — по крайней мере, если использовать стандартную методику бальзамирования, — ответил Вернон. — Оно очень жесткое.
— А если изменить концентрацию… что вы туда кладете?
— Формальдегид? — с ноткой веселого изумления сказал Вернон. — Тогда тело станет более гибким. Но оно будет быстрее разлагаться.
— Насколько быстрее?
— Недели или месяцы вместо лет. Может, даже дни. Зависит от концентрации.
— Мог он играть с концентрацией? Чтобы сделать тело гибче?
— Конечно, но зачем?
— Пока не знаю, — задумчиво протянула Зои. — Пока не знаю…

Глава 18

Доктор Бернстайн в тот день не появлялся и не отвечал на телефон. Мартинес временно передал Зои его место в оперативной комнате. Старый и хлипкий стол продолжал шататься, не замечая бесчисленных бумажек, подсунутых ею под все четыре ножки. Но, несмотря на

его шаткость и запятнанную исцарапанную столешницу, было что-то успокаивающее в собственном рабочем месте, пусть и временном. Сейчас Зои сидела и разглядывала страницу из блокнота, лежащего перед ней на столе. Занимаясь профилированием, она привыкла записывать первые идеи при помощи ручки и бумаги. До сих пор Зои написала следующее: "Убийца — мужчина; убийство предумышленное, есть признаки, что это серийные убийства на сексуальной почве". Она раздраженно нахмурилась. Может, пузырьковая диаграмма приведет мысли в порядок… Нарисовала пузырь и написала внутри "Фантазии".

Фантазии всегда были краеугольным камнем серийных убийц на сексуальной почве. Обычно они грезили и фантазировали о сексуальном насилии. Со временем эти фантазии становились все более изощренными и жестокими. И, когда они становились совсем детальными, мужчина начинал действовать, стараясь реализовать их.

Зои провела линию от пузырька, нарисовала на ее конце еще один и написала в нем: "Власть или Ненависть?"

Психологи-профайлеры старой школы часто заявляли, что серийные убийцы на сексуальной почве делятся на две группы. Фантазии "властолюбца" крутились вокруг сексуального насилия, а убийство было его побочным продуктом. "Ненавистниками" двигали злоба и садизм.

Зои уставилась на обе группы. На самом деле не подходила ни одна. Фантазии явно были очень значимой частью этих убийств, что вроде бы указывало на "ненавистника", но мотивация столь же явно была связана с властью. Зои зачеркнула оба слова, потом закрасила их мелкими злыми штрихами. Здесь все намного сложнее.

Она провела новую линию от центрального пузырька и попыталась придумать нечто иное. Потом добавила еще несколько линий. Теперь рисунок напоминал солнце. Зои пририсовала тучку и двух птичек.

Предполагается, что она занимается профилированием убийцы, а вместо этого рисует дурацкие картинки…

Бентли встала и огляделась. Сзади, за своим столом, сидел агент Грей и читал отчет о вскрытии Кристы Баркер.

— Агент Грей, — произнесла она как можно формальнее, — не могли бы вы ненадолго посидеть со мной? Мне нужно поговорить об убийце.

Мужчина развернул кресло в ее сторону и, нахмурившись, ответил:

— О’кей. Я спрошу Мартинеса, не хочет ли он присоединиться.

Зои уже жалела, что обратилась к Тейтуму, а не к Мартинесу. Что толку от агента, который сначала выслушает ее теории, а потом начнет перечислять все пункты, где она могла ошибиться? Ничего хорошего из этого не выйдет. Но теперь уже поздно передумывать.

Мартинес сказал, что у него есть полчаса до совещания с капитаном. Все трое прошли в переговорную комнату и уселись. Кто-то уже прикрепил к одной из досок фотографии тела Кристы Баркер, а снизу повесил хронологию событий. Зои понадеялась, что они найдут убийцу раньше, чем закончатся доски. Красный кружок на карте сейчас отмечал пляж на Огайо-стрит, а красный крестик — квартал у Брайтон-парка, где Криста работала в ту ночь, когда ее видели в последний раз. По отметкам на карте было очевидно, что убийца не ограничивается определенным районом Чикаго.

— Я думаю, мы можем начать сужать круг подозреваемых, — сказала Зои, глядя на Мартинеса.

Лейтенант и агент Грей сидели рядом с одной стороны стола. Зои сидела напротив.

Мартинес кивнул:

— Хорошая мысль.

— Нам известно, что наш объект — мужчина. Сегодня утром я консультировалась с бальзамировщиком, и тот подтвердил мои предположения. Убийца не работает в похоронном бюро, или если работает, то начал совсем недавно.

Зои прикусила губу. Сейчас будет сложный момент. Каждая деталь, которую она добавит к профилю, сузит круг подозреваемых, но, если она внесет неверную деталь, полиция может вообще пропустить убийцу, разыскивая человека, который лучше подходит к профилю.

— Убийца очень умен, — сказала она. — Похоже, он очень быстро изучил процесс бальзамирования, но почти наверняка занимался этим самостоятельно, учась на своих

ошибках. С первой жертвой сделал несколько грубых ошибок, со второй ошибок почти нет, а третья обработана настолько хорошо, что удостоилась похвалы бальзамировщика, с которым я разговаривала. Это говорит о хороших технических навыках. Кроме того, у него редкая организованность.
— Откуда такой вывод? — спросил Мартинес.
— Самостоятельное и упорное изучение такого сложного процесса требует уровня самодисциплины, не свойственного большинству людей.
Лейтенант подался вперед, делая пометки в блокноте. Тейтум со скучающим лицом откинулся на спинку стула, сложив руки на груди.
— Теперь несколько довольно очевидных заключений. У убийцы есть квартира или дом и машина. Последняя нужна ему, чтобы забирать проституток с улиц, а потом увозить их тела; вдобавок жертвы были найдены в разных, удаленных друг от друга районах. Моник и Кристу забальзамировали не у них дома; значит, убийца делал это в каком-то месте, которое считал безопасным. Это также свидетельствует, что он живет один.
— Или у него есть мастерская, — заметил Тейтум.
Зои кивнула.
— Да, это вполне возможный вариант. Далее: убийца достаточно силен, чтобы дотащить забальзамированные тела Моник Сильвы и Кристы Баркер до тех мест, где он их оставил, — продолжила она. — Поэтому я сказала бы, что мы ищем сильного мужчину, но угрожающе он не выглядит.
— Почему?
— Потому что и Моник, и Криста согласились с ним поехать, — ответила Зои. — Кристал сказала нам, что Криста отказалась бы поехать с мужчиной, который подозрительно выглядел. Она вела себя осторожнее, чем большинство панельных девушек. Будь у него опасная внешность, она предупредила бы своего сутенера и убедилась, что тот присмотрит за ней, или просто отказала бы клиенту. Это приводит меня к мысли, что он ездит на приличной или хорошо ухоженной машине.
— Вы не думаете, что это тот парень, которого описала Кристал? Мужик с татуировками? — спросил Мартинес.
— Сильно сомневаюсь. Будь это некто настолько примечательный, люди его заметили бы. Я читала в отчетах, что вы получили несколько общих описаний внешности последнего клиента Моник Сильвы. Если б он как-то выделялся, у вас имелись бы очень подробные описания. И, опять же, я сомневаюсь, что она села бы к нему в машину.
— О’кей, звучит логично.
— Далее… первая жертва была студенткой школы искусств. Он напал на нее прямо в ее доме и оставался там, пока не забальзамировал тело. Но вторая и третья жертвы были проститутками. Вероятно, он заплатил, чтобы они поехали с ним, а потом убил их в безопасном месте.
— Он мог убить их на улице или в переулке, — заметил Мартинес.
— Тогда зачем их связывать? — спросил Тейтум. — Когда он их связывал, они были еще живы; на улице таким не займешься. Намного проще уговорить их поехать к нему.
Лейтенант неохотно кивнул.
— Вторая и третья жертвы — классические цели серийного убийцы, — продолжила Зои. — Рискованная деятельность, высокая уязвимость. Но как сюда укладывается студентка Сьюзен Уорнер? И пусть он наметил ее в качестве цели, зачем оставаться у нее дома? Почему его не тревожило возможное появление соседки и бойфренда?
— Он знал, что они не появятся, — сказал Тейтум. — Он был с ней знаком.
Зои кивнула, почувствовав легкую тень признательности, но ничем ее не выдала.
— Итак, движущей силой для серийного убийцы на сексуальной почве являются его фантазии. В некий момент фантазировать становится невмоготу, и он их воплощает. Но реальности никогда не удается оправдать фантазии, и убийца хочет попробовать снова. В следующий раз сделать лучше. Наш убийца был как-то знаком со Сьюзен Уорнер и, возможно, фантазировал о ее убийстве. Он знал, что та живет одна и что она беззащитна. Однажды ночью он наносит удар. Но дела идут не так, как он ожидал. Бальзамирование прошло не лучшим образом, и теперь он хочет сделать все заново, но лучше.
— Но, кроме Сьюзен, он не знает ни одной одинокой женщины, — подхватил Тейтум.

— Совершенно верно, — согласилась Зои. — И поэтому он начал целиться в проституток.
Тейтум уже не казался скучающим, его глаза заблестели. Зои хорошо знала этот блеск, этот взгляд хищника, почуявшего запах добычи.
— О’кей, — сказал Мартинес, просматривая записи в блокноте. — Тогда давайте перейдем к неприятной теме. Зачем он их бальзамирует?
— Он не только бальзамирует их, — заметила Зои. — Он придает им определенные позы и одевает их. Первое тело было в вечернем платье с одним оторванным рукавом. Полагаю, рукав оторвался, когда он одевал ее, поскольку тело было слишком жестким и плохо сгибалось. На Кристе Баркер, по словам ее подруги, была чужая одежда. И чье-то кольцо на пальце.
— О’кей, — произнес Мартинес. — Зачем?
— Возможно, это какая-то форма властных фантазий, — медленно сказала Зои, чувствуя грызущее ее сомнение. — Игра в куклы с мертвыми женщинами.
Это звучало как-то неправильно. Зачем тогда их бальзамировать? После убийств он занимался с телами сексом. В этом расследовании, помимо прочего, явно присутствует некрофилия. Но после бальзамирования он вряд ли сможет повторить акт. Это означает потерю власти. Не сходится.
— На самом деле, я так не думаю. Я не знаю, почему он их бальзамирует. Пока не знаю.
— Ладно, — сказал Мартинес. — Что-то еще?
— Я бы поискала сообщения, — протянула Зои, — о бродячих животных, забальзамированных и оставленных на улице. Даже с учетом ошибок при бальзамировании Сьюзен Уорнер для первой попытки убийца проделал очень неплохую работу. Могу поспорить, что он на чем-то практиковался.

Глава 19

Он притормозил, когда заметил ее на углу. Она стояла в кучке других, но прочие не стоили второго взгляда. Они были пошлыми, скучными, уродливыми. Ничем не примечательными.

Но она была совсем другой. Вся ее внешность излучала невинность, такую редкую в ее профессии. То, как она оглядывалась, отчасти ищущая, отчасти напуганная тем, что может найти. Ее одежда, более скромная, открывающая меньше кожи, заставляющая работать воображение. А его воображение уже разгулялось.

Она — та самая. Он чувствовал это костями. Это женщина, которая поможет ему снова почувствовать себя живым, которая наполнит каждый его день радостью и волнением.
На этот раз все будет иначе.
Когда он остановил машину рядом с ними, одна из проституток тут же прыгнула к ней, улыбаясь, наклоняясь, демонстрируя ему содержимое своего выреза. Она не носила лифчик и качнулась туда-сюда, продолжая улыбаться. Но взгляд за этой улыбкой был усталым, а движения — механическими, расчетливыми, проделанными уже сотню раз. Он опустил стекло с пассажирской стороны.
— Хочешь немного развлечься? — спросила она, и он услышал пустоту в ее голосе. — Похоже, ты спешишь. Двадцать баксов за быстрый отсос. Или хочешь чего-нибудь посерьезнее?
Не обратив на нее внимания, он обернулся к той, невинной. Может, это ее первый день на панели… Он спасет ее прежде, чем она начнет падать.
— Как насчет тебя? — спросил он. — Не прокатишься со мной?
Она обернулась к нему, встревоженно глянула.
— Я? Ну… в смысле… ты хочешь, чтобы я поехала с тобой? Может, ты лучше пойдешь со мной наверх? — сказала она, указывая на мотель за спиной; застекленная дверь была

грязной от сажи и прочего. — У меня там комната. Я только сняла ее — перебралась сюда пару дней назад. Она симпатичная.
Он так и знал. Ей здесь не место. Он тепло улыбнулся ей.
— Я предпочитаю собственную постель. Внакладе ты не останешься, обещаю.
В ее взгляде что-то мелькнуло. Настороженность. Может, она здесь и новенькая, но не такая невинная, как он думал. Она знала, как о себе позаботиться.
— А ты далеко живешь? — спросила она.
— Двадцать минут езды отсюда, — сказал он.
Вообще-то, скорее тридцать. Она чуть подалась назад. Он терял ее. Но, в отличие от нее, он хорошо знал эту игру и держал козырь в рукаве.
— Но у меня есть… ну, особая просьба, — сказал он.
— Да? — произнесла она, отступая от него. — Какая?
— Ты не против, если мы купим тебе кое-какую одежду? Я хочу одеть тебя как мою бывшую подружку. Немного стремная просьба, я знаю, и если ты не захочешь, то не будем. Но для меня это много значит, а ты потом сможешь оставить одежду себе.
Он виновато улыбнулся. Увидел, что она расслабилась. Есть такая хитрость с этими девицами — живя на улице, они учатся прислушиваться к тревожным сигналам. Они видят — в нем что-то не так, пусть даже и не знают, что именно. И от него требуется лишь одно — сказать им, что они правы, что да, он чуточку странный, но одеться под другую женщину… это не опасно.
— Ладно, — сказала она. — Но это обойдется дороже.
— Конечно, — он улыбнулся.
— Двести пятьдесят, — сказала она. — Ехать долго, и мне понадобятся лишние деньги на такси обратно.
Он кивнул:
— Все будет.
Она нагнулась, открыла пассажирскую дверь и залезла внутрь. Салон заполнил запах ее духов — невинность, сладкий аромат, подходящий для школьницы.
Он влюбился.

Глава 20

Лили наблюдала за клиентом, пока он вел машину. Симпатичный мужик, чистый и одет неплохо. Зубы кривоватые, да и почистить не помешает, но кто без греха? Дурной запах изо рта — далеко не худшая вещь в ее работе. Временами он поглядывал на нее и робко улыбался. Она старалась все время выглядеть чуточку напуганной.
Они всегда ищут шлюху-девственницу.
Это был ее третий год на улице, и она неплохо справлялась, большое спасибо. Всегда имела лучших клиентов, всегда получала чаевые. Время от времени натыкалась на очередного мужика, который давал ей сотню-две сверху, чтобы она "привела себя в порядок и избавилась от панели". Ей всего-то требовалось поддерживать образ хорошей девушки в плохом месте. Вот такая она, невинная девочка, которая попала в дурную компанию и пытается выбраться из невозможной ситуации…
Нейт, ее дружок, говорил, что она — чудо. Настоящий гений, панельная версия Эйнштейна. И серьезно, в этом не было ни одного изъяна. Ей даже не требовалось особо стараться. Нужно было просто отворачиваться, когда появлялся клиент, выглядеть напуганной, как будто она втайне надеется, что он выберет кого-то другого. Если он приезжал на по-настоящему хорошей машине, она чуть заметно вздрагивала или выдавливала слезу. Мужчинами очень легко манипулировать.
Сейчас она даже не особо нуждалась в новых клиентах. У нее было трое таких, кто регулярно уговаривал ее "бросить панель". Каждый из них считал себя единственным. Лили дала им свой второй номер, которым пользовалась для работы, и, когда этот телефон звонил, она сразу понимала, что ночь предстоит легкая и прибыльная.

Лили оглядела вычищенный салон машины. Потом потянула носом. Запах какой-то странный, стерильный.
— А чем тут пахнет? — спросила она.
— Формалин, — ответил клиент. — Мерзковато, правда? Но ты привыкнешь.
Она не знала, как это понимать.
— Так ты доктор или кто?
— Что-то в этом роде, — он кивнул. — Ты в порядке? Не мерзнешь?
Она не мерзла. Но все равно легонько вздрагивала.
— Нет, все хорошо.
Лили подумывала сказать ему, что это ее первый раз, но решила — не стоит. Иногда это отлично срабатывало, и парень просто балдел. Но иногда они чувствовали вину, везли ее на автостанцию и предлагали купить билет до ее родного города.
— Слушай… а твой дом сильно дальше?
— Не-а, уже недалеко. Мы только заскочим в магазин, купим тебе новую одежду — и прямиком туда, о’кей?
— Ага, ладно. Эмм… но, если мы надолго, мне придется объясняться с парнем, с которым я живу. Он злится, когда я уезжаю надолго и не привожу лишних денег. Я не хочу, чтобы он разозлился.
Тончайшая нотка ужаса, оставляющая все воображению клиента.
— Не волнуйся. Мы ненадолго. И я заплачу тебе полтинник сверху. Не хочу, чтобы у тебя были неприятности.
— Спасибо, мистер.
Лили с признательностью коснулась его руки. Ее тупой рыцарь в сияющих доспехах, спасающий ее от ужасного и воображаемого сутенера.
— Ты правда славная девочка, — сказал он. — Что ты делаешь на улице?
Она пожала плечами. Тоскливый взгляд. Тяжесть жизни на ее юных плечах, и так далее, и тому подобное.
— Просто не повезло.
— Ага, — сказал он, кивая. — Я так и подумал.
Лили слышала это в его голосе. Он здорово запал на нее.
Она позволила себе легкую улыбку. Он крепко запутался в ее сетях.

Глава 21

В комнате Зои в мотеле было две кровати. Одну покрывали папки с документами и фотографии, распределенные на три группы, по жертвам. Сама Зои лежала на другой, уставившись в потолок, и надеялась, что рано или поздно у парочки в соседней комнате закончатся силы. В отзывах на сайтах люди обычно писали о чистоте в мотелях, качестве обслуживания или цене. Они никогда не упоминали о тонких стенах и ощущении, что пара в комнате 13 оргазмирует прямо в ухо человека в комнате 12.
Зои всегда было трудно сосредоточиться в неблагоприятном окружении, но это было просто смешно. Сейчас они пошли на второй заход, и это как минимум означало, что оба еще живы. В первый раз женщина вопила так, что Зои забеспокоилась, не убивают ли ее. Наконец она услышала непристойно обрадовавший ее звук — мужской стон. Кровать в комнате 13 скрипнула еще пару раз — возможно, по инерции — и дело было сделано.
Зои встала и вернулась к бумагам.
Такие случаи всегда увязаны с фантазиями. В чем заключаются фантазии убийцы? Она смотрела на фотографии: тело, лежащее на траве; другое, стоящее на мосту; третье, сидящее на пляже. Она уже побывала на двух предыдущих местах, пытаясь прочувствовать, о чем думал убийца, когда расставлял тела. Это было частью ее работы. Зои всегда приходила на места преступлений, даже если там не оставалось ни крупинки улик. Это помогало лучше представить преступление и, как следствие, лучше понять убийцу.
Зои сдвинула фотографию Сьюзен Уорнер в сторону. Эта жертва была важна, даже критична, поскольку убийца почти наверняка знал девушку, но ее поза говорила лишь о

неудаче. Убийца не справился. Платье порвалось, когда он натягивал его на тело, конечности были слишком жесткими, поза — неестественной, рот открыт. С точки зрения убийцы — одна сплошная ошибка. Зои в этом не сомневалась.
Тело нашли двенадцатого апреля. После этого прошло почти три месяца. Чем все это время занимался убийца?
Учился. Экспериментировал. Пытался разобраться, как сохранить определенную гибкость тела после бальзамирования. Изучал, как зашивать рот.
Следующая — Моник Сильва. Взята с улицы, найдена примерно неделю спустя. Что он столько времени делал с телом?
Зои еще раз просмотрела отчет о вскрытии, хотя уже выучила его практически наизусть. После мест преступлений она поехала в морг и прошлась по отчету о вскрытии вместе с патологоанатомом. Странгуляционная борозда на шее говорила о какой-то тонкой, крепкой и гладкой веревке, которой задушили жертву. Сзади на шее был округлый синяк, и медэксперт предположил, что веревку накинули на шею жертвы, а потом закрутили сзади, затягивая петлю. Глубокие ссадины на запястьях и лодыжках свидетельствовали, что девушку связали и она пыталась порвать путы.
После смерти тело подверглось сексуальному надругательству. Однако, по словам патологоанатома, бальзамирование должно было предотвратить повторение подобных попыток — тело становилось слишком жестким. Эксперта откровенно передернуло, когда Зои спросила об этом. Она ухитрилась вызвать приступ отвращения у человека, который зарабатывал себе на жизнь вскрытием трупов… "Поздравляем, у вас новое достижение".
Бентли подняла с кровати фотографию Моник Сильвы. Что же он все это время с ней делал?
Телефон пискнул. Зои взяла его и посмотрела на экран. Пришло сообщение от Андреа. "Соскучилась. Чем занята?".
Она напечатала: "Читаю отчет о вскрытии".
Ответ пришел почти сразу. "Умеешь развлекаться".
За фразой шла череда смайликов: грустное лицо, мертвое лицо, два черепа, призрак и рука с пальцем вниз. Эсэмэски от Андреа заставляли Зои чувствовать себя археологом, столкнувшимся с древнеегипетской иероглификой. "Я вернусь через пару дней", — написала она.
В ответ пришла картинка с медвежонком Фоззи, кричащим в воздух. Зои вздохнула и отложила телефон. Она собиралась вернуться к документам, когда из комнаты 13 послышался звук.
Это была женщина. Она спрашивала, "а кто грязный мальчишка".
Зои взмолилась, чтобы речь шла о каком-нибудь грязном мальчике, которого та увидела в телевизоре.
Но нет, за ответом дело не стало. Грязным мальчишкой, по-видимому, был мужчина. Зои подумала, не постучать ли в стенку и не предложить ли для исправления ситуации душ.
Послышался смех. Потом возглас.
Снова заскрипела кровать.
Зои собрала все бумаги и вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Глава 22

У Тейтума было сильное подозрение, что Марвин устроил у них дома вечеринку.
— Марвин, что это за шум? — крикнул он в телефон.
Музыка, рвущаяся из телефонного динамика, заставляла держать аппарат подальше от уха.
— Что? Я тебя не слышу!
— Шум, Марвин! Что это за шум?
— Погоди.
Хлопнула дверь, и громкость музыки слегка уменьшилась.
— Извини, — сказал Марвин. — Из-за музыки я тебя не слышу.
— Что там происходит?

— Я пригласил пару друзей.
— Соседи позвонят в полицию. От этого шума голова раскалывается.
— Тейтум, я пригласил соседей. И они всем довольны.
Тейтум вздохнул.
— Там всё в порядке?
— Я думаю, твой кот злится, потому что ты бросил его одного со мной.
— Почему ты так решил?
— Помнишь коричневые туфли, которые ты оставил в спальне?
— Ага, — сказал Тейтум, у которого екнуло сердце.
— Короче, он насрал в эти туфли.
— Вот черт… Ты их выкинул?
— Я их не тронул. Закрыл дверь, чтобы вонь не разносилась. И запах мочи не так чувствуется.
Тейтум сел. Его жизнь разбирали на части.
— Какой еще запах мочи?
— Твой кот нассал в кровать. А еще он разодрал одеяло.
— Может, тебе отвезти его в приют, пока я не вернусь домой? — с тяжелым сердцем предложил Тейтум.
— Ага, я уже пытался. Тейтум, он чуть не выдрал мне глаз. У меня теперь такие руки, будто я сражался с небольшим львом.
— Ну да.
— Честно, Тейтум, этот кот опасен. Я скоро начну спать с заряженным пистолетом под подушкой.
— У тебя нет пистолета.
— Уже есть.
Тейтум пытался держать себя в руках. Орать на деда по телефону — последнее дело.
— Слушай, Веснушке просто надо немножко любви. Приласкай его, дай посидеть на коленях…
— Да я на выстрел не подпущу этого злыдня к своим коленям. Знаешь, что там рядом? Очень важная штука.
— Да, я понял мысль, но…
— Мой член, Тейтум. Там рядом мой член, — пояснил Марвин. — И я не собираюсь подпускать его к моему члену. Хватай своего серийного убийцу и возвращайся, потому что твой кот совсем отбился от рук.
— Я работаю над этим. Ты говорил с доктором Нассаром насчет таблеток?
— Пока нет, Тейтум. Он очень занятой человек.
— Позвони ему первым делом завтра утром, или богом клянусь, я…
Дверь с грохотом распахнулась, музыка сразу стала громче.
— Марвин, ты идешь? — услышал Тейтум женский голос, перекрикивающий шум. — Выпивка уже здесь!
Где-то на заднем плане послышался грохот и расстроенный женский вскрик.
— Марвин, не разнеси мой дом.
— Тейтум, это кот. Все из-за этого кота. Мне нужно идти.
И дед отключился.
Рука Тейтума дрогнула, и он чуть не выронил телефон. В следующий раз нужно будет нанять кого-нибудь присматривать за Марвином и Веснушкой. Непрерывное разрушение дома было только одной из забот. Марвину, несмотря на его поведение, было уже не семнадцать. А если у старика будет сердечный приступ? Видит бог, учитывая, сколько алкоголя он пьет и сколько "травы" курит, мысль вовсе не надуманная. Ему нужно, чтобы кто-нибудь за ним приглядывал.
Тейтуму требовалось выпить. На противоположной стороне улицы виднелся довольно симпатичный паб под названием "У Кайла".
Он засунул бумажник в карман, а пистолет спрятал в кобуру. Потом вышел из мотеля и перешел улицу к пабу. По пути смотрел по сторонам, впитывая атмосферу. Черт, ему не хватало ощущения настоящего города. Последние десять лет его домом был Лос-Анджелес. Поначалу, выросши в Викенберге, штат Аризона, городке, где знаешь почти всех в лицо, он

счел Эл-Эй оглушительным и давящим. Город непрерывно атаковал все органы чувств — слишком много огней, людей, запахов, о звуках и говорить нечего. Но постепенно Эл-Эй врос в него. Тейтум начал наслаждаться ощущением постоянно вибрирующей вокруг него жизни. А потом, после одного маленького недоразумения между ним и начальством, последнего из полусотни аналогичных, он оказался в Дейле, штат Вирджиния. И вряд ли этот город назовешь местом неисчерпаемых приключений.

Чикаго — не Лос-Анджелес, но здесь Тейтум вновь чувствовал, что находится в месте, где кипит жизнь. Мимо прошла группа женщин, которые громко рассмеялись, когда одна из них послала ему воздушный поцелуй. Следом шли трое мужчин, сосредоточенно уткнувшихся в свои телефоны. Водитель такси притормозил и спросил, не нужно ли его куда подвезти. Движение. Жизнь.

Тейтум дошел до паба и открыл дверь. Его встретила песня Леонарда Коэна, и он сразу же одобрил это заведение.

— Привет.

Симпатичная рыжая официантка, на вид — только после школы, улыбнулась ему.

— С кем-то встречаетесь?

— Эмм… нет. Я сам по себе.

— У нас сегодня все занято, — извиняющимся тоном сообщила она. — Есть пара мест у стойки, но…

— У стойки — самое то, — ответил Тейтум.

Она нерешительно подвела его к бару, и Грей моментально подметил нечто странное. Заведение было набито битком, но четыре табуретки у бара, по две с каждой стороны от сидящей к нему спиной женщины, пустовали.

— Простите, — сказала официантка. — Мы еще раз попросим ее убрать эти фотографии. У них все нервничают.

— Все нормально, — ухмыльнулся Тейтум. — Я с этим справлюсь.

Он сел на табурет и взглянул на женщину. Зои, кто бы сомневался. Она сосредоточенно изучала ряд фотографий, разложенных на стойке бара. Среди снимков попадались сделанные как на местах преступлений, так и во время аутопсии. Неудивительно, что народ сбежал отсюда.

К Тейтуму подошел бармен.

— Пинту "Хонкерса", пожалуйста, — сказал агент.

Бармен кивнул.

— Если вы заставите ее убрать эти штуки, пиво за счет заведения, — сказал он.

— Не думаю, что я могу заставить ее что-либо сделать, — честно ответил Тейтум.

Бармен налил ему пинту и отошел, стараясь не смотреть на фотографии.

— От твоих снимков люди нервничают, — сказал Тейтум.

— Их проблемы. Я не могу сосредоточиться в комнате. В соседнем номере парочка трахается.

— Ну, рано или поздно они закончат, — заметил он.

— Ты так думаешь, да?

Тейтум глотнул из своей кружки, наслаждаясь вкусом. Иногда нет ничего лучше пива.

— Есть мысли насчет расследования?

Зои раздраженно покачала головой.

— Я не могу сообразить, что он делает, — ответила она, выразительно указывая на снимки. — Можно подумать, что он играет с ними, как ребенок с куклами. Одевает, придает позу, переносит с места на место…

— А разве такое невозможно? Он же не нормальный человек.

— Да, разумеется, — ответила Зои. — Однако он не полностью оторван от реальности. Он претворяет в жизнь свои фантазии. Но я сомневаюсь, что эти фантазии заключаются в играх с куклами в натуральную величину.

— Откуда ты знаешь, что он не слышит какие-нибудь голоса в голове?

— Этот убийца холоден, расчетлив, спокоен. Человек с голосами в голове или чем-то подобным будет склонен к импульсивным поступкам, станет воплощать свой бред спонтанно, без раздумий. А наш убийца не импульсивен… ну, по крайней мере, в основном.

— В основном?
— На всех телах есть признаки посмертного сексуального акта, — пояснила Зои. — Это происходило до бальзамирования. Я думаю, именно тогда он действовал под влиянием импульсивного желания. Вряд ли он планировал эти сексуальные акты заранее.
— А почему ты так считаешь?
— На телах практически нет ссадин или царапин, хотя все жертвы были задушены, а некоторые — предварительно связаны. И это не случайность. После бальзамирования все ссадины останутся. Но соитие всякий раз грубое, жестокое. В эти моменты он полностью терял голову.
Тейтум сделал еще один глоток. Уже не такой приятный, как первый. Зои ухитрилась испортить пиво.
— Послушай, — сказал он. — Ты в пабе. Убери эти штуки, о'кей? Я плачу за любую выпивку, какую захочешь.
Она поджала губы.
— А завтра утром мы с тобой обсудим это дело. Подумаем вместе.
— Хочешь сказать, ты придешь с теорией, потом махнешь рукой на мою и заявишь, что я все это выдумала, чтобы не потерять зарплату?
— Я спорол херню. Извини.
— Ты сказал, что я такая же, как доктор Бернстайн.
— А ты сказала, что у меня недержание мочи.
Отблеск улыбки. Медленно и аккуратно Зои собрала все снимки, сложила их в папку и засунула ее в свою сумку. Бармен с признательностью посмотрел на Тейтума.
— Дайте ей еще одно… в общем, что она пьет.
Зои покачала головой, отодвинув пустой стакан.
— Это был лимонад. Сейчас пинту пива, пожалуйста. У вас есть "Гиннесс"?
Бармен кивнул и повернулся к кранам.
Тейтум поднес кружку к губам, наслаждаясь маленькой победой. Он привык хорошо сходиться с людьми до того… ну, до того, как Пейдж бросила его, удрученного и растерянного. Приятно видеть, что он все еще может вызвать улыбку у женщины.
— Ладно, — сказал он. — А где ты живешь? В смысле, в Вирджинии.
— В Дейле.
— Правда? Я только туда переехал.
Зои кивнула, явно не потрясенная таким совпадением.
— Кто-нибудь ждет тебя в Дейле? — спросил Тейтум.
— А почему ты спрашиваешь?
— Просто поддерживаю разговор, — ответил он, пожимая плечами. — Можешь не участвовать. Будем сидеть здесь молча и пить.
Зои, похоже, взвешивала варианты.
— Сестра, — наконец произнесла она.
— Ты мне о ней говорила. Я имею в виду, кроме нее…
— А, типа приятеля? Нет.
Бармен поставил перед Зои высокий бокал, полный темного пенистого пива. Она сделала добрый глоток и спросила:
— А как насчет тебя?
— Только мой дед и мой кот. А, и рыбка. Совсем забыл, что теперь у меня есть рыбка.
— Но ни жены, ни подружки?
— Уже нет.
Зои сделала еще глоток, глядя на него. Он громко выдохнул.
— Была одна девушка. В Эл-Эй. Мы почти поженились.
— И что случилось?
— Она ушла. Мы почти спланировали свадьбу, и тут она собралась и ушла.
— Сочувствую.
— Спасибо.
— А твой дед переехал с тобой, когда тебя перевели в Квантико?
— Ага.
Тейтум пытался сообразить, как объяснить Мар-вина.

— Бабушка умерла в прошлом году, и он тяжело это перенес, поэтому переехал ко мне в Эл-Эй. Через неделю после того, как от меня ушла Пейдж. Потом, когда я сказал ему, что собираюсь в Дейл, он сообщил, что поедет со мной.
— Здорово, когда есть дедушка, с которым ты так близок.
— Можно сказать и так, — ответил Тейтум. — С ним нелегко иметь дело.
— Ага, с пожилыми людьми такое часто бывает, — заметила Зои, кивая. — Они часто привязаны к привычному распорядку, и любое покушение на него воспринимается ими в штыки.
Тейтум моргнул, пытаясь сообразить, насколько Марвин соответствует этому описанию. Если не считать "в штыки", то не особо.
— Ну, да, они с бабушкой вырастили меня, так что я по меньшей мере обязан помочь ему с… — произнес Тейтум и закашлялся. — С его распорядком.
Музыка сменилась, и бар заполнил голос Ника Кейва. Тейтуму определенно нравилось это заведение.

Глава 23

По щекам женщины текли слезы. Он отступил, чтобы взглянуть на свою работу. Он стянул ей руки за спиной, а потом прицепил их к крюку, вкрученному в стену. Больше никаких стульев, которые можно уронить и сломать. Она сидела на толстом одеяле; он не хотел, чтобы она поцарапалась о грубый бетонный пол. Она дрожала, возможно, от страха вместе с холодом. Она как раз сняла юбку и рубашку, и тут он приставил ей к горлу нож. Подумал было, не прикрыть ли ее чем-нибудь, но потом решил, что и так хорошо. Здесь не настолько свежо, чтобы она действительно замерзла, а холод сделает ее более слабой и сонной. Это будет только кстати, когда он все приготовит.
Он бросил ее сумку и одежду на пол. Когда закончит с ней работать, он сожжет вещи, как всегда. Сейчас он подобрал сумку и шарил в ней, пока не наткнулся на ее телефон. Достал и выключил его. Во время одной из предыдущих попыток телефон женщины зазвонил, когда он как раз собирался начать бальзамирование. Он перепугался до полусмерти.
Засунул отключенный телефон в карман и швырнул сумку обратно, к одежде.
Вышел и захлопнул за собой дверь, не обращая внимания на ее сдавленные протесты. У него есть работа, и чем быстрее она будет сделана, тем быстрее женщина замолкнет.
От возбуждения у него кружилась голова. Эта женщина абсолютно безупречна. Девушка-мечта, и он даже не думал, что когда-нибудь найдет такую на улице. Ему казалось, это судьба.
Он уже собирался готовить состав для бальзамирования, но замешкался. После прошлого раза у него осталось слишком мало формалина. Его хватит для того, что он изначально намеревался сделать… но хватит ли его для нее?
Соотношение — штука деликатная. Слишком много формалина — и ее тело станет жестким, с ним будет не управиться. Слишком мало — и через несколько лет она начнет разлагаться.
Он хотел провести с ней все свои дни до конца. Можно ли экономить на формалине? Что важнее — гибкость или лишние десять лет в его обществе?
Он улыбнулся, представив, как стареет рядом с ней. Проводить холодные зимы рядышком на диване, укрывшись одеялом, вместе глядя в телевизор. Лежать в кровати; ее голова у него на груди, в его руке книга, а другой он обнимает ее за талию. Сидеть вместе за обеденным столом; он рассказывает, как прошел день, а она слушает с обожанием и любовью. Он с удивлением осознал, что плачет. Он так счастлив…
Ему определенно нужно больше формалина.
Он взглянул на часы. Сегодня уже слишком поздно. Он добудет формалин завтра.
Укол нетерпения едва не заставил его передумать. Он посмотрел на петлю на столе, представил, как затягивает веревку у нее на шее. Последняя судорога, когда жизнь покидает тело. В штанах стало тесно, когда он подумал о ее неподвижном теле в его власти. Он

обернулся к бутыли с формалином. Наверняка этого хватит. Он взял бутыль, рука дрожала от возбуждения…
Нет. Он собирается провести с этой женщиной несколько десятилетий. Он сможет потерпеть еще один день. Он поставил бутылку обратно, сделал глубокий вдох. Завтра. Он сделает это завтра.
Подумал открыть дверь и извиниться перед ней за задержку, но сомневался, что она его поймет. Никто из них не понимал — до процедуры.
Он вышел из мастерской и запер за собой дверь. Приятно знать, что ее слабые крики слышны не дальше этих стен.

Глава 24

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА

Зои уставилась в открытый гроб, пытаясь почувствовать то, что дóлжно чувствовать в такие минуты. Скорбь, ужас, страх.
Она чувствовала лишь пустоту и сожаление, что не заглянула заранее в туалет.
Когда директор два дня назад вошел в класс и сообщил, что убита Клара, старшая сестра Норы, Зои слышала, как ребята вокруг нее плачут, вскрикивают, потрясенно перешептываются. А она не могла оторвать взгляда от покрасневших глаз директора, думая, что никогда не видела его плачущим.
Нора была ее ровесницей, как и большинство учеников в их классе. Зои была у нее дома три раза, когда обе были намного младше. В шесть лет они были подружками. Она смутно помнила Клару — тогда очень симпатичную десятилетнюю девочку, которую обожала Нора.
Зои тревожила ее собственная реакция. Недавно она позаимствовала книги о серийных убийцах и много читала о психопатах. Людях, лишенных способности сопереживать другим человеческим существам. Психопатов было удивительно много, один процент от всей популяции. Неужели она психопатка? И поэтому не горюет о Кларе? И не прольет ни слезинки, сочувствуя Норе? Мать плакала рядом, а ведь она знала и Нору, и Клару намного хуже, чем Зои. Люди в церкви плакали, их всхлипы слышались по всему просторному залу.
Зои пыталась заставить себя заплакать, пыталась думать, каково сейчас Норе. Клара, ее единственная сестра, схвачена мейнардским серийным убийцей. Изнасилована и убита, выброшена, как мусор, в реку Ассабет.
Ничего.
Школьный психолог сказала им, что любая реакция нормальна, все люди по-разному переживают горе. Но конечно, она не имела в виду полное отсутствие реакции. Это ненормально. И зацикливание на убийце, коллекционирование всех статей с его упоминанием — Зои была уверена — тоже ненормально.
Когда подошло время, она заставила себя подойти к гробу, посмотреть в лицо Кларе. Всего на четыре года старше ее, жестоко убита…
Клара не выглядела как девушка, которую жестоко убили. Казалось, будто она спит.
Зои отвернулась, посмотрела на заплаканную толпу, ища кого-нибудь, кто, как и она, абсолютно ничего не чувствует. Несколько детишек выглядели совершенно спокойными. Они не понимали, что происходит. Но каждый взрослый плакал или выглядел так, как будто сейчас расплачется.
Она направилась к выходу; мать пошла следом, гладя ее по голове.
В руку Зои скользнула чья-то ладошка. Она посмотрела на серьезную Андреа, пристроившуюся к сестре. Знала ли Андреа, что происходит? Теперь она каждую ночь спала с Зои. Ибо понимала: что-то очень неправильно.
Мир был белым, снег покрывал церковный двор, укутывал деревья, траву, тонкой полоской лежал на невысокой ограде, отделяющей двор от улицы. Зои пошла за родителями к

машине, все молчали. Залезла в салон. Звук запущенного двигателя казался странно приглушенным. У Зои кружилась голова, казалось, будто она где-то не здесь.
И ни одной слезинки. Никакого сопереживания. Совсем как у убийцы.
По дороге домой Андреа пристроила голову на плечо сестре. Она играла с пальцами Зои, как иногда делала по ночам, снова и снова гладя большой палец. Зои молчала, хотя ей было щекотно.
Поездка была недолгой, как и любая поездка в пределах городка. Когда они добрались до дома и вылезли из машины, Зои не могла сообразить, почему весь мир продолжает покачиваться.
А потом она оказалась на коленях, с колотящимся сердцем, извергая свой завтрак. Мать собрала ее волосы, говорила с ней, но Зои не понимала ни слова. Казалось, они мешаются друг с другом, а она кашляла и отплевывалась, смотрела на комковатую желтую гущу на снегу и безудержно дрожала.
* * *
Зои опять посмотрела на часы. Семнадцать минут третьего, и она подозревала, что сон так и не придет. Рядом свернулась калачиком Андреа; одеяло укрывало ее до подбородка, на щеке лежала прядка волос. Зои уже привыкла спать на половине кровати — и совсем не возражала.
Она плакала. Просто не могла остановиться. Дрожала и плакала больше часа. Мама обнимала ее, утешала и пыталась подобрать слова, которые помогут. В конце концов Зои добралась до своей комнаты и рухнула на кровать, глядя в потолок, пытаясь выбросить из головы жуткие картины, которые продолжали ее преследовать. Остаток дня был покрыт дымкой. Она не хотела ни с кем говорить, только быть одной. Кроме Андреа. Она не сказала ни слова, когда сестра вошла в ее комнату и плюхнулась на пол. С ней было чуть легче.
А сейчас ей хотелось только уснуть. Она вымоталась.
В итоге Зои вздохнула и включила ночник. Андреа напряглась во сне, потом перекатилась на другой бок, отворачиваясь от света. Зои вытащила книгу, которую прятала под кроватью, одну из тех, которые она брала в библиотеке. "Те, кто сражаются с чудовищами" Роберта К. Ресслера. Это была пятая книга, которую она брала о серийных убийцах, но первая, написанная психологом-профайлером из ФБР. Зои даже не знала о существовании такой профессии.
Чем больше она читала, тем больше деталей начинали становиться на место. Мейнард был далеко не единственным местом, где орудовал серийный убийца. И у деяний этих убийц, какими бы чудовищами они ни являлись, было объяснение. Ресслер утверждал, что движущая сила большинства таких существ — их фантазии. Эти фантазии разрастались, становились мощнее и подробнее, завладевали мыслями убийцы, и в какой-то момент он пытался их реализовать. Реализация на некоторое время удовлетворяла его, а потом он вновь ощущал потребность убивать.
Подробные психологические профили, которые приводил Ресслер, поразили Зои. Что он сказал бы о мейнардском серийном убийце?
Ей хотелось, чтобы начальник полиции Мейнарда попросил помощи у профайлера ФБР. Она как раз начала читать о беседе Ресслера с Дэвидом Берковицем, прозванным "Сыном Сэма". Берковиц застрелил многих мужчин и женщин, хотя целил он в женщин. Зои с нездоровым увлечением читала краткое изложение беседы, когда наткнулась на параграф, заставивший ее похолодеть. Берковиц сказал Ресслеру, что в те ночи, когда не мог найти жертву, он отправлялся на одно из мест предыдущих преступлений, разглядывал его и мастурбировал. Как далее указывал Ресслер, тогда они впервые получили настоящее доказательство того, что преступники возвращаются на место преступления, равно как и объяснение этого.
Зои несколько раз перечитала параграф, чувствуя, как что-то не дает ей покоя. Оно зудело в голове — тошнотворное ощущение, которое не хотелось вытаскивать на поверхность.
Вместо этого она закрыла книгу, засунула ее под кровать и еще раз попыталась уснуть.
С таким же успехом она могла пытаться летать. Этой ночью сон в Мейнарде навещал другие кровати.
Ее разум продолжал воскрешать в памяти день полуторамесячной давности.

Что Род Гловер делал у пруда Дюрана? Зои спросила его об этом, но прямого ответа не получила. Вместо этого он стал рассказывать о пожаре, на котором спас жизнь секретарше. Странная история…
Ей пришло в голову, что она больше ни от кого не слышала об этом пожаре. Мейнард был маленьким городом. Если у кого-то спускала шина, к вечеру об этом знала половина жителей.
Пожар в офисе? Женщина, героически спасенная работником? Даже с учетом убийств, такое событие без конца упоминали бы и обсуждали.
А потом Зои припомнила другие странные истории, которые рассказывал ей Род. Разве он не говорил однажды, что снимался в эпизодической роли в одном из первых эпизодов "Баффи", но кусок с ним вырезали, потому что он поругался с продюсером? И он заявлял, что был информантом ЦРУ, хотя ничего не мог ей об этом рассказать.
Зои не была наивной. Она всегда допускала, что он морочит ей голову или притягивает факты за уши. Но сейчас, когда Зои размышляла над этими рассказами, они в большей степени напоминали не веселые анекдоты, а просто вранье, без цели и смысла.
Она достала свой блокнот и листала страницы, пока не нашла нужную. Там была фотокопия фрагмента статьи о психопатах, содержащего "Перечень психопатических признаков". Перечень включал характерные черты, связанные с психопатией. Зои, обожавшая маркированные перечни, вставила его в блокнот. Третий пункт: патологическое вранье.
Она посмотрела на остальные пункты. Исключительное обаяние — есть. Род всегда улыбался, когда разговаривал с ней, часто по-дружески брал за руку. Его бесконечные подражания и вульгарные шутки, в попытках заставить ее рассмеяться… И это работало, смущенно призналась она себе. Он ей нравился. И все это делалось, чтобы завоевать ее расположение.
Недостаток сопереживания. Зои попыталась представить, что это означает. Понимать чувства других людей, так? Но Род понимал чувства. Он выслушивал ее, когда она жаловалась на родителей или на школу, сочувственно кивал. И Зои видела в его взгляде заботу. Она попыталась представить себе взгляд человека, которому все равно. Пустой, мертвый.
Отложила перечень. Род — хороший парень. И, конечно, он понимает чувства других людей, он…
Когда она заговорила о первом убийстве, он выказал нулевой интерес и сразу попытался рассмешить ее. Зои сравнила это с реакцией других людей, с которыми она говорила об убийстве. Ее подруги, на лицах печаль и страх. Миссис Эрнандес, которая плакала, когда сообщила об этом классу. Заплаканные лица в коридорах.
И Род, изображающий персонажа из "Баффи".
Психопаты не зомби. Их глаза по-прежнему действуют. Зои вылезла из кровати и стала разглядывать себя в зеркале. Трудно ли подделать заботу? Она чуть наморщила лоб. Отражение печально посмотрело на нее. Сплошное "сопереживание".
Трудно ли подделать заботу? Похоже, совсем не трудно. Взгляд человека ничего не значит. Она вернулась в постель, стараясь не разбудить Андреа, снова взяла перечень и проверила его.
Паразитический образ жизни. Зои внезапно вспомнила десятки раз, когда Род заглядывал одолжить садовый инвентарь. Или всякую мелочь, вроде молока, сахара или пива. Часто заходил во время ужина, комментировал, как вкусно все выглядит, и получал запоздавшее приглашение присоединиться к ним. Она не раз слышала, как мать бурчит об этом, но всегда считала это бурчание мелочным и скаредным.
Зои медленно подбирала другие связки, моменты из прошлого, подходящие к пунктам списка. Совпадение было далеко не безупречным. Она понятия не имела, были ли у Рода ранние поведенческие расстройства или подростковые правонарушения. В действительности она не знала о нем ничего, за исключением того факта, что он переехал в Мейнард три года назад. Переехал откуда? Почему? Были ли у него где-то родственники? Все те мелочи, которые Род рассказывал ей или ее родителям, крутились вокруг неправдоподобных историй. Внезапно его прошлое показалось ей очень туманным.
Однако все потихоньку начало сходиться.

Был ли Род Гловер психопатом?
Возможно. Но это еще не делает его серийным убийцей. Психопатом является один человек из каждой сотни. И большинство из них абсолютно безвредны.
Зои попыталась представить, как Род, припав к земле, ждет, когда Клара подойдет поближе. С его широкой зубастой улыбкой и нелепыми движениями. С его взлохмаченной шевелюрой. Бывают ли лохматые серийные убийцы? Глупость какая-то…
Что он делал в тот день у пруда Дюрана? Он пришел, потому что это приятное место для прогулки или потому что захотел вернуться на место преступления? Чем он занимался, когда она его заметила?
Она думала, он мочится.
Зои вздрогнула, руки сжались в кулаки. Она вспомнила, как тяжело он дышал. К горлу подкатил комок. Этого не может быть. Не может.
Вот только она понимала, что может. Она должна кому-то рассказать.

Глава 25

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
СРЕДА, 20 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои сидела за своим временным столом, читала с экрана ноутбука утренние новости и кривилась от отвращения. Медиа раздували тему этого серийного убийцы. Упоминалось участие ФБР. Была и фотография — размытые лица Зои и Тейтума вместе с Мартинесом на месте преступления, — увеличенная на радость читателям. По мнению "источников в управлении полиции", убийцей был белый мужчина, работающий в похоронном бюро.
Ей хотелось убить Бернстайна. Похоже, этот куль раздутого самомнения позвонил каждому журналисту и блогеру в городе. Вероятно, он ежедневно появлялся в новостных программах, получая от них приличные деньги за свое "экспертное мнение". Можно смело спорить, что в полицейское управление Бернстайн больше не сунется. Он получил лучше оплачиваемый и менее нервный ангажемент в прессе.
На ее стол легла пачка бумаг. Зои подняла взгляд и увидела Мартинеса.
— Что это? — спросила она.
— Перечень сообщений из Департамента контроля и защиты животных, — ответил лейтенант. — С июля четырнадцатого года по март шестнадцатого. Всего двадцать семь случаев. Догадайтесь, о чем они.
— О бальзамировании животных?
— Ну, первые шесть — о таксидермии. Но все двадцать семь из Вест-Пулмана. Это район в южной части Чикаго.
— Возможно, это был его исходный план, — заметила Зои, перелистывая отчеты. — Таксидермия жертв.
— Почему же он передумал?
— Не знаю. Я не слишком разбираюсь в разнице между таксидермией и бальзамированием. Кстати, здесь нигде не указано, что животные были забальзамированы.
— Мертвых кошек и собак обычно не отправляют на аутопсию. Но там есть описание жесткости и неестественных поз. Насколько я понимаю, это как раз следствие бальзамирования животных.
— Ага, — пробормотала Зои, вчитываясь в отчет о собаке, найденной лежащей на боку, мертвой и твердой, как камень. — Всех этих животных стащили из одного района?
— Всех, у кого мы смогли установить владельцев.
— Кто-нибудь из них видел человека, который украл его животное?
— В сообщениях этого нет, но Скотт и Мел начали опрашивать владельцев и проверять. Вы думаете, он живет в Вест-Пулмане?
— Или жил раньше. Он не особо заботился о выброшенных останках животных, в отличие от своих человеческих жертв.

— Должно быть, предположил — и правильно, — что полиция Чикаго не начнет большую охоту на серийного убийцу животных, — заметил Мартинес.
Зои не ответила, продолжая просматривать отчеты. Лейтенант отошел.
Бентли открыла браузер и начала искать сведения о таксидермии. Щелкнула на "Викихау", ее любимый сайт с информацией для "чайников". Больше всего она любила его за иллюстрации, которые бывали комическими и абсурдными. Правда, статья "Как заниматься таксидермией" оказалась совсем не забавной. Зои быстро поняла, что таксидермия принципиально отличается от бальзамирования.
Судя по отчетам, убийца сделал чучела шести котов и собак, прежде чем забросить эту идею. Возможно, он пришел к выводу, что результат не годится для людей. Она нацарапала слово "Методичность" на половинке листа бумаги, который лежал на столе. Потом подчеркнула "Самообучение" и "Быстро учится", написанные сверху два дня назад. Пожевала ручку. Он действительно забросил эту идею? Или все-таки попробовал?
Зои встала и подошла к Мартинесу.
— Скажите, лейтенант, не находили ли между четырнадцатым и пятнадцатым годами подвергнутое таксидермии тело молодой женщины?
— Ээм… нет.
"Возможно, он пробовал — и не справился".
— А тело, у которого не хватало больших кусков кожи? Как будто кто-то пытался сдирать с нее кожу?
Мартинеса перекосило.
— Нет. Думаю, я бы вспомнил, если б нечто подобное произошло в Чикаго в последний год.
— Ладно. Возможно, это хорошие новости.
— Да? Я обязательно засуну это в папку для хороших новостей.
Зои вернулась на свое место и начала сортировать отчеты в хронологическом порядке. Несколько первых были нерегулярными. Два в июле 2014 года, один в августе, два в сентябре, один в октябре, следующий только в марте, но Зои догадывалась, что в промежутке были и другие. Жалоб не поступало, поскольку люди, скорее всего, думали, что найденные животные просто замерзли насмерть.
Потом, в 2015 году, двое в апреле, одно в мае, двое в июне… одно-два каждый месяц, со случайными исключениями. Но в марте 2016 года в Вест-Пулмане было найдено пять забальзамированных собак и кошек.
Он стал неосмотрительным и безрассудным. Им двигала растущая жажда.
Ему не терпелось заняться настоящим делом.
Исходя из расчетного времени смерти, он убил Сьюзен Уорнер пятого апреля плюс-минус один день. Спустя всего неделю после того, как нашли последнее забальзамированное животное. Моник Сильва была убита около первого июля. И Кристу Баркер убили 10 или 11 июля.
Он разгонялся? Точно не сказать, данных не хватает. Но если ей нужна оценка… то, скорее всего, да. Между последними двумя убийствами прошло всего девять дней.
Сколько ему потребуется на этот раз? Неделя? Пять дней?
Или они уже опоздали?
Зои встала и снова подошла к столу Мартинеса.
— Послушайте, — сказала она. — Возможно, скоро он опять убьет. Очень скоро.
Лейтенант развернул кресло и поднял на нее взгляд.
— Насколько скоро?
— В лучшем случае через несколько дней.
— Вы думаете, он будет выбирать проституток?
— Да, я думаю, это самая вероятная группа.
— Мы можем установить наблюдение за несколькими популярными местами, — произнес Мартинес после нескольких секунд размышлений. — Но, честно говоря, мы понятия не имеем, на что смотреть.
— Крепкий парень, довольно приятная внешность, неплохая машина…
Голос Зои затих. Слишком слабый профиль.
Мартинес грустно улыбнулся.

— Вы только что дали описание большинства сотрудников нашего департамента.
Зои подняла бровь.
— Я не стала бы игнорировать вероятность, что наш подозреваемый — сотрудник какого-то из правоохранительных органов, — сказала она. — Но у нас по-прежнему недостаточно информации, чтобы сузить круг подозреваемых.
— Тем не менее вы считаете, что скоро он нанесет новый удар… Я позвоню в нравы. Я знаком с их лейтенантом. Она поможет — она умеет добиваться результатов. Может, нам удастся порасспрашивать, посмотрим, вдруг кто-то пропал… Скажем им держать глаза открытыми. Есть какие-то конкретные районы, на которых нужно сосредоточиться?
Зои замешкалась. Она пока не занималась в этом деле географическим профилированием, но судя по тому, что она видела, этот убийца не соответствовал стандартным шаблонам. Он убивал по всему Чикаго, не ограничиваясь одним районом.
— Понятия не имею, — наконец призналась она.

Глава 26

Тейтум потер лицо и вздохнул. В голове стучало, а когда он закрывал глаза, то все равно видел перед собой яркий экран ноутбука. Последние три часа Грей читал отчеты, и теперь ему нужно немного свежего воздуха.
Он работал с донесениями о кражах со взломом в Вест-Пулмане. Серийные убийцы часто начинают свой путь с "фетишистских краж". Они вламываются в дома женщин и крадут белье, одежду или другие вещи, которые подогревают их фантазии. Похоже, что этот серийный убийца начинал с того же. При толике удачи им удастся отыскать в отчетах фетишистские кражи, что позволит пролить свет на личность убийцы.
Ну… при большой удаче. Вест-Пулман был большим районом, растянувшимся за два патрульных маршрута в пятом округе. Кражи со взломом были здесь обычным делом, и Тейтум уже устал читать об украденных ноутбуках и драгоценностях. Он ухитрился отметить три подозрительных заявления, два из-за белья в списке украденных вещей и еще одно, в котором вдовец сообщал о краже драгоценностей его покойной жены. Тейтум рассудил, что если этот убийца сдвинут на смерти, кража драгоценностей мертвой женщины вполне может оказаться среди его ранних преступлений.
Они добавят эти отчеты к кипе возможных следов. Возможно, им удастся отыскать какую-то связь. Или просто фоновый шум. Тейтум начинал подозревать, что они гоняются за собственным хвостом. Ему нужен перерыв.
Он немного отъехал от стола — колесики кресла скрипнули по кафельному полу — и оглядел комнату. За столами сидели лишь Зои и Мартинес; больше в комнате никого не было. Где-то идет вечеринка, на которую их не пригласили? Тейтум посмотрел на лица других непопулярных деток из команды. На лице Зои не отражалось никаких чувств; она уставилась в экран, временами нажимая одним пальцем на кнопку. Мартинес что-то бормотал под нос и делал какие-то заметки в блокноте. Тейтум прикинул расстояние до стола лейтенанта. Примерно пятнадцать футов, на пути никаких препятствий. Он ухватился за столешницу и, сильно оттолкнувшись, поехал на кресле через всю комнату.
Уиииии…
Он немного промахнулся и едва не врезался в соседний стол, своротив корзинку для мусора. Смущенно наклонился и подобрал разбросанные бумажки, Мартинес тем временем разглядывал его, подняв свою серьезную бровь.
— Эй, — сказал Тейтум, выпрямившись.
— Всё в порядке, агент Грей? — спросил лейтенант тоном, обычно приберегаемым директором для недисциплинированного ученика на школьном дворе.
— Ага. Пока ничего не нашел. Пара слабых следов, ничего конкретного. А что у вас? Какие-нибудь новости от ваших детективов?
Мартинес дважды кликнул на иконку, открывая документ с перечнем имен и назначений.
— Давайте посмотрим… Скотт беседует с хозяевами забальзамированных животных. Дана и Брукс ищут друзей и родственников Сьюзен Уорнер, поскольку мы предположили, что

убийца был с ней знаком. Мел — внизу, в оргпреступности, разговаривает с людьми из полиции нравов. Томми проверяет записи с камер видеонаблюдения, расположенных в районе пляжа у Огайо-стрит, пытается найти подходящих кандидатов на машину убийцы. До сих пор новостей у меня нет.
— А какие контакты у вас есть по Сьюзен Уорнер?
— Ее родители, разумеется. Дядя, который живет неподалеку. Один бывший бойфренд, несколько друзей из школы искусств.
— Я мог бы съездить поговорить с кем-то из них, — с надеждой предложил Тейтум.
Мартинес поднял бровь.
— Я думаю, агент, мои детективы в состоянии справиться с этими допросами. Вам не нужно…
— Лейтенант, я не пытаюсь топтаться по вашему расследованию. — Грей поднял руки. — Мне нужно немного проветрить мозги, а я уже схожу с ума от этих заявлений о кражах.
— О’кей, — сказал Мартинес, его губы дернулись в намеке на улыбку. — Вы можете поговорить с… — Он посмотрел на экран. — Даниэлой Ортиз. Еще одна студентка, подруга Сьюзен Уорнер.
— Вы хороший человек.
— Я просто хочу избавить от вас оперативную комнату, — ухмыльнулся Мартинес.
Тейтум откатил кресло к своему столу и направился к дверям. Потом остановился, развернулся и подошел к Зои. Взглянул на ее экран. Она тоже читала заявления о кражах со взломом и не выказывала никаких следов скуки или усталости. Наверное, она робот; это все объясняет.
— Я собираюсь съездить поговорить с одной из подруг Сьюзен Уорнер, — сказал Тейтум. — Не хочешь присоединиться?
— А разве не детективы этим занимаются?
— Я протяну им руку помощи.
— Нам нужно разобраться с этими отчетами.
— Отлично, — произнес он, пожав плечами. — Я съезжу сам. — Повернулся к выходу.
— Погоди. — Зои схватила сумку и быстро встала.
— Тебе до смерти хотелось поехать со мной, но чтобы сначала тебя поуговаривали, — заявил Тейтум.
— Ничего подобного, — отозвалась Зои, стремительно идя к выходу. — Я поведу машину.

Глава 27

Гарри Барри наблюдал за струйкой дыма, поднимающегося от сигареты. Дым медленно рассеивался, смешиваясь с прочими вредными выбросами, которые висели над Чикаго.
Он опирался о покрытую копотью кирпичную стену, размышляя, выкурить ли две сигареты или остановиться на одной и вернуться к работе. Гарри склонялся к двум.
Еще несколько лет назад его босс, владелец "Чикаго дейли газетт" удовольствовался тем, что его курящие сотрудники курили высунувшись из окна, будто размышляя над поспешным самоубийством. Однако после череды жалоб от людей, цитировавших чикагский "Закон о чистом воздухе в помещениях", босс уступил. Гарри и трех его курящих товарищей вежливо попросили держать свою вонь подальше от офиса.
Все они перебазировались в маленький грязный переулок, немедленно названный переулком Рака легких. Смешно, но с момента их изгнания Гарри стал курить в два раза больше, поскольку "ну, раз уж я сюда дошел…". "Закон о чистом воздухе" разрушал легкие Гарри.
Он бросил окурок, наступил на него и засунул в рот новую сигарету. Закурил ее, обдумывая прочитанную утром статью в их газете, посвященную Гробовщику-Душителю.
Гарри был способным журналистом, хотя его имя не шло этому на пользу. Он следил, чтобы все его статьи были подписаны "Г. Барри". Это придавало ему ауру респектабельного американского гражданина, а не человека, чье имя по-дурацки рифмуется с фамилией. Несмотря на все эти ухищрения, он не менял ни имя, ни фамилию, поскольку

ему нравилось зваться Гарри и нравилось принадлежать к семейству Барри. Как он часто повторял друзьям, если жизнь дает тебе лимоны, делай лимонад; незачем менять их на папайи.
Гарри думал, что статья — дерьмо. Он отправил своему редактору электронное письмо с заголовком "Это дерьмо" и содержимым из ссылки на статью. Возможно, это был не самый дипломатичный способ донести свою мысль, но Гарри был в паршивом настроении, и, кроме того, если люди не хотят слышать о дерьме, так пусть его не публикуют.
Кто-то зашел в переулок Рака легких. Это оказался его редактор, Дэниел Макграт. Гарри быстро сообразил, что раз Дэниел не курит, значит, он явился по его душу.
— У тебя проблема? — спросил Макграт без вступительных любезностей.
Гарри затянулся, обдумывая вопрос.

— Ты выпускаешь любительскую писанину о самом горячем преступлении в городе со времен Клоуна-убийцы [13].

— А тебе какое дело? Я считаю эту статью хорошей. Там есть кое-какие омерзительные подробности. Несколько цитат из полиции. От эксперта. И…
— Нашим читателям плевать, что хотят сказать эксперты. Они скрипят, как точилка для карандашей. Наши читатели не хотят слушать, что скажут так называемые "источники в полиции". Особенно когда полиции нечего сказать, кроме как "мы работаем над этим делом".
— Правда? И чье же мнение наши читатели хотят услышать?
— Опры.
Дэниел моргнул.
— Опры Уинфри?
— Это ее город. Что она думает о жутком мужчине, превращающем женщин в статуи?
— Он делает совсем другое… а Опра живет в Калифорнии. И она вовсе не эксперт в преступлениях. Тем более в серийных убийцах.
Гарри швырнул недокуренную сигарету на землю и яростно растоптал ее.
— Никто не требует от нее быть экспертом. Она — Опра. И у нее есть квартира в Чикаго, значит, она одна из нас. Черт, мы можем сделать целую статью на чикагских знаменитостях, что они думают о чудовище, бродящем по их любимому городу. Канье Уэст, Тина Фей, Харрисон Форд…
— Ни один из них здесь не живет.
Гарри отмел это.
— Жили раньше. Это их город, и этот спятивший Гробовщик угрожает безопасности их людей.
— Это нелепо.
— Отлично. Пусть не Опра. Знаешь, кого следовало спрашивать, что они думают? Людей на пляже.
— На пляже?
— Ага. Главным образом женщин. Какого-нибудь парня погорячее. Желательно добавить к статье их фотографии. В купальниках. Спросить их, как они поведут себя, если столкнутся с одним из произведений искусства Гробовщика-Душителя.
— Так он теперь скульптор?
— Конечно. А почему нет? Это отличный угол зрения. Наши читатели будут в восторге. Я считаю, это сексуально.
Дэниел одарил его подозрительно пронизывающим взглядом, но Гарри гордился своей невосприимчивостью.
— Гарри, ты хорошо работаешь с трогательными сюжетами. Ты — мастер сексуальных скандалов.
Он кивнул, признавая этот сомнительный титул.
— Но это статья о чудовище. И наши читатели хотят знать, как идет охота. Об усилиях полиции схватить неуловимого убийцу, в то время как он убивает очередную невинную

женщину. Они хотят читать о жестокости, о страхе и смерти. Именно это возбуждает людей, когда дело касается серийных убийц.
— Дэниел, это плохая подача. Так делают все остальные.
— И именно поэтому мы делаем то же самое.
Они стояли, меряясь взглядами, и несколько секунд слышался только приглушенный шум машин на улицах Чикаго.
— Дай мне это написать, — наконец произнес Гарри. — Я сделаю из этого вещь.
— Мне не нужна статья о том, что Опра думает об этом убийце, — резко ответил редактор, закрывая разговор. — Ты не пишешь о преступлениях. Это не твоя тема. Займись своей работой.
— Почему бы тебе хоть раз не заняться своей работой? — выпалил Гарри.
Выражение лица Дэниела подсказало Гарри, что последняя фраза, возможно, была не слишком здравой.
— Знаешь… — Дэниел сложил руки на груди. — У меня есть одна очень важная тема. И я хочу, чтобы ты ею занялся.

Глава 28

Даниэла Ортиз жила в маленькой квартирке с двумя спальнями в Пильзене, районе в западной части Чикаго. Этот район был хорошо известен процветанием искусств, поэтому чикагские студенты художественных школ, вроде Даниэлы и покойной Сьюзен Уорнер, сбивались здесь в стайки.
Маленькая гостиная не слишком отличалась от гостиной Зои в Дейле. Но, если у нее все стены были голыми, не считая двух небольших картин, которые ей купила Андреа, стены Даниэлы сплошь покрывали фотографии в рамках. Перенасыщенная ими, комната казалась еще меньше, едва не вызывая клаустрофобию.
— Входите, пожалуйста, — сказала Даниэла. — Может, хотите что-то выпить?
Ее чувство моды соответствовало вкусам в дизайне интерьера. Казалось, что она пытается надеть на себя все цвета разом. На ней была красная бандана, желтая кофта поверх зеленой рубашки, синие джинсы и оранжевые с розовым тапочки. На правом запястье болтались несколько бисерных браслетов с доминированием сиреневого, коричневого и черного. "Ей стоит повесить на себя табличку с предупреждением для людей, страдающих эпилепсией". Зои порадовалась собственной шутке. Надо не забыть пересказать ее Андреа.
— Ничего, спасибо, — ответила она, в то время как Тейтум поинтересовался, нет ли кофе.
— Конечно, — ответила ему Даниэла и улыбнулась Зои. — Вы точно ничего не хотите?
— Ну… да. Если агент Грей выпьет чашечку, я тоже не откажусь, спасибо.
Даниэла ушла на кухню, и Зои, подойдя к стене, стала разглядывать снимки. Они выглядели как коллекция увеличенных крупных планов. Большая фотография росинки на листке. Группа сосулек на ветке. Крылатое насекомое, снятое снизу, крылья прозрачные и узорчатые. На нескольких снимках, висящих на дальней стене, были городские улицы, напоминавшие Европу. Каждая фотография была красива, но вместе они обстреливали комнату цветом и формами. От этого Зои чувствовала себя неуютно.
Даниэла вернулась с двумя чашками кофе.
— Они вам нравятся?
— Мм… да, они очень красивые.
— Крупные планы мои. А улицы в Венеции снимал мой друг. Он был там год назад по студенческому обмену.
— Вы оба изучаете искусство?
— Ну… я до сих пор. А Райан сейчас работает в авторемонтной мастерской. Но мы познакомились в колледже, когда он тоже был студентом.
— Это здорово, — сказала Зои.
В колледже она была знакома только с двумя парнями, и оба оказались дерьмовыми приятелями.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — предложила Даниэла, кивая на единственный диван в комнате.
Зои и Тейтум сели, и девушка поставила чашки на низенький круглый столик у дивана. На секунду Зои показалось, что она собирается сесть на диван между ними; неудобное расположение для расспросов, тем более что диван был двухместным. К ее облегчению, Даниэла вернулась на кухню и принесла оттуда небольшой стул, на который и уселась к ним лицом.
— Я видела в новостях, что нашли еще одну жертву, — сказала она. — Это так страшно. Я теперь боюсь выходить из дома после темноты и проверяю дверь по четыре раза в день. Вам удалось подобраться к этому парню?
— У нас есть прогресс, — ответил Тейтум. — Можем мы задать несколько вопросов о Сьюзен?
— Конечно. Все, чем смогу помочь. Погодите, может, мой друг тоже знает что-то полезное… Он пару раз встречался с Сьюзен.
— Разумеется, — согласился Тейтум.
— Райан! — крикнула Даниэла, и Зои стиснула зубы от пронзительного звука. — Можешь подойти на секунду?
Из спальни появился высокий широкоплечий мужчина с густыми черными волосами.
— Да? О, привет, — сказал он, заметив Зои и Тейтума. — Простите, я сидел в наушниках. Не слышал, как вы пришли.
— Райан, это специальные агенты Грей и Бентли. Они пришли задать вопросы о Сьюзен. Не хочешь присоединиться?
— Конечно, — ответил Райан. — Готов помочь чем смогу.
Он огляделся, ища, куда бы присесть. Потом сходил на кухню за вторым стулом и сел вместе с ними.
Зои отпила кофе — его вкус встряхнул ее; похоже, Даниэле нравилось все сильное и насыщенное — и стала наблюдать, как Тейтум расспрашивает подругу Сьюзен.
— Вы давно были знакомы со Сьюзен?
— Мы познакомились с ней примерно за год до того, как ее убили. Может, чуть больше, — сказала Даниэла. — Но Райан увидел ее только после того, как мы с ним начали встречаться. Так что он знал ее не больше пары месяцев.
— Верно, — согласился Райан. — Она была славной.
— Вы были хорошими подругами?
— Да, — ответила Даниэла, ее голос стал мягче. — Она была моей лучшей подругой. Я думаю, она тоже так ко мне относилась. У нее было мало друзей.
— Почему?
— Да она была тихая, понимаете? Всегда предпочитала остаться дома учиться или рисовать. Она редко выходила.
— То есть обычно она мало кого приглашала к себе домой?
— Ну да. И квартирка у нее была еще меньше, чем у меня. Она все равно не смогла бы устроить там большое сборище, понимаете?
— Она с кем-то встречалась?
— Не особо. У нее случилась большая размолвка за два года до… ее смерти. По-настоящему она так и не оправилась.
— Она встречалась с кем-нибудь незадолго до смерти?
— Нет. Я думаю, она ни с кем не встречалась последние шесть месяцев. По крайней мере, ни о ком не говорила.
— Она казалась встревоженной? Кем-нибудь или чем-нибудь? Не было ли какого-то мужчины, который знал ее и мог ее… беспокоить?
— Нет. Я не думаю, что у нее вообще были друзья-мужчины.
— Какие-то родственники? Брат? Кузен?
— Возможно. Я не знаю.
— Вроде у нее где-то поблизости живет дядя, — вмешался Райан. — Она точно пару раз его упоминала.
— А, да.

Зои кивнула. У Сьюзен в Чикаго был дядя. Семьдесят лет, передвигается на коляске. Но он уже был в списке, и кому-то скоро придется с ним поговорить.
— Она что-нибудь говорила о соседях? — продолжил Тейтум.
— Нет.
Изобилие отрицаний. Зои вздохнула и вступила в разговор:
— Когда вы в последний раз ее видели?
— Мм, за неделю до… ее исчезновения. Я к ней заходила.
— О чем вы разговаривали?
— Как обычно. Учеба. Искусство. Парни. Она сказала, что хочет съехать.
— Она говорила почему?
— Ага. Куча причин. Квартира — отстой. Изоляция ужасная; зимой все промерзает. Я помню, она на это жаловалась. Что еще?
— Там была беда с сырыми стенами и плесенью, — заметил Райан. — Серьезная штука.
Даниэла кивнула.
— Точно. От этого даже испортились несколько ее рисунков. А, и канализация засорялась. Один раз затопила всю квартиру. Нам пришлось поехать туда на минивэне Райана и отвезти всю мебель на склад, пока квартира не просохла.
— Ага. А ковер мы просто выкинули, — добавил Райан. — Ну, и еще домовладелец — редкая сволочь.
— В каком смысле? — уточнил Тейтум.
— Она никогда не могла его найти, если что-то нужно, — сказала Даниэла. — Когда ее залило, ей пришлось самой за все заплатить. А вот за квартплатой этот мерзавец всегда являлся. Да еще грозился ее повысить.
— Вы знаете, как его зовут?
— Нет.
Зои и Тейтум переглянулись. Скорее всего, детективы уже проверили домовладельца, но Бентли сделала себе мысленную пометку уточнить.
— Можете вспомнить что-то еще? — спросил Тейтум.
Даниэла покачала головой.
— Хотела бы я вам помочь, — сказала она; в уголке ее глаза набухла слеза. — Мне так ее не хватает…

Глава 29

К тому времени когда Зои и Тейтум подъехали к полицейскому управлению, по машине мерно стучал дождь. Зои уставилась на каплю, которая текла по стеклу, сливалась с другой каплей и стекала еще быстрее. Она следила за струйкой, пока та не добралась до нижнего края. Зои думала о том, как Даниэла описывала Сьюзен, и пыталась создать профиль жертвы. Молодая студентка школы искусств, живет одна, проводит большую часть времени в своей квартире…
Безупречная жертва. Убийца хорошо выбрал. Он был осторожен.
Но сейчас он постепенно терял осторожность. Охотился на случайных проституток. Хотя у него, скорее всего, были какие-то критерии, он больше не выбирал одиноких женщин. Криста жила с дружком и, судя по описанию, могла поладить с кем угодно. У нее был сутенер.
Становится ли убийца дерзким? Или его делает таким растущее стремление убивать? В любом случае, он движется быстрее. Он станет совершать больше ошибок, а значит, у них лучшие шансы его поймать… но цена будет слишком высока.
Зои раздражало, что она не в состоянии выдать Мартинесу проработанный профиль. Особенно ее задевало, что убийца был достаточно осторожен и убивал по всему городу, явно тратя приличное время, лишь бы оказаться подальше от своего дома. Географическое профилирование сильно сужало круг подозреваемых, и ситуация, когда его невозможно провести, подкашивала Зои.

Тейтум заглушил двигатель, и Бентли выпала из своих раздумий. Они приехали к управлению.
Ни один из них не захватил зонтик, и Зои, пригнувшись, побежала ко входу в управление. Оказавшись под прикрытием козырька, она обернулась, приглаживая волосы, и стала наблюдать, как Тейтум небрежной походкой, будто дождь вовсе его не беспокоит, идет к зданию. Губы агента подергивались в улыбке, как будто его развеселила рысящая под дождем Зои. Зато к тому времени, когда он добрался до укрытия, его волосы промокли, а рубашка заметно отсырела. И кто теперь будет смеяться?
Зои, вот кто.
Они дошли до оперативной комнаты, которая была практически пуста. Мартинес, сгорбившись, сидел за столом над какими-то бумагами, одной рукой подпирая голову. Он выглядел вымотанным. У противоположной стены Мел говорила по телефону, зажав его плечом, и что-то набирала на клавиатуре.
Мартинес взглянул на них.
— Узнали что-нибудь интересное от этой студентки?
Зои пожала плечами.
— Общее описание привычек жертвы. Больше ничего.
— О’кей. Кто из вас напишет отчет?
— Какой отчет? — устало спросил Тейтум.
— Вы говорили со свидетелем, так? У нас в полиции есть такая штука, называется "досье по делу". Заявления свидетелей отправляются туда. В виде отчета.
— Ну да. — Тейтум откашлялся. — Я думаю, Зои…
— Это же ты предложил помочь, — мило заметила она. — Что, уже не хочешь?
— Я отправлю вам шаблон отчета. — И Мартинес, хмыкнув, отвернулся к своему компьютеру.
Мел бросила трубку телефона на рычаг и громко выругалась. В следующую минуту до нее дошло, что лейтенант и агенты уставились на нее.
— Простите, — пробормотала она. — Долгий день, а этот список просто бесконечен.
— Список? — заинтересовалась Зои.
— Я сегодня сидела с лейтенантом из нравов, — сказала Мел. — Мы обзвонили все отделения и составили список из сообщений обо всех пропавших женщинах за последние семьдесят два часа. Теперь я пытаюсь отследить их всех. Но это займет целую вечность.
Зои подошла к ней и попросила взглянуть на список. Перелистала сшитые странички. Четыре листа, на каждом — короткий список. Вместе получалось двадцать девять фамилий. Каждую фамилию сопровождали номера телефонов и адреса пропавшей женщины и ее знакомых. Здесь же были описания пропавших и краткие сведения об обстоятельствах их исчезновения. Семь фамилий вычеркнуты, одна обведена.
— А кого вы обвели? — спросила Зои.
— Из тех, кого я уже проверила, только она все еще отсутствует. Зачеркнутые уже обнаружены. Ну, на самом деле пятеро из них просто вернулись домой.
Зои еще раз перелистала страницы и нахмурилась.
— Вы распределили их по датам?
— Ага. Я подумала, что стоит начать с тех, кто пропал раньше, поскольку они, скорее всего, уже вернулись. А если нет, больше…
— Это неправильный порядок.
Мел, сжав зубы, уставилась на Зои.
— Вам следует сосредоточиться на последних тридцати шести часах, хотя бы со дня после Кристы Баркер. В первую очередь звоните женщинам в возрасте от девятнадцати до двадцати пяти. Здесь пять фамилий, где упоминаются свежие ссадины на лице или руках. Оставьте их напоследок. Синяки не исчезают после смерти, а нашему убийце нравятся тела в хорошем состоянии…
— Эти женщины — специалистки по маскировке синяков и ссадин макияжем, — сказала Мел.
— Тут он будет очень осмотрительным. Этот человек внимателен. Я полагаю, что именно по этой причине он избегает сильно накрашенных проституток. Возможно, татуировки и

пирсинг ему тоже не по душе. Мы отложим всех женщин с видимыми татуировками или пирсингом. Кроме того, нам следует начать с женщин, пропавших вечером или ночью.
Зои схватила ручку со стола Мел и начала отмечать фамилии.
— Вот эта. И вот эта. И вот эта здесь.
Она отметила еще четырех. Потом, просматривая отмеченные фамилии, пронумеровала их от единицы до семи.
— Начните с этих, в указанном порядке. А я пока выставлю приоритеты остальным.
Мел несколько секунд смотрела на нее, потом схватила телефон и начала быстрыми, нервными движениями нажимать на кнопки.
Удовлетворенная Зои вернулась к списку.

Глава 30

Младший брат Лили боялся темноты, когда они были детьми. Она дразнила его этим, называла малышом и трусишкой. Когда мать кричала им выключить этот чертов свет и спать, Лили гасила свет, а потом начинала шипеть и рычать, как чудище, пока брат с криком не выскакивал из кровати, только чтобы получить трепку от раздраженной матери.
Ей хотелось, чтобы она могла вернуться в прошлое и сказать ему: теперь она понимает. Что наконец-то осознала, какой страшной бывает темнота. Потому что в настоящей темноте тебе остается лишь твое воображение.
Лили шевелила ногами, пытаясь заметить движение, любое движение, но не могла. Ей хотелось помахать руками перед глазами — наверняка она смогла бы их увидеть. Но ее руки были скручены за спиной, металл наручников грыз запястья. Она дрожала от холода, в голове бродили жуткие мысли о том, что может скоро с ней случиться. Этот парень… когда они ехали в машине, он казался нормальным. Намного лучше большинства ее клиентов. Сначала, когда он приставил к ее горлу нож, она даже подумала, это такая шутка. Дурная шутка, само собой, однако такой славный парень…
Конечно, она слышала рассказы. Работая на улицах, их не избежать. Девушки, которые бесследно исчезали или чьи трупы находили потом в переулке. Но ей почему-то казалось, что эти девушки были неосторожными, что они уходили не с теми клиентами, не обращали внимания на тревожные признаки…
Сейчас, чуточку запоздало, Лили открыла, что у некоторых парней нет никаких признаков. С такими людьми первым тревожным признаком оказывался нож у твоего горла.
Он оставил в соседней комнате включенное радио. Она подозревала, что радио главным образом заглушало ее крики. В любом случае, не то чтобы она могла громко кричать. Лучшее, на что она сейчас способна, — это стоны и всхлипы. По радио играла какая-то музыка, но в основном там разговаривали; через дверь слабо пробивались голоса ведущего и позвонивших слушателей. В какие-то минуты Лили терялась, уверенная, что за дверью говорят настоящие, живые люди, и звала на помощь сквозь тряпку во рту, а в следующее мгновение вспоминала, что там ничего нет, кроме бестелесных голосов, путешествующих по радиоволнам, чтобы свести ее с ума.
Что-то загудело, от внезапного звука она вскинулась. Открыла глаза, осознав, что отключилась. В комнате что-то тихонько гудело. Недалеко от нее мерцал какой-то тусклый свет.
К тому времени, когда Лили поняла, что происходит, гудение умолкло, свет погас, и комната вновь погрузилась во тьму. Это был ее телефон. Ее второй телефон. Она видела, как мужчина вытащил ее телефон из сумки, но он, видимо, пропустил ее личный телефон. Тот стоял на виброзвонке. Клиентам не нравилось, когда он звонил не вовремя, поэтому на работе Лили всегда ставила его на вибро. И это гудение было звонком.
Сумка лежала рядом с ее одеждой. Далеко от того места, где она сидела. Слишком далеко. Несколько секунд Лили боролась с наручниками, удерживающими руки сзади. Сами наручники были прицеплены к стене и не давали ей дотянуться до сумки. Она потащила руку, пытаясь достать кисть из металлического браслета, почувствовала, как рвется кожа, из глаз брызнули слезы. Ее плечи обмякли. Это невозможно. Наручники слишком тесные.

Снова загудело; экран устройства ожил, заполняя комнату мягким электронным светом. Сейчас она отчетливо видела и свое тело, и сумку, валяющуюся на полу. Отчаянно потянулась, стараясь коснуться сумки ногой. Может, ей удастся как-то подтащить ее…
Гудение стихло. Темнота. Играющий с ней, дразнящий, намек на свободу в нескольких дюймах от ее ноги. Он был там — и ушел.
Ее поразила внезапная мысль. А сколько осталось заряда в аккумуляторе? Лили зарядила телефон перед уходом. Но здесь, ей казалось, она провела уже больше дня. А что, если аккумулятор разряжен? И последний проблеск надежды исчез?
Лили снова, со стонами, начала тянуться во тьме. Плечи грозили выскочить из суставов, когда она отталкивалась от стены, стараясь нащупать сумку ногой, вскрикивая от бессилия и боли.
Снова загудело, и при свете экрана Лили увидела, что почти дотянулась. Почти. Она дергала наручники, кричала в кляп, рвала кожу, плечи горели, пот тек по телу… Ухитрилась подцепить одну лямку пальцем и потянула к себе.
Сумка упала на бок, разбрасывая содержимое по полу; телефон, каким-то божественным вмешательством, лег экраном вверх. Ее взгляд тут же притянул значок батареи на экране. Шесть процентов.
Вызов отключился, телефон потемнел, и Лили всхлипнула. Она нащупала телефон ногой, но не могла ухватить его. Часто дыша через нос, попыталась еще раз. Нога едва касалась устройства. Случайно она чуть оттолкнула телефон и в ужасе застонала. Неужели больше не дотянется?
Экран снова загорелся; телефон загудел. Индикатор показывал пять процентов. Телефон был по-прежнему в пределах досягаемости.
Лили провела ногой по экрану, проклиная дизайн, который требовал для ответа на звонок провести по экрану, а не просто коснуться его. Снова и снова она пыталась провести пальцем ноги по экрану, каждый раз неудачно, и хрипло кричала.

Глава 31

Зои почти закончила расставлять приоритеты в списке, когда Мел внезапно прошипела: "Дерьмо".
Бентли подняла взгляд на детектива. Та стискивала телефонную трубку, ее глаза рыскали по комнате и трем ее обитателям.
— Лейтенант, — резко сказала Мел, — подойдите сюда.
Ее напряженный голос заставил Мартинеса зашевелиться; он быстро встал и пересек комнату. Мел нажала на телефоне кнопку громкой связи.
Зои нахмурилась. До нее доносился только фон, приглушенный звук разговора двух людей. Она не могла сообразить, что же вызвало такую реакцию Мел.
Та нажала кнопку громкости, несколько раз, доводя до максимума, потом сказала: "Алло?" Ничего. Только слабый фоновый шум далекого разговора.
— Алло? Лили? Это детектив Мел Паркс из полиции Чикаго. Я просто хочу убедиться, что ты…
Другой звук. Высокий, напряженный, неразборчивый. Скрип шин? Нет, он продолжал звучать, то тише, то громче. И тут у Зои екнуло сердце: она поняла, что слышит. Сдавленные крики.
Мартинес подошел к столу и прислушался. Секунду спустя Мел произнесла:
— Лили? Мне нужно, чтобы ты успокоилась и попыталась ответить. У тебя заткнут рот?
Мгновение тишины. Потом сдавленный ответ. Он звучал так, будто женщина пытается сказать: "Угу".
— Ты можешь как-нибудь вытащить кляп изо рта?
"Эгу". Перемена едва уловимая, но ответ явно "нет".
— Ты знаешь, где ты находишься? — спросила Мел.
"Угу".

Зои взглянула на список. Лили Рамос. Двадцать лет, работает проституткой, об исчезновении сообщил ее приятель, с которым она должна была встретиться к концу ночи. Ее не было уже день; последний раз ее видели вечером, когда она пыталась подцепить клиента. Белая, согласно описанию, почти без макияжа, одета в юбку и кофту с длинным рукавом — относительно скромно для ее профессии. У нее была только одна татуировка, незаметная под одеждой, — черный кот на пояснице.

— Ты можешь описать человека, который тебя захватил?

Сдавленное, раздраженное ворчание.

Мартинес перехватил инициативу. Забрав телефон, он громко произнес:

— Лили, это лейтенант Мартинес. Ты знаешь адрес, где находишься?

Теперь голос женщины уже не был слышен, но через секунду лейтенант кивнул:

— О’кей. Мы пойдем по алфавиту. Когда я дойду до нужной буквы, останови меня, хорошо? Мы вытащим тебя оттуда. Поехали. А… Б… В… Г…

На заднем плане Тейтум торопливо говорил по телефону. Он пытался найти кого-нибудь в ФБР, чтобы отследить звонок. Обернулся к Зои и произнес губами: "Номер телефона".

Мартинес продолжал бубнить:

— Д… Е…

Зои метнулась к Тейтуму и протянула ему список, выразительно тыча пальцем в номер телефона Лили. Мрачный агент коротко кивнул и тут же начал зачитывать номер в телефон.

Зои сжала кулаки. Ее сердце колотилось вровень с темпом Мартинеса.

— Ф… Х… Ч… это Ч? Это Х? О’кей, хорошо. Снова. А… Б…

Зои обернулась к Мартинесу и лихорадочно замахала рукой. Он, нахмурившись, уставился на нее.

— Гласные, — сказала она; если первая буква "Х", следующей, скорее всего, будет гласная.

Лейтенант на секунду замер, потом кивнул. Откашлялся.

— Е… И…

Мел яростно стучала по клавиатуре, звук смешивался с голосами Мартинеса и Тейтума. Зои взглянула через плечо Мел на экран. Перечень названий. Названий улиц. Все начинались на Х.

— Это И? Это Е? Это А? О’кей, хорошо. О’кей. Третья буква. А… Б…

Мел нажала на клавишу "А", и перечень изменился, теперь в нем были только улицы, начинавшиеся на "ХА". Она тут же послала список на принтер и побежала к нему. Зои сжимала кулаки, сосредоточенная и настороженная, слушая односторонний разговор, жуткую версию "Азбуки".

Мел подхватила две странички, как только те вылезли, метнулась мимо Зои и шлепнула их на стол перед Мартинесом. Он посмотрел на них, потом кивнул.

— О’кей, Лили? Ты здесь? Хорошо. Слушай, у меня есть список улиц Чикаго, которые начинаются на "ХА". Я буду читать тебе их названия, и ты остановишь меня на нужной, о’кей?

Зои могла представить себе кряхтение женщины, когда та поняла слова Мартинеса.

— Хаббард… Хаббс… Хабер…

Тейтум замолчал, и Зои обернулась к нему, как раз когда он бросил трубку на рычаг, сел за свой компьютер и начал что-то набирать. На экране появилась карта Чикаго. Он получил местоположение? Бентли подошла к нему, стирая пот со лба. Грей смотрел на какой-то район Чикаго, но масштаб был мелким. Местоположение слишком неточное. Зои стало нехорошо. Она боялась думать, что предстоит Лили.

Глава 32

Лили слушала, как мужчина бубнит названия улиц. Медленно. Слишком медленно. Ее взгляд не отрывался от индикатора заряда. Два процента.

— Хак… Хадсон…

Ей хотелось крикнуть ему поторопиться — телефон может отключиться в любую секунду. Но она не могла остановить его. Могла только кряхтеть.

— Халл… Хамбольдт… Хант…
Он почти добрался. А потом им предстоит номер дома. Какой он был, 3202? Или 3204? Она сомневалась. В любом случае, номер большой. Как ей передать ему номер? От отчаяния у нее перехватило горло.
Им придется двигаться цифра за цифрой, сообразила Лили. Четыре цифры. Это возможно. Этот коп не дурак; он разберется. И тогда она даст ему номер квартиры. Хотя если у них будет номер дома, они, наверное, сразу отправят туда патрульные машины… в ней начала расти надежда.
Индикатор заряда изменился. Один процент.
— Хантер… Хантинг…
Она напряглась. Уже почти. Ей нужно быть внимательной. Если она пропустит название улицы, ее никогда не найдут.
И тут до нее дошло, что из-за двери больше не доносится радиопередача. Вместо нее послышались шаги.
— Хантингтон… Харлбат… Харэн… Хассом…
Дверь распахнулась, залив комнату светом, силуэт мужчины на пороге. Она едва заметила, что Мартинес произнес нужное название и двинулся дальше, произнося следующие спокойным, ровным голосом. Она начала истерически кричать в тряпку.
— Это Хассом-стрит? Алло? Лили? Это Хассом-стрит?
Мужчина вошел в комнату, поднял с пола телефон и сбросил звонок. Потом, дрожа, уставился на нее. Подошел к ней, присел. Руки метнулись вперед, схватив ее за горло. Его пальцы сжались. Со связанными за спиной руками Лили могла только извиваться, стараясь вздохнуть.

Глава 33

— Черт! — выкрикнул Мартинес. — Разъединился.
Он нажал на повторный вызов, и через несколько секунд записанный женский голос сообщил, что номер недоступен.
— У меня есть примерное местоположение по базовым станциям, — крикнул Тейтум. — Я вывел карту.
Мартинес подбежал к компьютеру Грея, встал рядом с Зои.
— Это в пределах мили от дома восемьсот пять по Норт-Трамбулл-авеню, — сказал Тейтум, указывая на карту.
— Есть там улицы, которые начинаются с "ХА"? — спросил Мартинес, изучая карту. — Ага, вот. Харэн-стрит. Он развернулся и рявкнул Мел: — Передай диспетчеру отправить патрульные машины на Харэн-стрит, срочно. Мы попытаемся уточнить адрес.
Мел схватила телефон и к концу фразы лейтенанта уже говорила в трубку.
— Мы можем как-то получить более точные данные? — спросил Мартинес у Тейтума.
— В одну милю от этого адреса попадает бóльшая часть Харэн-стрит, — ответил тот, указывая на экран. — Я позвоню оператору связи, попробую получить уточненную оценку.
— Он сбежит, — сказала Зои, глядя на карту. — И прихватит ее с собой.
— Почему?
— Он с ней еще не закончил. Выбранные женщины много для него значат. После убийства он держит их при себе неделю, а то и больше. Он так просто ее не бросит.
— Скажи диспетчеру предупредить все патрульные машины, — крикнул Мартинес Мел. — Подозреваемый может перемещаться. Останавливать любого человека, который идет с женщиной или несет большую сумку. Останавливать все машины. Нам нельзя упустить этого парня.
— К тому времени, когда они туда доберутся, он может уже покинуть этот район, — заметил Тейтум.
— Тогда ему придется охеренно спешить, — прорычал Мартинес.
— Он будет спешить, — сказала Зои. — И на него работают темнота и дождь.
Лейтенант кивнул, поднося к уху свой телефон.

— Сэр, — сказал он кому-то на том конце линии. — Мы знаем примерное местоположение, и он сбегает. Его жертва может все еще быть с ним. Да, сэр. Мне нужен вертолет и…
Пауза, потом Мартинес произнес:
— Да, сэр.
Он отключился и закричал:
— Выводите вертолет на этот район! И мне нужно оцепление на дорогах. Останавливать любую машину, идущую на север от Харэн-стрит к Чикаго-авеню, и любую машину, идущую на юг от Харэн к Вест-Фердинанд-стрит.
— Он может уйти на запад, по Костнер-авеню, — подсказал Тейтум, прокручивая карту.
— И перекройте перекресток Костнера и Пуласки, — крикнул лейтенант Мел, которая тараторила указания диспетчеру. — Мы его возьмем.

Глава 34

Он плакал, пока затаскивал ее тело на стол для бальзамирования. Вот оно и случилось. Именно по этой причине расходится столько пар. Супруги обманывают друг друга, предают, вызывают полицию. Прежде чем он изменял их, не могло быть ни доверия, ни надежности. Ни настоящей любви.
У него было мало времени, он знал это, но ему нужно сделать это до ухода, иначе их связь долго не протянется. Соседи опять будут жаловаться на запах.
Нет, если он действительно ее любит, ему придется рискнуть всем и сделать это. Он разрезал кожу, пальцы тряслись. Руки работали быстро, лихорадочно, смешивая бальзамирующий состав. Нет времени для аккуратности; ему просто приходилось надеяться, что он сделал все верно. Скоро ли они его найдут? Как же он так оплошал? Почему не проверил, что у нее есть чертов второй телефон? Это любовь. Любовь лишила его осмотрительности.
Он вставил трубку и начал закачивать жидкость внутрь. Через несколько секунд с досадой сообразил, что забыл сделать разрез для дренажа. Нашел яремную вену, торопливо надрезал, и из нее ударил фонтан жидкости. Крови.
Черт, черт, черт… Эта проклятая женщина и ее телефонный звонок — посмотрите, что она наделала!
Он взглянул на тело, сердце упало. Ее шея превратилась в месиво, сделанный им разрез стал широким. Запястья были искорежены; она сильно повредила их, когда пыталась добраться до этого проклятого телефона. На ногах царапины и ссадины…
Она была такой прекрасной. И такой невинной. По крайней мере, так он думал раньше.
К дьяволу бальзамирование. Он заберет ее как есть. Они проведут вместе несколько чудесных дней, а потом ей придется уйти. Он вытащил трубку из шеи; снова брызнула кровь, залив его пальцы и ее нежную кожу. Вся ее грудь превратилась в сплошной кошмар.
Он принялся отчаянно одевать ее, натягивая рубашку через голову. Что это, сирены?
Черт бы их побрал!
Он снял ее со стола. Нет времени натягивать штаны. Перекинул ее через плечо и пошел в гараж. Если б не гараж рядом, ему пришлось бы отказаться от нее. Невозможно выйти из дома с телом на плече, тем более когда на улицах полно полиции.
Он замешкался. Положить ее назад или усадить на переднее сиденье? Копы скорее пропустят человека, который едет с женой на пассажирском сиденье. Но если они посмотрят как следует…
Он открыл заднюю дверь и засунул ее внутрь. Посмотрел на себя в боковое зеркало.
Он был покрыт кровью. Вернулся в мастерскую, умыл лицо и руки. Спереди на синей рубашке большое пятно, но, возможно, в темноте оно будет не так заметно. Сирен стало больше. Пора уезжать. Сейчас.
Он залез в кабину и открыл дверь гаража. Она поднималась медленно, и он сжимал челюсти. Ну давай же… давай…
Наконец дверь открылась. Он выехал наружу, не включая фар. Закрыл дверь гаража.

Начнем сначала. Убраться с улицы. Он быстро повернул направо, на Норт-Риджуэй-авеню, и включил фары. Просто человек на дороге, едет в своем фургончике за какой-то ерундой. И полиции незачем к нему присматриваться.
Над собой он услышал вертолет. Улицу за его спиной залил яркий белый свет. Он приказал себе не давить на газ. Если станет торопиться, его тут же прихватят. Нужно оставаться спокойным. Сейчас он доедет до Чикаго-авеню, повернет налево и тихо поедет домой. У полиции нет никаких причин…
Дорога впереди была перекрыта. Какой-то коп указывал машинам остановиться и внимательно разглядывал каждую. Он остановил фургон, лихорадочно оглядываясь. Увидел переулок.
Ничего другого не остается.

Глава 35

Капли разбивались о желтый дождевик полицейского Майки Калхуна, стекали по шее на спину. К этому времени дождевик превратился в сплошное надувательство — нейлон не столько защищал от воды снаружи, сколько задерживал ее внутри. Когда Майки утром выходил на работу, дождя никто не ждал, и в любом случае предполагалось, что он будет сидеть в машине. Будущее с полным основанием выглядело сухим. И вот стоит здесь. Вода уже просочилась даже в такие места, о которых не говорят при людях. Они стали близкими друзьями, дождь и Майки. Намного ближе, чем в последнее время с его нынешней подружкой.
Машины непрерывно гудели. Он понимал их водителей. Людям не нравится, когда их задерживают. Они не любят заторы и уж подавно не любят контрольные пункты на дорогах. Ему самому они не нравились, о’кей? Когда Майки вез дочку в школу, он не радовался очередным дорожным работам или пробке из-за аварии. Но понимал, что это часть жизни в большом городе — здесь есть не только хорошие рабочие места, бары и ухоженные дороги. Иногда ты встречаешься с пробкой. И если уж тебе не повезло, то лучшее, что ты можешь сделать, — это побыть хорошим парнем и перестать сигналить. Задуматься на секунду, что в салоне твоей машины сухо, верно? Намного суше, чем полицейскому Майки Калхуну, большое вам спасибо. У них даже есть дворники на окнах, так? А у него есть только ладонь, мокрая, как и все остальные его части, и ею ему приходится вытирать лицо.
Он указал следующей машине проехать вперед. Очередь двигалась со скоростью оголодавшей змеи. Машина медленно двинулась вперед и остановилась рядом с ним. Темный фургон, "Ниссан". Только водитель, пассажиров нет. Это в соответствии с полученными Майки указаниями означало, что машину следует тщательно проверить.
— Добрый вечер, сэр, — сказал он. — Куда вы направляетесь?
— Еду домой, — ответил мужчина.
Он вежливо улыбнулся, что Майки перевел как понимание. Этот парень видит, что полицейский просто делает свою работу. Возможно, он даже симпатизирует Майки, вынужденному стоять под дождем.
— Да?
Майки посветил фонариком на пол кабины. Безупречно чисто. Майки не светил на водителя. Если люди хамили ему или были грубы, он направлял луч прямо им в лицо. Конечно, это немного мелочно, но временами у Майки не было ничего другого.
— Вы не могли бы открыть заднюю дверь вашего фургона?
— Зачем? — спросил мужчина.
— Мне нужно заглянуть внутрь.
— А вам для этого не нужен ордер?
Нужен. Если только у Майки не будет оснований считать, что этот человек совершил преступление. А их нет. Майки раздумывал, не посветить ли на водителя. Он хамит? Да нет, его слова звучали по-деловому. Человек просто озабочен сохранностью своей частной жизни.

— Мне нужно проверить вашу машину, сэр.
— Дело в том, что… ну, у меня там немного беспорядок.
— Сэр, пожалуйста, откройте заднюю дверь.
Если он не откроет, Майки скажет ему вылезти из машины. Ему очень не хотелось это делать. Очередь застрянет еще сильнее. И будет гудеть в два раза громче. Но это была его работа. И он гордился ею.
Мужчина замешкался еще на секунду, и Майки начал интересоваться, нет ли у него причин мешкать. Не тот ли это человек, которого они ищут? Он повернул фонарик, луч высветил одежду водителя. Его рубашка была заляпана соусом барбекю или чем-то в этом роде. Майки сдвинул луч вверх, к лицу…
— О'кей, дверь открыта. Простите за беспорядок и грязь.
Майки пошел назад, поглядывая на водителя, который сидел положив руки на руль, как положено, открыл дверь и посветил фонариком в кузов. Особого беспорядка не видно. Просто пара пластиковых контейнеров. Один из них лежал на боку, и его содержимое, похоже, пролилось на пол кузова, оставив большое темное пятно. Майки захлопнул дверь и вернулся к водителю.
— Спасибо, сэр.
— Скажите, а в чем вообще дело?
— Обычная проверка, сэр.
— Проверка? Вы же заблокировали целый квартал. У меня там подружка живет. Мне не надо беспокоиться?
Майки вздохнул. Сзади опять загудела машина. Он насквозь промок.
— Я бы посоветовал ей, сэр, не выходить сегодня из дома. Тут разгуливает опасная личность. Проезжайте, пожалуйста, вы задерживаете движение.
Фургон отъехал, и Майки мотнул головой следующей сигналящей машине. Этот водитель выглядел злым и возбужденным. Вот он точно получит "фонарик в лицо".

Глава 36

За несколько минут до полуночи Мартинес ответил на телефонный звонок. Пока он отвечал, в основном односложно, Зои видела, как обмякли его плечи, ослабла рука, держащая телефонную трубку, побледнело лицо. Наконец он обернулся, все еще держа трубку в руке, будто у него не осталось сил положить ее на рычаг.
— Тело Лили Рамос только что нашли в переулке к югу от Чикаго-авеню, — безучастно произнес он. — Судмедэксперт уже на месте и пока не говорит ничего определенного, но у нее перерезано горло, и все тело залито кровью, так что, похоже, причину смерти мы уже знаем.
В оперативной комнате стояла тишина, пока группа осознавала эти новости. Все остальные детективы были вызваны обратно и сейчас собрались здесь.
— Мы уверены, что это Лили? — спросил Скотт.
Зои обратила внимание, что он назвал ее Лили. Не Лили Рамос. И не Рамос. За последние несколько часов, когда они изо всех сил старались найти ее и спасти, следователи группы и Лили стали близки.
— Она соответствует описанию, которое у нас есть. В частности, у нее на пояснице татуировка черного кота, как у Лили.
Татуировка. Но незаметная под одеждой. Это соответствовало ее умозаключениям. Но у Зои не было ощущения победы, только опустошенность.
— Она забальзамирована? — спросила она.
— Не знаю, — коротко ответил Мартинес. — Я прямо сейчас еду на место. Мел, я хочу, чтобы ты поехала со мной. Агент Грей, доктор Бентли, если хотите, вы тоже можете поехать с нами. Скотт, ты останешься здесь и свяжешься с диспетчером. Я получил от капитана разрешение держать оцепление и вертолет еще полчаса, так что ты будешь нашим человеком в ситуационном центре. Я хочу, чтобы все остальные поехали за нами в разных

машинах. Убийство свежее, и следы тоже свежие. Возможно, после изучения места преступления нам придется разделиться и начать работать с новыми следами.
Новые следы. Свежее место преступления. На бумаге расследованию только что улыбнулась удача. Они получили дополнительные данные для анализа. Они знали улицу, где убийца держал… и, возможно, убил свою жертву. Убийцу вспугнули, он будет нервничать и может совершать ошибки.
Но еще несколько часов назад жертва была жива, на телефоне. Они почти установили ее местонахождение. Будь они быстрее, умнее, лучше, девушка выжила бы. Возможно, им даже удалось бы отправить убийцу за решетку.
Они подошли на шаг ближе к его поимке. Но цена оказалась ужасной.
Настроение в салоне машины было мрачным. Мартинес и Мел сидели спереди, Тейтум и Зои — на заднем сиденье. Бентли думала о Лили. Она слышала последние звуки девушки. Ее отчаянные попытки спастись. Зои слишком хорошо знала, каково это — бояться за собственную жизнь, когда хищник дожидается в соседней комнате.
"Зои, открой дверь. Зои, ты же не можешь сидеть там вечно".
Она вздрогнула.
— Ты в порядке? — спросил Тейтум.
В его взгляде была какая-то мягкость, которую она раньше не замечала. Или, может, она просто выискивала то, чего ей сейчас не хватало…
— Ага, — сказала Зои. — Просто неприятные воспоминания.

Глава 37

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА

От звона будильника Зои вскинулась в кровати. Сердце бешено колотилось; она растерянно огляделась, пытаясь сориентироваться. Минувшей ночью она уже вовсе не рассчитывала поспать, но, похоже, где-то перед рассветом сон наконец-то настиг ее.
Андреа уже исчезла, и это было странно. Обычно в школьные дни сестра не выбиралась из кровати, пока мать силой не вытаскивала ее оттуда. Но мама не разбудила Зои. Почему?
Она встала и несколько секунд дожидалась, пока не перестанет кружиться голова. В предыдущую ночь Зои спала не больше часа. Когда ей стало лучше, она поплелась на кухню, где перед нетронутой миской хлопьев щебетала Андреа. Мать стояла у кухонного стола, уставившись на тостер, выплюнувший два поджаренных ломтика.
— Мам, почему ты меня не разбудила? — спросила Зои.

— Она сказала, тебе нужно поспать, — чирикнула Андреа. — А я тоже хотела спать, но она сказала, что
мне
нужно вставать, а это нечестно, потому что я тоже устала…

Мать обернулась, и Зои увидела ее измученное лицо. Кажется, она тоже плохо спала этой ночью.
— Андреа, доедай уже свои хлопья. Мы опаздываем. Зои, я подумала, что ты захочешь сегодня остаться дома, — сказала она делано-бодрым голосом.
Зои вспомнила, как сломалась вчера.
— Ага, о’кей, — нерешительно произнесла она. — Мам, мне нужно кое о чем с тобой поговорить.
— О чем? — Мать начала резкими, раздраженными движениями намазывать на тосты плавленый сыр.
— Ммм… а мы можем поговорить в другом месте? — спросила Зои, многозначительно взглянув на сестру.

Мама посмотрела на часы.
— Зои, мне пора идти. И, я думаю, тебе стоит вернуться в кровать. Я всю ночь слышала, как ты бродишь по комнате. Давай поговорим вечером.
— Мама, это важно. — Она понизила голос. — Это насчет девушек, которые…
Глаза матери расширились; она крепко ухватила Зои за руку и потащила дочь из кухни.
— Куда вы идете? — пискнула Андреа.
— Солнышко, я вернусь через минуту, — сказала мать. — Ешь свои хлопья.
— Я не хочу сидеть одна.
— Андреа, я сейчас вернусь. И ты не одна. Мы в соседней комнате.
Как только они отошли от кухни подальше, мать прошипела:
— Я же просила тебя не говорить об этом при Андреа.
— Поэтому я и сказала, что нам нужно поговорить отдельно, — сердито ответила Зои. — Послушай, мне ночью кое-что пришло в голову. Насчет этих убийств.
— Милая, это вполне естественно…
— Мам, послушай меня на секунду.
Мать замолчала. Зои пыталась выстроить свою речь, мысли, которые скакали в голове. Ночью все казалось очень четким и ясным, но сейчас походило на кучку смутных, полуоформленных идей.
— Мне кажется, я знаю, кто может быть убийцей, — сказала она дрожащим голосом.
Мать вытаращилась на нее, но молчала.
— Несколько недель назад, после… смерти Джеки я была на пруду Дюрана.
— Что? — Голос матери стал резким, гневным. — Зачем ты туда пошла? Ты была с подругами? Я же сказала тебе…
— Я была одна, мам, на велике. Всего пару минут.
— Зачем? Ты хочешь умереть, как… как… — Губы матери задрожали.
— Мам, послушай. Я видела там Рода Гловера.
И тут она осознала, что для исчерпывающего объяснения матери, о чем идет речь, ей придется рассказывать о серийных убийцах, мастурбирующих на месте преступления. Нет. Это никуда не годится.
— Он там был. В смысле… ты знаешь, что серийные убийцы иногда возвращаются на место преступления? — беспомощно спросила Зои.
— Ты думаешь, что убийца — Род Гловер? — Мать уставилась на нее. — Потому что ты видела его у пруда? Зои, сотни людей…
— Это не всё, — торопливо произнесла она. — Существует контрольный перечень для психопатии. Я узнала об этом… в школе. И Род подходит под некоторые пункты.
Мама выпрямилась. Зои поняла, что проигрывает.
— Вроде чего?
— Ну, вроде… необычное обаяние, и… — Она пыталась вспомнить список, но мысли путались, и она чувствовала, как растет паника. — Он странный. Я слышала, как ты однажды сказала это папе. Ты же знаешь, что он странный, правда? И он был у пруда. Он был… он… он сказал мне о пожаре, и я думаю, он врал и…
— О ком вы говорите? — спросила Андреа из кухонной двери.
— Ни о ком, — быстро сказала мать напряженным голосом. — Ты доела хлопья?
— Не все. Некоторые склизкие.
— Ладно, иди чисть зубы. Нам пора ехать.
Андреа помчалась в ванную, а мать обернулась к Зои.
— Послушай, — тихо сказала она. — Я понимаю. Умерла сестра твоей подруги, и тебе больно. Мы найдем кого-нибудь, чтобы ты смогла поговорить…
— Мам. Дело не в этом. Она мне даже не подружка.

— Но до тех пор, — возвысила голос мать, не обращая внимания на помеху, — я хочу, чтобы ты отдыхала, и не смей никуда ходить в одиночку. Зои, там убийца. Ты понимаешь? Он убивает девушек вроде тебя, и он… он… их сначала насилует. Я знаю, тебе кажется, что с тобой не может такого случиться, но это
возможно
. Ты никогда и никуда не пойдешь одна, пока его не поймают. Ты меня поняла?

— Но… ты кому-нибудь скажешь про Рода Гло-вера?
— Милая, Род Гловер — приятный парень. Немного странный, правда, но это еще не делает его чудовищем.
— Мам, убийца не чудовище. Он…
— Нет, — яростно прошептала мать. — Он — чудовище.
* * *
Запасной ключ от передней двери мистера Гловера плавно повернулся в замке. Ее родители обменялись ключами с Гловером год назад, на случай каких-нибудь чрезвычайных обстоятельств. В тот момент это казалось очень разумным поступком. Гловер мог заскочить и проверить, не оставила ли мать включенной плиту, тревога, которая не один раз заставляла ее раньше времени мчаться домой. Но сейчас от мысли, что у Рода Гловера есть ключ от их дома, Зои начинало знобить.
Она заперла за собой дверь и засунула ключ в карман. Гловер был на работе — утром в понедельник, — но так она чувствовала себя спокойнее.
Она была у него дома один раз — мать поручила забрать давно одолженный блендер, — так что была знакома с кухней и гостиной. Заранее решила, что пропустит эти две комнаты и сосредоточится на спальне. Дверь в спальню была закрыта, и на мгновение Зои замешкалась. А вдруг он заболел и остался дома?
Но нет, его машины перед домом не было. Она повернула ручку и потянула дверь.
В спальне было темно, пахло потом и еще чем-то неприятным. Окно прикрыто фиолетовой тканью — не настоящей занавеской, просто тканью, приделанной сверху. Зои включила свет и нерешительно посмотрела на дверь. Закрыть ее? Она сомневалась, что услышит, если он войдет, и решила оставить дверь открытой.
Спальня была маленькой, бóльшую часть места занимала двуспальная кровать. Она была в полном беспорядке, простыни скомканы, подушка валяется на полу. У изголовья стояла тумбочка, а у стены — деревянный комод. На тумбочке лежала стопка книг и журналов.
Зои стояла у двери, думая, что же привело ее сюда. Что она ожидала найти? Нечто, способное убедить мать? Или, напротив, доказательства, что ее подозрения беспочвенны?
Она прикусила губу и подошла к тумбочке, дотронулась до верхней книги в стопке. Книжка комиксов о Бэтмене. Сдвинула ее. Дальше лежал номер "Хастлера". Она неловко сдвинула и его. Еще один номер. Потом опять два комикса про супергероев и роман Джона Гришэма.
Зои вернула книгу и журналы на место в прежнем порядке. Не самое добропорядочное чтение, но, возможно, не слишком отличается от того, что держат у себя дома другие мужчины.
Она открыла верхний ящик комода и нашла там беспорядочную груду рубашек и штанов. Тщательно осмотрела их, но не обнаружила ничего интересного. Во втором ящике лежало нижнее белье и носки.
А вот третий ящик оказался совсем другим.
На первый взгляд, его до краев заполняла порнография. Здесь были не только бесчисленные номера "Хастлера", но и другие, незнакомые ей журналы. На некоторых обложках красовались женщины, связанные в разных позах, полураздетые или голые. Зои уже доводилось видеть порно, и в журналах, и в телевизоре. Они с Хизер как-то нашли видеокассету, которую папа Хизер держал в гараже, и десять минут смотрели ее, неудержимо хихикая. Но столько сразу она никогда не видела, а от некоторых фотографий становилось тошно. Здесь же лежало несколько видеокассет с этикетками вроде "Связанные" или "Хлысты и плетки", написанными крупными нетвердыми буквами. Гловер покупал их? Или как-то записывал сам? Но когда и где?
Помимо порно, в ящике лежали по меньшей мере десять галстуков. Просто безликие серые галстуки, которые Гловер, вероятно, надевал на работу. Почему он не держал галстуки в ящике с бельем и носками? Там полно места. Или он смотрел свою порнографию по утрам, пока завязывал галстук?
Часть ящика была пуста, а в тонком слое пыли на дне виднелся прямоугольный отпечаток. Чего-то не хватало. Может, журналов с тумбочки? Но они не подходят по размеру. Зои закрыла ящик.

Куда еще можно посмотреть? Она заглянула под кровать. Там была разбросана одежда. Видимо, именно здесь Гловер держит грязные вещи. Она уже собиралась встать, когда взгляд зацепился за серо-коричневое пятно на штанах. Зои нерешительно вытащила штаны из-под кровати.
Они оказались парой синих джинсов, низ штанин был слегка запачкан грязью. Зои подумала о том месте, где нашли Клару. У берега реки Ассабет. Клара, как и предыдущие жертвы, лежала наполовину в воде.
Откуда на джинсах эта грязь?
Она начала вытаскивать из-под кровати остальную одежду. Несколько рубашек, еще одна пара штанов, грязи нигде не видно. А потом ее пальцы наткнулись на какой-то твердый предмет. Она вытащила его. Носок, жесткий от засохшей грязи.
Что еще там есть? Зои засунула руку поглубже, ухватила несколько вещей и вытащила их. Еще рубашка, пара мужских трусов — и женские трусики.
Она подняла их. Конечно, это можно объяснить. Род Гловер время от времени приглашал к себе какую-то женщину.
Но на желтой ткани было пятно грязи.
Она несколько секунд смотрела на него, сердце ее стучало. Потом трусики выскользнули из пальцев на пол.
Зои начинала убеждаться, что стоит в спальне мейнардского серийного убийцы. Ей нужно уходить отсюда. Она заталкивала одежду обратно, и тут ее внимание привлекло нечто другое. Черные прямоугольные контуры под кроватью. Обувная коробка. Трясущимися руками Зои вытащила коробку и подняла крышку.
Послышался щелчок, и у нее ушла секунда на его осознание. Замок входной двери.
Зои уронила крышку на коробку — мысли путались — и метнулась к двери спальни. Быстро закрыла ее, стараясь не хлопнуть, когда услышала, как открылась входная дверь. Он видел? Она прижалась к двери, прислушиваясь, но слышала только стук собственного сердца.
И тут открылся шкаф. Гловер был в кухне. Зои судорожно вздохнула и огляделась. Затем поспешно запихнула всю одежду и коробку под кровать. Разум все еще обрабатывал увиденное в ней. Скомканное женское белье. И браслет.
Она оттолкнула эти мысли подальше. Сейчас нельзя отвлекаться; ей нужно выбраться отсюда. Выбраться и позвонить в полицию. Они со всем разберутся.
Зои медленно подобралась к окну спальни и сняла прикрывающую его ткань. Поймет ли Гловер, что в комнате кто-то был? Или просто решит, что ткань упала? Не важно. Только бы выбраться отсюда и позвонить копам…
Она осторожно повернула оконную ручку. Та шла туго, и ей пришлось нажать посильнее. Было слышно, как Гловер ходит по дому; Зои молилась, чтобы он не зашел в спальню прямо сейчас. Еще пара секунд…
Она толкнула окно, и створка скрипнула. Шаги Гловера замерли.
Зои ухватилась за подоконник, подтянулась и перекатилась наружу; ноги гулко ударились о стекло. Она вскочила и захлопнула окно, рама снова скрипнула. Он не мог этого не услышать.
Она развернулась и торопливо пошла прочь, через его двор к своему дому и безопасности…
— Зои?
Она замерла, понимая, что ей следует рвануться вперед, не в силах пошевелиться, ноги примерзли к земле. Обернулась.
— Привет, — сказала она дрожащим голосом.
Род в замешательстве смотрел на нее, глаза прищурены.
— Что ты тут делаешь? — спросил он. — Почему не в школе?
— М… мама сказала, я могу остаться сегодня дома. Она меня прислала. Она хотела узнать, нет ли у тебя сахара. А потом я вспомнила, что ты должен быть на работе.
— Верно, — произнес Гловер; его лицо ничего не выражало, обычная дурацкая улыбка исчезла.
Его взгляд метнулся куда-то ей за спину. Зои оглянулась. Миссис Эмброуз убирала снег у своей входной двери.

— Привет, миссис Эмброуз, — крикнула Зои, пытаясь звучать непринужденно; ее голос был слишком высоким и истеричным.
Соседка подняла взгляд и неохотно кивнула. Зои повернулась обратно и осознала, что сейчас Гловер стоит намного ближе. Он преодолел расстояние между ними за какую-то секунду. Его зубы были сжаты.
— У меня есть сахар, — сказал он. — Сколько тебе нужно? Чашку?
Зои нерешительно кивнула.
— Заходи, — сказал он. — Я сейчас ее наберу.
— Знаешь? Я только что вспомнила, мне нельзя… мне нельзя есть сахар. У меня может быть диабет. Я… спасибо.
Она повернулась и быстрыми шагами пошла к дому, думая, не схватит ли ее Гловер, чтобы затащить к себе в дом, изнасиловать, а потом убить.
— Зои. Эй, Зои, — крикнул он вслед.
Она продолжала идти, одеревенев от страха.

Глава 38

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ЧЕТВЕРГ, 21 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Переулок был залит мерцанием красных и синих огней, отражавшимся от стен. Тело Лили Рамос лежало на земле. Места было мало, и Тейтум с детективами протолкались вперед Зои, которая не пыталась опередить их. Она видела жертву в просветах между детективами, сгрудившимися у тела. Ладонь, развернутая к небу, пальцы вытянуты. Лицо женщины — глаза открытые и пустые, губы раздвинуты. Растрепанные волосы стелются по земле.
— Вы определили время смерти? — спросил Мартинес.
Кто-то ответил — Зои не видела его сквозь людскую стену:
— Между девятью тридцатью и десятью тридцатью.
Она предположила, что это судмедэксперт. Вздохнув, подошла ближе, проталкиваясь, пока не увидела человека, присевшего у тела.
Этому телу никто не придавал поз, и его никогда не приняли бы за живую женщину. Руки раскинуты по земле, левая нога согнута в колене, правая выпрямлена. На теле только рубашка и нижнее белье. На шее темно-багровый разрез. Всю шею и подбородок тела покрывала засохшая кровь. Кровь просочилась и под воротник.
— В девять тридцать она еще была жива, — сказал Мартинес. — Нам известно, что она была жива до девяти тридцати семи.
— Если по телефону говорила она, — заметил Тейтум.
Лейтенант кивнул, признавая такую возможность.
— Ну, — сказал медэксперт, — она умерла не позже десяти тридцати.
На Зои, как это бывало всегда, наплыла отчужденность. Для ее мозга тело на земле сейчас не было мертвой женщиной — лишь коллекцией улик и признаков. Следом, оставленным убийцей. Так ее мозг справлялся с ситуацией, и Зои об этом прекрасно знала. Знала она и то, что это временная передышка, что потом тело в переулке будет преследовать ее.
Но это будет позже.
Она присела рядом с женщиной, напряженно всматриваясь.
— Это не похоже на работу того же убийцы, — произнес Тейтум.
— Правда? — Зои взглянула сбоку на шею женщины. — Почему?
— Ну, она не забальзамирована, у нее перерезано горло, ей не придали позу, и мы нашли ее почти сразу после исчезновения… ничего похожего.
— Она была связана, — сказала Зои, указывая на запястья женщины, ободранные и окровавленные. — И, я думаю, ее вполне могли задушить. — Она указала на синяки по бокам шеи.
— Все это выглядит неправильно для нашего убийцы.

— Я определенно согласна, что хотел он совсем другого.
— Но ты думаешь, это тот же парень? — с большим сомнением спросил Тейтум.
— Я думаю, что пока рано говорить, — ответила Зои.
— Зачем он перерезал ей горло?
Зои пожевала губу. Это был очень хороший вопрос. Все остальное можно объяснить тем, что жертве удалось связаться с полицией. Убийца запаниковал, убил женщину, засунул тело в багажник и сбежал с места преступления. Осознав, что все улицы перекрыты, заехал в переулок и выбросил тело.
Но почему он перерезал ей горло? Это не его образ действий; он всегда душил своих жертв.
— Не знаю, — наконец призналась она.
— Зои, я думаю, это другой парень.
— Ну, — раздраженно сказала Бентли, — у вас есть право на собственное мнение, агент Грей.
Вздохнув, Тейтум встал.
Зои мысленно заблокировала этот разговор. Тейтум принципиально шел наперекор и ничем не помогал. Она сосредоточилась на теле. Вокруг нее другие пытались разобраться, что произошло, отыскать данные для экспертизы, возможно, найти хлебные крошки, которые приведут к убийце. Их работа заключалась в том, чтобы смотреть в прошлое. Работа Зои тоже включала изучение прошлого, само собой. Чтобы потом смотреть в настоящее и будущее.
Чем занят сейчас убийца? Каким будет его следующий шаг?
Это прошло не так, как он планировал. Телу не придана поза; возможно, его даже не забальзамировали. Для этого убийцы главным было не убийство. Значимым было время, наступающее после. Именно об этом он фантазировал.
И он не получил желаемого. На этот раз его фантазии не были осуществлены. Его нужда по-прежнему здесь. Возможно, она даже сильнее, чем прежде.
У серийного убийцы обычно есть кривая обучения. И есть фантазии. Он убивает, стараясь осуществить их, но это не срабатывает так хорошо, как он надеялся. Ему не удается приблизиться к фантазиям. Тогда он задумывается, как улучшить свои действия, чтобы в следующий раз добиться желаемого. Снова убивает. Еще раз улучшает свои методы. И снова убивает.
Это то, что люди редко понимают, когда речь идет о серийных убийцах. Большинство людей считает, что у них есть неизменный почерк. Но убийца часто изменяет методы и почерк, приспосабливаясь к своим затейливым фантазиям.
Этот тип явно адаптируется. Его техника шлифуется с каждым убийством. Как он будет приспосабливаться на этот раз?
Они его едва не поймали. Он напуган. Ему нужно время перегруппироваться, понять, что случилось и где он ошибся. Он знает, что главная ошибка — оставленный жертве телефон, поэтому будет следить, чтобы такое не повторилось. Но этого мало. В следующий раз, схватив жертву, он убьет ее быстрее, не оставив времени с кем-то связаться. А еще он может сменить свою цель. Ему известно, что они знают о его охоте на проституток. И он начнет искать другую жертву — тоже уязвимую, но не панельную девушку.
— Эй, — сказал Мартинес, присаживаясь на корточки рядом с ней. — Вы в порядке?
— Он собирается схватить следующую, — произнесла Зои. — И он будет адаптироваться. Мы больше не сможем отыскать его, опираясь на будущие жертвы. Нам придется искать его по хлебным крошкам, которые он оставил в своих прошлых преступлениях. По его прошлым ошибкам.

Глава 39

Он уставился на кафельный пол душа, следя за пенистой водой, розовой от крови, которая кружилась водоворотом у стока. В этом было нечто завораживающее — матово-белые, розовые и красные пузыри, собирающиеся у темной дыры и один за другим сползающие в нее. Из его горла непроизвольно вырвался всхлип.

Все пошло так неправильно…
Он думал, что к концу этого вечера они будут вместе. Это ему за то, что доверился женщине до обработки. Следовало прикончить ее вчера вечером, как только он ее схватил. А вместо того решил подождать — и вот чем все закончилось…
Он остался один.
Наконец вода, стекавшая с его тела, стала бесцветной, прозрачной. Он выключил воду, вышел из душа и схватил полотенце.
Рубашка и штаны, пропитанные кровью женщины, лежали на полу в завязанном пакете для мусора. Он подумал, не сжечь ли их, но это показалось излишней возней. Кто полезет в завязанный мусорный пакет? Он решил выкинуть его в городской мусорный контейнер, как только выйдет на улицу. Убрать улики из дома — этого вполне достаточно.
Ему все еще было трудно поверить, что коп у дорожного заграждения дал ему уехать, когда его одежда была в таком виде.
Он медленно побрел в комнату, ощущая удушающую пустоту своей квартиры. Никого в спальне, только он сам. Если сядет выпить пива, он будет пить в одиночестве. Некому поговорить с ним о его дне, некому послушать, как он сбежал от полиции, ускользнул буквально из их рук.
Он натянул джинсы и простую рубашку на пуговицах, посмотрел на себя в зеркало. На него уставилось его отражение. Он разглядывал лицо и шею, желая убедиться, что не пропустил ни одного пятнышка крови. Нет, все чисто.
Вот сука. И ведь копы ее искали; он в этом не сомневался. Они знали, что он ее схватил. Откуда?
Потому что они знали, что он ищет. Девушек на улицах. Шлюх. В следующий раз, когда он остановится на углу, его может ждать полицейская засада. Он вздрогнул от страха. И ему хотелось с кем-то поговорить. Хотелось сочувствия, человека, который выслушает его страхи. И никого нет…
Навестив холодильник, он добыл банку холодного пива, вышел на балкон квартиры и посмотрел оттуда на город. Шикарным этот дом не назовешь, но вид отсюда не так уж плох, учитывая арендную плату. Здания закрывали собой озеро Мичиган, но его это не волновало. По ночам озеро все равно не разглядишь, разве что черные контуры. Намного лучше смотреть на окна — некоторые светятся, несмотря на поздний час. Город никогда не засыпает по-настоящему. И где-то в этом городе есть кто-то, предназначенный для него…

Глава 40

Широко открытые глаза Зои уставились в потолок комнаты мотеля. Краска в нескольких местах облезла, а диагональная трещина шла зигзагом почти через весь потолок. На пыльном стеклянном абажуре были хорошо заметны две дохлые мухи. Но разум Зои едва отмечал эти детали. Он был слишком занят обработкой изображения мертвой женщины, ее окровавленной шеи, пустых глаз. И отстраненность ушла. Зои знала, что так будет.
Как только она получала мгновение тишины, секунду для обработки, ее всегда накрывало этим. Ее мозг, заточенный под попытки представить все, начинал работать на полных оборотах. Что почувствовали родители жертвы, когда узнали о смерти дочери? Что почувствовал ее партнер? Или дети, если они у нее были? И, конечно, что чувствовала она сама, когда это случилось? Страх? Боль? Отчаяние?
Пока длились пятнадцать минут славы Зои, когда та помогла поймать одного из самых печально известных серийных убийц двадцать первого века, она слышала, как люди обсуждают, насколько она умна. Часто расхваливали и ее достижения — степени по клинической психологии и по юриспруденции из Гарварда, лучшая в группе и так далее. Но люди не понимали. Чертовски хорошей в своей работе ее делало живое воображение. Когда Зои старалась, она могла проникнуть в разум убийцы, представить, что он чувствовал, что видел. У этой монеты были две стороны, поскольку она видела всю картинку и с точки зрения жертвы. И видела ее очень ясно.

Со связанными руками, отчаянно пытаясь сказать копам, где она, с заткнутым ртом… Ее схватили почти сутки назад. Все это время она была связана? Возможно. Значит, ее горло пересохло; она ослабела от голода, жажды и страха. Челюсть ныла от предмета, который ей засунули в рот в качестве кляпа; в плечах пульсировала боль. Смешать это все с пониманием, что смерть в нескольких секундах, потом к ней подходит убийца, и…
Стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Зои тяжело дышала, ладони ее вспотели. Секунда, чтобы выровнять дыхание; потом она встала с кровати и подошла к двери.
— Да?
Зои не спрашивала, кто там. Кто еще будет стучаться в дверь ее комнаты в два часа ночи?
— Я тебя разбудил? — раздался с другой стороны приглушенный голос Тейтума.
— Нет, я еще не сплю.
— Ты не откроешь дверь? Я пришел с дарами.
Зои задумалась. Она была в длинной и широкой рубашке, прикрывавшей ее до середины бедер, и в трусиках. Она могла пойти натянуть джинсы, а может, и лифчик, но эта мысль выглядела отвратно, а свежий образ мертвой девушки некоторым образом выводил за рамки понятие скромности.

Зои открыла дверь. Тейтум стоял у порога в джинсах и футболке, с пакетом из "Севен-Илевен" [14] в руке. Его глаза медленно расширялись.

— Э-э… извини, — промямлил он. — Я просто подумал, что мы оба остались без ужина, и решил…
— Заходи, — сказала Зои, открывая дверь чуть шире.
Грей просочился внутрь, и она уловила слабый запах лавандового мыла. Перед приходом он принял душ. Ей стало легче. Не хотелось чувствовать в своей комнате запах места преступления.
Тейтум сел на диванчик в углу и поставил пакет на стеклянный столик.
— Я принес два блюда. Можешь выбрать, какое захочешь. Это… — Он вытащил из пакета первую коробку и прочитал этикетку: — "Куриный рулет Баффало"… а это, хмм… что-то другое… похоже, с сыром. И два хот-дога. Я выбрал случайные добавки.
— Ты знаешь, как побаловать девушку, — сухо сказала Зои, присевшая в другом углу дивана, расправляя рубашку, чтобы та прикрывала как можно больше. — Я буду что-то другое с сыром.
— А еще… — Тейтум достал из пакета две бутылки "Хонкерс Эль", — немного пива. Потому что я думаю, без него эта еда застрянет в горле.
Он достал из кармана связку ключей, открыл одним из них бутылку и протянул ее Зои.
Та откусила кусок чего-то другого с сыром. Несвежее, влажное, и на вкус не лучше утреннего дыхания. Она отложила еду и, взяв бутылку пива, сказала:
— В пиве есть калории. Я думаю, его можно засчитать за еду.
Тейтум прожевал кусок куриного рулета с выражением лица, далеким от горячего одобрения.
— Это ужасно.
— Дай мне, — сказала Зои, протягивая руку.
Он отдал ей рулет, и она засунула его обратно в пакет. Сложила туда же остальную еду и бросила пакет в корзинку для мусора. Потом подошла к своему чемодану, лежащему на полу, наклонилась и принялась нащупывать в нем "Сникерсы". Внезапно сообразив, что в такой позе и такой одежде она обеспечивает Тейтуму шикарный вид, быстро выпрямилась и обернулась. Грей увлеченно разглядывал противоположную стену, его щеки немного покраснели.
— Держи, — сказала она, протягивая ему "Сникерс". — Когда я куда-нибудь езжу, всегда беру с собой упаковку.
— Мудрая женщина, — заметил он, разрывая обертку.
Зои развернула свой батончик и откусила кусок. Арахисовая хрусткость и сладость шоколада начали вальсировать у нее во рту, и она прикрыла глаза, глубоко дыша носом.

Зои пробовала йогу, медитацию, бег и плавание — но до сих пор ничто не очищало душу лучше батончика "Сникерса". Это была идеальная терапия. Она отхлебнула пива. Оба вкуса хорошо сочетались. Какой приятный ужин — "Сникерс" а-ля "Хонкерс"…
— Ням, — пробубнил Тейтум, с довольным видом пережевывая батончик.
Зои улыбнулась и расслабилась, вполглаза смотря на Тейтума и наслаждаясь первой за этот вечер секундой покоя.
— Да, насчет сегодня… — сказал Грей.
— Что насчет сегодня? — спросила Зои, сделав еще глоток из бутылки.
Она уже съела половину "Сникерса", и мозг ее был погружен в сложные расчеты растягивания второй половины, чтобы хватило до конца бутылки. Ей не хотелось допивать последнюю треть пива без шоколадного сопровождения. Неудачное планирование в департаменте шоколада — и все дела идут под откос.
— Ты чуть не откусила мне голову, когда я сказал, что не согласен с тобой.
— Я просто сказала, что у тебя есть право на собственное мнение. Разве не так?
— Ну да, но у тебя был такой тон…
— Слушай, мне жаль, что я ранила твои хрупкие чувства. В том переулке лежала еще одна мертвая женщина, и каждая секунда нашего безделья увеличивает опасность нового убийства. Вот на чем я сейчас сосредоточена.
— Я тоже. Знаешь, я сотрудник ОПА, как и ты. Я не просто симпатичный парень в костюме. У меня неплохие инстинкты и опыт.
— Ты не носишь костюм, — заметила Зои.
— Я выражался фигурально, — ответил Тейтум; его взгляд скользнул вниз, как бы подчеркивая, что по сравнению с ней он одет очень формально.
Она не очень понимала, чего он хочет. Извинения? Зои не собиралась извиняться за то, что делает свою работу. Она решила пойти другим путем — сменить тему. Спросила она мягким, успокаивающим голосом:
— Тебя не радует твоя новая работа в ОПА?
Тейтум уставился на нее, нахмурился. Смял пустую упаковку от "Сникерса", хотя пива осталось еще полбутылки. Любитель.
— Не знаю, — сказал он и глотнул пива. — Это не то, чего я хотел. И я любил Эл-Эй. Но пока что здесь нескучно.
— А почему тебя… повысили? — спросила Зои; она пыталась задать вопрос деликатно, но голос сам собой оскорбительно выделил "повысили".
Тейтум ухмыльнулся.
— Потому что я крут. А как иначе?
Она подняла брови.
Он вздохнул.
— Я работал по делу о сети педофилов. Мы подобрались вплотную к одному из главных поставщиков материалов. Когда собирались арестовать его, он сбежал.
Зои молча кивнула.
— Я догнал его и крикнул поднять руки вверх. Он потянулся к своему рюкзаку, и я застрелил его.
— А к чему он тянулся?
— Точно не знаем, но думаем, что к фотоаппарату. Там было полно снимков, и мы думаем, он хотел их стереть. Оружия в рюкзаке не было.
Зои обдумала его слова.
— А разве стрельба не была оправданной? Ты думал, он лезет за пистолетом…

— То, о чем я думал, — предмет серьезных разногласий. Мы были одни в переулке. Выстрелов никто не слышал. А перед этим я не раз заявлял, что думаю насчет этого парня.

— А именно?
— Что он заслуживает смертной казни, — сухо ответил Тейтум.
— И поэтому они решили, что ты… казнил его?

— Кое-кто действительно так решил. — Он пожал плечами. — В общем, они были не слишком довольны, как я работал по делу. Слишком эмоционально. Не все шло по протоколу. И, я думаю, это было не в первый раз. Но мой шеф хотел представить это прессе как победу. На домашнем компьютере этого парня нашли кучу данных, и мы смогли закрыть бо́льшую часть поставщиков. Поэтому они не могли уволить меня по-настоящему.
— И вместо этого повысили тебя с переводом в ОПА…
Тейтум улыбнулся.
— Ты продолжаешь держаться за это слово. Вряд ли ты знаешь, что оно означает.
— Какое слово? Повысить?
— Я просто шучу… не обращай внимания. А как насчет тебя? Тебя радует работа в ОПА?
— Я всегда мечтала этим заниматься, — сказала Зои.
— Это мило. Но не отвечает на мой вопрос.
Она моргнула и отвела взгляд. Затем сказала:
— Честно говоря… меня не радует много вещей. Но я считаю их интересными. И мне нравится, когда я занята. Но я не приплясываю от радости, когда еду из дома на работу.
— Ну, приплясывать всю дорогу от Дейла до Квантико похоже на тяжкий труд.
Несколько секунд оба молчали, потом Тейтум продолжил:
— Ты психолог. Ты могла помогать людям или работать с детьми. Почему решила заняться криминальной психологией?
Она отломила кусочек "Сникерса", засунула его в рот, не решаясь ответить.
— Я просто не очень… Я не очень хорошо лажу с людьми.
Отчасти Зои ожидала, что Тейтум изобразит потрясение, станет ее высмеивать. Но он ничего не сказал — просто смотрел на нее, и его взгляд был теплым.
Она сама не знала, дань ли это эмоциям сегодняшнего вечера или на нее так — ободряя и поддерживая — действует присутствие Тейтума. Она поняла, что рассказывает то, что прежде не доверяла никому, кроме Андреа.
— Похоже, я всегда говорила людям что-то не то или как-то их обижала. Когда я занималась психологическим консультированием — мы делали это перед группой, — мои коллеги говорили, что я слишком холодная, слишком беспристрастная. Я знала, что у меня никогда по-настоящему не сложится с консультированием. Для этого я слишком нетактичная.
Зои остановилась, посмотрела на бутылку и последний кусок батончика. Доела остаток шоколада, потом запила его пивом, но это было уже не так приятно, как она надеялась.
— Я не думаю, что ты нетактична, — произнес Тейтум, нарушив тишину. — Мне кажется, ты просто слишком сфокусирована.
Она слабо улыбнулась.
— Это практически одно и то же.
— Нет. Совсем не одно и то же.
Она посмотрела на него, почти как в первый раз. Его улыбка больше не казалась самодовольной. Она была теплой. Зои почувствовала, что краснеет.
Грей кашлянул.
— Можешь со мной не соглашаться, но ты отлично справляешься со своей работой. Ты помогаешь близким и друзьям жертвы перевернуть эту страницу. И предотвращаешь новые жертвы. Ты делаешь хорошее дело.
Зои кивнула. К его губе прилип кусочек шоколада. Ее захлестнула волна образов: она наклоняется к нему и слизывает шоколад, его рука обнимает ее, вкус его языка, они целуются, губы колет грубая короткая щетина…
— У тебя шоколад на губе, — сказала она.
Он облизнул губы.
— Всё?
— Ага. Слушай, я правда устала. Спасибо за ужин. Встретимся завтра утром? Я поеду с тобой в управление.
— Конечно. Во сколько?
— Девять?
— Договорились.
Тейтум встал, допил остатки пива и вышел, пожелав ей спокойной ночи.

Гиперактивное, живое воображение. Ее благословение и проклятие. В груди и животе было тепло, голова слегка кружилась. Зои обвинила в этом пиво, прекрасно зная, что оно тут ни при чем. И растянулась на кровати, наконец-то не думая больше о смерти.

Глава 41

— Здравствуйте. Мистер Грей?
Голос в телефоне был собранным и спокойным. Голос человека, чья жизнь полностью соответствует правилам, где не случается непредсказуемого, все движется по расписанию и у любого события есть разумное объяснение.
— Он самый, — ответил Тейтум.
Они с Зои едва успели войти в оперативную комнату, когда его телефон зазвонил. Грей уселся за свой стол и включил ноутбук в розетку, зажав телефон плечом.
— Это доктор Нассар.
Секунду спустя Тейтум сообразил.
— Вы доктор Марвина… моего деда?
— Совершенно верно. Ваш дед был у меня на приеме.
— О, отлично. — Тейтум был приятно удивлен.
— Ничего отличного, мистер Грей. Вовсе ничего.
Грудь Тейтума стиснул страх.
— Он болен?
— Я не могу обсуждать медицинское состояние вашего деда, но считаю, что его здоровью требуется ваше вмешательство. Судя по всему, он не принимает один из препаратов, который я ему выписал.
— От него у деда зудит в горле.
— Вместо этого он принимает таблетки, которые ему выписал кто-то другой…
Тейтум открыл ноутбук.
— Ему их никто не выписывал. Он получил их от восьмидесятидвухлетней женщины с пристрастием к кокаину.
— У него очень высокое кровяное давление. — Голос доктора Нассара преобразился, став тревожнее. — Так не может продолжаться.
— Вы ему об этом сказали?
— Я сказал ему, что приведет это к инсульту или сердечному приступу.
— Так он будет теперь принимать эти таблетки? — Тейтум откинулся на спинку кресла, стараясь приглушить стук собственного сердца.
— Нет, не будет.
— Но почему?
— Потому, — совсем расстроенным голосом ответил доктор, — что, по его словам, от них у него зудит горло.
Тейтум сжал зубы, глотая длинную тираду проклятий, едва не сорвавшихся с языка.
— Я с ним поговорю.
— Он умрет, если не будет принимать свои лекарства.
— Мой дед мало беспокоится насчет смерти, но я постараюсь вправить ему мозги.
— Честно говоря, сэр, ваш дед — один из самых раздражающих пациентов, которых я когда-либо имел удовольствие…
— Спасибо, что сообщили мне. Я поговорю с ним.
Тейтум отключился и сосчитал до десяти. Потом сосчитал до тридцати девяти, поскольку счет до десяти не помог. Ему нужно как-то убедить старика, но Марвин — упрямый поганец. Тейтум подозревал, что дед считает себя сделанным из особо прочного материала, и всякая ерунда вроде высокого кровяного давления — проблемы слабаков.
Он "погуглил" симптомы высокого давления и начала читать. Не сразу, но натолкнулся на ключ к ослиному упрямству Марвина. Набрал номер.
— Тейтум, — сонно произнес Марвин. — Ты знаешь, сколько времени?
— Уже почти полдесятого. Ты до сих пор спишь?

— Я поздно лег, — Марвин зевнул.
— Мне только что позвонил твой доктор.
— Тейтум, он очень приятный человек, но слишком нервный. Он вечно делает из мухи слона.
— Его беспокоит твое высокое давление.
— Тейтум, я сказал ему, что отлично себя чувствую. Лучше не бывает, точно тебе говорю. И я перестал принимать зеленые таблетки Дженны, как он мне сказал. Но, правда, от его синих таблеток у меня зудит в горле.
— Значит, ты отлично себя чувствуешь?
— Просто превосходно, Тейтум. Ну, может, легкое похмелье, и твой кот опять напал на меня, но в остальном…
— Боли в груди нет?
— Нет, не беспокойся. Я здоров, как бык.
— Со зрением никаких проблем?
— Я же сказал, Тейтум, все отлично. Совершенно не о чем…
— И никаких нарушений эрекции?
Марвин несколько секунд молчал.
— Что? — переспросил он намного резче; этот вопрос явно разбудил его.
— Доктор Нассар сказал, что одним из симптомов высокого кровяного давления является нарушение эрекции. Но у тебя же все отлично, верно?
— Я… что именно он сказал насчет этих симптомов?
— По-видимому, артерии становятся жесткими и узкими, — ответил Тейтум, читая описание с экрана, — и это ограничивает ток крови. Поэтому ты получаешь меньший приток к члену. В смысле… так написано в Интернете. Хочешь, я отправлю тебе ссылку? Тут даже картинка есть.
Из телефона донеслось недовольное ворчание.
— Может, тебе пить чай с медом после приема этих синих таблеток? Тогда горло не будет так зудеть, — бодро предложил Тейтум.
— Ага.
— Стоит попробовать, верно?
— Тейтум, ты заноза в заднице.
— Хорошего дня, Марвин. Мне пора.
Ухмыляясь, он отключился. Проверил почту и увидел, что Дана переслала ему письмо из морга. Аутопсия Лили Рамос была назначена на это утро. Грей взглянул на часы. До начала оставалось меньше часа.

Глава 42

Зои пила третью чашку кофе за сегодняшнее утро; объединенные усилия кофеина и тайленола отгоняли мутную боль где-то в затылке. Ей удалось уснуть уже после трех, и спала она меньше пяти часов. Зои была угрюмой и напряженной, чувствуя себя наподобие сильно растянутой резиновой ленты, готовой огрызаться по поводу и без.
— Зои, — послышался сзади голос Тейтума. — Я еду с Даной следить за вскрытием. Поедешь с нами?
— Нет. У меня тут слишком много дел. Потом введешь меня в курс?
— Конечно.
Он ушел. Оперативная комната была пуста, и Зои пришло в голову, что впервые с момента приезда она осталась тут одна. В ОПА Бентли привыкла сидеть в отдельном кабинете; она даже не сознавала, насколько ей не хватало тишины. Именно в таких условиях Зои работала лучше всего: никто не мешает, ничто не отвлекает, только она и гора фактов и теорий.
У нее до сих пор не было напечатанных фотографий с места преступления, а принтер здесь черно-белый. Она привыкла к принтеру с высоким разрешением, который стоял в Квантико, и это раздражало. Она предпочитала работать в окружении фотографий с мест преступлений.

Зои открыла письмо с фотографиями из переулка и просмотрела их. Пройдя все несколько раз, открыла общий план места преступления, снимок с лежащим на земле телом жертвы. Потом нашла крупный план с перерезанным горлом и расположила две фотографии рядом. Внимательно разглядывая крупный план, заметила по сторонам шеи коричневато-синие кровоподтеки. Потом просмотрела материалы предыдущих убийств, выбрала по нескольку снимков с каждого места преступления и встала в раздумьях.

Ее стол располагался в углу комнаты, одна стена справа, одна спереди. Зои повесила на них фотографии — Сьюзен Уорнер и Моник Сильву перед собой, Кристу Баркер справа. Удовлетворившись, откатила кресло назад, чтобы проинспектировать свои труды. "И приз за самое патологическое украшение рабочего места получает… Зои Бентли". Не хватает только горшка с засохшим цветком на столе, и вся полиция Чикаго решит, что она психопатка.

Во "Входящих" появилось новое письмо. Отправителя Зои не знала, но адрес принадлежал полиции Чикаго. Это был ответ на запрос Мартинеса — запись разговора с прошлой ночи. К письму был приложен звуковой файл и сведения о звонке: номер телефона, время начала и окончания разговора и прочие технические подробности, в которых Зои не разбиралась. Она запустила файл.

От прослушанного разговора ей стало нехорошо. Вчерашний прилив адреналина, желание помочь девушке, надежда, что им удастся вытащить ее живой, — все это осталось в прошлом. Сейчас она слушала разговор с беззащитной, напуганной, задыхающейся жертвой, которая очень скоро умрет жуткой смертью. Они все звучали и звучали, сдавленные вскрики девушки, которая пыталась навести детективов на правильный адрес. Зои хотелось закричать на записанного Мартинеса: "Это же Харэн-стрит, черт бы тебя побрал. Отправляй машины на Харэн-стрит". К концу записи она крепко сжала кулаки, предвидя и с ужасом ожидая последние сдавленные крики жертвы. Глубоко вздохнула и посмотрела на длительность записи. Четырнадцать минут тридцать четыре секунды. Ей казалось, что прошло десять часов.

Зои взяла ручку и запустила файл заново, ставя в некоторых местах метки времени. Первая — 01:43. Мел спрашивала Лили, может ли та описать человека, который ее схватил. Абсолютно бессмысленный вопрос, поскольку у девушки был заткнут рот. Но Лили в ответ попыталась что-то сказать. Кляп полностью заглушал речь, голос был раздраженным, отчаявшимся. Просто каша. Зои трижды прослушала этот фрагмент. Может, существует какой-то алгоритм обработки звука, который поможет вычленить слова…

Вторая — в 2:52, когда разговор взял на себя Мартинес. Когда он говорил, на заднем плане слышалось тяжелое, натужное дыхание Лили. Но, кроме него, Зои слышала разговор каких-то двоих людей. Звук доносился издалека, приглушенно, но она была уверена, что там разговаривают два человека. И их, похоже, совершенно не интересовали крики Лили. Они ее не слышали? Или просто не обращали внимания? Был ли один из них убийцей?

Наконец, она перескочила туда, где Лили в панике закричала. Прямо перед этим Мартинес произнес "Харэн", но Лили его не остановила. Они ошиблись с улицей? Зои, нахмурившись, раз за разом прослушивала этот фрагмент. Перед испуганными криками Лили был еще какой-то звук, слабый, на грани слышимости. Скрип.

Это открывается дверь.

Видимо, Лили перестала обращать внимание на Мартинеса, когда услышала, как к ней входит убийца. А потом он отключил соединение.

Зои еще раз запустила запись, сосредоточившись на том куске, где был слышен разговор двух людей. Нахмурилась. В течение разговора она слышала их еще несколько раз, абсолютно равнодушных к крикам Лили. Они непринужденно беседовали. Зои прибавила громкость и еще несколько раз прослушала фрагмент. Похоже, один человек задавал вопрос, а другой давал длинный ответ. Она заново запустила весь файл на полную громкость, вздрагивая, когда по пустой комнате разносились крики Лили. Девять минут на записи; один голос меняется, другой остается прежним. Мужчина, задавший вопрос, говорит с третьим человеком. Который тоже не обращает внимания на крики Лили. Ну, конечно, его там просто нет.

Это звуки какого-то ток-шоу.

Зои раздраженно потрясла головой. Глупо. Потерянное время.

Она сосредоточилась на экране. Ее внимание привлекло окровавленное горло. Бентли нахмурилась, переводя взгляд то на разрез, то на кровоподтеки сбоку.
В конце концов она позвонила Тейтуму.
— Зои, у нас тут вскрытие идет, — раздраженно отозвался тот.
— Я знаю. Извини. Слушай, вы еще не выяснили, была ли жертва задушена?
— Ага. Судмедэксперт говорит, он считает, что ее задушили до того, как разрезали горло.
— И это было причиной смерти?
— Он так думает. У жертвы кровоизлияния в обоих глазах; это часто случается, если причина смерти — удушение.
— Тогда почему он перерезал ей горло?
— Зои, я не знаю. Потому что он псих.
— Тело было забальзамировано?
— Нет, определенно нет.
Ее это не удивило. Вряд ли убийце хватило бы времени на бальзамирование.
— О’кей, сообщи мне, если найдете что-то еще.
— Хорошо, — ответил Тейтум и отключился.
Зои, прикусив губу, задумалась. Мог убийца в ярости перерезать жертве горло после смерти? Это не похоже на его образ действий. Тогда что?
Она взглянула на телефон. У нее родилась идея, и она набрала другой номер.
— Похоронный дом Абрамсона. Это Вернон.
— Мистер Абрамсон, это Зои. Я была у вас…
— Я помню. Чем я могу вам помочь?
— У меня есть тело женщины, и ее горло перерезано. Я подумала… не сделает ли это бальзамирование проблематичным?
— Каким образом?
— Не знаю. Я просто пытаюсь понять, откуда взялась эта рана. Ее нанесли после смерти, и…
— Это разрез общей сонной артерии?
Зои моргнула.
— Понятия не имею.
Он вздохнул.
— У вас есть фотография, которую вы можете мне прислать?
— Ммм… конечно. Мне нужен ваш адрес электронной почты.
Вернон продиктовал ей адрес. Пока она отправляла фотографию, в комнату вошел Скотт и приветственно помахал ей. Зои улыбнулась ему.
— О’кей, — произнес Абрамсон. — Получил. Да, это выглядит как разрез сонной артерии.
— Хорошо… и что это означает для процесса бальзамирования?
— Ну, я предполагаю, что это было сделано во время процесса, — ответил Абрамсон.
— Что?
— Когда при бальзамировании вводится соответствующая жидкость, чаще всего разрез делается именно в общей сонной артерии. Хотя он, похоже, напортачил — дренаж расплескался по всей шее.
— И что это означает?
— Как я и говорил вам, это означает, что вы имеете дело с любителем.
— Но тело не было забальзамировано.
— Значит, он остановился до того, как закончил.
— Ясно.
— Что-то еще?
— Нет… спасибо, мистер Абрамсон. Вы мне очень помогли.
Зои отложила телефон, разум пытался воссоздать последовательность событий.
Убийца вошел, увидел, как Лили пытается что-то сообщить полиции. Он разорвал соединение и задушил девушку. А потом… решил забальзамировать ее.
Он мог просто избавиться от тела и найти другую проститутку. Почему же он этого не сделал? Наверняка понимал, насколько рискованно заняться бальзамированием. Весь процесс занимает около двух часов. Полиция, насколько он знал, уже в пути…

Это тело было для него слишком важно; вот единственное объяснение, которое она могла придумать. Он очень хотел его забальзамировать. Начал, потом остановился посреди процесса, который испортил. Забрал тело с собой… потом выбросил его в переулке, когда заметил впереди оцепление.
Непоследовательное поведение. Он стал непоследовательным под давлением. Зои сделала себе пометку.
Она вернулась к первой метке времени. К сдавленному слову. Позвала:
— Эй, Скотт, можешь подойти на секунду?
Он встал и подошел к ней.
— Что случилось?
— Можешь послушать этот кусок? Вдруг тебе удастся разобрать, что она пытается сказать…
Она запустила фрагмент.
Скотт нахмурился.
— Можно еще раз?
Она запустила. Он попросил еще раз. Зои запустила запись в третий раз. Потом, поскольку Скотт по-прежнему хмурился, поставила фрагмент на повтор, и они раз за разом слушали, как мертвая проститутка пытается идентифицировать своего убийцу. Одно слово. Казалось, что чем дольше они слушают, тем хуже его различают, а не наоборот.
— Знаешь, — сказал Скотт, — мне кажется, она говорит "советник".
Зои кивнула.
— На самом деле, я слышу там "паркетник", ну, как машина.
Они прослушали еще раз.
— Ага, я тоже слышу "паркетник", — сказал Скотт.
— А я как раз подумала, что больше похоже на "советник", — улыбнулась Зои.
— Итак… он ездит на "паркетнике"? Или он какой-то юрист?
Зои кивнула.
— Спасибо. — Она сделала пометку.
— Ты думаешь, этот профиль поможет нам взять парня? — спросил Скотт, взглянув через ее плечо на бумаги.
— Наверняка, — ответила Зои, надеясь, что он не услышит сомнений в ее голосе.

Глава 43

У редактора Гарри, Дэниела, иногда случались порывы вдохновения. И вот хороший пример: стоило Гарри намекнуть, что Дэниел не выполняет свою работу должным образом, как тот немедленно потребовал от него статью под заголовком "Девять причин, по которым Америка обожает ненавидеть Джастина Бибера".
Гарри сделал то единственное, что мог. Он отправился искать тему, которая преодолеет потребность Дэниела в мести, то есть то, что следовало сделать с самого начала. Он напишет материал о Гробовщике-Душителе.
Но ему нужен хороший ракурс. Дэниел дал ясно понять, что не интересуется мнением Опры по поводу этих убийств. Да и Опра вряд ли захочет разговаривать с Гарри после вирусной статьи, которую он написал два года назад: "Десять величайших знаменитостей, из которых вышли бы ужасные президенты".
Гарри решил поехать на то место, где нашли тело Моник Сильвы. Он припомнил, что слышал о мемориале, сооруженном там в ее память. Вот это и будет его ракурс — рассказать о реакции на убийства простых людей, а не об убийце или полицейской охоте. Люди хотят читать о себе.
Он подошел к мосту, посмотрел на кувшинки у берега. Красивое место, а в солнечный день вроде сегодняшнего еще красивее. Мимо прошла молодая пара; мужчина катил коляску, женщина прижималась к нему. Гарри немедленно подумал об абзаце с влюбленной парой в главной роли, парой, которая пытается отыскать смысл в чудовищной жестокости, случившейся в этом месте.

Памятник стоял по другую сторону ручья. Довольный, Гарри перешел мост, надеясь на какие-нибудь сентиментальные описания детских фотографий, рукописных писем и свечек. Памятник оказался горкой камней, к которой люди клали цветы. Гарри задумался, не рвали ли они эти цветы прямо в парке, но тут заметил неподалеку от памятника мужчину, который их продавал. Гарри ухмыльнулся и подошел к продавцу. Тот был одет в черное, рядом лежало несколько букетов печальных увядающих роз. Лицо мужчины выражало глубокую, бесконечную скорбь.

— Доброго дня, сэр, — произнес мужчина. — Не хотите купить цветок, положить к памятнику Моники Сильвы?

— Какая чуткая мысль, — сказал Гарри. — Бедная девушка, ее жизнь оборвана в таком юном возрасте…

— Ужасно, — согласился продавец цветов. — Всего один доллар. Пять долларов за достойный букет.

Гарри полез за бумажником, думая, что цинизм этого человека достоин по меньшей мере десяти долларов.

— Кстати, ее звали Моник Сильва, — заметил он, протянув банкноту продавцу.

Мужчина, рассеянно кивнув, выудил из ведра один из унылых букетов. Пока он заворачивал цветы в бумагу, Гарри вытащил пачку сигарет, достал одну и прикурил. Потом протянул пачку продавцу.

— Сигарету?

— Спасибо, сэр, — ответил продавец, выуживая сигарету; Гарри поднес ему огонь.

Несколько секунд оба молчали; каждый наслаждался табачным дымом, растекающимся по горлу и легким. Гарри наблюдал за усиком дыма, поднимающимся от сигареты, пока тот не сдуло внезапным порывом ветра.

— Вы не против, если я задам вам пару вопросов? — сказал он.

Через пятнадцать минут у него была духоподъемная статья о том, как люди сближаются перед лицом трагедии. На Пулитцеровскую премию не тянет, однако была в ней некая доступность, которая, как чувствовал Гарри, заставит материал сверкать. Читатели статьи будут гордиться, что живут в Чикаго. Возможно, они станут лайкать статью и делиться ею, чтобы друзья увидели, в каком прекрасном городе они живут. В статью будет вставлено несколько твитов о жутких убийцах, написанных людьми с множеством подписчиков. Возможно, эти люди напишут твиты о самой статье, генерируя тем самым новых читателей.

Довольный своим прогрессом, Гарри отошел от цветочника, обдумывая заголовок статьи. Нужно заходить либо с захватывающего поворота — "Найдена третья жертва Гробовщика-Душителя, и вы не поверите, что случилось дальше", либо с перечня — "Пять храбрых способов, которыми Чикаго сопротивляется Гробовщику-Душителю". Над этим еще придется поработать. Гарри знал лучше многих, что заголовок обычно либо возносит, либо губит материал.

Он подошел к памятнику, глядя на него с новым интересом, и задумался, не стоило ли взять с собой фотографа. Уже собирался положить к памятнику букет, когда заметил конверт на земле. Простой коричневый конверт, который ветер смахнул вниз. Гарри поднял конверт, думая, не заглянуть ли внутрь, прежде чем положить его на место. Он был циником, но иногда чувствовал, что есть пределы, которые не стоит переступать. Если только у него нет очень серьезной причины.

Конверт был адресован женщине. К удивлению Гарри, не Моник Сильве. Но он узнал имя. Гарри обладал акульими инстинктами, когда дело доходило до стоящего материала, и, держа в руке конверт, он начал подозревать, что эта история может оказаться намного лучше, чем он думал.

Глава 44

Задним числом Зои пожалела, что не поехала на вскрытие. Разумеется, потом она получит отчет, да и Тейтум наверняка расскажет, если там выяснится что-то интересное, но сейчас это было лучшим путем к убийце, которым они располагали. Есть ли у нее сейчас более

важное занятие? Она мрачно посмотрела на схему места преступления, которую ей переслал Мартинес. Что она могла вытянуть из этой схемы? Убийце нужно было избавиться от тела, чтобы проехать дорожный пост, и он выбросил труп в переулке. Никаких рассчитанных поз, никакого соответствия его почерку. На мгновение она едва не засомневалась, действительно ли это тот убийца. В конце концов, всегда хватает мужчин, которые убивают проституток.
Но посмертный разрез сонной артерии — необычное обстоятельство. Теория, по которой он был результатом поспешной и неудачной попытки бальзамирования, выглядела правдоподобно.
Отлично. Зои оглядела свой стол. Где бы ни работала, она всегда умудрялась скопить груды бумаг, и сейчас стол не был исключением. Перемешанные кучи копий документов из разных досье, сообщений о забальзамированных и набитых животных, распечатанных расшифровок допросов родственников и друзей жертв захватили бóльшую часть стола.
Зои решила расчистить его и начать заново. Она сложила в стопку досье, положила сверху расшифровки и засунула все это в ящик стола. Сообщения о животных можно выкинуть. Из них больше ничего не вытащить; копии есть в досье, к тому же эти сообщения скудны на подробности. Зои собрала бумаги и пошла к шредеру. Она скармливала машине по два листа, радуясь зрелищу бумаги, превращающейся в тонкие белые полоски. Какая отличная штука. Надо заниматься этим почаще.
Пока она дорезала последние три листа, ее разум сосредоточился на новом вопросе, не всплывавшем раньше.
Что заставило убийцу начать практиковаться на животных?
В этом был некий безумный смысл, если ему хотелось сохранить свои жертвы, но что подтолкнуло его к подобной идее? Прочитанная книга? Просмотренный фильм?
Для убийцы не был критичен сам процесс бальзамирования. Это доказывали его эксперименты с таксидермией. Он просто искал способ сохранять жертвы. Его цель — консервация.
Почему?
Потому что ему требовалось время, которое можно провести с жертвой без следов разложения.
Зачем?
Пока Зои не могла ответить на этот вопрос. Она попыталась покрутить его в голове. Предположим, мужчина начал съезжать на том, чтобы убить женщину и держать при себе ее тело. Неужели он просто перепрыгнул к идее бальзамирования? Это сложный процесс. Сначала ему требовалось определить, что другого способа не существует.
Она опять подумала о цикле. Кривой обучения убийцы. Он продолжал адаптироваться, чтобы действие как можно лучше соответствовало его фантазиям. В данном случае кривая обучения была очевидной, как Зои уже отметила. Убийца все лучше и лучше справлялся с бальзамированием. Но что подтолкнуло его к первой попытке?
Было ли еще одно убийство? Убил ли он кого-то до Сьюзен Уорнер?
— Эй, Скотт, — позвала Зои. — Можешь помочь мне с еще одним делом?
— Конечно, — ответил он и развернул кресло к ней лицом. — С каким?
— Мне нужно проверить кое-какие сообщения об убийствах примерно двухлетней давности.
— О’кей. — Скотт кивнул. — Я могу это сделать со своего компьютера. У меня тут есть ГПАО.
— Пао? Это что?
Зои встала и, подойдя к Скотту, заглянула ему через плечо. На его столе стояло несколько фотографий двух маленьких детей. Она пару секунд смотрела на них, отметив явное сходство со Скоттом.
— Это такая база данных, которой мы пользуемся, — сказал Скотт. — ГПАО — аббревиатура от… мм… что-то там… правопорядок… еще что-то и отчетность.
— Генеральный правопорядок академической отчетности? — предложила Зои.
— Нет, это какой-то бред. Погоди, первое слово вроде бы "главный"… или нет.
— Горячий?

— Гражданский. Гражданский правопорядок: анализ и отчетность, — с облегчением выдохнул Скотт.
— О’кей. От нее есть толк?
— Ага. Первоклассная штука. О каких годах мы говорим?
Первое сообщение о животном поступило в июле 2014 года.
— Попробуй… с тринадцатого по июль четырнадцатого.
Скотт принялся колдовать над формой ввода. Через секунду на экране появился список фамилий. Больше шести сотен.
— Только женщин, — сказала Зои. — И, я думаю, можно исключить огнестрел.
Она не была уверена; вполне возможно, что убийца перешел от огнестрельного оружия к удушению. Однако все убийства совершались вблизи, при непосредственном контакте с жертвой. Даже если удушение было для него новым образом действий, Зои была готова поспорить, что до того убийца пользовался ножом или чем-то подобным.
— О’кей, — произнес Скотт. — Пятьдесят три случая. Бóльшая часть убийств в Чикаго связана со стрельбой, так что похоже на правду.
— Спасибо, Скотт, — сказала Зои. — Я посмотрю их отсюда.
— Рад, что смог помочь, — ответил он и встал с кресла. — Завтра я попробую сделать тебе доступ к ГПАО с твоего компьютера.
— Спасибо.
— Не за что. Только выключи мой компьютер, когда закончишь. И не читай мою почту.
Зои ухмыльнулась, он вышел. Она уселась в еще теплое кресло и начала просматривать дела, одно за другим.
Она нашла то, что искала, в деле номер двадцать три.
21 апреля 2014 года Вероника Мюррей, двадцати одного года, была найдена мертвой в переулке; тело уже разлагалось. Имелись признаки посмертного сексуального надругательства, причиной смерти было удушение. Тело нашли через шесть дней после предположительного времени смерти, и было очевидно, что его бросили здесь предыдущей ночью. Дело все еще открыто. Убийцу не нашли.
Вероника нашли в нескольких кварталах от ее дома, в Вест-Пулмане, где через три месяца начали исчезать домашние животные.

Глава 45

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА

У Зои колотилось сердце, когда она села перед полицейским Уиллом Шефердом. Он что-то сосредоточенно писал, и, когда Зои попыталась заговорить, попросил подождать. Он был тучным мужчиной с черными пышными усами и красным носом; непрерывно шмыгал носом и кашлял, временами сморкаясь в платок. Зои нетерпеливо постукивала ногой, дожидаясь, когда же он закончит.
— О’кей, — наконец сказал Шеферд, отодвигая документ и кладя перед собой ручку. — Так чем я могу тебе помочь?
— Я знаю, кто серийный убийца, — выпалила Зои.
По пути в полицию Мейнарда у нее было время представить, как может развиваться беседа. По одной версии, полицейский выслушает ее, запишет показания, а затем пойдет получить срочный ордер на обыск дома Рода Гловера. Полиция обнаружит в его комнате все улики, возможно, сопоставит нижнее белье в обувной коробке с жертвами и арестует Гловера.
По другой, менее оптимистичной, версии, копы не будут готовы сотрудничать. Они скажут, что вломиться в дом Гловера — преступление. Скажут, что найденные ею улики нельзя представить суду. Станут часами допрашивать ее в маленькой комнате, будут запугивать. В конце концов она убедит их, что говорит правду. Они будут несколько дней прорабатывать

Гловера, возможно, установят за ним наблюдение и, наконец, получат сведения, которые нужны для ордера на обыск. Нижнее белье, обувная коробка, арест.
Чего она не ожидала, так это усталого, незаинтересованного взгляда полицейского.
— И кто это? — спросил он.
— Наш сосед, — ответила она. — Род Гловер.
Казалось, после этих слов полицейский совсем поскучнел.
— Откуда ты знаешь?
Зои выложила все по порядку. Она не хотела, чтобы он счел ее пустоголовым подростком, увидевшим, как сосед занят чем-то странным, и немедленно определившим его в серийные убийцы. Зои объяснила, насколько тщательно она изучила вопрос. Подробно описала, почему Гловер, по ее мнению, соответствует признакам психопата. Она рассказала о встрече у пруда Дюрана, а потом процитировала интервью с "Сыном Сэма", где тот объяснял, зачем возвращается на место преступления. К этому времени на лице полицейского читалась некоторая гадливость, но и заинтересованность, что ободряло. Зои перешла к объяснению, как она пробралась в дом Гловера, напирая на то, что у нее был ключ, следовательно, по сути, в дом она не вламывалась. Она практически не сомневалась, что такая логика не работает, однако это вроде бы выставляло ее в лучшем свете. Рассказала полицейскому о порнографии. Женском белье. Обувной коробке.
— Угу, — сказал он, когда она закончила.
Зои моргнула. Она понимала: речь идет о ее слове против слова Гловера. Она ничего не взяла из его дома, однако считала, что ее рассказа хватит для пробуждения интереса полиции. Теперь им достаточно просто обыскать дом Гловера.
— Возможно, он знает, что я была у него дома, — сказала Зои. — Он может попытаться избавиться от улик.
Шеферд глубоко вздохнул.
— Тебе не следует лазать по чужим домам, — сказал он.
К такому Зои была готова.
— Особые обстоятельства, — ответила она. — У меня были основания считать, что он убийца.
— Ну да, — заметил Шеферд. — Ты видела его у пруда Дюрана, куда каждый день ходит куча народу, потом он сказал тебе о пожаре в офисе, и ты думаешь, что это вранье, но точно не знаешь. И, конечно, ты прочла все эти книги, поэтому разволновалась.
Зои стало жарко.
— У пруда Дюрана не было никого, только он и я, и он странно себя вел… но о'кей, не важно. У него в комнате…
— Есть порнография и дамское белье, — закончил Шеферд.
— На белье была грязь.
— Можно припомнить и другое коричневое вещество, которое пачкает нижнее белье.
Слезы набегают. Нет. Не сейчас. Он точно не воспримет ее всерьез, если она сейчас расплачется.
— Его носки…
— Были влажными, да. Судя по описанию, он изрядный неряха. Послушай, Зои, я понимаю, что ты напугана. Весь город напуган. Но если ты дашь нам заниматься своей работой…
— Я хочу, чтобы вы занимались своей работой! — выкрикнула Зои, голос сорвался. Она не выдержала. Из глаз брызнули слезы, голос стал ломким. — Просто проверьте его! Я же говорю, это он. Может, я ошибаюсь, но должны же вы хотя бы проверить…
Шеферд оценивающе посмотрел на нее, будто размышляя над ее словами.
— Ты сказала, Гловер? — наконец спросил он.
— Ага. — Она вытерла слезы рукавом.
— Погоди, — сказал полицейский и, кряхтя, поднялся.
Он подошел к картотечному шкафу, открыл верхний ящик и, пошуршав там, выудил пачку бумаг. Пролистал страницы, одну за другой, потом посмотрел на Зои.
— Род Гловер?
— Да.
— Угу. Он определенно не тот парень.
У нее упало сердце.

— Откуда вы знаете?
— Когда убили бедняжку Клару, рядом с Гловером было семьдесят восемь человек. И я был с ними.
— Семьдесят восемь человек? — Зои понятия не имела, о чем он говорит.
— Девочки, когда Клара пропала, организовали поисковую группу. Род Гловер есть в списке. Время поисков совпадает со временем убийства. Это значит, что у него есть алиби. — Он говорил медленно, будто желая, чтобы Зои поняла все до последнего слова. — И я говорю тебе: хватит называть соседей серийными убийцами. Нам сейчас такое не нужно, о'кей?
— М… может, он только сказал, что будет участвовать в поисках, а на самом деле…
— Слушай, милая, оставь полицейскую работу взрослым, хорошо?
Зои покраснела, губы дергались от унижения. Ей казалось, что она сейчас умрет.
— Ты же девочка Клайва Бентли, верно? — спросил Шеферд.
— А… ага.
— Я думаю, пора отвезти тебя домой.
* * *
Эти пять минут в полицейской машине оказались худшей поездкой за всю жизнь Зои. Ей все время казалось, что сейчас ее вытошнит, но она быстро сообразила, что едет в патрульной машине и не сможет открыть ни окно, ни дверь. Обняв себя руками, Зои дрожала и всхлипывала. Ее знобило, но она не могла заставить себя попросить Шеферда включить обогрев. Она ошиблась, обвинив Гловера? Она была абсолютно уверена, когда входила в полицейский участок, но сухое перечисление фактов полицейским вышибло почву у нее из-под ног. Серия теорий и фактов, которые так хорошо складывались у нее в голове, а на деле оказались пазлом, в котором не хватало кусочков…
Может, Гловер и вешал ей лапшу на уши, но она привыкла считать его россказни нелепыми, смешными или тем и другим сразу. Когда они стали зловещими? Почему она так быстро наклеила на него табличку "психопат"? Ладно, у него есть обувная коробка с женским бельем и браслетом. Может, это просто память о какой-нибудь бывшей подружке. А порно… У кучи людей есть дома порно. Это же фантастически процветающая индустрия. Неужели ею настолько завладели мысли об этих убийствах, что ей понадобилось хоть кого-нибудь обвинить? Может, это она — псих?
В следующую секунду Зои уже думала о том, как Гловер смотрел на нее, когда она выскочила из его дома. Или каким извращенным выглядело порно в его спальне. Или о той паре нижнего белья, на которой была грязь. И у нее было чувство, что она права. Что Гловер каким-то образом обдурил полицию, заставив поверить в свое алиби, и убил Клару. Не так уж сложно ускользнуть во время поисков, расправиться с девушкой, бросить тело и вернуться.
Наконец Шеферд припарковал машину. Надежды Зои, что он просто высадит ее, рухнули, когда она увидела отца, открывающего дверь дома. Он скрестил руки на груди и мрачно смотрел на машину. Наверное, Шеферд предупредил его, что они приедут. Он мог позвонить ему с работы.
Тучный полицейский выбрался из машины и открыл заднюю дверь. Зои вылезла, чувствуя, как вновь подкатывают слезы; ее накрыли страх и унижение. Их соседка, миссис Эмброуз, выглядывала из окна своей спальни. К завтрашнему утру весь город будет знать, что Зои Бентли привезли домой в полицейской машине.
Она поплелась к двери, предпочитая кусачий холод снаружи тому, что ждало ее внутри.
— Зои, — сказал отец, когда она подошла. — Иди к себе в комнату и жди меня там.
В его голосе слышался гнев, слова практически вылетали изо рта. Она не могла припомнить, чтобы он когда-нибудь так злился.
Зои медленно дошла до комнаты, открыла дверь, захлопнула ее за собой и рухнула на кровать.

Она плакала в подушку, выплескивая все, что сумела удержать внутри. Внезапно все показалось ужасно бредовым. Зои Бентли, играющая в Нэнси Дрю
[15]
. Как глупо… Просто глупо.

В конце концов слезы иссякли. Отец до сих пор не зашел, и она решила поискать его. Ожидание хуже суровой лекции и неизбежного запрета выходить из дома.
Зои открыла дверь и услышала голос Шеферда. Он все еще не ушел. Они с отцом разговаривали в кухне. Она подкралась к кухне и прислушалась.
— И ее мать держат на успокоительных, потому что она пыталась себя убить, — говорил ее папа.
— Я слышал, — произнес Шеферд. — Рад, что вы помогаете им выбраться.
— Знаешь, Зои давно дружила с Норой, ее сестрой.
— Я не знал. Это объясняет ее поведение.
— Ага, извини еще раз.
— Клайв, тебе не нужно столько извиняться. У нас это уже третье за неделю надуманное сообщение о подозрительных действиях. Люди на грани. Твоя дочь просто напугана. Как и все.
— Ага.
— Я надеюсь, что все скоро закончится.
— Почему? — с внезапной настороженностью спросил отец. — У вас есть подозреваемый?
— Я не могу об этом говорить.
— Да ладно, Уилл. Нам здорово поможет, если я смогу сказать Зои, что вы кого-то арестовали…
— Не говори ей этого. Мы еще никого не арестовали. Но… похоже, мы знаем, кто это был. Чейз его вычислил.
— Кто?
— Слушай, Клайв, я не могу назвать тебе имя. Ты же сам понимаешь.
— Уилл, мы с тобой давно знаем друг друга. Ты можешь мне доверять. Мне просто нужно успокоить дочь.
Мгновения напряженной тишины. Шеферд шепчет имя отцу на ухо? Зои подобралась как можно ближе к двери.
— О’кей. Но никому об этом не рассказывай, иначе у нас все пойдет насмарку. Наш подозреваемый — Мэнни Андерсон.
Зои перестала дышать. Она знала Мэнни Андерсона. Старшеклассник из ее школы. Он часто засиживался в городской библиотеке. За последнее время Зои несколько раз встречалась с ним, когда брала книги для собственных исследований.
— Сын Гвен и Пита? Да быть не может!
— Как выяснилось, он ходил хвостом за Бет Хартли перед тем, как он… как ее убили. И один ученик дал показания, что слышал, как Мэнни звал Клару пойти погулять. И знаешь, что самое мерзкое?
— Что? — прошептал отец.
— Ты же знаешь, в каком виде нашли всех девушек, верно? Голые и с серым галстуком на шее, которым их душили?
Зои оторопела. До сих пор она не слышала об этой подробности.
— Верно, — подтвердил ее папа.
— Пит Андерсон надевает на работу серые галстуки. Каждый чертов день. Мы думаем, Мэнни брал их, чтобы убивать девушек.
Серые галстуки. Зои едва удержалась, чтобы не вломиться с криками в кухню. Единственная подробность, о которой она не упомянула, когда говорила с Шефердом в полицейском участке. Куча серых галстуков в ящике с порно Гловера.
И как будет выглядеть, если она расскажет об этом сейчас? Как будто решила выложить эту деталь, чтобы сняться с крючка, подслушав их разговор. И они опять ей не поверят. Она только сделает себе хуже.
Неужели это просто еще одно случайное совпадение?
Может ли она держать это при себе? И никому не сказать?
— Это… ужасно, — сказал папа.
— Мэнни Андерсон всегда был странным парнишкой. Держался замкнуто. Друзей мало. Один из этих тихих типов… ну, ты понял.
— Угу.

— Но его учитель сказал мне, что парень рисует в своих блокнотах разные загадочные картинки, и он играет с приятелями в "Данджеонз’н’Дрэгонз" почти каждые выходные. И подружки у него никогда не было… Ну, не знаю. Все складывается.
Зои внезапно впала в ярость. Да ничего не складывается. Загадочные картинки? Игра? Доводы Шеферда были безгранично слабее ее собственных. По сути, полиция делала ровно то, в чем обвиняла Зои. Они искали подозреваемого и, как только нашли хоть немного подходящего человека, начали привязывать дело к нему.
Они ошибались, а она была права. И они не станут ее слушать, потому что она просто четырнадцатилетняя девчонка-истеричка.
* * *
— Но, папа, послушай. — Зои отчаянно пыталась убедить его, но ей казалось, что она разговаривает с разозленной кирпичной стеной.
— Нет, Зои, я больше ничего не хочу об этом слышать. Ты понимаешь, что Род может подать в суд, если узнает, какое вранье ты о нем рассказываешь?
— Я не рассказываю вранье. Я только сказала полиции, что я…
— Не говоря уже о том, что ты вломилась в его дом.
Они уже трижды прошли по этому кругу, и каждый раз все возвращалось к тому, что она вломилась в дом Гловера.
— Я знаю, но у него были серые галстуки в…
— Хватит!
Его рев заставил Зои умолкнуть. Лицо отца побагровело, руки тряслись.
— Род Гловер — наш сосед, — резким и напряженным голосом заявил он. — Нельзя обвинять людей во всяких ужасах без последствий. Мы знаем, что у него есть алиби на время убийства Клары…
— Но, папа, мы же не знаем, действительно ли он был в поисковой группе. Может, он пришел, а потом…
— Я был в этой поисковой группе. И несколько раз видел Рода.
Вся ее решимость сдулась. Значит, это правда. Род Гловер не убивал Клару. Зои безосновательно обвинила его.
— Вломилась в дом нашего соседа. — Отец поднял палец, отсчитывая ее проступки. — Пошла в полицию и обвинила его без какой-либо причины. Поехала одна на пруд Дюрана.
Оба смотрели на три поднятых пальца.
— Мы с мамой едем на городское собрание, — сказал отец. — Там будет обсуждение по поводу убийств и мер предосторожности, которые нужно принять людям, пока убийца не окажется за решеткой. Ты останешься дома с Андреа. А завтра мы поговорим о твоем наказании. Подробно.
Зои сидела на кровати, уставившись в пол, когда он вышел из комнаты. Она слышала, как отец с матерью прощаются с Андреа, потом входная дверь открылась и закрылась. Замок щелкнул, родители ушли.
Андреа зашла в ее комнату и забралась на кровать к сестре. Зои лежала и смаргивала слезы. Ей следовало оставить расследования полиции. Возможно, убийцей действительно был Мэнни Андерсон. Его романтический интерес и к Кларе, и к Бет очень подозрителен. И орудие убийства было у него под рукой.
"Задушены серым галстуком".
Она вздрогнула, пытаясь избавиться от всплывшего образа.
— Зои, папа с мамой на тебя сердятся? — спросила Андреа.
— Даже хуже. Они разочарованы.
— Это не хуже.
— На самом деле хуже.
— Почему они сердятся?
— Потому что я… сказала одну вещь, которая была неправдой.
Андреа вытаращилась на нее:
— Ты соврала?
— Нет. Я просто ошиблась.
— А…

Они лежали на кровати, прижавшись друг к другу. Зои слушала дыхание сестры, вбирая в себя силы из ее невинности. С улицы донеслись шаги, потом щелкнул замок входной двери. Наверное, мать опять забыла свою сумочку. Она ее всегда забывает.
— Мамочка? — позвала Андреа, явно подумав то же самое.
Ни ответа, ни шагов. Нахмурившись, Зои слезла с кровати и подошла к двери. В темном коридоре стоял человек. Слишком высокий для матери, слишком худой для отца. Их взгляды встретились.
Это был Род Гловер.

Глава 46

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ЧЕТВЕРГ, 21 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Вероника Мюррей, женщина, найденная мертвой в Вест-Пулмане два года назад, была помолвлена с мужчиной по имени Клиффорд Соренсон, согласно полицейскому отчету. Зои позвонила ему и спросила, могут ли они встретиться. Соренсон занимался сантехникой и сказал ей, что она может заехать в его офис в Вест-Пулмане.
"Сантехника Соренсона" больше напоминала склад, чем офис. Над передней дверью висела маленькая белая вывеска с названием, написанным унылыми синими буквами. Тот же логотип украшал два синих фургончика, припаркованных рядом. Зои заплатила таксисту, мужчине средних лет с неряшливой серой бородкой и усами.
— Хотите, чтоб я подождал? — спросил он.
— Я тут пробуду какое-то время, — сказала она. — Вызову такси, когда выйду.
— Ну, — заметил он, взглянув на вывеску ближайшего бургерного киоска, — мое обеденное время уже прошло, а я ничего не ел. Так что буду поблизости.
Зои вздохнула. Таксист оказался разговорчивым, а она была не в настроении на обратном пути болтать о Северной Корее, но не могла придумать, как вежливо от него избавиться.
— Отлично, — сказала она. — Но если вам надоест ждать, можете спокойно уезжать.
Он пожал плечами. Бентли вылезла из машины и зашла на склад.
Внутреннее пространство покрывали ряды металлических стеллажей, забитых трубами, вентилями и инструментами, о названиях которых Зои даже не подозревала. Она всегда гордилась собой, если ей удавалось самостоятельно справиться с засором, но все сверх этого приводило к паническому звонку сантехнику. Из всех проблем, возникающих в доме, сантехника была наихудшей, кризисом, способным опустошить банковский счет и превратить всю обстановку в мокрую бесформенную массу.
У одного из стеллажей стояли двое мужчин; они подбирали трубы и складывали их в большую тележку. Зои подошла к ним.
— Прошу прощения, — сказала она. — Я ищу Клиффорда Соренсона.
— Это я, — ответил один из них. — А вы — Зои?
— Да. Спасибо, что согласились встретиться.
Он кивнул. Зои смотрела на него. Высокий, широкоплечий мужчина с редеющими каштановыми волосами и щетиной на щеках; глаза красные и усталые.
— Вы сказали, это насчет Вероники?
— Я надеялась, вы согласитесь ответить на пару вопросов.
— Давайте поговорим снаружи, — сказал он и, нахмурившись, повернулся ко второму мужчине. — Ты въехал?
Тот кивнул:
— Конечно, Клифф.
Они вышли на улицу. Клиффорд выудил из кармана пачку сигарет, засунул одну в рот и предложил Зои. Она покачала головой. Мужчина пожал плечами, прикурил и затянулся.
— Я думал, полиция закрыла это дело.
— Оно всплыло в связи с другим делом, которое сейчас расследуется.

— Да? В то время они говорили, что ведут следствие в отношении одного местного наркомана. Это насчет него?
Зои покачала головой. Наркоман, допрошенный во время того расследования, сидел в тюрьме за вооруженное ограбление.
— Не совсем.
— Угу, — сказал Соренсон сдавленным голосом. — Тогда кто?
— Мы пока не уверены. Вы не против, если я задам вам несколько вопросов о той неделе?
Полиция допрашивала Клиффорда три раза, и Зои читала стенограммы. Первый допрос в основном сводился к тому, чтобы установить, считать ли Клиффорда подозреваемым. У него было алиби на тот вечер, когда исчезла его невеста, — он ездил на рыбалку с тремя друзьями. Все трое подтвердили, что Соренсон действительно был с ними все это время. Один из друзей даже зашел с ним в дом, потому что захотел в туалет. Они обнаружили, что дома беспорядок, а Вероника исчезла.
Второй допрос был связан с арестом полицией подозреваемого, торговца наркотиками. Они показывали Клиффорду снимки, пытаясь выяснить, сможет ли он опознать этого типа. Он не смог; сказал, что насколько помнит, не видел ни одного человека с этих снимков.
Третий допрос был проведен после того, как полиция потеряла интерес к наркоторговцу и попыталась найти дыры в алиби Соренсона. Тот быстро вышел из себя, заорал на копов, что они пытаются повесить на него убийство, и потребовал адвоката. Остаток допроса был короток и бесполезен.
Зои знала: если у следователя есть подозреваемый или мысленная установка, допрос часто перекашивается в определенную сторону. В первой стенограмме был прекрасный пример этому. Клиффорд упомянул, что в последние недели перед исчезновением Вероника была немного взвинченной. Дальше последовала серия вопросов, суть которых сводилась к одному: не была ли эта взвинченность результатом ссоры между Вероникой и Клиффордом. Но, покончив с этим, следователи двинулись дальше. Никто больше не поднимал вопрос о причинах ее взвинченности. Этим обстоятельством просто пренебрегли.
— Я попробую ответить, если смогу, — сказал он. — Но не обещаю, что все вспомню. Прошло больше двух лет, и я очень старался забыть ту неделю.
— Понимаю, — отозвалась Зои, опершись на стену. — Итак, когда вы в последний раз видели Веронику?
— Утром того дня, когда она умерла, — бесстрастным голосом ответил Клиффорд. — Перед тем, как пошел на работу.
— Вы разговаривали в течение дня?
— Да, один раз. Она позвонила мне что-то спросить, не помню что.
Судя по полицейским отчетам, Вероника звонила спросить о компании, которая будет обслуживать их предстоящую свадьбу. Он действительно забыл или просто хочет уйти от этой темы?
— А что случилось потом?
— Я вернулся домой с работы; дома ее не было. Она ушла к подруге. К Линде.
Зои кивнула. Это тоже было в документах. Линда была главной причиной, по которой Клиффорд не оказался основным подозреваемым. Она подтвердила, что Вероника ужинала с ней, а к тому времени, когда вышла из ее дома, Клифф давным-давно уехал на рыбалку.
— Я поехал рыбачить с тремя друзьями. Вернулся домой где-то после полуночи. В доме был разгром. Стол и стулья перевернуты. Все шкафы и ящики открыты. Вероника пропала, и ее драгоценности тоже.
— И что вы сделали?
Клиффорд долго смотрел на нее. Губы его кривились.
— Вы не извините меня на секунду?
Зои моргнула.
— Конечно.
Он повернулся и заорал:
— Эй, Джеффри!
Из дверей высунулся второй мужчина.
— Да?

— Сможешь уложить в фургон однosливную крауссовскую раковину? Я хочу, чтобы мы ее сегодня установили.
— Конечно, Клифф.
Соренсон, уже овладев собой, обернулся к Зои.
— Когда я увидел, что она пропала, я позвонил в полицию. Со мной был Фрэнк — мой друг. Он зашел в дом, потому что хотел в туалет. Побежал искать ее на улицу, пока я ждал копов.
— А потом?
— Приехала полиция. Я сказал им, что знал. Через шесть дней они нашли тело. Вот и всё.
Зои кивнула.
— В день перед похищением поведение Вероники как-то отличалось от обычного?
— Не думаю.
— Она не казалась рассеянной? Или встревоженной?
— Мисс Бентли, я действительно не помню.
— Эй, Клифф, я не могу ее найти, — заорал изнутри Джефф. — Она точно здесь?
Клиффорд посмотрел на Зои.
— Мне пора возвращаться к работе…
— Еще буквально пара вопросов. Нам это очень поможет, — гладко произнесла Бентли. — Вероника была доверчивой девушкой?
— В каком смысле? — спросил Соренсон, заходя внутрь.
Она пошла за ним следом вглубь склада.
— Ваш дом был разгромлен, но следов взлома не обнаружили. Могла она открыть дверь незнакомцу?
— Ночью? Сильно сомневаюсь.
— А если он был в полицейской форме?
— Вы хотите сказать, ее похитил коп?
— Необязательно, — сказала Зои. — Я просто привела пример.

Она пыталась оценить образ действий убийцы. Хотя серийный убийца действительно мог оказаться полицейским или представителем каких-то других органов власти, было и другое объяснение. Несколько серийных убийц пользовались униформой или поддельными удостоверениями представителей властей, чтобы заманивать своих жертв. Хорошо известным примером был Тед Банди
[16]
. Иногда он подходил к женщинам, представляясь полицейским, и увозил их в какое-нибудь укромное место.

— Не знаю. Может быть. Вот раковина, — сказал он Джеффу, наклонился и схватил ее. Застонал.
— Эй, я ее отнесу. Не волнуйся. — Джефф поднял большую стальную раковину и понес ее наружу.
Клиффорд, скривившись, выпрямился, держась рукой за бок, и медленно пошел обратно, к передней части склада. Зои по-прежнему следовала за ним.
— Она открыла бы дверь, если б там был раненый или женщина?
— Мисс Бентли, извините. Я не знаю.
— Вы кому-нибудь говорили, что собираетесь в тот день на рыбалку?
Он посмотрел на нее, поднял брови.
— А что?
— Убийца знал, когда Вероника будет одна.
— Мисс Бентли, скорее всего, это было просто стечение обстоятельств. Я много рыбачу. Два-три раза каждую неделю. Блин, на прошлой неделе я ездил с братом четыре раза. Конечно, с тех пор как дома стало пусто, я езжу чаще… — Он уставился куда-то в пустоту. — Простите. Мне действительно пора возвращаться к работе.
Зои кивнула.
— Спасибо, что нашли время.
Соренсон уже отвернулся, выискивая что-то на стеллажах.

— Не за что.
Разочарованная, Зои вышла со склада. День был ярким, и она зажмурилась, потом прикрыла глаза рукой. Джеффри грузил раковину в один из фургонов. Та громко звякнула, когда он наконец-то затолкал ее в глубину грузового отсека. Затем захлопнул дверцу и повернулся.
— Эй, — сказал он, когда заметил Зои. — Вы коп?
— Я работаю с полицией, — ответила она, подходя ближе.
На вид мужчина был немного младше Клиффорда, его волосы были густыми и темными; тоже высокий и широкоплечий.
— Послушайте, я не знаю, что вы сказали Клиффу, но очень надеюсь, что он не станет себя накручивать. Он очень тяжело перенес смерть Вероники. Потом больше года вел себя как зомби. Только последнюю пару месяцев ему стало получше.
— Простите, — сказала Зои. — Вы работали с ним, когда она умерла?
— Ага. Он тогда совсем развалился. Почти из дома не выходил.
— Вы не помните, не была ли Вероника рассеянной или встревоженной перед тем, как исчезла?
— В основном она была просто счастлива. Они собирались пожениться.
— Ну да.
— Они с Вероникой хотели завести ребенка, — сказал Джефф. — Из него бы вышел прекрасный отец.
Зои кивнула.
— Думаете, вы скоро поймаете убийцу?
— Не знаю, — ответила она. — Надеюсь, что да.

Глава 47

Был ранний полдень, Зои, Тейтум и Мартинес сидели в переговорной комнате. Зои только что сообщила им о Веронике Мюррей. Когда она закончила говорить, все трое сидели молча.
Наконец тишину нарушил Мартинес. Он прочистил горло.
— Вы уверены, что это тот же убийца?
— Тут невозможно быть уверенным. — Зои пожала плечами. — Как и в других случаях, убийца был осторожен, воспользовался презервативом и не оставил никаких образцов ДНК. Возможно, сходство дел подтвердят какие-то другие криминалистические данные. Я бы поговорила с вашими техническими специалистами.
Мартинес кивнул.
— Я это устрою.
— Но есть примечательные косвенные доказательства, — добавила Зои. — Животные начали пропадать через три месяца после убийства Вероники и в том же районе. Тело было найдено через шесть дней со следами посмертного сексуального надругательства. Предположив, что это тот же парень, я бы сказала, что разложение заставило его избавиться от тела, после чего он решил найти способ справиться с этой проблемой.
— И потом, после экспериментов на животных установил, что лучшим решением является бальзамирование, — продолжил Тейтум, который выглядел заинтригованным. — Это звучит как очень вероятный сценарий.
— Согласен, — сказал Мартинес. — Я поручу кому-нибудь срочно этим заняться.
Зои вернулась вместе с мужчинами в оперативную комнату. Она села за свой компьютер и уже собиралась начать писать подробный отчет для Манкузо, когда телефон у нее на столе зазвонил. Она сняла трубку.
— Слушаю.
— Доктор Бентли? Это полицейский Такер из приемной. Тут один парень хочет с вами встретиться.
— Со мной? Вы уверены?
— Да, он высказался очень конкретно.

— Хорошо, я сейчас спущусь.
Озадаченная, Зои спустилась по лестнице в приемную. Там ждали несколько штатских, но никого знакомого Зои не увидела. Она подошла к полицейскому у стойки.
— Привет, я Зои Бентли. Вы звонили…
— Зои Бентли? Доктор Зои Бентли?
Мужчина встал и, ухмыляясь, подошел к ней. У него были густые темные волосы и очень темные брови, которые сразу притягивали внимание к его глазам. Улыбка выглядела так, будто он все время посмеивается над шуткой, известной только ему. Мужчина оглядел Зои с ног до головы в манере, которую она сочла неприятной.
— Я в восторге от того, что наконец-то встретился с вами. Я ваш огромный фанат.
— Не знала, что у меня есть фанаты, — холодно ответила Зои; его поведение раздражало.
— О, ну конечно, есть. По крайней мере, один. Я прочел все о вашей работе в деле Джована Стоукса и о ваших ранних делах. А теперь вы работаете с ОПА — это невероятно.
— Простите, сэр. Вы…
— Гарри.
— Гарри, а дальше?
Мужчина пробормотал нечто вроде "Баррер", а потом быстро произнес:
— Я думаю, у меня есть кое-что, предназначенное для вас.
Он несколько секунд шарил в своем портфеле, потом достал три коричневых конверта и протянул их Зои. Она выхватила их и посмотрела.
Кровь застыла у нее в жилах.
На этих адреса не было, только ее фамилия, но почерк она узнала сразу. Эти три полностью соответствовали стопке конвертов, которые Зои держала в своей квартире в Дейле. Последний из них она получила всего неделю назад.
— Кто дал их вам? — слабым голосом спросила она.
Гарри пристально смотрел на нее.
— Мне их никто не давал. Я их нашел.
— Где?
— Один — на Фостер-Бич. Второй — в парке Гумбольдта. И вы наверняка догадаетесь, где я нашел третий.
Сглотнув, она ничего не сказала.
— Нет? На пляже у Огайо-стрит.
Три места, где были найдены тела.
— Их там просто… бросили? Я хочу сказать…
— Их положили у памятников, — ответил Гарри. — Которые соорудили люди в честь погибших девушек. Я сделал несколько снимков. Могу прислать их вам. Хотя они не очень — я ужасно обращаюсь с камерой.
— Понятно.
— Вы не хотите их открыть? — спросил Гарри.
Зои резко подняла на него взгляд. Он невинно смотрел на нее.
— Нет, — произнесла она.
Потом заметила, что все три конверта вскрыты.
— Вы их открывали?
— Ну, не пойду же я в управление полиции с конвертами, в которых может быть взрывчатка или споры сибирской язвы. Мне нужно было убедиться, что они безопасны.
— Ну да.
— Вы будете рады узнать, что там нет сибирской язвы. Не знаю, честно говоря, на что похожа сибирская язва, но не сомневаюсь, что она выглядит по-другому.
— Спасибо, — сказала Зои, чувствуя тошноту.
— Наверное, мне нужно дать копам снять мои отпечатки, — предположил Гарри. — Чтоб у них было с чем сравнивать, верно?
Зои молчала. Она примерзла к полу, голова ее кружилась.
— И ваши отпечатки тоже нужно будет снять.
— Они не найдут там отпечатков, — отстраненно на тысячу миль произнесла она.
— Вы уже получали такие конверты?
— Что?

— Похоже, вы знаете, что внутри, и уже знаете, что отпечатков не найдут. Я так понимаю, вы и раньше получали похожие конверты.
Она попыталась сосредоточиться.
— А все-таки, кто вы такой?
— Я — Гарри. — Он улыбнулся, продемонстрировав два ряда ослепительно-белых зубов.
— Гарри, вы просто случайно нашли эти три конверта?
— Нет, — ответил он. — Я просто случайно нашел один из них. А потом пошел искать — и нашел еще два.
До нее наконец дошло.
— Вы репортер, — сказала она.
— Совершенно верно. — Он просиял. — Итак… что вы можете мне рассказать об этих конвертах?
— Абсолютно ничего.
— О’кей. Видимо, в моей статье не появится ваш ответ. Я просто упомяну три конверта, содержащих…
— Вы не можете разглашать эту информацию. Это повредит расследованию.
— Доктор Бентли, решение принимать не вам и не мне. Я пишу о том, что вызывает интерес у общества. Ну, честно говоря, я пишу о том, что вызывает интерес у моего редактора и меня, а уже после…
Зои развернулась к стойке:
— Вызовите сюда пару полицейских и задержите этого человека для допроса.
— Если я не позвоню своему редактору через десять минут, — спокойно произнес Гарри, — он опубликует то, что я ему уже передал.
— Вы блефуете.
— Доктор Бентли, вы — криминальный психолог. Посмотрите на меня, а потом повторите ваши слова.
Оба замолчали. Полицейский у стойки следил за ними, держа телефон в руке.
— Чего вы хотите? — наконец спросила Зои.
— Мне нужен материал, — ответил Гарри.
— Вы не можете писать об этих конвертах.
— Тогда расскажите мне то, о чем я могу написать. Сведения, о которых больше никто не знает.
Она прикусила губу.
— Мне нужно время.
— Разумеется, — отозвался репортер. — Я доверяю вам, Зои…
— Не называйте меня так.
— Хорошо-хорошо. — Он протянул ей руку. — Я доверяю вам, доктор Бентли. У вас есть двадцать четыре часа.
Он развернулся и ушел.
Зои на подкашивающихся ногах двинулась к лифту, сомневаясь, что справится сейчас с лестницей. Казалось, прошли годы, прежде чем она добралась до своего стола. Конверты тянули руку к земле.
Разве такое возможно?
Да нет, быть не может. Но слишком многое внезапно сошлось. Удушение. Близость тел к воде. Позы разные, но в чем-то похожие.
Она села и перевернула конверты.
На стол спутанной кучей выпали три серых галстука.

Глава 48

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА

Время сочилось по капле — и ревело в ушах Зои. За спиной Андреа снова позвала: "Мамочка?" Гловер смотрел ей в глаза. Не глуповатый, забавный сосед, бесхитростный парень, с таким энтузиазмом обсуждавший с ней Баффи и Энджел. Человек с холодным, жестким взглядом, способный на все. Он подобрался. Зои видела это. Мир вокруг превратился в длинный узкий тоннель, Гловер на краю, а между ними только тьма. Он подался к ней — резкое движение, которое вырвало Зои из кошмарного оцепенения.
Она завизжала, захлопнула дверь, повернула ключ в замке.
Гулкий удар, дверь вздрогнула. Гловер врезался в нее. Зои лихорадочно озиралась. Ее стол, большой и деревянный. Она метнулась к нему и потащила, дюйм за дюймом. Оторопевшая Андреа смотрела на сестру с кровати.
— Зои, — послышался голос Гловера. — Я просто хочу поговорить. Мне кажется, ты могла кое-что неправильно понять.
Она тянула стол, всхлипывая, пока не смогла влезть между ним и стеной. Тогда оперлась о стену и начала толкать стол. Она часто дышала — короткие, испуганные глотки воздуха, — все тело дрожало от усилий.
— Зои, ты была сегодня утром у меня в спальне? Я не злюсь. Но, думаю, нам нужно поболтать об этом.
Он постучал в дверь, сначала вежливо, потом заколотил сильнее. От неожиданного шума Андреа расплакалась. Дверная ручка раз за разом дергалась.
Зои помнила, как несколько месяцев назад мать забрала ключ от ее двери, сказав, что двери в доме не должны запираться. Зои долго упрашивала ее, пока не получила ключ обратно, упирая на то, что без него Андреа будет вламываться в комнату, когда Зои переодевается. Сейчас, когда дверь вздрагивала от ударов Гловера, она благодарила бога, что мать вернула ей ключ.
— Зои, просто открой дверь. Я не хочу разрушать нашу дружбу.
— Не было… у нас… никакой дружбы, — выдохнула она сквозь сжатые зубы, продолжая толкать стол.
Он уже был посередине комнаты. Такой тяжелый. Зои помнила, как папа без особых усилий двигал его по комнате. Она не осознавала, насколько он силен.
— Зои! Немедленно открой дверь! Или я позвоню твоим родителям и расскажу, как ты себя ведешь.
— Позвони! — выкрикнула она — голос срывался — и толкнула стол еще раз; его угол коснулся двери.
Тишина, только всхлипывает Андреа.
— Рей-Рей, все будет хорошо, — дрожащим голосом сказала Зои.
Раздался грохот, дверь вздрогнула намного сильнее, чем прежде. Гловер пытался сломать дверь. В панике Зои налегла на стол. Она ухитрилась вплотную подпереть им дверь. Уперлась в столешницу, надеясь, что ее вес тоже поможет. Сердце грохотало в ушах.
Несколько гулких ударов. Он пинал дверь. К облегчению Зои, дверь держалась. Она слышала, как Гловер ругается.
— Зои, если ты откроешь дверь прямо сейчас, твои дела будут намного лучше.
— Как у Клары? — спросила она. — И у Джеки? У Бет?
— Просто ужас, что случилось с этими девушками, — сказал он из-за двери. — Надеюсь, полиция скоро найдет убийцу.
— Найдет! — выкрикнула она. — Я им все рассказала. Они сказали, что проверят тебя.
Род рассмеялся. Визгливый, неуравновешенный смех.
— Правда? Что-то я не вижу здесь полиции. Нет, они ищут настоящего убийцу, верно? Этого мальчишку, Мэнни Андерсона.
Андреа громко заплакала.
— Зои, там твоя сестренка? Открой дверь, и я обещаю, что с ней ничего не случится. Но если ты не откроешь…
Зои бросила стол, вскочила на кровать и обвила руками Андреа.
— Не бойся, Рей-Рей. Он нам ничего не сможет сделать, — прошептала она, крепко-крепко обнимая сестру.

— Я никогда никого не убивал, — продолжил Гловер из-за двери. — С чего ты взяла, что я на такое способен? Журналы? Это просто взрослые штуки. У твоего папы наверняка тоже есть такие.
Зои закрыла сестре уши, яростно стиснула зубы.
— Я видела твои сувениры. И серые галстуки.
Тишина.
— Серые галстуки? — наконец произнес Род.
— Гловер, я знаю, что ты с ними делал. У меня тут телефон. Я сейчас позвоню в полицию.
Он снова рассмеялся.
— Не-а, не позвонишь. Я был у тебя в комнате, помнишь?
По ее коже поползли мурашки: Зои вспомнила, что он прав. Один раз она пригласила его к себе в комнату, похвастаться кубком за бег, который получила в школе.
Шаги удалялись. Передняя дверь открылась и захлопнулась. Зои бросилась к окну, проверить, что оно заперто. Сможет ли он разбить окно и залезть в комнату? Вряд ли, кто-нибудь наверняка услышит звон бьющегося стекла. Он не станет рисковать.
Она надеялась.
— Мне страшно, — всхлипнула Андреа.
— Ш-ш-ш, Рей-Рей, я здесь. Тебе нечего бояться.
Они выжидали в тишине. Казалось, прошли часы, когда Зои задумалась, не выйти ли из комнаты и позвонить в полицию. Она поднялась и уже собиралась отодвигать стол, когда в голову пришла внезапная мысль. Зои протянула руку и повернула ключ в замке.
Почти сразу дверная ручка повернулась, и дверь ударилась о стол. Завизжав, она снова заперла дверь. Он никуда не уходил. Он почти обманул ее. Почти.
Из-за двери снова донесся смех. Даже не смех. Хихиканье. Безумное, мучительное хихиканье.
— Зои, открой дверь. Зои, ты же не можешь вечно сидеть там.
Она не могла, но это и не требовалось. Только пока мама с папой не вернутся домой. Сколько еще…
— Зои, — произнес Род, его голос стал тише, злее; голос убийцы. — Зои, если мне придется сломать дверь, ты об этом пожалеешь.
Дрожа, она озиралась в поисках оружия — любого оружия. Когда ей было десять, она держала в комнате бейсбольную биту, но потом перестала играть и избавилась от нее. Глупо. Как глупо…
— Ты знаешь, что я делаю с женщинами, которые меня злят, Зои, — сказал он и снова хихикнул. — Тебе это может понравиться.
Андреа всхлипывала, крепко зажмурившись. Зои поспешно прижалась к ней, снова прикрыла ей уши.
— Бет это понравилось. Она стонала, когда я вошел в нее. Она вела себя, как будто не хочет, но я чувствовал, как ей это нравится. Зои, ей это очень нравилось.
Ей хотелось иметь четыре руки. Тогда она смогла бы зажать уши не только сестре, но и себе.
— Как ты думаешь, Зои, тебе это понравится? Когда я сдерну с тебя рубашку и штаны? Когда я дам тебе, чего ты хочешь, сучка? Ты будешь стонать, как Бет?
Теперь она сама плакала, всхлипывала от ужаса, крепко прижимая руки к ушам Андреа в надежде, что сестренка ничего этого не слышит.
— Думаешь, малышке Рей-Рей это понравится?
— Держись от нее подальше! — выкрикнула Зои, по щекам бежали слезы страха и злости.
Новый смешок.
— А, тебе это не нравится, правда? Может, мне стоит начать с нее? Зои, открой эту чертову дверь, или я начну с нее.
Зои соскочила с кровати и распахнула окно. Холодный воздух с улицы морозил до костей.
— На помощь! — отчаянно закричала она. — Помогите! Полиция! Здесь убийца. Помогите!
В дверь загремели новые удары.
— Открой эту проклятую дверь, шлюха! Сука! Открой дверь. Открой ее. Открой!
— Помогите!
В спальне миссис Эмброуз зажегся свет.

— Пожалуйста, помогите!
Дверь снова вздрогнула.
Миссис Эмброуз медленно подошла к окну. Женщина, у которой было все время мира, ковыляла проверить, что это за шум. Она высунулась наружу, увидела кричащую Зои. Вытаращилась на нее.
— Позвоните в полицию! — заорала Зои.
Миссис Эмброуз торопливо отошла, сняла трубку с телефона в своей спальне, быстро набрала номер и начала оживленно говорить, постоянно поглядывая в сторону окна.
Если они поспешат, они смогут схватить Гловера прямо на месте.
Дом внезапно затих. Гловер больше не пытался выманить ее наружу, не угрожал и не старался сломать дверь. Он ушел.
* * *
Прошло почти шесть месяцев с того вечера, когда Гловер едва не вломился в ее комнату. Было раннее утро, и в окно Зои лился солнечный свет. Она уставилась в стену, держа в руке туфлю. Зои натягивала ее, когда вдруг потерялась в мыслях и воспоминаниях, забыв о босой ноге.
Кошмары медленно рассеивались. Сейчас она просыпалась с криками только два, может, три раза в неделю, что было почти нормально. Определенно лучше недель, последовавших за тем вечером, когда она не могла спать больше четырех часов подряд.
За прошедшее время в Мейнарде не случилось новых убийств. И Гловер исчез.
Он испарился той же ночью. Папа и копы стучали в его дверь, но никто не ответил. Спальня была практически вычищена. Он оставил в ящике несколько журналов, но ни серых галстуков, ни обувной коробки не было.
Никто не верил, что он убийца.
Они верили, что он вошел в дом Бентли, что кричал на Зои. Но полиция решила, его расстроило, что Зои видела его коллекцию порно. Она его не поняла, он просто хотел поговорить с ней. Зои даже услышала, как один из копов, выходя из их дома, сказал: "Эта психованная девчонка до смерти перепугала беднягу". Мать умоляла ее прекратить рассказывать людям, что Гловер — убийца. Особенно теперь, когда они знали, кто настоящий убийца.
Мэнни Андерсон был арестован по подозрению в убийствах. Полиция нашла у него дома рисунок Бет и другие "косвенные доказательства". Интересно, что это были за доказательства? Его коллекция "Данджеонз’н’Дрэгонз"? Мэнни и его родители заявляли о его невиновности, в то время как его лицо смотрело с первых страниц всех местных газет, рядом с портретами трех мертвых девушек.
А потом он ухитрился повеситься на простынях в камере. Дело закрыто. Нет больше мейнардского серийного убийцы. Люди могут спать спокойно. Когда Зои услышала об этом, она рыдала часами, оплакивая и его, и себя. С его смертью все шансы доказать его невиновность и бросить подозрение на Гловера исчезли. Род Гловер изнасиловал и убил трех молодых женщин — и ушел безнаказанным. Она не знала, как он подстроил свое алиби, но как-то ему это удалось.
Зои продолжала думать, что будь она старше, будь у нее хоть капля авторитета, Гловер сидел бы в тюрьме. А Мэнни Андерсон был бы жив.
Она перевела взгляд на свой шкаф, забитый книгами о серийных убийцах, психопатии и криминальной психологии. Она больше не трудилась их прятать.
Зои вздохнула и натянула туфлю. Пора идти встречать новый день.
Мать готовила в кухне завтрак. От запаха и шкворчания бекона с яйцами Зои сглотнула слюну.
— Доброе утро, — сказала мама. — Я как раз собиралась зайти к тебе. Уже поздно. Через пять минут тебе нужно быть на улице.
— Ладно. — Зои зевнула. Пять минут — куча времени. Съесть бекон с яйцами, почистить зубы, умыть лицо, причесаться… ага, она точно успеет все за пять минут.
— Там тебе письмо, — с оттенком неодобрения сообщила мама.
Месяц назад Зои начала переписываться с одним частным сыщиком и профайлером. Она подозревала, что мужчину просто радуют восторженные письма подростка, и выцеживала из него каждую каплю знаний, которыми он обладал.

— Спасибо, мама, — ответила Зои и подошла к маленькой стопке конвертов.
В основном всякие штуки для родителей, счета и прочее. Один коричневый конверт, адресованный Зои Бентли. Она вскрыла его и засунула руку за содержимым.
Нахмурилась. Внутри не было письма. Только полоска гладкой ткани. Зои достала ткань и уставилась на нее, чувствуя, как внутри все стынет.
Это был серый галстук.

Глава 49

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ЧЕТВЕРГ, 21 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои прикусила губу и открыла ящик стола. Три галстука отправились внутрь, поверх конвертов, зловещие, как три змеи. Она отдаст их Мартинесу завтра; ей просто нужно представить дело убедительным образом. Если она пойдет к нему прямо сейчас и скажет, что охотящийся в Чикаго убийца может оказаться человеком, которого она обвиняла в серийных убийствах, когда ей было четырнадцать, лейтенант решит, что она сошла с ума. Возможно, он даже отстранит ее от расследования. А заодно и Тейтума.
До разговора ей нужно провести собственные осторожные исследования. Отыскать все связанные с тем делом улики. Важно не представить ситуацию так, будто это ее подростковая одержимость, а доказать, что речь идет об опасном человеке, который уже много раз убивал.
Действительно ли эти галстуки прислал Гловер? Она пыталась придумать другое объяснение. Мог это быть сам репортер? Но откуда он знает о прежних конвертах? И, хотя Зои не была экспертом-графологом, почерк на трех новых конвертах был очень похож на почерк с конвертов, лежащих у нее дома. Возможно ли, чтобы все конверты отправлял один человек, но не Гловер? Нет. Никто не мог узнать о галстуках и их значении.
Конверты пришли от Гловера; она была в этом убеждена.
В меньшей степени, следуя своему чутью, Зои была убеждена, что Гловер — убийца, которого газеты окрестили Гробовщиком-Душителем. Она пыталась заставить себя быть объективной. Действительно ли он соответствует профилю бальзамирующего серийного убийцы?
В его поведении было по крайней мере одно серьезное изменение: фиксация на мертвых женщинах. Цели Рода Гловера были живыми. Они были живы, когда он их насиловал, а как только убивал, то сразу терял к ним интерес. Могло это измениться? В глубине души ее грызли сомнения.
Зои отложила это несоответствие и обдумала остальные доказательства. Она видела много похожего между убийствами в Мейнарде и нынешними убийствами в Чикаго, но чем Гловер занимался между тогда и сейчас?
Несколько лет назад, когда Зои начала работать с ФБР, она получила доступ к их базе данных "Программа предотвращения насильственных преступлений". И немедленно принялась искать в базе убийства, соответствующие образу действий и почерку Гловера. Вскоре Зои осознала, что искать слово "галстук" в описаниях тысяч преступлений — дело довольно безнадежное. От "серого галстука" толку было еще меньше. Люди, которые заполняли формы для этой базы данных, могли вообще не обратить внимания на цвет галстука. К тому же Гловер мог поменять цвет. У Зои ушло несколько месяцев, но в конце концов она заключила, что, если Гловер и убил еще кого-то, в базе этих данных нет. Она была разочарована, когда узнала, что больше 90 процентов убийств и изнасилований в США вообще не попадают в эту базу. Люди заняты, процедура занесения данных громоздка, и в большинстве случаев ее использование не требовалось.
Этим утром Скотт помог ей получить доступ к ГПАО с ее компьютера. Сейчас Зои просматривала все убийства с изнасилованием и удушением с 2002 года. Она предпочла бы начать с 1998-го, когда Гловер исчез из Мейнарда, но таких старых данных в базе не было.

Невыспавшаяся, потрясенная до глубины души, Зои не чувствовала привычной отчужденности. Чтение десятков отчетов об изнасилованных и убитых женщинах подавляло. После сорока с лишним отчетов в горле стоял комок, руки тряслись. Она вышла в коридор, глубоко дыша, пыталась успокоиться. Потом снова села за компьютер и, вздохнув, решила включить какую-нибудь музыку, чувствуя, что для этой изматывающей душу задачи ей необходим отвлекающий фон. Она нуждалась в жизнерадостности. Воткнув наушники, поставила альбом Кэти Перри "One of the Boys". Но диссонанс оказался слишком велик, и после "I Kissed a Girl" Зои выключила музыку. Поп-музыка не предназначена для аккомпанемента отчетам об убийствах.
Она нашла искомое, когда добралась до 2008 года. Два убийства женщин, разделенные семью месяцами; их обнаружили обнаженными и задушенными. Ширли Уоттенберг нашли в реке Литтл-Калум под мостом на Вудлаун-Вест-авеню. Предмет, использованный для удушения, исчез, и Зои подозревала, что его смыло водой. Вторая жертва, Памела Вэнс, была найдена на Саганешки-Слаф. У этой жертвы на шее был галстук. Оба дела по-прежнему открыты.
— Эй, тебя подвезти?
Голос из-за спины заставил ее подскочить. Зои обернулась, увидела улыбающегося Тейтума, стоявшего с сумкой в руке и собиравшегося уходить. Она посмотрела на часы: девять вечера. В комнате было пусто. Зои даже не заметила, как все ушли.
— Нет, спасибо, — сказала она. — Я… ну, я вызову такси, когда закончу. Я очень хочу отправить сегодня отчет Манкузо.
Тейтум пожал плечами.
— Ну, как знаешь.
Он вышел, и Зои снова развернулась к компьютеру. Она продолжила искать вплоть до 2016 года — и не нашла других дел. Это ничуть не обескураживало ее. Представление, что серийные убийцы никогда не останавливаются, что они должны все время убивать, было всего лишь мифом. Серийные убийцы часто останавливались на месяцы и годы, в достаточной степени удовлетворив свои потребности. Иногда они не останавливались, но хорошо прятали тела или убивали где-то далеко. В длинной паузе между двумя убийствами в 2008-м и четырьмя, которые начались в 2016-м, нет ничего странного.
Зои начала медленно перечитывать эти отчеты. Хотя предмет, которым задушили Ширли Уоттенберг, пропал, отметины на ее шее говорили о широкой, гладкой и гибкой петле. Один из детективов, работавших по делу, предположил, что это ремень, хотя следов пряжки не обнаружили. Это определенно подходило к теории Зои об использовании галстука. На фотографиях с места преступления было обнаженное женское тело, лежащее на животе, частично в воде. Практически идентично телам, найденным в Мейнарде в 1997-м.
Фотография Памелы Вэнс выглядела похоже. В отчете об аутопсии говорилось о многочисленных признаках того, что жертву перед смертью жестоко душили. На шее было несколько перекрывающихся странгуляционных борозд, и судмедэксперт заключил, что первая попытка удушения жертвы была неудачной из-за ее сопротивления. Убийце пришлось душить женщину еще раз, и сместившаяся петля оставила перекрывающиеся следы. На теле остались следы сексуального надругательства — как до, так и после смерти. Жертва умерла от удушения в тот момент, когда ее насиловали. И убийца не остановился.
Зои откинулась на спинку кресла, ее тошнило. Что это? Момент, когда Гловер изменился? Определенно подходит.
Хватит ли этого?
Она вообразила, как представляет дело Тейтуму и Мартинесу. Три убийства в 1997-м в Мейнарде, подозреваемому не предъявлены обвинения, поскольку он повесился, находясь в заключении. Два убийства в 2008-м, соответствующие образу действий и почерку мейнардского серийного убийцы. И пять убийств между 2014-м и 2016-м с явным указанием на образ действий и почерк убийств 2008-го. И серые галстуки. Зои попыталась придумать, как подать присланные ей серые галстуки. Как ей объяснить, что Гловер сдвинут на Зои Бентли?
Ей придется рассказать им о том вечере. О том, что она видела в своем доме. И ей придется убедить их, что она была права тогда — и права сейчас.

Внутри ожил страх, которого Зои не чувствовала много лет. Страх, что они не станут слушать.
Ей нужно больше доказательств. И тут ей пришло в голову: если это действительно Гловер, он должен быть как-то знаком со Сьюзен Уорнер. Возможно, он был ее соседом или они встречались. Гловер должен был знать, что никто не вломится в ее квартиру, когда он прямо там будет бальзамировать тело девушки. И если дела обстоят именно так, Даниэла Ортиз может его узнать.
* * *
Даниэла, открывшая дверь, почему-то выглядела подавленной. Ее веселенькая радужная одежда исчезла; на девушке были черные штаны для йоги и розовая футболка с надписью "Живи медленно, умри, когда доведется". Глаза Даниэлы немного припухли.
— Простите, что я так поздно, — сказала Зои.
— Ничего, входите, пожалуйста. Я сейчас рада компании.
Бентли вошла в квартиру.
— Всё в порядке?
— Да, просто пара неудачных дней, — Даниэла шмыгнула носом. — С каждым случается, верно?
— Конечно.
— Хотите кофе?
Вспомнив концентрированный кофеин, предложенный в прошлый раз, Зои ответила:
— Нет, спасибо… может, чай?
— Конечно.
Даниэла поплелась на кухню. Зои присела и огляделась. Фотографии обстреливали уже раздерганный мозг, и она, прикрыв глаза, глубоко вздохнула. Ее все еще выбивали из колеи конверты, найденные репортером, и одолевали воспоминания из прошлого. В голове плавали люди и места, о которых она не задумывалась годами.
— Держите, — сказала Даниэла.
Она протянула Зои чашку чая; другую захватила для себя. На этот раз девушка не принесла стул, а села рядом с Зои на диван. Бентли не возражала. Места тут достаточно, а она не собиралась расспрашивать Даниэлу, только показать ей фотографию.
Зои отпила чай, который оказался густым от сахара. Скривив губы, поставила чашку на столик и вытащила из кармана распечатанный снимок.
— Вы не узнаете этого мужчину? — спросила она, протягивая его девушке.
Бентли распечатала единственную имеющуюся у нее фотографию Рода Гловера. Она добыла этот снимок, когда ей было пятнадцать, из офиса, где он работал. Это была фотография с вечеринки на День благодарения. Род казался счастливым и немного навеселе. Совсем не лицо убийцы. Но если подумать, в лицах большинства убийц нет особой жестокости.
Даниэла взяла фотографию и долго смотрела на нее.
— Нет, — наконец сказала она.
— Посмотрите как следует. Вы уверены, что никогда раньше его не видели? Может быть, он знакомый Сьюзен?
— Если и так, то она мне о нем не рассказывала. Он не выглядит знакомым. Извините.
Разочарованная Зои забрала у нее лист.
— Как вы думаете, Райан может его узнать?
Даниэла пожала плечами.
— Может, и узнает. Правда, его здесь нет.
— Вы не знаете, когда он вернется?
— Он никогда мне не говорит, а если я спрошу, значит, я давлю на него, верно?
Зои из родственных чувств кивнула.
— У вас есть ручка? — спросила она.
— Конечно.
Даниэла пошла в кухню. Видно, кухня — то место в хозяйстве Ортиз, где обитают ручки. Через пару секунд девушка вернулась с ручкой и протянула ее Зои.
Та написала на листе свой номер телефона.

— Вы можете показать эту фотографию Райану, когда он вернется? Если он видел этого мужчину, пусть позвонит мне, о’кей? Или если вы его вспомните…
Даниэла кивнула.
— Конечно, — сказала она. — Мы позвоним.
— Спасибо. — Зои встала. — И… ну, надеюсь, у вас будет хороший вечер.
Даниэла кивнула, не поднимая глаз. Бентли проследила за ее взглядом до голого пола. Там ничего не было. Только одиночество.
* * *
Когда Зои поднималась по ступенькам мотеля, ей казалось, что она тянет за собой тяжелую цепь, переставляя одну ногу за другой, каждый шаг усталый и неуклюжий. Все минувшие годы, когда бы ни получила конверт, она чувствовала, будто Гловер стоит у нее за спиной. Для него Зои по-прежнему была четырнадцатилетней девочкой, которую можно запугивать и терроризировать почти без всяких последствий. Иногда конверты разделял год, а то и больше. Она начинала расслабляться. А потом в почте оказывался новый конверт. Всегда с серым галстуком внутри.
Но сейчас было еще хуже. Он где-то в этом городе. Он убивает молодых женщин. И смеется над ней, дразнит, уверенный, что она его не найдет.
Зои стиснула зубы, сжала кулаки. Этот извращенный, психованный подонок… Она его найдет. Его арестуют. И он умрет в тюрьме.
Бентли дошла до своей комнаты, отперла дверь и ввалилась внутрь. Легла на кровать, слишком вымотанная, чтобы почистить зубы или принять душ. Слишком взвинченная, чтобы уснуть. Увязшая в ходящих по кругу мыслях.
В конце концов она вытащила телефон и позвонила Андреа.
— Зои? — сонно произнесла сестра в трубку.
— Привет, Рей-Рей.
— Сколько времени?
— Почти полночь, я думаю.
— О’кей… — Пауза. — Ты выпила?
— Нет, — грустно ответила Зои. — Хотя это не такая уж плохая мысль.
— Что случилось?
— Не знаю. Наверное, мне просто нужно было услышать твой голос.
— О’кей. Но по утрам он звучит лучше.
— Рей-Рей, ты помнишь Рода Гловера?
Молчание.
— Помню ли я серийного убийцу, который едва не убил нас обеих? — наконец ответила Андреа. — Да, что-то знакомое…
Андреа не запомнила, что тем вечером говорил Гловер. Но только по-настоящему верила всему, что сказала Зои. Ребенок, она быстро отошла от того жуткого вечера, когда они заперлись в комнате Зои, а Гловер орал из-за двери. Старшая сестра была рядом, защищала ее; Андреа знала, что ничего плохого с ней не случится.
— Я думаю, он может быть в Чикаго.
— Ты его видела? — резко, уже совсем проснувшись, спросила Андреа.
— Нет, но… у меня есть основания предполагать.
— Он опять убивает?
— Похоже на то.
Тишина. Наконец сестра спросила:
— Ты сказала копам?
— Завтра скажу.
— О’кей. Хочешь, чтобы я прилетела?
— В Чикаго? — удивленно спросила Зои. — Нет, не нужно.
— А был бы хороший отпуск…
— Нет… все нормально. Но спасибо.
— Ладно. Только будь осторожна, хорошо?
— Ага. Спасибо, что поговорила со мной.
— Спокойной ночи, Зои.
— Спокойной ночи, Рей-Рей.

Зои отключилась и уставилась в потолок. Она надеялась, что скоро уснет.

Глава 50

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ПЯТНИЦА, 22 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

— Не хочешь заскочить позавтракать перед работой? — спросил Тейтум.

Они ехали из мотеля в управление полиции. Зои не отрывала взгляда от бокового окна. Все утро она выглядела подавленной. Тейтум был не слишком удивлен. Он не знал, когда она пошла спать вчерашним вечером, но, похоже, Зои планировала сидеть допоздна. Наверное, она сильно не выспалась.

Нужно отдать ей должное: она трудилась усерднее большинства агентов, с которыми Тейтуму прежде приходилось работать. И добивалась результатов. Связь с убийством Вероники Мюррей была серьезным достижением в расследовании, и оба они получили свою долю уважения. Сейчас Мартинес активно вовлекал их в расследование, отложив в сторону подозрения о коварных планах ФБР.

— Эй, — позвал Грей. — Ты слышала, что я сказал?

Они стояли перед светофором на Тридцать седьмой улице. Движение было плотным; ряды и ряды людей, едущих на работу, участников глупейшего танца рода человеческого — часа пик. Сотню с лишним лет назад немецкий инженер Рудольф Дизель изобрел потрясающую штуку, названную двигателем внутреннего сгорания, — сделанный руками человека двигатель, способный с невероятной скоростью нести по мощеной дороге колесное транспортное средство. И вот сейчас миллионы таких средств сгрудились на улицах Чикаго, двигаясь со скоростью, которой постыдился бы малыш на трехколесном велосипеде. Бедняга Рудольф, наверное, переворачивается в своей могиле. Как бы там ни называлась могила по-немецки. Может, "могилен", произнесенное злым, отрывистым тоном…

Тейтум потряс головой, отгоняя поток идиотских мыслей.

— Зои? — громко произнес он в третий раз. — Завтрак? Пожалуйста?

Она вздрогнула и растерянно посмотрела на него. Он начинал тревожиться.

— Ага, — пробормотала Зои. — Конечно.

— Отлично. — Грей улыбнулся. За следующим светофором был ресторан, заведение под названием "У Вилмы". В качестве вывески над ним висело довольно корявое изображение Вилмы Флинтстоун [17]. Тейтум припарковался, вылез и пошел к ресторану. Зои двинулась следом, молчаливая и отсутствующая.

Тема Флинтстоунов начиналась и заканчивалась на вывеске. Внутри были розовые стены, черно-белые плитки на полу и персиковые сиденья. Тейтум надеялся, что еда окажется лучше, чем вкусы владельца в отношении дизайна интерьеров.

Они уселись, и к ним тут же подошла радостно улыбающаяся официантка.

— Привет, — кудахтнула она. — Чего вы желаете?

Тейтума скривило от пронзительных звуков. Сейчас слишком рано для такого избытка веселья; может, она гелием надышалась?

— У вас есть сырный омлет?

— Конечно. Это одно из наших лучших…

— Отлично, — поспешно вставил он. — Тогда мне омлет и крепкий кофе.

— А что вы предпочитаете? — спросила официантка, нацелив свой ультразвуковой голос на Зои.

Бентли уставилась в стену. Такое впечатление, будто она вообще не слышала официантку, хотя это явно за пределами человеческих возможностей.
— Прошу прощения… Мисс, чего бы вы хотели? У нас есть блинчики, банановый хлеб, вафли…
Официантка собиралась перечислить все меню. Барабанные перепонки Тейтума такого не выдержат.
— Она будет бекон и яичницу, — сказал он. — Поджарьте бекон до хруста и сделайте глазунью. И еще один крепкий кофе.
— О’кей.
Официантка развернулась, и Тейтум не удивился бы, если б она одним прыжком достигла кухни. Но она просто пошла. Как нормальный человек с нормальным голосом.
— Она похожа на какой-то экстремальный вариант "Элвина и бурундуков", — тихо сказал он.
Зои посмотрела на него, хотя на самом деле смотрела сквозь него. И сквозь стену у него за спиной.
— Зои, в чем дело? — спросил Грей.
— Я просто задумалась.
— Это я уже понял, — сухо отозвался он. — Но над чем?
— Над расследованием.
Зои снова прикусила губу. Но сейчас Тейтум уже знал, что она прикусывает губу, когда думает, когда в чем-то сомневается. Он решил, что нужно дать ей время привести мысли в порядок.
Официантка принесла две большие чашки кофе и поставила их на стол, издав пронзительное, ультразвуковое "прошу". Тейтум отпил из чашки; голове и глазам стало значительно лучше. Благословенный напиток… Разные люди говорили ему, что он пьет слишком много кофе, что это не пойдет ему на пользу. С его точки зрения, все эти люди просто завидовали и раздражались, потому что пили слишком мало кофе.
Наверное, на кухне "У Вилмы" работали особо скоростные повара, поскольку их заказ через пять минут уже стоял на столике. Тейтум попробовал кусочек своего омлета и с радостью признал, что еда неплоха. Зои тоже начала есть, отделив большой кусок яичницы и отстраненно запихнув его в рот.
— Что-то не так, — озабоченно сказал Тейтум.
— Что? — спросила Зои.
— Обычно ты обращаешься с едой, как с чудом, ниспосланным в твою тарелку Господом Богом. Сейчас ты глотаешь ее так, будто это тяжкий труд. Давай, рассказывай.
— В две тысячи восьмом году в Чикаго произошли два убийства, — сказала она.
— О’кей, продолжай, только потише, пожалуйста.
— Обе убитые женщины были найдены наполовину в воде, задушенными. Убийц не нашли.
— Угу.
— Я думаю, это тот же парень.
Тейтум нахмурился.
— Почему?
— Оба раза общественные места, большие водные пространства.
— Этого маловато.
— Было еще… я думаю…
Он подался к ней, чтобы лучше слышать.
— Когда я была… была девочкой, в моем родном городе жил серийный убийца.
В Массачусетсе.
— Так.
— Обвинение никому не предъявили. Они взяли одного парня, тот повесился в камере, и убийства прекратились. У мейнардского серийного убийцы — так его прозвали — тоже был пунктик оставлять тела у воды.
— И ты думаешь, такой же пунктик двигал и этими убийцами?
— Нет, — ответила Бентли. — Я думаю, это тот же человек.
Наступила тишина.

— Зои, — сказал Тейтум. — Это звучит… — Он пытался подыскать правильно слово.
— Нет, послушай. Дело в том, что у меня был сосед, который…
— Это звучит неубедительно, — закончил он. — Ты ищешь связи там, где их нет.
Он знал, что будет дальше. Она взорвется. Она будет кричать на него, или выскочит из ресторана, или станет холодной и язвительной.
К его удивлению, Зои просто ссутулилась.
— О'кей, — тихо произнесла она. — Забудь.
— Погоди, — возразил Тейтум. — Давай поговорим об этом. Может, я не вижу всю картину. Или ты до чего-то докопалась и нам нужно это обсудить.
— Нет, — сказала она. — Это не важно.
"Не важно?"
— Зои…
— Давай расплатимся и пойдем, — перебила она; на ее тарелке осталась почти вся еда. — Мы уже опаздываем.

Глава 51

Зои удрученно брела за Тейтумом к оперативной комнате. Как только начала выкладывать причины, по которым считает нынешнего убийцу Гловером, она осознала, насколько глупо они звучат. Все равно что снова стать подростком, пытаться убедить мать и копов. В душé она знала, что права, но, сказанное вслух, ее знание превращалось в цепочку дурацких связей и недодуманных теорий. Поскольку, в сущности, все сводилось к тому, что она чувствовала. Решение забраться в дом Гловера основывалось на ощущении странности и подозрительности его поведения, а не на вещественных доказательствах. Даже когда Зои сделала свои открытия в его спальне, ее вело ощущение, что найденные предметы — сувениры, взятые у жертв. И сейчас она чувствовала: посредством этой жуткой односторонней беседы Гловер говорит ей, что это он убивает в Чикаго.
Но лишь только эти ощущения оказываются высказаны вслух, становится ясно, что ее слова сомнительнее высказываний доктора Бернстайна. В голове засел обрывок воспоминаний — она стоит в полицейском участке Мейнарда, изо всех сил старается связать вещи воедино, и полицейский говорит ей: "Можно припомнить и другое коричневое вещество, которое пачкает нижнее белье".
Снова? Ни за что. На этот раз она соберет весомые доказательства.
Проходя по коридору мимо переговорной комнаты, Зои заметила за полуоткрытой дверью Мартинеса. Заглянув внутрь, она увидела всю группу, сидящую у стола.
— Зои, — увидев ее, позвал Мартинес. — Заходите. У нас тут короткая планерка.
Бентли позвала Тейтума, зашла в комнату и села. Агент вошел следом и прикрыл за собой дверь.
— О'кей, — сказал Мартинес. — Как я уже говорил, мы получили полный отчет о вскрытии Лили Рамос и подробный отчет о находках на месте преступления. Нового очень мало. Причина смерти — удушение, разрез на горле сделан после смерти. Разрез сделан… — Мартинес заглянул в бумагу в руке, — по общей сонной артерии; мы выяснили, что бальзамировщики используют ее для ввода бальзамирующей жидкости. Около разреза были обнаружены следы предположительно бальзамирующей жидкости; мы отправили их на анализ для проверки. Признаков посмертных сексуальных надругательств на теле до сих пор обнаружить не удалось.
Зои попыталась сосредоточиться. Все это свидетельствовало, как она и предполагала ранее, что убийца пытался поспешно забальзамировать жертву, пропустив даже сексуальное надругательство над телом. Зои удовлетворило хотя бы то, что им удалось предотвратить осквернение тела.
Мартинес снова заглянул в бумаги.
— На спине жертвы есть царапины. По мнению судмедэкспертов, они появились, когда тело затаскивали в переулок. Кроме того, на обеих пятках жертвы есть ушибы.
— Почему? — спросила Дана.

— Не знаю.
— Это могло случиться, если он вытаскивал ее из багажника, — сказал Тейтум.
Все посмотрели на него.
— Когда люди тащат тело, они обычно подхватывают его под мышками, — пояснил он. — Если убийца вытаскивал тело из багажника, при условии, что ему никто не помогал, обе ее пятки сильно ударились о землю. Она была босой, отсюда и ушибы.
Мартинес медленно кивнул.
— Похоже на хорошее объяснение, — сказал он. — Далее, запястья искалечены, как все вы видели на фотографиях с места преступления. Вероятно, жертва была в наручниках и пыталась вырваться. По токсикологическим тестам пока никаких результатов. С аутопсией всё. — Он оглядел комнату. — Вопросы?
Несколько секунд тишины.
— Хорошо. Теперь поговорим о месте преступления. Там найдено несколько сигаретных окурков, конфетная обертка и кусок веревки, все отправлено в лабораторию. Много следов машин, выезжающих задним ходом из переулка, по крайней мере два — свежие. Дождь был некстати, но мы все же получили несколько хороших фотографий и пытаемся найти соответствие отпечаткам. Кроме того, когда у нас будет подозреваемый, эти данные пригодятся как улики. У обеих машин широкие шины; возможно, это микроавтобусы или фургоны. Мы пытаемся сверить отпечатки протекторов с припаркованными поблизости машинами, чтобы исключить их. Есть также нечеткий отпечаток ноги; для расследования толку мало, но, опять же, может пригодиться в суде. Ладно. Далее… записи с камер видеонаблюдения. Томми?
Томми откашлялся. Его глаза сильно покраснели.
— Мы раздобыли записи с ближайших точек, но ни одной в непосредственной близости от переулка. Я просматриваю эти записи, однако совершенно не представляю, что именно нужно искать; это превращается в поиски… — Он задумался, пытаясь подобрать подходящую аналогию.
— Иголки в стоге сена? — предложил Скотт.
— Нет. Если в стоге есть иголка, рано или поздно я ее найду. Нужно только быть методичным. Это больше похоже на поиски сухой травинки в стоге сена, только… я ищу какую-то другую травинку, но не знаю, чем именно она отличается.
Похоже, от часов просматривания записей с видеокамер у него уже пухла голова.
Мартинес откашлялся.
— Удачное описание. Ладно… мы проверяем все дома на том куске Харэн-стрит, где могли держать Лили Рамос. Дана?
Дана кивнула.
— Соответствующий участок Харэн-стрит длиной одну и одну десятую мили. Поиски веду я и приданные мне трое патрульных. До сих пор никто из опрошенных ничего не видел. Мы возвращаемся к тем дверям, где нам не открыли, и рано или поздно найдем место, где держали Лили. Хотя это больше похоже на травинку в стоге сена.
Мартинес поднял брови.
— Видишь, Томми? Ты ввел в оборот новое выражение. Надеюсь, ты собой доволен… Ладно. Доктор Бентли, какое-то движение с профилем?
Вопрос встряхнул Зои. С того момента, как репортер протянул ей три конверта, все попытки психологического профилирования убийцы были забыты. Какой толк от профиля, когда она почти уверена, что знает убийцу? Ей просто нужно лучше связать все дела. Но сейчас она хмурилась, пытаясь вспомнить свои последние заметки.
— Тот факт, что он решил практиковаться на животных и занимался этим длительное время, говорит о методичности. Когда решает следовать своим фантазиям, он не импровизирует. Он планирует, а потом терпеливо и осторожно реализует свои планы. Это следствие определяющего свойства его личности… — Она прикусила губу.
— И это свойство?.. — секунду спустя подсказал Мартинес.
— Одержимость контролем. Мы видим это во всем, что он делает. Его жертвы связаны. Он предохраняет их способом, позволяющим придавать телам любые позы по его желанию. Он выбирает уязвимых, слабых жертв, а потом увозит их в то место, где может полностью контролировать. Он душит их, затягивая петлю сзади, причем жертва, скорее всего, связана.

Ни крови, ни физического контакта с жертвой, ни одного шанса, что та закричит… абсолютный контроль.
В комнате стояла тишина.
— Я полагаю, что, будучи ребенком, этот человек очень мало или вовсе не контролировал свою жизнь. Когда мы поймаем его, то выясним, что у него было нищее детство или в семье практиковали домашнее насилие. И сейчас он это компенсирует.
Зои умолкла, обдумывая свои слова. Да, она застолбила его со всех сторон.
— Хорошо, — сказал Мартинес. — Далее, как уже знает большинство из вас, доктор Бентли связала эти убийства с убийством Вероники Мюррей в четырнадцатом году. Дана займется расследованием по этому делу с учетом известных нам сейчас фактов, как только закончит стучать в двери. Скотт продолжает работать по делу Сьюзен Уорнер, пытается установить подозреваемого среди ее знакомых. Томми работает с видеозаписями, а Мел проверяет пропавших проституток…
— Каких пропавших проституток? — спросил Тейтум.
— Нравы сообщили нам о двух пропавших со вчерашнего дня проститутках, — ответил Мартинес. — Тиффани Стайлз и Эмбер Дью. Мы пытаемся выяснить, действительно ли они пропали. Если да, они могут оказаться последними жертвами нашего убийцы. Видели, как Эмбер Дью садилась в темный "Форд Фокус", и мы уже предупредили диспетчерскую.
Зои прочистила горло.
— Я думаю, вряд ли это наш клиент. Он почти наверняка нацелился на другую группу, поскольку теперь знает, что мы в курсе его интереса к проституткам…
— Не факт, что он это знает, — прервал ее Мартинес. — Возможно, просто решил в дальнейшем внимательнее относиться к мобильным телефонам. Нам нельзя игнорировать этот след.
— Вы слишком рассеиваете силы. Нельзя недооценивать ум этого мужчины. Мы обсуждаем человека, который смог самостоятельно освоить технику бальзамирования и даже улучшить и отточить ее…
— Спасибо, доктор Бентли. Я понимаю, о чем вы говорите, но не думаю, что мы можем закрыть глаза на эти случаи. Мел, у тебя есть задача. Каждый, кто закончит работать со своей или просто заскучает, может помочь Томми, поскольку у нас… Томми, сколько у нас часов записей с соседних улиц?
— Миллиард.
— Вы слышали. Миллиард часов записей с камер. А мне предстоит совещание с капитаном и шефом, поскольку сегодня пятница, прошла еще одна неделя, а убийца до сих пор на свободе. Видите? Все веселье достается мне.

Глава 52

Гарри взглянул на часы. Уже полшестого, а он действительно честно предупредил Зои Бентли. Статья готова; осталось лишь придумать хороший заголовок. "Профайлер ФБР получает леденящие душу послания с мест преступлений" или лучше "Три таинственных конверта, оставленных для профайлера ФБР, и вы не поверите, что в них". При такой статье заголовки практически пишут себя сами. Просто опубликовать, а потом следить, как бесчисленные онлайн-читатели собьются в стаи вокруг статьи, и наслаждаться хвалами редактора.
Вот только… где-то внутри ему хотелось большего. Это зудела и подталкивала та самая часть его личности, которая когда-то заставила его ступить на тропу журналистики. И дело не в поисках правды — Гарри никогда особо не заботила правда, — а в поисках хорошей истории. Таинственные конверты, оставленные профайлеру, не тянут на историю. Это даже не сцена. Ни содержания, ни начала, ни конца. Да, люди прочитают статью, может, даже кликнут разок-другой на рекламу, но потом пойдут дальше и забудут.
Он хотел написать материал, который заставит людей говорить.
Гарри вздохнул, стараясь не обращать внимания на эту наивную часть себя. Лучше брать то, что уже есть. Птица в руках лучше двух в кустах. Если только она не гадит тебе в руку и

не клюет пальцы. Некоторые птицы вдобавок разносят сальмонеллу. А вот те две в кустах просто великолепны. У них самые красивые перья.
Он взял телефон и отправил Зои Бентли текстовое сообщение. Через минуту его телефон зазвонил.
— Алло, — ответил Гарри, стараясь скрыть самодовольство.
— Вы не можете публиковать эту историю, — сказала Зои; ее голос звучал глухо, слабо.
— Дайте мне другую, лучше, — ответил он. — Прямо сейчас.
Несколько секунд тишины.
— А что, если я дам вам чертовски хорошую историю… такую, которой больше ни у кого нет? Но вам придется пообещать мне не публиковать ее, пока я не разрешу.
— Это… зависит от условий, — с разгорающимся любопытством сказал Гарри. — Мне нужно услышать историю, и нужен крайний срок. Я не могу вечно ждать вашего разрешения.
— О’кей, — согласилась она. — Недалеко от управления полиции есть заведение под названием "У Вилмы". Вы его знаете?
— Конечно.
— Сможете быть там через двадцать минут?
— Дайте мне полчаса. Пробки.
— Увидимся там.
Ему потребовалось двадцать пять минут, и Зои уже ждала. Ее лицо было маской из тревоги и усталости. Гарри отодвинул стул напротив и сел. Она нянчила в руках чашку кофе. Если судить по ее виду, кофе вряд ли будет хорошей идеей. Гарри улыбнулся. Она не улыбнулась в ответ.
Оба немного посидели молча.
— Я начну, — предложил он. — Вы собирались рассказать мне потрясающую историю, которую больше никто не знает.
Она кивнула, уставившись на него.
— Вы не сможете опубликовать ее, пока…
— Пока вы мне не разрешите, — закончил он. — Но нам нужно договориться о крайнем сроке. И я чертовски не хочу, чтобы эта история всплыла до того…
— Не всплывет.
К ним подошла официантка.
— Что вам предложить?
— Только кофе, спасибо, — сказал Гарри.
— Может быть, вы хотите капучино, или тыквенный латте, или…
— Просто обычный кофе.
Она отошла.
— О’кей, давайте послушаем, — сказал Гарри.
Глаза Зои потускнели, будто сфокусировались на чем-то давнем.
— В девяносто седьмом году в Мейнарде, штат Массачусетс, был серийный убийца. Он изнасиловал и убил трех девушек. Подозреваемого арестовали, и он покончил жизнь самоубийством в камере.
Гарри кивнул, записывая в блокнот. Блокнот был в основном для вида — весь разговор шел на диктофон, — но писать помогало сосредоточиться. Журналист выделил "1997 — Мейнард — убийства".
— Массачусетс, — пробормотал он, вспомнив свою статью о Зои. — Вы там выросли, верно?
— Мейнард — мой родной город.
Чувства Гарри заметно обострились.
— О’кей, — сказал он. — Сколько вам было лет, когда это случилось?
— Четырнадцать.
— Хорошо. Продолжайте.
— Я полагаю, что серийный убийца из Мейнарда — тот же человек, который сейчас убивает девушек в Чикаго.
— Гробовщик-Душитель? — удивленно спросил Гарри.
Бентли скривилась.

— Это отвратительное прозвище. Он не гробовщик. Просто убийца, давший волю своим фантазиям и порывам.
— Чудовище. — Гарри кивнул.
— Нет. — Зои наклонилась к нему. — Не чудовище. Намного хуже. Человек. Один из нас. Я изучала вас, Гарри Барри…
Гарри поморщился, когда она назвала его полное имя.
— Вам нравятся статьи, которые потрясают и соблазняют. Больше половины ваших статей написано о секс-скандалах.
— Они нравятся не мне. Они нравятся моим читателям.
— Разумеется. В любом случае, вы пишете желтые статьи… но ваша работа — не дешевка. Вы проводите исследования. Вы не опускаетесь до штампов, подаете свои истории под интересным углом. Вы гордитесь своей работой.
— Спасибо, — настороженно произнес он.
— Чикагский серийный убийца — не чудовище. Он не страшилище. Он очень плохой человек с извращенными сексуальными потребностями и одержимостью смертью.
— Почему вы считаете его тем же человеком, который убивал женщин в Мейнарде? — спросил Гарри.
Зои прищурилась, и он скрестил на груди руки. Между ними росло напряжение. Гарри не тревожился. Сейчас он держит в руках все карты. Ей придется дать ему историю, которую он ищет.
— Ваш кофе, — сказала официантка, ставя перед ним чашку.
— Спасибо.
— Не хотите чего-нибудь еще? У нас есть…
— Нет, спасибо, — ответил Гарри. — У меня есть все, что нужно. Спасибо.
Официантка кивнула и отошла. Журналист попробовал кофе, глядя на Зои. Какая-то часть ее беспокойства растворилась; сейчас она сидела выпрямившись, с отстраненным выражением лица. Гарри вдруг понял, что встревожен.
Он откашлялся, поставил чашку на стол.
— Вы собирались объяснить, как…
— Изучите то, что я вам сказала, — перебила она. — Займитесь своими исследованиями. Я расскажу вам остальное через пару дней. Обещаю.
— Вы расскажете мне сейчас, или я пущу в дело то, что уже есть.
— Вперед. Я буду все отрицать. А вы получите дурацкую статью, которая никому не интересна. Такую же, как и многие другие за вашим авторством.
Он уставился на Зои. Их взгляды встретились, ее — пронизывающий, непреклонный. Взгляд, который видит его насквозь. И на мгновение ему показалось, что она действительно читает его мысли, его страхи и надежды. Вот почему она расслабилась. Она наблюдала за его поведением, языком тела, манерой говорить с ней и с официанткой, и каким-то образом она поняла, что он не собирается публиковать ту статью.
— Но ваше расследование будет…
— Как вы мне вчера сказали, не мое дело решать, что повредит расследованию. И не ваше. Вы попробовали на вкус настоящую историю. И через пару дней получите остальное.
Зои открыла сумочку, достала бумажку и шлепнула на стол.
— Кофе с меня, — сказала она, встала и вышла.
Гарри посмотрел ей вслед, потом на бумажку. Двадцать долларов, хотя они заказывали только кофе. Он весело потряс головой. Люди обожают драматичный уход. Журналист забрал двадцатку и оставил на столе мятую десятку, вытащенную из бумажника. Его губы растянулись в ухмылке чеширского кота. Вот она, история. Серьезная, большая. А та, что прячется за ней, — еще больше.
Настоящую историю нужно писать вовсе не про чикагского серийного убийцу, и не про убийцу из Мейнарда. Настоящий материал — это доктор Зои Бентли.

Глава 53

Когда Зои садилась в такси, ее что-то насторожило, заставило напрячься, но она не могла ткнуть в это пальцем. Как будто какая-то глубоко скрытая часть ее мозга подавала слабые сигналы тревоги, но Зои не понимала, о чем они говорят или на что указывают. Она озабоченно взглянула на таксиста, но тот был самым славным таксистом из всех, с кем Зои ездила с момента прилета в Чикаго. Может, язык его тела? И годы работы криминальным психологом считывают неладное и царапают подсознание? Нет. Дело не в нем.
Ей даже почудилось, что ее преследуют. Она задумалась. Репортер, Гарри Барри. Он вполне мог пойти за ней после встречи. Опустится ли он до того, чтобы следить за ней?
Может. Вполне.
Зои посмотрела в зеркало заднего вида, пытаясь заметить хоть краешек этого самодовольного лица в машинах, но его там не было.
Она просто не высыпается. Конечно, она встревожена. Она едет на пустом баке.
— Приехали, — объявил водитель.
— Подождите меня, — сказала Зои. — Я минут на десять.
Он кивнул, и Бентли окончательно убедилась, что ее тревоги с ним не связаны. Она вылезла из машины и пошла в "Сантехнику Соренсона".
Единственным человеком на складе оказался работник Клиффорда Соренсона, Джеффри. Увидев Зои, он нахмурился.
— Добрый день, мисс.
— Привет. Клиффорд здесь?
— Вернется через минуту. Это насчет Вероники?
— Ну… да.
Джеффри кивнул.
— Он с прошлого вашего прихода не в себе. Я надеялся, вы оставите его в покое.
— Мне жаль. Я ненадолго.
— Думаете, вы поймаете этого парня?
— Не знаю. У нас есть кое-какие следы.
— О’кей.
Из глубины помещения появился Клиффорд.
— А, — протянул он. — Это вы…
— Ага, — виновато ответила Зои. — Я только хотела задать вам один вопрос.
— Угу.
Она вытащила распечатку с фотографией Рода Гловера.
— Вы когда-нибудь встречали этого мужчину?
Клиффорд поднес лист поближе, нахмурился.
— Нет, не думаю.
— Вы уверены? Может быть, незадолго до смерти Вероники?
— Вы думаете, он — убийца?
— Пока не знаю. Я работаю с несколькими следами.
— Я вижу много людей. Сомневаюсь, что вспомню его, даже если действительно видел два года назад.
Зои кивнула. Ничего удивительного. Клиффорд протянул ей бумагу. Она взяла ее и поступила как с Даниэлой: написала на листе свой номер телефона и положила его на офисный стол.
— Я оставлю это здесь. Позвоните мне, если случайно что-то вспомните.
— Конечно.
Зои уже повернулась к дверям, когда Клиффорд сказал:
— Мисс Бентли?
— Да?
— Я… мм… хотел вам кое-что сказать. Вы спрашивали меня, не тревожилась ли Вероника перед своим исчезновением.
— Верно, — подтвердила Зои.
— Тревожилась. Я думаю, она боялась. Она… она злилась, что я продолжаю ездить на рыбалку и оставляю ее по вечерам одну.
— Она вам так говорила?

— Не этими словами. Но один раз, когда сильно разволновалась, она сказала, что некоторые яблоки от яблони недалеко падают.
Зои моргнула.
— И что она имела…
— Мой отец ушел от нас, когда я еще был малышом. Она намекала, что я продолжаю уходить. Я… если б я не поехал в тот вечер рыбачить…
— Вы не можете себя винить, — автоматически отреагировала Зои. — Вы же не могли все время быть рядом с ней.
Клиффорд кивнул, и она поняла, что ее слова ничего не значат. Если б он не поехал в тот вечер рыбачить, возможно, Вероника была бы сейчас жива. Зои сомневалась, что Соренсону когда-нибудь удастся избавиться от этой мысли.

Глава 54

Зои видела в боковое окно машины, как между деревьями поблескивает вода Саганешки-Слаф. В спокойных водах пруда отражалось синее небо. Солнце медленно садилось, удлиняя тени деревьев. Зои ругала себя, что не выбралась раньше, но сообщение от Гарри застало ее как раз когда она собиралась выходить.
Опять же, у нее не было особых причин приезжать сюда. Как всегда, Зои притягивало место преступления, будто постоять там, где стоял убийца, каким-то образом поможет влезть в его разум. Но обычно это не срабатывало. Она планировала посмотреть оба места преступлений 2008 года. Сначала Саганешки-Слаф, где нашли Памелу Вэнс. Потом поехать на реку Литтл-Калум — Ширли Уоттенберг. Увидев, где сейчас солнце, Зои сообразила, что в оба места не успеет. На Литтл-Калум придется ехать завтра.
Бентли посмотрела на карту, которую заранее распечатала, потом — на "Гугл-мэпс" у себя в телефоне. По ее представлениям, она была почти там, где нашли тело.
— Остановите здесь, пожалуйста, — сказала Зои водителю.
— Здесь? — удивленно переспросил таксист.
— Ага.
Он что-то пробормотал и, повернув руль, притер машину к обочине.
— Спасибо, — сказала Зои, нашаривая в сумочке кошелек.
— Э-э… вы не хотите, чтобы я подождал?
Зои не хотела, чтобы водитель заглядывал ей через плечо, пока она будет бродить по берегу и думать.
— Нет, спасибо.
— Но как вы отсюда уедете?
Она понимала, к чему он ведет. Здесь можно размахивать руками сколько угодно, но ни одного такси не дождешься. Вся проблема началась с ее решения поехать с Тейтумом, а не взять машину напрокат. А теперь она попала в зависимость от доброй воли таксистов.
— Ага, спасибо, — сказала Зои. — Тогда подождите меня здесь.
— А сколько вас ждать?
Она взглянула в темнеющее небо.
— Полчаса, не больше.
Таксист удовлетворенно кивнул. Зои протянула ему кредитную карточку, но он отмахнулся:
— Заплатите в конце дня.
Она поблагодарила его и вылезла. Потом посмотрела направо и налево. Дорога была почти пуста, мимо проехала одинокая машина. Зои перешла дорогу и двинулась вниз по травянистому берегу. Глядя на воду, она пыталась представить убийство Памелы Вэнс, случившееся восемь лет назад. Байдарку девушки нашли рядом с телом. Знал ли Гловер, где она плавает, или заметил ее с дороги и решил воспользоваться возможностью? Он мог подружиться с ней, даже поплыть вместе. Сколько в байдарке мест, одно или два? В досье дела об этом не говорилось. Зои мысленно пометила себе еще раз проверить фотографии с места преступления, когда она вернется в офис.

Берег здесь был хорошо виден с дороги, такой же открытый кусок уходил далеко на запад. Но на востоке береговая линия удалялась от дороги, и обзор перекрывала листва. Гловер не стал бы насиловать и душить девушку на виду у проезжающих машин; это совершенно точно. Зои свернула налево и пошла по берегу; зелень между ней и дорогой густела, пока от дороги не остались отдельные пятна асфальта, едва заметные сквозь листья и ветки.
Двигаться вдоль берега было нелегко, повсюду росли кусты и деревья. Непросто заметить препятствия в тенистом сумраке, и Зои едва не упала, споткнувшись о толстый корень.
Она снова посмотрела на воду. Погода была тихой, ни ветерка, и поверхность воды казалась ровным плато. Солнце садилось, синие тени на воде стали темнее, почти черными.
Пора уходить. Зои решила вернуться в мотель и рассказать Тейтуму о конвертах. Она много лет никому не говорила о них. Но больше это держать при себе нельзя.
Зои повернулась — и застыла. К ней направлялся мужчина; он сосредоточенно вглядывался в землю, перешагивая небольшой куст. Шел медленно. Потому что уже темнеет?
Нет. Он старался не шуметь.
Мужчина был всего в десяти ярдах, трава и болотистая почва приглушали его шаги. Он поднял голову, и их взгляды встретились.
На двадцать лет старше, где-то за сорок, некогда худощавый, долговязый, а сейчас с отросшим животом и слегка обрюзгшим лицом. Он сильно отличался от образа, вырезанного в ее памяти, воспоминаний подростка об убийце. Но его глаза остались прежними. Те же детские, насмешливые, прячущие разум, заполненный жестокостью. Это был Род Гловер.

> Ее ноги уже двигались, рефлексы опережали разум. Гловер блокировал обратный путь — она может бежать только вперед, дальше от дороги. Перескочив невысокий куст, Зои рванулась со всей скоростью, на которую были способны уставшие мышцы; выплеск адреналина достиг мозга, скрывая утомление, донося единственное послание.
> Беги. Беги. Беги
> .

Он побежал за ней — крупный мужчина, ступает гулко, намного громче ее. Она была в хорошей форме, а по нему такого не скажешь. Зои оглянулась, увидела, что он отстает, и нырнула влево, к линии деревьев, в сторону дороги.
Это было разумное направление. Верное направление. Дорога означала безопасность. Если она доберется до дороги и вернется к такси, которое ее ждет, то будет в безопасности.
Но Зои недооценила густоту здешней растительности. Шесть футов — и она вбежала в куст, свернула влево, едва не врезалась в дерево, опять свернула, зацепилась за что-то, почти упала. Потеряв направление, выпрямилась, обернулась…
Он уже был рядом. Ударил ее в лицо чем-то тупым.
Зои приземлилась на спину, задыхаясь; перед глазами плавали черные точки, вокруг была темнота. Через несколько секунд до нее дошло, что она лежит на земле, глядя в темное небо. К шее прижалось что-то холодное и металлическое. В левом ухе звенело — непрерывный пронзительный звук.
— Только крикни, сука, и я перережу тебе горло, — прохрипел ей в ухо голос.
Зои тяжело дышала, по лбу текла какая-то липкая жидкость. Кровь? Что случилось?
Он чем-то ее ударил, вспомнила она.
Ее мертвой хваткой взяли под мышки, потянули вверх. Зои начала сопротивляться, и лезвие прижалось к коже сильнее. Она подавила вскрик, когда нож прорезал кожу. Гловер резал ей шею, лезвие распарывало мышцы. По плечу и груди обильно потекла кровь, впитываясь в блузку.
— Попробуем еще раз, — прошептал Род ей на ухо; голос жестокий, голодный. — Вставай.
Он потянул, и Зои поддалась, встала на подгибающиеся ноги; ее одолевала тошнота, почти до рвоты. Держа нож у ее горла, Гловер свободной рукой схватил Зои за запястье и завернул руку за спину.
— Двигай, — прохрипел он и толкнул ее к воде, прочь от деревьев. От дороги.
Зои двинулась на запинающихся ногах, маленькими шажками, медленно, покупая время, пытаясь думать сквозь туман в голове, сквозь уколы боли в плече и во лбу. Гловер хотел

увести ее от дороги, от такси и возможных свидетелей, туда, где ее никто не увидит, никто не услышит ее криков. Как только они окажутся достаточно далеко, ее ждет судьба остальных его жертв. Эта мысль леденила кровь, и она непроизвольно вздрогнула. Даже такое слабое движение заставило Гловера напрячься, и он прижал к ней лезвие.
— Пожалуйста, — выдавила Зои сквозь сжатые зубы. — Я…
— Тихо, — прошептал он. — Я уже наслушался твоего голоса на всю жизнь. Иди.
Еще три коротких шага; Гловер толкнул ее дальше. Она едва не потеряла равновесие, голова кружилась и пульсировала. Род дернул ее за руку, сильнее закрутил за спину. Она слабо вскрикнула, и лезвие тут же вошло ей в плечо.
— Три страйка, и ты вылетаешь, — произнес он.
— Чего ты хочешь? — прошептала Зои.
— Я хочу, чтобы ты двигалась, — ответил он и снова толкнул.
Шаг за шагом Гловер выталкивал ее из тени деревьев. Нельзя позволить ему взять верх, ей нужно сражаться. Лучше умереть сейчас с перерезанным горлом, чем дать ему увести себя к берегу и сделать, что он хочет. Но мышцы отказывались слушаться, голова и сердце тяжелыми ударами отзывались на каждый шаг. И на следующий. И следующий.
Он начал говорить издевательским тоном:
— Как мило снова встретиться с тобой, Зои, через столько лет… У нас столько тем для разговоров, столько незаконченных дел, верно? Как твоя сестра? Как родители?
Она снова чуть не споткнулась, но шестеренки в голове заработали, анализируя его, оценивая. Его уверенность росла. Он становился самонадеянным. Возможно, чем дальше от безопасных мест, тем больше шансов с ним справиться. Самонадеянные сильные мужчины часто совершают ошибки. Он помнил ее маленькой, слабой, четырнадцатилетней девчонкой. Но с тех пор прошло двадцать лет. Она выросла. Она научилась. И теперь ей нужно дожать его самоуверенность и дождаться всего одной маленькой оплошности.

> — Что, сука, не видела, как я за тобой слежу? А я был у тебя на хвосте весь день. Вот агент ФБР меня заметил бы… Но ты же не агент, верно,
> доктор
> Бентли?

Она не ответила, только шла; разум ее обострился. Так вот что включило тревожный сигнал в голове часом раньше… Он следил за ее такси.
— Получила мои конвертики? Я их сразу оставил, как только узнал, что ты в городе. Подумал, это славный способ сказать "привет" старому другу.
— Ты мог просто позвонить.
Гловер рассмеялся — неестественный, извращенный смех, знакомый и холодящий, — потом сильно толкнул ее вперед.
Звон в ее ушах стих. Сейчас Зои спотыкалась больше для вида, чем от настоящей слабости. Она глубоко вздохнула, вдохнув чистый вечерний воздух, дожидаясь, когда лезвие отойдет на дюйм, когда рука отпустит ее… любой перемены.
Он наклонился к ее уху, горячее дыхание на щеке.
— Знаешь, я взял ее не здесь. Немного подальше.
— Кого, Памелу? — спросила она.
— Не играй дурочку, сука. Ты никогда не была тупой. Я еще помню, как она подо мной скулила… Вырывалась… Она была сильной, Зои. Тренировалась в зале. Но ей это не помогло. Совсем не помогло.
— Ты ведешь меня на то же место? — спросила она.
"Тяни время. Нужно время".
— Незачем, — сказал Гловер; голос стал ниже, голодней. — Здесь вполне годится. Вниз.
— Что?
— На колени.
— Гловер, ты делаешь…
— Быстро, чтоб тебя!
Медленно и осторожно Зои опустилась на колени, все ее тело напряглось. Времени больше нет. Действовать нужно сейчас.

Шея больше не чувствовала ножа. Она начала разворачиваться; кулаки сжаты, готовы ударить в его обвисшее, толстое брюхо…

И тут что-то обвилось вокруг ее шеи и туго затянулось. Эффект был мгновенным, новый вдох не принес воздуха. Что-то издавало странные звуки. Это была она — сипела, кашляла, пытаясь получить то, что требовал организм… Зрение туманилось, ногти впились в предмет вокруг шеи, пытаясь оторвать его, отчаянно надеясь на одно — воздух.

Зои не видела, как перед глазами проносится ее жизнь. Вместо нее она видела фотографии, которые рассматривала, когда смогла получить документы из полиции Мейнарда. Фотографии Бет, Клары и Джеки, обнаженные тела притоплены в воде, на шеях затянут галстук… Вот то, что с ними случилось.

Кровь стучала в ушах, а за ней Зои слышала тяжелое дыхание мужчины за спиной; его рука уже дергала молнию, пытаясь стянуть с нее штаны, из горла вырывалось злое рычание. Она понимала, что, если сможет сосредоточиться, у нее есть шансы выбраться живой. Она умна; он же поглощен похотью. Но у Зои не было воздуха, и она желала только его. Рот открывался и закрывался, хватая воздух в отчаянных попытках вдохнуть. Она пыталась схватить руку, которая возилась с ее штанами — единственное, до чего могла дотянуться, — но без толку. Все ускользало, пальцы обмякли, руки опустились…

И тут петля ослабла. Зои смогла вдохнуть маленькую, невозможно крошечную порцию воздуха. Мир вернулся в фокус. Пальцы на ее штанах, царапающие левое бедро. Он смеялся, сам с собой, — те же пронзительные, безумные смешки, которые она слышала столько лет назад. Он сознательно выдал ей немного воздуха. Он хотел, чтобы в этот момент она была жива.

Слишком самоуверенный. Слишком самонадеянный.

Зои с силой дернула головой назад. Она рассчитывала ударить его в живот, но услышала хруст и рев боли. Гловер скорчился над ней, чтобы стянуть штаны, и она только что сломала ему нос. Когда он отшатнулся, петля совсем ослабла, и Зои полной грудью втянула воздух, уже двигаясь. Она толкнулась вперед, еще не в силах встать, но способная отползти на четвереньках и перевернуться на спину, чтобы видеть убийцу.

Он стоял над ней, по лицу текла кровь, в глазах ярость, губы выгнуты в зверином оскале. С ревом бросился к ней. Зои подняла ногу, пнула его изо всех сил, ударила его… куда-то. В грудь, в живот, она и сама не знала. Это его не остановило. Он был на ней. Сжав кулак, ударил; от щеки брызнула боль.

Ее рука ухватила что-то твердое — камень; она замахнулась, ударила им в лицо, в сломанный нос. Гловер, взвыв, отскочил. На этот раз Зои не пыталась уползти. Она оттолкнулась от земли, бросилась на него, взмахнула свободной рукой; ногти рвали его окровавленное лицо, добираясь до глаз.

Он завизжал и стряхнул ее. Зои перекатилась и почувствовала горячую, резкую боль в плече. Схватилась рукой за пылающую плоть, почувствовала, как между пальцами течет кровь. Она обо что-то порезалась.

Нож. Он выронил нож, когда душил ее, и она только что проехалась по лезвию. Лихорадочно шаря взглядом по земле, Зои заметила блеск. Вот он.

Она бросилась к нему, схватила, пальцы крепко сжались на рукоятке. Гловер уставился на нее, похожий скорее на зверя, чем на человека.

"Почти как настоящее чудовище".

Она напрягла руку. Нож лежал на земле, скрытый травой. Зои надеялась, что Гловер не разглядит его сквозь кровь и бешенство.

Бентли притворилась ослабевшей, растерянной, вскрикнула от боли, которую не требовалось подделывать. Сама же следила за его взглядом. Зои знала, как он будет двигаться, куда ударит. Ей нужно только выбросить руку вперед.

Гловер бросился, и она сделала выпад ножом, не осознавая, насколько действительно слаба, как сильно кружится ее голова. Вместо задуманного удара в живот она распорола ему бедро.

Гловер взревел от боли. Но было тут что-то еще. Ее разум обработал звук, годы учебы пробудили концентрацию. Страх.

Инстинкты подсказывали развернуться и снова бежать. Теперь у нее есть нож; у него повреждена нога. У нее преимущество. Она может сбежать.

Вместо этого Зои заставила себя встать. Все ее тело кричало от боли, порезанное плечо онемело. Она выпрямилась, держа нож перед собой, растянула губы и крепче сжала рукоятку. Их взгляды встретились, ее гримаса стала шире. Зои не улыбалась. Сейчас она была зверем, оскалившим зубы.

Гловер замешкался, потом развернулся и побежал.

Она едва не смеялась, когда бросилась за ним, но волна адреналина уже спадала. В голове гудело, плечо жгло, шею щипало там, где он ее порезал, и Зои осознала, что там тоже течет кровь. Горло еще болело. Она едва могла идти, где уж тут гнаться за Гловером, пусть даже у него только одна здоровая нога… Заставила себя стоять прямо. Он оглянулся — и, увидев ее, побежал дальше. Она хорошо спрятала свою слабость.

Едва он исчез из вида, ее колени подломились, рука выпустила нож, и Зои рухнула на землю. Горло выдавило наполовину всхлип, наполовину стон.

Она то ли ползла, то ли ковыляла обратно. В сотне футов от берега снова споткнулась и осела на траву, думая, что только прикроет глаза и отдохнет секунду…

Глава 55

Тейтум мерил шагами комнату ожидания больницы и считал их. "Раз… два… три…" Он насчитал тринадцать. В прошлый раз вышло двенадцать, а до того получилось пятнадцать, потому что у него на пути кто-то был.

Тейтум не знал, сколько раз проделал этот путь. Он сбился со счета. Сто? Двести? Тысячу?

На линолеумном полу было много царапин. Грей догадывался, что он наверняка не единственный, кто за много лет вышагивал по этой комнате. Она уже повидала столько тревог и беспокойства, сколько большинству комнат не удается увидеть за всю их жизнь. Если бы больничная комната ожидания встретилась в баре со школьным кабинетом, она сказала бы: "Думаешь, *тебе* известно, что такое дурные предчувствия? Дай-ка я расскажу тебе…"

Тейтум потерял мысль; забавная спираль ассоциаций, которые обычно бродили у него в голове, рассеялась в пустоте.

Он успел мельком взглянуть на Зои, прежде чем медсестра вытолкала его из реанимации. Шея и грудь залиты кровью, бледное лицо в синяках и ссадинах. Всего один взгляд, и его сердце попало в бурю. Сестра пообещала, что ему сообщат о состоянии Зои, как только это станет возможным.

И вот он раз за разом меряет шагами комнату, а его никто не зовет…

Мартинес пробыл с ним минут десять, потом ушел. Сказал, что вернется позже. Он хотел получить показания водителя такси и посмотреть, что криминалисты смогут отыскать на месте преступления.

Эта маленькая и сильная женщина выглядела на каталке ужасно беззащитной. Не в силах кричать на него, спорить, возражать. Тейтум сжал кулаки, его переполняло желание обо что-нибудь врезать. В Эл-Эй у него дома была боксерская груша, и он каждый вечер пользовался ею, чтобы сбрасывать стресс после работы. Но еще не успел обзавестись такой штукой в своем новом доме. Как ему сейчас не хватало этой груши…

Страшно не знать, что случилось. Тейтум годами видел людей, вымаливающих у него обрывки информации, задающих потоки вопросов, которые легко сводились к одному слову: *почему*? Что она делала на Саганешки-Слаф? Кто на нее напал? Где сейчас этот человек?

Почему?

Последнее время Зои выглядела подавленной и встревоженной. Он списывал это на обычную усталость. Но сейчас сильно сомневался, что дело в ней.
Грей сел и постарался выбросить все эти вопросы из головы. Он нечасто молился, но, когда кто-то близкий оказывался в опасности, Тейтум всякий раз ловил себя на попытке заключить сделку с Богом. Вот почему он бросил курить три года назад, когда его напарника подстрелили, — он пообещал Богу бросить, если напарник выкарабкается. По той же причине не продал свою новенькую "Тойоту Камри" и не пожертвовал эти деньги церкви: Бог не помог его матери справиться с почечной недостаточностью.
И сейчас пришло время для новой сделки. Грей пытался придумать, что он может предложить Богу в обмен на жизнь Зои.
"Господи, если она…"
— Тейтум Грей?
Он резко обернулся, напряженно вглядываясь в медсестру. Что у нее во взгляде? Утешение? Тревога? Материнская забота?
Нет. Просто спокойствие. Он не знал, что это значит.
— Она в послеоперационной палате, с ней все будет хорошо, — сказала сестра.
Тейтум судорожно выдохнул.
— Я могу ее повидать?
— Вы родственник?
— Нет, — ответил Тейтум и, будто только сообразив, достал и показал свой жетон. — ФБР. Она располагает критически важными сведениями, которые нам нужно получить как можно скорее.
Медсестра поджала губы. Не купилась…
— Хорошо, — наконец произнесла она, ее голос стал чуть холоднее. — Вы сможете зайти к ней на несколько минут. Я приглашу вас, когда она будет в состоянии.
Тейтум, которого переполняло облегчение, кивнул.
Сестра ушла. Он опустился на стул и крепко сжал руки. С силой выдохнул. Потом еще раз.
Послышался шорох; кто-то сел рядом и протянул ему бумажный стаканчик.
— Держите, — произнес Мартинес. — Кофе.
Тейтум с признательностью взял стаканчик.
— Спасибо. Только что заходила сестра. Она сказала, с Зои все будет в порядке.
— Очень хорошо, — лейтенант с облегчением выдохнул.
— Что сказал таксист?
— Она попросила его поехать на Саганешки-Слаф, указала, где остановиться. Вылезла, сказала ждать ее полчаса и пошла вдоль берега. Через несколько минут сзади остановилась машина, оттуда вышел мужчина.
— Он сказал, как этот мужчина выглядел?
— Очень смутное описание. Сейчас с таксистом работают в управлении. На самом деле он специально старался не всматриваться — решил, что у Зои с этим парнем интрижка.
Тейтум кивнул. Ну да.
— В общем, он ждал там. Через какое-то время увидел, что мужчина возвращается. Хромает. Таксист крикнул ему, но мужчина не отозвался, сел в машину и уехал. Таксист забеспокоился, пошел искать Зои и нашел ее без сознания в паре сотен ярдов от дороги. Тогда он позвонил в "Скорую" и в полицию.
— Он дал описание машины?
— Белая "Тойота Приус", — сказал Мартинес. — Номера он не видел.
— А что с места преступления?
— Мы нашли нож и порядком крови. Кровавый след тянется до машины того парня, так что, похоже, Зои его неплохо порезала.
Тейтум кивнул.
— Агент, послушайте… Я уже спрашивал вас об этом. Зачем она туда поехала?
— Я не знаю, — устало ответил Грей. — Клянусь, не знаю.
— Она с вами об этом не разговаривала?
— Нет.
— Она не упоминала Саганешки-Слаф?
— Нет.

— Тейтум Грей? — Медсестра снова вышла в комнату. — Пожалуйста, пройдемте со мной.
Тейтум встал, Мартинес последовал его примеру.
— Простите, — сказала сестра Мартинесу. — Только…
Лейтенант махнул своим жетоном.
— Полиция Чикаго, — сказал он. — Мне нужно поговорить с…
Медсестра закатила глаза.
— Хорошо. Идите за мной.
Она провела их по короткому коридору в маленькую белую палату. Зои лежала на больничной кровати, на вид спросонья. Тейтум сжал кулаки, когда увидел повязку у нее на шее, заплывший глаз и багровую ссадину на лбу.
— Агент Грей, — вяло произнесла Зои. — Лейтенант Мартинес…
На секунду Тейтуму показалось, что она собирается поблагодарить их за визит. Или заверить, что с ней всё в порядке.
— Род Гловер, — сказала Зои. — Так его зовут.
Тейтум моргнул. Несколько секунд его мозг работал вхолостую.
— Так зовут человека, который на вас напал? — резко спросил Мартинес.
— Да. Он следил за мной от управления.
Голос хриплый, как будто ей трудно говорить. На шее тоже синяки, они выглядывали из-под повязки. Ее душили.
— Кто такой Род Гловер? — спросил Мартинес.
— Серийный убийца. Я думаю, он — тот человек, который бальзамировал девушек.
— Откуда вы его знаете?
Зои несколько секунд молчала, глаза ее медленно закрывались.
— Он убил трех женщин в Мейнарде. Давно.
— В девяносто седьмом году, — сказал Тейтум, ему было нехорошо.
— Верно.
Мартинес посмотрел на него:

— Так вы
знали
?

— Я… — Грей замешкался. Он не был уверен, что именно знает. — Я думаю, она пыталась рассказать мне об этом.
— Почему вы поехали на Саганешки-Слаф? — спросил Мартинес.
— Я хотела увидеть место, где убили Памелу Вэнс.
— Кто такая Памела Вэнс? — почти хором спросили Тейтум и Мартинес.
— Другая жертва. — Зои явно теряла фокус, ее веки опустились.
— О’кей. — На них надвинулась медсестра. — Этого достаточно. Вы сможете поговорить с ней завтра утром.
Тейтум вышел из палаты, волоча за собой ноги, будто к ним были привязаны тележки с камнями. Она говорила ему о Гловере, а он отмахнулся… За это время он слишком много раз принижал значение ее слов, и она решила поехать и проверить сама. И ее чуть не убили. Его ошибка.
— Агент Грей, — произнес сзади Мартинес; голос резкий, холодный.
Остановившись, Тейтум обернулся.
— Да?
— Вы говорили, что ничего об этом не знаете.
— Я не знал… она начала мне рассказывать… Серийный убийца, который убил трех девушек в городке, где она выросла. И я не стал слушать.
— И она не сказала нам, — продолжил Мартинес. — И пострадала.
— Да.
— Рассказывайте все, что знаете.
Тейтум рассказал ему все, что мог припомнить из того разговора в ресторане. Вышло не много.

— О’кей, — заключил лейтенант. — Я приеду завтра, чтобы расспросить ее подробнее. И с этой минуты вы оба больше не работаете по делу.
— Что? — потрясенно спросил Тейтум. — Но мы…
— Вы вели собственное расследование. Как я и думал. Жизнь доктора Бентли оказалась под угрозой, и отчасти это произошло потому, что вы своевременно не поделились информацией.
— Погодите…
— Агент, мы закончили. Продолжим разговор завтра.

Глава 56

КВАНТИКО, ВИРДЖИНИЯ,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои не могла припомнить Манкузо в такой ярости, когда в понедельник они вошли в ее кабинет. Глава подразделения мерно дышала — вдох носом и медленный выдох, — смотрела на них обоих и ничего не говорила. Зои была практически уверена, что Манкузо считает про себя, и задумалась, до какого числа та уже дошла.
Они сели у стола шефа. Тейтум выбрал правый стул осужденных; на его лице была маска искупления, смешанного с вызовом, — ловкий фокус. Зои села слева, поморщившись, когда швы на бедре отозвались болью. Заодно она получила легкое сотрясение и швы на шее; рану на плече заклеили. Вдобавок у нее был здоровенный фингал под глазом. Стоило ей сделать неосторожное движение, как начинало болеть сразу все. Вчера вечером, перед их вылетом в Чикаго, какая-то женщина подошла к ней в аэропорту и протянула листовку: убежище для женщин, пострадавших от домашнего насилия. Заодно она испепелила взглядом Тейтума, вероятно, сочтя его супругом Зои.
— О’кей, — сказала Манкузо, ее голос был выверенным и сдержанным. — Я только что закончила читать обширные отчеты, которые вы оба прислали мне, равно как и короткое злое письмо, полученное от лейтенанта Мартинеса. И одну строчку от шефа полиции Чикаго.
Зои опустила взгляд, уставилась на руки. Ее отчет был длинным и сухим перечислением того, где она облажалась. Не поделилась своими подозрениями ни с полицией, ни с напарником. Не сообщила им о трех конвертах, оставленных на местах преступлений. Отправилась в одиночку изучать место преступления. Не заметила слежку. По этим причинам Гловеру и удалось бесследно исчезнуть.
— Полиция Чикаго и ФБР согласились ничего не сообщать прессе о вашем провале, поскольку жители сейчас очень нервно относятся к любым новостям об этом убийце, — и поскольку мы хотим создать хотя бы видимость компетентности.
Тейтум откашлялся, будто собирался что-то сказать, но Манкузо подняла бровь, проецируя угрозу эпических размеров.
— Разумеется, мы оба, то есть ведущий дело лейтенант и я, хотели бы знать, почему вы скрыли критически важную информацию по делу. Ни один из ваших отчетов не объясняет причины такого решения.
Зои нервно поерзала.
— Я…
— Сначала эта связь показалась притянутой за уши, — ровным голосом произнес Тейтум. — Доктор Бентли начала рассказывать мне, но я убедил ее, что данная теория не имеет ценности. Сейчас я понимаю, что мне следовало привлечь полицию Чикаго.
— Погодите, — выпалила Зои. — Это не…
— Чертовски верно, следовало! — Манкузо врезала кулаком по столу; рыбка за ее спиной в ужасе заметалась, ища укрытие. — Я говорила вам, агент Грей: ваши ковбойские штучки в этом подразделении не пройдут.
Зои попыталась вмешаться:

— Шеф, это я…
— Простите, шеф, — громко сказал Тейтум, заглушив Зои. — Я думаю, будет правильно, если меня отстранят от этого дела.
— Нет никакого чертова дела! — Манкузо едва не кричала. — Полиция Чикаго больше не хочет нашей помощи. Лейтенант Мартинес исчерпывающе выразился на этот счет.
— Но мы добились такого прогресса, — пробормотала Зои. — Мы можем…
— Лично вы можете оставаться дома на больничном, а не приезжать сюда, — сказала шеф; ее темные глаза буравили Зои. — Я хочу, чтобы после этого совещания вы отправились прямиком домой. Если увижу вас здесь раньше следующей недели, я вас уволю.
Зои прищурилась. Угроза должна была напугать ее, принудить к покорности, а вместо этого только разозлила.
— Шеф, Род Гловер…
— Я больше ничего не хочу сейчас слушать, — заявила Манкузо; выдохшись, она устало осела в кресле. — Убирайтесь отсюда, оба.
Тейтум встал и вышел.
Зои поколебалась, потом начала:
— Шеф, агент Грей не…
— Зои, я не слепая, — негромко сказала Манкузо. — Я знаю, что тут произошло, и знаю, что агент Грей сделал, а чего не делал. А теперь освободи мой кабинет.
Бентли вышла, закрыла за собой дверь и побежала догонять Тейтума; швы возмущенно визжали при каждом шаге.
— Тейтум!
Он обернулся и устало улыбнулся ей.
— Ну, все прошло не так уж плохо.
— Почему ты сказал ей, что это твоя ошибка? — разъяренно спросила Зои. — Это я поехала в одиночку на место преступления, и это я ничего не рассказала Мартинесу. Вина моя.
— Ну да, — ответил Грей, сложив руки на груди. — И что?
Зои оторопело уставилась на него. В действительности она ждала, что он возразит, хоть чуть-чуть. Однако это и вправду была ее ошибка.
— Ты уже известен как проблемный агент. Что, если…
— Я — проблемный агент с несколькими благодарностями в досье, — сказал Грей. — А ты — гражданский консультант и занимаешь позицию, которую, по мнению многих, должен занимать агент. Как ты думаешь, у кого выше шансы на увольнение?
— Манкузо не станет…
— На Манкузо сильно давят. Я не знаю, что она станет делать, а что — нет. В любом случае, ты старалась мне сказать. Мне следовало слушать. Хотя, чтоб его, лучше б ты постаралась как следует.
— Ага, — пробормотала Зои; голова начала болеть, плечи опустились. — Наверное, я поеду домой.
— Тебя подвезти?
— Нет, спасибо. Я возьму такси.
* * *
Невидимая тяжесть тянула Зои к полу, когда она входила в свою квартиру. Бентли закрыла за собой дверь, а потом несколько секунд тупо смотрела на нее, ни о чем не думая. Она сама не знала, чем собиралась заниматься оставшуюся часть дня или хотя бы ближайшие десять минут. Последние семьдесят два часа состояли в основном из коротких простых действий, одно следовало за другим. Это было нетрудно, поскольку бóльшую часть времени врачи или медсестры говорили ей, куда идти, когда есть и когда спать. Потом Тейтум бережно отвез ее в аэропорт и посадил в самолет. А сегодня утром она поехала на работу, потому что… а куда ей еще деваться?
Но Манкузо распорядилась ясно: на этой неделе она не должна появляться в офисе. Зои не знала, действительно ли это связано с ее больничным или Манкузо надеется, что люди забудут о провале в Чикаго. Неужели Тейтум прав и Манкузо на самом деле может ее уволить? Есть в этом некая цельность… Зои стала криминальным психологом из-за Рода

Гловера — и именно он разрушит ее короткую карьеру. Ей было тошно думать, насколько плотно этот мерзавец управлял ее жизнью.
От этих мыслей ее по-настоящему затошнило. Зои дошла до ванной и выплеснула в раковину ту немногую еду, которая была в желудке. Потом, раз уж она все равно была в ванной, решила принять душ. Бентли принимала душ, когда вернулась домой посреди ночи, потом еще раз перед работой, но третий тоже не повредит.
Зои стянула одежду, бросила ее в угол и включила воду, выставив температуру чуть ниже уровня кипящей лавы. Вода приятно стекала по спине и шее, хотя и обожгла порезанное плечо. Бентли схватила мыло и принялась тщательно намыливать все тело.
Минуту спустя до нее дошло, что она раз за разом трет одно и то же место. Низ живота и верх левого бедра.
Зои все еще чувствовала там пальцы Гловера, сражающиеся с молнией, его руку, на секунду скользнувшую в штаны и царапнувшую бедро. Глубоко вздохнула, стараясь умерить скачущий пульс. Она была психологом и узнавала накрывшие ее симптомы. Это просто короткий приступ тревожности. Нет никаких оснований терять хладнокровие. Зои отложила мыло, нанесла на голову шампунь, поморщившись, когда задела рукой ссадину на лбу. Потом, вымыв голову, уставилась на кафельные плитки ванной и застыла, глубоко дыша.
Когда Андреа получасом позже распахнула дверь ванной, Зои все еще была в душе — сидела на полу и всхлипывала, не замечая текущей воды. Андреа бросилась к ней, завернула краны. Потом беспомощно металась, пока не нашла полотенце сестры.
— Вставай, — сказала она, помогая Зои подняться. Завернула сестру в полотенце и начала вытирать.
— Я сама могу вытереться, — рявкнула на нее та.
Андреа отступила на шаг.
— Может, подождешь снаружи? — спросила Зои; ее раздражало встревоженное выражение лица сестры.
— Послушай, — сказала Андреа. — Может, ты приляжешь, а я приготовлю чего-нибудь поесть?
— Отлично.
Зои вытерла ноги о коврик, потом пошла в спальню и закрыла за собой дверь. Она злилась на себя за то, что Андреа нашла ее в таком состоянии. Закончила вытираться, легла на кровать и натянула на себя одеяло. Минутку полежит — и оденется…
Кровать медленно согревалась, в ней стало уютно. Постельное белье из ее квартиры в Бостоне, места, которое ощущалось как дом. Совсем не так, как эта квартира, где она и не жила по-настоящему. В Бостоне Зои была счастлива. Ну, может, и не совсем счастлива, но довольна. Зачем она сюда переехала? Она здесь никого не знала, большинство людей, с которыми работала Зои, ее не жаловали, да и Андреа терпеть не могла Дейл, что бы она сама ни заявляла. Может, им лучше просто вернуться в Бостон? Она откроет частную клинику или пойдет работать в школу…
Дверь спальни открылась.
— А где у тебя яйца? — спросила Андреа.
— В холодильнике.
— Там нет яиц.
— Ну, значит, они закончились.
Сестра вздохнула и закрыла дверь.
Зои прикрыла глаза. Наверное, можно просто поспать… Она не спала в самолете и перед работой ухватила всего два-три часа сна. Разве не этим она должна сейчас заниматься? Отдыхать…
Вместо этого Зои встала, порылась в шкафу и достала футболку с длинными рукавами и спортивные штаны. Когда-то футболка была белой, но Зои неосторожно постирала ее с красным платьем, и теперь футболка стала розоватой. Так, трусики… лифчик не нужен, черт с ним. Она натянула штаны и футболку и вышла. На кухне Андреа резала овощи для салата, на сковородке жарился омлет.
— Я думала, у меня нет яиц, — пробормотала Зои.
— Угу. Я взяла четыре штуки у твоей соседки. Она очень милая.

— Я даже не помню, как она выглядит, — садясь, призналась Зои. — Видела ее всего пару раз.
— Ну да… — пробубнила Андреа.
Она сняла сковородку с плиты и разложила омлет по двум тарелкам. Одну протянула Зои, вторую поставила напротив для себя.
— Спасибо, — сказала Зои.
Еда выглядела потрясающе. Сестра приготовила омлет с базиликом и посыпала его чеддером. Рядом на тарелке устроились приличная порция сливочного сыра и салат.
— Тебе нужно купить оливковое масло, — заметила Андреа. — С ним салат намного лучше.
Зои отрезала кусочек омлета и наколола его на вилку. Добавила немного сыра и отправила все это в рот, закрыв глаза и дыша носом. Горячее яйцо и холодный сыр прокатились по языку, вызывая ощущение совершенства.
— Очхшо, — с полным ртом сказала Зои.
— Когда ты в последний раз ела нормальную пищу? — поинтересовалась сестра.
Зои почти не завтракала, в аэропорту было что-то безвкусное, а предыдущие два дня она провела на больничной еде.
— Давно.
— В следующий раз, когда тебе захочется поплакать в ду́ше, попробуй сначала перекусить, — предложила Андреа.
Зои расплакалась.
— Прости, — выпалила сестра. — Я просто пошутила. Можешь плакать сколько хочешь… О, черт, не обращай внимания на мои глупости.
Зои торопливо съела еще кусок омлета — еда смешивалась со слезами, — взяла овощи, отправила их следом за омлетом. Постепенно она взяла себя в руки. Андреа молча сосредоточилась на своей тарелке. Зои прокашлялась.
— В холодильнике есть лимонад, — сказала она. — Ты не принесешь?
Все тело болело, и Зои знала, что просьба о помощи успокоит сестру. Обе в выигрыше. Андреа отодвинула стул и помчалась за лимонадом.
Зои выпила немного, потом съела еще омлета. Жизнь начинала возвращаться к ней. Прежнее ощущение безысходности ушло — или, по крайней мере, сильно потускнело. Спасибо, господи, за еду.
— Ты же знаешь, если захочешь поговорить о том, что случилось в Чикаго, ты можешь рассказать мне, — сказала Андреа.
Сестра встретила Зои в аэропорту и едва не упала в обморок, увидев, в каком та состоянии. Зои покачала головой, когда Андреа спросила, что случилось, и сказала, что не может об этом рассказывать. Она сказала правду — но дело было не в секретности. События слишком свежие, чтобы их обсуждать.
Но сейчас, немного отдохнув, Зои подумала, что ей может пойти на пользу разговор с Андреа. Конверты, которые все эти годы присылал Гловер, его последние жертвы, их встреча, пальцы на ее теле, пока она хватается за горло, пытаясь вдохнуть…
Но у Андреа были собственные воспоминания. Разговор может пойти на пользу Зои, но неизвестно, как он повлияет на сестру.
— Спасибо, — сказала она. — Это здорово… Я просто оказалась в неудачном месте в неудачное время. Обещаю, это больше не повторится.
— О’кей. — Андреа явно не убедили слова сестры.
Они закончили есть. Бо́льшую часть времени Андреа рассказывала о проблемах на работе. Судя по всему, начальница ее смены была сукой и ненавидела Андреа. Зои задумалась, откуда все время берутся суки, ненавидящие Андреа, где бы та ни работала. Может, тут есть какая-то связь?
Наконец она отодвинула тарелку.
— Великолепная еда.
— У меня есть для тебя особый десерт, — Андреа ухмыльнулась.
— О, спасибо. По-моему, я уже всё.
— Правда? — Андреа смотрела на нее с притворным разочарованием. — Видимо, мне придется самой доедать мороженое "Сникерс"…

Зои захлестнула волна любви к сестре.
— Знаешь, — сказала она, — может, мне и удастся запихнуть в себя кусочек.

Глава 57

Тейтум сидел в машине, застыв в нерешительности. Он понимал, что, скорее всего, ему следует поехать домой, но сомневался в обитаемости дома. Агент приехал ночью, бросил один взгляд на гостиную и свою спальню — и ушел, заперев за собой дверь. Он спал в машине, что его вполне устраивало. Люди недооценивают радость ночевки в машине. Свернутая шея, леденящий холод в четыре утра, бездомный парень будит стуком в окно… хорошее времечко, просто отличное.
Утром Тейтум позвонил Марвину и несколько минут орал на него. Старик терпеливо слушал своего разъяренного внука. Похоже, он провел ночь у своей подруги и сейчас пребывал в бодром настроении. В конце концов, когда у Тейтума закончились и слова, и ярость, Марвин пообещал прислать кого-нибудь убрать в доме. Увидев богопротивные деяния, сотворенные с его диваном, Грей был уверен, что тут не обойтись без огнемета и экзорциста. Вообще если подумать, экзорцист с огнеметом отлично зайдет в кино. Фильм можно назвать "Гори, демон, гори". Экзорциста должен играть Доминик Перселл; это не обсуждается.
Тейтум вздохнул, сосредотачиваясь. Настоящей причиной, по которой он не ехал домой, было беспокойство. Он провел с Зои целую неделю и, хотя психолог могла чудовищно раздражать, начал получать удовольствие от ее компании. А с того происшествия в ней что-то… испортилось.
Он пролистал в телефоне адресную книгу, нашел ее имя и позвонил. Она ответила после третьего гудка.
— Алло?
— Зои, это Тейтум.
— Ага, я знаю. Ты у меня в списке контактов.
— Ну да. Ммм… я хотел спросить, как ты.
— Отлично.
— Как твое бедро? И швы…
— Тейтум, все отлично. Спасибо, что позвонил.
— Подожди. — Он раздраженно побарабанил по рулю. — Слушай, я надеялся, что смогу заскочить.
— Зачем?
— Убедиться, что с тобой все о’кей.
— Я же сказала тебе, что со мной все о’кей.
— Ну… так я буду спокойней спать по ночам, а?
Пауза.
— Хорошо, — сказала Зои. — Я живу в "Дейл Форест апартментс". Это в…
— Я знаю, где это, — перебил Тейтум, взглянув в окно машины на табличку с надписью "Дейл Форест апартментс". — Я недалеко. Могу быть через пять минут.
— О’кей.
Она дала ему номер квартиры и повесила трубку.
Он терпеливо выждал четыре минуты. Зои незачем знать, что он заранее отыскал ее адрес. Потом вылез из машины и пошел к ее квартире.
Дверь ему открыла молодая темноволосая женщина с завораживающими зелеными глазами.
— А, привет, — сказала она, улыбаясь и подняв одну бровь. — Вы, должно быть, Тейтум.
Они с Зои были очень похожи.
— А вы — Андреа, — сказал он.
— Входите, — предложила она, еще раз оглядев его с ног до головы.
Тейтум почувствовал себя объективированным. Елки, он больше, чем просто симпатичная мордаха…

Грей прошел в квартиру и оказался в маленькой гостиной. Зои сидела в кресле, на коленях открытая коричневая папка. Она просматривала ее содержимое, хмурилась; когда Тейтум вошел, подняла на него взгляд. Грей почувствовал, как у него кольнуло в сердце, когда он увидел синяк у нее под глазом, ссадину на лбу, черные стежки швов на шее. Ее глаза были красными и уставшими. Тейтум считал себя прогрессивным — "вперед, девичья сила"
[18]
и все такое, — но при виде Зои в таком состоянии ему захотелось обнять ее и утешить. А потом уничтожить мужчину, который сотворил с ней это.

Резкость в ее взгляде ясно сказала ему, что, попытайся он обнять Зои, она откусит ему голову. Тейтум прочистил горло.
— Эй, рад видеть тебя, — он поискал какое-нибудь бодрое слово, — сидящей.
Будто желая ухудшить ситуацию, она встала, поморщившись.
— Приятно, что ты смог заскочить. Хочешь чего-нибудь выпить?
— Э-э…
— Я принесу вам чашку кофе, — предложила Андреа.
Зои обернулась к сестре.
— Я могу сама…
— Тебе нужно сидеть или лежать, — отрезала девушка тем же непреклонным тоном, который Тейтум всю неделю слышал от Зои. Он улыбнулся.
— Что? — спросила та.
— Ничего, — невинно ответил он.
Она села обратно и положила папку на кофейный столик, рядом со стопкой похожих и разбросанными бумагами.
— Что это? — спросил Тейтум. — Я думал, ты не должна работать.
— Ну, поскольку мы больше не занимаемся чикагским делом, это не работа. Я считаю это хобби.
Грей сел в соседнее кресло, взял одну из папок и открыл ее. Это было дело, фотокопии всех документов расследования. Бумага пожелтела от времени, а распечатанные фотографии места преступления были зернистыми. В папке находился крупный снимок обнаженного женского тела, лежащего в чем-то вроде пруда. Жертву звали Джеки Теллер.
— Это одна из жертв Рода Гловера? — спросил Тейтум, изучая подробности.
— Зависит от того, кого ты спросишь, — ответила Зои. — Это девяносто седьмой год, одна из трех жертв мейнардского серийного убийцы. Если спросишь полицию, они либо скажут, что дело не раскрыто, или заявят, что ее убил подросток по имени Мэнни Андерсон. Что нетрудно сказать, поскольку он мертв.
Тейтум кивнул, потом заглянул в остальные папки и посмотрел на Зои.
— У тебя тут копии с убийств в Чикаго?
— Ага.
Андреа вошла в гостиную, когда Тейтум изучал еще одно досье из Мейнарда. Сестра Зои протянула ему чашку кофе.
— О’кей, — сказала она. — Я ухожу. У меня вечерняя смена. Вернусь, как только освобожусь.
Зои взглянула на нее.
— Тебе не нужно…
— Я здесь сплю. Я могу тебе понадобиться. Это не обсуждается, — сказала Андреа. — Пока, Тейтум. Приятно было познакомиться.
И она захлопнула за собой дверь.
Грей отложил папку и посмотрел на бумаги, разбросанные по столику. Все они были с какими-то записями; одни выглядели старыми, другие — свежими. Он протянул руку к одной из них. Зои практически выхватила у Тейтума лист и шлепнула его по руке.
— Это личное, — сказала она.

— Правда? — спокойно спросил агент; он подозревал, что это за бумаги. — Я видел, как ты делала заметки, когда работала над профилем чикагского убийцы. Эти листы подозрительно похожи на те заметки.
— Я включила профиль в отчет, — резко отозвалась она.
— Да. — Он кивнул. — Но эти — сырой материал.
— И?..
— Я хочу их просмотреть.
— Нет.
Тейтум вздохнул.
— Зои, мы вместе выслеживали этого парня. Дело пошло к чертям лишь потому, что ты мне не все рассказала.
Ее губы сжались в такую тонкую линию, что стали практически невидимы.
— Послушай, — намного мягче сказал он. — Я признаю, что не верил всерьез в твою… профессию. Но я неделю смотрел, как ты работаешь, и это открыло мне глаза. Ты — классный специалист. Ты способна читать место преступления так, как я никогда не смогу.
Выражение лица Зои смягчилось, глаза расширились.
— Но даже ты можешь допускать ошибки, — продолжил Тейтум. — Может быть, ты все-таки поделишься со мной этими записями? Пожалуйста! Мы сможем их обсудить. Я обещаю, что никому о них не расскажу, о’кей?
С секунду она колебалась, потом убрала руку с бумаг.
— Это по чикагскому серийному убийце. — Указала на три листка. — А это, — обвела рукой остальные бумаги, в основном пожелтевшие и мятые, — заметки к профилю, который я делала на Рода Гловера. За много лет.
Грей порылся в старых бумагах, пока не нашел одну, на вид самую древнюю. Заметки были написаны на листке, вырванном из блокнота на пружинке. Почерк Зои был более округлым, а внизу она нарисовала несколько котов.
Тейтум просмотрел записи. Некоторые фразы были по нескольку раз подчеркнуты, вроде "Соврал о пожаре и о встрече с Сарой Мишель Джеллар". Зои несколько раз обвела слова "пруд Дюрана". А в самом низу — "Серые галстуки!!!!".
— Я написала это, когда мне было четырнадцать, — сказала Зои.
Ей было неловко, как человеку, который втайне сочинил поэму и сейчас наблюдает за первым читателем.
— Я хранила это в основном… как память.
— В память о старых добрых днях, когда ты выслеживала серийных убийц?
— Зря я согласилась. Дай сюда…
— Прости, — торопливо сказал Тейтум. — Я не собирался иронизировать. Извини.
Зои впустила его, позволила читать записи, равноценные дневнику. Сейчас не время для идиотских шуток. Грей начал читать остальные листки и в какой-то момент растерялся.
— Я не понимаю, — произнес он. — Ты писала это о Роде Гловере. Некоторым записям больше десяти лет. Но ты упоминаешь конверты с галстуками, так как же…
Зои резко встала и пошла к двери.
— Подожди здесь, — бросила, не оборачиваясь.
Тейтум слышал, как она заходит в другую комнату, потом послышался звук вроде выдвигаемого ящика. Зои вернулась, неся пачку коричневых конвертов. Она бросила их на столик. Два соскользнули на пол, и Тейтум подобрал их. Открыл один и заглянул внутрь. Серый галстук.
Он проверил еще два. В каждом лежал серый галстук. Некоторые конверты были очень старыми, другие — новее. Все были отправлены по почте; один — в Мейнард, несколько — в Гарвард, потом на два разных адреса в Бостоне. Верхний, один из упавших на пол, был адресован в "Дейл Форест апартментс". На всех стояло имя Зои.
— Здесь одиннадцать конвертов, — оторопело сказал Тейтум.
— Он отправил четырнадцать, — твердым голосом, с вызовом, ответила Бентли. — Я отдала первый копам в Мейнарде. Те с ним ничего не сделали. Когда начала работать на ФБР, я отдала один старшему агенту. Она едва не перестала работать со мной — решила, что я одержима какими-то подростковыми воспоминаниями. Третий я сожгла. Потом стала

собирать их. Несколько раз устраивала проверки на отпечатки пальцев или следы ДНК. Ничего.
— И в каждом конверте был серый галстук?
— Да, — резко ответила Зои.
Потом тише добавила:
— В нескольких были рисунки. Как меня насилуют. Гловер — очень пристойный художник. Я… я их выбросила.
Тейтум вновь боролся с внезапным порывом обнять ее.
— Ты не станешь рассказывать об этом Манкузо, — сказала она; под холодным, безжизненным тоном пряталось отчаяние. — Я перестала сообщать о них, потому что никто не принимал меня всерьез.
Грей уже достаточно хорошо узнал Зои, чтобы понимать — сильнее всего она не терпит, когда ее не принимают всерьез.
— О’кей, — медленно произнес он. — Итак… Похоже, Род Гловер одержим тобой. Почему?
— Вот самая короткая версия — я заподозрила его, вломилась в его дом, нашла склад "сувениров" и сообщила о нем в полицию, — сказала Зои.
— Буду рад через пару минут услышать длинную версию, но, если уж на то пошло, почему его не арестовали?
— Они мне не поверили, — ответила Зои, зло скривив губы. — Решили, что я просто устроила истерику на почве его склада порно. И у них был подозреваемый. А у Гловера — крепкое алиби для последнего убийства.
— Насколько крепкое?
— Очень. Он был в поисковой группе, которая искала третью жертву как раз в то время, когда ее убили. Его несколько раз видел мой папа. И другие люди. Я говорила с ними.
— И как ты это объясняешь?
— Я не знаю. — Зои беспомощно пожала плечами. — Может, был еще один убийца… Или Гловер как-то улизнул из поисковой группы, убил девушку, а потом вернулся… Если бы полиция занялась этим, они разобрались бы.
— Хорошо, — сказал Тейтум. — Теперь я хочу получить всю историю, а не краткую сводку. Откуда ты знаешь Рода Гловера и что именно случилось в Чикаго?
И Зои рассказала ему. Грей недоверчиво слушал, пока она описывала, как четырнадцатилетней девочкой ввязалась в поиски серийного убийцы. Рассказ попахивал сюрреализмом… однако вполне соответствовал этой женщине. Она в общих чертах описала, что случилось непосредственно перед нападением в Чикаго. Тейтум кивнул.
— О’кей. Вопрос: почему ты считаешь, что это Род Гловер убивал и бальзамировал женщин в Чикаго?
— Что? — Она потрясенно уставилась на него.
— Я хочу сказать, ты изложила косвенные причины. Он оставлял галстуки у памятников. Он следил за тобой. Он пытался изнасиловать и убить тебя. Но ничто не связывает Рода Гловера с бальзамированием. Почерк в последних убийствах сильно отличается…
— Серийные убийцы все время меняют свой почерк.
— Да ладно! То есть, конечно, немного меняют, пробуют новые штуки, но не настолько радикально.
— Все убийства были связаны с водой…
— Нет, — возразил Тейтум. — Жертвы Гловера были в воде. Чикагский убийца размещал своих жертв у воды. А Вероника Мюррей, самая ранняя жертва бальзамирующего убийцы, вообще не была рядом с водой, когда ее нашли.
— Может, я ошиблась насчет нее… Ее не бальзамировали.
— Ты не ошиблась. Этого убийцу не интересует вода. Он выбирал эти места, потому что ночью там никого не бывает и потому что они подходили позам, которые он придавал телам.
— Я права, — сказала Зои. — Всех этих женщин убил Род Гловер.
— Посмотри на свой начальный профиль. — Тейтум яростно постучал пальцем по бумаге. — Помнишь? Методичный. Помешанный на контроле. Разве это соответствует

мейнардскому серийному убийце, который просто хватал женщин, бродивших в безлюдных местах, жестоко насиловал их, убивал, а потом бросал прямо там?
Зои рассерженно уставилась на него, он — на нее, с вызовом. Никто не отводил взгляд.
— Вот что я думаю, — наконец сказал Тейтум. — Скорее всего, Род Гловер убил тех двух женщин в две тысячи восьмом. Черт, он сам признал, что убил одну, без всяких намеков с твоей стороны, верно? Но, помимо этого, он заморочил тебе голову. Да, он посещал все эти места, оставил для тебя конверты, когда прочитал твое имя в новостях. Он решил выслеживать тебя, наверное, надеясь застать тебя врасплох в каком-нибудь переулке. И, к его радости, ты отправилась прямиком в одно из его любимых мест, где он уже убил Памелу Вэнс. А парень, который убивает женщин и бальзамирует тела… я считаю, это кто-то другой.
— Ты ошибаешься, — сказала Зои.
— Почему?
— Потому что так подсказывает мое чутье, — огрызнулась она. — Ну да, разумеется, я хорошо знаю свое дело. Но это не только опыт и дедукция. В большей степени это инстинкты, и они говорят, что это Гловер.
— А я говорю, что твоим инстинктам нельзя доверять, когда речь идет об этом психе. Он одержим тобой, тут сомнений нет. Но знаешь, Зои, ты точно так же одержима Гловером.
— Иди к черту.
Тейтум молча смотрел на нее. В ее взгляде была только ярость, подчеркнутая синяком под одним глазом.
Наконец он вздохнул.
— Уже поздно. Отдохни немного, ладно?
Она не шевелилась, пока Грей вставал и шел к выходу. Он открыл дверь и в последний раз оглянулся на Зои. Потом вышел и закрыл за собой дверь.

Глава 58

Идея пришла ему в голову, пока он сворачивал за угол. Шеренга мертвых, пустых глаз следила за его машиной, когда он медленно проезжал мимо; голоса звали его, предлагали быстро задешево развлечься. Он больше не видел потенциал в этих женщинах. Теперь он знал,
что
они есть: хитрые, лживые суки, готовые ударить в спину, как только он отвернется.

Нога вдавила педаль газа, и он унесся прочь, зло сжав зубы. Они не заслуживали его обработки, его предложения вечности, его привязанности.
Ему нужно что-то другое.
Он припарковал машину рядом с клубом. Снаружи стояла очередь из подростков, дожидавшихся, когда их впустят. Он уставился на молодых девушек. Может, ему нужно это? У него проблема с возрастом женщин? В конце концов, эти девушки все еще были невинными. Возможно, у некоторых до сих пор не было мужчины. Он стиснул руль, глядя на одну из их них. Татуировок не видно, макияжа почти нет — особенно по сравнению с ее подругами, — гладкая кожа.
Он уже начал составлять план. Он подождет снаружи, пока они не выйдут из клуба, и тихонько поедет за ней следом. Либо представится возможность схватить ее прямо ночью, либо он узнает, где она живет.
А если не она, есть и другие. Тысячи и тысячи невинных юных девушек, которые только и ждут взрослого мужчину, чтобы…
Ее подруга указала на него, и девушка обернулась посмотреть. Их взгляды встретились, и спустя секунду он застенчиво улыбнулся ей.

Она показала ему средний палец, презрительно скривилась. Перепугавшись, он вдавил педаль и юркнул в поток. Какая-то машина просигналила и резко свернула, чтобы избежать столкновения. Сердце колотилось.
Невинные… Ага. Проклятые шлюхи.
Может, настоящей любви вообще не существует? Может, он ошибается? Женщина за женщиной, все они разочаровывали его. Может, ему просто следует брать их на ночь или две, утихомиривать и радоваться их обществу, пока запах не станет проблемой…
Идея была привлекательной, но он переборол ее. Он лучше. Он не один из этих печальных, унылых людей, которые листают в смартфоне приложения для поиска партнеров, ища встречи на одну ночь.
Он ищет нечто настоящее. Нечто, способное заполнить пустоту, развеять одиночество.
И тут до него дошло. Он с самого начала думал не в ту сторону. Он искал женщину, которая будет его спутницей все предстоящие годы. Но женщина — это не то, этого мало. Столько лет наблюдая за счастливыми парами в телевизоре и в жизни, он должен был сообразить намного раньше.
Женщина — просто одинокая душа, как он сам. Двое одиноких людей не смогут заполнить пустоту друг для друга. Такие отношения обречены на разочарование.
На самом деле ему нужна семья.

Глава 59

Было уже десять, когда Тейтум вернулся в свою квартиру. Он глубоко вздохнул, вознес молитву святому покровителю безнадежных квартир и открыл дверь.
Гостиная почти вернулась к прежнему виду. На одном кресле виднелось подозрительное новое пятно, в верхнем левом углу телевизора красовалась трехдюймовая трещина, а два растения в горшках таинственно испарились. Но, помимо этого, комната выглядела аккуратной и чистой, и безбожные ужасы, встретившие Тейтума минувшей ночью, практически исчезли. Рыбка, единственный образцовый житель этого дома, плавала в своем аквариуме с довольным видом. Дно аквариума украшал какой-то странный предмет; подойдя ближе, Тейтум узнал в нем пивную бутылку. Рыбка, похоже, не возражала, и он оставил бутылку в покое.
Затем проверил спальню. Постельное белье исчезло; Тейтум понадеялся, что его сожгли. На полу стоял заклеенный пакет, в очертаниях которого угадывалась та самая пара коричневых туфель. Он отнес пакет в кухню и бросил в мусорное ведро. Веснушка сидел на кухонном столе с выражением глубочайшего презрения на морде. Тейтум убедился, что в мисках есть вода и корм. Он попытался приласкать кота, но тот в долю наносекунды трансформировался из спокойного котика в безумное все раздирающее чудище. Тейтум отдернул расцарапанную руку.
— Ты жопа, — сказал он коту.
Веснушка зашипел на него и улегся, продолжив без помех обдумывать свои зловещие планы.
Тейтум подошел к спальне деда и постучал в дверь.
— Эй, Марвин, — позвал он.
Тот открыл дверь и ухмыльнулся.
— Добро пожаловать домой.
— Спасибо, что убрал в доме, — сказал Тейтум.
— Я ничего не убирал. Ты с ума сошел? Ты видел, как это выглядело? Я нанял милую женщину, и она обо всем позаботилась.
— Ну… главное — результат, так что спасибо.
— Ага, само собой. Хочешь чаю?
Тейтум кивнул и пошел за дедом в кухню. Марвин остановился в дверях, глядя на Веснушку, который прищуренными глазами следил за ним.
— Убирайся, Веснушка, — рявкнул Тейтум, все еще злясь за расцарапанную руку.
Кот встал, потянулся, спрыгнул со стола и неторопливо пошел к двери, излучая презрение.

— Этот кот какой-то очень неправильный, — заметил Марвин, доставая из шкафа чашки.
— Это верно, — сказал Тейтум. — Я заметил, что рыбка цела.
— Ага. — Марвин кивнул. — Кажется, она счастлива в новом доме. Ну, так как Чикаго?
— Не очень. Я вроде как немного подпортил дело.
— У них там какой-то отвратный убийца завелся. Я читал в газете. Это им ты занимался?
— Им самым.
— А еще я читал, они послали с тобой симпатичную женщину.
— Это в газете написано, что она симпатичная?
— Нет, но там была ваша фотография с места преступления, и я своими собственными глазами определил, что она симпатичная. Как она, хороша?
Тейтум одарил деда подозрительным взглядом — и с облегчением осознал, что вопрос был невинным. Марвин имел в виду ее профессиональные качества.
— Неимоверно. Правда.
— Тогда почему вы не поймали этого парня?
— Нас отвлекли, — ответил Тейтум. — Там был другой серийный убийца… а может, это тот же парень. Пока не знаем.
— В Чикаго проходит съезд серийных убийц?
— Похоже на то, а? — Грей сел за кухонный стол.
Марвин поставил перед внуком горячую кружку, потом сел напротив и принялся за свой чай.
— Так, — продолжил он, — вы собираетесь взять этого парня?
— Наверное, полиция его возьмет, — отстраненно ответил Тейтум, нахмурившись и обдумывая рассказ Зои о давнишнем серийном убийце. — Есть такое место под названием Мейнард…
— Больше похоже на какой-то соус.
— Нет, это город. В Массачусетсе.
— Никогда о нем не слышал.
— Неудивительно. Это маленький городок.
— Вроде Викенберга? — спросил Марвин с неприязнью в голосе.
— Ну да, наверное. Может, чуть больше. Я думал, тебе нравится Викенберг.
— Ба… Сначала он казался изумительным. Мирный, небольшой городок, где все друг друга знают и люди здороваются на улице. Звучит идеально, э?
— Не знаю насчет идеала, но, на мой вкус, довольно мило.
— Штука, которую тебе нужно понять, Тейтум, заключается в том, что, когда все друг друга знают, у каждого есть мнение о каждом. И эти мнения пристают к тебе, а иногда расползаются. Достаточно разок повздорить с соседом — и все об этом знают. Если твой ребенок подрался в школе, каждый вдруг обращает на это внимание. И эти вещи не уходят, они копятся. Я был Марвином Греем, когда приехал туда, а к тому времени как уехал, я слыл Марвином Который Один Раз Кричал На Городском Собрании И Всегда Спорил С Директором Школы Греем.
— Длинное имя, — заметил Тейтум. — Папа был таким проблемным ребенком, что тебе приходилось спорить с директором?
— Он был подростком. Временами бывал немного упрямым. И никогда не умел держать рот на замке. — Марвин ухмыльнулся, как всегда, когда говорил об отце Тейтума. — Он был хорошим мальчишкой. Но все имели свое мнение на его счет. Так и не дали ему настоящего шанса, когда он вырос.
— Виновен, пока не доказано обратное, так? — медленно произнес Тейтум между глотками чая.
— Именно так.
Он уставился в чашку. Затем произнес:
— Знаешь, может, мне придется уехать на денек или два… И, пожалуйста, на этот раз не разноси дом.

Глава 60

МЕЙНАРД, МАССАЧУСЕТС,
СРЕДА, 27 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Натан Прайс, начальник полиции Мейнарда, оказался седым мужчиной с обветренным, покрасневшим лицом. Он был широкоплечим, поджарым, с мышцами, обрисованными униформой. Прайс изучал Тейтума с настороженностью и подозрительностью, которые могли проистекать лишь из многих лет политических баталий. Тейтум удобно устроился на стуле, созданном для чего угодно, кроме комфорта посетителей, и обезоруживающе улыбнулся. Он устал. Ночной перелет из Вашингтона в Бостон практически не оставил времени для сна, но это был самый ранний рейс, на который он попадал. На следующей неделе Манкузо ждет его в офисе, так что свободного времени немного.
— Чем я могу вам помочь, агент Грей? — спросил шеф Прайс.
— Я интересуюсь несколькими убийствами, которые произошли в Мейнарде некоторое время назад.
Полицейский кивнул.
— Полагаю, речь идет об убийствах Бет Хартли, Джеки Теллер и Клары Смит.
Тейтум поднял бровь.
— Откуда вы знаете?
— Это мирный городок, агент Грей. У нас тут мало убийств, и вряд ли вы приехали поговорить об убийстве в Милл-Понд в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году.
Тейтум кивнул.
— Конечно, вы правы. Я хотел задать вам пару вопросов по поводу так называемого мейнардского серийного убийцы. Насколько я понимаю, тем расследованием руководили вы?
— Верно, — ответил Прайс. — Но мы все крепко по нему работали. Как вы догадываетесь, рылись под каждым камнем в поисках убийцы.
"Пока не нашли подозреваемого". Тейтум тепло кивнул.
— Разумеется. Насколько мне известно, убийца так и не предстал перед судом — это так?
— Да, все верно. Наш главный подозреваемый был арестован через несколько дней после убийства Клары Смит и совершил самоубийство в камере.
— И убийства прекратились, — продолжил Грей, подметив, насколько легко шеф сказал, что подозреваемый убил Клару Смит.
— Ну да, разумеется.
— Могу я задать пару вопросов о некоторых подробностях этого расследования? — спросил Тейтум, вынимая из сумки три папки с документами.
Шеф полиции удивленно округлил глаза, когда увидел, как тот открывает верхнюю папку. Первым листом лежала фотография тела Клары Смит.
— Я… ну конечно. Правда, не уверен, что смогу все вспомнить. Прошло почти двадцать лет…
— Ну, это было единственное дело об убийствах, которое вам доводилось расследовать, — заметил Тейтум. — Наверняка вы многое помните.
— Да, наверное.
— О’кей. В ходе допроса главного подозреваемого выяснилось, что в день убийства Клары Смит он находился в библиотеке.
— Да, я это помню.
— Далее, расчетное время смерти, определенное вашим медэкспертом… между шестью и семью вечера. Мэнни Андерсон был в библиотеке до четырех.
Прайс протянул руку, и Тейтум передал ему папку. Полицейский просмотрел документы и сказал:
— Да, все так.
— Но Клара Смит пропала в два часа, когда не вернулась домой из школы.
— Мы не знаем, когда она пропала, — ответил Прайс. — Она просто не вернулась домой. Она могла пойти к друзьям.

— Ее мать обзвонила всех ее подруг, и никто не знал, где она, верно? Поэтому вы и организовали поисковую группу.
Шеф прищурился.
— Вы уже говорили кое с кем об этом деле, — сказал он.
— Говорил, — согласился Тейтум. — По телефону. Но с вами я хотел поговорить лично.
— Мы думаем, что случилось следующее, — запальчиво начал Прайс. — У Клары был приятель, о котором не знала ее мать. После школы она пошла к нему. По пути домой ее силой или уговорами заманил в укромное место Мэнни Андерсон. Там он изнасиловал ее, а потом задушил.
— Но вы так и не нашли этого предполагаемого приятеля, — заметил Тейтум.
— Да.
— Поэтому вы не знаете точно, что Клара делала между тем, как вышла из школы, и расчетным временем смерти.
— Не знаем, — ответил шеф; он перешел на короткие реплики — безошибочный признак того, что фэбээровец начал действовать ему на нервы.
— О’кей, — сказал Грей. — Еще один вопрос, и я больше не буду вам мешать. Я заметил, что отчет медэксперта, где указано время смерти, датирован двумя днями позже убийства.
— Угу.
— Но в случае убийств Бет Хартли и Джеки Теллер отчеты были получены уже через несколько часов после убийства. Была ли причина у этой задержки?
— Не могу сказать, — ответил шеф. — Возможно, медэксперт была просто занята…
— В такое время? Когда вы "рылись под каждым камнем"?
— А какое значение имеет дата оформления документа?
— Верно, — Тейтум с ухмылкой кивнул. — Это же просто оформление, да?
— Именно. У нас на руках имелось расследование убийства. Все были на пределе…
— Отчаянно желая найти подозреваемого, — продолжил Тейтум.
Шеф с явной неприязнью скривился.
— Отчаянно желая найти убийцу, агент Грей.
— И это тоже… Спасибо, что уделили мне время, шеф Прайс.
Тот молчал и сердито смотрел, как Тейтум кивнул и вышел из кабинета.

Глава 61

Зои пришлось признать, что ее домашний офис начинает походить на комнату кого-нибудь из объектов ее профессионального интереса. На стенах висели не только все фотографии с мест преступлений в Чикаго, но и снимки с убийств 2008 года. Зои повесила рядом карту Мейнарда и карту Чикаго, с указанием мест, где произошли убийства. Стены также украшали статьи из ее альбома к мейнардскому серийному убийце. Зои купила два маркерные доски и заполнила их сведениями обо всех жертвах, из Чикаго и Мейнарда, указав имена, возраст, профессии и время и место исчезновения. Она остановилась, поймав себя на том, что собирается натягивать веревочки между объектами, которые кажутся связанными.
Возможно, сейчас самое время обзавестись настоящим хобби.
В комнате была односпальная кровать, на случай если Андреа решит заночевать у сестры. Прошлым вечером Зои отключилась на ней. Проснулась утром, окруженная фотографиями с мест преступлений и разбросанными документами. Сообразив, что происходит, вернулась к работе, пытаясь сопоставить факты и заполнить промежуток с 1997-го по 2016-й.
Временами Зои чувствовала, что ее решимость слабеет. Она задумывалась, не взять ли книжку или посмотреть какую-нибудь тупизну по телевизору. Но потом вспоминала лицо Тейтума, когда тот сказал, что Зои ошибается. Оно смешивалось с воспоминаниями о лицах родителей, говорящих оставить в покое Рода Гловера, и копа, сказавшего оставить полицейскую работу взрослым. Если б кто-нибудь из них ее послушал, Гловер давным-давно сидел бы за решеткой. Жизни были бы спасены. Тейтуму стоило подумать как

следует. Но когда Грей смотрел на нее, он видел только штатского, занимающего место настоящего агента.
Понимая, что она привязалась к одной-единственной цепочке мыслей, Зои не раз пыталась перестать думать о чикагском убийце как о Роде Гловере. Она решала мысленно называть его "этот убийца". "Когда этот убийца схватил Кристу" или "когда этому убийце не хватило бальзамирующей жидкости". Но очень скоро она замечала, что уже возвратилась к прежнему "Гловер схватил Кристу" и "Гловеру требовалась бальзамирующая жидкость".
Она стерла себе живот и левое бедро, скребя их под душем, и сейчас эти места горели, их было больно коснуться. Но теперь Зои хотя бы не чувствовала на себе пальцев Гловера. Ее лицо все еще преследовало ее, этот взгляд хищника, когда Гловер приближался к ней у воды. Голос в ухе, когда он держал у ее горла нож. "На колени". Эти воспоминания внезапно вспыхивали в голове, и Зои теряла мысль; стояла, уставившись в бессчетные документы и снимки, а по спине бежали мурашки… А потом начинала заново.
Она должна сделать все правильно.

Глава 62

Он видел их в окно, омытых теплым желтым светом кухонной лампы. Двое маленьких детей; он видел сквозь стекло только их головы, остальное пряталось за стеной. Одна из них, девочка, возбужденно подпрыгивала, разговаривая с матерью.
Привлекательная мать, есть на что посмотреть, ее красоту почти не тронуло рождение двух детей. Он уже воображал ее после своей обработки, вечно обожающую, с неувядаемой материнской заботой. Даже сейчас, когда рядом носились дети, она была хорошей матерью. Готовила им ужин и слушала, как дочка рассказывает о своем дне.
И никакого отца.
Он не знал, в чем там дело, но ему хватало и этого. Есть только мать. Он наблюдал за ними из машины два вечера подряд — и не увидел никакого нового дружка. Она по-прежнему была одинокой, как и месяц назад. Он сможет заняться обработкой прямо у них дома.
Он не мог дождаться. Подумал, не войти ли прямо сейчас, но сообразил, что он не в той машине. Все принадлежности остались в фургончике. Он менял фургон и седан, на случай если кто-нибудь обратит внимание на стоящую здесь каждый вечер странную машину. Соседи бывают излишне любопытными.
Нет, не сегодня. Но скоро, очень скоро.
Он рисовал в воображении их чудесное будущее. Рождественские вечера вместе. Впервые у него будет повод купить елку, украсить ее, купить детям подарки. Когда он проснется утром, они будут сидеть с ним за столом, пока он ест. Он может укладывать их спать, читать им на ночь. Он никогда не будет таким, как его родители. Он будет хорошим отцом. И ему не придется страдать от боли, наблюдая, как его дети вырастут, станут чужими, покинут дом, чтобы обзавестись собственными семьями. Нет, эти дети останутся с ним и будут вечно любить его. Вместе с их матерью.
Одна женщина, один мальчик, одна девочка. Семья, готовая принадлежать ему.
Навсегда.

Глава 63

Саммер-стрит в Мейнарде была очаровательной улицей, узкая дорога бежала в тени бессчетных деревьев. Повсюду виднелись обширные дворы, в большинстве заботливо подстриженные. Тейтум вылез из арендованной машины и несколько мгновений стоял под солнцем, наслаждаясь покоем, который предлагал этот город. Наконец он решил, что хватит тянуть волынку, и пошел по подъездной дорожке дома, у которого припарковался. Дом был белым, с оранжевой черепичной крышей, двумя окнами и дверью между ними. Такие домики Тейтум рисовал, когда был ребенком. Это же легко, правда. Синий карандаш

— раскрасить верх листа, это будет небо; потом зеленый для травы внизу. Квадрат посреди травы и треугольник сверху. Два квадрата для окон и прямоугольная дверь. Оставшимися карандашами добавить цветы соответственно настроению. О, и еще желтая четверть круга в левом углу листа. Это будет солнце. Дом перед Тейтумом был почти таким же, разве что чуть больше, и газон украшало несколько деревьев.
Он постучал в дверь. Через несколько минут на пороге появилась пожилая, седовласая женщина с жемчужными сережками в ушах и доброй улыбкой.
— Да? — сказала она.
— Доктор Фостер? — спросил Тейтум.
— Верно.
Он показал жетон.
— Я — агент Грей из Федерального бюро расследований. Вы не возражаете, если я задам вам пару вопросов?
— Ох. — Она вытаращилась на него. Эта женщина, решил Тейтум, до сегодняшнего дня видела агентов ФБР только в кино. — А в чем дело? Ничего не случилось?
— Нет-нет, я просто занимаюсь одним старым расследованием.
— О’кей. Хотите лимонада? Я только что приготовила.
Распитие с ней лимонада определенно снизит фактор угрозы. Хотя Тейтум в любом случае не собирался запугивать эту милую даму. А лимонад сейчас очень кстати.
— С удовольствием, — улыбаясь, ответил он.
Она провела его на заднее крыльцо, где стояли два пластиковых кресла и стол. Он сел в кресло, а женщина скрылась в доме. Тейтум посмотрел на время. До обратного рейса еще пара часов. Он подбирался к главному. Ходил по краю.
Через несколько секунд доктор Фостер появилась с кувшином лимонада и двумя стаканами.
— Печенья? — спросила она, ставя кувшин на пластиковый стол.
Где-то приходится проводить черту.
— Нет, спасибо.
Хозяйка села и разлила лимонад по стаканам.
— Так чем я могу вам помочь?
— Я изучаю убийство Клары Смит, — сказал Тейтум.
— Ох, — вздохнула она. — Это было так давно… Ее убил один очень нездоровый подросток.
— Правда? — Тейтум попробовал лимонад. — Я думал, по этому делу никому не предъявляли обвинений.
— Только потому, что он себя убил, — сказала Фостер. — Это был он, факт хорошо известен.
Тейтум едва не поморщился при слове "факт". Если все люди раз за разом будут говорить тебе одно и то же, подозрения легко превратятся в факты.
— Я хотел поинтересоваться вашей оценкой времени смерти, — сказал он, достав папку и проверив, что это нужная.
— Надеюсь, я смогу ответить. Это было очень давно.
— Конечно. По вашей оценке, Клара Смит умерла… между шестью и семью вечера.
— Если вы так говорите.
— Но шеф Прайс сказал мне, что ваша первая оценка была другой — немного раньше, — продолжил Тейтум; ложь легко скользнула с языка. Он улыбнулся и сделал еще один глоток холодного лимонада.
— Ну, да. Это я помню. Сначала решила, что смерть наступила раньше, но потом меня убедили, что я ошибаюсь. Оценить было сложно. Тело лежало в воде, шел снег… Оно очень быстро остыло.
— Вполне понятно. — Тейтум кивнул: его подозрения подтвердились. — А вы помните свою первоначальную оценку?
Она нахмурилась.
— Не знаю. Наверное, где-то днем. Может, в два часа…
— Но это неверная оценка, — сказал Тейтум. — Между часом и четырьмя часами дня Мэнни Андерсон был в библиотеке. Тогда он не мог ее убить.
— Ну, как уже говорила, я быстро увидела, что ошиблась.

— Не очень быстро, доктор Фостер, — возразил Грей. — Вам потребовалось два дня.
Он показал ей отчет.
Что-то мелькнуло в ее глазах. Подозрение, изворотливость. Эта трансформация была неприятной и исчезла так же быстро, как появилась.
— Я… на самом деле, я не помню. Это было очень давно.
Тейтум допил свой стакан.
— Отличный лимонад, — сказал он. — У меня есть для вас один интересный факт. В течение указанного вами времени смерти Клару разыскивала поисковая группа. Люди, встревоженные после ее исчезновения, собрались быстро. В этой поисковой группе был настоящий убийца Клары. Но благодаря вашей оценке он получил железное алиби.
Доктор Фостер побелела.
— Мэнни Андерсон никого не убивал, — продолжил Тейтум. — Однако его серьезно подозревали. Когда люди напуганы, им хочется поскорее найти виновного. Шеф Прайс — конечно, тогда он не был шефом — сказал вам, что вы ошиблись, что это наверняка неправильная оценка. Возможно, у него ушло два дня на проверку, есть ли у Мэнни Андерсона алиби на тот вечер. В любом случае, вы изменили свою оценку, чтобы Мэнни можно было привлечь к суду.
— Тогда… было сложно определить наверняка. На улице было так холодно…
— Разумеется, — сказал Тейтум.
— И убийства прекратились. Кто же еще это мог быть, кроме мальчишки Андерсона?
Тейтум вздохнул. Он едва не рассказал ей об убийствах в Чикаго в 2008-м. О горе родителей Мэнни Андерсона, которые потеряли единственного сына и долгие годы пытались доказать его невиновность. Но он промолчал. Его работа — ловить убийц, а не расстраивать семидесятилетнюю женщину, которая делает такой вкусный лимонад. Она допустила ошибку, но она была напугана, в отчаянии, как и весь остальной город.
— Вы изменили оценку времени смерти с двух на шесть-семь часов? — спросил он.
— Да, — слабо промолвила она.
— И вы знали об алиби Мэнни?
— Да, но…
— Спасибо, доктор Фостер.

Глава 64

Зои вздрогнула от сильного стука в дверь. Наверное, это Андреа, зашла навестить… Сестра не скрывала своей озабоченности по поводу настроения Зои. Ее успокаивало только то, что больничный уже почти закончился. Как только она вернется в офис, сказала Зои сестре, она, скорее всего, перестанет сходить с ума над делом, которым больше не занимается. Однако у нее вовсе не было уверенности, что все сложится именно так.
Она выключила радио и пошла к двери. Посмотрев в глазок, вздохнула, но все же открыла ее.
На пороге стоял Тейтум. В руке он держал пакет. Зои почувствовала что-то вроде дежавю.
— Привет, — сказала она.
Зои не намеревалась вкладывать в голос хоть каплю тепла, но, к ее удивлению, у нее получилось настоящее "рада тебя видеть". Возможно, из-за времени, которое она провела наедине со своими исследованиями. Приятно видеть живого человека, причем не собственную встревоженную сестру.
— Я принес кое-какую еду, — объявил Тейтум. — На этот раз не из "Севен-Илевен".
— О’кей, — сказала Зои. — И что там?

— Хумус [19]. — Тейтум ухмыльнулся.

— Что?

— В Вудбридже открылось заведение с ближневосточной кухней. И они доставляют еду в Дейл. И, что важно, кладут по две питы на каждую порцию.
— Не знала, что у тебя пристрастие к ближневосточной кухне, — заметила Зои, отступая, чтобы дать ему войти.
— Когда я жил в Эл-Эй, рядом было шикарное ближневосточное заведение, — ответил Тейтум, входя в квартиру.
Он взглянул на столик в гостиной, и Зои заметила, как по его лицу скользнуло облегчение. Столик был пуст, все бумаги убраны. Интересно, что бы он сказал, если б зашел сейчас в ее "кабинет"?
— Проходи, — сказала Зои, ведя его в кухню.
Тейтум идеально выбрал время; она как раз собиралась что-нибудь приготовить. Он положил пакет на стол и достал несколько коробочек и пластиковый контейнер с вязким бежевым хумусом. Зои взяла из холодильника бутылку колы и наполнила два стакана. Потом подвинула стол. От запаха питы ее живот предвкушающе заурчал, и Зои поморщилась, надеясь, что Тейтум ничего не слышал. Впрочем, если и слышал, его лицо ничего не выдало.
Они уселись, и Зои переложила на свою тарелку порцию хумуса. Оторвала кусок питы, как следует повозила в нем и засунула в рот. Пита оказалась теплой, с насыщенным и цельным — совсем не то, к чему она привыкла, — вкусом. Зои закрыла глаза, глубоко вдохнула, потом чуть заметно улыбнулась.
— Хорошо, а? — заметил Тейтум. Он жевал большой кусок питы, запивая его колой.
— Потрясающе. — Она кивнула. — Говоришь, они доставляют в Дейл?
— Ага. Это сильно улучшило мое впечатление от здешней жизни, честно признаюсь.
Зои сделала себе новую порцию питы с хумусом. Хотя бы об этом они могли говорить спокойно, без споров.
— Ну-ка, — сказал Тейтум, — догадайся, где я был последние два дня?
— А ты уезжал?
— Ага.
— Куда?
— Не хочешь угадать?
— Не особо.
— Я был в Мейнарде, — объявил Тейтум таким голосом, будто только что вытащил кролика из пустой шляпы; этот голос предполагал потрясение или аплодисменты публики.
— Правда? — сухо протянула Зои; она не собиралась потакать ему, хотя заинтересовалась.
— Полицейский, который вел дело того серийного убийцы, сейчас шеф полиции, — сказал Тейтум.
— Угу.
— Ага. В любом случае, я разобрался с алиби Рода Гловера на время убийства Клары Смит. Я его разнес.
На этот раз Зои не смогла сдержаться и вытаращилась на него.
— Как? — резко спросила она.
Как это Грей с такой легкостью справился с задачей, над которой она ломала голову много лет? Может, он нашел свидетеля, видевшего, как Гловер исчезает во время поисков? Или был какой-то человек, по очертаниям похожий на Гловера, и в темноте…
— Ты сосредоточилась не на том профиле, — сказал Тейтум. — Тебе нужно было составлять профиль следователей.
— О чем ты? — У нее дрожали руки. Она быстро спрятала их под стол.
— Полиция отчаялась припутать к этому делу Мэнни Андерсона, — ответил Тейтум. — У него было алиби на время смерти Клары, и поэтому они убедили медэксперта изменить оценку времени смерти.
— И это обеспечило Гловеру алиби, — выдохнула Зои, оцепенев от потрясения.
— Верно.
Как она прозевала такую возможность? Зои рассматривала ситуацию под любым углом, искала любые трещины, прошла через…
— Ты не могла до этого додуматься, — мягко сказал Тейтум. — Только не в четырнадцать лет.

Он был прав. В четырнадцать ей даже в голову прийти не могло, что полиция способна подтасовать улики, только бы притянуть кого-то к делу. Такая мысль была абсолютно чуждой. Зои могла злиться на копов, могла считать их некомпетентными, но в четырнадцать она ни разу не задумалась, что они и в самом деле могут вот так испоганить собственное расследование. Прошло много лет, прежде чем она узнала, что бывает всякое. Но, когда Зои задумывалась об убийствах в Мейнарде, ей всегда было четырнадцать. Она всегда хваталась за те же идеи, двигалась привычной колеей мыслей.

— Я должна была сообразить, — раздраженно произнесла она. — Ты не представляешь, сколько раз я прокручивала в голове все факты этих дел… Это же очевидно.

— Да, если б только ты смогла отстраниться от них, — сказал Тейтум. — Но ты не могла. Зои, это твое детство. Ты сама едва не стала жертвой убийцы. Он продолжает посылать тебе эти конверты, выносит тебе мозг, пугает тебя…

— Я не напугана.

— Правда? Когда он годами преследовал тебя? Что ты на самом деле чувствовала, когда получала от него эти конверты? Ты действительно думаешь, что не возвращалась на двадцать лет назад?

Она молчала.

— И что ты почувствовала, когда те же конверты всплыли во время нашего расследования? Кем ты была в тот момент? Зои — криминальным психологом? Или Зои — четырнадцатилетней школьницей?

— Я… — Она начала отвечать, потом замолчала. Мысленно вернулась в ту минуту. Вот она берет конверты у репортера. И… погружается в кошмар.

Тейтум смотрел на нее с грустью и теплотой, и Зои захотелось отвесить ему пощечину за его понимание и сочувствие. Лучше б он смеялся над ней, упрекал и говорил, как она облажалась…

Отвернувшись, она сдавленным голосом пробормотала:

— Чтоб его…

— На случай, если я недостаточно ясно выразился, — сказал Тейтум. — Я считаю, что двадцать лет назад ты блестяще составила профиль Гловера. И полагаю, что ты блестяще работала и по чикагскому делу. Ты просто допустила маленькую ошибку.

— Маленькую? — Зои чуть не фыркнула.

— Не хочешь попробовать еще раз? С тем, что мы теперь знаем? И не вмешивая Рода Гловера? — спросил Тейтум. — То есть я понимаю, ты еще на больничном, но…

— Пойдем, — сказала Зои, вставая.

Она зашла в свой домашний офис и обернулась. Тейтум вошел следом, и Зои наблюдала, как его взгляд мечется по новому декору комнаты.

— Вот блин, — пробормотал он.

Зои подошла к стене и сдернула одну из приколотых статей.

— Помоги мне убрать их, — сказала она, снимая еще одну. — Я хочу выкинуть это из головы.

Глава 65

От пребывания в "кабинете" Зои Тейтуму казалось, что он путешествует по мозгу психолога, где творится сущий кавардак. Грей помог ей убрать все предметы, связанные с убийствами в Мейнарде и с убийствами в Чикаго в 2008 году. Теперь они остались с пятью мертвыми женщинами, троих из которых забальзамировали. Зои начала перевешивать фотографии в соответствии со схемой, которая казалась ей чем-то полезной, пока Тейтум отправился на кухню сделать им кофе. Он сварил кофе покрепче, догадываясь, что ночь будет долгой.

Грей вернулся с кофейником и двумя кружками и разлил по ним кофе. Одну он протянул Зои, которая рассеянно поблагодарила его, не отрываясь от маркерной доски. Тейтум проследил за ее взглядом и определил женщин на доске. Он сам видел тела двух жертв — Кристы Баркер, оставленной убийцей на пляже, и Лили Рамос, с которой они связались

перед ее смертью. Их снимки, рядом с тремя другими, дернули эмоции Тейтума. Этот убийца бродил по Чикаго, убивал, легко и небрежно, и ни ФБР, ни чикагская полиция не могли его остановить. Он обернулся к Зои, ожидая, что та заговорит. Она молчала.
Вздохнув, он произнес:
— О’кей, слушай, так дело не пойдет.
— Что не пойдет? — спросила Зои, взглянув на него.
— Ты запираешься у себя в голове. Ты даже не пытаешься поговорить.
— Как это? Я все время говорю с тобой.
— Только когда ты знаешь, что хочешь сказать, — уточнил Тейтум. — Вот тогда ты с радостью читаешь мне лекцию и делишься гениальными умозаключениями. Но если ты сомневаешься, ты продолжаешь думать сама.
Она открыла было рот, прищурилась, потом закрыла его. Грей сложил руки на груди и ждал.
— Ладно, — наконец произнесла она, фыркнув. — Чего ты хочешь?
— Ну, ты говоришь, о чем думаешь, а затем я высказываю свои мысли по этому поводу — возможно, у меня есть другая идея. Далее, ты не отбрасываешь мои мысли, а пытаешься обдумать их, даже если я сказал глупость. Я называю это "мозговым штурмом".
— Не надо нравоучений. Я знаю, что такое мозговой штурм.
Тейтум ухмыльнулся.
— Хорошо, тебе начинать, — с вызовом объявила Зои.
— Последние несколько дней ты считала нашего убийцу Гловером, но, я думаю, сейчас мы оба согласны, что там действует другой человек, верно?
— Да.
— Я считаю, нам следует начать с рассмотрения уже известных потенциальных подозреваемых и сузить круг. Возможно, кто-то из них соответствует тому уточненному профилю, который ты сделала.
— Я не думаю, что это способ…
Тейтум поднял бровь.
— Не отбрасывай эту мысль сразу же, — сказал он. — Давай погоняем ее вместе.
— Хорошо-хорошо, — угрюмо согласилась Зои. — Мы ищем людей, которые знали Сьюзен Уорнер, так? У нас есть бывший приятель, дядя в инвалидной коляске, несколько подруг из колледжа… — Неожиданно ее осенила новая мысль. — К примеру, это мог быть и приятель Даниэлы, правда? Как его зовут? Райан?
Тейтум улыбнулся, радуясь искорке в ее взгляде.
— Отлично, продолжай. Он соответствует профилю?
— Возраст подходящий. У него есть фургон. Даниэла упоминала, что он исчезает и не говорит ей куда. Возможно, у него есть другое жилье. Он работает автомехаником; такая работа требует ряда качеств, которые нас интересуют. Он бывал в квартире Сьюзен. Он очень подходящий подозреваемый.
Она явно разволновалась.
— Супер. — Тейтум ухмыльнулся. — Только у него есть алиби.
— Какое алиби?
— Когда всех этих животных набивали и бальзамировали, он был в Венеции, по обмену.
— А, точно, — сказала Зои, скиснув, потом уставилась на Тейтума. — Ты уже все это продумал…
— Возможно. — Он невинно смотрел на нее. — Тем не менее стоит обдумать и других возможных подозреваемых, верно?
— Я… это неплохая идея.
Грей рассмеялся, ощутив прилив теплых чувств к этой сердитой женщине.
— А о чем ты думаешь? Не хочешь поделиться?
Ее губы дрогнули, но звуков не последовало, как будто Зои опробовала новый для нее концепт разговора и провалилась. Наконец она справилась со словами.
— Все убийства мотивированы его фантазиями, так? Все четыре недавних убийства. Мы наблюдаем кривую обучения в реализации, однако до сих пор не понимаем, в чем цель.
— Верно, — согласился Тейтум. — Все выглядит так, будто он создает человеческих кукол и играет с ними.

— Именно.
Зои опять замолчала. И это она называет мозговым штурмом?
— Тогда в чем заключаются его фантазии? — спросил Тейтум.
— Они выглядят неким видом демонстрации власти, однако женщины уже связаны… и он не может заниматься с ними сексом после бальзамирования, а это уже потеря власти, верно?
— Видимо, да, — медленно произнес Тейтум.
— Значит, его мотивирует что-то другое. И что?
— Возможно, он сдвинут на их неподвижном состоянии и мастурбирует на них.
— Нет, не то. Не подходит, — нетерпеливо сказала Зои и прикусила губу.
Тейтум откашлялся. Это не вызвало никакой реакции, и он сказал:
— Мозговой штурм, помнишь?
Зои посмотрела на него и закатила глаза.
— О’кей. Давай предположим, что он сдвинут на их неподвижности. Чем ему так важна гибкость? Почему он одевает их, украшает драгоценностями? Почему не использует более простой метод сохранения вроде заморозки?
— Хорошо; может, он придает им позы в соответствии с какими-то выдуманными картинами или ситуациями, — предположил Тейтум.
— Например? — спросила Зои; похоже, она заинтересовалась. Хороший знак.
— Не знаю. Что он говорит этими сценами?
— Какими сценами?
— Два последних места преступления. Они… похожи на фрагменты рассказа, верно? Когда ребенок играет с куклами, то усаживает Барби в ее кресло, ставит несколько чашечек на кукольный столик — и вуаля, у них чаепитие.
— У меня никогда не было кукол.
Тейтум поднял брови.
— Серьезно?
— Ну, наверное, они были, но я с ними никогда не играла. Я отдала всех Андреа. А ты играл с куклами?
— Ну, не с куклами, но… сама понимаешь. У меня была куча фигурок "Плеймобил", и я разыгрывал самые разные истории. Например, они могли сражаться и стрелять друг в друга. Потом я снял с них волосы и поменял…
— Зачем?
— Ну, это была чуть не единственная съемная деталь.
— Какое-то странное пристрастие.
— Ну, не такое странное, как эти фигурки без волос. У них полые головы, и выглядят они довольно жутко, а потом ты теряешь все эти детальки с волосами и остаешься с кучей лоботомированных фигурок…
— Так, все это к делу не относится, — резко оборвала его Зои.
— В общем, мысль в том, что, когда расставляешь своих кукол, ты разыгрываешь некую историю. Так о чем эти истории?
Оба посмотрели на фотографии. Моник Сильва стояла на мостике и смотрела на воду, руки на перилах. Криста Баркер сидела на песке, закрыв лицо руками.
— Они грустят, — сказала Зои.
— Ага, Криста как будто плачет.
— Почему они грустят?
— Может, убийца имел в виду, что они грустят, поскольку мертвы? — предположил Тейтум.
— Нет… — возразила Зои, помотав головой. — Они пропали какое-то время назад. Ты прав, здесь действительно какая-то история. Если б они грустили, потому что умерли, он выставил бы их сразу после бальзамирования. Но он провел с ними много времени и только потом выставил в этих позах.
— Ага.
— Они грустят, — вдруг произнесла Зои, — потому что он их бросил.
— В каком смысле?
— У Кристы Баркер на пальце было кольцо, — сказала Зои. — Кольцо невесты.

— Ну… кольцо точно было.
— Такое кольцо дарят при помолвке. Сьюзен Уорнер нашли одетой в вечернее платье, как будто она была на серьезном свидании. А потом, когда он уходит от них, они грустят.
— Погоди…
— У него с ними отношения, — не отрывая искрящихся глаз от Тейтума, заявила Зои. — Вот в чем все дело. Он бальзамирует женщин, с которыми хочет иметь отношения.
— В смысле, сексуальные отношения?
— Во всех смыслах, Тейтум. Дело не в сексе. То есть здесь есть очевидные некрофилические тенденции, само собой. Но он хочет иметь кого-то рядом, в своем доме. Это все об одиночестве.
— О’кей, — протянул Грей. Ее энтузиазм не был заразным; скорее агент чувствовал себя выведенным из равновесия. — И что же все это значит?
— Ну, убийца — человек, у которого никогда и ни с кем не было длительных и удачных отношений, — сказала Зои. — Он наблюдает за другими любящими людьми и хочет того же. Но не может добиться этого сам…
— Почему?
— Я полагаю, его одержимость полным контролем делает невозможными практически любые отношения. Кроме того, он неадекватен. Вероятно, у него сексуальная дисфункция, и он не может заниматься сексом с живой женщиной.
— О’кей, и вот он хватает женщину, душит ее насмерть… а бальзамировать зачем?
— Потому что ему нужны длительные отношения.
— Логика безумная, но ладно… А потом что? Он укладывает ее в кровать? Несет ее по утрам к столу в гостиной? Сажает рядом с собой смотреть телевизор? Держит ее за руку?
Зои медленно кивнула.
— В общем, примерно так.
— Ага-а, — протянул Тейтум, начиная улавливать систему. — А потом он их выбрасывает… почему?
— Потому что у него не получается.
— Да ладно. Они что, ссорятся?

— Нет. Но он перестает чувствовать
это
, чем бы оно ни было. Ему опять одиноко. Ее присутствие больше не успокаивает. Представления становятся… пустыми.

По спине Тейтума пробежал холодок.
— И он начинает искать следующую… Зои, это на редкость безумный образ мыслей.
Она пожала плечами.
— Хорошо, и чем нам это поможет? — спросил Тейтум.
— Пока не знаю. Нам известно, чем заканчиваются эти истории, верно? Убийца порывает с женщиной, оставляет ее в каком-нибудь месте и придает позу, будто у нее разбито сердце.
— Самый сентиментальный из всех серийных убийц.
— Угу. Но как эта история начинается?
— Ну, он находит проститутку…
— Нет, это не начало. Это вроде… подготовки. У него еще нет полного контроля. История начинается, когда он заканчивает бальзамировать тело.
— О’кей. Видимо, он привозит ее домой…
— Вот здесь я хочу тебя остановить, но не потому, что не ценю твое мнение, — сказала Зои, пытаясь ободряюще улыбнуться.
Тейтум расхохотался.
— Приятно слышать, что ты не хочешь меня обидеть.
— У меня просто есть… чутье. Я могу представить себе эти штуки. Он заканчивает ее бальзамировать. Дальше, бальзамирование — грязный процесс, поэтому, я думаю, он предварительно снимает с нее всю одежду. Помнишь тело Лили? Вся шея залита кровью, но рубашка почти чистая.
— О’кей, значит, он их моет и одевает. Но Лили он не вымыл.

— У него не хватило времени, и он был в панике. Не мог собраться с мыслями. Но в отношении других жертв, я думаю, ты прав. Он моет их, одевает…
Она замолчала, уставившись на фотографии.
— В чем дело?
— Он не надевает обратно их собственную одежду. Ему не нужны отношения с проституткой. Он одевает их в новую одежду.
— О’кей, похоже, в этом есть смысл, — сказал Тейтум. — Значит, он заранее покупает новую…
— Тейтум, эта одежда на них сидит. На всех.
— И?..
— Откуда он знает, что покупать?
— Все они — худые девушки. В смысле, он, наверное…
— Криста Баркер была намного выше Моник Сильвы. А Лили не такая уж худая. И это не дешевые вещи вроде "один размер подойдет всем". Со Сьюзен Уорнер проблем не было — он располагал всем ее гардеробом, поскольку убил ее дома. Но у проституток было только то, что на них надето.
— Ты хочешь сказать, что он возил их за покупками, — медленно произнес Тейтум.
Зои кивнула.
— Перед тем как убить их, когда они все еще считали его клиентом. Возможно, он говорил, что хочет прикупить им красивой одежды на эту ночь. А потом куда-то отвозил…
— В торговый центр.
— Возможно.
— Отлично. — Тейтум улыбнулся, сел за ее ноутбук и открыл браузер.
— Что ты делаешь?
— Мы знаем, где он подобрал Лили, так? Угол Кларк и Гранд, у Ривер-Норт. — Грей открыл "Гугл-мэпс" и нашел это место.
— Ага.
— И мы знаем, что он отвез Лили на Харэн-стрит, куда-то… сюда. — Тейтум указал на кусок Харэн-стрит на карте. — Он должен был повести Лили в какое-то место по пути между этими двумя точками. Либо куда-то рядом с тем местом, где он ее убил.
— Необязательно, — возразила Зои. — Может, у него есть любимый магазин. Где-нибудь в другом конце Чикаго.
— Тоже верно. Но я могу попробовать. Если это другой конец Чикаго, мы ничего не получаем. Но если это по пути… то у нас есть конечный список торговых центров.
— Все равно выходит много, — сказала Зои, но Тейтум чуял, что она заинтересовалась идеей. — Если ты прав, то он, скорее всего, выбирал место поближе к конечной точке.
— Почему?
— Ну, я предполагаю, что именно там он бальзамировал свои жертвы. Он напряжен и предпочитает место, которое хорошо знает. Место, в котором он уже несколько раз побывал. Там, где ему кажется, что он лучше контролирует ситуацию.
— Ты думаешь, он всегда ходил в один и тот же торговый центр?
— Да, это наиболее вероятно.
— Отлично. — Тейтум ухмыльнулся. — Тогда давай составлять список.
— А потом что?
— А потом мы полетим в Чикаго и посмотрим записи с их камер видеонаблюдения на вечер исчезновения Лили. Возможно, нам удастся засечь ее и Сентиментального Серийного Убийцу.
— Что? Да ты шутишь.
Грей пожал плечами, уже переписывая адреса.
— Ты все еще на больничном. Я в отпуске до следующей недели. У тебя есть более интересное занятие?

Глава 66

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС,
ПЯТНИЦА, 29 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

Зои никогда особо не интересовалась шопингом и сейчас думала, что для этого расследования намного лучше подошла бы Андреа. Сестра могла целыми днями ходить по магазинам одежды просто ради удовольствия. Сейчас они были в пятом магазине, и Зои казалось, что она проходит десятый круг одежного ада.

Не особо помогало и то, что их расследование было исключительно безнадежным и напрасным. В одном из магазинов, куда они зашли, записи с камер уже стерли, а в другом менеджер отказался их показывать, потребовав ордер на обыск. Даже если Сентиментальный Серийный Убийца, как начал его звать Тейтум, бывал в одном из магазинов их списка, они могли его пропустить.

Грей сейчас спорил с менеджером этого магазина, которая тоже отказывалась предоставить им записи, а удрученная Зои отправилась бродить по залу. Этот магазин был одним из крупных, до отказа набитый мужчинами, женщинами и детьми. Десятки ламп торгового зала освещали ряды и ряды юбок, рубашек, штанов и платьев… Зои пыталась представить, как Сентиментальный Серийный Убийца входит в этот магазин и что-то выбирает. Какая-то невероятная последовательность событий. Скорее всего, он отправлял проституток выбирать, а сам мялся в стороне вместе с прочими изнывающими мужьями и друзьями. С другой стороны, маловероятно, чтобы он настолько выпустил проститутку из-под контроля. Может, она все неправильно поняла. Может, он вовсе не вел их за покупками…

Ее взгляд уперся в один из манекенов. На нем была рубашка, в которой они нашли Лили. Зои медленно, будто опасаясь спугнуть, подошла к манекену. Тот выглядел очень естественно — один из самых реалистичных, которые ей когда-либо доводилось видеть, вылепленный и раскрашенный как потрясающе пропорциональная женщина; пустой взгляд был направлен прямо на Зои. Пластиковое лицо выглядело жутковато. Она знала, что для этого феномена существует специальный термин — эффект "зловещей долины"; чем сильнее нечто искусственное напоминает человека, тем более чуждым оно кажется.

А еще манекен напоминал искусственного двойника забальзамированных тел Кристы Баркер и Моник Сильвы, собственных манекенов убийцы.

Внезапно Зои представила себе намного более правдоподобную картину одежного шопинга убийцы. Вот он подходит к манекену, уже напоминающему женщину его мечты — женщину, которая никогда не спорит, никуда не уйдет, которой можно придать любую позу, — и говорит ближайшему продавцу, что хочет одежду как на манекене, а размер должен подойти девушке, с которой он пришел.

В большинстве магазинов стояли простые, непримечательные куклы, едва напоминающие человеческую фигуру. Но здесь манекены были с волосами, правильного цвета, с большими прекрасными глазами. Идеальными для этого убийцы. Они с легкостью подпитывали его фантазии. Держал ли он такой манекен дома? Чтобы практиковаться? Скорее всего, да — по крайней мере, раньше.

— Зои. — Тейтум коснулся ее руки. — Пойдем. Может, нам повезет в следующем…

— Погоди, — сказала Зои.

Она подошла к менеджеру, суровой на вид женщине, которая раздраженно смотрела на них.

— Простите, — начала Зои. — Мы ищем…

— Ваш напарник сказал мне. Гробовщика-Душителя, верно? Послушайте, я не припомню, чтобы тут бродили какие-нибудь чудики, а если вам нужны записи с камер…

— О’кей, — сказала Зои. — Я поняла. Но у меня есть другой вопрос. Мужчине, которого мы разыскиваем, скорее всего, около тридцати…

— Таких у нас полно.

— И он, вероятно, зациклен на ваших манекенах. Он всегда покупает то, что надето на них, и…

— А, этот парень…

Моргнув, Зои почувствовала, как рядом подобрался Тейтум.

— Конечно, он периодически заходит к нам. Пугает девочек. Стоит перед манекенами по десять, а то и двадцать минут и просто смотрит на них. Пару раз трогал их, но я пригрозила позвать охрану, и он перестал.
— А с женщинами он сюда приходит? — спросила Зои.
— Ну да. Не так давно приходил с девушкой. Купил ей какие-то вещи.
— Которые были надеты на манекене, да?
Менеджер пожала плечами.
— Не знаю. Возможно.
— Когда он заходил в последний раз? — спросил Тейтум.
— Вчера.
— С ним была женщина? — нетерпеливо уточнила Зои.
— Нет. Он пришел один. По-моему, около трех часов дня. Просто смотрел на манекены, как обычно.
— Но он ничего не купил?
— Кажется, нет.
— Мэм, нам нужно посмотреть записи с камер, — сказал Тейтум.
— Я уже говорила вам…
— Этот человек — серийный убийца, — вмешалась Зои. — И вы сказали, он подолгу здесь бывает. В следующий раз он может выбрать одну из ваших девочек.
В глазах менеджера блеснул страх. Ага. Зои знала это чувство.
— Как только выберет девушку, он ее уже не отпустит, — продолжила она, понизив голос. — Он будет преследовать ее и схватит, когда застанет одну. Он душит свои жертвы петлей. А когда женщина умирает, делает с телом… всякое. Он держит их как…
— О’кей, — хрипло произнесла менеджер; на ее глаза набежали слезы, она дрожала. — Это поможет вам его поймать?
— Да, и это будет неоценимая помощь, — ответил Тейтум.
— И вы нам сообщите? Когда его возьмете?
Страх пустил корни. Зои знала, что теперь эта женщина не уснет. Вечером она будет уходить с работы только в компании. Возможно, вообще сменит работу, станет искать совсем другую. Зои прислушалась к своей совести — и не нашла причин чувствовать вину. Эта женщина ее вынудила.
— Мы вам сообщим, — сказала она.
— А… а если он придет в магазин?
— Тогда вы позвоните в полицию и попытаетесь задержать его, пока они не приедут, — ответила Зои. — Скажете диспетчеру позвонить лейтенанту Сэмюелю Мартинесу и сообщить, что Гробовщик-Душитель в вашем магазине.
— О… О’кей.
— Видеозаписи? — мягко напомнил Тейтум.
— Верно. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Глава 67

Тейтум сидел перед панелью наблюдения. Охранник магазина отошел, уступив ему свое кресло. Оно было удобным, и в другой день Грей непременно проверил бы, сколько сможет сделать оборотов, если оттолкнется как следует. Но сейчас у него часто стучало сердце, а в мыслях царил азарт охоты.
На панели располагалось несколько экранов. Пять камер следили за внутренними помещениями магазина; одна была установлена снаружи, показывая поток входящих и выходящих из магазина людей. Охранник показал Тейтуму, как выводить на экраны записи и переключаться между камерами. Система была излишне сложной, но агент постепенно освоился.
Менеджер магазина стояла рядом, тяжело дыша. Зои напугала эту женщину до полусмерти. Ее тактика определенно сработала, но Тейтум был уверен, что смог бы и так убедить

менеджера. Теперь эта женщина будет месяцами оглядываться. Грей пообещал себе, что сообщит ей, как только они отправят Сентиментального Серийного Убийцу за решетку.
Он включил ускоренное воспроизведение. Метка времени гласила: 28.07, 14:47:32. Тейтум прокрутил час, временами поглядывая на менеджера.
— Видите его? — спросил он.
Она покачала головой.
— Попробуйте эту камеру. — Указала на один из работающих экранов. — Она ближе к тем манекенам, которые ему нравятся.
Грей переключился на нужную запись, выставил время 28.07, 14:30:00, и снова запустил ускоренное воспроизведение.
Когда на метке времени появилось 15:07:06, менеджер отрывисто произнесла:
— Вон он.
Тейтум поставил запись на паузу. Женщина указывала на человека, стоящего с краю картинки. Его лицо было практически неразличимо.
— Вы уверены, что это он?
— Да. Видите, как он стоит перед манекенами? Прокрутите вперед — увидите, что он не двигается.
Тейтум прокрутил — и понял, что менеджер права. Мужчина не шевелился шесть с лишним минут. Потом он отошел и исчез с экрана.
— Ты его видела? — сказал Тейтум Зои.
— Да, — приглушенно ответила она и положила ему руку на плечо.
Они вместе переживали это волнующее мгновение — только что увидеть невидимого убийцу, за которым охотились две недели.
— Мы сможем посмотреть, куда он идет? — спросил Тейтум у охранника.
— Похоже, он просто пошел к выходу, — ответил тот. — Между этой точкой и входом камер нет.
— Он пришел с той же стороны, — сказал Грей, отмотав запись назад и наблюдая, как мужчина подошел и встал перед манекенами.
Зои откашлялась.
— Он вошел в магазин, пошел прямо к манекенам, несколько минут смотрел на них и вышел.
— О’кей, — произнес Тейтум. — Давай проверим камеру на входе.
Мужчина появился, когда метка времени показывала 15:06:42. Агент переключился на запись со входа и выставил 15:04:00. Потом включил воспроизведение с нормальной скоростью.
— Вот он, — сказала Зои, когда мужчина появился.
Он смотрел себе под ноги, лицо было не разглядеть. Тейтум немного открутил запись.
— Смотри, — возбужденно заявил он. — Может, мы увидим его машину.
Камера захватывала парковку. На ней стояло с десяток машин. Мужчина открыл дверь одной из них и вылез. Тейтум открутил еще немножко, и они увидели, как эта машина заезжает на стоянку.
— Номер очень трудно разглядеть, — заметила Зои.
— Я знаю одного парня, который легко вытащит из этой записи номер, — ухмыляясь, сказал Тейтум. — Мы достали мерзавца.
Он перемотал вперед. Мужчина скрылся в магазине. Через семь минут он вышел, но вместо того, чтобы подойти к машине, повернул направо и исчез из виду.
— Может, он решил прикупить молока, — пробормотал Тейтум, прокручивая запись.
В 15:32:11 машина уехала. Грей поставил на паузу, потом отмотал назад. Они увидели, как мужчина возвращается с пакетом в руке.
— Ага, ходил за продуктами, — сказал Тейтум. — Наверное, еда закончилась.
— Это пакет не из супермаркета, — заметила менеджер. — Он из соседнего магазина игрушек.
— Игрушек? — Тейтум нахмурился. — Так… у этого парня есть ребенок?
— Надеюсь, — напряженным голосом отозвалась Зои.
— Надеешься? Почему?

— Боюсь, он мог решить, что женщины в его жизни недостаточно. Он мог решить, что ему нужны дети.

Глава 68

Он нажал на кнопку звонка. Через минуту дверь приоткрылась на пару дюймов; в щель виднелась гостиная. По полу были разбросаны игрушки. Он поджал губы. Дети нуждаются в дисциплине. Когда он станет их отцом, игрушек на полу больше не будет; это совершенно точно.
— Да? — В щель выглянула женщина. — О, здравствуйте.
— Привет, мисс. — Он улыбнулся ей. — Я слышал, вам тут опять требуется помощь.
— Правда? Я не звонила. У нас всё в порядке.
— Странно. — Он нахмурился, посмотрел на планшет в руке. — Тут ваша фамилия и адрес.
— Наверное, какая-то ошиб…
— Мамочка, — раздался сзади звонкий голосок.
— Минутку, солнышко, — сказала она, оглянувшись, потом улыбнулась ему. — Это наверняка ошибка.
— А, ну ладно. Только… вы не против написать вот тут в форме, что вы не вызывали, и расписаться? Мой босс бывает таким упертым, просто страшное дело.
— Конечно, — сказала женщина. — Погодите.
Она прикрыла дверь, и он услышал, как она снимает цепочку. Потом дверь широко открылась.
И он ринулся в дом.

Глава 69

Зои захлопнула правую дверь, пытаясь сосредоточиться. Мысленно она все еще просматривала видеозапись из магазина. Что-то в позе этого мужчины или в еле видном краешке лица казалось знакомым, хотя это было трудно уловить. Запись плохого качества, лицо мужчины все время скрыто. И все же что-то донимало ее, как слово, вертевшееся на языке…
Тряхнув головой, она посмотрела на убогий домик. Маленькое строение, стены из белой дранки; краска облупилась, открывая серые доски. Оба передних окна помутнели от грязи. На газоне перед домом, усеянном сухими листьям, проплешины коричневой земли. Ограды не было; ничто не отмечало, где заканчивается улица, а где начинается передний двор. Дома вокруг выглядели немногим лучше.
Приятель Тейтума, кто-то из офиса в Эл-Эй, ухитрился вытянуть номер машины из видеозаписи, которую они ему послали. Машину, судя по базе Департамента транспортных средств, зарегистрировали на имя Берты Олстон, и это был ее дом. Перед домом виднелся маленький гараж, размер соответствовал машине. Дверь гаража была закрыта, и они не могли разглядеть, есть ли что-то внутри.
— Подожди здесь, — сказал Тейтум.
— Э… нет.
— Там может быть опасно.
— Не зря же я разгуливаю с агентом ФБР. Мне опасаться нечего.
Грей закатил глаза.
— Ты очень вредная женщина.
Он двинулся к дому. Зои держалась в двух шагах за его спиной. Агент просигналил ей прижаться к стене, и она послушно встала рядом с дверью; сердце ее бешено колотилось. Тейтум прижался к стене с другой стороны и постучал.
Они ждали. Через несколько секунд он постучал еще раз. Изнутри не доносилось ни звука.
— Это ФБР! Откройте! — крикнул Тейтум.

Кроме стука собственного сердца, Зои слышала лишь далекий самолет и гул проезжающих машин.
Она осторожно заглянула в окно. Шторы были опущены, полностью закрывая внутренности дома. Хотя она в любом случае сомневалась, что сможет что-то разглядеть сквозь грязь и пыль.
Тейтум еще раз стукнул в дверь, на этот раз кулаком.
— Ее тут нет! — выкрикнул с соседнего крыльца хриплый, увядший голос.
Зои обернулась. На них заинтересованно таращилась женщина — иссохший грецкий орех в очках чудовищных размеров. Она подняла морщинистую руку, тонкую, как ветка, и поправила очки.
— Кого нет? — спросил Тейтум.
— Ну… кого вы ищете.
— Мы ищем Берту.
— Берта мертва. Умерла пару месяцев назад.
— Тогда мы ищем того, кто живет в этом доме, — сказала Зои. — Это ее сын?
— Ну, здесь больше никто не живет. Я думаю, ее сыновья пытаются продать дом.
— А вы знаете, где они живут, мэм?
— Ну, смотря кто спрашивает. Вы кто?
Тейтум показал свой жетон:
— ФБР, мэм.
Похоже, ее это ничуть не впечатлило.
— Ну, и что же вам нужно от сыновей Берты?
— Мы просто хотим поговорить с ними, мэм.
Она задумчиво кивнула, но промолчала.
— Вы можете сказать нам, как их найти?
— Ну, по правде я не знаю.
Тейтум вздохнул.
— У них неприятности? — спросила карга, снова поправляя свой бинокль.
— Мы просто хотим с ними поговорить, — повторил Грей.
— Ну, я всегда знала, что у них будут неприятности. Если растешь, как дети Берты, ничем хорошим это не обернется.
Карга закудахтала, будто выдала лучшую шутку в своей жизни. Возможно, так оно и было. Манера речи этой женщины, начинающей каждое предложение со слова "ну", действовала Зои на нервы.
— Что вы имеете в виду? Она их обижала?
— Ну, не знаю, что вы называете "обижать", но лупила она сыновей знатно. А дочь — еще сильнее, я думаю. И орала на них и швырялась в них всякими штуками… и это когда была трезвой. А когда выпивала, становилась совсем гнусной.
— Мэм, — встрял Тейтум, — нам очень нужно…
— Что значит "гнусной"? — спросила Зои.
Она чувствовала, что эта сморщенная, скрюченная старуха знает все ответы. И будет только рада ими поделиться.
— Ну, она совсем съезжала с катушек, когда напивалась. Говорила, что слышит, как с ней разговаривает дьявол, а иногда — бывший муж. Один раз распылила на одного из мальчишек лак для волос, потом пыталась поджечь его спичкой. Прямо на улице. Я вызвала полицию.
Она странно произносила слово "полиция", сделав после первого слога паузу на целую секунду, а потом почти выкрикнув "лиция". Зои начинала подозревать, что Берта — не единственная сумасшедшая, жившая в этом районе.
— И, ну, конечно, была еще эта штука с ее дочерью. Но вы наверняка знаете.
Голос был радостным, будто она прекрасно знала, что они впервые об этом слышат, и умирала от желания поделиться, но сначала от них требовалось спросить.
— А что с ее дочерью? — спросила Зои.
— Ну, я думала, об этом все знают. Ее дочка умерла в тринадцать лет. Оказалось, у нее был рак легких — наверное потому, что Берта все время курила в доме. Но самое чокнутое, это что Берта никому не сказала, когда дочь умерла. Просто оставила ее лежать на неделю. Она

говорила, девочка отдыхает. Уже потом мы все узнали, что Берта заставила мальчишек сидеть в доме с мертвой сестрой. Она их там заперла, сказала им, что сестра наконец-то ведет себя как славная девочка. И пусть они молятся, чтобы сестра поправилась. Они сидели там с этим гниющим телом неделю с лишним. Причем проклятым летом.
Зои взглянула на Тейтума, тот в ужасе смотрел на нее. "Вот оно".
— Ну и жуткая же вонь оттуда шла… Мне пришлось позвонить в по… лицию. Они вломились в дом, увидели дочку всю в червях, мальчишки еле живы, заблевали весь дом, а Берта пьяная и без сознания. Ага… — Карга замолчала. — Хотя все об этом знают, — наконец закончила она.
— А что случилось с сыновьями? — спросила Зои.
— Ну, они еще где-то болтаются.
— Как их зовут?
— Ну… — Соседка несколько секунд пялилась в пустоту. — Да чтоб меня. Не могу вспомнить. Один из них поменял фамилию — так он ненавидел свою мать. А второй оставил. Секундочку, я вспомню… — Она облизала десны и причмокнула. — Не-а. Пусто.
— Вы знаете, где мы сможем их найти?
— Ну, у одного собственный бизнес. Какой-то домашний мастер. Электрик, кажется… Ага, точно электрик.
Мозг Зои заискрился, в нем метался шквал идей. Сердце припустило вскачь. Лили пыталась произнести не "советник" и не "паркетник".
— Я думаю, он сантехник, — сказала она.
— Ну, похоже, вы правы, — громко согласилась старуха. — Сантехник, не электрик. И зовут его…
— Клиффорд Соренсон.
— Да. Но когда он был мальчишкой, его мать все время звала его Клифф.

Глава 70

Руки Тейтума лежали на руле, зло стискивали его в потоке машин, ползущих с черепашьей скоростью.
— Все сходится, — сказал он Зои резким и напряженным голосом. — Соренсон верит, что безупречная женщина — мертвая женщина. Он выучил это от своей матери-психопатки. Только мертвой сестра не злила его мамочку. И та продержала их там неделю, заставляла держать тело за руку, причесывать его и бог знает что еще… Я хочу сказать, разумеется, он сошел с ума.
— И он убивает свою невесту, — отозвалась Зои.
— Верно. Тело разлагается — ему нужно от него избавиться, иначе соседи начнут жаловаться. Он выбрасывает тело, но становится одержим идеей обзавестись мертвой супругой.
— Он мог знать Сьюзен Уорнер, поскольку чинил у нее канализацию, — продолжила Зои; она смотрела вперед, прикусив губу. — Помнишь, что сказала ее подруга? В квартире все время забивалась канализация. Сьюзен должна была не раз вызывать сантехника. Достаточно времени осмотреться, увидеть, что она живет одна…
— Ты встречалась с этим человеком. Он похож на парня с видеозаписи?
— Возможно. Лицо на видео практически не видно. Но он показался мне знакомым. Может, язык тела или поза…
— И отлично подходит к твоему профилю. Тридцать с небольшим, работает руками… у него есть фургон, помимо маминой машины?
— Ага. Когда я заезжала, там было два фургона. Его работник грузил в один раковину. На них написано "Сантехника Соренсона", вот откуда Лили знала, что он сантехник. — Зои говорила все тише, потом умолкла.
— В чем дело? — спросил Тейтум.

— Он не так уж соответствует профилю. Я видела, как Соренсон пытался поднять стальную раковину, и у него разболелась спина. Как он смог с больной спиной утащить тела так далеко? Моник Сильва находилась практически в середине парка.
— Может, там он и повредил спину. С нагрузки.
— Да, но… У Клиффорда Соренсона с женщинами все нормально. Он был обручен. Они пытались создать семью… Это не похоже на человека, не способного на отношения. Это не одинокий человек… Нет, он вообще не подходит.
— Ладно, послушай, — сказал Тейтум, пытаясь придумать способ не согласиться, но при этом не сказать, что она ошиблась. — Может, ты… ну… — "А, к черту…" Ошиблась? Ты же не знала об этой дикой истории с его матерью. Может, у него был сдвиг на мертвых женщинах, а когда он провел какое-то время с невестой, то решил…
— Другой брат, — оборвала его Зои; она явно не слышала ни слова.
— Что?.. Ну да, есть еще один, но Клиффорд Соренсон — сантехник, и ты говорила…
— А что, если другой брат — тоже сантехник? У Клиффорда есть работник по имени Джеффри, который, похоже, очень с ним близок. И он зовет его Клифф. Эта женщина сказала, что мать звала его Клифф, так что брат тоже может его так звать. И Джеффри силен. Он легко поднял ту стальную раковину. Он вполне способен перенести тело, если ему понадобится.
— И если ты права, именно этот парень чинил канализацию в квартире Сьюзен Уорнер.
— Да. И Джеффри убил невесту Клиффорда. Это объясняет, почему у того такое крепкое алиби. Просто он и в самом деле невиновен. В этом есть и другой смысл. Его брат дожидался дня, когда Клиффорда точно не будет дома. Дня, когда тот поехал рыбачить с друзьями.
— Блин. Нужно позвонить Мартинесу, — сказал Тейтум.
— У нас по-прежнему ничего нет, — быстро возразила Зои. — Это всё косвенные обстоятельства. Возможно, их даже не хватит для ордера. И мы вообще не должны здесь быть.
Она была права. Они строили хитроумный замок на тонких пушистых облаках.
— Тогда что ты предлагаешь?
— Давай осмотримся на месте. Может, заметим кровь в одном из фургонов. Или заглянем в окно и увидим контейнер с формальдегидом. Не знаю… что угодно, любой лоскут настоящих улик. Показать Мартинесу.
Тейтум скорчил рожу. Ну вот, опять… Мчится вперед без поддержки, без ведома начальства… На этот раз его точно вышибут из Бюро.

Глава 71

С женщиной и ее двумя детьми все было улажено, на время, — все трое связаны, с заткнутыми ртами. Он был удивлен, насколько легко оказалось управлять матерью. Всего-то пригрозить перерезать горло девочке, и мать тут же дала себя связать. После этого разобраться с перепуганными детьми было минутным делом.
Он уставился на них, пытаясь определиться. Девочка была очень милой; он хорошо представлял себя в роли ее папы, играющего с ней и ее куклами, одевающего ее в розовые платья с оборками. Улыбнулся мыслям об их совместной жизни. Он — отец, кто бы мог подумать?.. Он будет хорошим отцом; он никогда не последует примеру своей матери. Он каждый день будет проводить время со своим ребенком, никогда не станет кричать на нее или бить. Но мальчишка… Карапуз. Из носа текут сопли, глаза красные и мутные от плача. Если уж быть совсем честным, он не хотел двоих детей. Он хотел только одного. Бальзамировать обоих — лишняя морока, а потом ему придется везти их домой, не говоря уже о бесконечных хлопотах передвигать их с одного места на другое, когда они начнут жить вместе…
Нет, мальчишка ему не нужен.
Он вздернул ребенка на ноги. Куда он положил нож? Огляделся. Ага, вот, на кухонном столе. Он поволок мальчишку к столу; мелкий дохляк истерически визжал сквозь тряпку во

рту. Он схватил нож и приставил его к шее ребенка. Мать тоже издавала задушенные крики; глаза вытаращены, голова трясется…
— Этот мне не нужен, — просто сказал он, крепче прижав лезвие.
Потом остановился и убрал нож.
Он никогда еще не бальзамировал детей. Он может напортачить. Скорее всего, у них вены тоньше, и он может испортить девочку. Лучше иметь запасной вариант. Уж конечно, он сможет научиться любить мальчишку. Если придется.
Он изучил горло ребенка. Чуть поцарапано, не более. Хорошо. Он отволок мальчишку назад, бросил его рядом с сестрой.
Пора готовить стол для бальзамирования.
Почти как в тот раз, со Сьюзен. Лучшее место — ванная: обеспечивает и проточную воду, и сток. Ему не хотелось заливать кровью пол, ходить будет негде. В фургоне имелся складной стол, который подойдет в самый раз. Конечно, это не стол в мастерской, но нельзя же иметь все сразу.
Потребовалось немало труда — занести стол, контейнеры с бальзамирующей жидкостью, машину для бальзамирования… Потом он схватил пакет с игрушками, купленными вчера. Чистая сентиментальность, это правда, но, когда его дети будут готовы, ему хотелось дать им новые игрушки. Последний раз, когда он был здесь, он заметил, что почти все игрушки потертые и сломанные.
Он будет хорошим отцом.

Глава 72

Когда они подъехали к "Сантехнике Соренсона", перед маленьким складом стоял только один фургон. Один из сантехников отсутствовал. Зои вылезла из машины, захлопнула дверцу и широким шагом двинулась к оставшемуся фургону. Она слышала, как Тейтум бежит следом, почувствовала, как он схватил ее за руку.
— Что? — резко спросила Зои.
Он обеспокоенно смотрел на нее.
— У нас нет ни ордера, ни разрешения находиться здесь. Просто… сохраняем спокойствие.
— Хорошо, — буркнула она, чувствуя что угодно, кроме спокойствия.
Они подошли к фургончику вместе, размеренным шагом. У машины Тейтум скользнул к двери, попробовал ручку. Дверь не шелохнулась. Заперта. Зои обошла фургон, заглянула в окно, стараясь разглядеть грузовой отсек. Заднее стекло тонировано, ничего внутри не просматривается. Тейтум подошел к ней и уставился на дверь.
— Ни крови, ни формальдегида, даже карточки клуба серийных убийц нет.
Зои мрачно кивнула.
— Давай зайдем внутрь.
— И что мы там будем делать?
— Ну… я уже была там. Я всегда могу сказать, что у меня возникли новые вопросы.
Тейтум печально посмотрел на нее, и Зои пожала плечами. А что они еще могут сделать? Позвонить прямо сейчас Мартинесу? Это не даст ничего, кроме билета в один конец из Чикаго.
Она зашла в здание, быстро осмотрелась. Клиффорд Соренсон сидел за своим столом, читая газету. Когда к ней присоединился Тейтум, Клиффорд отложил газету и посмотрел на них.
— Здравствуйте, — сказал он. — Вы из ФБР, верно?
Зои сглотнула.
— Верно, — ответила она. — Это агент Грей, мой напарник.
Клиффорд кивнул Тейтуму.
— И чем я могу вам помочь? — прохладно спросил он.
— Просто несколько уточняющих вопросов, — сказала Зои. — У вас есть минутка?
— Конечно, — ответил Соренсон, сложив руки.
Он не предложил им присесть или кофе. Их здесь не желали.

— Я предпочла бы, чтобы наш разговор не могли подслушать, — осторожно начала Зои. — Вы один или ваш брат тоже где-то здесь?
— Здесь только вы, я и ваш напарник, — ответил Клиффорд. — Брат уехал к клиенту.
Зои кивнула, чувствуя намек на удовлетворение. Они действительно братья.
— О’кей. Я хочу проверить последовательность событий перед исчезновением вашей невесты. Вы поехали на рыбалку с друзьями, так?
— Да, всё так.
— Только с друзьями? Больше никого?
— Да, только с друзьями.
— Я спрашиваю потому, что иногда люди помнят события по-своему, особенно если прошло много времени. Ваш брат не ездил с вами на рыбалку?
— Иногда ездил. Но не в тот раз. И я отлично помню тот день. Это был худший день моей жизни.
"Правда? Даже хуже, чем сидеть взаперти дома рядом с мертвой сестрой?"
— Вы помните, почему в тот раз ваш брат не поехал с вами?
Клиффорд прищурился.
— Агент, у меня складывается впечатление, что речь идет не об уточняющих вопросах. Вы опять пытаетесь повесить на меня убийство? Я думаю, мне следует позвонить адвокату.
— Сьюзен Уорнер была вашей клиенткой? — в отчаянии спросила Зои.
— А вот теперь я точно звоню адвокату.
— Сэр, мы не пытаемся обвинить вас в убийстве вашей невесты, — негромко произнес Тейтум. — Но у нас есть очень вероятный подозреваемый. И нам очень поможет, если вы ответите на наши вопросы.
— Правда? — возразил Клиффорд. — Пока это больше похоже на вопросы обо мне.
Зои смотрела, как ожесточается лицо мужчины, и внутри у нее все кипело. Откуда она знает, что убийца — его брат, а не он сам? Если она ошиблась и расскажет ему все, что знает, он выдаст им местонахождение брата, а как только они уйдут, исчезнет. Самое разумное сейчас — поговорить с Мартинесом. Попробовать убедить его, что они наткнулись на серьезное дело. Получить ордер на обыск, возможно, людей, чтобы следить за обоими братьями.
Была лишь одна проблема. Зои не могла отделаться от ощущения, что в эти минуты Джеффри ищет жертву. Возможно, даже нашел ее. Счет идет на часы, а потом умрет еще одна женщина. Или на минуты…
Но у нее было только ощущение. Больше ничего. Несмотря на то что она знала, убийцей мог оказаться Клиффорд. Или оба брата. Или же оба могли быть невиновны. Поставит ли она расследование под угрозу, если выложит сейчас все карты?
Зои встревоженно взглянула на Тейтума. Агент спокойно посмотрел на нее и чуть заметно кивнул. Он ей доверял.
Она обернулась к Клиффорду Соренсону.
— Сэр, у нас есть основания полагать, что убийцей вашей невесты является ваш брат.
Клиффорд вытаращился на нее. Потом схватил трубку настольного телефона и начал набирать номер.
— Я звоню своему адвокату, — сказал он. — А потом позвоню брату и предупрежу, чтобы он тоже поговорил с моим адвокатом. Вы, мерзавцы…
— Подумайте еще раз, — торопливо произнесла Зои. — Джеффри обычно пропускал ваши рыбалки? Вы говорили, что две недели назад несколько раз ездили с ним. Но в тот вечер он с вами не поехал, верно? И где он был в ту неделю, когда пропала ваша невеста, до того как нашли ее тело? — Она видела, что он прекратил набирать номер; его рука дрожала. — Вы вообще его тогда видели? Спорю, что он не появлялся. И где, по-вашему, он был? Что было для него важнее, чем поддержка брата и помощь в поисках?
Соренсон казался больным, и Зои понимала: он прокручивает в голове вероятность того, что его брат провел неделю с телом его невесты.
— Помните, что вы сказали? Вероника говорила вам, что некоторые яблоки от яблони недалеко падают. Она не имела в виду вашего отца и вас. Она говорила о вашем брате и матери. Мы знаем о вашем прошлом, мистер Соренсон. Нам известно о болезни вашей матери. Что, если Джеффри начал говорить Веронике всякие странные вещи? Что, если ее

пугало его иррациональное поведение? Это объясняет, почему она нервничала, почему не хотела оставаться одна. У Джеффри был ключ от вашего дома? Как он перенес то, что случилось с вашей сестрой? С ним все было нормально? Или он влип в неприятности? Он когда-нибудь с кем-то встречался? У него была хоть одна подружка? Мистер Соренсон, вы действительно уверены, что это не может быть ваш брат?

Она выпустила очередь из догадок и предположений и сейчас видела по его лицу, что какие-то из них, или даже большинство, попали в цель. Клиффорд медленно опустил телефонную трубку. Зои знала, что потрясение сгладится; пройдет пара минут, и он начнет рационализировать, находить ответы на ее вопросы. Ей нужно продолжать бить, пока железо еще горячо.

— Несколько месяцев назад умерла женщина по имени Сьюзен Уорнер, — сказала она. — Возможно, вы читали об этом в газетах. У нас есть основания считать, что ее смерть связана со смертью Вероники. И мы подозреваем, что она была вашей клиенткой, что ваш брат несколько раз бывал у нее дома. Вы можете это проверить? Возможно, мы полностью ошибаемся. Возможно, все это — просто огромное недоразумение.

Клиффорд развернулся к своему ноутбуку и начал печатать механическими движениями, с потерянным выражением лица. Потом он отодвинулся от монитора и сказал убитым, глухим голосом:

— Сьюзен Уорнер была нашей клиенткой. Джеффри трижды был у нее дома.

Мысли Зои закрутились в вихре. Ей хотелось задать этому человеку десятки вопросов разом. Но один вопрос был самым главным.

— Где сейчас ваш брат? — спросила она.

— Я… я не знаю. Он мне не говорил.

— Вы сказали, он поехал к клиенту.

— Я так решил. Он мне не говорил.

— Нам нужен список всех клиентов, с которыми работал ваш брат за последние три месяца.

— Там будут сотни фамилий.

— Давайте проверим, о’кей?

Бойцовский дух Клиффорда был сломлен. Он показал им, как открыть на ноутбуке таблицу в "Экселе". Тейтум сел за компьютер и начал работать со списком. Зои собиралась возразить, но потом увидела, насколько искуснее, чем она, он манипулирует данными. Для дюжего полевого агента ФБР у него были впечатляющие навыки владения компьютером.

В списке оказались девяносто три фамилии.

— Он нападет на жертву дома, — сказала Зои. — Значит, скорее всего, выберет одинокую женщину.

Тейтум удалил мужчин, в списке осталась сорок одна фамилия.

— Ты думаешь, он выберет женщину с детьми? — спросил Тейтум.

— Вероятно, — ответила Зои. — Но по этому списку нельзя определить, есть ли у клиентки дети.

— Лора Саммер, — произнес Клиффорд. — Она хотела скидку, потому что она мать-одиночка.

Бентли заглянула в список.

— Он был у нее два раза, — сказала она. — Я думаю, это она.

— Нам нужно убедиться в этом, — заметил Тейтум.

Зои набрала номер, записанный в файле, и, пока слушала гудки, сказала:

— Отправь этот список Мартинесу. Мы позвоним ему по дороге и всё объясним.

Тейтум кивнул. Занимаясь делом, он спросил у Клиффорда:

— У Джеффри есть с собой телефон?

— Э… ну да. Конечно.

— Нам нужен его номер.

Соренсон, кивнув, схватил листок бумаги.

Зои ждала, нетерпеливо постукивая ногой. Лора не брала трубку.

— Не отвечает, — сказала она.

Тейтум нажал "отправить" и встал, прихватив со стола листок с номером Джеффри.

— Поехали.

Глава 73

Синий фургон, который Зои раньше видела у "Сантехники Соренсона", стоял напротив дома Лоры Саммер, и это мгновенно развеяло ее последние надежды, что Джеффри Олстон сейчас действительно чинит чью-нибудь канализацию. Тейтум заглушил двигатель и проверил свой пистолет.
По пути Зои позвонила Мартинесу и объяснила в самых общих словах, что они узнали. Лейтенант разозлился, но он был профессионалом и понимал, что главная задача сейчас — взять серийного убийцу. С отщепенцами из ФБР можно будет разобраться позднее. Патрульные машины уже ехали сюда.
— Я займусь задней дверью на случай, если он попытается сбежать, когда они приедут, — сказал Тейтум. — Ты жди в машине, следи за передней дверью. Дай мне знать, если он выйдет. И встречай кавалерию, когда она прибудет.
Зои кивнула. Разумеется, здесь она бесполезна. Она не проходила тренировок. Она останется в машине.
Тейтум достал из кобуры на лодыжке небольшой пистолет и протянул его Зои.
— Это "Глок-сорок три". В нем семь патронов. Стреляй, только если не будет другого выхода.
Тупо кивнув, она взяла у него этот металлический предмет. Он был холодным и удивительно легким. Ужаснувшись, Зои направила его в сторону от них обоих.
Тейтум открыл дверцу и вылез.
— Не геройствуй, — сказала Бентли.
Он улыбнулся — скорее гримаса, чем настоящая улыбка, — и закрыл дверь.
Зои следила, как он крадется вдоль стены дома. Грей двигался ловко, настороженно и быстро. Все перемещение рассчитано, чтобы не оказаться в зоне прямой видимости из окон. Зои осознала, насколько заворожил ее навык напарника, когда тот, присев, пробирался к задней двери с пистолетом в руке. За все дни, проведенные рядом с Тейтумом, с его дурацкими шутками и ёрничаньем, она забыла, насколько он подготовлен именно к таким, опасным ситуациям.
Агент исчез за углом, и она осталась одна. Почти сразу во рту появился вкус желчи, горло перехватило. Зои тяжело дышала, уставившись на дом. Что там происходит? Неужели Лора и ее дети уже мертвы? И Джеффри прямо сейчас закачивает в женщину бальзамирующую жидкость?
Рука с пистолетом дрожала. Опасаясь, что может случайно выстрелить, Зои положила пистолет на соседнее сиденье, еще теплое после Тейтума. Он ушел всего полминуты назад. Казалось, что уже прошли часы. Недели.
Бентли взглянула на дорогу. Сколько еще ждать копов?
Она подумала о Лили Рамос, которая кричала сквозь тряпку, молилась, чтобы копы успели приехать раньше, чем она умрет…
Зои, сжав кулаки, ждала.

Глава 74

Чем только не был усеян задний двор Лоры Саммер — детские игрушки, ржавый трехколесный велосипед, сухие листья с соседского дерева… Двигаться в этой каше бесшумно было нелегкой задачей. Где-то посредине двора Тейтум наступил на ветку, скрытую листьями, и резкий хруст прозвучал в его ушах громче выстрела. Он замер, глядя на заднюю дверь, выжидая.
Дверь не шелохнулась.
Грей направлялся к стене у двери, но большое окно, выходящее на двор, не позволяло просто скользнуть туда. Ему пришлось скорчиться у земли и медленно двигаться, надеясь,

что его не видно. Агент прекрасно понимал, что, если кто-нибудь подойдет к окну и выглянет, он окажется как на ладони.
Возможно, самым здравым было бы занять позицию в глубине двора, держать дверь под прицелом и ждать подкреплений. Но Тейтум думал только о Лоре Саммер и двух ее детях. Он молился, чтобы они были еще живы.
До двери оставалось еще три шага, но Грей уже миновал окно — значит, теперь можно выпрямиться. Он так и поступил — и осторожно заглянул в окно. И увидел детей.
Они были живы.
Связаны в углу комнаты, с заткнутыми ртами, лица мокрые от слез, но определенно живы, и Тейтум с облегчением выдохнул. Теперь ему нужно только…
Его внимание привлек сдавленный крик. В доме что-то загремело, и он увидел, что дети зарыдали еще сильнее, глядя куда-то вне поля его зрения. На мать, разумеется. И, судя по звукам, она борется за свою жизнь.
Управление перехватили рефлексы, и Тейтум метнулся к двери. Отступил на шаг, пинком распахнул ее и плавным движением взял на прицел двух борющихся человек.
Мужчина, которого Тейтум определил как Джеффри Олстона, держал женщину с заткнутым ртом. Ее руки были выкручены за спину. Женщина стояла лицом к Грею, Джеффри — за ней, его тело практически скрыто. Он вытаращился на Тейтума и инстинктивно опустил голову, прячась за своим живым щитом.
Лицо Лоры побагровело, глаза выпучились, вокруг шеи — нейлоновая веревка. Она была довольно худой женщиной, и Джеффри не мог полностью спрятаться за ней. Видно достаточно, чтобы стрелять.
Но Лора дергалась, вырывалась, нехватка воздуха заставляла ее отчаянно бороться и мешала прицелиться. Если Тейтум промахнется, он попадет в Лору.
Оба мужчины застыли на месте, но Джеффри среагировал первым — резко дернулся вбок, схватил со стола нож и прижал его к горлу женщины.
— Брось пистолет! — заорал он.
Глаза Лоры смотрели в потолок, она дергалась в конвульсиях. Еще несколько секунд, и женщина умрет.
Тейтум в отчаянии прицелился в торчащее тело Джеффри.
— Убери от нее эту штуку — или я выстрелю.
— Брось пистолет — или я ее убью.
— Если она задохнется, подонок, я тебя пристрелю. Убери эту штуку.
Видимо, осознав, что теряет свое преимущество, Джеффри повернул что-то за шеей женщины, и петля ослабла. Лора захрипела, пытаясь вдохнуть воздух сквозь кляп. Ее ноздри раздувались и сужались, когда она втягивала носом воздух.
— Брось эту чертову пушку — или я перережу ей глотку.
Нож ткнулся в горло Лоры ниже веревки, с лезвия закапала кровь. Тейтум колебался, понимая, что в этой ситуации правильного ответа не существует. Но полиция уже едет. Он может попытаться купить им немного времени.
Грей опустил пистолет — сердце колотилось, как бешеное, — стараясь охватить взглядом обстановку. Дети связаны в углу, смотрят круглыми глазами. Неразборчиво визжат, рты заткнуты, как у матери. На полу валяется журнальный столик — должно быть, Лора уронила его, когда ее душил Джеффри; этот грохот Тейтум и услышал снаружи.
— Положи пистолет на пол.
Тейтум очень медленно присел и опустил "Глок" на пол; его взгляд не отрывался от Джеффри и ножа у горла Лоры.
— Толкни его подальше.
Агент колебался, оценивая ситуацию. Если Джеффри получит пистолет, ничто не помешает ему пристрелить Тейтума, а потом прикончить Лору и ее детей.
— Давай, быстро!
Тейтум легонько толкнул пистолет. Тот завертелся по полу и замер примерно посередине между мужчинами. Джеффри взбешенно уставился на Грея.
— Не делай ничего, о чем потом пожалеешь, — сказал тот. — Если ты убьешь эту женщину, будешь до конца жизни сидеть за решеткой.

Он надеялся, что Джеффри не сообразит, что происходит. Он не знал, что Тейтум из ФБР и что полиции уже известно его имя. Пока он знает наверняка лишь одно: какой-то вооруженный мужчина ворвался в дом, чтобы спасти Лору.
— Ты еще можешь уйти, — мягко произнес Тейтум. — Пока никто не пострадал, верно? Никто не узнает.
— Заткнись. Иди сядь вон там. — Джеффри мотнул головой в сторону угла, где плакали дети.
Грей кивнул и начал двигаться, сделав первый шаг в сторону Лоры и Джеффри.
— Отойди! — истерически выкрикнул Джеффри. — Я ее порежу — слышишь меня? Перережу ей глотку!
По шее Лоры еще сочилась кровь, и Тейтум застыл. Затем очень медленно кивнул, поднял руки и двинулся вдоль стены, пока не оказался рядом с детьми.
— Садись. На пол!
— О’кей. — Тейтум медленно опустился на корточки.
— Сядь. На задницу.
Где эта чертова полиция? Грей сел, наблюдая за Джеффри, который, казалось, застыл в нерешительности.
— Просто уйди…
— Тихо! Тихо, вы все!
Тейтум закрыл рот, но дети продолжали всхлипывать. Похоже, от их плача Джеффри злился все сильнее и сильнее. Он посмотрел на детей, потом на пистолет на полу. Сделал шаг к пистолету.
У сидящего Тейтума не было шансов метнуться и успеть перехватить оружие. Джеффри подберет пистолет, но для этого ему нужно убрать нож от горла Лоры и наклониться. Это единственный момент, когда можно действовать. Он напружинился, готовясь к рискованному броску…
И тут передняя дверь медленно открылась. Тейтум в ужасе, не веря собственным глазам, смотрел на Зои, которая стояла в дверном проеме, подняв над головой пустые руки.

Глава 75

Зои видела в окно фрагменты борьбы в доме — и осознала, что времени больше нет. Она выскочила из машины, побежала к входной двери и увидела, как Тейтум опускает пистолет. Зои знала: у него нет выбора. Вероятно, он рассчитывал потянуть время, надеясь на прибытие полиции. И, возможно, это был наилучший образ действий… но Зои сильно сомневалась в этом.
Под давлением Джеффри Олстон становился непредсказуемым. Его мысли разбегались. Он может решить пристрелить Тейтума, Лору и детей, а потом броситься куда глаза глядят. Он мог перерезать Лоре горло, просто чтобы исключить ее из уравнения. В конце концов, он мог убить ее случайно.
Зои заставила себя успокоиться, подумать. Она провела последние две недели составляя профиль этого мужчины. Она знала, что им движет, чего он хочет, к чему стремится.
И у нее сложился план.
К счастью, входная дверь оказалась незапертой. Когда дверь открылась, Джеффри уставился на Зои, потом на Тейтума, который застыл на полу, потом опять на Зои.
— Я безоружна, — быстро произнесла она, шагнув в дом, руки над головой. — Я закрываю дверь.
Ей было нужно, чтобы он чувствовал себя хозяином положения. Нужно, чтобы он успокоился. Сейчас он непредсказуем, опасен, тикающая бомба. Зои осторожно опустила правую руку и толчком закрыла дверь.
— Я ее порежу, — предупредил Джеффри, его взгляд метался туда-сюда. — Положи свою пушку.
— У меня нет пушки.

— Ага, конечно. Вы оба полицейские детективы. — Его взгляд метнулся к Тейтуму, который, кажется, чуть пошевелился. — Не двигайся.
— Я не полицейский детектив, — сказала Зои. — Я психолог.
Джеффри фыркнул.
— Ага, конечно…
Он хочет владеть ситуацией. С ним все сводится к контролю и одиночеству. Особенно когда речь идет о женщинах. Это пища для его фантазий, а фантазии управляют его поступками. Он мечтал о мертвой женщине, чье тело не подвержено разложению, которая составит ему компанию. Эти мечты раз за разом подстрекали его убивать. Зои нужно пробраться в его фантазии, тогда им можно будет управлять.
— Я безоружна, — повторила Зои. — Я покажу тебе… — Она медленно расстегнула верхнюю пуговицу на блузке, потом следующую. — Тебе стоит отпустить эту женщину. Ты же не хочешь оказаться в тюрьме?
— Я все равно попаду в тюрьму. Может, я перережу ей горло просто так, ради удовольствия.
— Если ты ее убьешь, то не сможешь забрать ее с собой. Копы уже едут. У тебя не хватит времени дотащить ее до машины. — Зои расстегнула последнюю пуговицу, распахнула блузку и отпустила, дав ей упасть на пол. Она смотрела ему в глаза, ожидая возбуждения, — но нет. Она его не интересовала. Она разговаривала, упрямилась, жила. Он предпочитал мертвых и тихих.
— У тебя нет даже пяти минут позабавиться с ней, — сказала Бентли, расстегивая молнию юбки. Медленно и очень осторожно опустила ее на пол. Он продолжал стоять и смотреть на нее, как на предмет обстановки.
У этого мужчины необузданное воображение. Она должна дать этому воображению толчок, пищу.
— У меня есть для тебя идея получше, — произнесла Зои.
— Хватит разговаривать.
— Возьми меня вместо нее. Я не буду сопротивляться. Тебе не нужно будет тащить меня в машину. Я пойду сама. — Выпрямившись, она стояла перед ним в лифчике и трусиках — и знала, что этого достаточно: он верит, что она безоружна. Она может остановиться.
Зои не остановилась. Вместо этого потянулась к застежке лифчика.
— У этого мужчины, — сказала она, качнув головой в сторону Тейтума, — есть наручники. Он может сковать мне руки за спиной, чтобы я точно не дернулась.
Она сделала полшага к Тейтуму, и рука Джеффри крепче стиснула нож; он сжал зубы. Бентли остановилась.
— Когда отвезешь меня в какое-нибудь безопасное место, ты сможешь накинуть эту веревку мне на шею и затянуть.
Она стянула левую лямку лифчика. По ее рукам пробежала дрожь, и Зои сама не знала, от холода или страха. За левой лямкой последовала правая.
— А когда я перестану сопротивляться, ты сможешь со мной позабавиться. И не один раз. Может, два. Ты ведь давно этого не делал, правда?
Его веки моргали, рот приоткрылся. Но рука все еще прижимала нож к шее Лоры. Зои стряхнула лифчик, услышала, как он с шелестом упал на пол.
— А потом ты наконец-то сможешь сделать то, что нужно. Для нас. Ведь именно это ты на самом деле хочешь? Чтобы кто-то лежал рядом с тобой ночью. Сидел рядом, когда ты завтракаешь.
Она сделала шаг в сторону Тейтума. Потом еще один.
— Чтобы кто-то беззаветно любил тебя. Неужели ты найдешь кого-то лучше меня? Разве она лучше меня?
Рука с ножом дрогнула.
— Джеффри, ты видишь это? Мои губы, застывшие навсегда, моя холодная кожа, мои руки и ноги, согнутые, как ты пожелаешь… Ты видишь эту картину?
Еще шаг. И еще один. Все время к нему лицом, не отрывая от него взгляда, движения медленные и расчетливые. Она страстно надеялась, что Джеффри не пошевелится. И что "Глок", заткнутый сзади за резинку трусиков, не вывалится на пол.

— Каждый день вместе. Одевать меня. Заботиться. Целовать меня. Наконец-то в твоей жизни кто-то появится. И никогда не уйдет.
Она сделала еще шаг, и пистолет сполз чуть ниже. Сердце замерло, но он не выпал, резинка справилась. Еще шаг. И еще.
— Все остальные были ошибками. Только я — настоящая.
Она дошла до Тейтума и детей.
Джеффри сглотнул слюну.
— Ты! — рявкнул он Грею. — Застегни ей руки. Медленно!
Зои ждала, слыша, как за спиной шевелится Тейтум. Почувствовала холодное прикосновение наручника, застегнутого на левом запястье. Потом движение пистолета. Правое запястье обвил второй наручник.
Она шагнула вперед, прикрывая собой Тейтума.
— Наконец-то у нас обоих будет кого любить. Давай, Джеффри. Уйдем, пока не приехали копы.
Он слабо кивнул, опустил нож. Зои сделала еще шаг.
И бросилась на пол.
Грохнули три выстрела подряд. Зои сильно ударилась плечом о кафельный пол, не имя возможности подставить скованные сзади руки. Вспыхнула боль, во рту появился медный привкус крови. Она прикусила язык.
Почувствовала, как ее схватили за руки. Раздался щелчок. Наручник на правой руке разомкнулся, и она стянула его. Обернулась.
Тейтум протянул ей ключ, и Зои попыталась открыть второй замок. Это было непросто. Пальцы тряслись.
С улицы донеслись сирены, и ей захотелось зарыдать. Вместо этого она наконец-то открыла наручник, сдернула его, встала и подбежала к женщине. Резким движением сорвала с нее кляп. Та хрипло вздохнула и всхлипнула.
— Мои дети…
— С ними все хорошо, — сказала Зои. — Не волнуйтесь. С ними все отлично.
Она проверила горло Лоры. Кровь есть, но ничего страшного, просто неглубокая царапина. Тейтум присел у тела Джеффри. Какое-то мгновение Зои была готова заорать на него. Им нужно развязать всю семью. Потом она увидела, что Джеффри кашляет кровью. Он был еще жив. Грей разорвал рубашку убийцы, схватил какой-то кусок ткани и прижал к его кровоточащему животу.
Зои моргнула и посмотрела на Тейтума. Тот сосредоточился на Джеффри и, не глядя на нее, заметил:
— Тебе нужно одеться. Сейчас сюда вломится половина полиции Чикаго.
— Я не могу, — сдавленно ответила она, одной рукой прикрывая грудь. — Ты только что превратил мою блузку в бинты.
Тейтум несколько раз моргнул на тряпку, которой останавливал кровотечение.
— Ой, прости. — Он кашлянул. — Симпатичная была блузка.

Глава 76

КВАНТИКО, ВИРДЖИНИЯ,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 1 АВГУСТА 2016 ГОДА

Зои хмурилась, постукивая ручкой по столу, пока в третий раз перечитывала свои заметки с интервью Клиффорда Соренсона. Отвратительная работа, Зои была недовольна собой. Беседа проходила всего через два дня после ареста Джеффри. Клиффорд был потрясен — правда оказалась едкой и разрушительной. Собственный брат убил его невесту. Держал ее тело у себя дома и раз за разом осквернял его, пока Клиффорд разыскивал девушку. А потом воспользовался бизнесом брата для поиска новых жертв. Использовал фургон, который предоставил Клиффорд, для этих убийств…

Соренсон был рассеян в течение всего разговора. Зои не знала, пьян он, под наркотиками или просто настолько подавлен. Ее вопросы были простыми, неглубокими.
Тут у нее открывалась исключительная возможность. Двое мужчин, разделивших одно детство. Один стал нормальным членом общества, открыл свой бизнес, завязал серьезные отношения с женщиной. Другой превратился в серийного убийцу. Это могло дать ответ на множество загадок и вопросов о последних.
Но Джеффри отказывался разговаривать, а Клиффорд поговорил с ней лишь потому, что пытался хоть как-то ухватиться за реальность.
Все ускользало у нее между пальцами. Ей нужно поговорить с Манкузо, получить разрешение на продолжительную поездку в Чикаго. Или они смогут перевести Джеффри поближе, а у Клиффорда взять интервью по телефону? Сможет ли она что-то пообещать Джеффри в обмен на его сотрудничество? Похоже, известность его не интересовала в отличие от многих других серийных убийц. Как его разговорить?
Она вздохнула, отложила ручку и откинулась на спинку кресла. Возможно, сейчас не лучшее время о чем-либо просить Манкузо.
В дверь ее кабинета постучали.
— Да? — ответила она.
Дверь открылась, на пороге стоял Тейтум.
— Привет, — улыбаясь, сказал он. — Как ты себя чувствуешь?
— Отлично, — сказала Зои, рефлекторно потерев бедро.
Два шва разошлись во время ее "выступления" в доме Лоры Саммер, и их пришлось накладывать заново. Через пару дней швы должны были снять, но Зои настояла на том, что она уже выздоровела и готова к работе.
— Рад слышать. А я двигаюсь к Манкузо. Она сказала, что хочет со мной поговорить.
Зои мрачно кивнула.
— Я только что от нее. Она… не рада. Мы долго беседовали.
— Но она же тебя не выгнала, правда?
— Пока нет. — К ее губам пробралась нежеланная улыбка.
Его ухмылка стала шире.
— Превосходно. Ну, пойду узнаю, куда она меня высылает. Слышал, неподалеку от филиала на Аляске хорошая рыбалка…
— Удачи, — озабоченно сказала Зои.
Она предвкушала работу с Тейтумом, но Манкузо вполне могла избавиться от него, чтобы прикрыть себя. Зои пожалела, что не поговорила с ней о Грее. Она могла сказать шефу, что все случившееся — ее рук дело, что Тейтум в этот раз хотел действовать строго по уставу. Бентли сомневалась, что та ей поверит, но все же…
— Спасибо. — Тейтум подмигнул. — Заскочу на обратном пути.
Он закрыл дверь, Зои с тяжелым сердцем уставилась на нее. Она решила все-таки поговорить с Манкузо. Не исключено, что ей еще удастся принять удар на себя.
Ее телефон ожил, елозя по столу и распевая "Where Have You Been" Рианны, мелодию, присвоенную Андреа. Зои схватила телефон, скользнула пальцем, принимая вызов.
— Привет, — отрешенно сказала она в трубку.
— Ты видела статью, которую они про тебя написали? — Андреа наполовину спрашивала, наполовину взвизгивала.
— Манкузо ее упомянула, — ответила Зои, убавляя громкость. — Но у меня пока не было возможности взглянуть.
— Зои, ешкин кот… Ты представляешь, я только что забила в поиск твое имя, и эту статью всюду цитируют.
— Не перевозбуждайся. Все это быстро утихнет.
— Две мои подруги специально позвонили спросить, правда ли, что Зои Бентли — моя сестра? — заявила Андреа. — Они хотели автограф.
— Это идиотизм, — ответила Зои.
Пока Андреа жужжала, Зои снова начала пролистывать разговор с Соренсоном.
— Сестренка, я хочу сказать, ты знаменитость. Типа на всю страну. Это просто безумие. Какой-то парень сегодня остановил меня на улице и спросил, не моя ли ты сестра. Попросил сфотографироваться со мной.

— Ого, — Зои рассмеялась.
— Эй. Можешь держаться в стороне от своей славы, если хочешь, но я собираюсь ее обналичить. С этой минуты можешь называть меня Андреа Могу Я Получить Это На Халяву Бентли.
— Заглянешь вечером?
— Не-а. Поздняя смена. Но я, наверное, заскочу завтра.
— О’кей. Я ничем особым не занята.
— Отлично. Я приготовлю ужин, и мы напьемся.
— Пока, Андреа.
— Пока.
Зои отключилась и начала снова перечитывать интервью, ее мысли блуждали. Она гадала, насколько плохо все обернется для Тейтума.

Глава 77

Агент Грей поудобнее устроился на стуле для осужденных, пока Манкузо, намеренно игнорируя его, читала лежащий на столе многостраничный отчет. Ее губы были сжаты, страницы она переворачивала резко и зло, будто каждый лист швырял ей в лицо оскорбления. Тейтум подозревал, что злость шефа в большей степени относится к нему, нежели к отчету. Что, его опять переведут в другой город? Или просто навсегда вышибут из Бюро? Он не мог исключить такой вариант. Грей взглянул на аквариум позади Манкузо, задумавшись, чувствуют ли рыбки настроение своей хозяйки. Сейчас все рыбки сбились в стайку в самом дальнем от шефа углу. Недобрый знак.
Тейтум решил, что пора приготовить особое выражение лица. Он знал превосходный рецепт для разозленного начальства. Одна треть искупления, одна треть смирения, а остаток поделен поровну между хорошим настроением и сопереживанием. Подавать холодным, с ломтиком лайма и несколькими извинениями, необязательно искренними.
Наконец Манкузо посмотрела на него.
— Итак, — произнесла она.
— Шеф…
— Заткнитесь и слушайте.
Хорошо. Возможно, к лучшему, поскольку он все равно не знал, что сказать дальше.
— Сегодня утром я поговорила с Мартинесом. Наконец-то. Вам чертовски повезло, агент Грей. Прежде всего, вам повезло, что Джеффри Олстон выжил и заключен под стражу. Во-вторых, вам повезло, что Лора Саммер во всех подробностях описала, как вы и доктор Бентли спасли жизнь ей и ее детям, сделав то единственное, что могли. В-третьих, вам повезло из-за этой статьи.
Она открыла ящик, достала газету и шлепнула ее на стол. Это был номер "Чикаго дейли газетт". Заголовок на первой странице гласил: "Гробовщик-Душитель арестован".
— Статья на четыре страницы, — сказала Манкузо.
— Ого. — Тейтум позволил себе небольшую ухмылку. — И там обо мне пишут всякие приятные вещи?
— Давайте вместе прочтем ту часть, где говорится о вас, — предложила шеф. Она просмотрела статью, перевернула страницу и, наконец, кивнула. — Вот оно. "Вторым на месте преступления появился агент Грей из ФБР".
Тейтум ждал. Манкузо сложила газету.
— И это всё? — потрясенно спросил он.
— Да. Это одна из самых длинных статей об аресте. Вы можете поблагодарить Г. Барри за его фонтан восхвалений.
— Статья на четыре страницы. И это все, что он обо мне написал?
— Не совсем. Я немного изменила текст.
Манкузо заново открыла страницу, развернула ее к Тейтуму и указала на нужную строку. Он прочитал.

— Вторым на месте преступления был агент Дрей… агент
Дрей
? — Тейтум схватил газету и потряс ею, как будто хорошая встряска могла исправить опечатку.

— Репортер Г. Барри долго беседовал с лейтенантом Мартинесом, начальником полиции Чикаго, и со мной, — сказала Манкузо. — И все мы хотели… минимизировать участие ФБР.
— Да здесь же, — он пробежал глазами статью, — две страницы про Зои. И ее фамилия написана правильно.
— Да, но вы заметите, что он упоминает ее как консультанта и нигде не указывает, на кого она работает, так что, как видите, все обернулось хорошо.
Тейтум, положив газету на стол, пожал плечами.
— Не понимаю. Это хорошая пресса. Зачем вам потребовалось минимизировать…

— Мне не нужна статья с похвалами в наш адрес, — резко сказала Манкузо. — Ну да, это будет симпатично выглядеть, но думаете, полиция позовет нас, когда в следующий раз столкнется с серийным убийцей? В этих делах полно раздутых и легкоранимых эго. Я хочу, чтобы у нашего подразделения сложилась прочная репутация
консультантов
. Мы не налетаем и не перехватываем дела, мы не проводим собственные расследования под носом у полиции, и мы не арестовываем убийцу, едва не пристрелив его по ходу дела.

— О’кей. — Тейтум, признавая поражение, поднял руки. — Меня не это беспокоит. У меня вообще нет эго.
— Хорошо, — сказала Манкузо, схватила газету и сунула ее обратно в ящик; на этот раз она закрыла ящик тихо.
— И что теперь со мной будет?
— Вы сядете за предоставленный вам стол, которого, я полагаю, до сих пор не видели, и составите пару отчетов. Потом, возможно, вам придется просмотреть несколько дел и высказать мне свое мнение.
Тейтум переварил эти новости.
— Вы меня не переводите?
— Агент Грей, я не слепая. Я видела, какую работу вы проделали в этом расследовании. И хотя я не одобряю некоторые методы, взятые на вооружение вами с доктором Бентли, думаю, при правильном руководстве вы будете отличным агентом.
— И под правильным руководством вы подразумеваете…
— Делай именно то, что я говорю.
— Супер.
— Если уж совсем честно, из вас двоих вышла хорошая команда. Я думаю о создании маленькой оперативной группы для дел вроде этого, последнего. И вы с Бентли… Ну. Посмотрим.
— О’кей. — Тейтума несколько выбил из колеи ход этой встречи.
Манкузо начала читать какие-то бумаги, потом подняла взгляд.
— Почему вы еще здесь?
— А, ну да. Уже ухожу. — Он встал и пошел к двери.
— Агент Грей…
Он остановился и обернулся к ней.
— Третьего шанса у вас не будет.

Глава 78

В квартире было тихо. Зои жарила в воке резаную морковь с горошком и наслаждалась тишиной. Последнее время она редко принадлежала себе. Даже в одиночестве постоянно думала о расследовании, крутила его в мыслях, пыталась сложить головоломку. Покой в мыслях действовал умиротворяюще. Зои нарезала имбирь, добавила его в вок; кухню тут же заполнил резкий запах. Она вдохнула его.
Бентли успокоилась, узнав, что Тейтум остается в ОПА. Он невнятно выразился насчет своих обязанностей в подразделении, но Зои все устраивало. При мысли о том, что они могут временами встретиться на обеде или случайно столкнуться в коридоре, ей делалось тепло и радостно.
Она еще немного помешала овощи, а потом вывалила содержимое сковороды в тарелку и высыпала в вок миску риса, чтобы он поджарился и стал немного хрустким. Размешивая рис, поглядывала на газету, лежащую на кухонном столе рядом с тарелкой.
На первой странице была фотография Джеффри Олстона в наручниках, на больничной койке; рядом еще два снимка, ее и Мартинеса, причем ее — выше. Зои раздраженно покачала головой и взяла тарелку. Добавила поджаренные овощи к рису и перемешала. Потом взяла ложку, сделала посреди риса ямку и, разбив туда пару яиц, начала их взбалтывать. Ее телефон зазвонил. На экране значилось: "Гарри Барри".
Она приняла звонок.
— Нужно иметь крепкие нервы, чтобы звонить мне после этой нелепой статьи.
— Вам не понравилось? Вы же героиня.
— Половина там полностью выдрана из контекста. Некоторые заявления практически вранье…
— На самом деле преувеличения.
— И вы рассказали только часть истории. — Зои вмешала яйца в рис с овощами; движения ее были резкими и сердитыми, в результате чего часть риса и моркови сбежала на пол.
— Я пишу то, что интересует моих читателей.
— Правда? Тейтум тоже был там. Вы это знаете? Вы хотя бы знаете, кто он такой?
— Да-да. Послушайте, людей не интересуют агенты ФБР. Они им до жопы. Люди хотят знать о простых героях. Профайлер, которому удалось поймать двух серийных убийц, столкнувшись с еще одним в юности, — вот кто настоящий герой.
Зои добавила соевого соуса и размешала.
— Чушь. А моя должность на самом деле называется криминальный психолог.
— Я предпочитаю упрощать такие вещи. Вам сейчас удобно поговорить о книге?
— Какой книге? — Она сняла вок с плиты, думая, как было бы здорово врезать им Гарри по голове.
— Я получил предложение написать книгу о Зои Бентли. У меня уже есть пара хороших историй о вас, но я весьма заинтересован развить тему.
— Идите к дьяволу.
— Хочу заметить, что я не упомянул в статье кое-какие подробности, которые вы, вероятно, предпочли бы скрыть.
— Например?
— Например, вашу теорию, что серийный убийца в Чикаго — это серийный убийца из Мейнарда. Или тот факт, что по каким-то причинам в момент, когда стреляли в Джеффри Олстона, на вас были только трусики.
Зои стиснула зубы.
— Вы можете написать эту книгу вместе со мной. За вами будет последнее слово на все факты, которые мы туда вложим. Или я могу написать книгу о профайлере, который отвлекает своими сиськами убийцу. Это исключительно ваш…

Вскипев, Зои бросила трубку. Пытаясь успокоиться, она переложила рис из вока на тарелку и налила себе бокал красного вина. Потом пошла в гостиную и уселась в кресло с тарелкой и вином. Она включила музыку. В стереосистеме стоял альбом Бейонсе "
I Am… Sasha Fierce
". Зои пропустила
If I Were a Boy

и перешла сразу к Halo. Когда музыке начали аккомпанировать ритмичные хлопки, сделала глоток вина и начала от удовольствия раскачиваться в такт. Песни Бейонсе захватывали ее, это точно. Она отправила в рот ложку риса и закрыла глаза. Послевкусие вина расцвечивало имбирь и рис, а Бейонсе пела только для нее.

Кто-то позвонил в дверь. Зои раздраженно поставила тарелку и бокал на столик и пошла к двери.

Посмотрела в глазок. Мужчина в форменной одежде курьера.

— Да?

— Вам письмо, мэм.

Зои открыла дверь и взглянула на коричневый конверт в руке курьера. Сердце ее упало. Она расписалась за письмо.

— Вы знаете, кто его отправил?

— Нет. Я получил его в центральном…

— Угу. — Она уже пыталась пройти этим путем — и всегда оказывалась в тупике.

Зои закрыла дверь и посмотрела на конверт. Может, на этот раз она покажет письмо Тейтуму. Может, они вместе займутся расследованием. Эта мысль заставила ее улыбнуться, и конверт внезапно стал совсем не таким страшным. Она разорвала его. Конечно, серый галстук.

Внутри было что-то еще. Глянцевый бумажный прямоугольник. Зои с трепетом вытащила его.

Она смотрела на фотографию, а по ее спине полз ужас.

"Какой-то парень сегодня остановил меня на улице и спросил, не моя ли ты сестра. Попросил сфотографироваться со мной".

С распечатанного селфи на нее с улыбкой смотрела Андреа; ее рука обнимала за плечи ухмыляющегося Рода Гловера.

Благодарности

Эта, как и все прочие мои книги, никогда не была бы написана без поддержки моей жены, Лиоры. Когда я прервал разговор об образовании наших детей вопросом, достаточно ли гибки, по ее мнению, забальзамированные тела, чтобы им можно было придавать разные позы, она не вздрогнула и не стала искать юриста, специализирующегося на разводах. А вместо этого устроила со мной мозговой штурм. Вместе мы улучшили эту историю. И только потом вернулись к разговору о наших детях. Сюжет этой книги был продуман во время нашего отпуска, и Лиора тогда провела много времени за обсуждением серийных убийц.

Кристин Манкузо снабдила меня бесценными замечаниями, которые помогли сделать эту книгу острее и притягательнее. Она постоянно твердит мне, что читатели должны переживать события книги через персонажей, и всегда указывает на те фрагменты, где мне это не удалось. Однажды я научусь.

Элейн Морган боролась с редактурой первого черновика этой книги, с его бесконечными грамматическими ошибками и дырами в сюжете, — и победила.

Спасибо Джессике Триббл за предоставленный этой книге шанс и за бесценные редакторские замечания. До них прошлое Зои было сплошной неразберихой. Оно по-прежнему неразбериха, но теперь продуманная, а не случайная.

Брайан Квитермес, мой редактор, сделал эту книгу намного лучше, отмечая слабые места и разнося их своей редакторской ручкой. Когда Брайан впервые взялся за книгу, ее финал был печальной гусеницей, а к тому времени, когда он закончил, гусеница превратилась в кровавую, опасную бабочку.

Стефани Чу получила окончательную версию и продемонстрировала, что "окончательный" — понятие относительное; ее острый глаз редактора исправил бесчисленные ошибки и несоответствия.
Спасибо Саре Хершман, моему агенту, за веру в мою книгу, за ее проталкивание и чудесный шанс, который она получила.
Спасибо Ричарду Стокфорду, отставному начальнику полиции Бангора, который отвечал на все мои вопросы с терпением и усердием святого.
Роберт К. Ресслер написал книгу "Те, кто сражаются с чудовищами", упоминаемую в этом романе. Она сыграла важнейшую роль для моих знаний и для моей книги — в большей степени, чем любой другой источник.
Спасибо всем авторам в "Авторском уголке" за то, что они были там в течение каждого шага этого пути, за бесконечные и очень нужные советы, за развлечение и помощь, когда я сильнее всего в них нуждался.
Спасибо моим родителям за их бесценные советы и бесконечную поддержку.

Заживо в темноте

Глава 1

Сан-Анджело, Техас, пятница, 2 сентября 2016 года

Он подтянулся и вылез на край могилы. Из-под ног осыпался песок; песчинки с шорохом падали на крышку ящика и пачкали ее. На миг накатило раздражение: ему хотелось, чтобы ящик, когда смотришь на него сверху, оставался чистым. Впрочем, он тут же улыбнулся себе, сообразив, как нелепо это желание. Ящик будет захоронен под несколькими тоннами земли; что за беда, если на него просыпалась струйка песка?
На миг он задумался о втором участнике — участнице — эксперимента. Вполне возможно, она слышала шорох песка; наверное, даже поняла, что это значит… Его сердце зашлось: мысль о том, как тесное пространство и кромешная темнота внутри усиливают звук, вызвала возбуждение.
Он поднял лопату, воткнул в землю — и вдруг остановился. Что за идиот! Увлекшись процессом, самое важное-то и позабыл. Отложив лопату, он повернулся к ноутбуку, убедился, что тот работает. Обидно будет, если посреди эксперимента сядет аккумулятор.
За спиной раздался громкий рев мотора: мимо проезжал грузовик.
Он напрягся, скрипнул зубами. Место для эксперимента выбрано тщательно — стена кактусов, деревьев и кустарника надежно скрывает его от посторонних глаз. Этой дорогой почти не пользовались, однако время от времени здесь все же кто-то проезжал. А ему не хотелось, чтобы его отвлекали. Для важного дела требуется полная сосредоточенность!
Он включил видеотрансляцию, вгляделся в экран. Пожалуй, угол не тот: слишком высоко. Подошел к камере, отрегулировал высоту треножника. Проверил снова — вот теперь отлично! Наступал ключевой момент. От волнения перехватило дыхание. На миг он замер. Потом нажал кнопку, и трансляция началась.
Вновь взявшись за лопату, он швырнул на крышку ящика первую порцию песка и гравия, стараясь не смотреть в сторону камеры. "Улыбнись в камеру, сынок!" — вечно твердила мать. Постоянно требовала, чтобы он позировал ей для снимков в семейном альбоме.
На четвертом взмахе лопатой снизу донесся приглушенный стук. Должно быть, рев грузовика привел девушку в сознание, и теперь она колотит по крышке ящика. Пытается открыть. Кричит… кричит… От этой мысли он едва не уронил лопату: его пронзило острое желание, по телу прошла жаркая волна.
"Не сейчас! Еще будет время, когда я все закончу!"
Пять минут — и крышка ящика скрылась из виду, хотя, прислушавшись, еще можно было различить стук и крики. Интересно, кто-нибудь уже смотрит трансляцию? Может быть. В

конце концов, ради этого он все и затеял. И что думают? Просто пялятся на экран, ожидая пояснений? Считают, что это розыгрыш? Или звонят в полицию и пытаются объяснить, что видят?

Дикое, непреодолимое возбуждение охватило и тело, и разум. Он не мог больше сосредоточиться, не мог вспомнить детали плана. Нужно сделать перерыв — хоть на пару минут. Выпустить пар.

Он бросил лопату и, подхватив ноутбук, поспешил к фургону.

Закончив, обтерся салфетками, снова надел перчатки и вернулся к своему делу, надеясь, что зрители не слишком по нему скучали.

Где-то он слышал, что средний объем внимания у юзера, просматривающего видеоклипы в Интернете, — тридцать семь секунд. За эти тридцать семь секунд он должен выиграть конкуренцию с прикольными котиками, порнухой, трейлерами новых фильмов. Надо действовать быстро. Вот почему подготовлены контейнеры с землей.

Он подошел к крайнему контейнеру справа, перевернул его вверх дном и опустошил в яму, зачарованно глядя, как комьями рассыпается земля. Затем разровнял спекшуюся землю лопатой. То же повторил с другими контейнерами. Странно и сладко было смотреть, как дыра в земле заполняется и исчезает на глазах. Крики и грохот давно смолкли, надежно скрытые земляным покровом. Но зрители в Интернете их точно слышат. Об этом он позаботился.

Он выпрямился и остановился, чтобы полюбоваться делом своих рук. Яма в земле почти неразличима. В спешке ее точно не найдут.

Он потянулся — от работы ныла спина — и краем глаза посмотрел туда, где блестела стеклянным глазом камера.

"Улыбнись в камеру, сынок!"

Вот теперь можно улыбнуться. Пусть никто и не увидит его лица.

Глава 2

Квантико
[20]
, Вирджиния, понедельник, 5 сентября 2016 года

Зои Бентли сидела за столом в кабинете и держала перед собой фотографию. Мужчина и молодая девушка улыбаются в камеру, сблизив головы, почти касаясь друг друга. Случайный наблюдатель не обратил бы на этот снимок никакого внимания — обычное селфи! — но Зои замечала мелкие детали. У мужчины пустой взгляд, и улыбается он лишь плотно сжатыми губами — так улыбаются врагам. А у девушки лицо невинное, наивное. Она ничего не понимает.

Девушка — Андреа, сестра Зои. Мужчина — Род Гловер, тот, что изнасиловал и задушил нескольких женщин.

Прошел месяц с тех пор, как Гловер зловещим призраком появился в Дейле. Появился, сделал пугающий снимок — и снова исчез.

Зои бросила фото в ящик стола и с грохотом захлопнула. Но знала, что надолго ее не хватит. Скоро опять достанет снимок и начнет в него вглядываться.

Много лет назад Гловер жил по соседству с ее семьей. Зои, тогда совсем юная, узнала о его преступлениях и сообщила в полицию. Увы, к тому времени, как кто-то обратил внимание на слова девчонки, Гловер успел скрыться. Но с тех пор поддерживал с Зои связь: время от времени присылал ей серые галстуки, такие, какими душил своих жертв.

Прошлым летом его одержимость Зои усилилась. Когда она расследовала серийные убийства в Чикаго, Гловер начал за ней следить, напал на нее и едва не прикончил. А вскоре прислал эту фотографию. Подошел к Андреа на улице, и сестра согласилась с

ним сфотографироваться, не подозревая, кто он. После этого Гловер исчез, словно растворился в воздухе…

[21]

Зои встала и прошлась взад-вперед по тесному кабинету в Отделе поведенческого анализа ФБР. Голова гудела, было трудно сосредоточиться. В последние дни она плохо спала, а когда все же засыпала, ее мучали кошмары.

Сев за стол, Зои открыла ПИНП — "Программу исследования насильственных преступлений". Сюда вносятся данные обо всех насильственных преступлениях — чтобы облегчить поиск "серийников". Зои искала любые преступления, включающие в себя изнасилование и удушение, за последние двадцать четыре часа. Нашла одно совпадение — и с сильно бьющимся сердцем просмотрела отчет. Сорокапятилетняя женщина изнасилована и задушена в собственном доме в Нью-Йорке… Нет, совсем непохоже. Даже отдаленного сходства нет. Жертва уже немолода, задушена голыми руками, да и Нью-Йорк слишком далеко. Это не он.

"Где же ты, Гловер?"

Была бы возможность — Зои поместила бы Андреа под охрану, лучше всего с переездом в особое жилье для свидетелей, пока Гловера не найдут. Однако ничего не выйдет. И так пришлось потратить несколько недель и почти сорвать голос, уговаривая сестру хотя бы временно пожить у нее.

Агент ФБР, занятый этим делом, больше не желает разговаривать с Зои — как и полиция. Все считают, что Гловер прочно исчез с горизонта. Что снова подбираться к кому-то из сестер Бентли он не рискнет. Но Зои знала: они ошибаются. Поняла по тому, как смотрел на нее Гловер во время последней встречи. По глазам, по голосу.

На ее столе не было ни фотографий, ни безделушек. Дважды она пыталась украсить рабочее место цветами в горшках: первый цветок высох за пару дней, второй — кактус — продержался почти месяц. Зои считала, что проблема в недостатке воды и солнечного света, а вот Тейтум, ее коллега и приятель, уверял, что она пугает цветы до смерти, когда вот так на них пялится. В конце концов от цветов Зои отказалась — решила, что довольно с нее стола и беспорядочной кипы бумаг.

За дверью послышались знакомые энергичные шаги. Зои вскочила, выбежала за дверь — и очень вовремя: успела поймать начальницу отдела Кристин Манкузо.

— Шеф, можно тебя на пару слов?

Манкузо не остановилась, даже едва на нее взглянула.

— Только побыстрее, Зои. Неделя едва началась, а мне уже надо быть в шести местах сразу.

Темные волосы Манкузо, как обычно, были стянуты в строгий гладкий узел, костюм безупречно отглажен. Все в ней, вплоть до помады на губах, говорило: "Эта женщина здесь главная, и с ней шутки плохи!"

— Я хочу работать по делу Гловера вместе с агентом Колдуэллом.

Дэн Колдуэлл, как и сама Зои, трудился в ОПА, составляя профили серийных убийц. Узнав, что его бросили на дело Гловера вместо нее, Зои пришла в ярость, однако Манкузо была непреклонна.

— Мы это уже обсуждали. Нет.

— Мне кажется, непосредственное знакомство с преступником будет очень ценно при составлении его профиля. Необходимо использовать все, что нам известно. Особенно поскольку есть основания полагать, что он может нанести новый удар.

Манкузо остановилась у большого принтера, выплевывающего листы бумаги, взглянула на верхний лист, недовольно скривилась. Затем снова повернулась к Зои:

— Поэтому агент Колдуэлл и беседовал с тобой два дня подряд. Выяснял все, что ты знаешь и помнишь о Гловере.

— Не думаю… По-моему, я могу быть объективной…

— Не можешь, — непререкаемо отрезала Манкузо.

— Тогда дайте мне отпуск.

— Чтобы начать охотиться за ним самостоятельно? Нет, Зои. Ты нужна мне здесь.

— Зачем? — Она повысила голос. — Я работаю над делами десяти-пятнадцатилетней давности. Что в них такого срочного?

Манкузо поджала губы.
— Бентли, ты забываешься!
Она повернулась к принтеру, перебрала распечатанные листы, взяла несколько из них и зашагала обратно, не трудясь проверять, идет ли Зои следом.
Та поспешила за ней. Чтобы не отставать, приходилось почти бежать.
— Кристин! Я не могу сосредоточиться, пока этот человек угрожает моей сестре! Не могу работать. Пожалуйста, дай мне несколько дней! Больше ни о чем не прошу. Несколько дней и аналитика в помощь.
Манкузо немного замедлила шаг. Зои нанесла удар единственным оружием, которым с начала работы в Квантико еще ни разу не пользовалась — и в ближайшее время пользоваться не собиралась: назвала начальницу по имени. Напомнила о том, что когда-то, на оперативной работе в Бостоне, они были подругами.
— Вот что я тебе скажу, — ответила Манкузо. — Хочу, чтобы ты взглянула на одно дело. Когда закончишь с ним, дам тебе пять дней, с условием, что работать будешь напрямую с агентом Колдуэллом.
— Договорились! — быстро ответила Зои, не веря своей удаче. — А что за дело?
Манкузо остановилась у двери в один из кабинетов.
— Сейчас тебе перешлю. Полицейского файла нет, дело как таковое еще не заведено. Информация поступила только сегодня утром.
— Нет полицейского файла? — с удивлением переспросила Зои. — А что же есть?
— Ссылка на видео, на котором кто-то хоронит женщину заживо.
— Не понимаю. Если это серийный убийца, должны быть другие случаи…
— Это первый случай.
Зои недоуменно моргнула.
— Но мы ищем серийных убийц!
— Скорее всего, будут и следующие.
— Почему ты так думаешь?
— Потому, — ответила Манкузо, взявшись за ручку двери, — что видео озаглавлено "Эксперимент номер один".

Глава 3

Кристин Манкузо открыла дверь в кабинет Тейтума Грея и, проскользнув внутрь, захлопнула ее у Зои перед носом. Видит бог, она любит Зои, но в последнее время та словно задалась целью довести ее до безумия! Весь последний месяц — бесконечный шквал электронных писем, телефонных звонков, разговоров лицом к лицу, и все об одном чертовом серийном убийце. Пусть Бентли хоть на несколько дней оставит ее в покое!
Тейтум поднял голову, удивленный ее появлением у себя в кабинете.
— Доброе утро, шеф. Как прошли выходные?
— Слишком быстро, — ответила Кристина, садясь напротив.

На столе перед ним лежала открытая папка; когда Кристин вошла, он читал дело. Грей присоединился к ОПА недавно, тех знаний и опыта, каких ожидала Кристин от своих профайлеров, ему еще недоставало. Однако приходилось, пусть и нехотя, признать: хотя бы отчасти это компенсируется инстинктами. У Грея чутье как у охотничьей собаки; и, мало того, он обладает почти невиданным умением
слышать,
что говорят другие люди.

Тейтум показал себя в деле месяц назад, когда работал вместе с Зои над убийствами в Чикаго. Манера расследования Кристин не вполне устроила, зато ее подчиненные действительно предотвратили убийство целой семьи.

Она с удовлетворением отметила, что сейчас Тейтум не улыбается. Вечную его улыбку кое-кто находил обаятельной, но, на взгляд Кристин, она придавала ему вид обнаглевшего юнца. Сейчас Тейтум смотрел на нее серьезно и с интересом.
— Что скажешь о Гленне Уэллсе? — спросила она.
Грей недоуменно моргнул и откинулся на стуле, его широкие плечи заметно напряглись. Несколько секунд спустя он ответил:
— Уэллс — педофил, дело которого я расследовал в Лос-Анджелесе. Нападал на девочек по дороге в школу. Хватал, насиловал и угрозами заставлял молчать. И фотографировал. В компьютере у него мы нашли фото более тридцати жертв. Одна девочка попыталась покончить с собой.
Тейтум говорил, а Кристин не сводила с него глаз. Агент держался спокойно, говорил четко, однако губы его чуть подергивались, а правая рука сжалась в кулак.
— Трудно было найти прямые доказательства. Все улики косвенные. Мы долго за ним следили, и наконец повезло: у нас на глазах он схватил на улице тринадцатилетнюю девочку и куда-то потащил. Мы подбежали, чтобы его задержать.
— Что произошло дальше?
— Он бросился наутек. В переулок. Я погнался за ним. Посреди дороги Уэллс повернулся ко мне. Я навел на него оружие и приказал: "Руки за голову!" Вместо этого он быстро сунул руку в наплечную сумку. Я выстрелил. Трижды.
— И что оказалось в наплечной сумке?
— Только камера. Видимо, он хотел стереть снимки, прежде чем мы его схватим.
— И Уэллс умер…
— Было служебное расследование. Меня оправдали.
— Теперь это дело могут открыть и пересмотреть, — заметила Кристин.
Тейтум широко раскрыл глаза.
— Почему?
— Судя по всему, появился новый свидетель. Какой-то человек видел стрельбу и решил об этом сообщить.
— И почему ждал столько времени?
Кристин пожала плечами.
— Почему люди вообще поступают так или иначе?.. Сегодня утром мне позвонил специальный агент ОВР, парень по фамилии Ларсон. Знаешь его?
ОВР — Отдел внутренних расследований ФБР; и разговор с этим Ларсоном вышел не самый приятный.
— Знаю, — коротко ответил Тейтум и стиснул челюсти.
— Кажется, ты ему не слишком-то нравишься. Не представляю, как тебе удается везде наживать себе врагов?
— Упорные тренировки. — Грей усмехнулся.
— Словом, рассказывая мне об этом, он просто лучился от счастья. Хотел предупредить, что в ближайшее время тебя вызовут на беседу.
— Когда, сказал?
— До этого мы не дошли. Я ответила, что сейчас ты расследуешь дело, в котором крайне важна срочность, и несколько дней тебя беспокоить нельзя.
— Но я сейчас ничего не расследую!
Манкузо вздохнула.
— Вот тут ты ошибаешься. Думаешь, я стала бы врать Ларсону?
— И… чего ты хочешь? — растерянно спросил Тейтум.
— Хочу выяснить побольше о том, кто и почему возобновил дело. И уже работаю над этим. Но мне нужно время. На несколько дней, пока я с этим не разберусь, тебе нужно залечь на дно.
Тейтум кивнул; Кристин заметила, что теперь он сжал оба кулака. Если она что-то понимает в этом человеке, не пройдет и суток, как он начнет сам звонить и выяснять, кто и зачем пришел по его душу. Попытается все разрулить. И выйдет только хуже. Намного хуже.

Глава 4

Известие о том, что внутреннее расследование снова открыто, вызвало у Тейтума горечь. Он-то думал, с этой историей давно покончено! Но нет, вновь тени прошлого выползают из тьмы…

Час или около того он старался погрузиться в работу, потом сдался и пошел в поисках утешения на крохотную офисную кухню. Но искать в таком месте что-нибудь духоподъемное — дело, обреченное на провал. Тейтум с трудом разгрыз горькое окаменевшее печенье, отправился назад — и, проходя мимо двери Зои Бентли, подумал, что дружеское участие ему сейчас не помешает.

Он постучал. Из-за двери доносились тревожные приглушенные звуки, словно там кто-то плакал.

— Войдите! — крикнула Зои, и он открыл дверь и вошел.

Зои сидела за столом перед компьютером, устремив взгляд на монитор.

Ростом она была намного меньше Тейтума — да и большинства женщин, коль уж на то пошло, — и самой выразительной чертой ее лица были пронзительные зеленые глаза. Однажды Тейтум слышал, как двое агентов за спиной у Зои называли ее "стервятницей", и позже понял почему. Сквозило у нее во взгляде что-то хищное — и такое, словно она видит человека насквозь, читает его сокровенные мысли. Ну и добавьте к этому длинный острый нос, кончик которого слегка загибается вниз, точно клюв.

Плач, который Тейтум услышал из-за двери, доносился из динамиков. Зои взглянула в его сторону, нажала на паузу — плач прекратился, и Тейтум расслабил напряженные плечи.

— Извини. Зайду в другой раз.

— Хорошо. — Она снова повернулась к монитору.

Тейтум поднял бровь. Они не виделись с пятницы: может, хоть спросит, как у него дела? Он повернулся и хотел уйти, решив, что дружеской поддержки здесь вряд ли дождется.

— Тейтум, погоди!

— Да?

— Мне не помешает еще пара глаз. Взглянешь?

— Конечно, — ответил он, удивленно моргнув. Обычно Зои работала в одиночку.

Грей обошел стол и взглянул на экран компьютера. Видеоклип, поставленный на паузу: время — 43:32. Полная длина видео — чуть меньше часа. На экране молодая девушка лежит в каком-то тесном и темном пространстве, лицо ее искажено страхом. Изображение черно-белое; возможно, тепловизионная камера. Зои запустила видео с начала.

Начиналось оно с разделенного надвое экрана. В нижней половине — все та же черно-белая девушка в каком-то темном и тесном месте; но теперь она отчаянно кричит. Верхняя половина — песчаная почва, возможно, пустыня. Прямоугольная яма в земле, напоминающая могилу. Видны мужские ноги: какой-то человек, орудуя лопатой, засыпает яму песком.

Девушка страшно кричала. Тейтум вспомнил, что оставил дверь открытой, покосился на нее и поспешно закрыл.

— Можешь сделать потише? — попросил он.

Зои кивнула, пощелкала мышкой, и невыносимые, надрывные вопли зазвучали чуть глуше. Тейтум снова взглянул на экран. Там мужчина высыпал в могилу полный контейнер земли. Опрокинул его ногой, и земля рассыпалась комьями, а остатки он выгреб из контейнера лопатой. Женщина кричала и отчаянно колотила кулаками по крышке над собой.

Контраст между спокойной, сосредоточенной работой мужчины в верхней части экрана и истерикой девушки внизу заставил Тейтума вздрогнуть. Перегнувшись через плечо Зои, он поставил видео на паузу. Вопли прекратились, и Грей вздохнул с облегчением.

— Что это?

— Видеосъемка: женщину хоронят живьем.

— Откуда ты это взяла?

— Манкузо прислала. А ФБР это получило от полиции Сан-Анджело, штат Техас. Манкузо попросила меня поделиться мыслями. — Она протянула руку, чтобы снова запустить видео.

— Подожди! — поспешно сказал Тейтум.

Ее рука на мгновение зависла над мышью, затем снова легла на стол.
— Что мы имеем? — спросил Тейтум вслух, глядя на монитор.
Название под видео гласило: "Эксперимент номер один". Дальше серым шрифтом ник человека, загрузившего видео: Шредингер. Дата и время загрузки: 2.09.2016, 08:32. И больше ничего — только сам клип и пустая белая страница вокруг. Тейтум взглянул на URL страницы — выглядит как случайный набор букв и цифр.
Зои переключилась на свой почтовый ящик и быстро просмотрела почту.
— Полиция Сан-Анджело идентифицировала женщину на видео: это Николь Медина, девятнадцати лет, проживает в Сан-Анджело вместе с матерью. Три дня назад мать подала заявление об ее исчезновении. Через несколько часов после того, как сообщение об исчезновении появилось в СМИ, эта ссылка была разослана с временного почтового ящика двум журналистам и восьми блогерам.
Тейтум читал письмо, глядя ей через плечо.
— И девушку пока не нашли.
— Не нашли. — Зои ткнула пальцем в конец письма, до которого Тейтум еще не добрался. — По словам матери, она никогда раньше так не пропадала.
— Может быть, фейк? Розыгрыш ради хайпа? Мать тоже может быть в сговоре…
— Все может быть.
— Но ты так не думаешь?
— Пока не знаю, что думать.
— Давай посмотрим остальное.
Комнату снова заполнили вопли Николь. Тейтум с трудом заставил себя отвернуться от искаженного мукой лица и сосредоточиться на верхней части записи — на мужчине, закапывающем яму. Важна именно верхняя часть видео. Любая деталь, которая подскажет, что это за место. Камера стояла так, что видны были только земля, руки и ноги мужчины, контейнеры и яма, медленно заполняемая землей. Мужчина в джинсах и рубашке с длинным рукавом, руки в толстых перчатках. Ни клочка обнаженной кожи. Звук исходил только от нижней половины видео — с девушкой, уже не вопящей, а истерически рыдающей.
Вдруг кое-что в "могиле" привлекло внимание Грея.
— Смотри! — Он указал на один из углов ямы; оттуда поднималось, змеясь, что-то длинное и тонкое. — Шнур.
— Верно. Может быть, воздуховод?
Тейтум внимательно всмотрелся в экран.
— Вряд ли, — ответил он наконец. — Скорее, электрический провод. Это объясняет, почему мы видим похороненную женщину и слышим ее крики. Если, конечно, она действительно там.
— Но зачем использовать провод? Почему не блютуз или что-нибудь вроде этого?
— Толстый слой земли будет создавать помехи для передачи.
— Верно… — Не сводя глаз с экрана, Зои кивнула.
Мужчина опустошал контейнеры в течение семи минут. В какой-то момент он вышел из кадра, и несколько минут верхняя половина экрана оставалась пустой; в нижней в это время Николь снова отчаянно кричала. Потом он вернулся, закончил с контейнерами, разровнял землю лопатой. Могила стала практически незаметна. Мужчина повернулся к камере.
— Что он делает? — спросил Тейтум.
— Кажется, просто отдыхает. Хотя… нет, подожди!
Мужчина приблизился к камере, на ходу доставая что-то из кармана. Смартфон. Щелкнул крышкой, повернул телефон экраном к камере. Тейтум нахмурился. На экране выступал президент. Без звука — единственными звуками в записи оставались приглушенные рыдания Николь.
— Это что, какое-то политическое заявление?
Зои покачала головой.
— Видео выложили в пятницу утром. — Она ткнула пальцем в дату под заголовком "Эксперимент номер один". — А это кадры из выпуска новостей, прямой эфир. Он доказывает нам, что его видео — тоже прямой эфир.

На экране мужчина опустил телефон и сунул в карман. Затем начал наклоняться к камере… и тут верхняя половина экрана погасла. Николь внизу снова начала колотить по крышке, крики ее сделались громче и истеричнее.
— Через минуту или две видео развернется на полный экран, — пояснила Зои.
— Ты смотрела до конца?
— Да.
Тейтум откашлялся.
— И что в конце? — Идиотский вопрос, тут же понял он.
Зои навела курсор на индикатор продолжительности видео, начала двигать плашку вправо. Замелькали кадры. Зои остановила плашку на 57:07 и отпустила кнопку. Здесь Николь уже молчала, только изредка всхлипывала. А десять секунд спустя экран погас.
— Трансляция просто останавливается, — сказала Зои.
Тейтум нахмурился.
— Я ожидал, что он будет транслировать до самого конца. Пока она не задохнется.
— Может быть, не задохнулась?
— Тоже верно.
— Или Николь вообще не в этой яме. Даже если она не притворяется, это может быть жестокий розыгрыш. Возможно, ее заперли где-то еще.
— Может быть, запись с мужчиной — "живое" видео, а с Николь в яме — нет, — добавил Тейтум. — Прямой эфир на телефоне мы видели только в верхней половине экрана. А верхнюю с нижней ничто достоверно не связывает.
— Возможно, это отсылка к коту Шредингера. — Зои указала на ник человека, загрузившего видео: Шредингер. — Я не помню подробностей… по-моему, там шла речь о коте, запертом в ящике.
— И мы не знаем, жив кот или мертв. Значит, он и жив, и мертв одновременно.
— А здесь в ящике женщина, и нам тоже остается только гадать, жива она или мертва. — Зои откинулась на спинку стула. — Так что думаешь?
— О чем именно?
— Эту женщину действительно похоронили заживо? Видео озаглавлено "Эксперимент номер один". Значит, могут быть и следующие.
— Если предположить, что здесь все настоящее… — У Тейтума вдруг болезненно сжалось сердце. — Возможно, она еще жива?
Зои покачала головой.
— Если он ее там оставил — нет. Это я проверила первым делом. Позвонила Лайонелу и попросила его взглянуть.
Тейтум кивнул. Лайонелом звали одного из аналитиков, работающих с ОПА.
— Он сумел приблизительно прикинуть размер ямы, сопоставив его с ногами мужчины, и высоту ящика, сопоставив ее с головой Николь. В лучшем случае — если ящик заполняет могилу целиком, — в нем около девяноста дюймов в длину, тридцати в ширину и двадцати пяти в высоту. Как обычный гроб, может, чуть больше. В любом случае, даже если мы сильно ошибаемся в расчетах, Николь должна задохнуться самое позднее в течение тридцати шести часов. А учитывая, что вначале она была в истерике и потребляла намного больше воздуха, чем нужно для выживания, Лайонел считает, что больше двенадцати часов она протянуть не могла.
Тейтум присел на край стола, поверх раскиданных бумаг.
— И что же, Манкузо хочет, чтобы ты выяснила, кто перед нами, организатор безумного розыгрыша или убийца?
— Или что-то третье. Быть может, он похитил Николь, но пока не убил. Название "Эксперимент номер один" может означать и то, что нас ждут новые видео с Николь в главной роли.
Тейтум поморщился: такое предположение показалось ему самым страшным.
— Что будешь делать?
Зои хотела ответить, но в это время отворилась дверь, и вошла Манкузо.
— О, ты уже здесь! — воскликнула она, бросив взгляд на Тейтума. — Отлично. Я как раз хотела пригласить тебя присоединиться. Уже видел запись?
— Частями, — ответил Тейтум.

Манкузо удовлетворенно кивнула и повернулась к Зои:
— Есть какие-нибудь идеи?
— Нужно поговорить с детективом, который занимается этим делом. Пусть расскажет подробности. Полезно будет побольше узнать о Николь Медина. И, разумеется, любые технические данные об этом видео, которые помогут…
— Значит, ты считаешь, нам стоит этим заняться?
— Даже если это розыгрыш, непохоже, чтобы Николь участвовала в нем добровольно, — ответила Зои. — По меньшей мере перед нами похищение.
— Хорошо. Я хочу, чтобы вы оба отправились туда, — приказала Манкузо. — Как можно скорее — на случай, если Николь еще жива. Хотелось бы помочь полиции Сан-Анджело всем, что в наших силах.
Тейтум нахмурился.
— Шеф, сомневаюсь, что для этого нужно лететь в Техас. Уверен, несколько телефонных разговоров…
— Я предпочитаю, чтобы наши люди были на месте, — невозмутимо ответила Манкузо. — Если история получит продолжение, мы должны быть к этому готовы.
— Шеф! — На лице Зои отразилось удивление и тревога. — Моя сестра…
— С твоей сестрой, Бентли, всё в порядке. — По голосу Манкузо было понятно, что спорить с ней бессмысленно. — А теперь покупайте билеты — по возможности на сегодняшний вечер. Я хочу, чтобы вы занялись делом Николь Медина. Вы оба.
Несколько секунд Зои и Манкузо меряли друг друга взглядами, а Тейтум боролся с желанием куда-нибудь провалиться. До него дошло, что начальница беспокоится не только о безопасности Николь Медина. Она не хочет, чтобы Зои вмешивалась в расследование дела Гловера. Все в отделе знали, что Бентли и агент, брошенный на это дело, постоянно спорят о профиле Гловера — и агент уже жаловался, что Зои не дает ему работать.
А еще, разумеется, хочет самого Тейтума убрать подальше от Ларсона и от внутреннего расследования.
Наконец Зои, сжав губы, отвела взгляд.

— Что-нибудь еще,
шеф
?

— Свяжитесь с полицией Сан-Анджело, сообщите им, что вылетаете. И держите меня в курсе всего, что у вас там происходит.

Глава 5

Гневные вопли Марвина, своего деда, Тейтум услышал еще с лестничной площадки. Похоже, старик в ярости. Интересно, кто на этот раз надул ему в ботинки? Должно быть, Веснушка, рыжий кот Тейтума — и, скорее всего, вполне буквально. Входную дверь Тейтум открывал осторожно: в последнее время Веснушка полюбил спать прямо на пороге и, стоило задеть его дверью, становился очень недоволен. А недовольный Веснушка имеет дурную привычку вцепляться когтями в ноги любому, кто окажется рядом. Сегодня, однако, мелкий хищник охотился где-то в других краях, и в дом удалось войти спокойно. Крики доносились с кухни. Слышался только голос деда; Тейтум заключил, что Марвин говорит по телефону. Точнее, кого-то распекает.
— Все, мисс, с меня хватит! Свяжите меня с вашим начальником или еще с кем-нибудь, у кого в голове чуть больше мозгов! Я хочу… да, разумеется, хочу медицинскую страховку — ради этого и позвонил! Нет, черт возьми, страховка для пенсионеров меня не интересует! Мне нужна… Алло! Алло!
Тейтум закатил глаза и вошел на кухню. Марвин сидел за столом с полупустой чашкой чая. Он поднял на внука острый взгляд.

— Чертовы страховые агенты! Кровопийцы проклятые! Вытягивают из нас все деньги, да еще и за эти деньги работать не хотят! Ну что им стоит разок пошевелить мозгами, а не отвечать по инструкции?
— Рад, что ты наконец этим занялся, — заметил Тейтум, наливая себе чай. О медицинской страховке он напоминал Марвину уже несколько недель.
— А толку-то? Они не могут понять, что мне нужно!
Тейтум понимающе кивнул. Дед — человек старой школы, предпочитает все вопросы решать лицом к лицу. Заполнять анкеты в Интернете для него невыносимо, от телефонных разговоров он бесится, если они длятся дольше пяти минут. Тейтум ему сочувствовал: мир меняется слишком быстро, и Марвин за ним не поспевает.
Он налил себе и деду кипятка и сел напротив.
— Хочешь, я сам этим займусь? Я знаю, как с ними разговаривать.
Марвин поколебался.
— Да ну? — недоверчиво проворчал он. — Правда возьмешься?
— Конечно. Что тебе нужно?
— Застраховаться для прыжка с парашютом.
Тейтум поперхнулся и отчаянно закашлялся. Горячий чай — отличная штука, только не в носу!
Марвин, скрестив руки на груди, сверлил его взглядом.
— С парашютом? — переспросил наконец Тейтум, все еще отфыркиваясь.
— Да, прыгаю через три дня, уже все оплатил. А теперь вдруг выясняется, что мой возраст их не устраивает! Видите ли, их страховка мой возраст не покрывает, и я должен застраховаться отдельно. Представляешь, наглость какая? Сущее вымогательство!
— Представляю, — ответил Тейтум, вытирая рот салфеткой. — Дед, ты не можешь прыгать с парашютом.
— Это еще почему, черт возьми?
— Потому что тебе восемьдесят семь.
— И что с того? Всего делов — выпрыгнуть из самолета! Земное притяжение, если ты не знал, на стариков и на молодых действует одинаково.
— При чем тут притяжение? У тебя же сердечный приступ будет.
— Не говори ерунды. У меня сердце как у быка.
— У тебя уже был сердечный приступ!
— Больше десяти лет назад? Что нас не убивает, Тейтум, то делает сильнее. Не так уж много времени мне осталось — самое большее, лет тридцать-сорок. Я хочу прыгнуть с парашютом, пока еще живой. Неужто я хочу слишком многого?
— Ну почему ты не можешь играть в бридж или ходить на рыбалку, как любой нормальный дед?
— Послушай, ты сказал, что поможешь мне. Так будешь звонить туда или нет?
— Конечно, нет.
Марвин в гневе вскочил и, чеканя шаг, вышел из кухни. Тейтум вздохнул. Если бабуля сейчас смотрит на них с небес — то-то, должно быть, помирает со смеху!
Он встал, взял с собой чай и пошел вслед за дедом в гостиную. Свирепый рыжий кот Веснушка сидел посреди комнаты, яростно хлестал себя хвостом по бокам и не сводил глаз с аквариума, где вокруг единственного украшения — пивной бутылки — невозмутимо плавала кругами одинокая золотая рыбка. Точнее, рыбк. Звали его Тимоти, и они с котом вели постоянный поединок характеров.
Несколько недель назад Тейтум проснулся среди ночи от страшного грохота, с пистолетом в руке вбежал в гостиную — и обнаружил посреди комнаты Веснушку, мокрого насквозь и в полном недоумении, а рядом — опрокинутый цветочный горшок. А в аквариуме, наполовину опустевшем, все так же бодро плавал Тимоти. С тех пор Веснушка регулярно кружил вокруг аквариума, пожирая его обитателя злобным взглядом. Ну а Тимоти… он вел себя так, как и положено аквариумной рыбке.
Хмурый Марвин сидел на диване. Тейтум понимал: если не разрешить конфликт немедленно, дед ввяжется во что-нибудь еще похуже прыжков с парашютом. А он сегодня улетает в Техас — и вовсе не хочет вернуться к свежей могиле. Нужно чем-то занять старика.

— Послушай, — начал он, плюхаясь на диван рядом с дедом. Чай у него в руках опасно всколыхнулся, но каким-то чудом в основном остался в чашке. — Я вечером улетаю в Техас. Хочу попросить тебя об одолжении.
— Ах, теперь тебе от меня что-то нужно?.. Что ж, Тейтум, я не в настроении тебе помогать.
— Ты ведь знаешь Зои Бентли? С которой я работаю?
Марвин покосился на него с явным любопытством.
— Знаю.
— Того парня, что на нее напал, так и не поймали. Ну, помнишь, того серийного убийцу…
— Рода Гловера. Помню, Тейтум. Маразма у меня пока нет.
— Теперь этот тип угрожает ее сестре. Возможно, даже следит за ней. И Зои боится оставлять сестру одну. Ты не сможешь… заглядывать к ней иногда, проверять, как она там?
— Хм. А почему полиция ничего не делает?
— Гловер исчез; о нем ни слуху ни духу уже больше месяца. Однако Зои допускает, что он рыскает где-то рядом. Пожалуйста, просто заходи к ней иногда. Так и ей самой, и ее сестре будет спокойнее.
— Еще бы! Ведь у меня есть пистолет.
Тейтум побелел.
— Э-э… нет, вот пистолет лучше оставить дома.
— И как ты себе это представляешь? Появляется маньяк — и что, я луплю его тростью по башке?
— У тебя же нет трости.

— Ты чертовски прав, Тейтум. Трости нет. А пистолет есть. Так что передай Зои: о ее сестре я позабочусь. Я всегда готов прийти на помощь ближнему, в отличие от некоторых!

Глава 6

Лежа на кровати, с ноутбуком на коленях, Зои снова и снова просматривала "погребальное" видео. На нижнюю половину, где Николь Медина надрывалась в крике и колотила кулаками по крышке своего гроба, она не смотрела. Чуть раньше, когда в комнату заглянула Андреа и спросила, что это за крики, Зои выключила звук.
Она не сводила глаз с мужчины в верхней части экрана. Неотрывно следила за его спокойными, неторопливыми, обыденными движениями. По крайней мере, такими они казались с первого взгляда. Приглядевшись внимательно, Зои заметила, что в какой-то момент его движения ускоряются, становятся торопливыми, возбужденными. И походка делается неуклюжей: так ходят мужчины, когда борются с внезапной и неуместной эрекцией. Он сексуально возбужден.
Еще одно свидетельство, что это не розыгрыш. Этот человек воплощает в жизнь свою фантазию. Что именно его возбуждает? Что он снимает все это на камеру и показывает миру? Крики и стук из-под земли? Или само закапывание ямы?
Пока рано судить.
В дверь постучала Андреа.
— Зои? Есть хочешь?
Еще бы не хотеть! Зои поставила видео на паузу, вновь, нахмурившись, взглянула на экран. В верхней его части мужчина разравнивал песок. В нижней — в беззвучном крике, с широко открытым ртом застыла Николь.
Зои захлопнула ноутбук и встала. Она действительно проголодалась: от запаха жареного мяса приятно заурчало в желудке. Андреа ждала за дверью — бледная, с потухшими глазами, и при виде ее Зои охватили сострадание и стыд. Уже очень давно она не видела сестру такой. Обычно Андреа была веселой, энергичной, полной жизни… теперь же ее угнетал и высасывал силы неизбывный страх.
— И что у нас на ужин? — с показной бодростью поинтересовалась Зои.

— Я сделала шницель с пюре.
— Шницель? Звучит очень по-европейски!
— Кажется, это австрийское блюдо, — ответила сестра и, повернувшись, побрела на кухню.
Зои последовала за ней и увидела на клетчатой красно-белой скатерти две тарелки, от которых поднимался пар. Почетное место на каждой занимал кусок мяса — по всей видимости, курицы, — обжаренный и вывалянный в сухарях, а рядом — горка пюре с маслом, украшенная декоративным зеленым листочком. На краю каждой тарелки лежал ломтик лимона. И выглядело, и пахло все очень аппетитно: рот у Зои сразу наполнился слюной.
Пока та садилась за стол, Андреа достала из холодильника две банки пива.
— Выдави лимон, — посоветовала она.
Так Зои и сделала. Затем отрезала кусочек шницеля и положила в рот. В хрустящей корочке чувствовался вкус сухарей, перца — и уюта. Курятина мягкая, нежная, отлично прожаренная: сущее наслаждение! И лимон удивительно к месту.
— Здорово, правда? — улыбнулась Андреа, и на миг Зои показалось, что перед ней прежняя сестренка, веселая и энергичная.
— Потрясающе!
— На самом деле ничего особенного. Просто куриная грудка в сухарях. Едва ли заслуживает звезды Мишлена.
— Но определенно заслужила звезду Зои!
— Ты просто проголодалась, — слегка порозовев, заметила Андреа и начала резать свой шницель.
— А почему ты дома? — отхлебнув пива, спросила Зои. — Разве сегодня вечером не работаешь?
Андреа пожала плечами, уткнувшись в тарелку.
— Меня уволили.
— Что?
— Сегодня позвонил Фрэнк. Сказал, что нашел кого-то мне на замену. — Как ни старалась сестра говорить беззаботно, ее голос срывался.
Фрэнком звали хозяина ресторана, где работала Андреа.
Переваривая эту новость, Зои поняла, что первая ее реакция — облегчение. Ночные смены в ресторане были для них с сестрой источником постоянных споров. Зои считала, что это большой и совершенно ненужный риск. Гловер может подстеречь Андреа на задворках ресторана, куда она выходит выбросить мусор. Или выяснить, каким маршрутом она возвращается домой, и схватить, едва девушка выйдет из такси. Или…
— И почему он тебя уволил? — спросила она наконец.
— А ты как думаешь? — с горечью ответила Андреа. — Сказал, что не может платить официантке, которая не готова отрабатывать три ночные смены в неделю.
— Милая, мне очень жаль, но…
Андреа бросила вилку на стол.
— Зои, я так больше не могу! Прошло уже больше месяца. И никто, нигде, ни разу его не видел! А агент Колдуэлл говорит…
— Агент Колдуэлл ошибается! — гневно выплюнула Зои. — Он не видит, что Гловер…
— Он говорит, что Гловер очень осторожен. Что он не рискнет вступить в прямой контакт.
— Колдуэлл ничего не понимает! Фантазия Гловера в том…
— Зои, мне плевать на его фантазии! Что, если он действительно лег на дно — и будет скрываться еще год, или два, или пять? Все это время я буду вот так жить?! — Слезы, которые она долго пыталась скрыть, покатились по щекам; одна слеза упала на шницель и впиталась в слой сухарей.
— Андреа! — Зои потянулась к сестре, но та отдернула руку.
— Ладно, забудь, — сказала она. — Работа все равно была хреновая.
Не зная, как утешить сестру, Зои молча вернулась к еде. Андреа утерла слезы и тоже принялась за шницель.
Через несколько минут тяжелого молчания Зои сказала:
— Звонил Тейтум. Не возражаешь, если, пока мы будем в Техасе, к тебе будет иногда заглядывать его дед? Он уже стар, и Тейтум говорит, что ему очень одиноко.

Андреа смерила ее проницательным взглядом. В отличие от Зои, она не унаследовала от матери длинного носа с горбинкой, но получила от отца те же пристальные зеленые глаза. Зои прямо встретила ее взгляд. Несколько секунд прошли в молчании; Зои не знала, поверила ли сестра ее невинному объяснению.
— Конечно, — ответила наконец Андреа. — Он милый, правда?
— Правда. И почти никого здесь не знает.
Это была уже откровенная ложь. За те полтора месяца, что Тейтум с дедом прожили в Дейле, Марвин успел завести себе компанию — в основном из людей намного моложе себя — и дважды устраивал в квартире внука шумные вечеринки, после которых соседи вызывали полицию, а квартиру приходилось долго приводить в порядок.
— Мне все равно нечем заняться. Собственного жилья нет, работы теперь тоже…
— Найдешь другую работу.
— Я устала, Зои. Страшно надоело бояться!
Зои молча кивнула: нежное, тающее во рту пюре вдруг утратило для нее вкус. Андреа всего этого не заслужила! В отличие от Зои, она всегда старалась держаться подальше от насилия. Не могла видеть, как кому-то делают больно — даже по телевизору. А теперь из-за того, что она — сестра Зои, в ее жизнь ворвался монстр…
— Как только вернусь, я все исправлю, — пообещала Зои, от души надеясь, что сумеет сдержать свое слово. — Манкузо обещала дать мне доступ к делу. Найду этого ублюдка Гловера и засажу его за решетку!
— А если нет?
— Что-нибудь придумаем. Обязательно. Обещаю.

Глава 7
Сан-Анджело, Техас, вторник, 6 сентября 2016 года

Едва они вышли из аэропорта, раскаленный воздух ударил Зои в лицо и на секунду прервал дыхание. В здании, где работали на полную мощность кондиционеры, было прохладно, и она думала, что погода снаружи не слишком отличается, — но как же ошиблась! Казалось, техасская жара за мгновение высушила кожу. Яркое солнце слепило глаза: прикрыв их ладонью, как щитком, Зои огляделась. Торопливо сняла черный пиджак, сложила и повесила себе на локоть. Солнечные очки остались дома. Собиралась она в спешке и поздно ночью, так что о ярком солнце как-то совсем не подумала. Придется купить новые.
— Наша машина должна быть там. — Тейтум показал в сторону стоянки. Выглядел он как типичный агент ФБР из сериалов — строгий черный костюм, большие черные очки, начищенные до блеска ботинки — и, похоже, совсем не страдал от жары. — Серебристый "Хёнде Эксент". Сказали, он припаркован с северного края стоянки.
Зои взглянула в ту же сторону. Стоянка в нескольких дюжинах ярдов. Как дойти туда по этому пеклу?
— У тебя воды не найдется? — сипло спросила она, вспомнив, что Тейтум покупал бутылку воды в аэропорту.
Порывшись в сумке, Грей извлек оттуда воду и передал Зои. На жаре пластиковая бутылка сразу начала запотевать. Бентли отвинтила крышку и, запрокинув голову, поднесла горлышко к губам.
— Если хочешь… — начал Тейтум — но Зои уже опрокинула в себя все одним глотком, — …допивай.
— Спасибо! — Она с наслаждением облизнула губы.
Солнце пекло нещадно; Зои, пробираясь между машинами, буквально чувствовала, как плавятся мозги. Размышлять о серийных убийцах в таком климате невозможно: все мысли только о том, что купить, чтобы выжить на этой жаре. Какую-нибудь панаму на голову. Большую бутылку воды. Легкую блузку и шорты. Портативную морозилку, чтобы в ней жить…
— Вот она!

Тейтум открыл машину. Зои поспешно нырнула туда, надеясь спастись от жары, но и в салоне оказалось жарко и душно.
Грей завел мотор, и из кондиционера ударил поток горячего воздуха; впрочем, вскоре он остыл и принес благословенную прохладу. Зои направила струю воздуха прямо себе в лицо, чувствуя, как к ней медленно возвращается способность мыслить. Интересно, как она должна ловить здесь убийцу — не выходя из комнаты с кондиционером?

Пока Тейтум искал в телефоне кратчайший путь к отделению полиции Сан-Анджело, Зои включила радио и крутила ручку настройки. Услышав "
Begin Again
" Тейлор Свифт, удовлетворенно откинулась на спинку сиденья, ожидая, когда Тейтум тронется с места.

— Так. — Он поднял глаза от телефона. — Мы же не будем это слушать?
— Будем.
— Зои, я так не могу!
— А придется. Давай, поезжай.
— Вот что я тебе скажу! — Тейтум просиял. — Давай выбирать музыку по очереди. В этот раз я решаю, что слушать, в следующий раз — ты.
— Ладно.
Грей подключил свой телефон к заряднику и немного в нем порылся.
— Что ж, мой выбор — "Дженезис".

— А мне нравится "Дженезис", — откликнулась Зои, довольная тем, что попытка Тейтума привить ей хороший музыкальный вкус провалилась. — В молодости у меня была кассета "
Invisible Touch
" — заслушала до дыр!

— Не сомневаюсь. Но я говорю о "Дженезис" до того, как оттуда ушел Питер Гэбриел и группа покатилась на дно. Этот альбом называется "
Selling England by the Pound
". Шедевр!

Он включил музыку и тронулся с места. Рокот автомобильного мотора сплелся с печальным голосом одинокого певца.
Прислушиваясь к музыке, Зои выглянула в окно. С одной стороны расстилалась бесконечная равнина, лишь кое-где тянулись к небесам одинокие деревья. Другую сторону дороги скрывали от взора заросли кактусов.
Мысли Зои обратились к Андреа. Чем-то сейчас занята сестренка? Еще спит? Она говорила, что с утра начнет искать новую работу. Бентли подавила укол тревоги при мысли о том, что Андреа будет разъезжать по Дейлу одна. Зои оставила ей ключи от машины, чтобы сестре не приходилось брать такси или ездить на автобусе.
— Похоже, тебе жара совсем не мешает, — заметила она, повернувшись к Тейтуму, чтобы отвлечься от невеселых мыслей.
— Я вырос в Аризоне.
Зои кивнула.
— А тебе нравилось в… — Она сообразила, что не помнит названия городка, где родился Тейтум.
— В Уикенберге? Пожалуй. Город очень маленький, все друг друга знают. У меня была одна и та же компания — трое лучших друзей — с детского сада и до выпускного класса. И темп жизни там совсем не такой, как в большом городе. После школы мы часами играли в футбол или просто болтали, пока родители или Марвин не загоняли меня домой.
— Марвин жил поблизости? — спросила Зои.
Тейтум улыбнулся.

— После смерти бабули поселился в соседнем доме. Они с папой обожали общаться через окна. Дома стояли чуть поодаль друг от друга, так что приходилось кричать. Соседи просто с ума сходили. "Эй, Марвин, зайдешь к нам посмотреть игру?" "Конечно, Толли, а что у вас на ужин?" "Марвин, ужин мы съели час назад!" "И меня не позвали?!" — Тейтум фыркнул. — И так, пока мама не захлопнет окно.
— Толли? — переспросила Зои.
— Толливер. Но все звали папу Толли… Послушай, великолепный проигрыш!
Зои не разделяла его восхищения "великолепным проигрышем". Ей вообще не нравилась музыка, в которой постоянно меняется стиль.
— А мои родители почти не кричали друг на друга, — сказала она. — Не хотели давать соседям пищу для сплетен. Если им случалось спорить, мама сначала проходила по дому, закрывала все окна, а потом уже начинала повышать голос.
— А у моих родителей громкие ссоры были любимым развлечением! По-моему, их обоих это только веселило. Что-то вроде сериала вживую.
Тейтум умолк и задумался, барабаня пальцами по рулю в такт музыке.
— А чем ты занималась, когда была маленькой? — спросил он несколько минут спустя. — До того, как начала ловить серийных убийц.
— В основном, читала. Все, что попадалось в руки. У нас в Мейнарде была хорошая библиотека, и несколько раз в неделю я отправлялась туда на велосипеде за новыми книгами.
— Так и думал, что ты была книжным червем!
— Ну нет, я вовсе не сидела на чердаке, обложившись горой книг, с утра до ночи! — возразила Зои. — У меня были друзья… точнее, одна подруга.
— ЛПН?
— Не знаю, что это значит.
Тейтум удивленно взглянул на нее.
— "Лучшая подруга навсегда"! Я думал, это все знают.
Зои пожала плечами.
— Ну, не очень-то навсегда — я с ней уже лет пять не общалась. Но в то время мы очень дружили. Постоянно ездили друг к другу в гости на велосипедах… Вообще, только сейчас осознаю, что с велосипедом я не расставалась. Хотя ни разу не садилась на него с тех пор, как уехала из Мейнарда.
— Я тоже всюду ездил на велике, — подхватил Тейтум. — Думая о детстве, первым делом вспоминаю, как давлю на педали, разгоняюсь все быстрее и быстрее… Каждый день я ездил в школу и обратно — и засекал время, ставил рекорды и сам себя побеждал. И с ребятами мы устраивали велосипедные гонки на шоссе. Или отправлялись на Черепашью Гору… Ну, не сказать, что это настоящая гора, но в то время этот холм казался нам огромным. Доезжали до вершины, а потом соревновались, кто быстрее спустится вниз.
— Просто чудо, что ты выжил!
Тейтум рассмеялся.
— С тех пор, как я переехал к Марвину, следили за мной не слишком усердно, это точно!
Зои попыталась представить, каким подростком был Тейтум. И вдруг поняла, что ей это действительно интересно — интересен этот человек.
— Что случилось с твоими родителями? — спросила она. Раньше они никогда об этом не говорили: Зои знала только, что Тейтума вырастил дед.
— Погибли в автокатастрофе, когда мне было двенадцать. В них врезался пьяный водитель.
— Мне очень жаль.
— Спасибо. Тот водитель тоже погиб — и, пожалуй, ему повезло. Иначе Марвин выследил бы его и прикончил. А так просто вырастил меня. По-моему, результат получился вполне пристойный.
— Более чем!
— Ты бы слышала, какие баталии вокруг времени возвращения домой разворачивались у нас в одиннадцатом классе! — Тейтум сверкнул улыбкой.
Они подъехали к городскому отделению полиции Сан-Анджело: громоздкому, довольно унылому на вид коричневому зданию. Тейтум притормозил и свернул на парковку.
— Ну что? — спросил он, выключая мотор. — Как тебе альбом?

— Нет припевов, нет ритма, и мне не нравится, когда солист начинает орать. Впрочем, вступление к первой песне звучит неплохо. Будь таким весь альбом, он бы мне понравился.
Грей скривил губы.
— Нужно послушать несколько раз, чтобы…
— Тейтум, этот раз был последним. И в следующей поездке музыку выбираю я. — Она вышла из машины и захлопнула за собой дверь.

Глава 8

Отдел криминальных расследований в городском отделении полиции Сан-Анджело располагался на первом этаже, в дальнем конце длинного коридора, ведущего из холла. Открытое пространство было разбито на боксы с бежевыми стенами, не доходящими до потолка — такими невысокими, что Тейтум легко мог заглянуть в каждый "кабинет". Лейтенант Питер Дженсен, проведший их внутрь, огляделся с таким видом, словно сам увидел эти боксы впервые.
— Здесь работают наши детективы. — С этими словами он обвел свое королевство величественным жестом. Дженсен был коротышка, ростом чуть повыше Зои. — А вот наша оперативная доска, — продолжал он, указав на большую белую доску. — Здесь мы делаем заметки по самым важным и срочным делам.
Доска была девственно чиста — не считая дальнего ее угла, где кто-то поиграл в крестики-нолики, и верхней части, на которой начали писать несмываемым маркером, но быстро поняли свою ошибку. В память об этой оплошности здесь остались, навеки вписанные в вечность, буквы "ГИБ". Дженсен бросил на доску мрачный взгляд, явно расстроенный тем, что не может показать фэбээровцам ничего важного и срочного.
— Очень интересно, — вставил Тейтум, надеясь прервать эту экскурсию. — А где мы можем поговорить о деле Медина?
— Идемте ко мне в кабинет. Сюда.
Он открыл дверь в конце зала с кабинками и впустил их в тесный угловой кабинет, бóльшую часть которого занимал большой и совершенно пустой стол. На стене напротив двери висели несколько документов в рамках — благодарности полиции за усердную работу — и фотография Дженсена с каким-то, судя по виду, большим начальником.
— Присаживайтесь, пожалуйста.
За годы работы в ФБР Тейтум научился ясно понимать, когда ему не рады. Дженсен явно не горел желанием их здесь видеть. Чувствовалось, что он приготовил пространную речь, смысл которой можно вкратце передать как "валитека отсюда".
— Очень, очень приятно видеть, что ФБР так серьезно отнеслось к этому делу! — начал Дженсен. — Откровенно говоря, мы сообщили вам об этом видео, поскольку хотели поставить вас в известность на случай, если при определенных обстоятельствах эта история будет иметь продолжение.
"Кто-то позвонил в ФБР, не предупредив меня", — мысленно перевел Тейтум.
— Поэтому мы и здесь, — бодро ответил он. — Для того, чтобы предотвратить возможное… хм… продолжение.
— Разумеется. И мы очень, очень этому рады. Мы здесь, в отделении полиции Сан-Анджело, чрезвычайно высоко ценим межведомственное сотрудничество.
"Свое дерьмо предпочитаем разгребать сами. А прочие ведомства, черт бы их побрал, пусть не лезут не в свои дела!"
— Однако, возможно, присылать сюда команду было несколько преждевременно…
"Хотите перехватить у нас расследование? Только через мой труп!"
— Преждевременно? — перебила его Зои. — У вас тут, судя по всему, девушку похоронили заживо. Вы уверены, что управитесь самостоятельно?
— Ну… как вы понимаете, мы рассматриваем происшедшее со всех сторон. Видеозапись действительно вселяет тревогу. Тем не менее, возможно, она не отражает все факты…
"Да фейковое это видео! Такая же подделка, как и вы двое".
— Какие факты? — напряженно спросила Зои.

Тейтум задумался, не пора ли вмешаться. Перед ним стоял нелегкий выбор: с одной стороны, если Зои откусит этому напыщенному копу голову, из отделения полиции их вышвырнут и делом заниматься не дадут. С другой стороны, будет весело.
— Оскар Медина, отец Николь, сейчас отбывает срок за хранение и продажу наркотиков. Известно, что он связан с мексиканской мафией. Наш информант сообщил недавно, что одна местная банда пытается перенаправить канал поставок на себя. Так что очень возможно, что перед нами угроза в адрес Оскара Медины.
— Хотите сказать, какие-то местные бандиты похоронили Николь заживо и сняли это на видео, чтобы пригрозить ее отцу? — Зои прищурилась. — А дальше что? Выкопали ее обратно?
— Нужно изучить все возможности. И, разумеется, нам очень хотелось бы услышать точку зрения ФБР.
Зои набрала воздуху в грудь, явно готовясь к нападению, и Тейтум решил: хоть и забавно будет посмотреть, как от лейтенанта клочки полетят по закоулкам, пора все-таки вспомнить, ради чего они приехали в Техас.
— Кто из ваших детективов занимается этим делом? — поспешно спросил он.
— Наш самый опытный следователь. Поверьте, мы относимся к этому случаю очень серьезно!
Тейтум подавил в себе желание спросить, почему же не видно никаких следов на оперативной доске, предназначенной для самых серьезных дел.
— Разумеется. Покажете нам, где он сидит? Поговорим с ним, убедимся, что наши точки зрения совпадают, и отправимся восвояси.
Пухлые губы лейтенанта Дженсена тронула легкая улыбка. "Отправимся восвояси" — только это он и мечтал услышать!

Глава 9

Детектив Сэмюэл Фостер был чернокожим, с густой черной бородой, кое-где испещренной серебристыми пятнышками седины. На взгляд Зои, ему было около сорока, может, чуть больше: на лбу уже виднелись морщины. Кто-то говорил ей, что полицейские стареют быстрее; глупо, конечно, делать такие смелые обобщения, но Зои не раз встречала преждевременно постаревших копов. Когда вместе с лейтенантом Дженсеном они появились на пороге его кабинки, Фостер грыз карандаш и невидящим взглядом смотрел на монитор, где застыло в гримасе ужаса лицо Николь Медина.
— Детектив, это агенты Грей и Бентли из ФБР, — сообщил Дженсен деловым тоном, однако с ноткой легкой обиды. "Агентом" Зои не была, но поправлять его не стала.
Фостер повернулся на вращающемся кресле и вынул изо рта карандаш, сплошь покрытый отметинами от зубов. Его лицо оставалось бесстрастным: если он и испытывал какие-то чувства, то тщательно их скрывал.
— Агенты ФБР? Что им здесь нужно?
— Прилетели после того, как мы сообщили им о деле Николь Медина.
— А мы им сообщили? — Фостер широко раскрыл глаза. — Рад, что вы решились, лейтенант.
— Они просто послушают нас и выскажут свое мнение, — сказал Дженсен. Трудно было понять, как ему удается говорить, практически не разжимая челюсти. — Буду благодарен, если вы введете наших гостей в курс дела.
— Разумеется, лейтенант.
Дженсен коротко кивнул и ушел.
В тот же миг детектив расплылся в широкой теплой улыбке. Секунду назад это был измотанный сердитый коп; теперь, словно по волшебству, он превратился в приятного и дружелюбного человека.
— Спасибо, что приехали! То, что нашим делом заинтересовалось ФБР, честно говоря, для меня большое облегчение.
— Это вы сообщили в ФБР? — спросил Тейтум.

— Я? — Фостер театрально прижал руку к сердцу. — Ну нет, я таких решений принимать не вправе! Я предложил позвонить федералам, но действительно ли нам необходимо внешнее вмешательство, решает только лейтенант.
— Что ж, очень хорошо, что кто-то нас известил, — подвела итоги Зои; ей не терпелось перейти к делу. — Надеюсь, мы поможем вам сузить список подозреваемых.
Фостер указал на соседнее офисное кресло.
— Присаживайтесь. А вы, пожалуйста, принесите себе третий стул вон из того бокса. О'Салливан сейчас в отпуске, он возражать не будет.
Зои села, а Тейтум сходил в соседний бокс и принес себе стул. Стало тесновато: бокс не был рассчитан даже на двоих, не говоря уж о троих.
— Думаю, запись вы видели? — Фостер бросил изгрызенный карандаш в стаканчик, откуда торчали несколько таких же.
— Да, — ответила Зои. — Лейтенант Дженсен считает, что налицо угроза отцу Николь Медина со стороны…
— У лейтенанта хватает безумных теорий, но, можете быть уверены, услышал он их не от меня, — вставил Фостер.
Зои переглянулась с Тейтумом.
— По словам лейтенанта, об этом ему сообщил информатор.
— Руфус "Блэки" Андерсон. Блэки всегда есть чем с нами поделиться, особенно с тех пор, как мы начали платить по сорок долларов за подсказку. Иногда выдает что-то ценное, но чаще просто кормит нас баснями… — Фостер покачал головой. — Нет, я ни на секунду не верю, что дело связано с наркотиками или с мафией. За этим стоит какой-то больной ублюдок.
— Что вы можете рассказать нам об исчезновении Николь Медина? — спросил Тейтум.
— О том, что она пропала, сообщила ее мать утром второго сентября, — начал Фостер. — Накануне вечером Николь пошла на вечеринку, сказав ей, что вернется около полуночи. Утром мать увидела, что Николь так и не вернулась, и позвонила нам. Мы поговорили с ее друзьями: они заверили, что довезли Николь до дома на машине. Их показания совпадают, а кроме того, у нас есть запись с инфракрасной камеры наблюдения. На ней видны четверо в машине, и на заднем сиденье — Николь.
— Как она выглядит? — спросила Зои. — Пьяна? Может быть, спит?
— Посмотрите сами. — Фостер наклонился, положил руку на мышку и дважды щелкнул по иконке с открытой папкой.
На экране возникла фотография — стоп-кадр "Тойоты" на ночной дороге. Разрешение было очень плохое, однако Зои различила лицо девушки, смотрящей в окно.
— Видно, что она в сознании, — заметил Фостер. — Кроме этого, ничего не разглядишь. Саму запись с камеры я покажу вам позже.
— И что дальше? — спросил Тейтум.
— Если верить ее друзьям, они высадили ее возле дома и уехали. Вместе с водителем я съездил к ее дому, и он показал мне, где именно остановил машину. Мы обошли всех соседей. Никто не видел, как Николь выходила из машины. Как я сказал, показания ее друзей совпадают, да и сами они, судя по всему, вполне приличные ребята. На улице темно, к дому ведет неасфальтированная дорожка.
Зои нахмурилась.
— Думаете, кто-то схватил ее там?
— На дорожке есть следы, которые могут означать борьбу. — Фостер пожал плечами. — Но прямых улик нет. Ни крови, ни еще чего-то такого. В сущности, мать даже не может сказать наверняка, что Николь не возвращалась домой. Возможно, она вернулась, поспала и снова ушла куда-то рано утром. Хотя это маловероятно. Мы не нашли никаких следов ее возвращения.
Зои попыталась это себе представить. Если Николь схватили в двух шагах от дома… Рискованно. Даже очень рискованно. С другой стороны, рядом с домом девушка наверняка чувствовала себя в безопасности и расслабилась.
Фостер вздохнул.
— Надо отдать должное лейтенанту, к делу он подошел серьезно. Как и наш шеф. Мы со всеми поговорили, подробно опросили соседей. А затем, вечером, один местный парень по

имени Ронни Кронин прислал нам ссылку на видео. — Он устало показал на монитор. — Просмотрел несколько раз. Ночью уснуть не смог.
Зои его понимала. Даже размытый застывший кадр на экране — широко раскрытые глаза, разинутый в крике рот, тесное темное пространство, в котором заточена девушка — наводил ужас.
— Местный парень… — повторила она. — А он откуда взял эту ссылку?
— Получил по электронной почте. Он ведет "Ю-тьюб"-канал о… — Фостер закатил глаза. — Даже затрудняюсь сказать, о чем. Посмотрел несколько его роликов — и половины не понимаю. Так или иначе, кто-то отправил ссылку ему и другим. Он переслал письмо мне. Письмо с временного ящика, и в нем только эта ссылка. Разослана по десяти разным электронным адресам. Восемь из них, включая Кронина — популярные "ю-тьюберы" из Сан-Анджело и окрестностей. Еще двое — репортеры местных газет. Кое с кем я побеседовал; все говорят более или менее одно и то же — посмотрели несколько секунд, решили, что это какой-то мерзкий розыгрыш, и выключили.
— А Кронина вы проверили? — спросила Зои.
— Он чист. Всю ночь играл со своими друзьями в онлайн-игру и вел об этом прямой репортаж. Мы проверили, все сходится.
— Какие-нибудь другие зацепки? — спросил Тейтум.
— Мать дала нам несколько контактов подруг. Потом я съездил в тюрьму и поговорил с ее отцом. Он выглядел очень встревоженным, но заверил, что к мафии это не может иметь никакого отношения. Много вариантов нужно было проверить, а время поджимало… — Фостер вздохнул, невидящим взором глядя на монитор. — Надо мне было сразу настоять, чтобы позвонили вам! Но я думал, у нас получится быстро что-то разыскать. В общем, пока ничего не нашли. Все ниточки обрываются. И если девушку действительно похоронили заживо — скорее всего, теперь она уже мертва.
— И вы хотите, чтобы мы ее нашли, — медленно произнесла Зои. — Для этого позвонили в Бюро.
— Ну конечно. Вы же там умеете прослеживать происхождение видео? Вы найдете того, кто его загрузил. Наш IT-отдел ничего не смог сделать, но федералы-то справятся!
Зои с досадой скрипнула зубами. В отличие от Фостера, она не верила в магические киберспособности федералов — и, что еще хуже, понимала, что Фостер обратился за помощью не туда, куда следовало. Ему был нужен кто-нибудь из отделения ФБР в Сан-Антонио. Вместо этого его запрос отправился в долгое странствие и наконец оказался в ОПА. В результате и куча времени потеряна, и на место преступления приехали не те, кто здесь нужен. Интересно, хоть кто-нибудь в Бюро пытался всерьез определить происхождение видео?
Фостер переводил взгляд с нее на Тейтума и обратно.
— Вы ведь поговорите с вашими аналитиками? Примените магию ФБР?
Зои покачала головой.
— Видите ли, мы не…
— Сделаем все, что сможем, — ответил Тейтум.

Глава 10

На взгляд Грея, во всем Бюро был только один стоящий аналитик: Сара Ли из лос-анджелесского отделения. Других сотрудников, носящих звание "аналитиков", он в расчет не принимал, и на то были причины. Конечно, и Сара не умела всего на свете — в ее знаниях и навыках имелись пробелы. Но, если требовалось что-то выяснить, Тейтум всегда обращался к ней. Вопрос о взрывчатке — звони Саре. Странные следы на месте преступления — первой набери Сару. Марвин сломал интернет-роутер, и непонятно, как его починить? Где там номер Сары?
Сидя в пустом боксе напротив рабочего места Фостера, Тейтум набрал ее мобильный: звонить по рабочему номеру и прорываться через операторов он смысла не видел.

— Тейтум! — послышался в трубке голос Сары. Как обычно, радость в нем смешивалась с предчувствием, что сейчас приятель снова начнет грузить ее вопросами.
— Сара! — Услышав ее голос, он заулыбался. — Как ты?
— Отлично. Как дела в ОПА?
— Да помаленьку, — ответил Тейтум, понимая, что от светского обмена любезностями не уйдешь. — Как поживает Грейс? — Так звали собаку Сары; Тейтум постоянно слышал о ней разные истории.
— Все хорошо. Вчера наелась кошачьих какашек.
— Потрясающе. Слушай, Сара, хочу попросить тебя об одном одолжении…
— Тейтум! Ты можешь хоть раз позвонить просто так и ни о чем меня не просить?
— Извини. Дело срочное.
— Неужели в Квантико некому тебе помочь?
— Там все идиоты. К тому же, чтобы обратиться к аналитику, сначала нужно заполнить кучу бумаг.
— Бумаг? — переспросила она. — Да неужели? И каких же?
— Ну, эти, как их… форма 212Б, форма 42А…
— Нет таких номеров, Тейтум. Ты вообще когда-нибудь писал запросы в лабораторию?
— А зачем? Ведь есть ты.
— Да, как удобно, когда есть человек, на которого можно просто сесть и поехать!
— Послушай, если я — Джеймс Бонд, то ты — мой Кью, глава отдела чудес науки и техники…
— Спорю, даже Джеймс Бонд иногда писал запросы.
— Ты — мой оракул, знающий все ответы…
— Ладно, ладно, хватит! Так что тебе нужно?
Тейтум вкратце рассказал ей о деле и переслал со своего ноутбука письмо со ссылкой. В трубке было слышно, как Сара что-то набирает на клавиатуре, а минуту спустя донеслись приглушенные крики Николь Медина.
— И чего ты от меня хочешь? — чуть погодя спросила Сара.
— Нужно понять, откуда взялось видео.
— Могу покопаться, но это потребует времени, и результат я не гарантирую. — Она снова яростно застучала по клавишам. — Попробую выяснить, кому принадлежит доменное имя. Может, так удастся что-то найти…
Тейтум побарабанил пальцами по столу.
— Нет ли какого-то другого способа определить, где оно снято? Например, по фотосъемке с воздуха?
Сара фыркнула.
— И что искать? Кактусы, гравий и песок где-то посреди Техаса? Да весь Техас — это кактусы, гравий и песок!
— Тогда, может быть…
— А может быть, дашь мне спокойно заняться своим делом? Ты и уехав за тридевять земель ничуть не изменился — по-прежнему висишь у меня за плечом и даешь советы!
Снова стук клавиатуры. Тейтум терпеливо ждал.
— Я прокрутила немного вперед, — сказала Сара. — А как это связано с президентом?
— С президентом никак. Он использовал прямой эфир на Си-эн-эн, чтобы…
— Это прямой эфир на Си-эн-эн?
— Ну да.
— Так… перезвоню, как только что-то появится! — Судя по голосу, у Сары появилась какая-то идея.
— Спасибо тебе огромное! Я это очень ценю. Ты мой…
— Оракул, волшебница и отдел Кью в одном лице — знаю, знаю! Позвоню. — И она повесила трубку.
Немного приободрившись, Тейтум повернулся к соседней кабинке, где Фостер и Зои склонились над монитором.
— Я хочу поговорить с матерью Николь Медина, — сказала Бентли. — И осмотреть место, где предположительно она исчезла.

Глава 11

Тейтум следовал за машиной Фостера — потрепанным серебристым "Шеви" — к дому Николь Медина. Фостер предложил подвезти их, но Тейтум предпочел остаться за рулем, чтобы немного почувствовать город.

Поездка прошла бы отлично, если б не очередь Зои выбирать музыку. Она навязала ему "
Red
" Тейлор Свифт, да еще сообщила, что некоторые песни будет пропускать, чтобы Тейтум услышал только самое лучшее. На его взгляд, особой разницы не было.

Наконец Фостер остановился у обочины. Грей притормозил и тоже съехал к краю дороги. Тротуаров здесь не было, сразу за асфальтом начиналась трава и сухая земля. Справа виднелись густые заросли дикорастущих кустов, а за ними шла утоптанная тропинка. Тейтум заглушил мотор и вышел из машины.
Фостер ждал их, спрятав глаза за большими солнечными очками. Он указал в сторону тропинки.
— Вот этот дом.
Тейтум повернулся. Хозяева явно следили за маленьким, но опрятным и уютным домом. Аккуратно подстриженную лужайку украшали вкрапления цветов, рассеивая в воздухе влажную туманную дымку, журчали оросители. В этом доме София Медина, мать Николь, сейчас изнемогала от тревоги за дочь.
— Фонарей нет. — Зои покачала головой.
— Дом примерно в пятнадцати ярдах от дороги, — продолжил ее мысль Тейтум. — И все соседи довольно далеко.
— Здесь легко спрятаться. — Бентли указала на кусты, затем — в ту сторону, откуда они приехали. — А машину можно оставить вон там, в нескольких ярдах дальше по дороге.
Зои будто совсем не замечала жары. Сознавала ли она, что солнце уже поднялось высоко над горизонтом и палит вовсю? Или мысленно перенеслась в ту ночь, четыре дня назад, когда исчезла Николь Медина? Она сделала несколько шагов по направлению к кустам, присела между зарослей. Тейтум внимательно за ней следил. В самом деле, если похититель прятался здесь, разглядеть его в темноте было практически невозможно.
Дверь в дом Николь Медина распахнулась, и навстречу им торопливо вышла, почти выбежала женщина средних лет.
— Детектив? — воскликнула она. — Есть новости о Николь?
— Мне очень жаль, миссис Медина, пока нет, — мягко ответил Фостер.
Плечи женщины поникли. Она повернулась к Тейтуму.
— Это агент Грей, — представил Фостер. — Из ФБР. Приехал к нам, чтобы помочь в расследовании дела вашей дочери.
Тейтум привык наблюдать на лицах людей, узнающих, что в их жизнь ворвались федералы, целый спектр эмоций. Однако на лице Софии Медина отразилось лишь слабое, почти незаметное облегчение.
— Спасибо, — сказала она. — Ее нет уже четыре дня.
— Понимаю, — ответил Тейтум. — Детектив…
— Поехала с подружками в гости. Потом они отвезли ее сюда, — торопливо, глотая слова, заговорила женщина. — Такие милые девочки, я их всех знаю. Джина, лучшая подруга Николь, можно сказать, выросла у нас дома. Они привезли ее сюда. Николь вышла вот здесь. Но в дом, похоже, так и не вошла. Утром зубная щетка осталась сухой, и не было грязной одежды в корзине для белья. А она каждый день меняет одежду. И чистит зубы перед тем, как лечь в постель. Я дам вам телефоны всех ее подруг. И учителей. Учителя ее любят, они вам расскажут…
Тейтум протянул к ней руки ладонями вперед, как бы ободряя и успокаивая, и женщина смолкла — лишь смотрела на него умоляюще.

Зашуршали кусты; оттуда вышла Зои, и София перевела взгляд на нее.
— Это моя напарница, Зои Бентли.
Ее должность Тейтум опустил намеренно: не хотелось объяснять Софии, почему дело Николь расследует психолог-криминалист.
— Не возражаете, если мы зайдем? — спросил Фостер.
София кивнула и провела гостей сквозь прохладную водяную завесу в дом. Там было темно: свет везде выключен, шторы по большей части задернуты. Открыто лишь одно окно, выходящее на улицу. Перед единственным открытым окном, выходящим на улицу, стояли одинокий стул, на полу рядом пепельница и несколько пустых чашек из-под кофе. Сторожевой пост. Должно быть, мать сидит здесь целыми днями и ждет полицию. А может, надеется увидеть, что Николь возвращается по тропинке домой.
— Вы не покажете нам комнату дочери? — вполголоса попросила Зои. В этом доме, словно на кладбище, не хотелось говорить громко.
— Идемте наверх.
Женщина отвела их в небольшую комнатку со стенами, выкрашенными в нежно-желтый цвет. Кровать, застеленная бельем в веселый цветочек, у окошка деревянный стол, на нем несколько тетрадей, небольшая настольная лампа и ароматическая свеча.
— Вы прибирались в комнате после исчезновения дочери? — спросила Зои.
— Нет, — ответила София. — Николь у меня аккуратная. Любит порядок.
Тейтум подошел к дальней стене, где висела полка, сплошь заставленная фигурками черепашек. Всевозможных форм и размеров, из дерева, стекла, пластмассы, папье-маше. Взял в руки одну — глиняную, ручной лепки.
— Ее коллекция, — объяснила София. — С двенадцати лет собирает черепах.
— У Николь есть парень? — спросила Зои.
— Нет. Она рассталась с ним полгода назад, — ответила София.
— Кто это был?
— Мальчик из школы.
— Мы с ним поговорили, — вставил Фостер. — Они давно не виделись.
Зои покосилась на Фостера, с сомнением подняла бровь.
— А других не было? Она ни с кем не встречалась? Даже один-два раза?
— Нет, она бы мне рассказала, — твердо ответила мать.
— А какие-то новые люди в ее жизни появлялись в последнее время?
— У нее всегда было много друзей. Хотя новых, кажется, никого. Целыми днями она только и делает, что сидит в телефоне, переписывается с подружками. Телефон пищит и пищит, с утра до ночи, уж сколько я ей говорю…
Голос Софии дрогнул и сломался — быть может, лишь в этот миг она осознала, что уже четыре дня не слышит назойливого, раздражающего писка телефона.
— Ее любят? — спросила Зои.
— Да, все. Она такая милая, светлая! У нее талант заводить друзей.
Пока Зои расспрашивала о привычках Николь — как проводила день, с кем общалась, часто ли поздно возвращалась домой, — Тейтум бродил по комнате, разглядывая обстановку и краем уха прислушиваясь к ответам. Везде ощущалось присутствие пропавшей девушки: фотографии Николь на шкафу, щетка с несколькими разноцветными резинками на ручке, пара розовых пушистых шлепанцев в углу. Через некоторое время Зои перестала задавать вопросы и просто слушала — а София говорила, говорила о своей дочери. Как Николь любила плавать. Как в шесть лет боялась, что из-под кровати вылезет чудовище. Как три месяца копила деньги и купила маме подарок на день рождения.
Наконец София умолкла — застыла, охваченная страхом и тревогой, и тихо заплакала. Фостер поблагодарил ее, и все трое вышли наружу, закрыв за собой дверь.
— Где вы нашли следы? — спросила Зои.
Фостер шагнул к краю тропинки.
— Вот здесь. — Он присел. — Сейчас уже трудно разглядеть… Мы их сфотографировали.
У Тейтума зазвонил телефон. Взглянул на экран — Сара Ли. Отойдя на несколько шагов, чтобы не мешать Фостеру и Зои, он ответил на звонок.
— Нашла что-нибудь?

— То видео Си-эн-эн на пленке — прямой эфир, верно? Чтобы было понятно, когда сделана запись?
— Верно, — ответил Тейтум, глядя на Фостера и Зои. Полицейский что-то говорил, показывая в сторону улицы.
— Я связалась с провайдерами сотовой связи, обслуживающими этот район, — сообщила Сара. — И попросила у них детализацию пользователей, которые примерно в это время заходили на сайт Си-эн-эн, на страницу прямого эфира.

Тейтум переваривал услышанное. Несколько секунд понадобилось ему, чтобы сообразить, что такое "детализация". Когда человек заходит на сайт Си-эн-эн — или на любой другой, — мобильная компания фиксирует его активность, в том числе доменное имя сайта и станции сотовой связи, обслуживающие запрос. Последнее позволяет приблизительно определить местонахождение абонента. По счастью, эта информация не защищена Четвертой поправкой
[22]
, и чтобы ее получить, судебный ордер не требуется.

— Должно быть, огромный получился список!
— Верно, — с ноткой гордости ответила Сара. — Так что я его сузила. Рассматривала только Сан-Анджело и окрестности. Выяснила точное время, когда новостной ролик вышел в эфир, и ограничилась детализацией пользователей, посещавших сайт в эти пять минут. Так список сильно сократился.
— Насколько сильно?
— Восемнадцать телефонных номеров в Сан-Анджело и ближайших окрестностях. И из этих восемнадцати семнадцать — в самом городе, так что это не наш парень, правильно? Наш должен быть где-то за городом, в пустыне.
— Сара… — Тейтум ощутил, как часто, почти болезненно бьется сердце. — Ты нашла это место?
— Высылаю тебе координаты GPS. И, Тейтум, я уже проверила снимки со спутника. Точность локации не слишком велика, но то, что видно на фото, очень похоже на твое видео.

Глава 12

Зои смотрела на усыпанную гравием дорожку, стараясь представить себе ту ночь. Фонарей здесь нет — значит, стояла почти непроглядная тьма. Николь выходит из машины, и ее друзья уезжают. Она, должно быть, машет им рукой. Машина скрылась за поворотом, фары погасли — Николь осталась одна во мраке. Наверное, быстро пошла к дому. Мужчина, схвативший ее, прятался в кустах — в этом Зои была уверена почти на сто процентов. Самое удобное место. И, разумеется, не мог оказаться там случайно. Он все это спланировал.
— Я нашел место! — вывел ее из задумчивости взволнованный голос Тейтума.
Подняв глаза, Зои увидела, что напарник тычет пальцем в экран телефона.
— Где? — тяжело дыша, спросил Фостер.
— Спиллвей-роуд, — ответил Тейтум, указывая на карту на экране мобильника. — Местоположение примерное. В радиусе пятисот футов.
Он переключился на спутниковые снимки. Пришлось подождать несколько секунд — Интернет на телефоне загружался медленно. Наконец их глазам предстала плоская равнина, почти сплошь заросшая кактусами, деревьями или кустарником.
Фостер взглянул на экран.
— Тогда это может быть и Чалимар-роуд.
— Непохоже. — Зои покачала головой. — Слишком близко к этой ферме. — Она ткнула пальцем в ферму на снимке.

— Пятьсот футов вдоль Спиллвей-роуд? В северной части дороги вряд ли, там слишком густые заросли. А ее похоронили на ровном открытом месте. Скорее всего, где-то здесь. — Фостер указал на небольшой участок голой земли.
— Надеюсь, вы правы, — согласился Тейтум.
— Немедленно вышлю туда патруль. Если она там, мы ее найдем.
— Нет, подождите! — вскинулась Зои. — Необходимы криминалисты, надо обследовать территорию!
— Шутите? — Фостер недоверчиво воззрился на нее. — Может быть, прямо сейчас девочка задыхается в ящике! У нас нет ни секунды…
— Если она там, то умерла три дня назад, — решительно заявила Зои. — Нет нужды спешить на помощь трупу. Сейчас главное — найти какие-нибудь зацепки, чтобы поймать маньяка прежде, чем он сделает то же самое еще раз.
Фостер покосился на дом, будто опасаясь, что их услышит мать Николь.
— Вы же не знаете точно, — проговорил он почти шепотом.
— Знаю. Наш аналитик дал Николь максимум тридцать шесть часов.
— Это просто предположение!
— Это чистая математика.
Фостер шумно выдохнул и помотал головой.
— Я выкопаю девушку как можно скорее! — отрезал он и зашагал прочь.
— Давай позвоним лейтенанту. — Зои повернулась к Тейтуму. — Место преступления нужно сохранить в неприкосновенности.
Грей взглянул на нее, подняв бровь.
— Это не наше расследование, — напомнил он. — Мы только даем советы. И ссориться с детективом Фостером определенно не стоит.
— Но сейчас на могилу примчатся патрули, какая-нибудь тяжелая техника, начнут там копаться, топтаться и уничтожат все улики!
— Что поделаешь? Не нам решать.

Глава 13

До Спиллвей-роуд добирались полчаса: по дороге Тейтум свернул не в ту сторону. Еще издали стало ясно, что полиция уже обнаружила точное место захоронения: там стояли две патрульные машины. Зои рядом с Тейтумом застонала, увидев, как четверо полицейских торопливо копают землю. Трое из них были вооружены лопатами, четвертый набирал и выбрасывал землю из ямы голыми руками.
Тейтум резко свернул на обочину, выскочил из машины и почти бегом поспешил к полицейским. Один из них повернулся к нему, должно быть, чтобы приказать: "Не подходите!"
— Агент Грей, ФБР, — представился Тейтум, сверкнув значком. — Приехал помочь.
Полицейский на секунду застыл в недоумении, затем пожал плечами и вернулся к работе.
Патрульные копали торопливо, яростно, и Тейтуму передалось их волнение. Пришлось напомнить себе, что Зои, скорее всего, права. Если девушка находится под этой грудой земли и песка, ее давно нет в живых. Единственная надежда, что видео фейковое, или что через час преступник поставил видео на паузу, выкопал жертву и увез. Зачем еще останавливать видео посреди "процесса"? Только если надо что-то скрыть.
Не успев додумать эту мысль до конца, Тейтум спрыгнул в яму к полицейским и тоже начал вычерпывать землю ладонями. Выбрасывая из ямы пригоршню за пригоршней, он пытался припомнить, глубока ли "могила". Кажется, фута три-четыре, не больше. С такой скоростью работы еще минут на десять.
Один из полицейских вскрикнул от боли: другой задел его лопатой по руке. Все повернулись в его сторону.
— Аккуратнее, Рамирес! — рявкнул он на своего соседа.
— Извини, — ответил Рамирес.

— Ты мне чуть палец не оттяпал! — Пострадавший тут же снова схватил лопату и вернулся к работе, не обращая внимания на окровавленную ладонь.
Через несколько минут подъехал еще один автомобиль. Детектив Фостер с целой охапкой лопат поспешил к могиле, на мгновение остановился, увидев Тейтума, а затем, коротко кивнув, протянул ему лопату.
Всего несколько секунд спустя одна из лопат с громким стуком ударилась о дерево.
— Есть! — заорал Рамирес. — Здесь!
Тейтум копал все быстрее, все яростнее: лихорадочное волнение охватило и его. Скоро на свет показалось дерево — необструганные доски. Копать становилось все неудобнее: он вышвырнул лопату из ямы и снова начал выбирать землю руками. Так же сделали и полицейские.
Набрать пригоршню земли — выпрямиться — выбросить наружу — согнуться — набрать — выпрямиться — выбросить… Тейтум подозревал, что завтра у него будет адски ломить спину.
— Хорош! — крикнул сверху Фостер. — Хватит. Все вон из ямы!
Обнажилась крышка ящика, покрытая бурыми пятнами песка. Открыть ящик теперь мешали только стоявшие на нем четыре человека. Тейтум выбрался из ямы, за ним и остальные. Один полицейский, рослый и широкоплечий, бритый наголо, наклонился и взялся за край крышки. Несколько секунд она не поддавалась — давил вес песка. Полицейский, что-то проворчав, рванул изо всех сил, раздался треск, и крышка отскочила.
Запах, ударивший в ноздри, сообщил Тейтуму все, что требовалось знать. Люди вокруг со стонами зажимали носы; кто-то бросился в близлежащие кусты.
Николь Медина была здесь. И давно мертва.

Глава 14

Не раз и не два Зои Бентли слышала, что она бесчувственный человек, начисто лишенный такта. Но когда у могилы Тейтум повернулся к ней лицом, даже Зои поняла, что лучше придержать язык. Его костюм, обычно безупречно отглаженный и чистый, был измят, покрыт пятнами пыли и грязи, белая рубашка расстегнута, волосы всклокочены. На измученном лице — горечь. На миг ей захотелось его обнять.
— Николь умерла по меньшей мере два дня назад, — сообщил Тейтум, подойдя к ней.
Зои коротко кивнула. В нескольких ярдах от них принял командование на себя детектив Фостер: приказал полицейским отойти и огородить место преступления. Теперь этот клочок земли стал местом убийства.
Зои подошла к могиле, заглянула внутрь и окинула взглядом тело. Медина полностью одета — видимо, именно так ушла на вечеринку. Бентли мысленно сделала себе заметку спросить ее подруг, в чем она была в гостях. Блузка измята, сбилась на сторону, но не порвана. Глаза закрыты. Будем надеяться, сказала себе Зои, она потеряла сознание задолго до того, как в яме закончился кислород. На синюшной коже выделяются темные артерии и вены. Муха села ей на лицо — первая муха. Насекомых, ползающих по телу, Зои не видела: то ли яма была слишком глубока, то ли сухая почва — не лучшее для них место.
В ящике рядом с головой покойницы Бентли заметила небольшое устройство. Камера. Провод шел от нее к стенке ящика, проходил сквозь просверленное отверстие и исчезал в земле.
Нахмурившись, она снова устремила взгляд на тело в самодельном "гробу". Ящик немного длиннее тела и существенно шире. Может быть, размеры стандартные? Надо проверить. Интересно, сколачивая этот ящик, убийца имел в виду Николь — или делал "гроб", подходящий по размеру для любой случайной жертвы?
— Агент, не подпишете это? — Рядом с ней возник Фостер, протянул ей бумагу и ручку.
Зои взглянула на лист бумаги. Описание места преступления.
— Конечно. — Она взяла ручку и нацарапала свою подпись под фамилией Тейтума. — Только я не агент, детектив Фостер. Я гражданский консультант.

Фостер рассеянно кивнул; вряд ли он хорошо понимал разницу. Взгляд его был устремлен на могилу.
— Что за чудовище могло такое сотворить?
— Не чудовище, — машинально ответила Зои. Фостер прищурился, и она пояснила: — Вы имеете дело с человеком. Не с чудовищем. А человека можно изучить, понять. И поймать.
— Думаете, будут и другие случаи? Он — серийный убийца?
— Давайте лучше поговорим об этом, когда получим подробный отчет об обследовании места происшествия.
Фостер взглянул в небеса, на заходящее солнце.
— Сейчас сделаем, что можем, в темноте, при прожекторах, а утром надо будет пройтись еще раз. — Тут у него зазвонил телефон, и он отошел, чтобы ответить на звонок.
Полицейский в форме, запачканной землей и грязью, натягивал вокруг невысоких кустов, окружающих яму, желтую оградительную ленту. Зои отступила на несколько шагов и окинула взглядом все окружающее. Со стороны дороги "могилу" скрывал кустарник с колючими узловатыми ветвями, густо увитыми плющом. Кактусы между деревьями создавали дополнительную маскировку: сквозь их плотные зеленые тела почти ничего невозможно было разглядеть. Сама дорога — узкий проселок, по которому почти никто не ездит. Унылые цвета: серый, коричневый, пыльно-зеленый. Дорога в никуда.
Отличное место, чтобы похоронить мертвеца. Или — в данном случае — еще живую жертву.
Оглянувшись, Зои увидела в стене кустарника прогал футов в шесть шириной. Сейчас в нем были припаркованы, одна за другой, две патрульные машины. Если здесь и были какие-то следы шин, сейчас их уже не найдешь. Бентли шагнула на узкую тропу, потом вдруг, нахмурившись, присела и начала разглядывать что-то на земле.
— Что там? — спросил у нее из-за спины Тейтум.
— Здесь тоже что-то росло. — Она указала на торчащий из земли корень. — Но кто-то все выкорчевал.
— Думаешь, убийца?
Она поднялась.
— Возможно. Смотри, тропа ведет прямо к яме! Как будто он заранее подготовил себе путь.
— Заранее нашел место, расчистил проезд… — Помолчав секунду, Тейтум добавил: — Может быть, и яму выкопал заранее.
— Но почему здесь? — удивилась вслух Зои. — Мы посреди пустыни. Мест, где можно закопать тело, миллион. Почему он выбрал клочок земли, над которым сначала пришлось долго работать?
Тейтум не отвечал, молча рассматривая обрезанный корень. Наконец выпрямился и взглянул на Зои.
— Я связался с Манкузо, сообщил ей последние новости. Она спрашивает, как мы думаем, будут ли еще жертвы.
— Пока судить слишком рано.
— Но догадки у тебя есть, верно? У меня так точно есть.
— Нельзя действовать, опираясь на догадки.
Тейтум вздохнул.
— Зои, а что говорит твое чутье?
Она закусила губу.
— Да, будут и еще. Он не хотел убить девушку по имени Николь Медина. Просто хотел кого-то закопать живьем. Это его фантазия.
— Вот и мне так кажется. — Грей кивнул. — И раз он назвал свое убийство "эксперимент номер один"…
— Велики шансы, что уже планируется эксперимент номер два.

Глава 15

Интернет его разочаровал.
Пусть он не ожидал, что видео немедленно станет вирусным, но все же ролик, на котором женщину хоронят живьем, должен был набрать побольше жалких 1903 просмотра.
Ни один из десяти блогеров и репортеров, которым он отправил ссылку, ничего об этом не написал. Бóльшая часть зрителей пришла с сайта, собирающего видео с ранеными и умирающими, и даже там популярность видео была невысока. Один комментатор выразил недовольство: что же до конца-то не показали, где же самое интересное — как она умирает? Другой сообщил, что ролик явно постановочный, и оба актера играют очень хреново.
Что ж, не важно. Следующий выпуск наверняка привлечет внимание.
Он открыл "Инстаграм" и принялся просматривать ленты своих возможных следующих мишеней. Лично за ними он практически не следил. К чему рисковать, если женщины сами из штанов выпрыгивают, делая за него всю грязную работу? Всю необходимую информацию он отыскивал в новых селфи, в позах, в шутливых или зазывных заголовках. Отмечал тех, кто писал о новых парнях или сообщал: "Наконец-то я свободна, бегом на вечеринку!"
Самые удобные мишени. С теми, у которых кто-то есть, всегда сложнее.
Его внимание привлек профиль Глории Кинг. Глория только что выложила фото с подругами, явно из какого-то увеселительного заведения. На селфи все три улыбаются в камеру с бутылками пива в руках. Снимок свежий, загружен всего двадцать минут назад. Отправилась куда-то и там напилась. Домой вернется пьяная, далеко за полночь. Родители будут спать. Где она живет, он, разумеется, знал. Дома есть собака, на ночь ее привязывают. От дороги к двери ведет узкая темная тропинка. Соседние дома далеко, оттуда ничего не услышишь и не разглядишь.
Интересная возможность!.. В этот миг судьба Глории Кинг висела на волоске.
Нет, слишком рано. Не стоит спешить. В конце концов, у него полно времени.
Он свернул окно браузера и дважды кликнул мышкой по папке "Видео" на рабочем столе.
На мониторе появилось лицо девушки, медленно приходящей в себя. Он уже чувствовал, как нарастает возбуждение, когда она открыла рот и издала самый первый крик.
Он старался не пересматривать видео слишком часто — от повторения приедается любое удовольствие. Но пока что это зрелище возбуждало его почти так же сильно, как в первый раз.
Целиком, от начала до конца, он просмотрел видео только однажды. Всего оно длилось четырнадцать часов. Сырой материал, пока без всякого монтажа, и не все эпизоды одинаково интересны. Например, между 7:08:00 и 11:32:00 девушка просто лежит неподвижно с закрытыми глазами. А после 12:35:23 вообще перестает шевелиться.
Так или иначе, здесь есть с чем работать! Пожалуй, его личная режиссерская версия составит около трех часов.
А теперь, чтобы отдохнуть после трудного дня, можно побаловать себя несколькими приятными отрывками. Пожалуй, с 03:42:00.
Николь Медина колотила кулаками в крышку гроба и отчаянно кричала — а он, тяжело дыша, потянулся за пачкой салфеток.

Глава 16

Гарри Барри сидел за столом и пялился в стенку. За спиной навязчивой музыкой звучал нескончаемый шум редакции "Чикаго дейли газетт": плевались бумагой принтеры, колотили по клавишам другие репортеры, в дальнем углу Ронда, как обычно, громогласно трепалась с муженьком по телефону. Гарри привык к этому шуму и уже почти его не замечал. За шесть лет ничего не изменилось. Шесть лет одно и то же. Шесть долбаных лет он сидит здесь и пишет то, что редактор именует "завлекательными историями", а сам Гарри — чушью для домохозяек с прокисшими мозгами. Новости о знаменитостях и сексуальные скандалы. Скандалы со знаменитостями и новости о сексе. Или всё вместе. Было время, ему это нравилось. И выходило неплохо.

Но однажды он вкусил нечто новое, и с тех пор повседневная жизнь словно подернулась мутной серой пленкой. Как человек, который изо дня в день ел котлеты и был доволен — пока не попробовал сочный стейк.
Об этом Гарри раздумывал, вспоминая недавний короткий разговор по телефону. Он получил подсказку. Намек на отличную историю — историю, мечта о которой преследовала его уже больше месяца! И следующая глава этой истории разворачивалась вовсе не в Чикаго, где он работал.
А в Сан-Анджело.
Вопрос в том, как туда попасть.
Брать отпуск и лететь в Техас за свой счет ему не улыбалось. Нет, куда лучше заставить шефа оплатить поездку и все расходы! А еще лучше, если это будет не отпуск, а служебная командировка. Только как убедить редактора? Над этим вопросом Гарри ломал голову уже час, однако ничего не мог придумать.
Он открыл в Интернете свою последнюю статью — заметку о тайном романе полузащитника из футбольной команды местного колледжа с чирлидершей. "Гол в свои ворота" — отличное название! Сама заметка короткая и выдержана в том шутливо-фамильярном тоне, каким обычно пишутся "развлекалочки". Подписана, как обычно: Г. Барри. Гарри Барри — так себе имя для репортера. Да и для кого угодно, честно говоря. Явное свидетельство лени и отсутствия фантазии у его родителей. Как говаривала мамаша: "Зато легко запомнить!"
Гарри прокрутил статью вниз, до комментариев — их он читал ради отдыха и развлечения. Ему нравилась ядовитая атмосфера в комментах, нравились "тролли", психи, исходящее от их реплик ощущение одиночества; но больше всего любил он разгневанных читателей. Ничто так его не радовало, как очередной гражданин, который, проглотив статейку от начала до конца, спешил сообщить, что в наше время все просто помешались на сексе и насилии, и оплакать закат американских ценностей.

> Вот и сейчас его внимание привлек комментарий за подписью "
> Неравнодушный гражданин13
> ": "
> Какая чушь. Автору "статьи" должно быть стыдно
> ".

В первую очередь Гарри заинтересовало, что этот коммент — единственный на странице — был написан без грамматических ошибок, и все знаки препинания в нем стояли на своих местах. Но, пожалуй, еще более заинтриговала мысль.
Должно быть стыдно.
Гарри уперся в монитор невидящим взглядом; по лицу медленно расплывалась широкая улыбка. Точно! Стыд! Вот что решит его проблему.
Он взглянул на часы. Черновик новой статьи следовало отправить редактору десять минут назад. Значит, сейчас…
— Гарри, где черновик? — К нему в кабинку шагнул редактор, Дэниел Макграт.
Гарри молчал и тоскливо смотрел в монитор.
— Эй, Гарри!
Он заморгал и медленно перевел взгляд на редактора.
— А, Дэниел… Я тебя не слышал.
— Где статья, черт возьми? Ты говорил, на сегодня у тебя припасено что-то интересненькое. Фотки папарацци — эта, как ее, Рассел, голышом!
— Ну да, — с глубоким вздохом отозвался Гарри. — Папарацци…
— И?.. Где статья?
— Дэниел, ты никогда не задумывался о том, чем мы занимаемся?
Редактор удивленно заморгал.
— Хочешь сказать, нам все-таки стоит нанимать собственных папарацци? Я ведь тебе объяснял…
— Нет, я имею в виду… — И Гарри обвел монитор грустно-растерянным жестом. — Все это.

— Что "все"?
— Эти статьи, которые я пишу. Статьи о живых людях. Знаешь, я вот сидел сейчас, писал статью и вдруг подумал: а ведь у Кэсси Рассел есть родители!
— Э-э… ну да, а какое…
— У нее есть отец. И мать.
— Гм… родители — это отец и мать, понятно. Но какого…
— Вот представь себе: открываешь ты с утра воскресную газету, а там на первой странице — обнаженная грудь твоей дочери!
— Не льсти себе, Гарри. Сиськи Рассел будут на восьмой.
— Что ты почувствуешь, если малышка, которую ты качал на коленях…
— Да и соски мы всегда замазываем, ты же в курсе.
— Крошка, которой ты рассказывал сказки на ночь…
— Ты вообще о чем?
— Представь, что твою дочь эксплуатируют таким образом! Разве это не разорвет тебе сердце?
— Эксплуатируют?! Секундочку, не ты ли мне рассказывал, что папарацци она пригласила сама?
— А ты в юности не совершал ошибок? Мы, как гиены, кружили вокруг, ожидая ее падения. Что с того, что она сама позвала фотографов? Она, можно сказать, еще дитя!
— Да ей двадцать шесть лет!
— Двадцать шесть. — Барри закрыл глаза и скорбно покачал головой. — Всего двадцать шесть!
— Гарри, что с тобой такое? — поинтересовался Дэниел, придвинувшись к нему поближе и понизив голос.
— Дэниел, ты никогда не задумывался о том, что мы с тобой не делаем мир лучше?
— Лучше? О чем ты? Мы… э-э… развлекаем людей. Приносим им радость. Чем плохо?
— А как же наши моральные ценности? — скорбно вопросил Гарри. Сейчас он наслаждался собой. — Это все моя вина! Я подсел на успех, на внимание читателей. Но, знаешь, теперь, когда мы собрали солидную читательскую аудиторию, надо использовать ее во благо. Моя специальность — интересные истории о людях. Пора перейти к таким историям, которые не только развлекают, но и воспитывают.
— То есть как "воспитывают"?
— Помнишь тот мейл? Про медсестру, которая поселила у себя дома бездомного, больного раком? Давай напишем статью о ней.
— Ты хочешь сказать, что не хочешь писать про сиськи?.. Хорошо, отдам этот материал кому-нибудь другому. У нас в редакции дюжина новичков, которые возможность написать про сиськи Рассел с руками оторвут!

> — Кэсси
> Рассел. У нее есть имя. Она человек, Дэниел, — человек, у которого есть человеческие чувства!

— Человек, у которого муж наворовал миллионы, а сама она фотографируется с голыми сиськами, чтобы привлечь внимание!
— Или вот еще хорошая тема: учитель бесплатно преподает английский нелегальным иммигрантам.
— Да кто станет это читать?
— А пусть почитают! Пусть начнут интересоваться чем-то, кроме сисек! Я не хочу стыдиться своей работы! — Тут Гарри хотел ударить себя в грудь, но понял, что это будет уже перебор. — Хватит эксплуатировать низменные страсти! Надо писать о достойных людях и благородных поступках!
На лице Дэниела отразилась тревога. Барри — самый популярный автор в газете. Не только из-за скользких тем — из-за того, что знает, как к ним подойти. Если он начнет стыдиться того, что делает, что же станет с тиражами?
— Послушай, Гарри, у всех у нас бывают тяжелые периоды в жизни… Может, тебе пора в отпуск?

— Нет! Мне не нужен отпуск. — Он начал копаться в бумагах на столе. — Вот тут… где-то… потрясающая история: ветеринар приютил трехного уличного пса! Прочтешь — слезами обольешься!
— Вот что, — решился Дэниел. — Не хочешь ли написать про ту криминалистку, Бентли, которой ты мне уже все мозги проел?
— Бентли? — Гарри поиграл бровями. — Психолог из ФБР? Та, что в прошлом месяце расследовала у нас здесь убийства?
— Тогда ты прямо рвался сделать о ней статью.
— Писать о преступлениях? О маньяках-убийцах? Ох, Дэниел, даже не знаю…
— Попробуй! Подготовь добрый, позитивный материал. Хрупкая девушка смело борется со злом. Такие истории ведь делают мир лучше?
— Вряд ли я смогу сейчас взять у нее интервью… Она расследует новое дело в Сан-Анджело.
— Отлично! — Дэниел просиял. — Поезжай туда. Выясни, чем она там занимается. И напиши об этом! Никакой эксплуатации страстей, верно? Да и смена обстановки пойдет тебе на пользу. Не будешь так мрачно смотреть на мир.
Гарри вновь тяжело вздохнул и опустил голову. В его душе ревели ликующие толпы и звучал победный марш.

Глава 17

Зои лежала на кровати в мотеле с мокрыми после душа волосами, в трусах и мешковатой футболке с названием какой-то не известной ей рок-группы. Футболка принадлежала Андреа, а та, скорее всего, позаимствовала ее у какого-нибудь из своих бостонских бойфрендов.
Зато в ней было уютно — а Зои сейчас особенно нуждалась в уюте.
Они уехали вскоре после появления криминалистов. Тейтум, усталый и расстроенный, настоял, что поведет машину сам, и Зои не стала спорить. Мотель располагался удобно, поблизости от отделения полиции. По дороге оба молчали. Едва Зои вошла в номер и захлопнула за собой дверь, как на нее нахлынули образы и ощущения минувшего дня, которые на людях удавалось прятать за стеной отчуждения.
Можно было выйти из номера и попробовать чем-нибудь отвлечься, однако Зои знала, что это приведет лишь к ночным кошмарам. Ее сознанию нужно переработать увиденное, и лучше сделать это сейчас, готовой ко всему.
Все дело в мертвом теле. Пока Зои его не видела, можно было рассуждать отвлеченно, строить разные теории. Но изуродованный раздутый труп слил все возможные реальности в одну: Николь Медина похитили, заколотили в ящик и похоронили живьем.
У Зои был особый дар: она понимала, как мыслят убийцы, умела влезть в шкуру маньяка, понять, как он думает и чего хочет. Но этот дар имел свою цену. Столь же ясно и четко — и обычно без всякого собственного желания — Зои удавалось представить себя на месте жертвы, почти что пережить с ней вместе последние часы.

> В случае с Николь не пришлось даже напрягать воображение. Впервые Бентли на самом деле
> видела
> страдания жертвы своими глазами. И представлять, что ощущала Николь в эти кошмарные минуты, было так же естественно, как дышать.

В ящике темно. Непроглядная тьма. Стоит пошевелиться — натыкаешься на стенку. Воздух пыльный, затхлый. Охваченная ужасом, ты начинаешь биться и метаться в своей тюрьме — и от этого все сильнее задыхаешься…
Однажды, еще ребенком, Зои побывала вместе с семьей в Лурейских пещерах. В составе большой экскурсионной группы она бродила вдоль каменных стен, светила фонариком на высокие своды и была вполне довольна жизнью. А потом, когда нужно было пробраться

через узкий тоннель, одна женщина впереди нее застряла. Остальная группа начала напирать сзади, еще не понимая, что проход перекрыт. Люди толкали, теснили, стискивали Зои; казалось, стены вокруг сжимаются, бежать некуда, выхода нет… И вдруг стало трудно дышать. Андреа за спиной подтолкнула ее, и Зои потребовалась вся сила воли, чтобы не пнуть сестру в ответ.
С тех пор она избегала пещер и тоннелей, и даже в тесной кабине лифта ей порой становилось неуютно.
Зои лежала на кровати и думала о том, каково быть запертой во тьме глубоко под землей. Стук сердца громом отдается в ушах, и воздух вырывается из груди короткими, паническими толчками…

Глава 18

Тейтум стоял под душем: горячая вода жгла царапины и ссадины на ладонях. Под сломанным ногтем багровела полоска засохшей крови. Горячая вода стекала по телу и, серая от пыли и грязи, водоворотом кружилась у ног. Тейтум смотрел на этот водоворот — и думал о Николь Медина в ящике, а в ушах снова и снова звучали ее крики.
Наконец он со вздохом распечатал упаковку мыла с эмблемой мотеля и начал намыливаться.
Смыв с себя кровь и грязь, обернул бедра полотенцем, вышел из ванной и прошлепал в комнату, оставляя на паркете мокрые следы. Опустил жалюзи, сбросил полотенце и принялся изучать свой довольно скудный гардероб.
Вечерело, однако посещение места убийства, как правило, отбивает аппетит, так что ужинать Тейтум был пока не готов. Подумал о том, чтобы посмотреть телевизор, — но сидеть взаперти в тесном душном номере тоже не тянуло.
В мотеле есть небольшой бассейн. Пожалуй, можно сходить поплавать — это полезно для спины, да и поможет нагулять аппетит. Плавки Тейтум с собой не взял, так что начал перебирать трусы. Белые боксеры — отложил по очевидным причинам. Черные тесноваты; едва он выберется из бассейна, они облепят его "хозяйство", словно полиэтиленовая упаковка сэндвича. Пожалуй, подойдут синие. Тейтум надел их, перебросил полотенце через плечо и вышел из номера, стараясь не обращать внимания на панику внутреннего голоса, вопящего: "Караул, ты вышел на люди в одних трусах!" Ничего подобного: он в плавках.
Бассейн действительно оказался небольшим. На голубой поверхности воды играли лучи заходящего солнца. Тейтум прыгнул в воду ласточкой — и едва не разбил себе голову: дно оказалось куда ближе, чем он думал. Под водой проплыл до дальнего бортика, там вынырнул и набрал в грудь воздуха. Затем несколько раз переплыл бассейн из конца в конец. Все равно что плавать в ванне, — зато удалось выбросить из головы лишние мысли.
Сделав несколько мини-заплывов туда и обратно, Тейтум вдруг почувствовал, что на него смотрят. Остановился, поднял голову — и увидел Зои. Девушка стояла у края бассейна и глядела на него своими пронзительными глазами, словно цапля, желающая поймать рыбку на ужин.
Тейтум весело помахал ей.
— Что, тоже хочешь окунуться?
— Не люблю плавать. — Зои сморщила нос.
— А вода отличная. Прохладная! — Хоть небо уже темнело, в воздухе по-прежнему стояла удушающая жара. — Давай хоть ноги помочи!
К его удивлению, она действительно присела на край бассейна и сняла туфли. Опустила в воду одну ногу, потом вторую. Испустила долгий усталый вздох.
Тейтум подплыл ближе. Зои сидела с озабоченным лицом, явно занятая какими-то своими мыслями. На секунду ему захотелось плеснуть в нее водой, как он не раз поступал с девушками в колледже, — и всегда слышал в ответ веселый визг и игривое: "Ой, что ты делаешь?!"

Однако взглянув на нее повнимательнее, Тейтум понял, что не стоит. Веселого визга он от Зои точно не дождется. Скорее уж, она пригвоздит его к месту ледяным взглядом. Или просто убьет.
— Как ты?
— Нормально. — Ее передернуло. — Просто нужно было подышать воздухом. Я думала о Николь Медина.
Помолчав несколько секунд, Тейтум спросил:
— А почему плавать не любишь?
— Помнишь "Волшебника страны Оз"? Злые колдуньи тают от воды.
Он рассмеялся.
— Просто не люблю. — Зои улыбнулась. — Терпеть не могу холодную воду. От хлорки в бассейнах все чешется. И волосы потом невозможно расчесать.
— Ясно, ясно: нет ничего хуже плавания!
— Зато Андреа в школе выступала в команде пловчих. Дай ей волю, она вообще из бассейна не вылезала бы.
Порывшись в кармане, Зои достала телефон, взглянула на экран, плотно сжала губы, отложила мобильник и снова уставилась в воду.
— Как там Андреа? — спросил Тейтум. Он догадывался, зачем напарница проверяет телефон.
— Хотела бы я знать… На сообщение она пока не отвечает.
— Может, не видела?
— Она всегда так — просто не открывает то, что не хочет читать.
— Уверен, с ней все хорошо, — сказал Тейтум, прекрасно понимая, насколько это пустые слова.
Он слышал бесконечные споры о Роде Гловере, о его последнем письме к Зои — том, в которое Гловер вложил свою фотографию рядом с Андреа. Но с тех пор никто его не видел и ничего о нем не слышал.
Зои снова взглянула на экран смартфона.
— Андреа — умная девушка, — продолжал Тейтум. — Она не станет…
— Андреа понятия не имеет, на что способны люди вроде Гловера! Если б понимала — заперлась бы дома и сидела, не выходя… Вот я понимаю. Ты тоже. Они придумывают сложные фантазии и гоняют их туда-сюда в мозгу, как одержимые, добавляют к ним подробностей, делают всё более живыми. А потом, когда желание воплотить фантазию охватывает их полностью, когда уже не могут устоять, — действуют.
— Да, но Род Гловер никогда не охотился за конкретными людьми. Ты сама мне об этом говорила. Он действовал, когда появлялась возможность. Хватал девушек, которых было легко схватить. Не выслеживал кого-то конкретно.
— Меня он выследил, — возразила Зои.
Да. Месяц назад, во время расследования дела Гробовщика-Душителя, Гловер выследил Зои, дождался, пока она останется одна, и напал. По счастью, ей удалось отбиться. Тейтум понимал, что на ее месте тоже сходил бы с ума от беспокойства. Только вообразить: один из тех, кого ты намерен схватить, возможно, выбрал следующей жертвой близкого тебе человека… тошнотворное чувство. Быть может, что-то подобное испытывает онколог, замечая у своего ребенка первые симптомы опухоли мозга — такие, которых обычный человек не заметит или не поймет, что они значат. Иногда и невежество — благо.
Подняв глаза на Зои, Грей вдруг заметил, что она часто моргает и губы у нее дрожат. Сидя на бортике бассейна, с ногами в воде, Бентли вдруг напомнила ему потерявшуюся девочку в ожидании родителей.
— Знаешь, по одному моему делу идет внутреннее расследование, — брякнул он, желая ее отвлечь — чем угодно, только отвлечь.
Сработало. Зои собралась, удивленно раскрыла глаза.
— Что за дело?
— Застрелил подозреваемого, педофила. Как утверждают, без оснований.
— А-а. — Она кивнула. — Помню, ты рассказывал. Этот парень потянулся за камерой, а ты его пристрелил, верно?

— Он сунул руку в сумку. И тогда я его пристрелил. Только позже мы поняли, что он полез за камерой. Оружия в сумке не было.
Зои, похоже, задумалась. Тейтум почувствовал, что становится холодно, и сделал еще рейд до дальнего бортика и обратно.
— А почему дело снова открыли? — спросила она.
— Говорят, появился какой-то свидетель.
— Он мог видеть что-то такое, что негативно скажется на тебе?
— Нет, — твердо ответил Тейтум. — Все свидетели видели одно и то же. Мне неоткуда было знать, что он тянется не за стволом.
— Ты что-нибудь говорил перед тем, как выстрелить?
— Приказал ему поднять руки вверх.
— Называл его по имени?
— Что?
— Ты называл его по имени или просто приказал поднять руки?
— А какая разница?
— Это по-разному воспринимается. Так как же?
Тейтум, подтянувшись, выбрался на бортик; на белый кафель потекла вода. Взяв с ближайшего пластмассового стула полотенце, он вытерся, незаметно подтянул трусы и присел рядом с Зои, с полотенцем на плечах.
— По-моему, окликнул по фамилии. Уэллс, так его звали. Я крикнул что-то вроде: "Уэллс, руки вверх!"
— Только по фамилии? А что-то еще говорил? И насколько громко?
— Да какая разница? Кто-то просто решил разворошить старую грязь. Ничего серьезного.
— Если дело вновь открыли, значит, на то есть причины. И вряд ли несерьезные.
— На меня никто не давит, ничего такого, — пробормотал Тейтум, уже жалея, что поднял тему.
— Ты его преследовал, верно?
— Верно. Он у нас на глазах схватил девочку на улице и потащил в кусты.
— И долго ты за ним гнался?
— Не знаю. Может, пару кварталов. Так-то он был не спортсмен…
У Зои пискнул телефон. Она подняла его с пола, взглянула на экран — и напряженные плечи расслабились, а на губах показалась легкая улыбка.
— Андреа?
— Да. У нее всё в порядке. Твой дед заходил сегодня ее навестить.
— Правда? — Тейтум поднял бровь. — И как она это пережила?
— Говорит, очень милый старичок.
— Не верю! Должно быть, это был чей-то чужой дед.
Зои рассмеялась, на удивление звонко и радостно. Тейтум тепло улыбнулся ей в ответ, ясно понимая, что не его тонкий юмор так ее развеселил, — она смеется просто от облегчения.
— Не хочешь перекусить? — спросил он. — Я умираю от голода. — Так и было: купание пробудило в нем аппетит, и сейчас желудок заурчал в предвкушении ужина.
— С удовольствием. — Зои встала; с босых ног на пол потекла вода. Она начала надевать босоножки. — Неужели ты совсем не беспокоишься? Об этом внутреннем расследовании?
— Да нет. Чего тут волноваться? Абсолютная "пустышка". Такое с кем угодно могло случиться. — Он тоже встал и повернулся к лестнице.
— Ты в самом деле решил, что у него ствол?
Этот вопрос заставил его застыть в изумлении. Тейтум повернулся к Зои — и встретился с ее пристальным, немигающим взглядом.
— Конечно. Поэтому и выстрелил первым.
— Ты долго работал над его делом. Педофил нападал на детей, насиловал — и его никак не удавалось поймать…
— Верно, — ответил Тейтум.
Ответил не сразу. Он напрягся; внутри вскипал гнев, и лишь усилием воли Грей заставлял себя оставаться спокойным. Она ни в чем его не обвиняет. Просто расспрашивает.
— Я действительно чертовски хотел его поймать. И засадить за решетку.

— Но педофилы, отсидев, часто берутся за старое. Ты отправил бы его за решетку, а он через несколько лет вышел бы и снова начал нападать на детей. Ты это знал. А потом загнал его в угол. И он попытался уничтожить улики.
— Я не видел…
— Даже в этот момент, после того как ты его преследовал, гнался за ним несколько кварталов, на адреналине, — ты обратился к нему по фамилии. Он был для тебя не просто еще одним преступником.
— Зои, хватит!
— У тебя есть убеждения, — продолжала Бентли. — Ты стремишься сделать мир лучше. Возможно, в тот момент, когда тебе пришлось за долю секунды принимать решение о том, жить этому человеку или умереть, ты поторопился. Может быть, даже убедил себя, что…
— Ты составляешь мой психологический профиль? — не веря своим ушам, спросил Тейтум. До этой секунды ему казалось: Зои говорит о том, как могут воспринять эту историю другие. Но нет: она его анализировала!
— Это совершенно естественно. Если ты верил, что его необходимо остановить…
— Он полез за стволом!
— За камерой.
— Я думал, что это ствол!
Только услышав, как его слова эхом отражаются от стен мотеля, Тейтум осознал, что кричит.
Зои изумленно уставилась на него:
— Почему ты сердишься? Я же не говорю…
Грей поднял руку, молчаливо призывая ее остановиться.
— Не испытывай на мне свои штучки, ясно? Никогда! Я — не один из твоих подозреваемых!
— Просто хочу, чтобы ты был готов. Если тебе начнут задавать трудные вопросы…
— Нет там никаких трудных вопросов, Бентли! Я защищался. От человека, которого считал вооруженным. В безоружного я никогда ни за что стрелять не стану. Запомни это раз и навсегда.
— Я не говорю, что ты что-то сделал не так. А вот они могут заявить, что ты действовал агрессивнее, чем следовало.

— Да при чем тут какие-то "они"? Важно, что
ты
думаешь!

— Меня там не было.
— Именно! Тебя там не было! Так что уж постарайся поверить мне на слово!
Сжав челюсти, Тейтум пошел к выходу. Он только что искупался, но теперь весь горел, и аппетит пропал как не бывало.

Глава 19

Сан-Анджело, Техас, 9 мая 1986 года

Мальчик прятался в своей комнате. Не лучшее место, где скрыться, — но когда ты напуган, то бежишь туда, где привык чувствовать себя в безопасности. В свой черепаший панцирь, в свой бункер, в свое убежище. Где можно свернуться клубком, прижать к себе куклу-инопланетянина, а с плаката над кроватью, словно часовой, тебя будет охранять Супермен. Теперь они всё знают!
Мальчика всегда зачаровывал папин бинокль. На вид простая штука, хоть и на удивление тяжелая. Однако стоит поднести его к глазам — происходят чудеса. Можно прочесть номер машины, едущей по дороге, или разглядеть лица людей, входящих в парикмахерскую в конце улицы. С папиным биноклем у мальчика появляется суперспособность — нечеловечески острое зрение.

Конечно, есть правило: смотреть в бинокль только с папой, без разрешения его не брать. Но какой же супергерой станет ходить на подвиги с папой?
И потом папа никогда не позволит ему подглядывать за соседкой! А это с некоторых пор стало любимым развлечением нашего супергероя. Миссис Палмер живет через улицу, окна ее спальни — напротив гостиной, и в бинокль можно кое-что там разглядеть…
Он нарушил правило. Раз, и еще раз, и снова, и снова. Чем чаще нарушал, тем сильнее ему хотелось. Разумеется, он был осторожен — следил, чтобы рядом не было родителей. Проще всего вести наблюдение по утрам в выходные, когда они, как и миссис Палмер, спят допоздна. В такое сонное тихое утро никто не мешает.
Но сегодня, встав с постели и собираясь одеться, миссис Палмер вдруг взглянула в окно — и нахмурилась. Секунду просто стояла, глядя прямо на него. А он не мог пошевелиться, даже если бы и хотел.
Потом она подбежала к окну, задернула штору — и мальчик понял, что попался.
В ужасе бросился он к себе в комнату, мысленно моля Бога о том, чтобы миссис Палмер не говорила родителям, только бы не говорила родителям! Господи, пожалуйста! Он никогда больше не станет за ней подглядывать! Вообще больше не притронется к биноклю!..
Бинокль! Надо быстро положить его на место, пока не…
В гостиной пронзительно зазвонил телефон. Броситься туда, схватить трубку прежде, чем подойдут родители? Сказать, что ошиблись номером? Может быть, упросить миссис Палмер не жаловаться?
Но вместо этого он лишь плотнее забился в угол между кроватью и зеленым столом. Сжался в комок, обхватил руками колени. Если папа с мамой войдут в комнату — его не увидят.
Быть невидимкой — еще одна суперспособность.
Трубку взяла мать. Он слышал сонное: "Алло!" Слышал, как сонливость с матери слетела. Что-то придумать! Скорее!..
Сердитый голос матери и приближающиеся шаги подсказали ему: слишком поздно.
Она позвала мальчика по имени. Пронзительный, яростный крик — звук приближающейся бури, от которого в горле у него комом встали слезы страха.
Распахнулась дверь. Несколько мгновений мать стояла на пороге, бормоча себе под нос: "Да где же он?" Невидимость — лучшая суперспособность на свете!
А потом она с красным разгневанным лицом шагнула в комнату — и чары рассеялись. Двигаясь прямо к нему, мать выкрикивала его имя, вопила что-то о соседке и бинокле. Оставалось лишь одно: все отрицать. Какая еще соседка? Он просто смотрел на птичек!
— Ах, ты еще и врешь?! — заорала мать.
Схватила его за руку, вздернула на ноги и поволокла к дверям.
Он пытался сопротивляться — увы, сверхчеловеческая сила не относилась к числу его суперспособностей. И мальчик потащился за матерью, отчаянно рыдая и повторяя: "Прости, прости, прости!" Вот оно, волшебное слово, верно? Разве не это надо говорить, когда провинился? "Прости" — и тебя простят!
Только его никогда не прощают.
Мать тащила мальчика вниз, в подвал. Чтобы наказать. Пусть посидит в темном месте и подумает о том, что натворил. Как будто предыдущие двадцать минут он только об этом и не думал!..
Мальчик слыхал, что другие родители лупят детей. Робби из их класса как-то раз рассказывал, что отец снял с него штаны и отвесил сотню ударов ремнем!
Но папа с мамой никогда детей не били. Бить неправильно. Наказание должно воспитывать. Мама всегда говорит: сиди и думай, что ты сделал не так.
В подвале есть чуланчик для метел. Темное место посреди темного места. Святая святых тьмы.
"Мама, пожалуйста! Пожалуйста! Прости! Я уже подумал, мамочка! Я все понял! Я никогда больше не буду! Я извинюсь перед миссис Палмер! Я никогда, никогда, никогда больше не буду! Прости!"
Она втолкнула его в чулан и захлопнула дверь, а затем заперла на задвижку. Ее шаги стихли, хлопнула дверь подвала наверху. В тесном чулане пахло стиральным порошком, пылью, паутиной и кошмарами.

Мальчик рыдал, бился всем телом в дверь, вопил отчаянно и надрывно: "Прости, прости, прости!"
Никто не отвечал ему. Вокруг стояла тьма — такая непроглядная тьма, словно он ослеп. Ему часто приходилось думать о своем поведении. Но пахло здесь всегда одинаково. И всегда вокруг смыкалась тьма, а из тьмы подступал ужас.
Зачем миссис Палмер позвонила маме? Можно было просто задернуть шторы. А если ей не нравится, что он за ней подглядывает, — просто поговорить с ним. Он бы ее послушался. Зачем жаловаться? Это из-за нее он оказался здесь! Она во всем виновата!
Во тьме ему оставалось только слушать. Шаги матери наверху. Звон телефона. Радио откуда-то издалека — треск помех и обрывки музыки.
Третья суперспособность — острый слух.
А сейчас ему потребуются все суперспособности, какие только есть.
Потому что из тьмы приходят чудовища.

Глава 20

Сан-Анджело, Техас, среда, 7 сентября 2016 года

Зои чертовски устала. После того как Тейтум вчера ни с того ни с сего полез в бутылку, она поужинала одна и долго пыталась уснуть, однако сон не приходил. Бентли все вспоминала их разговор, пыталась понять, отчего же Тейтум так разозлился. В конце концов пришла к выводу, что он просто идиот, как и все мужчины федеральные агенты, да, пожалуй, и мужчины вообще. Наконец ей удалось уснуть, но еще до рассвета Зои подскочила: приснился кошмар про Андреа. По счастью, через дорогу от мотеля стоял "Старбакс", и к тому времени, как позвонил Тейтум и сухо сообщил, что едет в участок и может ее подвезти, она успела выпить "гранд американо".
Поездка в отделение полиции была короткой и напряженной. Тейтум всю дорогу молчал с каменным лицом. Несколько раз Зои пыталась заговорить о том, какой стратегии им придерживаться в отношениях с полицией Сан-Анджело. Он отвечал так сухо и неласково, что она в конце концов умолкла и решила в дальнейшем передвигаться по городу на такси. А если шеф Манкузо пожалуется на дополнительные расходы, Зои ей скажет: "Попробуй-ка сама поездить с агентом Греем!"
На входе в отделение их перехватил лейтенант Дженсен — в новом с иголочки костюме, сияющих ботинках, с прической волосок к волоску.
— Рад вас видеть, агенты! Вы очень вовремя, у нас как раз начинается совещание оперативной группы.
— Что за оперативная группа? — почти рявкнул Тейтум.
— Шеф приказал сформировать оперативную группу для расследования убийства Медина, — объяснил Дженсен. — Надеюсь, вы присоединитесь и выскажете свое мнение о том, как лучше вести расследование.
— Разумеется, — сухо ответил Тейтум. — Выскажем.
— Сюда, пожалуйста, агенты, — пригласил их Дженсен.
— Я не агент, — поправила Зои. — Я — консультант ФБР.
— А? — без всякого интереса откликнулся Дженсен.
Шагал он быстро, но из-за коротких ножек угнаться за ним было несложно. Тейтум топал позади, всем своим видом излучая недовольство.
— Я — гражданский консуль…
— Нам сюда. — Дженсен открыл дверь в просторную комнату, бóльшую часть которой занимал большой прямоугольный белый стол и два ряда стульев. На дальней стене — белая доска, на которой кто-то написал маркером: "Николь Медина, 2 сентября".
За столом уже сидели трое. Справа — детектив Фостер, рядом с ним — женщина с рыжими волосами, собранными в хвост. С другой стороны — лысый здоровяк. Его густые мохнатые брови сливались в единую монобровь, по форме напоминавшую летящую птицу; когда лысый приподнял левую половину моноброви в сторону Зои, ей показалось, что птица махнула крылом.

Дженсен прикрыл дверь и хлопнул в ладоши.
— Итак, — объявил он, — теперь, когда все в сборе, можем начинать. Для начала давайте познакомимся. С детективом Фостером вы уже встречались. Это детектив Кэрол Лайонс…
Женщина кивнула Зои и Тейтуму.
— Агента Шелтона вы, наверное, знаете. — Дженсен указал на лысого с монобровью, очевидно, полагая, что все агенты ФБР должны быть друг с другом знакомы.
— Нет, мы не встречались, — ответил лысый. — Брайан Шелтон, отделение ФБР в Сан-Антонио.
— А, — произнес Дженсен. Видимо, этот звук он издавал всякий раз, когда что-то шло не по плану. — Ну хорошо. А это агенты Грей и Бентли. То есть агент Грей и… э-э…
— Доктор Бентли, — ледяным тоном подсказала Зои.
— Ну вот, теперь все мы друг друга знаем! — Дженсен снова хлопнул в ладоши.
Зои села рядом с агентом Шелтоном, Тейтум — рядом с детективом Лайонс. Она попыталась поймать его взгляд; он плотно сжал губы и отвел глаза.
— Давайте обсудим подробности дела, — предложил Дженсен. — Детектив Фостер?
Тот вкратце рассказал о происшедшем, закончив свою повесть тем, как вчера обнаружили тело Николь Медина. Затем, положив перед собой распечатанный доклад, начал перечислять имеющиеся данные.
— Причина смерти — предположительно, асфиксия от недостатка воздуха. Время смерти, по мнению патологоанатома, — от двух часов ночи до восьми часов утра третьего сентября; точнее он сможет сказать после вскрытия. Жертва была захоронена в самодельном деревянном ящике. В ящик помещены маленькая инфракрасная камера и микрофон, с помощью которых снималось видео. Они присоединены к проводу, выходящему из могилы. Другой конец провода обрезан и присыпан землей: очевидно, закончив снимать видео, убийца позаботился о том, чтобы спрятать его. Внутри ящика много отпечатков пальцев; сейчас сопоставляем их с отпечатками жертвы. На камере, на проводе, на внешней стороне ящика отпечатков нет. Также мы сняли с внутренней стороны гроба образцы ДНК: в основном волосы, сломанный ноготь, немного крови… — Он покосился на агента Шелтона.
— С образцами сейчас работает наша лаборатория, — сказал Шелтон. — Сравним их с ДНК жертвы и прогоним через базу данных.
— На месте преступления имелись следы автомобильных шин, но… — тут Фостер бросил быстрый взгляд на Зои, — почти все они уничтожены в процессе поисков тела.
Бентли промолчала, лицо ее осталось бесстрастным. В замечаниях вроде: "Я же вам говорила!" — она смысла не видела.
— Сейчас, при свете дня, криминалисты проводят вторичный осмотр места преступления, ищут следы ног. Однако почва в этих местах покрыта тонким слоем пыли, а два дня назад было очень ветрено. К тому же, если вспомнить, сколько людей раскапывали могилу… в общем, особых надежд я не питал бы.
Дженсен кашлянул.
— Первейшей нашей задачей было спасти жизнь Медина! — напыщенно сообщил он, видимо, спеша отвести от себя обвинения в некомпетентности.
В любой другой день Тейтум обменялся бы взглядом с Зои и театрально закатил глаза к потолку. Сейчас он упорно смотрел на Фостера, а Зои словно не замечал.
— Вскрытие запланировано на послеобеденное время, — продолжал Фостер. — Наши криминалисты работают с ящиком, пытаются собрать о нем как можно больше информации.
Он снова заглянул в свои бумаги.
— Мобильный телефон, которым пользовался убийца, вне зоны доступа, найти его мы не можем. Похоже, первый раз убийца включил телефон возле ямы, так что проанализировать его действия до погребения также не представляется возможным. — Он собрал листы в аккуратную стопку и закончил: — Вот все, чем мы сейчас располагаем.
— Хорошо. Пожалуйста, разошлите этот доклад по электронной почте всем участникам совещания, — распорядился Дженсен.
— Да, само собой.

— Что ж, самый важный вопрос очевиден. Это серийный убийца? — Тут Дженсен повернулся к Тейтуму и Зои, глядя на них выжидающе.
— По определению, серийный убийца — это убийца, лишивший жизни двоих или более человек в разное время и в различных местах, — отчеканил Тейтум. — Свидетельств этого у нас пока нет.
— Двоих? Разве не троих? — уточнил Дженсен.
— Нет, — вклинилась Зои на мгновение раньше, чем то же самое повторили Тейтум и агент Шелтон. — В две тысячи пятом году определение было изменено. Теперь для того, чтобы считать убийства серийными, достаточно двух жертв, убитых в разное время.
— Свое видео он озаглавил "Эксперимент номер один", — заметил Дженсен. — Следует ли нам ждать новых жертв?
— Пока об этом судить невозможно, — ответила Зои. — Нужно продолжать расследование. Хотя вероятность, что это серийный убийца, достаточно велика.
— У нас пресс-конференция через… — Дженсен взглянул на часы, — через тридцать две минуты. — Что сказать журналистам?
— Ничего. Отмените ее.
— Невозможно. Они уже знают, что мы нашли тело. Кто-нибудь обязательно свяжет его с видео. Нам нужно сохранять контроль над ситуацией.
— Совершенно с вами согласна, — кивнула Зои, незаметно, под столом, сжав кулаки. Теперь она поняла, почему Дженсен сегодня такой нарядный. — Именно поэтому необходимо держать журналистов подальше от этого дела. Как можно дольше. По крайней мере, пока мы не выясним что-то более конкретное.
— Как я уже сказал, это невозможно. — Дженсен повернулся к Тейтуму, словно пациент, желающий выслушать мнение еще одного врача. — Наша цель — сократить слухи и избежать паники.
— Если это действительно серийный убийца, — угрюмо произнес Грей, — он может среагировать на интерес прессы. Возможно, это подтолкнет его к новому убийству. Я согласен с доктором Бентли.
— А?
— Рассказывайте им только факты, — заговорила Зои, понимая, что пресс-конференции не избежать. — Не оставляйте места для интерпретаций. А если хотите, чтобы не было паники, не используйте слов "серийный убийца".
— Хорошо, — ответил Дженсен, снова хлопнув пухлыми ладонями. — Понятно. Теперь что касается наших следующих шагов. Думаю, мексиканская мафия — весьма многообещающая линия расследования. Нужно поговорить с отцом Медина…
— Если позволите, лейтенант, — вставила детектив Лайонс, — у меня есть некоторые соображения.
— А? — предсказуемо откликнулся Дженсен.
— Сейчас мы исходим из предположения, что Медина похитили сразу после того, как она рассталась с друзьями, когда шла по дорожке к дому. Нужно убедиться, что это предположение верно. Хотелось бы опросить ее друзей, выяснить все возможные детали. Кроме того, если девушку действительно схватили там, возможны два варианта: либо убийца поджидал ее возле дома, либо следовал за машиной ее друзей. Нужно проверить записи с инфракрасных камер и обратить внимание на все машины, появлявшиеся на дороге вблизи от их автомобиля.
Фостер смотрел на Лайонс и слегка улыбался. Зои поняла, что высказать эти предложения они договорились заранее, почему-то считая, что к детективу Лайонс Дженсен скорее прислушается.
— Кроме того, — продолжала Лайонс, — данные от криминалистов, исследующих ящик, скорее всего, выведут нас на изготовителя этого ящика. Разумеется, в случае если убийца не сколотил его сам. Также, разумеется, попробуем найти телефонный номер убийцы.
Дженсен поморгал и прочистил горло.
— Разумеется. Вполне разумный план действий.
— Мы попробуем проследить цифровые следы, оставленные убийцей, — вставил агент Шелтон. — Если что-то всплывет, дадим вам знать. И еще вопрос о происхождении загрузки.

— Ну да, происхождение загрузки, — повторил Дженсен, явно не понимая, о чем речь.
— Убийца загрузил видео на сайт, — пояснил Шелтон. Он наморщил лоб, и птица-монобровь замахала крыльями, словно готовясь взлететь. — Откуда? По всей видимости, с беспроводного модема.
— Возможно, использовал свой телефона как "точку доступа", — добавил Фостер.
— Мы уже проверили все операции с этого телефона, — ответил Шелтон. — Он использовался только один раз, для выхода на сайт Си-эн-эн. Сейчас мы собираем данные с ближайших вышек сотовой связи. Места там безлюдные, и людей, выходивших в Интернет с телефона в это время, очевидно, будет немного. Выяснив, с какого модема загружено на сайт видео, мы получим след, который, возможно, приведет нас к убийце.
Дженсен кивнул, затем перевел взгляд на Тейтума.
— Агент, хотите что-нибудь добавить?
— Мы с доктором Бентли начнем составлять психологический портрет преступника, — ответил Тейтум. — Будем очень благодарны за доступ ко всем данным с места преступления, включая фотографии.
— Разумеется! — Свое согласие Дженсен сопроводил щедрым жестом, который больше подошел бы королю, исполняющему смиренную просьбу подданных. — А теперь — за работу!

Глава 21

Тейтум был уже у двери, когда Зои схватила его за руку.
— Можешь подождать хоть секунду? — спросила она вполголоса.
От ее прикосновения он напрягся.
— Конечно.
Они стояли у дверей, а остальные, один за другим, выходили из комнаты. Агент Шелтон, проходя мимо, бросил на них вопросительный взгляд; Тейтум кивнул ему, изобразив вежливую улыбку. Агент Шелтон пожал плечами и вышел.
— Нужно решить, как нам заниматься этим делом, — сказала Зои. — Впереди много работы.
Тейтум догадывался, что упоминать о вчерашнем разговоре она не станет, а извиняться тем более, — и все же ощутил укол гнева и разочарования. Ему хотелось высказаться. Скажи она что-нибудь вроде: "Не веди себя как ребенок!" — он мог бы хоть заорать в ответ. Полночи Тейтум проворочался в постели, думая о том, что Зои вот так, за здорово живешь, назвала его убийцей. Но что толку ругаться с ней теперь?
— Конечно. Просмотрим данные о прошлых преступлениях в городе и окрестностях. Учитывая, что фантазия у нашего убийцы явно с нотками клаустрофобии, проверим все случаи, когда кого-либо запирали в тесном замкнутом пространстве.
— Наверное, стоит посмотреть, не сообщали ли о чем-то таком проститутки. Не было ли клиентов, которые надолго запирали их в багажнике или где-нибудь еще.
— Верно. Я проверю местные анналы.
— А я попробую пробить похожие случаи по ПИНП, — вздохнула Зои.
Тейтум понимал, отчего она вздыхает. ПИНП — "Программа исследования насильственных преступлений" — казалось бы, подходила для этой цели как нельзя лучше. База данных ФБР, в которую стекается информация о насильственных преступлениях по всей стране, — чего еще желать? Даже если убийца прежде совершал свои злодеяния в других штатах, по базе его найти несложно. Достаточно поискать другие случаи, когда людей хоронили живьем — и вуаля!
Теоретически.
На практике все далеко не так гладко. Для начала в базе данных ПИНП фиксируется менее одного процента всех насильственных преступлений. А вторая проблема, разумеется, в том, что в ней нет графы "похоронен заживо". Впрочем, сочувствовать Зои — или тем более, предлагать свою помощь — Тейтум сейчас точно не собирался.

— Человек, загрузивший фото, выбрал себе ник "Шредингер", и, возможно, это не случайность, — продолжала Бентли. — Нам обоим следует почитать о Шредингере. Если это намек на тот эксперимент с котом, мы должны хорошо понимать, о чем речь.
— Да там все просто. Засовываешь кота в ящик, закрываешь. Потом не помню, что делаешь… в общем, кот то ли жив, то ли мертв.
— Либо жив, либо мертв, одно из двух. Но не то и другое сразу.
— Ну… нам точно не известно… да черт его знает, честно говоря! Это что-то из ядерной физики.
Короткое молчание.
— Нам обоим следует почитать о Шредингере, — решительно повторила Зои.

Глава 22

Бентли сидела в комнате для совещаний, одна, с ноутбуком на коленях. Перед ней на столе лежали документы и фотографии. Чуть раньше она попросила разрешения у Дженсена поработать в этой комнате, и тот, помычав и похмыкав, согласился. Тейтум устроился там, где сидели детективы, в боксе какого-то отпускника, и Зои это сейчас вполне устраивало. Пока Грей в таком настроении, от него лучше держаться подальше.
На экране ноутбука была раскрыта база данных ПИНП. За сегодняшнее утро Зои задала восемь поисковых словосочетаний и получила больше двух сотен дел, каждое из которых могло быть как-то связано с делом Медина. Рыться в них было тяжело, скучно — и выглядело совершенно бесперспективным занятием.
В голове роились вопросы. Как именно преступник похитил жертву? Что покажет токсикологическое исследование? Откуда взялся ящик? Ответы со временем придут, но Зои привыкла, что ее призывают на помощь, когда дело заходит в тупик, и на все очевидные вопросы ответы уже есть. В ОПА постоянно приходилось слышать: "Что же они раньше к нам не обратились!" Как будто профайлеры из ФБР способны, появившись на месте первого же преступления, орлиным взором окинуть окружающих и, словно Пуаро из сериала, ткнуть пальцем в преступника! Что ж, сейчас к ней обратились очень вовремя — можно сказать, раньше некуда; однако ткнуть пальцем она ни в кого не может, ибо, как и все прочие, не понимает, где искать.
Зои потерла лоб, чувствуя себя не в своей тарелке. От мыслей о работе отвлекали и ссора с Тейтумом, и тревога за Андреа. При мысли о сестре она сразу воображала, как Андреа беззаботно идет по темной и пустынной парковке, а за соседним автомобилем поджидает зловещая фигура с серым галстуком в руках…

Зои стиснула челюсти и схватила телефон. Быстро набрала сообщение: "
Привет, как дела?"

К ее удивлению, Андреа ответила почти сразу — приятная перемена к лучшему.

"
Отлично. Как твое расследование?"

Зои вздохнула и отстучала ответ: "
Все сложно. И Тейтум на меня злится
".

"
А что ты натворила
?"

"
Ничего. Он просто идиот
".

В ответ Андреа прислала эмодзи с недоверчиво поднятыми бровями, и Зои вдруг разозлилась. "
Мне пора работать
, — написала она. —
Поговорим позже
?"

"
Конечно
".

Зои с облегчением встала и прошлась по комнате. Одной заботой меньше!
Попробуем начать сначала, сказала она себе. Пойдем по другому пути. Да, делать выводы из имеющихся данных я пока не могу — данных нет; но могу строить теории. По всей видимости, Николь убил человек, с которым она не была знакома. Знакомый убийца с обычными мотивами — ревность, корысть, что-нибудь такое — не стал бы париться хоронить ее заживо, снимать на видео и выкладывать в Интернет. Нет. Очевидно, мотив у убийцы был очень специфичный.
Возле белой доски лежала пара маркеров. Зои подошла к доске, взяла маркер и начала составлять список.
"Похоронена заживо. Отдаленное место. Видео онлайн".
Слова "похоронена заживо" она обвела кружком, прочертила от них стрелочку и написала под ней "клаустрофобия". Затем, поколебавшись, поискала в Интернете слово, означающее страх быть погребенным заживо, и выписала на доску и его: "тафофобия". В прошлый раз она заметила признаки того, что собственные действия сексуально возбуждали убийцу; и теперь села за компьютер, открыла видеофайл и начала смотреть заново.
Дважды за время видео убийца прекращал закапывать яму и исчезал из кадра. Во второй раз исчез на три минуты. Просмотрев видео в третий раз, Зои больше не сомневалась. Уходил он торопливо, неловкой деревянной походкой — а вернулся спокойным и расслабленным.
Наверняка мастурбировал за кадром.
Уже более уверенно Зои приписала к схеме еще два слова: "доминирование", "контроль". Обычные страсти серийных убийц на сексуальной почве. Судя по всему, они же работают и здесь.
Затем перешла ко второму пункту, "отдаленное место". Провела от него две стрелочки и подписала: "планирование", "фургон". Настало время перейти к третьему: "видео онлайн". Этот пункт больше всего ее беспокоил: именно из-за него она просила отменить пресс-конференцию или, по крайней мере, как можно меньше рассказывать журналистам. Для того чтобы выложить видео в Интернет, у убийцы могла быть лишь одна причина — ее Зои и подписала крупными буквами под третьим пунктом: "жажда славы".
Некоторых серийных убийц возбуждают не только сами фантазии. Им хочется прославиться. Классический пример — "Сын Сэма", убийца, отправлявший в газеты письма, где хвастался своими "подвигами". А в наше время, когда все сидят в Интернете, даже в газеты писать не обязательно.
Однако в эпоху бесконечного потока информации, льющейся на тебя со всех сторон, длинными бессвязными письмами, вроде тех, какие писал Сын Сэма, ничье внимание не привлечешь. Их просто не станут читать. Убийце приходится идти в ногу со временем. Поэтому он выложил видео.

А это прямо влияет на частоту убийств. Когда серийный убийца просто воплощает в жизнь свои фантазии — для него обычны значительные, в несколько месяцев, промежутки между преступлениями. Воспоминаний о совершенном убийстве хватает ему надолго. Немало времени проходит, прежде чем воспоминания меркнут и желание убить вновь становится непреодолимым.
Но если преступник убивает ради привлечения внимания — он убьет снова, едва почувствует, что публика о нем забывает. А в наши дни новости "протухают" очень быстро.
Отворилась дверь; прервав ее размышления, в комнату вошли Фостер и Лайонс.
— А, Бентли, вы здесь, — сказал Фостер. — Вскрытие… — Тут он взглянул на доску и умолк. — Что это, психологический профиль?
Зои покачала головой.
— Пока нет. Просто наброски. Конкретнее смогу сказать завтра.
— А что такое тафофобия? — спросил он.
— Страх, что тебя похоронят живым, — объяснила Бентли.
— Своеобразно, — заметила, вздернув бровь, Лайонс.
— Думаете, наш убийца этим страдает? — спросил Фостер.
— Не знаю. Но закапывание в землю живой женщины его сексуально возбуждает. Страх и сексуальное возбуждение обычно тесно связаны. Я почти уверена, что в определенные моменты он мастурбировал… не перед камерой, конечно.
— Правда? — с отвращением скривив губы, переспросила Лайонс.
— Осмотрите место преступления в ультрафиолетовых лучах; может быть, найдете следы спермы. Вдруг повезет.
— То еще везение! — сухо ответил Фостер и обменялся взглядом с Лайонс.
Зои сделала вид, что не заметила. Еще не хватало ходить вокруг да около, словно в детском саду!
— Это определенно убийство на сексуальной почве. — Нахмурившись, она уставилась на белую доску, на слово "планирование". — Однако… кое-что не сходится.
— Что? — спросила Лайонс.
— Как правило, серийный убийца некоторое время предается своим фантазиям, не воплощая их в жизнь. А потом с ним случается что-то неприятное. Мы называем это "стрессовый фактор". Происходит некое событие: уволили, с девушкой разошелся — в общем, что-то такое, от чего тяжело и хочется отвлечься. Стресс становится невыносим, убийца "срывается" и убивает, воплощая в жизнь фантазию. Он пересек черту, совершил первое убийство, дальше становится легче. Дальнейшие убийства преступник планирует более тщательно, всеми возможными способами улучшает свою технику. Но первое убийство почти всегда совершается импульсивно.
— То есть в первый раз он ничего не планирует? — переспросил Фостер, взглянув на доску.
— Вот именно. А это убийство спланировано очень тщательно. Нужно было сколотить или заказать ящик, найти подходящее место, подготовить сайт в Интернете… Преступник был очень осторожен: использовал одноразовый телефон и подчистил за собой все следы. Это не импульсивные действия. Я бы сказала, он готовился и планировал все месяц или даже больше.
— Может, мы имеем дело с убийцей другого склада? — предположила Лайонс.
— Все может быть. — Зои пожала плечами. — Однако есть и более простое объяснение. Что-то его расстроило, он сорвался и убил, может быть, всего через несколько дней после стресса. А вот следующее убийство уже спланировал как следует.
— То есть… вы хотите сказать…
— Что есть по крайней мере еще одна жертва, о которой мы не знаем, — закончила Бентли.
— Но… он же назвал это "эксперимент номер один", — слабым голосом возразила Лайонс.
— Мало ли почему он так назвал видео? Причин сотни. На мой взгляд, довольно высока вероятность того, что он уже похоронил заживо какую-то девушку. Не очень давно. К примеру, несколько месяцев назад.
Лайонс вдруг побледнела, как мел.
— Извините, — пробормотала она и вылетела за дверь.
Зои хотела спросить Фостера, что с ней, но решила промолчать. Если эта женщина падает в обморок, услышав об убийстве, ей стоило выбрать другую работу.

— Собственно говоря, я зашел сообщить, что вскрытие закончено, — сказал Фостер. — Мы собираемся поговорить с патологоанатомом. Присоединитесь?
— Через несколько минут, — откликнулась Зои, не сводя взгляда с доски. Ей хотелось, пока идеи свежи, еще раз все обдумать.

Глава 23

Следом за детективом Фостером Тейтум вошел в прозекторскую. Здесь, впервые за всю поездку в Техас, ему стало холодно. Сегодня на нем была тонкая белая рубашка с расстегнутым воротом, и он пожалел, что не надел пиджак.
А потом вдохнул — и холод почтительно отступил перед вонью. Запахи формалина, дезинфектанта, крови и гнили, смешавшись в единый неповторимый и невыносимый аромат, ударили по мозгам, и Тейтум напомнил себе, что дышать здесь надо через рот. У дверей в стальном шкафчике хранились маски; Фостер взял две и протянул одну Тейтуму.
На стальном ложе посреди комнаты лежало обнаженное тело Николь Медина: на груди чернел большой Y-образный шрам — след вскрытия. В холодном свете флуоресцентных ламп труп принял белесый оттенок, и все же в нем безошибочно узнавалась девушка на видео.
Патологоанатом, в белом медицинском костюме, кое-где заляпанном бурыми пятнами, склонился над микроскопом. Тоже в маске, он был совершенно лысый, и на его бледной лысине играл голубоватый флуоресцентный свет. Когда посетители подошли ближе, патологоанатом выпрямился и взглянул на них сквозь толстые стекла очков.
— Холодно у тебя здесь, Кудряш, — заметил Фостер. — Как ты только здесь работаешь?
— В теплых носках, — ответил медик. Вокруг глаз расплылись морщинки, и Тейтум понял, что под маской он улыбается.
Дверь в прозекторскую отворилась, и внутрь быстрым шагом вошла Зои. Сделав два шага, она остановилась и заметно позеленела — как видно, тоже почуяла неповторимые здешние ароматы. Интересно, когда у тебя нос длиннее обыкновенного, от этого делаешься более чувствительной к запахам?
Не успев вспомнить, что все еще сердится на нее, Тейтум показал ей на ящик у двери.
— Там есть маски для лица.
Зои обернулась и быстро нацепила маску.
— Кудряш, это агент Грей и доктор Бентли. Они консультируют нас по делу Медина. А это, — Фостер указал на медика, — Кудряш, наш патологоанатом.
Медик закатил глаза к потолку и повернулся к Тейтуму.
— Кудряш — школьное прозвище. Вообще-то я доктор Клайд Прескотт. Рад познакомиться.
— Кудряш только что закончил вскрытие и готов рассказать нам, что нашел, — сообщил Фостер.
Патологоанатом взял со стойки папку с закрепленным наверху листом бумаги.
— Николь Медина, девятнадцати лет. Причина смерти — почти наверняка асфиксия вследствие недостатка воздуха.
— Почти наверняка? — переспросил Фостер.
— На теле нет никаких признаков серьезных травм, и, судя по тому, где нашли тело, недостаток воздуха — самая вероятная причина. Хотя, чтобы быть полностью уверенными, нужно дождаться результатов токсикологического исследования.
Он указал на бок трупа, где расплывалось крупное зеленовато-черное пятно. Тейтум взглянул туда и быстро отвел взгляд.
— В подвздошной впадине уже началось разложение. Это, в сочетании с высоким содержанием калия в стекловидном теле, заставляет предположить, что жертва умерла приблизительно за восемь часов до того, как тело было обнаружено.
— Насколько приблизительно? — уточнил Фостер.

— Жертва была молода и здорова, тело находилось в относительно чистой и прохладной среде, без воздействия насекомых. Так что, думаю, о времени смерти можно судить с точностью до четырех часов.
Такой точности Тейтум, пожалуй, и не ожидал. Сделав краткие подсчеты в уме, он произнес:
— Значит, между шестью утра и двумя часами дня третьего сентября.
— Совершенно верно. Трупные пятна на задней поверхности тела указывают, что покойная умерла, лежа на спине, и что после смерти тело не передвигали.
Медик обошел вокруг стола для вскрытия, взглянул на тело.
— Множественные синяки и царапины на коленях, локтях, ладонях и ступнях, по всей видимости, вызваны ударами о твердую деревянную крышку гроба. Имеются три следа давних переломов, по-видимому, произошедших еще в детстве. Два на левой ноге, один на правом запястье; все три вполне зажившие. Желудок пуст: ничего удивительного — по всей видимости, в последние двенадцать часов жизни жертва не имела доступа к пище.
— Какие-нибудь признаки сексуальных контактов, добровольных или насильственных? — поинтересовалась Зои.
— Я взял мазки изо рта, вагинальной и анальной полостей и проверил на чужеродные элементы. Ничего нет. На брюках жертвы имеется большое пятно, но это не сперма, а моча.
Он указал на шею жертвы. Тейтум наклонился и увидел длинный тонкий порез.
— Совсем свежий, — заметил Кудряш. — Нанесен, похоже, острым лезвием. Неглубокий.
— Кто-то порезал ее ножом? — спросил Тейтум.
— Да, только без намерения убить. Думаю, преступник приставил ей нож к горлу, чтобы напугать, и при этом нанес порез. Видите, какой угол? Вероятно, этот человек стоял сзади. Если взглянете на левую руку, увидите синяк. Вот здесь, за плечо, он ее схватил.
Тейтум постарался представить себе эту сцену. Николь выходит из машины перед домом. На улице темно. Она идет к крыльцу — и тут кто-то сильно, больно хватает ее за левое плечо и приставляет к горлу нож.
— Преступник правша, — заметил Фостер, подтверждая предположение Тейтума. Человек на видео тоже орудовал правой рукой.
— Признаки борьбы есть?
— Видимых — никаких. Но я срезал ей ногти и отправил на анализ.
— Признаки, что ее связывали?
— Тоже нет.
Тейтум ненадолго задумался.
— Убедитесь, что токсикологическое исследование включает в себя спецпрепараты для изнасилования.
Как правило, спецпрепараты для изнасилований не входят в стандартные токсикологические тесты — они повышают стоимость исследования. Однако сейчас стоило проверить все.
Кудряш что-то себе записал.
— Хорошо, прослежу. Кетамин или флунитразепам не могли не оставить следов в образцах волос.
Тейтуму не терпелось уйти из прозекторской, однако он заставил себя бросить последний взгляд на жертву. Глаза Николь Медина были крепко закрыты, лицо спокойно. Должно быть, задолго до того как умереть, она лишилась сознания. Однако перед этим пережила много часов невыносимого ужаса. Запертая в тесной темной дыре, она кричала, однако никто не слышал ее криков. Точнее, слышали-то многие, но никто не смог вовремя прийти ей на помощь.

Глава 24

— Я не знала, какой кофе вы любите…
Зои подняла глаза от компьютера. Перед ней стояла детектив Лайонс с двумя чашками кофе в одной руке и розовой кондитерской коробкой в другой. Этот акробатический трюк она,

похоже, выполняла без малейших затруднений. Зои не сомневалась, что, попробуй она повторить, кофе оказался бы у нее на брюках, а сладости на полу.
Лайонс вошла в комнату, поставила на стол и кофе, и коробку.
— Сахар я класть не стала.
— Очень хорошо, спасибо. — Зои взялась за вторую чашку, отпила — и очень постаралась не морщиться. Кофе был слабым — безвкусная тепловатая водичка.
В коробке лежали четыре пончика: два шоколадных и два ванильных с разноцветной обсыпкой. Лайонс взяла себе шоколадный и жестом пригласила Зои угощаться.
— Спасибо, — поблагодарила та и взяла себе ванильный.
— Полтора месяца назад в Сан-Анджело пропала молодая женщина. Ее зовут…
— Мэрибел Хоу, двадцати двух лет.
— Откуда вы…
Зои повернула свой ноутбук так, чтобы Лайонс могла взглянуть на экран. Там была раскрыта база данных по без вести пропавшим людям.
— Просмотрела несколько баз данных, искала пропавших людей в Техасе, — объяснила Бентли. — Из всех, кто исчез в Сан-Анджело за последние полгода, только Мэрибел Хоу так и не нашли.
— Дело Хоу вела я, — сказала Лайонс. — Расследование быстро зашло в тупик. В субботу вечером она отправилась с подругами в кино… Не хотите еще пончик?
— Нет, спасибо.
— Просто не могу без шоколадных пончиков! Знаю, что пора бы остановиться, но аппетит сильнее меня. Коп и его пончики — такой штамп, верно?
— Верно. — Зои, кажется, никогда еще не встречала полицейских, без памяти влюбленных в пончики. Хотя откуда-то же взялся этот штамп!
— Так или иначе, — продолжала Лайонс, взяв второй пончик, — оба исчезновения очень похожи. Хоу пошла с подругой в кино. Домой они ехали на такси: жили на одной улице, в нескольких домах друг от друга. Водитель высадил их у дома подруги, ярдах в тридцати от дома Хоу. Девушка попрощалась с подругой и пошла к себе. А на следующее утро не вышла на работу. Начальник позвонил ей несколько раз, встревожился и отправил кого-то из сотрудников проверить, что там с ней. Дома никого не было. Еще несколько часов они разыскивали ее по телефону, а потом обратились в полицию.
— Вы думаете, он схватил ее возле дома, как и Николь?
Лайонс пожала плечами.
— Мэрибел Хоу совсем не похожа на Николь Медина. Ей двадцать два, жила одна. Подруга рассказала нам, что она терпеть не могла и наш городок, и свою работу, только и говорила о том, как мечтает отсюда уехать. С родителями она не ладила и с восемнадцати лет жила отдельно. А исчезла как раз после того, как двое детективов из нашего отдела вышли на пенсию, и у нас серьезно не хватало людей. Не подумайте, я не бросила ее искать — но, знаете, когда приходится жонглировать полудюжиной дел и все остальные выглядят куда более срочными… легко сказать себе, что она просто уехала куда-нибудь в большой город…
Лайонс положила недоеденный шоколадный пончик обратно в коробку.
— Я время от времени заглядывала к ней в "Инстаграм", — дрогнувшим голосом призналась она. — Раньше Мэрибел обновляла его все время. По нескольку фотографий в день. А после исчезновения — всё.
Лайонс достала телефон, открыла что-то на экране и протянула Зои.
Это был аккаунт Мэрибел в "Инстаграме". Последнее обновление — от 29 июля. Мэрибел и еще одна девушка, склонив головы друг к дружке, улыбаются в камеру. Подпись: "Александр Скарсгард, держись, мы идем!"
Зои взглянула на Лайонс.
— Что за Александр…
— Красавчик-киноактер.
Мэрибел оказалась настоящей красавицей. Одна из тех девушек, что умеют не забивать, а подчеркивать макияжем природную красоту. Пухлые яркие губы помада сделала еще призывнее и ярче, густые и длинные ресницы выглядели почти натуральными. Коротко стриженные черные волосы придавали ей вид шаловливой феи. Зеленый топ без бретелек и

лукавая улыбка, которая словно говорит: "Александр, едва меня увидишь — забудешь о голливудских красотках и бегом бросишься в Сан-Анджело!"
— Ее мать по-прежнему каждую неделю мне звонит, — промолвила Лайонс. — Ждет новостей — а мне нечего ей сказать. Но знаете, о чем я теперь думаю?
Зои промолчала.
На глазах у Лайонс выступили слезы.
— Она похоронена где-то здесь, за городом. Похоронена живой.

Глава 25

Делия Хоу яростно оттирала тарелки над раковиной. Каждый день одно и то же! Фрэнк и его чертова яичница с беконом. Сколько раз она просила его ополаскивать грязную тарелку сразу, как поест! Вроде не бином Ньютона. Полсекунды подержать тарелку под горячей водой — и все. А он? Хорошо еще, если догадается в раковину поставить! К тому времени как у Делии доходят руки до мытья посуды, остатки яичницы твердеют, присыхают, желтеют — и оттирать их приходится до бесконечности. Вот завтра поставит перед Фрэнком грязную тарелку — может, хоть тогда до него дойдет!
Хотя, скорее всего, он просто не заметит.
Делия покачала головой; губы сжались в тонкую линию.
С тех пор как пропала Мэрибел, Фрэнк почти с ней не разговаривал. Ведет себя так, словно она во всем виновата. Виновата, что Мэрибел ушла из дома. Что не берегла себя. Что…
Делия с силой ударила тарелку о край раковины, и тарелка раскололась. Делия подобрала один из осколков — почти правильный треугольник — и несколько секунд тупо на него смотрела.
Заметив, наконец, что из глубокой царапины на ладони сочится кровь и смешивается с мыльной водой, Делия отбросила осколок и наскоро обмотала руку полотенцем, которое немедленно окрасилось красным. Ладонь щипало от боли, но на это она не обращала внимания. В последние недели боль стала для нее желанной гостьей. Она помогала прогнать пустоту.
Раздался стук в дверь, и Делия поспешила открыть. На коврике у порога стояла с мрачной физиономией детектив Лайонс, а с ней — какая-то незнакомая женщина. Тоже из полиции?
Узнав, что исчезновение дочери расследует женщина, Делия была немало обескуражена. Нет, конечно, женщины ничем не хуже мужчин, заслуживают равенства и все такое — но все-таки биологию никто не отменял! Мужчины всегда были охотниками, а женщины — собирательницами. И лучше б ее дочь искал охотник.
А теперь еще одна женщина — час от часу не легче!
— Детектив Лайонс? Не ожидала вас.
В этих словах — точнее в тоне — ясно прозвучало: "Я знаю, что вы не принимаете исчезновение моей дочери всерьез". Полиция задавала Делии и Фрэнку множество вопросов, причем в основном о том, часто ли Мэрибел ссорилась с родителями и могла ли уехать из города, не предупредив их. Нет! Не могла девочка просто так исчезнуть! Сколько раз повторять?!
— Узнали что-то о Мэрибел? — спросила она после секундного молчания. Не могла не спросить. Даже спустя полтора месяца, после всех ложных надежд и мучительных разочарований, она все еще осмеливалась верить.
Две недели назад позвонил двоюродный брат: мол, видел Мэрибел в Нью-Йорке. Работает на кассе в супермаркете по соседству. Очень похожа, одно лицо! Делия даже не попросила его ни проверить, ни прислать фото — просто купила билеты на самолет и уже готова была лететь, когда брат позвонил снова, с извинениями. Он обознался. Так падал свет.
Сдать билеты она не смогла. Не хватило духу. Фрэнк наверняка был в ярости от такой бессмысленной траты денег, но не сказал ни слова.
— Нет, — ответила Лайонс. — Пока нет. Мне очень жаль. Миссис Хоу, это Зои Бентли из ФБР.

Делия удивленно заморгала и перевела взгляд на Бентли. Из ФБР? Совсем непохожа. Такая маленькая, худенькая, с девичьим румянцем. Шейка тоненькая — того гляди переломится. Только глаза…
Делия вдруг поймала себя на том, что, не отрываясь, смотрит незнакомке в глаза, и поспешно отвела взгляд. Сердце отчаянно колотилось. Что здесь делает агент ФБР? Это как-то связано с Мэрибел?
— Миссис Хоу, можно нам войти и… Что с вами? У вас кровь!
На мгновение Делия опустила взгляд на блузку, словно ожидала, что сосущая пустота в груди наконец прорвалась и обернулась кровавой раной. Но нет, полицейская указывала на ее замотанную руку.
— Всё в порядке, — ответила она, отступая от двери. — Я мыла посуду, разбила тарелку и порезалась.
— Позвольте мне взглянуть, — сказала женщина из ФБР и, не успела Делия опомниться, взяла ее за руку и размотала полотенце. Порез был длинный и глубокий; несколько мгновений Делия тупо смотрела на него, потом сообразила, что чуть выше, на запястье, агент ФБР может заметить ожоги, и вырвала руку.
— Ничего страшного, — увидела она ожоги или нет? — Вы пришли из-за Мэрибел?
— Да, — ответила Бентли. — Хотела задать вам несколько вопросов.
Лайонс захлопнула за собой дверь и прошла мимо хозяйки в гостиную. Делия последовала за ней, в собственном доме чувствуя себя посторонней. Упрямо решила, что не станет предлагать незваным гостьям чаю. Лайонс села в кресло, а Бентли — на кушетку, и Делии оставалось присесть рядом, хоть от такой близости с федеральным агентом ей сделалось совсем неуютно.
— Что вы хотите узнать? — спросила она.
— Ваша дочь много времени проводила вне дома?
— Иногда куда-то выходила, конечно, — настороженно ответила Делия. — Ну и что? Она не какая-то потаскушка, если вы это имеете в виду!
— Я ничего не имею в виду, миссис Хоу. Она выходила куда-то с друзьями? По вечерам?
— Ну… да, наверное. Она ведь здесь больше не живет. У нее свой дом.
— Почему?
— Потому что она страшно упрямая! Сколько раз я просила ее вернуться… Вообще не хотела ее отпускать.
— А почему она решила жить одна?
— Мы постоянно ссорились. Она говорила, что мы… что я ее с ума свожу. А я просто за нее беспокоилась!
Начав об этом думать, Делия, как обычно в последнее время, уже не могла остановиться. Они с Мэрибел ругались каждый день. Из-за всего. Как Мэрибел одевается, с кем общается, какие у нее друзья, посиделки за полночь непонятно с кем… Даже из-за еды часто ссорились. И что такого Делия ей говорила? Ровно ничего особенного: "Притормози, не бери добавку, тебе надо следить за фигурой". А Мэрибел каждый раз как с цепи срывалась. Или, скажем, когда упоминала дочку Джеки — мол, милая девушка, и такая худенькая (видит бог, без всяких задних мыслей!), а Мэрибел тут же вскидывалась: "Хочешь сказать, что у тебя жирная дочь?" Если б только она не обижалась на все подряд, если б не принимала любое слово на свой счет…
— …на улице, или о каких-то недавних знакомых? — продолжала спрашивать Бентли.
— Что, простите?
— Не упоминала ли Мэрибел о каких-нибудь незнакомцах, которые обращали на нее внимание на улице, или о каких-то недавних знакомых?
— Нет. Да и с чего бы?
— Где ваша дочь чаще всего бывала?
— На работе. Она работала в супермаркете возле дома.
Бентли все продолжала задавать вопросы — бесконечные вопросы без ответов; и где-то в середине беседы Делия начала ощущать, что эта незнакомка ее осуждает. И сорвалась.
— Чего вы от меня хотите? Не знаю я, ничего не знаю о Мэрибел! Едва ей исполнилось восемнадцать, она просто ушла, "до свиданья" не сказала! С тех пор мы только ссорились. Каждый разговор заканчивался руганью. Это вы хотите услышать? Да, мы ругались. Она

никогда меня не слушала! Я ее мать — а она никогда меня не слушала! Как она не понимает? Я ведь не обидеть ее хочу — помочь! Кто же ребенку правду скажет, если не мать? Если найдете ее, пожалуйста, передайте: я просто хотела ей помочь!
Голос ее задрожал, глаза заволоклись слезами. В мыслях промелькнула кухонная плита и зажженная горелка на ней. Взгляд Делии метнулся к кухонной двери, потом снова к Бентли… и в этот миг она поняла: эта женщина знает. Непонятно, откуда и как, но знает. И про плиту, и про ожоги. Видно по глазам.
— Благодарю вас, миссис Хоу. — Голос Бентли смягчился. Она встала и протянула свою визитную карточку. — Если захотите рассказать еще что-то о вашей дочери, позвоните мне.
Наконец они ушли. Делия заперла дверь, пошла на кухню, включила газ. Посмотрела немного на пляшущие голубые язычки пламени — и поднесла запястье к огню. Секунды на две, может, даже меньше. Пустота и чувство вины на время скрылись под благословенным покровом боли.

Глава 26

Зои сидела на кровати в мотеле, с ноутбуком на коленях, подсунув под спину комковатую подушку.
Последнюю пару часов она пыталась разобраться в теориях Шредингера: прочла несколько статей, даже просмотрела онлайн-лекцию. Основы были вроде бы ясны, но, углубляясь в детали, она понимала только, что ничего не понимает.
Ее охватил иррациональный гнев против всех физиков на свете — а в следующий миг громко заурчало в желудке. Так вот в чем дело! Она проголодалась! "Голодная ярость" — так называет это настроение Андреа.
Однако мысль о том, чтобы снова, как вчера, заказать в номер маслянистую китайскую еду и съесть ее в одиночестве, угнетала. Хорошо бы куда-нибудь выбраться. И лучше не одной. Очевидного спутника можно найти в соседнем номере. Только он все еще дуется.
Если честно, это ее беспокоило. Обычно с Тейтумом ладить легко. Конечно, у них случались разногласия, порой он ее бесил, однако Зои не припоминала ни одного случая, когда бы он по-настоящему на нее разозлился.
Пора с ним поговорить. Она не совсем понимала, что именно так его взбесило, но на всякий случай заготовила обтекаемое извинение за вчерашний вечер. Надо заплатить за ужин и тем загладить свою вину. Не так уж часто она вообще извиняется — должен понять, что дело нешуточное и ей действительно жаль!
Порывшись в чемодане, Зои извлекла оттуда белую футболку и обрезанные джинсы. Надела, взглянула на себя в зеркало. Распустила волосы — они свободно упали на плечи. Единственное, что можно сказать хорошего о сухой и жаркой погоде: она идет на пользу волосам. Обычно Зои приходилось бороться со спутанными кудрями, узлами, колтунами, и волосы вечно выглядели растрепанными — а здесь лежат ровно и гладко, словно в рекламе шампуня. Она улыбнулась своему отражению. Неплохо!
Подхватив сумочку и ключи, Зои вышла из номера и остановилась у двери Тейтума. Постучала. Подождала, чувствуя, как урчит в желудке. Постучала еще раз.
Тейтум открыл дверь. На нем были шорты и синяя футболка, вид усталый и расстроенный. Увидев, как нарядилась Зои, он удивленно раскрыл глаза, но тут же нахмурился и плотно сжал губы.
— Привет! — поздоровалась Бентли, стараясь, чтобы голос звучал бодро и естественно.
— А я как раз собирался тебе позвонить, — сказал Тейтум.
— Правда? — радостно переспросила она.
— Читал незакрытое дело об убийстве восьмимесячной давности, которое может быть связано с нашим случаем. Тело двадцатидвухлетней проститутки по имени Лаверн Уитфилд было найдено зарытым в землю в нескольких милях к северу от Сан-Анджело. Руки связаны проводом, убита несколькими ударами ножа в грудь.
— Как нашли тело?
— Его вырыли дикие звери.

— Есть подозреваемые?
— Один. Ее бывший сутенер, по имени Альфонс… — Тейтум нахмурился. — Альфонс как-то там. Материалы я тебе пришлю, сама посмотришь все подробности. Выглядело обвинение вполне солидно, но, когда ушло в суд, защита сумела его развалить. Главный свидетель на суде не появился, время смерти оказалось установлено неверно, главному обвиняемому при аресте не зачитали толком его права. Много вещественных доказательств суд отклонил. В результате обвиняемого оправдали.
— Ты думаешь, это имеет отношение к нашему делу? — спросила Зои.
Тейтум пожал плечами.
— Ее закопали в землю. Но, очевидно, для того, чтобы спрятать тело. Наш нынешний убийца — совсем другой случай. И смерть от ножа — тоже не его почерк.
— А раз ее выкопали дикие звери, значит, тело было зарыто неглубоко.
— Верно. Вряд ли это тот же парень. Однако совсем исключать такую возможность не стоит.
Зои кивнула.
— Я хотела поговорить с тобой о другом. О вчерашнем вечере.
Тейтум с бесстрастным лицом ждал продолжения.
— Послушай, мне правда очень жаль, что мои слова тебя обидели. Наверное, пытаясь помочь, я повела себя чересчур прямолинейно… — Она ожидала, что при этих словах лицо Тейтума смягчится — но оно оставалось таким же жестким, напряженным, словно все из углов и ломаных линий. — Случай в Лос-Анджелесе произошел много лет назад, и неудивительно, что ты не хочешь об этом говорить.
Тейтум, кажется, еще крепче сжал челюсти — хотя куда уж крепче… Может, пропустил начало, когда она извинялась?
— В любом случае я прошу прощения. А теперь хочу сходить куда-нибудь поесть. Давай со мной! Я угощаю.
— Значит, тебе жаль, что твои слова меня обидели, — сухо повторил он.
Все-таки до него дошло!
— Ну да.
— И теперь понимаешь, что, возможно, выражалась слишком прямолинейно.
Вся эта история с извинениями пошла куда-то не туда, и Зои чувствовала, что начинает злиться.
— Послушай, мне правда очень жаль! — Это уже третий раз. — Так пойдешь со мной или нет? Здесь есть одно место…
— Я не голоден. Спокойной ночи. — Тейтум захлопнул дверь.
Зои застыла, устремив ошеломленный взгляд в закрытую дверь и борясь с желанием пнуть ее ногой. Затем развернулась и решительно зашагала прочь, навстречу одинокому ужину.

Глава 27

Гарри Барри сидел в холле мотеля и готов был уже бросить свой наблюдательный пост, когда увидел, как мимо проносится и почти бегом вылетает на улицу Зои Бентли. Он даже не сразу ее узнал, так непривычно она выглядела в обрезанных джинсах до колен и футболке, вместо брючных костюмов, которые носила в Чикаго. Впрочем, ошибки быть не могло. Эти глаза ни с чем не спутаешь.
Он вскочил с мягкого диванчика и поспешил за ней.
— Доктор Бентли!
Она обернулась, рассеянно глядя на него.
— Какая удача, что я вас встретил! — с самым невинным видом воскликнул Гарри.
Зои взглянула прямо на него, и он остановился: ему вдруг стало не по себе. В детстве Барри порой боялся, что некоторые люди умеют читать мысли и способны заглянуть в самые темные закоулки души. И сейчас — под взглядом пронзительных глаз — его охватило почти такое же ощущение.
— Вы! — почти прошипела Зои. — Что вы здесь делаете?

— Ничего особенного, приехал по работе, — откликнулся он. — Остановился в этом мотеле. А вы?
Теперь, когда начал проходить первоначальный шок от встречи с ней взглядами, Гарри не мог не признать, что перед ним довольно привлекательная девушка. Густая копна черных волос, нежная светлая кожа, тонкая шея… настоящая Белоснежка! И все же красивой — по крайней мере милой — ее не назовешь: все дело в крючковатом носе и еще более в странных глазах. Не красивая… пожалуй, завораживающая! Он сделал себе мысленную пометку: подобрать для интервью подходящее определение. Завораживающая, впечатляющая, словно не от мира сего, есть в ней что-то волшебное… Нет, волшебное — это уж слишком!
— Я здесь… — она поколебалась, — по личному делу.
— Личное дело в Сан-Анджело, неужели? У агента Тейтума Грея, видимо, здесь тоже личное дело?
Несколько секунд Зои сверлила его свирепым взглядом.
— Мне нечего вам сказать, — отрезала она наконец и зашагала прочь.
Гарри поспешил следом.
— Многого я не прошу! — выкрикнул он на бегу, почти сразу ощутив, что задыхается. Черт, как эта женщина быстро ходит! — Только один комментарий для статьи в завтрашний номер. Я думаю о таком заголовке: "Эксперт по серийным убийцам консультирует полицию Сан-Анджело в связи с подозрительной смертью молодой девушки"…
Ему пришлось остановиться, чтобы отдышаться: легкие просто горели. Давненько он не передвигался с такой скоростью!
— Начну с создания атмосферы… — Бентли стремительно удалялась, и Гарри вновь бросился за ней в погоню, глотая воздух между словами. — Доктор Бентли, победительница Гробовщика-Душителя и печально известного Джована Стоукса, недавно прилетела в Сан-Анджело вместе со своим напарником, агентом Тейтумом Греем. Хотя ее присутствие никак не комментируется, вполне возможно, что оно связано со смертью девятнадцатилетней Николь Медина…
Зои замедлила шаг, потом остановилась. Гарри тоже остановился, тяжело дыша. Чувствовал он себя так, словно вот-вот словит сердечный приступ.
— Тело… которой… было найдено… недалеко от города, — выдавил он из последних сил. Чертовы сигареты! Пора завязывать с курением. — После сообщения… об исчезновении…
— Хватит! — Бентли развернулась и шагнула к нему с таким видом, словно готова была удушить. — Ничего подобного вы не напечатаете! Все это провокация и дезинформация!
— Дезинформация? — оскорбленно переспросил Гарри. — Разве вы сейчас не в Сан-Анджело вместе с агентом Греем? Разве Николь Медина не найдена мертвой? В сегодняшних новостях был репортаж… А, понимаю! Вам не нравится термин "эксперт по серийным убийцам". Тогда как мне лучше написать? Известный профайлер?
— Мистер Барри, если вы опубликуете вашу статью, последствия будут… будут… — Она беспомощно развела руками.
— Доктор Бентли, я не понимаю языка жестов. Попробуйте объяснить словами. — Сердце постепенно замедляло свой бег, однако Гарри обливался по́том. В самом деле, пора бросать курить! — Какие последствия?
— Прошу вас, подождите один день, прежде чем что-то публиковать! — Зои не слишком хорошо умела просить: ее мольба больше походила на приказ.
— Чтобы все местные газеты рассказали эту историю раньше меня? Ну нет, доктор! Так что же, дадите комментарий, или придется мне обойтись без него?
Зои молчала и свирепо смотрела на него. Он постарался встретить ее взгляд спокойно и холодно… впрочем, это было все равно, что играть в гляделки с Медузой Горгоной. Гарри отвел глаза первым.
— Хорошо, у меня есть для вас история, — сказала она наконец. — Но если сейчас вы опубликуете статью со ссылками на меня и перечнем моих так называемых достижений, то никогда не услышите от меня ни слова!
Он пожал плечами.
— Похоже, я и так ничего от вас не услышу.

— Я все расскажу вам первому. Обещаю.
— А если другие издания первыми докопаются до истины?
— Вы собираетесь писать не об убитой девушке в Сан-Анджело. Читателям в Чикаго на нее плевать. Вас интересую я. Мое участие в этом деле.
— Вы читаете меня, как открытую книгу! — с ухмылкой сообщил Гарри.
— Тогда подождите со статьей. Через день или два я сама с вами свяжусь.
Он кивнул.
— Хорошо, буду ждать звонка. Только не слишком долго.
Зои испустила глубокий вздох.
— Спокойной ночи.
— Вы ужинали? Может, перекусим вместе?
— Скорее я соглашусь поужинать с гремучей змеей, Гарри Барри!
Она пошла прочь, а Гарри с довольной улыбкой смотрел ей вслед. Затем пошарил в кармане, достал смятую пачку сигарет, прикурил и, зажмурившись, с наслаждением вдохнул табачный дым. Бросить курить? Черта с два! Нет ничего лучше сигареты после того, как закончишь по-настоящему хорошую статью!

Глава 28

Он просматривал сайты местных новостей, а вместо фоновой музыки слушал женские крики. Девушка умоляла, чтобы кто-нибудь, хоть кто-нибудь пришел и спас ее. Несколько секунд он вслушивался, сравнивая ее с Николь Медина, но какая кричит лучше, пока не понял.
Поэтому вновь обратился к новостным сайтам.
Резонно было надеяться, что сейчас уже уловят связь, поймут, что девушка, найденная мертвой, — та самая, видео с которой он выложил в Интернет. Но во всех статьях упоминались лишь голые факты. Имя и возраст убитой жертвы. Фотография — селфи из "Инстаграма", опубликованное две недели назад. Заявление полиции о том, что ведется расследование. Никаких упоминаний серийного убийцы. Или видео. Или Шредингера. Статья за статьей — сухие, бледные, ни о чем.
Его вдруг охватила ярость. Фантастические слепцы! Он же оставил такой след — разве что в темноте не светится! Или надо всучить им информацию силой?
Он нажал ссылку "Контакты" на сайте "Новости Сан-Анджело" и начал яростно печатать. Неужели, писал он, так трудно заметить связь между убитой девушкой и видео? Скопировал ссылку. Подчеркнул название видео — "Эксперимент номер один" — и подтвердил, что будут и следующие. Полиция против него бессильна, и ФБР тоже. Ждите новых жертв! Никто не в безопасности — он способен добраться до кого угодно! Да, будут новые и новые, десятки новых жертв!
Курсор завис над кнопкой "Отослать"…
Убийца еще раз перечитал свое послание. Пришлось пролистывать — оно оказалось чертовски длинным. Почти половина слов большими буквами, словно писал какой-то псих. Не меньше тринадцати орфографических ошибок. И дикое количество восклицательных знаков. "ДЕСЯТКИ новых ЖЕРТВ!!!!!!" Шесть восклицательных знаков, сплошные заглавные буквы. В самом деле, словно маньяк какой-то пишет!
Такое впечатление производить на публику нельзя, ни в коем случае.
Он встал со стула и прошелся по подвалу, несколько раз глубоко вздохнул. Весь дальний конец подвала занимали ящики одинакового размера, поставленные один на другой, от пола до потолка — и в стенке каждого просверлена дыра. Каждый ящик — для одной-единственной цели. Для одного эксперимента. Даже сейчас, глядя на них, убийца улыбнулся и ощутил, что успокаивается.
Рядом — контейнеры, полные земли. Хватит на пять экспериментов. Он был осторожен и брал образцы почвы в разных местах. Надо именно так: все готовить заранее, подчищать концы. Ничего не оставлять на волю случая.

Нет, он будет придерживаться изначального плана. Что с того, что местные журналисты туповаты? Скоро, очень скоро они уже просто не смогут закрывать глаза на реальность! О нем узнают все. И все будут гадать, кто станет следующей жертвой.
Потому что эта девушка не только заставит людей его заметить; она даст понять, что одной или двумя дело не ограничится.
Крики эхом отдавались в бетонных стенах. Теперь девушка принялась звать маму.
И так пришла новая идея.
Вообще-то стоило сообразить гораздо раньше. В наше время никто не думает о том, что происходит прямо сейчас; всех интересует только будущее.

С настоящим интересом люди обсуждают именно
грядущие
события. Например, фильм, который еще не вышел на экраны. Тизеры, трейлеры, интервью с режиссером и с актерами, фото со съемочной площадки, какие-то намеки на сюжет… Разговоры, бесконечные разговоры о том, что же там будет! Но вот фильм вышел — что говорят люди? "Ну… ничего так". И начинают ждать следующего.

Тизеры, трейлеры. Напряженное ожидание. Хайп. Создать хайп важнее, чем сделать само дело. Именно хайп ставит тебя в центр внимания.
Кто бы мог подумать, что в наши дни даже серийным убийцам требуется грамотный маркетинг?
Выходя из подвала, убийца широко улыбался. Новая идея крутилась в мозгу и обретала все более реальные очертания.

Глава 29

Зои сидела у барной стойки, сжатые в кулаки руки лежали на коленях. Вечер начался хуже некуда, а продолжился еще отвратительнее. Сначала Тейтум со своей дурацкой обидой, потом бесстыжий репортер из Чикаго заставил согласиться на интервью… Черт!
Как он вообще ее нашел? Прилетел за ней в Сан-Анджело — значит, у него надежные источники. Кто-то из ОПА. Надо будет поговорить с Манкузо, предупредить, что человечек из отдела сливает инфу прессе.
— Пожалуйста, мисс! — Официантка поставила перед Зои три тарелки. На первой — огромный стейк, прямо со сковородки, на вид сочный, и с ним крохотная веточка брокколи, о которой словно вспомнили в последний момент. На других двух тарелках гарниры: салат из свежих овощей и печеный картофель со щедрой порцией сметаны, посыпанный сверху зеленым луком.
Что ж, по крайней мере еда сегодня не разочарует. Выглядит очень аппетитно!
Зои отрезала кусочек стейка — как она и надеялась, внутри он оказался розовым. Положила в рот, прикрыла глаза.
Что ж, быть может, жить все-таки стоит.
Она тщательно прожевала кусок, наслаждаясь нежностью и сочностью мяса, затем подцепила вилкой картофельный ломтик, обмакнула в сметану, подцепила вилкой перышко зеленого лука. Отправила в рот все целиком. Здесь она немного не рассчитала — картошка была слишком горячей и обожгла язык. Но все равно очень-очень вкусно!
— У вас все хорошо? — вежливо поинтересовалась официантка, ставя перед ней запотевший стакан.
— Угу-м-м! — ответила Зои с набитым ртом и отрезала еще кусочек стейка.
В голове снова всплыли события сегодняшнего вечера. Гарри Барри — бессовестный сукин сын, но надо отдать ему должное: любит свое дело. А люди, преданные работе, вызывали у Зои уважение. Что же до Тейтума — да, ведет себя как идиот, но от этого не перестал быть хорошим человеком. Жаль, что его сейчас с ней нет. Таким угощением лучше наслаждаться в компании.

Укол вины и страха пронзил ее, когда она сообразила, что, увлеченная расследованием, с утра — почти целый день! — не проверяла, как там Андреа.

Зои схватилась за телефон. "
У тебя все хорошо
?" — напечатала она.

Ответное сообщение пришло через несколько секунд: "
Да. Хватит меня доставать, я ужинаю
".

Вздохнув с облегчением, Зои сфотографировала свою тарелку и послала Андреа с подписью: "
Я тоже
". Почти сразу пришел ответ:
"Думаешь, у тебя вкусный ужин? Смотри, что ты пропустила
!" — и фотография довольно жалкой на вид китайской лапши. Зои фыркнула и отправила в ответ эмодзи "смех сквозь слезы".

Она съела уже половину стейка, когда рядом снова возникла официантка с бутылкой вина.
— Вон тот парень хочет вас угостить, — поведала она, кивнув на дальний конец барной стойки, и поставила перед Зои полный бокал.
— Э-э… — начала Зои. — Я не…
— Вино действительно хорошее, — заговорщически подняв бровь, сообщила официантка.
Уже очень давно никто не пробовал подцепить ее в баре! Зои невольно улыбнулась.
— Хорошо, спасибо.
Понюхала вино, затем попробовала. В самом деле, недурно! Взглянув на того, кто прислал ей угощение, сперва заметила кудрявые волосы и густую рыжеватую бороду. Мужчина был в голубой клетчатой рубашке, однако на нем, в отличие от большинства мужчин, "костюм лесоруба" смотрелся отлично. Он в самом деле походил на лесоруба: крупный, устойчивый и надежный на вид. Маленькая татуировка на шее — кажется, инициалы, хотя с такого расстояния трудно разглядеть. Поймав ее взгляд, незнакомец поднял кружку с пивом, как бы произнося тост, и Зои в ответ подняла свой бокал.
Он, похоже, решил, что это приглашение. Так ли это — Зои и сама как следует не понимала. Мужчина встал — ростом он оказался выше большинства посетителей, — подошел к ней и взгромоздился на соседний свободный табурет.
— Люблю девчонок, которые не стесняются есть с аппетитом! — Он улыбнулся.
— Вряд ли я "девчонка". Мне тридцать три. — Она поставила бокал. — Спасибо за вино.
— Я Джозеф.
Зои протянула руку.
— Зои.
На миг она напряглась — ей показалось, что он собирается поцеловать руку, — но Джозеф просто крепко ее пожал.
— Вы не из наших мест… Из Бостона?
Она изумленно заморгала.
— У меня такой заметный акцент?
Он рассмеялся.
— Я несколько лет прожил в Бостоне и теперь тамошний выговор везде узнаю. Когда вы сказали "тридцать три"… — Лукаво улыбнувшись, Джозеф повторил эти слова с четким и жестким выговором бостонца.
Зои улыбнулась в ответ.
— Родом оттуда, но больше там не живу. — И глотнула еще вина, словно надеясь смыть внезапную тоску по дому.
— Переехали в Сан-Анджело?

— Нет, я здесь по работе.
— И кем работаете?
Неприятный вопрос. На словах "криминальный психолог" лежит проклятие: услышав их, люди либо начинают нервничать, либо преисполняются жгучего любопытства, либо и то, и другое сразу. Стоит назвать свою профессию — и Джозеф или потрясенно умолкнет, или им суждено беседовать об убийствах и изнасилованиях.
Так что Зои медлила, тщательно прожевывая очередной кусок стейка. Обе перспективы не слишком радовали. Ей нравился вечер, нравилось (по крайней мере, пока) общество Джозефа, и совсем не хотелось портить себе отдых серийными убийцами.
— Я консультант.
— В какой области? — поинтересовался он, отхлебнув пива.
— Ну… в основном по вопросам человеческого поведения. Прилетела только вчера. Пробуду здесь еще несколько дней. А вы?
— Живу здесь. Родился и вырос в "святом ангеле".
Не сразу она поняла, что так он шутливо переиначивает название города, — а когда поняла, улыбнулась и положила в рот еще одну картофельную дольку.
— Я электрик, занимаюсь ремонтом кондиционеров. В наших краях это популярная профессия. На случай если вы не заметили: здесь иногда бывает жарковато!
Зои покатилась со смеху и немедленно закашлялась — картошка попала не в то горло. Джозеф взглянул на нее с тревогой и быстро протянул стакан воды. Все еще кашляя, со слезами на глазах, Зои взяла стакан, отпила немного, и ей наконец удалось восстановить дыхание.
— С вами все хорошо?
— Ага. — Она глубоко вдохнула и выпила одним махом полстакана. — Вы просто застали меня врасплох.
— Извините. Когда вы жуете, постараюсь быть серьезнее.
— И чем же вы занимались в Бостоне, раз ремонт кондиционеров так востребован здесь?
— Обычная история: поехал к девушке. Попробовал завести бизнес — продажу креплений для светильников. Пару лет держался на плаву, потом увидел, что не справляюсь. — Он поднял подставку под пивную кружку и принялся отщипывать от нее бумажные клочки. — И с девушкой мы разошлись. Так что вернулся домой. Теперь, оглядываясь назад, даже не понимаю, зачем вообще уезжал.
Зои отрезала и медленно прожевала еще кусочек стейка. Есть уже не хотелось, но мясо было такое вкусное…
— А что значит Г.Р.? — Она кивнула на инициалы у него на шее.
Джозеф коснулся татуировки.
— Генриетта Росс. Так звали девушку из Бостона. Глупо, да? Когда влюблен, иной раз такие глупости творишь! Теперь ее имя со мной до самой смерти, и каждый новый знакомый обязательно спрашивает, кто это. — Он мрачно уставился на ощипанную подставку для кружки.
Будь здесь Андреа, подумала Зои, она непременно ответила бы какой-нибудь шуткой и развеселила его. Но что сказать? "Отвечайте им, что это Государственный Реестр"? Более тупой остроты и придумать нельзя.
Разумеется, удачная шутка придет ей в голову. Попозже. Дня через три, в постели перед сном.
— Не особенная и глупость, — ответила она наконец, чувствуя себя полной дурой. — По-моему, это трогательно: когда любишь кого-то и хочешь, чтобы память о нем осталась с тобой навсегда…
Джозеф удивленно моргнул.
— Спасибо, Зои. Не часто мне говорят такое.
Может, юмор и вправду слишком переоценивают?
Наступило молчание — не уютное молчание собеседников, хорошо знающих друг друга, а напряженное, наэлектризованное, почти физически ощутимое. Как будто в разговоре они перекидывали друг другу мяч, а теперь кто-то из них замешкался и мяч уронил.
— Кто для вас самые главные люди? — в конце концов спросил Джозеф.

Неожиданный вопрос, не связанный с предыдущим разговором, однако Зои понимала, что он значит: Джозеф пытается вернуть беседу в нормальное русло.
— Сестра. Она живет со мной.
— Правда? И не сложно жить с сестрой?
— Ей, может, и сложно, — легко ответила Зои. — Мне же нравится, когда она рядом.
— А родители?
— Папа умер несколько лет назад. А с мамой мы не слишком ладим. — Мать Зои, с ее жаждой контролировать детей, вечными скандалами и обидами, всегда была тяжелым человеком, а в последние годы сделалась просто невыносимой. — Теперь ваша очередь.
— Братьев или сестер у меня нет. Папа несколько лет назад уехал из Техаса, так что остались мы вдвоем с мамой. Но мы с ней очень близки.
— Должно быть, она была счастлива, когда вы вернулись из Бостона.
— Просто на седьмом небе. Она вообще не понимала, зачем мне понадобилось уезжать.
Они немного поговорили о Бостоне, потом разговор свернул на другое. Болтали о том и о сем; вел беседу Джозеф, а Зои с удовольствием занимала пассажирское сиденье. Он поведал о своем хобби: восстанавливать старинную мебель, и Зои очень постаралась проявить должный восторг от рассказа о ремонте антикварного шкафа. Ее собственный опыт в этой области ограничивался сборкой трех стульев из ИКЕА — о чем она предпочла умолчать. Потом стали сравнивать любимые фильмы. Джозеф заказал бокал вина и себе.
Через некоторое время Зои обратила внимание, что чувствует себя с ним свободнее — уже не думает каждую секунду, что сказать. Давно она так не сидела с кем-то, с удовольствием болтая о пустяках!
Официантка уже унесла пустые тарелки, и закончились последние капли вина, когда Джозеф спросил:
— Какие планы на остаток вечера?
Тут Зои напряглась. Почти полночь. Джозеф симпатичный, общаться с ним было приятно, но продолжения она определенно не хочет. Слишком мало о нем знает — в сущности, только то, что он очень крупный, сильный и обаятельный. Обаятельные мужчины… Тед Банди, Чарльз Мэнсон, Ричард Рамирес, Род Гловер — все они обаяшки. Список можно продолжать до бесконечности. Для человека, который день за днем занимается психопатами, обаяние — всего лишь опасный камуфляж.
— Думаю, мне лучше поспать. Завтра у меня важный день.
— Консультировать будешь?
— Точно. — Она постаралась улыбнуться.
— Сможешь добраться до дома? — спросил Джозеф, показав глазами на ее пустой бокал.
Ни к чему ему знать, что она остановилась совсем рядом.
— Возьму такси.
Он выудил из бумажника визитную карточку.
— Если захочешь приятно провести вечер, скажем, завтра — звони.
Она поблагодарила. Он улыбнулся в последний раз — кажется, немного растерянно — и ушел.
— Можно мне счет? — попросила Зои.
— Ваш собеседник за все заплатил, пока вы были в туалете, — ответила официантка. — Настоящий джентльмен!
— Да, настоящий джентльмен, — откликнулась Зои.

Глава 30

Сан-Анджело, Техас, четверг, 8 сентября 2016 года

Делия сортировала чистое белье — раскладывала по парам носки. Фрэнк носил только черные и серые, так что ей приходилось сравнивать их по длине и по материалу. Порой она не заморачивалась и складывала короткие носки с длинными, шерстяные с хлопчатобумажными, но тогда приходилось долго выслушивать недовольное ворчание, так

что сейчас Делия старалась все сделать как полагается. Ради всего святого, где же пара от этого носка?
Зазвонил телефон — и она, едва не подпрыгнув на месте, закрутила головой туда-сюда, словно зверь, почуявший охотника. Дело не только в том, что звонок застал ее врасплох. Этот телефон вообще не звонил. Почти никогда. И Делия, и Фрэнк пользовались только мобильниками. В сущности, городской телефон они не отключали лишь потому, что по нему привыкла звонить Герта, мать Фрэнка. Пожилой человек, память уже не очень — ей сложно было выучить новый номер. Как у президента есть красный телефон для разговоров с Россией, так и у Фрэнка и Делии — бежевый городской аппарат для разговоров с Гертой. Вот только Герты уже семь месяцев как нет в живых.
Делия потерла обожженную руку: физическая боль отвлекала. Должно быть, ошиблись номером, сказала она себе. Или это соцопрос, или продажники с очередным предложением, от которого невозможно отказаться. Так или иначе, трубку брать не стоит — ничего интересного она не услышит.
Однако телефон звонил и звонил. Пронзительно трезвонил, бил по нервам. У этих старорежимных аппаратов такой пронзительный звонок, чтобы даже из погреба или со двора нельзя было его не услышать.
Не в силах больше терпеть трезвон, Делия подошла и сняла трубку.
— Алло! — проговорила она сердито. Кто бы там ни был на другом конце провода, пусть сразу поймет, что тратить на него время она не собирается!
В ответ — молчание. Лишь какой-то тихий звук, вроде затрудненного дыхания.
Нет, не дыхание. На том конце кто-то плачет.
— Алло! — повторила Делия — и теперь в ее голосе звучал страх. А потом, едва слышно: — Мэрибел?
Еще секунду она слышала только рыдания. А потом с другого конца провода донесся голос, дрожащий, полный невыразимого ужаса:
— Мамочка!
— Мэрибел? Где ты? Что с тобой? Алло! — После каждого вопроса она останавливалась и ждала — но Мэрибел только рыдала, не в силах отвечать. — Мэрибел!
— Мамочка!
— Где ты? Просто скажи, где ты! Я за тобой приеду!
— Забери меня отсюда! — отчаянно выкрикнула Мэрибел. — Пожалуйста!
— Откуда? Где ты?
В ответ — короткие гудки.
Секунду Делия ошеломленно смотрела на телефонную трубку. Затем бросила ее на стол, схватила мобильник и набрала номер детектива Лайонс.

Глава 31

На утреннее совещание Тейтум чуть опоздал и получил от Дженсена укоризненный взгляд, однако проигнорировал его с легкостью, порожденной долгими годами тренировок.
— Отлично! — Дженсен хлопнул в ладоши. — А где Лайонс? Пора начинать.
— Должно быть, сейчас подойдет, — ответил Фостер.
— Что ж, мы ее ждать не станем. Детектив Фостер! Расскажите, как продвигается расследование.
Фостер зашелестел страницами блокнота.
— Мы опросили друзей Медина, бывших с ней в ночь исчезновения. Основываясь на их показаниях и на данных инфракрасных камер, можно с уверенностью сказать, что она вышла из машины возле своего дома в час пятнадцать минут. Соседи в это время уже спали. В шесть тридцать мать Медина проснулась, обнаружила, что дочь не вернулась домой, обзвонила всех, кого только можно, и в семь тридцать пять сообщила об исчезновении в полицию. Сейчас мы опрашиваем тех, кто был на вечеринке, и некоторых знакомых Николь, но пока что ничего примечательного не выяснили.
— Хорошо, — снова хлопнул в ладоши Дженсен. — Тогда…

— Лайонс просматривает записи с дорожных камер, — продолжал Фостер. — За машиной, в которой ехала Николь, двигались три автомобиля. Два из них принадлежат молодым людям, возвращавшимся с той же вечеринки. Третий — грузовик, за рулем некий Уайатт Тиллер, сорока семи лет. Мы его проверяем; похоже, это не тот, кто нам нужен.
Фостер перелистнул страницу.
— Несколько друзей Николь Медина возвели небольшой мемориал в ее память на улице, неподалеку от ее дома. Не особо примечательный — репортеры не уцепятся.
— Сможете проследить, кто приходит к мемориалу? — спросил Тейтум.
Фостер немного подумал.
— Постового там выставить мы не сможем, а вот установить небольшую камеру наблюдения — вполне.
— А что насчет места преступления? — спросила у Фостера Зои. — В ультрафиолетовых лучах что-нибудь нашлось?
Тейтум нахмурился: Зои продолжала какую-то прошлую тему, в которую его не посвятила.
— Криминалисты просветили место убийства УФ-лучами, но не обнаружили никаких следов посторонних жидкостей. — Фостер помолчал секунду, видимо, давая всем присутствующим время сообразить, о чем речь. — Что касается ящика. Мы проконсультировались с опытным плотником, и, по его словам, ящик сколочен профессионалом. Если наш убийца — не плотник, значит, где-то его заказал. Хотелось бы проследить эту нить; нужны дополнительные люди.
— Знаете ли… — начал Дженсен.
"Началось", — со вздохом подумал Тейтум. Теперь предстоит пять-десять минут брачных танцев вокруг того, скольких людей выделить в подмогу оперативной группе.
Некоторое время полицейские спорили и наконец пришли к компромиссу. И Фостер, и Дженсен выглядели недовольными — как видно, компромисс не устроил обоих.
Когда дошла очередь до агента Шелтона, он коротко и четко описал то, что предпринял местный отдел ФБР для поиска убийцы по цифровым следам видео. Результаты оказались не слишком многообещающие. За хостинг заплачено биткойнами, доменное имя свободное, зарегистрировано с временного почтового ящика.
— Неизвестный, — Шелтон называл убийцу так, как принято в ФБР, — загрузил видео со второго телефона, который также использовал как одноразовый. Включил этот телефон только на месте преступления и там же выключил. Оба телефонных номера мы отслеживаем — на случай, если какой-нибудь из них еще проявится.
Он взглянул на экран своего раскрытого ноутбука.
— Лабораторные исследования показали, что все образцы ДНК с внутренней стороны ящика принадлежат жертве.
Дженсен устало повернулся к Тейтуму.
— А как дела у вас? Что там с профилем убийцы?
— Ищем случаи схожих преступлений, — ответил Тейтум. — Пока ничего не нашли. Доктор Бентли предложила также ознакомиться с личностью и теорией Шредингера — возможно, это поможет пролить какой-то свет на личность и мотивы убийцы.
— О, отличная мысль! — просиял Дженсен, и Тейтум немедленно насторожился.
— Ну… да. Сегодня этим займусь.
— Вам повезло: я дружу с лучшим преподавателем физики университета Сан-Анджело! — сообщил Дженсен. — Знаем друг друга со студенческих лет. Я организую вам встречу.
— Мне есть что добавить, — подала голос Зои.
— А? — повернулся к ней Дженсен. — И что же вы выяснили, агент… э-э… доктор Бентли?
— Исходя из того, что мы знаем об убийце, я составила его базовый психологический портрет, — ответила она. — Разумеется, пока ничего определенного. Но мне удалось вычленить несколько вероятных характеристик.
Дженсен скептически поджал губы, однако двое детективов повернулись к Зои с интересом.
— Убийца необычно осторожен, совсем не оставляет следов. Это наводит на мысль, что он не моложе тридцати. Более молодые убийцы, как правило, более импульсивны. Однако он в хорошей физической форме. Контейнеры с землей на видео тяжелые, да и вообще

закапывать глубокую яму — нелегкий труд. Тем не менее мы не наблюдаем на видео никаких признаков его дискомфорта. Это заставляет думать, что он не старше сорока пяти.
— Мой дядюшка марафоны бегает, а ему шестьдесят, — заметил Дженсен.
Тейтум откашлялся.

> — Поэтому доктор Бентли и говорит о
> вероятных
> характеристиках. Мы не просим вас игнорировать всех, кому двадцать, лишь рекомендуем расставить приоритеты в расследовании согласно нашим рекомендациям.

На секунду он встретился глазами с Зои, и та коротко кивнула.
— Неизвестный позаботился о том, чтобы не показывать на видео ни кусочка своего обнаженного тела: на нем длинные перчатки, высокие ботинки, рубашка с длинными рукавами. По-видимому, все это для того, чтобы скрыть цвет кожи. И все же во время тяжелой работы какой-то участок его тела мог случайно обнажиться. Это наводит на мысль, что он не слишком об этом беспокоился, — то есть не думал, что цвет его кожи может существенно сузить ареал наших поисков. Он принадлежит к расовому большинству. Поскольку большинство населения Сан-Анджело — белые, я делаю вывод, что он белый.
Фостер что-то яростно царапал в блокноте.
— Продуманное убийство и полное отсутствие улик на месте преступления указывают на человека осторожного, аккуратного, с пристальным, возможно, даже чрезмерным вниманием к деталям. Если он работает — это работа, на которой важна не скорость, а тщательность исполнения. Скорее всего, он занят квалифицированным трудом, не связанным с обслуживанием клиентов. Стремление продемонстрировать свой выдающийся ум — свидетельство сниженной самооценки. Следовательно, в детстве его либо унижали родители, либо травили сверстники. Очень вероятно, что убийца был жертвой дурного обращения того или иного рода.
Отворилась дверь, вошла Лайонс и тихо села за дальним концом стола.
— Он использовал фургон, — продолжала Зои, — полагаю, самый обычный, какой не привлекает внимания. — Она пожала плечами. — В машинах я не очень разбираюсь.
Дженсен поморгал.
— Очень… э-э… очень подробный портрет, агент… м-м… доктор.
Она не обратила внимания на похвалу, будто не услышав.
— Несколько месяцев назад в жизни убийцы произошло какое-то неприятное событие, нечто такое, что разозлило его и заставило почувствовать себя недооцененным. Возможно, что-то связанное с работой: его уволили, или несправедливо объявили выговор, или дали понять, что его не ценят, или еще что-то подобное. Мы называем это "стрессовый фактор".
— Стрессовым фактором может быть и разрыв отношений, — добавил Тейтум.
— Верно, — признала Зои. — Но у меня ощущение, что этим видео он пытается компенсировать некий профессиональный провал. Выложил и разослал всем ссылку — хочет получить признание публики. Имя "Шредингер" и то, что видео названо "экспериментом", показывает, что он хочет выглядеть умным, образованным человеком. Тем, кто заслуживает одобрения со стороны старших и сверстников.
В этом Тейтум был не уверен, однако решил не спорить.
— Кроме того, думаю, что Николь Медина — вряд ли его первая жертва. Первое убийство, как правило, бывает импульсивным, а на месте преступления все указывает на тщательную подготовку. Он хладнокровно все спланировал. Так бывает, когда убиваешь не впервые. Шесть недель назад полиция получила сообщение о пропаже двадцатидвухлетней Мэрибел Хоу. Дело все еще не закрыто. Вчера мы с детективом Лайонс беседовали с ее матерью.
— А? — откликнулся Дженсен, переводя взгляд на Лайонс.
Та откашлялась.
— У меня есть новости по этому делу, — сообщила она дрогнувшим голосом. — Только что я говорила с матерью. Она сообщила, что Мэрибел позвонила ей по телефону. Подробностей получить не удалось, мать была в истерике. Я направила к ней патруль и сама сейчас поеду туда, чтобы снять ее показания.

— Отлично! — Дженсен хлопнул в ладоши. — А Бентли и Грей вместе со мной послушают, что скажет мой друг-физик!
Тейтум вдруг пожалел, что высказал желание больше узнать о Шредингере. Сейчас выяснить что-то о Мэрибел Хоу казалось ему гораздо важнее, чем слушать лекции по физике — особенно в компании Дженсена.

Глава 32

Тейтум следовал за машиной Дженсена с самым мрачным видом. Ехать в университет Зои предпочла в одной машине с лейтенантом — нужно ли еще объяснять, какая трещина пролегла между ними? Тейтум никогда не умел долго помнить зло. Знавал людей, которым это давалось легко и с удовольствием, которые превращали многолетние обиды в хобби. Скажем, его тетушка: то, что сказала ей подруга в восьмом классе, она помнила так же ясно, как все, что случилось вчера за ужином. А Тейтуму приходилось постоянно напоминать себе, что он обижен, и это чертовски выматывало.
Дженсен остановился на университетской парковке, Тейтум припарковал машину неподалеку. Он присоединился к Зои и полицейскому, и вместе они вошли в здание физфака. По дороге Дженсен просмотрел сообщения в телефоне и вполголоса выругался.
— О звонке от Мэрибел Хоу пронюхали журналисты.
— Так быстро? — удивилась Зои.
— Может, мамаша сразу им позвонила?
— Непохоже, что она из таких, — заметила Зои.
Дженсен, похоже, ее не слушал.
— Некоторые уже намекают на связь между Хоу и Медина… Черт, как это все некстати! Надо было самим им все рассказать на пресс-конференции, тогда мы бы сейчас управляли ситуацией! — В его голосе слышались явные обвинительные нотки.
Зои поджала губы. Тейтум решил, что вмешиваться не стоит. Помимо его обиды на Зои, спорить с лейтенантом просто бессмысленно. Он ищет, на кого свалить вину — и всегда найдет.
Нужный им кабинет располагался на третьем этаже. Дверь была открыта, но Дженсен все равно постучал в притолоку и проговорил: "Тук-тук!" — тем тоном, который, видимо, считал милым и забавным.
Доктор Кобб оказался — оказалась — совершенно не такой, как он ожидал. Это была женщина, стройная и черноволосая, в джинсах и белой блузке на пуговицах. Очки имелись, но не круглые с толстыми стеклами, каких ждешь от ученого, а изящные, в тонкой оправе. На ее губах лежала красная помада, немедленно напомнившая Тейтуму девочку, в которую он был влюблен в девятом классе.
— А, это ты, — довольно прохладно бросила доктор Кобб. — Честно говоря, я думала, у меня еще будет время поработать.
Судя по ее тону и манере, Дженсен несколько преувеличил степень близости их дружеских отношений.
— Как поживаешь, Хелен? — Дженсен двинулся к ней с явным намерением обнять.
Доктор Кобб вовремя разгадала его маневр и протянула руку, а лейтенант после секундного колебания ее пожал. Зои и Тейтум вошли в кабинет, Тейтум закрыл за собой дверь и сел на один из пустых стульев.
— Хелен, это агент Грей и доктор Бентли из ФБР, — представил их Дженсен. — А это доктор Хелен Кобб.
Доктор Кобб кивнула.
— Рада познакомиться. Насколько я поняла, вам нужна моя помощь с… с расследованием?
— У нас убийца, которого, по-видимому, весьма интересует Шредингер, — объяснил Тейтум. — Не могли бы вы рассказать нам вкратце и понятным языком, что у него был за эксперимент с котом?
Кобб вздохнула.

— Эксперимент, скорее, мысленный. Насколько я знаю, Шредингер никогда не мучил кошек по-настоящему. Эксперимент призван продемонстрировать проблему с двумя состояниями кванта в квантовой механике. Предполагается, что квант, мельчайшая частица материи, может находиться в двух различных состояниях одновременно. Это мы называем суперпозицией.

Тейтум уже чувствовал, как внимание его куда-то уплывает и наваливаются разные посторонние мысли. Совсем как в школе, где учитель о чем-то нудно вещает над ухом, а ты сидишь и думаешь о девочке за передней партой, о том, чем займешься после школы, о лягушках и вообще обо всем на свете.

— Шредингер хотел продемонстрировать, что суперпозиции свойственна неустранимая проблема, — продолжала Кобб. — И для этого сформулировал мысленный эксперимент. Мы сажаем в ящик кота. В ящике имеется резервуар с кислотой, подсоединенный к счетчику Гейгера, и некоторое количество радиоактивной материи. Очень небольшое. Такое, что с пятидесятипроцентной вероятностью один атом этой материи распадется в течение ближайшего часа. Если он распадется, резервуар откроется, и кислота убьет кота. Если нет — кислота останется в резервуаре. Пока все понятно?

Тейтум не знал, что ответить. Вроде понятно… но уж очень его отвлекали алые губы Кобб. Интересно, как студентам удается слушать ее лекции? Он постарался сосредоточиться на коте. Кот и кислота. Пока все ясно.

— Радиоактивная материя находится в суперпозиции. Она распалась и в то же время не распалась. Два состояния одновременно. Но это означает, что и кот одновременно и испытывает воздействие кислоты, и не испытывает. Он сразу и жив, и мертв. Он в суперпозиции.

— Почему? Он или жив, или мертв — но не то и другое сразу! — раздраженно сказала Зои.

Интересно, подумал Тейтум, что ее так разозлило. Может, она против того, чтобы мучать даже воображаемых котов?

— Мысленный эксперимент утверждает, что кот находится в суперпозиции, поскольку он в замкнутом ненаблюдаемом устройстве, которое также находится в суперпозиции. Кот и устройство находятся в одном и том же состоянии.

— Когда вы говорите "ненаблюдаемом", что это значит? — спросила Зои.

— Суперпозиция может существовать, только когда материя не поддается измерению. Как только материя измерена, она не может находиться в нескольких состояниях сразу.

— Что, если мы будем снимать кота на видео?

— Это устранит ненаблюдаемость. Соответственно кот уже не будет в суперпозиции.

— А если мы будем снимать кота на видео, однако прекратим съемку до истечения часа? — спросил Тейтум; у него вдруг пересохло в горле. — Эксперимент продолжится, но наблюдать за ним мы больше не сможем?

Поколебавшись, Кобб ответила:

— Через некоторое время кот окажется в суперпозиции. Будет сразу и жив, и мертв.

Быть может, поэтому убийца прекратил съемки, оставив их гадать об исходе своего предприятия? Тейтум стиснул зубы. Будут ли следующие эксперименты?

— Что, если в ящике нет кислоты? — спросила Зои, роясь в своей сумочке.

— Тогда, по всей вероятности, кот останется жив. — Кобб нахмурилась.

— Он может умереть от недостатка воздуха. — Бентли достала из сумочки папку с материалами дела, начала листать документы и делать какие-то пометки на полях.

— Да, но уже не в результате действия квантового устройства, так что кот не окажется в суперпозиции. Он будет либо жив, либо мертв, но не то и другое сразу.

— Мы ведь не знаем, жив он или мертв. Разве это не суперпозиция?

— Нет. — Кобб пожала плечами. — Мой муж сейчас дома. Может, он ест, может, принимает душ, может, читает или еще чем-нибудь занимается. Мне отсюда не видно. Тем не менее он не в суперпозиции. Его состояние никак не связано с элементарными частицами — и, очевидно, сам он не частица. Он — мой муж. В этом одна из проблем с этим экспериментом. Доказано, что кот не может находиться в суперпозиции.

— Почему?

— Он слишком большой. Крупные предметы находиться в суперпозиции не могут. Не важно, взорвался кот или нет — он просто не может оказаться в суперпозиции, потому что он не элементарная частица.
— Взорвался? — переспросила Зои. — Мы же говорили о кислоте.
— По версии Эйнштейна, должен взорваться. В варианте Эйнштейна речь идет о взрывчатке. На самом деле, не важно. Суть в том, что кота что-то убивает.
Как видно, физики не отличаются особой любовью к котам…
— Значит, человек тоже не может находиться в суперпозиции, верно? — уточнил Тейтум.
— Конечно нет. Человек крупнее кота.
— Доктор Кобб, — снова заговорила Зои, — такой эксперимент когда-нибудь проводился в реальности?
— Боже, надеюсь, что нет! — Кобб вздрогнула. — С какой стати? Все это придумано, чтобы продемонстрировать парадокс. Для этого не нужно по-настоящему ловить кота и сажать его в адскую машину.
Быть может, и нужно, сказал себе Тейтум. Если цель "эксперимента" другая. Не имеющая ничего общего с наукой.

Глава 33

Андреа скучала по Бостону.
Вот что она понимала все яснее, топчась на беговой дорожке. Как же ей не хватает возможности побегать в Бостонском парке! Деревья уже окрасились в золото и багрянец, и бежать среди этих всполохов цвета намного приятнее…
— Ф-фу-у-ух! — послышалось сзади.

> …намного приятнее, чем слушать
> вот это
> ! Последние полтора часа мужик у нее за спиной поднимал тяжелые веса, беспрерывно ухая и крякая. В Бостонском парке такого точно не услышишь!

Переезжая в Дейл, Андреа радовалась, что покидает Бостон. Но бежала она не от самого города. Ей хотелось уйти от ненавистной работы в страховом агентстве. От Дерека, отношения с которым явно зашли в тупик. От матери, задолбавшей вопросом, когда же она собирается выйти замуж. С мамой всегда было сложно ладить, а после смерти папы стало совсем невмоготу.
Так что, когда Зои объявила, что покидает Бостон и переезжает в Вирджинию, Андреа мечтала лишь об одном — уехать с ней вместе. Даже сочиняла истории о том, как сестры Бентли вдвоем покоряют Дейл.
— У-у-ух! — громогласно раздалось за спиной. Андреа закатила глаза к потолку и увеличила скорость, жалея о том, что оставила наушники дома.
Реальность оказалась совсем не такой радужной. Зои с утра до вечера пропадает на работе в Квантико. Страховым агентом Андреа больше быть не желает, а ничего другого не умеет; остается принимать заказы и разносить подносы в затрапезном ресторанчике.
Интересных парней в Дейле нет вовсе, а какие есть, на тех без слез не взглянешь. Одним одиноким вечером она дошла до того, что позвонила Дереку и спросила, как дела. Боже! Худший телефонный разговор в ее жизни. Дерек, как выяснилось, не тосковал с разбитым сердцем. У него все хорошо. Он даже похудел! И завел новую девушку.
А теперь и работы нет, и сбережения тают с пугающей скоростью. Конечно, Зои будет только рада одолжить ей денег. Черт, не одолжить — дать без возврата. Она уже предлагала. Но до такого Андреа все-таки не опустилась.
— Ар-р-рргх!
Господи, еще и женщина! Теперь их там двое!
Месяц назад, узнав о Роде Гловере, Андреа пришла в ужас. Как выглядел Гловер, она не помнила, и, когда он подошел к ней на улице, показался вполне нормальным, симпатичным

человеком. Попросил разрешения с ней сфотографироваться, приобнял за плечи, вежливо поблагодарил. Разумеется, она знала о той жуткой истории в далеком детстве, когда Род Гловер ломился ночью к ним в дверь. Зои рассказывала об этом много раз. Но сама Андреа ничего не помнила.

Хотя, быть может, одно воспоминание у нее сохранилось. Она сидит на кровати, страшно боится чего-то, что может ворваться в комнату снаружи, а Зои обнимает ее и шепчет: "Не бойся, Рей-Рей. Он нам ничего не сможет сделать".

Теперь она знала. Тот человек с улицы — чудовище, безжалостный убийца. Маньяк, лишивший жизни трех девушек в Мейнарде и, самое меньшее, еще двух в Чикаго. Там, в Чикаго, он напал и на ее сестру, попытался изнасиловать и задушить. Тот самый человек, что сказал ей: "Улыбочку!" — и щелкнул камерой в телефоне.

Она не могла забыть, что он ее трогал. То место на плече, где он ее коснулся, порой начинало зудеть, словно под кожей ползали сотни крохотных насекомых. И приходилось долго стоять под душем, чтобы это ощущение ушло.

— Ф-фу-ух!

— Ар-р-ргх!

Теперь оба одновременно, словно пара, занятая самым кошмарным в мире сексом! Девушка на соседней дорожке скорчила брезгливую гримасу, остановила тренажер и ушла.

Поначалу Андреа не могла спать. Ее мучали кошмары, она просыпалась среди ночи и долго прислушивалась к скрипам, шорохам, шагам соседей, к любым незнакомым или непонятным звукам — все это мог быть
он.

Идет за ней. Хочет изнасиловать и задушить, как и тех, других девушек. Андреа нашла заметки Зои о нем, кое-что прочла, просмотрела фотографии с мест преступления… Все это навеки отпечаталось в памяти.

Но с того дня его никто не видел. И постепенно Андреа поверила, что Гловер не станет ее преследовать. Он хотел напугать их с Зои до полусмерти, сделал это — и скрылся. Агент Колдуэлл, коллега Зои, объяснял, что Гловер — сексуальный хищник, который выбирает себе жертв случайным образом. Он не охотится за какими-то конкретными женщинами — нападает на тех, до кого легко добраться. И совсем не хочет, чтобы его поймали. Так что нет причин считать, что он где-то поблизости.

После этого страх ушел. А Зои продолжала тревожиться. С каждым днем становилась все более невыносима со своей опекой, буквально не давала дышать; Андреа чувствовала, что вот-вот начнет ее ненавидеть. И скучала — как же скучала по Бостону!

Здесь нечем заняться. Некуда пойти. Остается лишь бежать по беговой дорожке — прекрасная метафора жизни в Дейле.

Сзади вновь раздалось уханье, на этот раз такое громкое, что Андреа гневно обернулась. И вдруг заметила нечто такое, что привлекло ее внимание. Всего на миг — она снова повернулась лицом к стене, прежде чем поняла,
что
увидела.

Из угла спортзала, наполовину скрытый тренажером, на нее неотрывно смотрел мужчина. Обычный на вид человек средних лет, с прилизанными волосами и странной улыбкой. Этого человека она теперь прекрасно знала. Слишком часто видела его на той фотографии. Род Гловер.

Он здесь! Следит за ней!

Сердце отчаянно заколотилось в груди, но Андреа продолжала бежать, запретив себе оборачиваться. Испытывая теперь благодарность ухающим и крякающим тяжелоатлетам, как и прочим людям в зале. Пока вокруг люди — она в безопасности.

Слезы страха выступили на глазах; в уме один за другим проносились снимки с мест преступления. Обнаженные женские тела, распростертые на земле. Он здесь — монстр, который все это сделал! Прямо у нее за спиной! Понял ли, что она его заметила? Что, если

сейчас он идет прямо к ней, с этой своей ненормальной улыбкой, сжимая в руке нож? Как узнать?
Она бежала, бежала, бежала, словно в самом частом своем кошмаре — когда, убегая от чудовища со всех ног, оставалась на месте.
Зои объяснила ей четко и ясно, что делать, если увидишь Гловера. Кричать и бежать. Если других вариантов не будет — отбиваться. Но, если сейчас она закричит, он поймет, что она его заметила. Да и в любом случае не могла она кричать: страх комом стоял в горле и не хватало дыхания.
Нажав кнопку, Андреа остановила беговую дорожку. Машина замедлила ход, и девушка сошла, стараясь вести себя как обычно, краем глаза пытаясь уловить какое-нибудь движение сбоку. Идет ли он за ней? Не узнаешь.
Она поспешила в раздевалку. Там телефон. Позвонит в полицию, или в ФБР, или прямо Зои. Взглянув в зеркало на стене, Гловера за спиной не увидела. Ее трясло, губы дрожали, но Андреа старалась подбодрить себя мыслью, что вокруг полно народу, а Гловер нападает на женщин в безлюдных местах. Не хочет, чтобы его поймали. Она позвонит в полицию, сообщит, что он здесь, они приедут, окружат фитнес-центр и арестуют его.
Вбежав в раздевалку, Андреа в недоумении остановилась перед шкафчиками — не сразу вспомнила, какой шкафчик ее. Нашла нужный и начала дрожащими пальцами набирать цифровую комбинацию.
И только в этот миг вдруг сообразила, что раздевалка пуста. Пустая комната всего с одной дверью. Она в ловушке!
Андреа едва не выскочила наружу, забыв и о своих вещах, и о телефоне. Остановила ее только мысль, что Гловер может ждать за дверью. Разве не так он всегда поступал? Затаившись где-нибудь, ждал, пока девушка будет проходить мимо?
Щелкнул замок, и Андреа распахнула дверцу. Трясущимися руками нашарила в сумке телефон и набрала 911.
— Это "девять-один-один", что у вас произошло?
— Я… Род Гловер, серийный убийца, идет за мной. Я в фитнес-центре.
— Мэм, успокойтесь, пожалуйста. Вы в фитнес-центре? Вокруг вас есть люди?
— Сейчас нет, — сдавленным, прерывающимся от ужаса голосом ответила Андреа. — Я в раздевалке. Здесь никого. Только убийца, который за мной следит.
— Вы можете перейти туда, где есть люди? Мэм?
Она все еще прижимала к уху телефон, но говорить не могла. В дверь раздевалки было вделано матовое стекло — и сейчас за этим стеклом обрисовалась темная тень. Человеческая фигура. Приближается. Идет сюда.
Андреа метнулась в конец раздевалки, в душевую, и спряталась в самой дальней душевой кабинке.
— Мэм?
— Пожалуйста, пришлите полицию! — вполголоса взмолилась Андреа.
— Назовите адрес.
Адрес? Понятия не имеет!
— Я в фитнес-центре. Это… это… возле станции "Чешир".
— Хорошо, мэм, высылаю патруль. Можете пока перейти в какое-нибудь место, где есть люди?
Тень за дверью все еще там?.. Андреа не осмеливалась поднять глаза.
— Я боюсь, — прошептала она едва слышно.
— Понимаю, — отозвалась женщина на том конце провода. Спокойно, уверенно — так же, как всегда говорит Зои. Господи, как ей сейчас не хватает сестры! — Если вы в фитнес-центре, вокруг много людей, а значит, вы в безопасности. Просто подождите в холле до приезда полиции, хорошо? Не кладите трубку, продолжайте говорить со мной и идите в холл.
— Х-хорошо.
Андреа двинулась к своему шкафчику. Дышать было тяжело, сердце словно обложили льдом. Она тихо шла по мокрому полу, смахивая с глаз слезы страха.
Шаги. Движение за матовым стеклом. Кто-то идет!

— Он приближается! Помогите! Помогите! — отчаянно завопила Андреа. Телефон выскользнул из заледеневших пальцев.
"Кричи и беги. Если не можешь бежать, сопротивляйся" — так учила Зои. Андреа попятилась и завопила во все горло. Бежать было некуда, что сможет сопротивляться, она очень сомневалась — оставалось только кричать. Вопить во всю мощь легких, пока кто-нибудь не услышит и не придет на помощь.
Дверь распахнулась: потная толстуха на пороге воззрилась на Андреа с недоумением и тревогой. Та разрыдалась и сползла по стене на пол. В брошенном мобильнике надрывался голос оператора, но она его уже не слышала.

Глава 34

Вздохнув, Зои откинулась на спинку стула. Послеполуденное солнце било в окна комнаты для совещаний, и она пересела подальше, туда, где солнце не слепило глаза и не отражалось на экране ноутбука.
Подробностей о звонке Мэрибел Хоу матери было немного, а те, что были, скорее настораживали.
Входящий звонок на домашний номер Хоу действительно имел место. Это уже проверили. Однако нет никакого способа узнать, кто звонил на самом деле. Делия Хоу сама признает, что сказала "Мэрибел" не слишком много. И та женщина, что звонила, называла ее "мамочкой" — а Делия признает, что этого слова не слышала от дочери уже много лет. Так что скорее похоже на жестокий розыгрыш.
Телефон, с которого звонили, включен, однако определить его точное местонахождение не представляется возможным. На юге Сан-Анджело, в районе, где более семисот домов. Сейчас полиция опрашивает жителей; ордер на обыск семисот домов не получишь, тем более что многие сейчас стоят пустыми — их обитатели на работе. И пока все силы полиции брошены на это, остаются в небрежении другие стороны расследования.
Фостер также сообщил Зои, что пришел доклад от токсиколога. Действительно, в крови Николь Медина обнаружено усыпляющее вещество рогипнол, разновидность флунитразепама. Теперь ясно, как убийце удалось увезти девушку и уложить в ящик без сопротивления.
Машинально рисуя закорючки на листе бумаги, Бентли собралась позвонить Делии Хоу, чтобы услышать все подробности из первых уст, когда в комнату вошел Тейтум.
— Привет, — сказал он. — Хотел с тобой поговорить.
— Что такое? — спросила Зои.
— Появилась одна идея насчет нашего дела. Хотел послушать, что ты скажешь.
— Выкладывай.
— Ты считаешь, наш серийный убийца жаждет славы, верно?
— Это явно один из его мотивов.
— А может ли быть, что он играет в кошки-мышки с полицией? — спросил Тейтум. — Хочет таким способом доказать свое превосходство?
Зои немного подумала.
— Да, доказать превосходство, но не столько полиции, сколько публике. Иначе отправил бы видео прямо в полицию, это куда безопаснее.
— Скажи, в такой профиль убийцы укладывается желание самому вмешаться в ход расследования?
Многих серийных убийц как магнитом тянет к расследованию собственных преступлений. Им хочется поучаствовать. Нередко убийцей оказывается тот, кто "нашел" тело и сообщил о нем. Иногда убийца делает вид, что обладает какой-то важной информацией. Таким способом он пытается получить дополнительные сведения, а кроме того, полагает (ошибочно), что "помощь полиции" отводит подозрения. И, конечно, в этом есть элемент игры в кошки-мышки.
— Пожалуй, да.

— А давай не будем ждать, пока он вмешается сам! Откроем горячую линию для неравнодушных граждан. Попросим обращаться всех, кто может сообщить что-то полезное по делу Николь Медина. И пусть полиция проверяет звонивших.
Зои подумала.
— По-моему, хорошая мысль!
Наступило молчание. Несколько минут они разговаривали, как прежде — как напарники и добрые друзья; но теперь, когда тема была исчерпана, снова остро ощутили то, что встало между ними.
— Мне нужно позвонить матери Мэрибел Хоу, — сказала наконец Зои и начала рыться в сумочке в поисках телефона. — Хочу знать точно…
Тут она взглянула на экран телефона — и слова застряли у нее в горле.
Входя к доктору Кобб, Зои выключила звук, а потом забыла его включить. Теперь на экране мигали два пропущенных звонка от Гарри Барри, три от Андреа, один от Манкузо и сообщение от Андреа с просьбой срочно перезвонить. От страха с трудом попадая по клавишам, Зои набрала номер Андреа.
Наконец в трубке послышалось:
— Привет.
У Зои упало сердце, когда она услышала голос сестры — испуганный, охрипший, словно Андреа долго плакала.
— Рей-Рей, что случилось?
— Я видела Гловера.
— С тобой всё в порядке? Он тебя не…
— Он меня не трогал. Просто следил за мной в спортзале. Но это был он, Зои, я уверена!
— Где ты сейчас?
— Дома. Я заперла дверь. — Андреа всхлипнула. — Меня отвез домой патрульный офицер, обыскал всю квартиру и ушел.
— Ты рассказала агенту Колдуэллу?
— Да, позвонила ему.
— И что он сказал?
— Что полиция проверит камеры в спортзале.
— Сейчас кто-нибудь из полиции присматривает за квартирой?
— Я… не знаю. Наверное, нет.
Зои прислонилась к стене, злясь на себя, почти в отчаянии. Что она делает здесь, за полстраны от дома — сейчас, когда так нужна сестре?
— Послушай, я вернусь, как только смогу. Прилечу первым же самолетом, слышишь? А сейчас поговорю с Манкузо и потребую, чтобы возле нашего дома дежурили постоянно, чтобы глаз с нашей квартиры не спускали! Дверь на задвижку заперла?
— Да.
— Окна тоже запри, хорошо? И ничего не бойся, Рей-Рей. Он тебя не достанет. Можешь подробно рассказать, что случилось?
Андреа начала рассказывать; Зои слушала, расхаживая взад и вперед по комнате, не замечая встревоженного взгляда Тейтума. Внутри у нее все кипело. Гловер наблюдал за ее сестрой. Может быть, следил все это время? Чего он хочет — напасть на Андреа, или ему просто нравится наблюдать за ней исподтишка? Нет, едва ли. Безобидный вуайеризм он давно перерос. Когда Гловер следит за женщиной, он фантазирует о том, как нападет на нее. А свои фантазии он уже привык воплощать в реальность. Андреа в опасности, в серьезной опасности. Может быть, спрятать ее в безопасном укрытии? Или вывезти из страны на несколько месяцев — пока Зои не поймает Гловера, не выдавит ему глаза, не оторвет яйца и заставит съе…
— Алло! Зои! Ты меня слушаешь?
— Конечно, Рей-Рей. Я здесь. Вот что: никуда не выходи. Запри все окна и двери. Я поговорю с Манкузо и немедленно вылечу домой.
— Ладно. Я взяла твой кухонный нож.
Зои не сразу поняла, о чем она.
— А… да, хорошо.
— В кровать его тоже с собой возьму, на всякий случай.

— Только осторожнее с ножом, пожалуйста!
— Положу под подушку.
— Смотри, не напорись на нож сама — я же знаю, как ты во сне ворочаешься!
Андреа рассмеялась неуверенным дрожащим смехом.
— Держись там. Скоро перезвоню.
Зои повесила трубку и встретилась с обеспокоенным взглядом Тейтума.
— Зои, что…
— Потом.
Она набрала номер Манкузо. Начальница ответила после двух гудков.
— Привет, Зои.
— Гловер следил за Андреа. Был с ней в одной комнате!
— Успокойся. Я уже знаю, мы всё проверяем. Сейчас Колдуэлл отсматривает записи с камер.
— Послушай, с Андреа нельзя спускать глаз. Она одна в моей квартире. Совсем одна! Манкузо, он может вломиться туда в любой момент, и мы не…
— Бентли, возьми себя в руки!
Зои изумленно умолкла.
— Сейчас у дверей твоего дома стоит патрульная машина. Полицейский уже тщательно обыскал твою квартиру. Мы следим за Андреа, с ней ничего не случится, слышишь меня?
— Она не знала, что вы за ней присматриваете, — слабо пробормотала Зои.
— Твоя сестра напугана до полусмерти. Вряд ли она поняла хоть половину из того, что говорил ей по телефону Колдуэлл. Это понятно: она не профессионал и не обязана адекватно реагировать на угрозу. В отличие от тебя.
Пропустив замечание мимо ушей, Зои стучала по клавишам, разыскивая ближайший рейс в Вирджинию.
— Я лечу домой, — сказала она Манкузо. — Первым же утренним самолетом.
Зои ожидала, что начальница начнет спорить, но та лишь вздохнула.
— Хорошо. В любом случае в Сан-Анджело тебе больше особо делать нечего. А Грей пусть задержится еще на денек, поможет местной полиции.
— Спасибо.
— С Андреа все будет хорошо.
Зои промолчала. Манкузо попрощалась и повесила трубку.
— Что происходит? — спросил Тейтум.
— Андреа видела Гловера. Он за ней следил, — ответила Зои, одновременно заполняя в Интернете форму заказа билетов.
— С ней всё в порядке?
— Да. Но она очень напугана.
— Пошлю к ней Марвина, чтобы она не оставалась одна.
— Спасибо. Улечу завтра рано утром. Манкузо сказала, что тебе лучше остаться еще на день, все здесь закончить.
— Ладно. — Короткое молчание. — Хочешь, подброшу тебя в мотель?
— Не надо. Возьму такси. Иди лучше предложи Фостеру сделать горячую линию. В самом деле, дельная мысль!
Тейтум прочистил горло и сказал:
— Я уверен, с Андреа все будет хорошо.
Зои захлопнула ноутбук и встала.
— Вот и Манкузо мне так сказала. Хотела бы я знать, где вы с ней берете информацию…

Глава 35

К тому времени, как Тейтум сообщил Фостеру последние новости и изложил свою мысль насчет горячей линии, Зои уже уехала. Грей начал было набирать ее номер, чтобы спросить, как там Андреа, но решил не беспокоить зря. Вместо этого, выйдя из участка, он позвонил Марвину.

— Угадай, чем я сегодня занимался? — без предисловий начал дед.
Тейтуму представился с десяток разных вариантов ответа, один другого страшнее.
— И чем же?
— Прыгал с парашютом!
Тейтум застонал.
— А страховка?
— Нашел компанию, которая согласилась меня застраховать. Стоило это чертову прорву денег, но ты ведь проживешь и без моего наследства, верно?
— К черту твое наследство! Я хоронить тебя не хочу!
— Кстати, заплатить пришлось твоей кредиткой. Моя почему-то не сработала.
Тейтум прикрыл глаза и мысленно произнес несколько проклятий.
— Не беспокойся, я тебе все верну! — лучезарно продолжал Марвин. — А в следующий раз мне сделают скидку.
— Какой… еще… следующий раз? Марвин, не смей…
— А знаешь, мне понравилось! Ощущения удивительные — лучше кокаина. И почти что лучше секса. Одно плохо — недолго. Свободное падение длится меньше минуты. Свободным падением, Тейтум, мы, парашютисты, называем тот промежуток, когда из самолета ты уже выпрыгнул, а парашют еще не раскрыл. Джорджетта говорит, я просто создан для этого!
— Что еще за Джорджетта?
— Мой инструктор. Мы прыгали вместе. Фантастическая женщина! Видел бы ты ее! Будь я помоложе лет на сорок…
— Марвин, послушай. Род Гловер следил за Андреа.
— Вот черт! И что, посмел ее тронуть?
— Нет, но подошел очень близко. Ты не сможешь заехать и проверить, как она там?
— Разумеется. Прямо сейчас и отправлюсь. Бедная малышка, напугалась, должно быть… А Зои как?
— В шоке и очень встревожена. Завтра улетит домой.
— А ты сейчас где?
— В полицейском участке. Нужно тут кое-что закончить.
— Да что с тобой, Тейтум? Поезжай скорее к своей напарнице, нельзя оставлять ее одну! Она, наверное, с ума сходит!
— Спасибо за заботу. Просто присмотри за Андреа, ладно?
— Тейтум, послушай меня! Отправляйся к Зои и побудь сейчас с ней. Может, тебе и кажется, что с ней всё в порядке, но поверь, это не так!
— Ты ее совсем не знаешь. Она самый сильный человек из всех, кого…
— Честное слово, папаша твой был всем хорош, но правильно воспитать тебя не сумел… Твоей напарнице худо! Черт возьми, бросай все и беги к ней!
Тейтум закатил глаза. Когда-нибудь дед его просто до инфаркта доведет.
— Сейчас ей точно лучше обойтись без меня. Несколько дней назад мы поспорили, и теперь… В общем, все сложно. Так что ценю твой совет, но…
— И о чем поспорили?
— Не важно.
— Тейтум, о чем вы с ней поспорили?
— Она ляпнула глупость. Я рассказал ей о том случае в Лос-Анджелесе. Помнишь, когда пристрелил педофила…
— Еще бы не помнить!
— По этому делу снова открыли внутреннее расследование. Появился свидетель, или что-то в этом роде.
— Можно подумать, стрелять в педофилов незаконно!
— Вообще-то да, незаконно… Одним словом, Зои сказала: может быть, я стрелял в него не из самообороны, а потому что решил, что правильнее будет его убить.
— Ну да, естественно. А о чем вы поспорили?
— Об этом и поспорили, — угрюмо ответил Тейтум.
— А, теперь понял! — откликнулся наконец Марвин. — Ты на нее обиделся.
— Ну… да.

— Думаешь, что ей следовало бы лучше тебя понимать… Да, постигаю твои чувства. Тебе небезразлично, что она о тебе думает.
— Разумеется! — Тейтум пнул камешек, и тот ударился о стену полицейского участка. — В общем, только меня ей сейчас не хватало.
— Угу. А теперь, Тейтум, послушай-ка меня.
— Да?
— Вот что мне скажи: ты мужик или сопливая девчонка?
— Что?
— Чего ты тут стонешь? Твои нежные чувства задеты? Ах ты моя снежиночка!.. Благодари Бога, Тейтум, что меня нет рядом — иначе я сделал бы то, чего вовремя не сделал твой отец: надавал бы тебе по заднице!
— Послушай…
— Ты что, Тейтум, яйца потерял? — взревел Марвин. — Ветеринар, когда Веснушку холостил, заодно и тебе бубенцы отстриг? Давай позвоню ему и попрошу пришить яйца обратно! Что с тобой такое?! Отрасти себе, черт возьми, спинной хребет и пару новых яиц и иди к напарнице, поддержи ее в беде!
— Дед, заткнись! — заорал в ответ Тейтум. — Я все делаю правильно! Ты ее не знаешь, а я знаю, и…
— Ничего правильного ты сейчас не делаешь, это уж точно! Вот когда сядешь в машину, доедешь до мотеля и поддержишь свою подругу, которой сейчас плохо, — это будет правильно! А я пойду присмотрю за ее сестрой — хоть кто-то из нас должен поступить как мужчина!
В трубке раздались короткие гудки.
Тейтум едва не швырнул мобильник наземь. Его трясло от ярости. Черт бы побрал этого старого осла с его идиотскими старозаветными правилами и непрошеными советами! Легко ему орать и раздавать указания… Он никогда даже не видел Зои. Не представляет, что она за человек. Ей действительно проще переживать беду одной. Это Тейтум знает точно. Какого черта Марвин ему не верит?
Хотя, может быть, стоит привезти ей ужин… Заказать что-нибудь навынос в ресторане по пути. Спросить, не нужно ли что-то еще. Просто спросить — это же не повредит…
Машину Тейтум вел в свирепом молчании, мысленно представляя себе, что и как скажет Марвину, когда заговорит с ним в следующий раз. Не сразу нашел ресторан с приличной едой навынос, но наконец взял для Зои гамбургер и жареную картошку. Заехал в соседний магазин и купил там упаковку пива. На случай, если ей захочется. А не захочет пить одна — можно будет вместе. Конечно, вряд ли она согласится с ним выпивать, хотя…
Солнце висело над самым горизонтом, когда он подъехал к мотелю. Поднялся на крыльцо и постучал в дверь ее номера. Потом еще, и еще раз. Заглянул в окно. Там было темно.
— Она только что ушла.
Оглянувшись, Тейтум увидел, что к нему направляется какой-то человек с сигаретой в зубах.
— Что? — переспросил он.
— Ищете Зои, верно? Она только что пошла перекусить. В компании какого-то здоровяка.
— А вы кто такой, черт побери?
— Гарри Барри. Приятно с вами познакомиться, детектив Грей.

Глава 36

В квартире у Зои в Дейле было две спальни, и обе выходили окнами на соседний дом и на дорожку, ведущую к подъезду.
Андреа заперла все двери и окна, устроилась на кушетке в гостиной, откуда можно было видеть и входную дверь, и окно, положила рядом с собой принесенный из кухни нож и теперь пыталась смотреть телевизор. Но взгляд все время скользил вниз, к ножу. Гладкость и блеск лезвия немного успокаивали.

Вдруг раздался стук в дверь — и сердце у нее подскочило и забилось где-то в горле. Она бросила взгляд на часы. Четверть одиннадцатого.
Андреа устремила испуганный взгляд на дверь, хотя проверяла замок и задвижку уже раз десять. Заперта. Встала, взяла нож и тихонько подкралась к двери, про себя моля Бога о том, чтобы незваный вечерний гость просто ушел.
Снова постучали, теперь громче. Андреа хотела спросить: "Кто там?", но горло перехватило, и изо рта вырвался только слабый хрип.
— Прошу прощения, сэр! — раздался за дверью твердый мужской голос. — Вам помочь?
Должно быть, это полицейский, который дежурит у входа в дом. Агент Колдуэлл позвонил ей и рассказал, что проверил записи с камеры в спортзале: за ней действительно следил какой-то человек, хоть лицо его на записи и не разглядишь. Агент несколько раз подчеркнул, что всю ночь возле ее дома будут дежурить полицейские.
— Сэр! — повторил тот же голос. — Будьте добры отойти от двери!
— Я пришел навестить Андреа Бентли, — ответил хрипловатый старческий голос. — Успокойтесь. Я не чертов маньяк!
— Сэр, пожалуйста, отойдите от двери!
— Послушайте, юноша. Понимаю, вы увлечены своей работой, но… Да что ты делаешь, сынок? Убери пушку, это же курам на смех!
Андреа отодвинула засов, отперла и распахнула дверь. Снаружи спиной к ней стоял дед Тейтума, с сумкой на плече и аквариумом в руках. Молодой коп в форме с очень неуверенным видом держал его на прицеле.
— Всё в порядке, — поспешно сказала Андреа. — Я его знаю.
— Что я, по-твоему, здесь делаю? — гневно вопрошал Марвин. — Собираюсь натравить на девушку золотую рыбку?
— Прошу прощения, мисс, — извинился патрульный. — Я увидел, как к двери подходит человек с подозрительными вещами в руках, и…
— Мать честная, что такого подозрительного в аквариуме? — Марвин затряс головой. — Может, еще и рыбку арестуешь?
— Благодарю вас, офицер, — улыбнулась Андреа. — Входите, Марвин!
Старик просеменил в квартиру, и Андреа закрыла за ним дверь.
— Прошу прощения, — сказал Марвин, войдя и поставив на стол аквариум. — Я звонил, но ты не брала трубку.
Андреа вяло кивнула. Действительно, некоторое время назад звонил телефон, но в это время она горько рыдала, и ей было не до светских бесед.
— Я обещал внуку присмотреть за тобой, — продолжал Марвин. — Услышал, что у тебя неприятности — и вот пришел!
— Спасибо. Вовсе не надо было… а зачем вы принесли рыбку?
— Видишь ли, если я собираюсь здесь ночевать, то никак не могу оставить Тимоти наедине с котом. Для кого-то из них это точно плохо кончится. Так что надо было кого-то взять с собой — либо рыбку, либо кота. Рыбка сопротивлялась не так активно. — Марвин поднял руку и показал три глубокие царапины на запястье — следы когтей. Затем окинул комнату подозрительным взглядом. — У тебя тут кошек нет?
— Нет, — слабым голосом ответила Андреа.
— Вот и отлично! — Старик расстегнул куртку и, к ужасу Андреа, извлек огромный пистолет.
— Очень хорошо, что юный коп не заметил… — пробормотал он, кладя оружие на стол рядом с аквариумом. — А где тут у тебя кухня? Я бы сейчас выпил чашечку чаю. Да и тебе не повредит: ты белая как простыня!
— М-м… правда, вам совсем не обязательно оставаться здесь на ночь, — ответила Андреа, идя за Марвином на кухню. — За квартирой следит полиция, и…
— Чепуха! — отмахнулся тот. — Одной тебе сейчас оставаться нельзя. Не беспокойся, посплю на диване… Так где у твоей сестры чай?
— Сомневаюсь, что у нее вообще есть чай. Зои пьет кофе.
— Бывают времена для кофе, а бывают для чая… — Марвин начал рыться на нижних полках кухонного шкафа. — Ага, вот! Ты какой пьешь?
— Я… э-э…

— Очень простой вопрос. Сколько тебе сахара? Можно совсем не класть, можно одну ложку, можно две, ну а самые-самые смельчаки решаются на три!
— Пол-ложки.
— Хм-м… Осторожный выбор. — И, покачав головой, он начал заваривать чай.
Андреа оглянулась. Рыбка зависла в воде, разглядывая пистолет так, словно собиралась его схватить. Посреди аквариума торчала пивная бутылка: рыбка дважды обогнула ее и вновь зависла перед пистолетом.
— Это же не золотая рыбка, — сказала Андреа.
— А? — откликнулся Марвин, повернувшись к ней с двумя кружками горячего чая в руках.
— Вы сказали, что это золотая рыбка. А это гурами.
— По цвету-то золотая! — Он сел за стол, поставил обе кружки и пододвинул одну в ее сторону. — Присаживайся и пей. Тебе сегодня пришлось поволноваться, и горячий сладкий чай — сейчас самое оно!
Андреа села и отхлебнула чая. Марвин оказался прав: самое оно! Горячий сладкий чай… и не оставаться одной. Она ощутила, что к глазам снова подступают слезы.
— Ну, как тебе чай?
— Хорошо, — прошептала она.
— Это потому, что я две ложки сахара положил! — Старик многозначительно поиграл кустистыми бровями.
Андреа фыркнула, однако смех быстро перешел во всхлип.
Марвин неловко похлопал ее по руке.
— Теперь-то все хорошо, верно? И я тебе обещаю: пока я рядом, этот ублюдок и близко к тебе не подойдет! Веришь мне?
— Верю, — ответила она, тыльной стороной ладони утирая слезы.
— А знаешь, чем я сегодня занимался? Прыгал с парашютом! Ну, вещь!.. Попробуй обязательно! В следующий раз будем прыгать вместе. Минута свободного падения, пока не раскроется полог… это так мы, парашютисты, называем купол парашюта… И, знаешь, совсем не страшно! Дух захватывает, конечно, но от восторга. Джорджетта говорит, я просто создан…
Он говорил — а Андреа слушала, и кивала, и старалась улыбаться; и в первый раз за сегодняшний день немного расслабилась. Как ни странно, ворчливый старик помог ей почувствовать себя чуточку лучше. Теперь, зная, что, несмотря на все ее возражения, он устроится спать в соседней комнате, она поверила: сегодня ночью в конце концов удастся заснуть.

Глава 37

— Не нравится мороженое?
Вопрос вырвал Зои из глубокой задумчивости. Она заморгала и уставилась в пластмассовую чашку перед собой. Там действительно лежало мороженое — вернее, какая-то молочная жижа, в которую превратилось мороженое, растаяв на жаре. Из желтого моря одиноко торчал розовый айсберг. Зои уже и не помнила, какое мороженое заказала. Земляничное… с лимоном? Повертев в пальцах ложечку, она подняла взгляд на Джозефа.
— Я не голодна.
— Это мороженое, при чем тут голод? — Он широко улыбнулся. Его собственная чашка, заметно большего размера, уже совершенно опустела.
Зои решила встретиться с Джозефом, чтобы отвлечься. Все лучше, чем бродить взад-вперед по тесному номеру, словно по бесконечной спирали тревоги и чувства вины. Написала сообщение, спросила, не заедет ли он за ней. Джозеф появился меньше чем через пятнадцать минут. Сперва они ели курицу по-тайски в "Лемонграссе", потом перешли в кафе через дорогу, чтобы угоститься мороженым.
Но вся еда во рту отдавала пеплом, и Зои не помнила, произнесла ли за весь вечер хоть одну полную фразу. Ее занимали мысли о сестре: Андреа в квартире одна, а где-то поблизости бродит Гловер…

Зои уже приходилось встречаться со страхом. Но страх за себя — это другое. Когда опасность грозит твоей жизни, это включает инстинкты выживания: бей или беги. Страх за сестру — совсем другое. Ты ничего не можешь сделать. Словно погружаешься в вязкое ледяное болото, обволакивающее тебя со всех сторон, тонешь, не в силах шевельнуться. И чувствуешь себя абсолютно беспомощной.
Теперь Джозеф внимательно смотрел на нее.
— Я не слишком хорошо тебя знаю, но такое впечатление, что тебя что-то гнетет.
Зои опустила глаза, ковыряя ложкой полосы розовой и желтой массы. Обычно она свои проблемы держала при себе. Терпеть не могла, когда кто-то лез в ее жизнь. Но сейчас она не доверяла собственному суждению — и отчаянно хотела, чтобы хоть раз в жизни кто-то более сильный взял ее проблемы на себя.
— За моей сестрой охотится серийный насильник и убийца. — Слова горчили и застревали во рту. — Он одержим мною, а теперь выбрал своей мишенью ее.
Джозеф застыл. Ясное дело, не ожидал такого! Думал, что она начнет жаловаться на трудный день на работе, надоедливых родственников, хамоватого продавца в магазине. Наверняка на подавляющем большинстве свиданий женщины не сообщают о личном знакомстве с серийными убийцами.
Однако он не стал спрашивать: "Ты что, шутишь?" Не вскочил, не убежал. Даже нервно смеяться не начал — надо отдать ему должное. Просто задумался. Откровенно не понимал, как на такое реагировать, и вряд ли стоило его в этом винить — такие новости обычно не звучат в светских беседах.
— Откуда он тебя знает? — спросил наконец Джозеф, нахмурив густые брови.
— Жил с нами по соседству, когда я была маленькой. — Какое-то ледяное спокойствие охватило Зои, когда она перешла к фактам. С фактами Бентли привыкла иметь дело. Истории из прошлого — совсем не то, что неведомые ужасы, подстерегающие в будущем. — Изнасиловал и убил трех девушек в нашем городе. Я его вычислила и сообщила копам.
— Сколько же тебе было лет?
— Четырнадцать.
Джозеф погладил бороду, не отрывая от Зои глаз.
— А теперь это моя профессия, — продолжала она, решив выложить все без остатка прямо здесь, за столом. — Работаю на ФБР. В Отделе поведенческого анализа. Я криминальный психолог. Профайлер.
— Как в сериале "Мыслить как преступник"?
Зои вздохнула.
— Да, только по-настоящему. В сериале все не очень точно показано. — Были времена, когда она любила смотреть "Мыслить как преступник" и отмечать ошибки и нелепости сценария.
— Ты говорила, ты здесь по работе, — после короткого молчания заметил Джозеф.
— Консультирую местную полицию.
— О чем?
— В деле об убийстве.
— Той девушки, что нашли похороненной? Возле фермы Джексона?
— Я не знаю, где ферма Джексона.
Джозеф удивленно покачал головой.
— А тот парень — он, значит, теперь преследует твою сестру?
— Да.
— И полиция не может его остановить?
— Полиция установила за ней наблюдение, — объяснила Зои. — Сейчас перед домом дежурит патрульная машина. Но они не могут стоять там вечно. Рано или поздно наблюдение снимут. Через месяц, через год… Этого он и ждет. Он терпеливый. И уже больше двадцати лет успешно скрывается от полиции.
— Что же они будут делать?
— Что бы ни делали, этого недостаточно. Придется мне действовать самой. Самой его поймать. — Зои опять вздохнула. — Пожалуйста, отвези меня в мотель.

Назад ехали в молчании. Джозеф поставил машину на парковку и, выйдя, открыл ей дверцу.
— Тебе вовсе не нужно…
— Я провожу тебя до двери, — решительно сказал он.
Зои пожала плечами и вышла из машины. Шла впереди, стараясь отделаться от пугающих мыслей, сосредоточиться только на том, чтобы переставлять ноги.
— Спасибо. И извини. За то, что я сегодня… — Она неопределенно повела рукой.
"За то, что сегодня была самой собой".
— Не за что извиняться, — ответил Джозеф. Он стоял, сунув руки в карманы, и вид у него был почти робкий.
Она отперла дверь и шагнула внутрь. Повернулась, чтобы попрощаться, и уже взялась за дверную ручку.
И вдруг поняла: едва закроет дверь, вновь накатят неотвязные мысли, начнут гудеть и жужжать в голове роем сердитых пчел. Она утонет в них, вязких и липких, словно растаявшее мороженое. Безнадежность, тревога, все эти ужасные "что, если?.." смешаются в мозгу, не дадут уснуть, адским хороводом будут гулять до рассвета.
— Не хочешь зайти? — спросила она, невольно скривившись от просительных ноток в собственном голосе.
Джозеф нахмурился, вновь удивленный. Неужто это кошмарное свидание окончилось приглашением войти? Он шагнул внутрь, и Зои закрыла за ним дверь.
На один жуткий миг ей показалось, что сейчас он заговорит. Но вместо этого Джозеф положил руку ей на спину и привлек к себе. Она привстала на цыпочки, прижалась грудью к его груди и обняла за шею.
Он еще не целовал ее — только смотрел в глаза. Они стояли в молчании, и мозг Зои сделал то же, что делал всегда, когда в жизни наступала пауза: наполнился мыслями. Она пыталась угадать, где сейчас Гловер, далеко ли от Андреа. Быть может, не дальше трех миль. Ждет подходящего случая. Ждет, когда все они расслабятся. Злокачественная опухоль, готовая пробудиться и уничтожить ее сестру. Только эту опухоль не обнаружишь и не удалишь.
Зои вздрогнула, и Джозеф, нахмурившись, крепче прижал ее к себе.
Когда она смотрела на него, страхи отступали, словно приглушали громкость. Так что Зои позволила себе бродить взглядом по аккуратно подстриженной бороде, густым бровям, светло-карим глазам. Только сейчас она разглядела, что ресницы у Джозефа очень длинные и светлые на концах.
Она потянула к себе его голову, и он, склонившись, припал губами к ее губам. Поцелуй начался неуверенно, почти робко, словно каждый боялся, что другому это не понравится. Джозеф попытался отстраниться, однако Зои потянулась за ним — и, убедившись, что действительно этого хочет, начала действовать смелее. Захватила губами его нижнюю губу, на мгновение всосала, а он в ответ крепче сжал ее талию.
От него приятно пахло древесными стружками и полировкой. Зои приоткрыла рот, чтобы углубить поцелуй, и языки их соприкоснулись. Джозеф приподнял Зои, та обвила его ногами, и он легко, словно пушинку, понес ее в постель. Пройти пришлось всего три шага — номера в мотелях в этом смысле удобно устроены, кровать долго искать не приходится.
Вместе они упали на заскрипевшую под их весом постель. Тело Джозефа стало для Зои убежищем от мрачных мыслей. Приютом, где можно забыться.

Глава 38

Сан-Анджело, Техас, суббота, 10 ноября 1990 года

Мейн присела на его кровать и, устремив глаза к потолку, шумно вздохнула. Мальчик смотрел на нее, страстно желая, чтобы она убралась отсюда ко всем чертям. Но на это в ближайшее время рассчитывать не приходилось.
— Хочешь поиграть в "Лего"? — спросил он.

На самом деле мальчик не хотел с ней играть. Ни во что. Однако по опыту знал: позже мама обязательно спросит, чем они занимались. И он должен будет показать, что продемонстрировал ей богатый выбор игр и развлечений, а если Мейн не захотела играть, это уж ее дело. "Хороший хозяин всегда развлекает гостей", — так говорит мама. Говорит
каждый раз.

А мальчик думал про себя: хозяин — тот, кто сам приглашает гостей, а не тот, кому их навязывают и заставляют развлекать.
Мейн закатила глаза, словно само предложение поиграть в "Лего" нагнало на нее невыразимую скуку.
По-настоящему ее звали Чармейн, хотя полное имя мальчик слышал только один раз. Ее мама Рут дружила с мамой мальчика давным-давно, еще со школы. Встречались они не реже раза в месяц, и Рут всегда приводила Мейн с собой. Вскоре мамы отправляли детей поиграть, и те вместе удалялись в комнату мальчика или на двор. Мальчик все это ненавидел. Мейн тоже это ненавидела. Она сама ему несколько раз так говорила. Интересно, зачем Рут таскает ее с собой?
Ему казалось, что даже мама не слишком-то рада этим посиделкам. Перед тем, как принимать Рут, она всегда жаловалась папе: мол, Рут опять найдет, чем ее уколоть. А после ухода гостей восклицала: "Да чтобы я еще когда-нибудь ее пригласила!"
Поначалу, заслышав эти слова, мальчик преисполнялся надеждой. Но в конце концов понял: надеждам не сбыться. Рут и Мейн — неизбежная часть жизни, такая же, как ходить к зубному врачу, или вставать рано утром в воскресенье и тащиться в церковь, или сидеть в темном чулане и думать о своем поведении.
— Можно поиграть в "Монополию", — вяло предложил он, уже зная, какой будет ответ.
Мейн фыркнула:
— Игра для малышни!
Она была на год его старше и на голову выше. И очень этим гордилась: порой заставляла его вставать к себе вплотную, грудью к груди, и показывала, что он ей даже до подбородка не достает. Пока она радовалась своему росту, он стоял неподвижно, устремив глаза на ее грудь, где под майкой виднелись два крохотных бугорка.
Пожалуй, долг гостеприимного хозяина он исполнил. И теперь представлял будущий разговор с мамой. "Во что вы с Мейн играли?" — спросит она, и голос у нее будет немного напряженный, как всегда после встречи с дорогой подругой Рут. "Ни во что", — ответит он. Что Мейн отказалась, уточнять не станет: если начнет объясняться, получится, как будто он оправдывается. "Но ты предложил ей поиграть? — спросит мама. — Хороший хозяин всегда старается развлечь гостей". "Предложил". "И что предложил?" "Монополию" и "Лего". Шах и мат. На это маме сказать будет нечего…
Мейн снова шумно вздохнула. От нее хорошо пахло. Сладкими духами. Запах — пожалуй, единственное, ради чего стоит терпеть эти визиты. Вечерами, лежа в кровати, он представлял себе, как она стоит перед ним, грудью к груди, и говорит: "Ну какой же ты маленький, даже до подбородка мне не достаешь!" — и от нее пахнет духами.
А он стоит, застыв неподвижно, и смотрит на два бугорка под футболкой.
Мальчик отвернулся и начал сортировать спичечные коробки на столе. Пятнадцать коробков — драгоценная коллекция. Мальчик любил с ними играть; даже мысли о коллекции наполняли его сладким трепетом. Его домашние питомцы.
Жуки, пауки, тараканы. Он ловил их живьем и прятал в коробки. Прислушивался к звукам, которые раздаются в крохотных темницах. Иногда сажал нескольких насекомых в одну "камеру". Хитрость в том, чтобы чуть-чуть приоткрыть коробок и сунуть туда нового узника так, чтобы не выползли и не вылетели старые. Иногда перемешивал их — например, подсаживал паука к трем мухам.
Время от времени он тряс каждый коробок и прислушивался. Если в коробке было тихо, мальчик очищал его клочком туалетной бумаги. Постепенно накопилась целая груда мертвых насекомых: он подолгу смотрел на них и пытался представить, что чувствовали они, запертые в тесном темном пространстве, тщетно пытаясь найти выход.
— А это у тебя что?

Вопрос застал мальчика врасплох. Мейн стояла прямо у него за спиной и смотрела через плечо; он чувствовал запах ее духов.
— Просто моя коллекция. Спичечные коробки. — Он составил их один на другой, все пятнадцать — башня-тюрьма для множества маленьких узников.
— Не очень-то большая! — Мейн сморщила нос. — И все коробки одинаковые… Разве в коллекции не должно быть все разное?
— А разве должно?
— Знаешь, что мне нравится? — оживилась она. — Я люблю зажигать спички и смотреть, как они горят. А когда огонь дойдет почти до самых пальцев, перехватить спичку и перевернуть, чтобы сгорела до конца.
— Ага, — проговорил он, облизнув губы.
Мейн все еще стояла, склонившись над ним, и бугорок под футболкой касался его шеи.
— Давай покажу! — И она схватила самый верхний коробок.
Мальчик не мог ей помешать; он словно оцепенел. Мейн выпрямилась и открыла коробок. Глаза ее расширились, когда оттуда вылетели и взлетели под потолок две мухи. Следом за ними показались черные ножки таракана.
Мейн пронзительно закричала. Таракан выбрался из коробка и побежал вверх по ее руке. Она затрясла головой, схватилась за стол, повалив на пол башню из спичечных коробков, и, все еще отчаянно визжа, бросилась вон из комнаты.
Он не мог шевельнуться, не мог даже дышать. А вокруг бились и скреблись в своих темницах, стучали ногами и крыльями в картонные стенки "камер" десятки обреченных.

Глава 39

Сан-Анджело, Техас, пятница, 9 сентября 2016 года

Не успел Тейтум закрыть глаза, как раздался пронзительный трезвон будильника. Впечатление, что поспать совсем не удалось. Не открывая глаз, он потянулся к тумбочке, нашаривая телефон, и в результате неуклюжим движением сбросил его куда-то под кровать.
Будильник орал все громче. Недавно Тейтум поставил на телефон приложение "Соня" — специально для тех, кто не любит вставать по утрам. Такой будильник нельзя поставить на паузу, а чтобы его выключить, нужно набрать шестизначный код. Причем громкость повышается каждые несколько секунд. Теперь Тейтум не мог понять, что его дернуло самого пригласить в свою жизнь это чудовище.
Он сполз с кровати и, припав к полу, начал шарить в поисках телефона. Каким-то недобрым чудом мобильник улетел в самый центр подкроватного пространства — туда, куда одинаково сложно дотянуться со всех сторон. Чтобы его достать, пришлось лечь ничком и вытянуть руку, едва не вывихнув себе плечо. Будильник к тому времени орал так, что, должно быть, перебудил всех соседей.

Наконец нашарив телефон, Тейтум со стоном подтянул его к себе. Отстучал шестизначный код, и чертова машина наконец умолкла. Несколько секунд он сидел на полу, приходя в себя после такого травматичного пробуждения, а потом отправил короткое сообщение Зои: "
Подвезти в аэропорт
?"

Отложив телефон, начал одеваться. Натянул один носок — и вдруг замер с другим носком в руке.
Зои так и не ответила. Вчера вечером, долго лежа без сна и размышляя над упреками Марвина, он наконец ощутил что-то вроде… нет, не чувства вины — скорее, чувства ответственности за напарницу. Пожалуй, в самом деле не стоит полагаться на то, что она и сама о себе прекрасно позаботится. Проверив телефон, Тейтум увидел, что Бентли даже не открывала сообщение.

И это было странно. Зои наверняка уже встала, а телефон она проверяет постоянно. Всегда. А теперь, когда Андреа грозит опасность, — тем более.
Назойливый репортеришка рассказал вчера, что Зои пошла ужинать вместе с каким-то здоровяком. В тот момент Тейтум подумал, что с детективом Фостером — мало ли что им понадобилось обсудить? Но теперь усомнился в этом.
Услышав, что в соседнем номере открывается дверь, он вышел наружу, надеясь перехватить напарницу. И, сощурившись от яркого солнца, бьющего в глаза, повернулся к номеру Зои.
Из ее номера вышел незнакомый мужчина.
В самом деле здоровяк. Тейтум на рост не жаловался, однако незнакомец возвышался над ним, как башня. Прикрыл за собой дверь, почесал бороду. Окинул взглядом Тейтума, на мгновение задержавшись на его ногах (одна в носке, другая босиком), вежливо кивнул и прошел мимо.
Тейтум вдруг ощутил укол тревоги. Кто этот человек?
Подходя к двери, он заметил, что та приоткрыта.
— Зои! Ты здесь?
Нет ответа. Он постучал, затем, поколебавшись, толкнул дверь.
Посреди комнаты стоял чемодан Зои. Белье на постели было смято и скомкано так, словно здесь шла жестокая борьба. Из ванной доносился шум воды.
— Зои! — позвал Грей. И секунду спустя громче: — Зои! С тобой все в порядке?
Шум воды стих.
— Тейтум? — донесся приглушенный голос из-за двери.
Он мгновенно расслабился, а в следующий миг понял, что все истолковал неверно. Скомканные простыни, мускусный запах, стоящий в комнате, мужчина, только что вышедший отсюда… Черт, как же можно было сразу не сообразить?
— Тейтум, это ты? — снова позвала из ванной Зои.
— А… ну да. Извини. Хотел узнать, не подвезти ли тебя в аэропорт. — Он потоптался на месте, чувствуя себя круглым идиотом. — Просто ты не отвечала на сообщение, и я подумал… — Он запнулся. А что, собственно, подумал? И почему ему не пришло в голову самое простое объяснение — что Зои сейчас в ванной?
— Буду благодарна, если подвезешь. Подожди, я сейчас.
Тейтум уже готов был выйти из номера, когда его внимание привлекла сумочка Зои. Она была открыта, и наружу выглядывала серая папка. Он достал ее из сумки и открыл. Дело Николь Медина с пометками и примечаниями, сделанными рукой Зои.
Позади отворилась дверь ванной комнаты.
— Ну вот, я готова, — сказала Зои.
Он повернулся к ней. Волосы у нее были мокрыми, лицо бледнее обыкновенного. По шее стекала капелька воды; Тейтум поймал себя на том, что смотрит на нее как завороженный.
— Ах да! — воскликнула она. — Может, завезешь дело в полицейский участок? Я вчера забыла им вернуть.
— Конечно. Уже говорила с Андреа?
— Ей намного лучше. — Зои наклонилась и подхватила чемодан. — Сегодня у нее ночевал твой дед.
— Что? В твоей квартире?
— Андреа сказала, что с ним чувствовала себя в безопасности. — Зои слегка улыбнулась. — Он очень милый.
— Таков уж Марвин, — пробормотал Тейтум. — Лучший дед на свете.
Бентли пошла к дверям, волоча за собой чемодан.
— Давай я, — предложил Грей.
— Не надо, справлюсь. — Она вскинула на плечо сумку, затем бросила взгляд на его ноги. — А ты, может, пока обуешься?
— А, конечно. Секунду, — пробормотал Тейтум, уставившись на собственные ноги в одном носке.
Зои вышла из номера, пройдя мимо него, и он ощутил запах гостиничного шампуня. Поспешил к себе, надел второй носок и кроссовки, а затем вышел вслед за Зои. Ни умыться,

ни почистить зубы он не успел. Ничего страшного, постарается ни на кого не дышать, пока не вернется в мотель.
— Ненавижу уезжать в спешке, но приходится, — заметила Зои, когда они вместе спускались с крыльца. — Пожалуйста, помоги им с прессой и проследи, чтобы открыли горячую линию. И еще напомни, что на похоронах Медина — через несколько дней — надо будет проследить за гостями.
— Конечно. — Серийные убийцы порой приходят на похороны своих жертв, так что фотографировать гостей на похоронах бывает полезно для расследования.
— Позвоню тебе вечером, расскажу, как дела.
— Береги сестру. — Тейтум взял у нее чемодан и положил в багажник, затем оба сели в машину. — Вчера встретил твоего приятеля-репортера.
— Гарри Барри? — обеспокоенно переспросила Зои. — Надеюсь, не рассказывал ему об Андреа?
— Я ничего ему не рассказывал, — отрезал Грей.
Они катили по улицам просыпающегося утреннего города. Тейтум хотел сказать, что теперь его очередь выбирать музыку, но вдруг понял, что не может подобрать слова. Как будто связь между ним и Зои оборвалась и они превратились в незнакомцев. А может, всегда и были незнакомцами? Можно ли за месяц узнать человека?
Зазвонил телефон. Держа руль одной рукой, второй Тейтум поднес телефон к уху:
— Грей слушает.
— Агент Грей! — Детектив Фостер. — Убийца выложил новое видео. "Эксперимент номер два". Это Мэрибел Хоу.
— Черт!
— Высылаю вам ссылку. Приезжайте.
Тейтум дал отбой и повернулся к Зои.
— Придется пересадить тебя на такси.
— Что случилось?
— Эксперимент номер два.
Телефон пискнул, и на экране появилось сообщение от Фостера — ссылка на интернет-сайт. Тейтум щелкнул по ссылке. Неторопливо открылось окно браузера. Сайт был очень похож на предыдущий: ничего, кроме видео, загруженного "Шредингером", под заголовком "Эксперимент номер два". Некоторое время оба смотрели на черный экран, ожидая, когда медленный телефон загрузит видео. И вдруг появилось лицо девушки во тьме. Черно-белое изображение с инфракрасной камеры. Девушка отчаянно кричала и колотила кулаками по чему-то, что находилось над ней. Динамик телефона искажал крики, делал их неузнаваемыми, почти нечеловеческими.
— Это Мэрибел Хоу, — сказала Зои. — Я видела ее фото.
— Мне нужно в участок. Давай достану твой чемодан, и…
— Нет, — ответила Зои, не сводя глаз с экрана. — Я с тобой.

Глава 40

Голос Мэрибел в телефонной трубке заставил Делию снова начать жить.
До того она даже не замечала, что жизнь ее остановилась. Пока Делия ждала возвращения дочери, время стояло на месте — стояло неделями. Они с Фрэнком перестали разговаривать, Делия почти не выходила из дома, забросила обычные дела. Лишь боль, которую она причиняла себе, еще подчинялась законам времени: за несколько секунд делалась нестерпимой, а затем постепенно стихала.

Но услышав, как Мэрибел зовет на помощь, Делия вдруг осознала: ее помощь нужна дочери
сейчас
.

Всю ночь они с Фрэнком обсуждали, что делать, — по-настоящему разговаривали, впервые за полтора месяца. Разговор был нелегкий, полный пауз и неоконченных фраз, словно их способность общаться друг с другом заржавела от долгого неупотребления. И, конечно, разговор этот посвящен был лишь одной теме: что теперь делать? Какие у них возможности? Как помочь Мэрибел?
Фрэнк, человек действия, предлагал нанять частного детектива, запустить кампанию в социальных сетях, пробиться с этой историей на местное телевидение. Делия согласилась со всем, что он говорил, но сама решила пойти в полицию и там потребовать, чтобы к исчезновению ее дочери наконец отнеслись серьезно. Какая горькая ирония: Мэрибел много раз говорила, что мать кого угодно достанет! А теперь, быть может, жизнь ее зависит от того, сумеет ли Делия достать полицейских…
Она ехала в полицейский участок и курила, пуская дым в приоткрытое окно. С того телефонного звонка Делия выкурила, одну за другой, почти две пачки. И сейчас переключала скорости, не выпуская сигарету из рук и рассыпая серый пепел по приборной доске.
В кармане пискнул телефон. Наверное, еще один журналист… Бог знает, откуда они узнали о звонке. Может, им рассказал кто-то в полиции? Фрэнк говорит, что это хорошо, что нужно общественное внимание. И сейчас оно появилось. В "Сан-Анджело стандард таймс" вышла статья о Мэрибел. Голые факты: телефонный звонок, пропавшая девушка, фотография Мэрибел, такой красивой, юной и невинной… Автор статьи обвинял полицию, не обратившую должного внимания на исчезновение человека.
Много ли времени пройдет, прежде чем кто-нибудь задастся вопросом, почему Мэрибел в восемнадцать лет ушла из дома? Скоро ли обвинять начнут не полицию, а родителей?
Затягиваясь сигаретным дымом, Делия мрачно размышляла о том, что скажет в участке. Так или иначе, им придется поверить: она не уйдет, пока они не отнесутся к ее делу всерьез. Пора вернуть Мэрибел домой.

Глава 41

В отделении расследований творился сущий хаос. Со множества мониторов и телефонных экранов смотрело искаженное ужасом лицо Мэрибел Хоу, со всех сторон доносились ее пронзительные крики. Тейтум на миг застыл у дверей, и Зои пронеслась мимо него в кабинку Фостера. Тейтум поспешил следом, стараясь не обращать внимания на душераздирающие вопли: "Мама! Мамочка! Помоги! Забери меня отсюда!" Фостер кричал на кого-то по телефону; то же видео крутилось у него на компьютере. Увидев фэбээровцев, он повесил трубку.
— Когда началась трансляция? — спросила Зои.
— Двадцать пять минут назад. И почти сразу люди стали получать письма со ссылками. На этот раз ссылки получили гораздо больше людей, чем раньше. Начался шквал звонков в диспетчерскую.
— С Шелтоном говорили? — спросил Тейтум. — Он пытается отследить, откуда загружается видео?
— Лайонс сейчас с ним на связи, — ответил Фостер. — Выслали три патрульные машины обыскать окрестности захоронения Николь Медина, на случай если и Мэрибел он решил закопать где-то неподалеку. А только что я получил разрешение поднять в воздух вертолет. Вдруг сверху разглядим, как этот сукин сын орудует лопатой…
— Себя самого он сейчас не показывает, — нахмурилась Зои. — Может быть, место погребения легко узнать?
— Значит, в первую очередь думаем о местах, которые легко узнать, так? — переспросил Фостер. — С какими-то приметами, которые, если показать их на видео, сразу тебя выдадут. Сейчас кого-нибудь отряжу. — И он взялся за телефон.
— Фостер! — закричала со своего места Лайонс, вскочив из-за стола. Голос ее почти тонул в криках Мэрибел. — Он использует старый мобильник!
— Что?

— Его мобильник…
Тейтум поднял руку, призывая к тишине, и заорал во всю мощь легких:
— Так, все выключили звук на видео, быстро!
Секунду казалось, что его никто не слышит. Но постепенно, один за другим, крики стихли, и наконец в зале воцарилась относительная тишина.
— Я только что говорила с Шелтоном, — взволнованно блестя глазами, сообщила Лайонс. — Убийца загружает видео с того же телефона, что и предыдущее. У нас есть его приблизительное местонахождение. Шестьдесят седьмое шоссе, к северу от карьера Твин-Баттс. Там рядом трейлерный парк. — Она нагнулась над клавиатурой и застучала по клавишам, выводя на монитор карту.
— Мать честная, мы его достали! — выкрикнул Фостер, набирая номер на телефоне. — Диспетчерская! Мне нужны патрульные на Шестьдесят седьмое. И еще два… нет, три блокпоста. Один на повороте на Уиллик-Пит-роуд. Еще один на повороте на Саут-Джеймс-роуд. И третий на дороге, что ведет к карьеру Твин-Баттс, на съезде с Шестьдесят седьмого… да, там. Ни одну машину не пропускать вплоть до дальнейших распоряжений, ясно? Ни одну! Пусть самого начальника полиции! Закрыть весь район!
Он повесил трубку и, нахмурившись, повернулся к Тейтуму.
— Насколько опасен этот сукин сын, если загнать его в угол? Сопротивляться будет?
— Если загнать его в угол, может попытаться бежать, — ответил тот. — Но если ради этого придется рисковать жизнью — вряд ли. Скорее, попробует вас перехитрить.
Он взглянул на Зои, ожидая подтверждения. Та рассеянно кивнула, думая о чем-то другом.
— Все, что нам пока известно об убийце, свидетельствует, что он охотится на слабых. И Николь Медина угрожал ножом — так что, скорее всего, у него даже нет огнестрельного оружия.
На столе у Лайонс зазвонил телефон, и она сняла трубку.
— Я поеду туда, возглавлю поиски, — сказал Фостер. — Буду рад, если кто-нибудь из вас отправится со мной.
— Я поеду, — ответил Тейтум. — Мы можем…
Лайонс хлопнула трубку на рычаг.
— Здесь Делия Хоу! — громко объявила она.
— Делия Хоу? — переспросила Зои. — Она знает о видео?
— Вряд ли. Похоже, просто хочет поговорить.
Тейтум оглянулся вокруг. Со всех сторон на него смотрело искаженное лицо девушки, отчаянно борющейся за жизнь.
— Сюда ее впускать нельзя!

Глава 42

Зои и Лайонс сумели провести Делию Хоу в пустую комнату для совещаний, не дав ей заметить, что творится в отделе расследований. Там они подробно расспросили ее о вчерашнем телефонном звонке от Мэрибел. Зои никак не удавалось представить себе полную картину, но она надеялась найти какую-то случайную деталь, которая прольет свет на происшедшее. Разговор продолжался — и Бентли чувствовала все большую досаду. Что-то здесь не сходится. Что-то не так.
Лайонс записывала все, что говорила Делия, в блокнот. Разговор крутился вокруг одних и тех же подробностей, и Делия начала проявлять нетерпение.
— Все это я вам уже говорила! — отрезала она наконец. — Я не знаю, почему Мэрибел повесила трубку! Может, услышала, что кто-то идет. Может, у нее отняли телефон. Лучше скажите мне, что вы намерены делать? Вы вообще ее ищете?
Зои и Лайонс встретились взглядами — всего на миг, но Делия, похоже, это заметила и насторожилась еще сильнее.
— Миссис Хоу, мы делаем все возможное, чтобы разыскать вашу дочь, — сказала Лайонс.
— Я вам не верю! Я хочу поговорить с кем-то еще. Кто у вас тут главный?

Она машинально погладила запястье, и Зои, бросив взгляд в ту сторону, увидела там новый, более свежий ожог. Однако синяков на запястье не было. Никто не принуждал Делию держать руку над огнем.
Пока Лайонс старалась успокоить женщину, Зои попыталась вновь воспроизвести в уме последовательность событий. Полтора месяца назад, 29 июля, исчезает Мэрибел Хоу — видимо, схваченная неизвестным. Затем, 8 сентября, Мэрибел как-то удается позвонить по телефону матери. А на следующий день неизвестный хоронит ее заживо и выкладывает видео в сеть. Выходит, все это время он держал ее взаперти?
— Я хочу поговорить с вашим начальством, немедленно! — выкрикнула Делия Хоу, стукнув кулаком по столу.
Какая-то важная деталь ускользает… Нужно сосредоточиться.
— Прошу прощения. — Зои встала, вышла из комнаты, закрыв за собой дверь, и прислонилась к стене в коридоре.
Допустим, он больше месяца держал девушку в плену. Потом она как-то умудрилась сбежать и позвонить матери. В наказание он закопал ее живьем… Нет, не сходится. Зачем столько времени держать Мэрибел взаперти, если Николь Медина он похоронил сразу? Может, он и не похищал Мэрибел? Может, она в самом деле уехала из дома и полтора месяца где-то пропадала по своей воле, а убийца схватил ее совсем недавно? Нет, слишком натянуто. Непонятно, почему она так внезапно все бросила и исчезла…
Этот телефонный звонок тоже странный. Делия Хоу твердо заявляет, что ничего журналистам не сообщала. Может быть, информация ушла от ее мужа? Или утечка из полиции? Однако в новостных статьях о звонке слишком много подробностей — подробностей, которые могла знать только Делия.
Или же утечку устроил сам убийца? Тоже не сходится. Девушка попыталась бежать, сумела позвонить матери, он в отместку закопал ее живьем… зачем ему привлекать внимание к собственному промаху?
Из комнаты вышла Лайонс и подошла к Зои.
— В чем дело?
— Что-то здесь не так. Думаете, все это время Мэрибел была в плену у убийцы?
— Почти уверена.
— Зачем он ее держал?
— Не знаю, Зои. Может, насиловал ее, может, заставлял себе готовить, может, ему просто нравилось с ней разговаривать… Откуда нам знать?
— Почему Николь Медина он похоронил сразу? А Мэрибел держал так долго? Почему он так резко меняет образ действий?
— Может быть, он просто психопат-садист, — предположила Лайонс.
— Так не бывает. — Зои покачала головой. — Серийный убийца не одержим дьяволом. У него нет цели творить зло и сеять несчастье. Он повинуется некоей потребности. У него есть сложная сексуальная фантазия, и, основываясь на ней, он делает то или другое — например, закапывает женщин живьем. И еще, похоже, старается привлечь внимание — и прессы, и полиции. Он жаждет славы.
Какая-то деталь на видео… что-то там не так… Зои не могла понять, в чем дело — словно видела краем глаза тень, которая ускользает, едва пытаешься ее разглядеть.
— С этим разберемся позже, — сказала Лайонс. — А сейчас нам нужно закончить разговор и… — Тут она повернулась к двери комнаты для совещаний — и умолкла.
Зои взглянула туда же. Дверь была приоткрыта, комната пуста. Пока они разговаривали, Делия выскользнула оттуда и ушла.
Обе бросились за ней. Делия прошмыгнула мимо пары копов и свернула направо, прямо к двери с табличкой "Отдел криминальных расследований".
Зои и Лайонс поравнялись с ней лишь секунду спустя. Она стояла в дверях Отдела расследований, глядя на мониторы, показывающие одно и то же — искаженное криком лицо ее дочери. Звук на всех компьютерах теперь был выключен, но и без звука было ясно: происходит что-то страшное.
— Это же Мэрибел… — проговорила Делия. Ее губы дрожали, в глазах стоял ужас.
Лайонс мягко взяла женщину за руку.
— Миссис Хоу, пожалуйста, пойдемте со мной.

Она вырвала у нее руку, не сводя глаз с экранов.
— Что происходит?
Лайонс начала отвечать, но Зои ее уже не слышала. Глядя на видео через плечо потрясенной матери, она наконец поняла, что не так.
У девушки накрашены губы, вокруг глаз размазана тушь. Но если убийца похитил ее полтора месяца назад, зачем ей краситься? Разве что сам убийца заставил. Или…
Переведя взгляд на ее топ без бретелек, Зои поняла все.

Глава 43

В первый раз со времени приезда в Техас Тейтум по-настоящему ощутил, как же здесь жарко. Капля пота сползла по лбу и попала в правый глаз. Подошел Фостер с большой бутылкой воды; Тейтум одним махом опрокинул в себя едва ли не половину.
— Как думаешь, сколько времени у нее осталось? — спросил Фостер, поднимая на него усталый взгляд.
Грей пожал плечами. Фостер задавал этот вопрос уже в четвертый раз. Сказать невозможно — даже если б они точно знали, когда Мэрибел заперли в ящике. Судя по видео, сейчас она делала единственное, что увеличивало ее шансы на спасение: лежала спокойно, потребляя меньше кислорода.
У Фостера пискнул телефон.
— Вот черт! — произнес он, взглянув на экран. — Журналисты обо всем пронюхали!
Он показал телефон Тейтуму. На экране красовался заголовок: "Полиция разыскивает девушку, похороненную живьем", и сразу под ним — искаженное лицо и широко раскрытый в крике рот Мэрибел Хоу.
— Скоро это свяжут с делом Николь Медина, и пиши пропало — начнется паника!
Тейтум взглянул на свой телефон, где по-прежнему шла видеотрансляция из могилы.
— Он не прекращает трансляцию. Уже почти два часа.
— И что это значит?
— А черт его знает, — устало ответил Тейтум. — Зои сказала бы, что его фантазия развивается.
Беспрерывные отдаленные гудки действовали на нервы. Шестьдесят седьмое шоссе находилось отсюда в нескольких десятках ярдов: его перегородили двумя блокпостами и у всех проезжающих проверяли водительские права. В результате в обоих направлениях образовались огромные пробки.
Тейтум взглянул на длинный ряд машин, на стеклах которых играло солнце, затем обвел взглядом весь периметр поисков. Плоская равнина, присыпанная песком и гравием, кое-где утыканная кустарником, кактусами и одинокими безлистыми деревьями. У дороги трейлерный парк; его обитатели высыпали на улицу и с любопытством наблюдают за работой полиции. Вдали виднеется заправочная станция. В нескольких ярдах от дороги, параллельно ей, тянутся железнодорожные пути. Тейтум уже смотрел на карту и знал, что они на много миль идут бок о бок с шоссе.
Несколько полицейских прочесывали местность с металлоискателями; пока нашли лишь несколько пивных банок. Кинолог по фамилии Джонс со своим псом Бастером обыскивал трейлерный парк. С другой стороны периметра криминалист водил по гравию радаром. Выглядело это чудо техники не слишком впечатляюще — вроде газонокосилки, к тому же криминалисту приходилось постоянно огибать или убирать со своего пути камни, кусты и кактусы. На глазах у Тейтума он остановился, потряс головой и, понурившись, двинулся прочь от своей машины.
— Что еще? — проворчал Фостер.
— Радар здесь почти ничего не ловит, — сообщил криминалист. — Почва глинистая.
— И что?
— Глина мешает радару.
— Ты говорил, эта твоя штука просвечивает землю на пятьдесят футов вглубь. А здесь на сколько? Пятнадцать футов? Десять? Пять?

— На пятнадцать дюймов.
— Дюймов? — словно не веря своим ушам, повторил Фостер.
— Слишком много глины. — Криминалист кивнул. — Уж извини.
— Нам нужно больше собак, — сказал Фостер, поворачиваясь к Тейтуму. — Больше металлоискателей. И…
Из телефона последнего донесся странный звук, нечто вроде треска помех. Тейтум всмотрелся в экран, прикрывая его ладонью от солнца.
— Какого черта? — пробормотал он.
На видео явно что-то происходило.
Стенки ящика вокруг Мэрибел дрожали, сквозь щели сыпался песок. Что-то ревело вокруг нее. Мэрибел отчаянно кричала.
Тейтуму вспомнились слова доктора Кобб: "В варианте Эйнштейна речь шла о взрывчатке". Стенки ящика содрогались все сильнее. Нет, это не взрыв, это что-то совсем другое…
— Что это? — спросил Фостер. — Как будто землетрясение… Да где она, черт побери?
Тейтум поднял глаза и огляделся. Он не видел ничего, что могло бы вызвать такую дрожь земли.
А потом его взгляд упал на железную дорогу.
Сердце Тейтума ухнуло куда-то вниз; он снова взглянул на экран. Мэрибел похитили полтора месяца назад; однако ее топ, хоть и измятый, не выглядел заношенным — вряд ли она носила его дольше нескольких дней. Вокруг глаз размазалось что-то темное: теперь Тейтум понял, что это. Тушь.
Все это время они думали, что смотрят живую трансляцию. Прямой эфир, как в случае с Николь Медина.
И ошибались.
— Это поезд, — тихо сказал он. — Над ней проезжает поезд. Она закопана вблизи рельсов.
— Но никакого поезда нет!
— Сейчас нет. А когда убийца снимал видео — был… Вы привезли сюда не ту собаку. Нам нужен пес, натасканный на поиск трупов.

Глава 44

Удобно устроившись в кресле, он читал в открытом браузере первую статью о себе. Наконец-то журналисты начали задавать правильные вопросы. Кто такой "Шредингер"? Что у него за эксперимент? Статья была выдержана в бодром тоне: полицейские, мол, заявляют, что местонахождение девушки им известно. Возможно, предполагал дальше корреспондент, девушка, запечатленная на видео, поможет выяснить личность "Шредингера".
Девушка на видео никому ничем не поможет! Неужели они это еще не поняли? Возможно, поняла Зои Бентли.
Щелкнув по другой закладке, он еще раз перечитал статью о том, как она ловила Гробовщика-Душителя. Автор уверял, что доктор Бентли необычайно умна, проницательна и не упускает ни одной детали.
А теперь ее отправили ловить его! Эта мысль принесла радостное волнение. Нужны ли еще доказательства, что он — выдающаяся личность?
Убийца открыл несколько сайтов местных газет и начал обновлять страницы, ожидая появления новостей о себе. Скоро в браузере было открыто уже больше двадцати закладок. На какой-то странице начала голосить реклама — искать ее он не стал, просто выключил звук.
Еще одна газета, еще одна статья. Целые абзацы без изменений скопированы из предыдущей. Халтура! Кого он презирает всей душой, так это халтурщиков…
А что Николь Медина? Неужто ни один журналист не заметил связи между двумя случаями? В статьях об этом ничего нет. Может, сообразит кто-то из читателей? Он начал просматривать комменты к статьям — и немедленно об этом пожалел. Первый же комментатор утверждал, что вся эта история — фейк, отвлекающий людей от того, что

творится на Ближнем Востоке. Остальные были банальны: "Ужас!", "Кошмар!", "Что за зверь мог такое сотворить?!" О Николь Медина никто не вспоминал. Хотя один спросил: если это эксперимент номер два, то был ли номер первый?

Придется ждать, пока какой-нибудь сообразительный журналист не увидит связь. Все равно это произойдет, и очень скоро. Либо из полиции сольют информацию газетчикам, либо кто-нибудь докопается сам.

Завтра все узнают, что в Сан-Анджело появился серийный убийца.

Он снова пролистал открытые страницы, обновил каждую, нетерпеливо ожидая новостей. Пока ничего. А ему скоро на работу.

Что ж, потерпим…

Переключившись на "Инстаграм", он прокрутил свою ленту — череду девушек, жаждущих внимания. Время от времени останавливался, вглядывался в ту или другую фотографию. Кто станет следующей?

Внимание его привлекла та, что лежала на кровати под одеялом и улыбалась в камеру. Джулиет Бич. Одна из его любимиц.

Подпись: "Последнее утро, когда мне восемнадцать". Он щелкнул по ее профилю в "Фейсбуке", проверил, когда у нее день рождения. Десятого сентября. Завтра.

По случаю дня рождения она, разумеется, устроит вечеринку.

Отлично. Над ней он и поставит "эксперимент номер три".

Глава 45

Офицер Виктор Финкельштейн припарковал внедорожник на обочине и открыл заднюю дверь для Шелли, своей четвероногой напарницы. Та выпрыгнула из машины, завиляла хвостом и, вывалив язык, одарила хозяина широкой собачьей улыбкой.

Виктор достал из машины миску, затем извлек из портативного морозильника припасенную заранее бутылку ледяной воды.

— Привет, Франкенштейн! — раздалось у него за спиной.

В отделении полиции Сан-Анджело Виктора прозвали "Франкенштейном" — и из-за сходства имен, и из-за профессии. Виктору такое сравнение нравилось, он и собаку свою не зря назвал Шелли — вот только этой шутки уже никто не понимал.

За спиной стояли детектив Фостер и какой-то незнакомец, оба взмокшие, усталые и, похоже, расстроенные.

— Привет, детектив, — ответил Виктор.

— Нам нужно поискать возле железной дороги, — сказал Фостер.

— Пару минут, детектив. Шелли попьет.

Фостер раздраженно кивнул; видно было, что эту задержку он считает излишней. Люди, не работающие профессионально с собаками, не понимают. Шелли — не домашнее животное Виктора, и уж точно, черт возьми, не рабыня. Она — его напарница

. И Виктор всегда обращается с ней именно так — как с равной. Если б сам он сказал, что хочет сначала выпить воды, стал бы Фостер заводить глаза и вздыхать? Очень вряд ли.

Виктор взял бутылку, в которой плавали белесые кусочки льда, вылил половину в миску, и Шелли немедленно принялась лакать. Он тоже хлебнул воды, закрыл и убрал бутылку обратно в морозильник.

Фостер взглянул на свой телефон и откашлялся.

— Так, может быть…

— Еще минуту, детектив, — твердо ответил Виктор. — Раз вы вызвали нас, значит, спешить некуда.

Детектив обменялся взглядами с незнакомцем, стоящим рядом.

— Офицер Финкельштейн, — представился Виктор, протянув руку.

— Агент Грей. — Незнакомец шагнул вперед. У него было крепкое рукопожатие и приятная вежливая улыбка.
— О, федерал?
Шелли подняла голову от миски и взглянула на Виктора, вильнув хвостом.
— Ладно, детектив, веди.

Двое мужчин повели напарников по песчаной полоске земли. К некоторому своему удивлению, Виктор увидел Джонса. Обычно два кинолога редко работали вместе. Джонса с Бастером вызывали, когда помощь требовалась
живым.

Наверное, завидовать нехорошо, но Виктор порой чувствовал, что они с Шелли обделены вниманием. Взять хотя бы Джонса. У этого парня уже с полдюжины, не меньше, интервью в местных газетах! Читатели обожают такие истории: "Лучший друг человека спасает туристов, заблудившихся в каньоне" или "Коп и его собака находят пропавшую девочку". Фотографии со спасенными, цветы, шоколад, каждый год открытки на Рождество. Следующими идут собаки, натасканные на поиск наркотиков: и они иногда получают свою минуту славы, репортаж и фото рядом с горой кокаина, которую им удалось унюхать.
А о Викторе и Шелли — ни статей, ни фотографий. Ни рукопожатий с шефом полиции или с мэром. Никаких там: "Лучший друг человека находит разложившийся труп".
Но сам Виктор знал, насколько важна его работа. Сколько несчастных родителей благодаря Виктору и Шелли смогли наконец попрощаться со своими детьми и жить дальше! Сколько убийц отправились за решетку благодаря ему и его четвероногой хвостатой напарнице!
Когда они подошли ближе, Бастер приветственно гавкнул, а Шелли завиляла хвостом. Она не любила подавать голос — была спокойной и молчаливой, как и ее хозяин.
— Значит, вы думаете, тело зарыто где-то здесь? — спросил Виктор.
— Агент Грей в этом уверен, — сдержанно ответил Фостер.
— Мы полагаем, что девушку закопали вблизи железной дороги, — добавил агент. — Давно ли — не знаем.
Виктор кивнул.
— Слышишь, Шелли? Давай ее искать.
Шелли взглянула на него, насторожив уши и приподняв переднюю лапу. Затем настороженно понюхала землю.
— Куда идти? — спросил Виктор у Фостера.
— Попробуем на запад, — ответил агент Грей.
Виктор вел Шелли на поводке, позволяя ей время от времени останавливаться и принюхиваться. У кактуса она подняла ногу, затем пошла дальше. И вдруг дернула поводок и потащила Виктора в другую сторону, прочь от рельсов. Шерсть у нее на загривке встала дыбом, все тело напряглось, нос не отрывался от земли. Отведя Виктора ярдов на пять от железной дороги, за пригорок, Шелли остановилась, внимательно принюхалась, затем пару раз копнула лапой землю и тихо, тоненько заскулила.
Через несколько секунд на место подошли Фостер и агент Грей.
— Здесь что-то есть, — сказал Виктор.
— Тело? — спросил Фостер.
Виктор пожал плечами.
— Труп. Может быть, мертвая гиена или дикий козел. А может быть, девушка, которую вы ищете.
Фостер тяжело вздохнул.
— Что ж, будем копать.
Виктор понял: до этой секунды они еще надеялись. Надеялись, что девушка, несмотря ни на что, окажется жива.
Он присел рядом с Шелли, почесал ее по загривку и за левым ухом.
— Молодец, Шелли! Хорошая девочка. Молодчина.
Шелли вывалила язык и одарила его широкой зубастой улыбкой.
"Вот было бы здорово, — подумал Виктор, — если б и меня кто-нибудь иногда чесал за ушком и говорил, что я хороший коп…"

Глава 46

Делия сидела за компьютером в полицейском участке и, не отрываясь, смотрела на монитор. Сначала ее пытались отсюда выставить, но после того, как она едва не выцарапала глаза одному детективу, оставили в покое. Даже посадили за свободный стол с компьютером и дали стакан воды. Видео шло беззвучно, и Делия не пыталась включить звук. Просто смотрела в лицо дочери.

Полицейские говорили ей: ищем, ищем. И больше ничего. Та женщина, Бентли, о чем-то взволнованно перешептывалась с детективом Лайонс. Обе ничего Делии не объясняли.

Никогда в жизни она не видела дочь такой напуганной. Мэрибел была бесстрашной, даже когда еще не умела ходить. Бо́льшая часть ссор между ними случалась из-за того, что Мэрибел ничего не боялась. Маленькой не опасалась наказаний, повзрослев, не думала о последствиях. Для Делии, все детство которой прошло в вечном страхе перед гневом отца, это было непостижимо.

Но теперь Мэрибел умирала от ужаса. И это разрывало Делии сердце.

За спиной раздался телефонный звонок.

— Привет, Тейтум, — сказала Зои Бентли. — Есть новости?

Делия повернулась к ней. Бентли слушала напряженно, сосредоточенно. Прочитать что-то по ее лицу было все равно, что разгадать мысли мраморной статуи. Бентли слушала, кивала и иногда произносила нейтральные словечки, поддерживающие телефонный разговор, по которым ничего невозможно понять. "Так… Да… Понятно… Угу…" И наконец: "Я ей скажу". Тут взгляды их встретились; Бентли положила трубку и, кашлянув, промолвила:

— Миссис Хоу, мне очень жаль. Только что нашли тело вашей дочери.

Делия растерянно перевела взгляд на монитор, где надрывалась в беззвучном крике Мэрибел.

— Но… это видео…

— Видео не сегодняшнее. — Бентли не пыталась подобрать слова или говорить как-то особенно бережно. — Мы не знаем, когда оно было снято.

Делия повернулась к Лайонс, словно надеялась, что та скажет: "Это неправда!" Однако Лайонс тоже молча слушала, приоткрыв рот.

— Вы уверены? — спросила Делия. — В одном классе с Мэрибел училась девочка, очень на нее похожая. Может быть, это она… Нельзя же прекращать поиски только потому…

— Одежда на теле соответствует одежде на видео, — ответила Бентли, — и топ на ней тот же самый, что был в день, когда она исчезла. Позже мы попросим вас ее опознать.

Перегнувшись через Делию, она выключила монитор. Делия ахнула и потянулась снова его включить. Бентли крепко схватила ее руку. При всей своей хрупкости, она оказалась очень сильной.

— Мэрибел больше нет. От того, что вы смотрите видео с ее страданиями, она не вернется. Этим вы просто причиняете себе боль. Такую же, как когда держите руку над газовой горелкой.

— Если б она не ушла из дома… — пробормотала Делия, глядя в сторону. — Если б послушала меня и осталась… ничего бы не произошло…

— Она умерла не потому, что ушла из дома. Не потому, что не послушала вас. Не из-за чего-то такого, что сделали вы.

Лицо Делии перекосилось, словно от невыносимой боли. Хоть бы эта женщина заткнулась и оставила ее в покое!

— Она умерла, потому что ее убили. Убил какой-то человек, которому было плевать и на нее, и на вас. Понимаете меня? — Бентли присела с ней рядом. — Если хотите увидеть лицо вашей дочери, посмотрите лучше на фотографии. А не на видео, которое снял убийца.

Делия закрыла глаза и стала молиться о том, чтобы эта женщина ушла. Бентли еще что-то ей говорила, потом вступила детектив Лайонс. Через некоторое время Делии помогли встать на ноги — она не сопротивлялась. Кто-то спросил, не надо ли с ней побыть. Не

подвезти ли ее домой. Она пробормотала, что всё в порядке, что у нее машина и она прекрасно доберется сама. Ее отпустили.
И Делия вернулась домой — к газовой горелке.

Глава 47

Сан-Анджело, Техас, 24 марта 1994 года

Любимый его столик в школьной столовой был в дальнем углу, откуда открывался безупречный вид.
Он сидел здесь, как всегда, с блокнотом, полностью поглощенный своими набросками. Картофельные шарики, молоко, наггетсы и зеленый "джелло" стояли на подносе нетронутыми.
Видел он только Дебру Миллер.
Она сидела за своим обычным столиком вместе с подружками, которых он не мог запомнить ни в лицо, ни по именам. Да и не замечал. Смотрел только на нее: как она смеется, прикрывая рот рукой, как блестят ее глаза и прыгают на плечах золотистые кудри. Она носила свободные блузки с глубоким вырезом, из которых всегда чуть выглядывало плечо. И эти блузки, и плечо, и прекрасную шею он знал наизусть. На математике Дебра сидела перед ним, и все уроки напролет он следил за каждым ее движением.
Водя карандашом по бумаге, он зарисовывал ее волосы, бесконечные волны кудрей и представлял, как она приглаживает их рукой. Чтобы нарисовать Дебру, уже не нужно было на нее смотреть. Позже, дома, он перенесет наброски в альбом, кое-что поправит, добавит цвета. И будет думать только о ней — с момента пробуждения и до того, как ляжет спать. А когда закроет глаза, она явится ему во сне.
Он едва заметил шум рядом: трое ребят, толкаясь и смеясь, гонялись друг за другом между столиками. Один из них, крепкий парень по имени Аллен, налетел на его столик, толкнул, и блокнот с рисунками выпал из рук.
— Ох, извини, — тяжело дыша, проговорил Аллен. — Я тебя не заметил.
Он молчал, не сводя глаз с блокнота, что валялся у ног Аллена.
Аллен наклонился и поднял блокнот. Бросил взгляд на рисунок.
— Ух ты, здорово! Сам нарисовал?
— Сам, — хрипло, почти шепотом ответил он, протянув руку за блокнотом.
— Девчонок рисуешь? — игриво спросил Аллен, листая блокнот грязными руками. — А это…
Но, вглядевшись в рисунки повнимательнее, умолк. Перелистнул страницу, затем следующую. Блеск в его глазах исчез, веселая улыбка обернулась гримасой отвращения. Аллен листал дальше — и ужас и омерзение все яснее проступали у него на лице, словно перед ним представали ожившие кошмары из тех, что, увидев, хочется поскорее забыть. Наконец он швырнул блокнот на пол, наклонился и дрожащим от ярости голосом процедил:
— Слушай меня, ты, урод! Если когда-нибудь поймаю тебя рядом с какой-нибудь из наших девчонок… если хоть случайно ты к какой-нибудь подойдешь — тебе не жить, понял?
Он кивнул; дыхание перехватило, сердце билось где-то в горле.
— И если еще когда-нибудь увижу, что ты хоть что-то рисуешь, все дерьмо из тебя выбью! Ясно?
Еще один кивок.
Аллен повернулся, расправил плечи и вразвалку зашагал прочь.
Он подобрал свой блокнот, пролистал. Фрагменты собственных рисунков приковали его взор. Расширенные от ужаса глаза Дебры. Рот, забитый песком. Нагое тело в клетке. Прекрасное обнаженное плечо, наполовину поглощенное землей.

Глава 48

Сидя на пассажирском месте в машине Лайонс, Зои смотрела на приближающееся место преступления. Второе место убийства не отличалось тишиной и укромностью первого. Преступник устроил захоронение возле шоссе, по которому постоянно проезжали автомобили. Рядом были трейлерный парк, бензозаправка и несколько складов: теперь изо всех этих мест потянулись зеваки. Ссылка на видео попала к журналистам, и самые дотошные увидели связь звонка Делии, якобы от ее дочери, с убийством Николь Медина. Зои насчитала пять фургонов разных местных СМИ, и еще один подъехал одновременно с ними.

Полицейские, все утро искавшие Мэрибел Хоу, теперь обтягивали место преступления желтой лентой и отгоняли гудящую толпу. Над самой могилой, скрыв ее от жадных глаз и камер, поставили большую брезентовую палатку. Впрочем, Зои знала, что сегодня же вечером снимки со всеми подробностями попадут в Интернет. Вместе со ссылками на сайт убийцы. Вместе с бесконечными спорами о том, в чем состоят зловещие эксперименты номер один и номер два и последует ли за ними эксперимент номер три. Люди будут говорить о двух Шредингерах, ученом и преступнике.

Так убийца получит то, что хотел. Славу.

За последний час трижды звонил Гарри Барри. Зои не перезвонила. Наверняка он проклинает ее за то, что упустил свой репортаж, — ну и плевать. Один убийца дома преследует ее сестру, другой здесь готовится к новым убийствам. Бросить все и лететь в Дейл? Или остаться? Оба варианта казались невозможными.

Она вышла из машины — и окунулась в полуденное техасское пекло. Стараясь не обращать внимания на жару, протиснулась сквозь толчею следом за Лайонс, которая двинулась прямо к офицеру с папкой в руках. Обе они расписались в протоколе и, перешагнув ленту, попали на место преступления.

Тейтум разговаривал с полицейским, держащим на поводке собаку. Зои подошла к нему, наклоняя голову, чтобы солнце не било в глаза.

Когда она подошла ближе, Тейтум повернулся к ней.

— Как мать?

Зои покачала головой.

— Так себе. Лайонс позвонила кому-то из Отдела помощи жертвам преступлений. Мать все равно уверена, что это ее дочь звонила вчера.

— Возможно, убийца взял аудиозапись с видео и сделал нарезку так, чтобы звучало как обращение к матери за помощью, — мрачно заметил Тейтум.

— Поиски в районе, откуда якобы позвонила Мэрибел, следует прекратить. Это явно уловка убийцы: он, скорее всего, хочет отвести нас подальше от собственного дома.

— Да, Фостер уже распорядился.

— Что у нас сейчас есть? Видео еще идет.

— Я поговорил с Шелтоном, — ответил Тейтум. — Они пытаются выяснить происхождение веб-сайта, но это сложно. И хостинг, и доменное имя зарегистрированы через чешского провайдера.

— А что с телефоном, с которого загружается видео? Он где-то здесь, правильно?

— Обыскали всю округу с металлодетекторами. Пока нам не повезло. Сейчас осматривают трейлерный парк, но некоторые его обитатели создают нам проблемы. Требуют ордеров на обыск, а быстро, как ни старайся, их не получить. Сама понимаешь, бюрократический кошмар.

Собака робко обнюхала руку Зои. Та вздрогнула и отстранилась.

— Это Виктор, офицер-кинолог, который нашел тело, — представил полицейского с собакой Тейтум.

— На самом деле тело нашла Шелли, — добавил Виктор.

Зои коротко кивнула и снова повернулась к Тейтуму.

— Время смерти уже есть?

— Патологоанатом приехал. — Грей махнул рукой в сторону палатки. — Сходи туда и сама у него спроси. Я уже насмотрелся… и нанюхался.

Зои подошла к палатке, приподняла полог — и отшатнулась: так сильно ударил в ноздри запах. Спертый воздух и жара под брезентовым тентом усиливали острую гнилостную вонь и делали ее невыносимой.

В центре палатки виднелась большая прямоугольная дыра в земле, и в нее светил одинокий прожектор. Сделав три шага вперед, Зои увидела лысину доктора, склоненную над телом. Труп выглядел страшно: полуразложившийся, вздутый, изуродованный, с черными и серыми пятнами на коже. Бросив лишь один взгляд, Зои поспешно шагнула назад.

Она попыталась вспомнить фамилию доктора, но в голове застряло только его дурацкое прозвище.

— Э-э… доктор… Кудряш?

Он поднял голову. Рот и нос его были прикрыты маской.

— Здравствуйте, агент Бентли.

— Установили время смерти?

— Учитывая излияние жидкостей и скопление газов…

— Не нужно подробностей, я поверю вам на слово.

— Тело было захоронено в сухой почве и на большой глубине, без доступа для насекомых, так что процесс разложения проходил медленнее обычного. Конкретное я смогу установить, когда проверю степень разложения внутренних органов. Но это потребует полного вскрытия. Пока скажу лишь, что жертва погибла не менее двух и не более восьми недель назад.

— Спасибо, доктор! — торопливо выпалила Зои и бросилась вон из палатки.

Едва оказавшись снаружи, сделала глубокий вдох… Зря. Палатка создавала ложное ощущение, что наружу запах не проникает; однако и по другую сторону брезента вонь ощущалась прекрасно, и теперь Зои умудрилась вдохнуть ее полной грудью. К горлу подступила тошнота, но, вспомнив, что на нее смотрят, Бентли сделала пару неуверенных шагов, несколько раз быстро вдохнула-выдохнула через нос, и желудок пришел в чувство.

Она достала телефон и быстро написала сообщение Андреа: "
Как ты
?"

Андреа начала отвечать сразу. Зои ждала, глядя на мерцающие три точки на экране.

"
Лучше. Заезжала твоя начальница. Она милая. А Марвин делает мне свои знаменитые гамбургеры".

Поколебавшись, Зои отстучала: "
Я пропустила самолет. Здесь еще одно убийство".

"
О боже! Какой ужас!"

"
Улечу следующим рейсом. Здесь справятся без меня
".

Теперь три точки мигали долго, и Зои уже ждала целого манифеста в ответ, но Андреа написала просто: "
Можешь спокойно остаться на день-два
".

Зои представила себе, как сестра пишет ответ, стирает, снова пишет, стирает и этот — пытается решить, что же чувствует на самом деле. Плотно сжав губы, она написала: "

Позже обсудим
".

Сунула телефон в карман и обвела взглядом окрестности, пытаясь понять, почему убийца выбрал именно это место. Не такое изолированное, как предыдущее, — на расстоянии ста ярдов вокруг полно свидетелей. Правда, саму могилу довольно надежно скрывали холмик и рощица. Шоссе пересекает проселок, по которому можно подъехать на машине совсем близко к месту преступления. Вроде все понятно… и все же есть что-то еще, что-то важное, что Зои пыталась и никак не могла нащупать.

Неподалеку Лайонс о чем-то воодушевленно говорила с полицейским. Тот держал в руках полиэтиленовый пакет для улик с чем-то металлическим внутри. Зои поспешила туда.

— Что у вас?

— Нашли телефон, с которого загружается видео. Он ни к чему не подсоединен. Видео сохранено в телефоне. И эта чертова штуковина все еще его транслирует!

— Где он был?

— В трейлерном парке, в горе мусора.

— Но ведь трейлерный парк огорожен? — торопливо спросила Зои, чувствуя, как растет волнение. — Не видел ли там кто-нибудь незнакомых людей…

— Никто посторонний туда не приезжал, — ответила Лайонс. — Одна пожилая дама живет в трейлере прямо у ворот. Говорит, что всегда видит, кто приезжает и кто уезжает. И я ей верю. Она перечислила все, что делали ее соседи за последнюю неделю, с такими подробностями, словно журнал ведет. В последние двадцать четыре часа в трейлерный парк незнакомцы не заезжали. Возможно, убийца здесь и живет?

Зои покачала головой.

— Убийца осторожен. Он ни за что не приведет нас к своим дверям. Может, отдал кому-нибудь телефон и попросил подбросить?

— Или просто перекинул через забор. Мусорная куча, где нашли телефон, всего в нескольких метрах от ограды парка.

— Этого он с самого начала и хотел, — сказала вдруг Зои.

— О чем вы?

— Выложить видео можно откуда угодно. Но он не просто привез телефон сюда — он использовал один из телефонов, задействованных в предыдущем убийстве. Хотя тщательно заботился о том, чтобы в промежутке оба телефона были выключены. Он знал, что мы за ними следим и, если он включит телефон, сразу об этом узнаем. И привел нас сюда, потому что
хотел
, чтобы мы нашли тело.

— Но зачем?

— В этом смысл эксперимента номер два. Подопытная здесь — не Мэрибел Хоу, а мы с вами. Он хотел узнать, что мы станем делать, если решим, что это прямой эфир, как и первое видео. Он играет с нами.

Глава 49

Тейтум наблюдал за допросом очередного свидетеля из трейлерного парка. А свидетелей было немало. Некоторые косились на Фостера, явно оскорбленные тем, что их допрашивает чернокожий. Один так набрался, что двух слов связать не мог; а женщина из ржавого полуразвалившегося трейлера, выкрашенного ядовито-розовой краской, согласилась отвечать на вопросы только из-за закрытой двери. Словом, бывали у него в жизни и более увлекательные опросы очевидцев.

Все местные жители соглашались друг с другом в одном: в последние двадцать четыре часа посторонних в парке не было. Откуда взялся телефон, они понятия не имеют. Никто не

видел человека, копавшего яму или тащившего к ней ящик размером с гроб. Да и вообще ничего интересного — не говоря уж о незаконном — никто из них не видывал с момента рождения. Так уж повезло.
Впрочем, двое местных обитателей сообщили, что в парке — да-да, прямо среди них! — живут подозрительные субъекты, которые вполне могут оказаться убийцами. Звали двоих неравнодушных граждан Говард и Томми, а тех потенциальных злодеев, на которых они указывали, — соответственно Томми и Говард. Дальнейшие расспросы показали, что между этими двумя уже много лет идет безжалостная вендетта из-за того, что кто-то из них — за давностью лет уже забыли, кто — одолжил у другого дрель и не отдал.
Тейтум со стоном потянулся и сунул руки в карманы. Похоже, они зря тратят время. Сходить бы посмотреть, как дела у тех полицейских, что допрашивают работников заправки…
— Детектив Фостер! — позвала, помахав рукой, женщина-полицейская. — Подойдите сюда!
Фостер подошел к ней.
— Что такое, Уилсон?
Тейтум придвинулся поближе, чтобы послушать их разговор. Полицейская общалась с парнишкой лет шестнадцати. Обращался он в основном к ее груди, но женщина, как видно, не возражала. Глаза у нее блестели — Тейтум хорошо знал этот блеск. Она напала на что-то стоящее.
— Пол, расскажи детективу Фостеру все, что сейчас рассказывал мне, — попросила она мальчишку.
Тот повернулся к Фостеру, явно разочарованный тем, что теперь придется общаться с немолодым детективом без малейших признаков сисек.
— Ну вот, я говорю, мы с Джефом — он больше здесь не живет, переехал, потому что предки его развелись, и он с мамкой уехал на юг к деду и бабке, — так вот, мы с ним гуляли тут как-то, наверное, года полтора назад, да, точно, года полтора, потому что Джеф уехал прошлым летом, а это было как раз перед тем… Помню, мы еще говорили о том, что его предки разводятся, потому что собачатся все время, видеть друг друга не могут, — и тут как раз видим этого мужика.
— Какого мужика? Где? — спросил Фостер.
— А вон там, на том месте, где у вас стоит палатка. Он копал яму. У него была при себе лопата и всякое такое прочее, и выглядел он как рабочий, но мы поняли, что это не рабочий, потому что зачем там копать — ни труб никаких, ни проводов, сечете? Батя Джефа работал водопроводчиком, пока его за пьянки не вытурили, так что Джеф в этом понимает — и он мне сразу сказал: никакой это не рабочий, не похож.
— А на кого он был похож?
— Ну, не знаю… Так-то белый был, а больше мы ничего не разглядели, потому что довольно далеко стояли и не хотели подходить ближе, чтобы он нас не засек.
— Почему?
Разговор звучал гипнотически, словно медленный грустный блюз: Фостер задает быстрые, короткие вопросы — парень отвечает бесконечными змеистыми фразами, запутанными, как лабиринт.
— Потому что Джеф сказал, этот мужик наверняка из мафии, небось хочет там бабки спрятать, или наркоту, или труп, или еще что такое, так что на глаза ему не полезем, мы же не идиоты! И мы держались подальше, но смотрели, что он там делает. И вот он копал прямо весь день без перерыва!
— Ты рассказал родителям? Или кому-нибудь еще?
Кусая губы, Пол уставился на свои ботинки.
— Не хотел, — подсказал ему Тейтум. — Потому что надеялся, что там деньги.
— Это не против закона — никому не рассказывать, — пробормотал Пол.
— Значит, мужик весь день рыл яму. — В голосе Фостера появились нотки нетерпения. — Дальше что?
— Дальше ушел. Мы подождали до темноты, а потом пошли туда, думали, вдруг там бабло, тогда можно себе взять немного, потому что Джеф… ну, у него, когда батю уволили, с

деньгами стали совсем кранты, и он хотел семье помочь, а я… — Пол замолчал. Видимо, его мотивы были не столь чисты.
— Ты просто подумал, что бабло в жизни не помешает, — подсказал Тейтум. — Дальше.
— Ну, пришли мы туда, и сначала никак не могли эту яму найти, и вообще не поняли, что за фигня, он тут же снова ее закопал, что ли? А потом в одном месте слышим скрип и видим, что земля как-то прогибается. В общем, оказалось, этот мужик яму заложил досками и сверху присыпал песком, так, чтобы вообще незаметно было, если не знаешь, где искать. Мы убрали доски, но ничего там не нашли, ни наркоты, ни бабла. Тогда я говорю — или, может, Джеф сказал, хотя нет, точно я — я говорю: "Может, он яму вырыл сейчас, а что-то спрячет там позже? Тайник сделал, сечешь?" И мы решили, что надо приглядывать за этой ямой, на случай если этот мужик снова появится и если что-то туда положит, проверить, что там, и если бабло, взять себе немного, а если наркота… э-э… сообщить в полицию.
"Стащить и загнать", — мысленно поправил его Тейтум.
— Но тот мужик так и не вернулся, а я ходил и проверял эту чертову яму каждую ночь… ну… целый год, наверное. А он так ничего туда и не положил, и я подумал, может, он забыл об этой яме, да к тому же и Джеф уехал, а одному по ночам в наших краях бродить стрёмно, раз меня чуть скорпион не цапнул, ну и…
— А этого мужика ты больше не видел? — спросил Фостер.
— Не-а. То есть, может, и встречал где-нибудь на улице, или у нас в парке, или в кино — не знаю, я ведь его как следует не разглядел. Но никогда не видел, чтобы он возвращался к яме. К этой яме вообще никто не приходил. Пока не появились вы.
— Ничего примечательного не запомнил? Какие-нибудь особые приметы?
— Он приезжал на белом фургоне. На номера я и не смотрел, но фургон был белый и старый, облезлый такой.
Тейтум и Фостер переглянулись. Наконец ниточка!
— Знаешь, как связаться с Джефом? — спросил Фостер.
— Не-а. Он вроде теперь живет где-то под Сан-Антонио.
— Хорошо, мы его найдем. Можешь рассказать еще что-нибудь о машине?
— Машина белая, — извиняющимся тоном ответил Пол. — Я больше на яму смотрел.
— Спасибо, Пол, ты очень нам помог, — закончил разговор Фостер.
Пол кивнул, пошарил взглядом вокруг, похоже, надеясь еще пообщаться с офицером Уилсон, понял, что в ближайшем будущем это ему не светит, и вразвалочку пошел прочь.
— Убийца мог планировать все это уже полтора года назад? — понизив голос, спросил Фостер у Тейтума.
Тот посмотрел по сторонам, ища глазами Зои.
— Что такое? — спросила она, подходя к ним.
— Нашли свидетеля, — объяснил Грей, — который видел, как наш парень копал могилу. Полтора года назад.
— Полтора года? — изумленно переспросила Зои.
— Очевидно, он планировал убийство гораздо дольше, чем вы думали, — заметил Фостер. — Вы ошиблись.
Тейтум ожидал от Зои резкого ответа. Словно "ошибаться" не принадлежало к числу ее любимых — особенно когда кто-то применял его к ней самой! Но она промолчала — только смотрела прямо перед собой, словно вместо суетящихся вокруг полицейских видела что-то совсем другое.
Тейтум знал этот взгляд. Ее осенило.

Глава 50

Зои расхаживала взад-вперед по комнате для совещаний в полицейском участке. Тейтум сидел за столом и откусывал от ломтика пиццы. По дороге сюда они купили целую пиццу — замену и обеду, и ужину.
— Присядь, — сказал он. — И поешь. На пустой желудок ничего хорошего не придумаешь.

Зои села, но тут же снова встала, забыв, зачем садилась. Села опять. Схватила кусок пиццы — с жареным беконом и ананасами! Отлично. Из-за пиццы с ананасами у них с сестрой шли вечные баталии, и приятно было видеть, что Тейтум более толерантен, чем Андреа. Они заказали половинку — с беконом и ананасами, а другую — с пепперони и острым перцем. Зои вонзила в пиццу зубы, убедилась, что захватила одним укусом и бекон, и ананас, и счастливо зажмурилась.
Бекон был поджарен ровно так, как надо, с хрустящей корочкой по краям; и контраст со сладостью ананаса, толстым слоем моцареллы и чесночным соусом на миг заставил ее забыть обо всем. Слившись с пиццей в единое целое, Зои погрузилась в нирвану. С наслаждением прожевала, проглотила — а когда открыла глаза, Тейтум смотрел на нее, и уголки его рта приподнимались в легкой улыбке.
— Что? — спросила Зои, словно защищаясь. Ей стало неловко.
— Приятно для разнообразия посмотреть, как ты чем-то наслаждаешься. Редкое явление.
Она кашлянула.
— Такое случалось чаще, пока… — "Пока в мою жизнь не вернулся Гловер". — Пока жизнь была спокойнее.
— Ясно.
Зои со вздохом проверила телефон. С Андреа она разговаривала полчаса назад, и тогда все было в порядке. Компанию сестре составляет Марвин, снаружи дежурит полиция. И все же хотелось броситься туда, обнять, сказать, что старшая сестра рядом и что с ней никогда ничего не случится.
— Давай поговорим о Шредингере, — предложил Тейтум.
Зои закатила глаза. Журналисты уже окрестили убийцу Шредингером, и Зои это чертовски не нравилось — прежде всего потому, что прозвище убийца избрал себе сам. Они сейчас пляшут под его дудку.
— Похоже, наша первоначальная теория не оправдалась, — заговорил Грей. — Мы предположили, что он начал планировать убийства несколько месяцев назад, после того как в первый раз поддался своей фантазии. Теперь похоже, что планировал он их как минимум несколько лет: копал могилы, готовил веб-сайты, следил за потенциальными жертвами…
— Нет, — перебила его Зои. — Я настаиваю на своем первом предположении. Всю эту затею со Шредингером и безумными "экспериментами" он начал обдумывать несколько месяцев назад. После первого убийства.
— Но яму выкопал больше года назад!
— Сексуальная фантазия этого парня крутится вокруг захоронения женщин живьем. Рытье могилы — часть фантазии. Может, он рыл ямы, воображая, как будет их использовать. Держу пари, иногда мастурбировал возле этих ям. Потом прикрывал и прятал, думая, что когда-нибудь они ему пригодятся. Должно быть, эта мысль его возбуждала.
— Ты хочешь сказать, полтора года назад, готовя яму, он еще не собирался ее использовать?
— Я говорю, что он играл с этой мыслью, фантазировал. А потом, год спустя, сорвался. И решил захоронить свою первую жертву. А готовых могил у него уже было полно, по всей округе. Оставалось лишь выбрать подходящую.
Тейтум взял ломтик пиццы с перцами.
— И чем это нам поможет?
Зои задумчиво разглядывала коробку с пиццей.
— Сначала мы думали, что он роет яму, затем похищает жертву и там ее хоронит, правильно? Однако ямы у него уже есть! Может быть, десятки ям. Нам нужно только их найти.
Тейтум замер, не донеся пиццу до рта.
— И там подождать? Устроить засаду?
— Именно.
— Но эти чертовы ямы могут быть где угодно!
— Вовсе нет. — Зои встала и подошла к карте на стене. Поставила маркером маленький красный крестик на месте, где была найдена Мэрибел Хоу. — Здесь он похоронил Мэрибел. А здесь, — она указала на другой крестик, уже стоящий на карте, — здесь нашли Николь. Оба места в четырех-пяти милях от Сан-Анджело. Когда нашего друга охватывает страсть,

он отъезжает от города на несколько миль и копает яму. Так что все эти ямы находятся в нескольких милях от города, поблизости от дорог, но в достаточно укромных местах, где ему никто не помешает.
— Все равно слишком неопределенно.
— Надеюсь, есть способ разыскать эти ямы. Нужно поговорить со специалистом. С экспертом… по грязи.
— Ты имеешь в виду геолога? — усмехнулся Тейтум.
— Называй как хочешь. — С этими словами Зои выхватила у него из-под носа последний ломтик пиццы с пепперони.
— Ладно. — Грей нехотя взял ломтик с ананасами. — Итак, считая вместе с горячей линией, которую запустил сегодня утром Фостер, у нас уже две идеи, которыми можно заняться, не ожидая следующего убийства. Хорошо.
— Мы знаем об убийце и кое-что еще, — заметила Бентли. От острого перца начало пощипывать язык. — Наверняка он следит за жертвами. И Николь, и Мэрибел он схватил, когда они поздно вечером возвращались домой. Убийца ждал их там. Может быть, по несколько дней наблюдал за домами и ждал подходящего случая.
— Значит, на него никто не обращает внимания. Возможно, он одет в рабочий комбинезон, как и рассказывал тот парень в парке.
— Самое разумное предположение, — согласилась Зои.
— Стоит сказать Фостеру. Пусть патрульные обращают внимание на рабочих на улице — выясняют, чем они заняты, устанавливают их имена, проверяют машины. Ищут тех, кто соответствует нашему профилю.
— Хорошая мысль. И четвертое: я хочу начать с убийцей диалог.
— Открытое письмо в газете, как в случае с Сыном Сэма? Но тогда не вышло.
— Сын Сэма уже общался с полицией — присылал им безумные послания. И не такой он был дурак, чтобы отвечать напрямую. Он просто наслаждался вниманием. Если мы опубликуем письмо, обращенное к убийце…
— Можешь называть его Шредингером. Я не возражаю.
— …результат будет тот же. Просто не ответит. Он вообще довольно мало с нами общается.
— По-моему, совсем не общается.
— Нет. Он называет себя Шредингером. Объявляет, что его убийства — эксперименты. И присылает видео. Все это формы коммуникации; он тщательно их продумывает и сводит к минимуму. Он осторожен. Нам нужно начать такой диалог, который выбьет его из колеи и заставит реагировать импульсивно. Забыть об осторожности.
— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Тейтум.
— Хочу опубликовать о нем нелестную статью.
— В интернет-изданиях его и так называют маньяком и чудовищем!
— Этого он ожидал. И это не приведет его в ярость. — Зои покачала головой. — А я хочу изобразить его криворуким идиотом. Есть шанс, что такую статью он захочет прокомментировать.
— Звучит как-то… легкомысленно. А если вместо этого он еще кого-нибудь убьет? Доказывая, что не криворукий?
— Он и так планирует вскоре убить еще одну женщину — об этом он ясно нам сообщил своими "экспериментами", — уверенно ответила Зои. — Все убийства у него тщательно спланированы и рассчитаны. Не удивлюсь, если у него найдется список будущих жертв. И календарь с датами. Менять свои планы из-за нас он не станет. Но, если повезет, нам удастся получить от него непосредственную реакцию.
— Хочешь использовать того парня, Гарри Барри?
Зои кивнула и сделала большой глоток кока-колы. Увы, для того, чтобы запивать острые блюда, кола не слишком подходит.
— Непохоже, что ты намерена завтра утром улететь, — откинувшись на спинку стула, заметил Тейтум.
Зои прикусила губу. Вообще-то он прав. И думает, и говорит она так, словно собирается остаться здесь по меньшей мере на день или два. Бентли ощутила укол вины. Разве не должна она сейчас быть с сестрой?

— Со вчерашнего дня, когда появился Гловер, ничего не изменилось. Весь последний месяц у меня ощущение, словно я сижу в комнате с осой. Жужжит где-то, но непонятно где.
Тейтум молча взглянул на нее.
— Оса — это Гловер, — пояснила она.
— Я понял.
— Но теперь я знаю, где он. И остальные тоже. Раньше я пыталась убедить Манкузо и Колдуэлла отнестись к этой угрозе серьезно — теперь они поняли, что я была права. И присматривают за Андреа. Сейчас Гловер нападать не станет, предпочтет выждать. Он хитер и осторожен.
Тейтум кивнул.
— Я вернусь, как только смогу, — продолжала она. — Но не сейчас. Полиция Сан-Анджело одна с таким убийцей не справится. Останусь еще на день-другой, прослежу, чтобы расследование двигалось в правильном направлении — и улечу к сестре.
— Только об одном ты не подумала.
— О чем? — Зои мгновенно напряглась.
— Андреа там с Марвином. Вот это серьезный риск! Не боишься, что за два дня он ее с ума сведет?

Глава 51

Едва открыв дверь отчего дома, Джулиет Бич поняла, что между мамой и папой опять идет ядерная война, в которой пленных не берут. Братишка Томми у себя в комнате забился под одеяло. Джулиет вошла к нему и захлопнула дверь, заткнув мамин истерический монолог на середине.
— Ну вот! — сказала она. — А я-то думала, Томми здесь и мы куда-нибудь с ним сходим…
Холмик под одеялом пошевелился.
— Жалость какая! — вздохнула Джулиет. — Я думала, мороженым его угощу…
Из-под одеяла донеслось сопение. За стенкой мама объясняла папе, что он безрукий и безголовый. Именно из-за родительских ссор Джулиет старалась пореже бывать дома. Хотя, как ни странно, после бурных скандалов папа с мамой быстро мирились и снова обожали друг друга.
— Пожалуй, стоит отдохнуть перед тем, как куда-то идти, — сказала Джулиет.
Холмик на кровати хихикнул.
Джулиет прилегла на кровать — и тут же вскочила.
— Ой, что это? — воскликнула она. — Кровать вся в комках! — И ткнула пальцем в холмик, чем вызвала взрыв приглушенного смеха.
За дверью папа горестно вопрошал мироздание, зачем он женился на этой лахудре. Пора отсюда убираться — но не оставлять же Томми в логове волков!
— Пожалуй, эту кровать надо пощекотать! — объявила Джулиет и принялась нащупывать у холмика под одеялом места, уязвимые для щекотки.
Томми выдержал ровно три секунды. Визжа от смеха, он высунул из-под одеяла голову — спутанные золотистые кудряшки, сияющие глаза.
— А я все время тут был! Я спрятался! — завопил он в восторге от того, что перехитрил старшую сестру.
— Да неужели? — Джулиет всплеснула руками. — Я тебя и не заметила!
Братишка расплылся в улыбке, а она подхватила его в объятия и чмокнула в курносый нос.
— Мороженого хочешь?
— А можно мне с тремя вкусами?
— Спросим в кафе. Если они так делают, то можно.
— Ладно. — Мальчик спрыгнул с кровати. — А можно взять с собой Теда?
Тедом звали кукольного Дарта Вейдера.
— Конечно. Только он мороженое есть не будет.
— Ладно!
За дверью мама прокричала что-то неразборчивое. Томми замер.

— Когда мы вернемся, они уже помирятся, — сказала Джулиет.
— Откуда ты знаешь?
Опыт предыдущих девятнадцати лет, вот откуда. Так всегда: сначала орут друг на друга, потом мама плачет, а папа извиняется, и через полчаса уже воркуют, как голубки.
— Просто знаю.
— Обещаешь?
— Обещаю. Бери Теда и пошли!
Мальчик подхватил с кровати Теда и побежал к дверям.
— Подожди-ка! — окликнула его Джулиет. Достала телефон и присела на корточки с ним рядом. — Скажи: "Пломбир!"
— Плом-бииир!
Джулиет нажала на кнопку, и фото с младшим братишкой отправилось в "Инстаграм".

Глава 52

Допивая в одиночестве вторую кружку "Миллера", Гарри чувствовал, что его снова одурачили.
Он сделался чересчур мягкотелым, вот в чем штука. Ощутив симпатию к Зои Бентли, поверил, что она сдержит слово. С чего вдруг? Слова — это же просто… просто слова, данные нам, чтобы скрывать свои мысли. Сколько раз он сам нарушал обещания и тут же об этом забывал!
Теперь о серийном убийце, орудующем в Сан-Анджело, знает вся страна. Завтра все газеты в стране напишут, что делом занимается ФБР. И Гарри останется ни с чем.
Полчаса назад Зои написала ему и попросила о встрече. Он предложил бар — надеялся ее подпоить и хоть что-нибудь выведать. Но ее все не было, и Гарри начал подозревать, что его водят вокруг пальца.
Нет, разумеется, он уже написал собственную статью. Назвал по именам и Зои Бентли, и агента Тейтума Грея, вспомнил Гробовщика-Душителя, упомянул и о том, как Зои столкнулась с убийцей в детстве. Однако чувствовал: всего этого мало. В материале должна быть изюминка — а здесь ее нет.
Гарри окинул взглядом бар. Даже в пятничный вечер народу было очень немного. Новости распространяются быстро; похоже, весь город, боясь серийного убийцы, сидит по домам.
На соседний табурет скользнула женщина. Зои. Помахала рукой бармену.
— Пинту "Гиннесса", пожалуйста.
— Серьезный напиток для дамы! — усмехнулся бармен.
— Неужели? — И Зоя на несколько долгих мгновений скрестила с ним взгляд.
Улыбка бармена померкла, сменившись почти испугом. Он кашлянул.
— Да-да, конечно. Секундочку.
— А мне еще "Миллера", — добавил Гарри.
Пока бармен разливал напитки, оба молчали. Наконец Гарри заговорил:
— Вы меня надули!
— Успокойтесь. Вовсе нет.
— Сказали, у вас есть для меня кое-что особенное — а теперь об этом каждая собака знает!
— Что они знают? Только дурацкое прозвище и набор предположений.
— Завтра будут знать больше. У местных репортеров свои источники в полиции. А что у меня? Ничего!
Бармен поставил перед ними напитки. Зои в глаза он старался не смотреть, и Гарри это почти развеселило.
Бентли сделала большой глоток и шумно выдохнула через нос.
— Боже, как мне этого не хватало! — пробормотала она. — Такой долгий день…
— Вас пожалеть?
— Для начала перестаньте дуться, — резко ответила Зои. — Ведете себя, как будто я ваша подружка. Позвольте напомнить, что это вы всюду за мной таскаетесь, а не наоборот!
Гарри ухмыльнулся; раздражение в ее голосе его подбодрило.

— Таскаюсь? Отнюдь. Следую на приличном расстоянии.
— Вы сняли номер в том же мотеле, что и я.
— Хороший мотель. Бассейн у них очень приятный.
— Хватит этой чепухи! — рявкнула она, смерив его гневным взглядом.
Журналист насмешливо отсалютовал ей стаканом:
— Ну, и кто теперь дуется?
Зои заморгала, затем снова отхлебнула пива.
— Послушайте, я хочу дать вам интервью, но выйти оно должно завтра утром.
— Статью в завтрашний номер я уже написал. Сейчас над ней работает редактор.
— Пусть отправит ее в корзину! Нам нужна новая.
— Нам?!
— Я хотела бы давать вам интервью каждый день. Рассказывать о ходе дела. Ни с какими другими журналистами я общаться не буду.
Гарри недоверчиво воззрился на нее.
— Но зачем?
— Хочу вывести убийцу из равновесия.
— Вы об Убийце-Шредингере?
— Дурацкое прозвище.
— Но все его так называют, — заметил Гарри. Его охватило радостное волнение. — Так что конкретно вы хотите сделать?
Она бросила на собеседника задумчивый взгляд.
— Кто ваш источник в ОПА?
— Какой источник? — недоуменно переспросил Гарри.
— Кто-то же сказал вам, что я лечу сюда заниматься этим делом. Кто?
Гарри широко ухмыльнулся.
— Забудьте! Репортер, выдающий свои источники, далеко не уедет.
— Мы сами его найдем.
— Не сомневаюсь. Вы ведь так проницательны!.. Так мы говорили о вашем интервью.
Зои отхлебнула еще пива, слизнула пену с верхней губы.
— Я хочу заявить во всеуслышание, что этот убийца — жалкий дилетант. Задеть его, оскорбить. Разъярить. Может быть, он прокомментирует вашу статью. У вас отображаются данные людей, пишущих комменты к вашим материалам? IP-адреса, что-нибудь такое?
На этот вопрос Гарри знал точный ответ: сам неоднократно устанавливал личности авторов, оставлявших ему особенно злобные и язвительные комменты.
— Разумеется. Даже по одному-единственному комменту можно многое узнать о человеке.
— Отлично! — Глаза Зои заблестели, и Гарри невольно отметил, что сейчас она очень привлекательна. — Если он напишет коммент, мы его отследим.
— А почему вы думаете, что он откликнется на статью?
— У него фантастическое самомнение. В общем, берите у меня интервью, а я среди прочего скажу, что он допускает ошибку за ошибкой. Что мы вот-вот его поймаем. Что-нибудь в таком роде.
Гарри закатил глаза.
— Думаете, это его взбесит и заставит ответить?
— Ему не понравится, что я его унижаю.
— Только не обижайтесь, — сказал Гарри. — Но когда дело доходит до оскорблений, вы напоминаете шестилетнюю девочку, обзывающую мальчика вонючкой за то, что тот дернул ее за косу.
— Я свое дело знаю, — Зои нахмурилась.
— Да. И ваше дело — понимать, как мыслят серийные убийцы, — ухмыльнулся Гарри. — Но чтобы кого-то разозлить… здесь лучше дайте порулить мне!
— Пожалуй, не стану с вами спорить.
— Полезнее всего будет сравнить его с другими. Люди, особенно мужчины, склонны огорчаться, если их с кем-то сравнивают не в их пользу.
— Серийные убийцы, говоря о своих действиях, часто ссылаются на других серийных убийц, — заметила Зои. — Деннис Рейдер любил сравнивать себя с Сыном Сэма и Убийцей из Грин-Ривер.

— Скажите просто, что он дурак и неумеха — он и глазом не моргнет. Но объявите, что в сравнении с Мэнсоном он мелкий пакостник — и парень из штанов выпрыгнет.
— Да, хорошая мысль! Значит, в нашем интервью я сравню его с другими серийными убийцами. Скажу, что до них он недотягивает.

— А еще нам нужен заголовок. Заголовок, который задаст тон всей статье. "Убийца из Сан-Анджело не дотягивает до Теда Банди
[23]
" — такое название точно не подойдет.

— Ну… наверное. Но не представляю, как разозлить его заголовком.
— А я, кажется, представляю, — усмехнулся Гарри. — Он сам себе дал прозвище, так? Называет себя Шредингером?
— Да. Пресса окрестила его Убийцей-Шредингером.
Гарри с усмешкой скрестил руки на груди.
— Что ж, "Чикаго дейли газетт" подберет ему имя получше!

Глава 53

Сан-Анджело, Техас, суббота, 10 сентября 2016 года

"Убийца-Землекоп из Сан-Анджело наносит второй удар".
Он ошеломленно смотрел на страницу, сжимая и разжимая кулак. С сильно бьющимся сердцем снова перелистал ее. Статья была одной из самых подробных за сегодняшнее утро, связывала его с обеими жертвами, даже давала хорошие кадры из видео; но были в ней утверждения, словно огненными буквами отпечатавшиеся у него на сетчатке.
"Профайлер доктор Зои Бентли утверждает, что Убийца-Землекоп действует неумело…"
"Называет себя Шредингером, однако пишет имя неверно, опуская две точки над первой буквой е…"
"На вопрос, можно ли сравнить Убийцу-Землекопа с Тедом Банди, доктор Бентли ответила: "До Банди ему далеко"…"
Мало того!.. Зои Бентли дала интервью лишь одному репортеру. В результате множество других СМИ теперь цитировали эту статью, и в глаза снова и снова бросались фразы типа: "Убийца-Шредингер, он же Убийца-Землекоп". Похоже, новое прозвище, черт побери, приклеилось к нему намертво!
Убийца прикусил щеку изнутри — и ощутил на языке вкус крови. Почти не сознавая, что делает, прокрутил статью до самого низа, вплоть до окошка для комментариев, и начал яростно печатать: исправлял неточности, объяснял, что фамилию Шредингера не обязательно писать с умлаутом, клялся, что, когда он закончит свои эксперименты, о Теде Банди никто и не вспомнит…
Тут он остановился. Отъехал на офисном стуле подальше от компьютера, начал перечитывать то, что написал, — и только головой затряс. Какого черта? Что с ним творится?
Глубоко вздохнув, он переключился на страницу Джулиет Бич в "Инстаграме". Просмотрел давно знакомые фотографии и обнаружил новую: Джулиет с младшим братишкой. Прочел в комментах несколько поздравлений с днем рождения. Представил себе предстоящий вечер — и гнев улегся, сменившись радостным возбуждением.
Взглянув на часы, убийца решил, что ему как раз хватит времени написать автору статьи письмо по электронной почте. Зовут журналиста Г. Барри. И сама статья написана очень недурно. Г. Барри проработал материал, сопоставил имеющиеся факты, сумел получить неплохое интервью у человека, расследующего дело. Он может гордиться своей работой! Пожалуй, с таким человеком можно иметь дело.
Найдя на сайте электронный адрес Г. Барри, убийца набрал ответ на его статью. Постарался писать коротко, вежливо и по существу. Важно создать правильное впечатление. Показать себя таким как есть.

Тед Банди?
И в самом деле, к тому времени, как он закончит, люди и не вспомнят, кто это!

Глава 54

В субботу утром Зои с облегчением узнала, что совещания сегодня не будет. Лейтенант вообще не появился на службе, так что все могли спокойно работать, не отчитываясь надоедливому толстячку о каждом своем шаге.
Едва новости о серийном убийце распространились по городу, телефон горячей линии начал разрываться от звонков. Фостер и Лайонс прослушивали записи и выбирали из них потенциально интересные. Кроме того, Фостер составил длинный список людей, которых нужно опросить, — друзей и родственников Мэрибел Хоу. И пообещал как можно скорее найти геолога, готового с ними пообщаться.
Такие энергичные детективы Зои редко встречались, и все же она видела, что Фостер работает, как говорится, на последнем издыхании. Глаза у него покраснели, рубашка была измята, словно он в ней спал. Впрочем, вполне возможно, он забывал и есть, и спать.
Бентли открыла у себя на ноутбуке статью Гарри, быстро проверила комментарии. Около двадцати — и ни одного полезного.

Что ж, пора за работу. Закрыв дверь в комнату, она порылась в своей музыкальной библиотеке и наконец выбрала в качестве саундтрека "
One of The Boys
" Кэти Перри. Сейчас ей требовалось быстро взбодриться — без неторопливых инструментальных вступлений. По счастью, Кэти знает, что иногда лучше обойтись без долгих предисловий.

Зои распечатала полностью доклад с места преступления, разложила листы на столе и принялась разглядывать их, вертя головой туда-сюда и тихонько подпевая припеву из динамиков.
— Ту-ду-ду-ду… на внешней стороне ящика ни ДНК, ни отпечатков пальцев… ту-ду-ду-ду… инфракрасная камера, пам-па-рам, установлена как в первом ящике… ту-ду-ду… размер ящика идентичен первому… ту-ду-ду-ду… на телефоне никаких отпечатков, на экране трещина, возможно, от удара о землю…
Пока Кэти пела о том, как поцеловала девушку, и ей понравилось, Зои сортировала фотографии. Потом двумя пальцами подняла панорамное фото места преступления и задумалась.
— Почему ты решил копать здесь? — пробормотала она. — Что в этом месте такого возбуждающего?
Она перевела взгляд на снимки места первого преступления. Все то же самое. Много камней, высохшие растения, неровная почва.
Отворилась дверь, и на пороге возник Фостер. Услышав музыку, нахмурился. Зои бросила на него свирепый взгляд, готовая отбрить, если он что-нибудь скажет о ее музыкальных вкусах.
— Геолог попросил подъехать к нему домой, — сообщил Фостер. — Где-то через полчаса. Вы с нами?
— Конечно. Круто. Спасибо.
Он начал закрывать дверь.
— Фостер, — позвала Зои. — Подойдите сюда.
— Да?
— Взгляните-ка на это. — Она показала ему два снимка. — Что вы видите?
Он вошел в комнату и взглянул на фотографии.
— Места преступления.
Зои закатила глаза к потолку.

— Допустим, вы проезжаете мимо на машине, не зная, что это место преступления. О чем подумаете?
Он пожал плечами.
— Да о чем тут думать? Пустыня как пустыня. Вокруг все так выглядит.
— Так, да не так! — Зои открыла "Гугл-карты". — Взгляните сюда.
Она щелкнула мышью по карте, и на мониторе появилась фотография местности. Совершенно плоская песчаная равнина. Без крупных камней, почти без растительности.
— Пока не понимаю, о чем вы, — признался Фостер.
— Когда вы ездите в окрестностях Сан-Анджело и видите такие места, о чем вы думаете?
— Не знаю. Не обращаю внимания. Я здесь вырос.
— А вот убийца обращает внимание! Знаете, о чем он думает, когда ездит в окрестностях города?
— Нет.
— Он думает: "Вот хорошее место, чтобы похоронить здесь следующую жертву!" Или, может быть: "А здесь мне совсем не нравится. Не возбуждает". Понимаете, он возбуждается, подыскивая место для могилы. Для него это как порно.
Фостер неуютно поежился; к таким реакциям Зои привыкла и не обращала на них внимания.
— Почему это, — она указала на каменистую почву с кустарником, — заводит его сильнее, чем это? — Показала на песчаную почву. — Казалось бы, где проще копать?
— Не знаю, Бентли, — вздохнул Фостер. — Кстати, мы выяснили точную дату смерти.
— Правда?
— Да. Кудряш считает, она умерла тридцатого или тридцать первого июля.
— Очень точный вывод!
— В том, что наш убийца хоронит жертв живьем, как оказалось, есть свои плюсы. Он зарывает их глубоко, вдали от насекомых и от воздействия жары. Так что состояние внутренних органов дает возможность точно определить время смерти. Хотя в этот раз Кудряш превзошел самого себя.
— Значит, она погибла через день или два после своего исчезновения… Тот же паттерн, что и у Медина! Он не тратит время зря. Хватает девушку и почти сразу ее закапывает.
— Что еще?
— Мы знаем, что фантазию о закапывании женщин живьем он лелеял уже долгое время. Что он одержим славой. Убил по меньшей мере троих…
— Троих?! — Фостер уставился на нее. — Мы знаем о двух жертвах. И свои эксперименты он озаглавил "номер один" и "номер два".
— Нет. Я ведь вам говорила. Инфракрасная камера, трансляция видео онлайн — все эти сложные штучки он спланировал и осуществил уже после первого убийства. Изначально его фантазия состояла в том, чтобы закопать жертву живьем. И это долго оставалось просто фантазией. Может, он и не думал, что когда-нибудь сделает такое на самом деле. Он рыл ямы и фантазировал. Возможно, закапывал живьем животных. А потом какие-то стрессовые факторы заставили его сорваться. Он исполнил свое желание — убил первую жертву. И только после этого понял, что жертву в ящике можно снимать на видео. Смотреть, как она борется за жизнь и умирает.
— Откуда вы знаете?
— Это моя работа. Таковы все эти люди. Изначальная фантазия убийцы никогда не бывает слишком сложной. И определенно не связана с внешними факторами — например, с жаждой славы. Была еще одна жертва, Фостер. Если хотите, назовите ее нулевой. Ее он не снимал. Когда мы ее найдем, на ней могут обнаружиться и отпечатки пальцев, и ДНК. В первый раз он был не так осторожен.
Фостер окинул Зои скептическим взглядом.
— Вы так говорите, словно знаете об этом парне всё!
— Не всё. Я до сих пор не понимаю, по каким признакам он выбирает места для могил.

Глава 55

Домашний кабинет доктора Андрея Ермилова был гол и скучен: чистый, почти пустой стол, на стенах карты с диаграммами, показывающими состав почвы. Зои села на стул, принесенный из кухни, слева от Фостера и Тейтума. Пока Фостер объяснял, что они ищут, Андрей смотрел на посетителей с таким безысходным унынием, словно спрашивал себя, как оказался в этом мрачном месте, и не находил ответа.
— Итак, — произнес он наконец с сильным акцентом, — вы ищете ямы, спрятанные в земле.
— Скорее всего, прикрытые досками и присыпанные песком, — уточнил Фостер.
Андрей вздохнул. Огляделся вокруг себя, смерил одну карту взглядом, полным особенного отвращения.
— А почему вы не используете… — он помахал рукой, подыскивая слово, — радар?
— Радар в этих местах не работает, — ответил Фостер. — Наш техник говорит, слишком глинистая почва.
— Слишком много глины? — недоуменно переспросил Андрей. — Но в яме нет глины. Там только яма.
На секунду или две воцарилась тишина: все обдумывали этот философский тезис.
— То есть вы хотите сказать, — уточнил Тейтум, — если мы начнем искать ямы в земле, их определить радар сумеет.
— Конечно!
— В прошлый раз мы искали ящик, зарытый глубоко в землю, — объяснил Тейтум Зои. — Земля глинистая, поэтому радар ничего не мог определить. Но если искать отверстие в земле, пустоту, прикрытую лишь несколькими дюймами песка…
— Я поняла, спасибо, — оборвала она. — В дополнительных пояснениях не нуждаюсь.
— Уйдет слишком много времени, — заметил Фостер. — Знаете, этот парень с радаром не слишком-то быстро ходит…
— Человек с радаром? — Андрей широко раскрыл глаза. — А почему вы не пользуетесь машиной?
— Э-э… это как?
— Прицепляете радар к машине. И едете. — Он покрутил руками невидимый руль. — Радар ищет ямы. Легко. Мы так делаем каждый день.
— Покажете нам, как именно? — попросил Тейтум.
Андрей снова вздохнул и начал что-то набирать на клавиатуре, бормоча себе под нос короткие нетерпеливые сентенции. Зои слушала вполуха: она уже сосредоточилась на новой задаче. Нужно обыскать наиболее вероятные места, где убийца мог копать ямы. Не слишком далеко от города. Весь периметр Сан-Анджело… потребуется несколько недель. Надо найти способ как-то сузить круг поисков.
Ее внимание вновь переключилось на Андрея: ученый закончил говорить о радаре и теперь объяснял что-то отвлеченное.
— Очень тяжело. Аппаратура ломается каждый день. Досадно. Исследования стоя́т. Финансирование сокращается. — Он бросил гневный взгляд на карту на соседней стене и простонал: — А у меня на следующей неделе день рождения!
— Поздравляю, — вежливо вставил Тейтум.
— Не с чем.
— Ладно. — Фостер передвинулся на стуле ближе к двери, явно мечтая поскорее отсюда смыться. — Сожалею, что ваши исследования грунтов проходят с такими сложностями…
— Сложностями? Это ужас! Брать образцы — просто кошмар! На прошлой неделе мы сломали три бура.
— Почему? — спросила Зои.
Фостер просигналил ей взглядом, молчаливо умоляя не спрашивать, но Бентли сделала вид, что этого не заметила.
— Вы сказали, что исследуете почвы Анджело? Они так называются по названию города?
— Конечно. Разве здесь есть какие-нибудь другие Анджело?
— И эта почва… она твердая? Ее сложно бурить?
— Твердая? Как сталь! Мне нужны нормальные дорогие инструменты, а не дешевые буры. Это вам не "Майнкрафт"!

— А что такое "Майнкрафт"? — спросила Зои.
Все, кто был в комнате, ошеломленно на нее уставились.
— Даже я знаю, что такое "Майнкрафт", — сообщил Тейтум. — А ведь у меня и детей нет.
— Так что это такое? — повторила Зои, злясь на собственное невежество.
— Дурацкая видеоигра! — взревел Андрей. — Кошмар! Мой сын играет в нее целыми днями — и теперь думает, что на свете всего десять минералов. Я ему говорю: нет, все гораздо сложнее, а он твердит: есть песок, камень, гравий и уголь. А чтобы копать, колотит кулаками по земле!
— Зачем, когда есть кайло? — удивился Фостер. — Там столько разновидностей…
— Потому что кайлом нельзя копать быстро! — кипя от ярости, рявкнул Андрей. — Он копает, пока не докапывается до лавы. Что за ерунда! А теперь хочет, чтобы я ему помог попасть в Нижний мир. Говорит, что я не уважаю его увлечение. Но "Майнкрафт" — не увлечение! Увлечение — собирать марки. Или играть на рояле. А это чушь собачья! Вчера мы с ним ругались весь день! — И, побагровев так, словно его вот-вот хватит удар, и брызжа слюной, Андрей перешел на русский.
"Ну молодец!" — беззвучно прошептал Тейтум, обращаясь к Зои.
Едва Андрей остановился, чтобы набрать воздуха, та быстро вставила:
— Значит, земля вокруг города твердая и ее сложно копать. Правильно?
— Почвы Анджело — да.
— Но ведь наш убийца копает ямы, — заметила Зои.
— Не в почвах Анджело, поверьте! — Андрей рассмеялся коротким безрадостным смешком.
— Где-то же он их копает!
— Где? Покажите на карте. — Ученый махнул в сторону топографической карты на стене.
Зои встала и показала места преступлений.
— Здесь. И здесь.

> — Это не почвы Анджело. Здесь почвы Тулия. Их копать намного легче. Смотрите. — Он подсел к компьютеру и открыл браузер. На мониторе появилась схема нескольких слоев почвы, раскрашенных разными цветами. — Это Тулия. Пять слоев, видите? Есть потверже, есть помягче. Много глины. Не слишком приятно, но копать можно. Теперь смотрите сюда. — Андрей открыл другое окно. — Это почвы Анджело. На глубине двенадцати дюймов вы наталкиваетесь вот на этот слой. Проклятие моей жизни!
> Suka blyat!
> Твердый и толстый. Ломаются все инструменты.

— Так вот как он выбирает места! — с энтузиазмом воскликнула Зои. — Просто копает там, где легче копать!
Андрей испустил сердитый смешок.
— Если бы мне так везло!
— А почвы Анджело… где они находятся?
— Везде. С этой стороны карты — почти повсюду. — Он показал на область к востоку от Сан-Анджело.
— А остальные? Это все Тулия?
— Много разных. Одни тверже, другие мягче.
— Но здесь и здесь почвы Тулия, верно? — Зои вновь ткнула в оба места преступления.
— Да. Определенно Тулия.
— Можете сказать нам, где еще в окрестностях города находятся почвы Тулия? И, может быть, другие типы мягких почв? — попросил Тейтум.
— Это на несколько часов. Нет.
— Доктор Ермилов, — серьезно произнес Фостер, — вы спасете невинные жизни.
Андрей вздохнул.
— Ладно. Работать еще хуже. Пойду сделаю кофе. Это будет очень долго и… как говорят американцы? Скучно.
Так оно и вышло. Над каждым районом карты доктор застревал на полчаса, тщательно описывая все виды почв, каждый слой и инструменты, необходимые для их исследования.

Фостер все записывал, Зои слушала, стараясь усвоить. У нее от этого голова гудела, зато убийцу, по всей видимости, эти подробности занимали и увлекали. Искать подходящее место для могилы — это для него было вроде прелюдии к сексу.
Пискнул телефон; Зои взглянула на экран. Пришло письмо от Гарри. С сильно бьющимся сердцем она торопливо его открыла.

"Вы были правы. Убийца-Землекоп не остался равнодушен к нашим нелестным отзывам. Комментировать статью на сайте он не стал, но прислал мне мейл, который и пересылаю вам.
Г."

Уважаемый Г. Барри!
До сих пор помню, как мои родители обсуждали признания Генри Ли Лукаса. В те времена у каждого был среди присяжных друг или родственник. Весь город гудел: у нас появился собственный серийный убийца! Но он оказался в нашем городе случайно. Сейчас — другое дело.
Лукас рассказывал, что убил тысячи людей, и репортеры, жертвуя профессионализмом ради сенсации, подхватывали эти россказни. Я — не Лукас и не собираюсь лгать. Но не терплю искажений истины.
1. Вас дезинформировали. В моих методах нет ничего "неумелого". Каждый предпринятый мною шаг необходим и неизбежен.
2. Я не наслаждаюсь страданиями подопытных. Я делаю то, что должен. Всему этому есть причина.
3. Все сравнения моей работы с чьей-либо чужой абсурдны. Прочтите страницу из "Annus Mirabilis" Эйнштейна: сможете ли вы сравнить ее с трудом какого-нибудь другого ученого? Подождите, пока не узнаете историю целиком.
И еще одно. "Убийца-Землекоп"? Придумайте что-нибудь получше!
Шредингер

Несколькими фразами убийца пролил яркий свет на свою психику. Хоть он и старался писать тепло и сердечно, слова письма сочились ядом и гневом. Им действительно удалось его задеть! И теперь они знают, как с ним общаться.

Глава 56

Балтимор, Мэриленд, пятница, 15 сентября 1994 года

— Когда она бросила обручальное кольцо, я думала, что закричу! — сообщила Элиза по пути домой, в кампус.
Это был бы четвертый ее крик за фильм. Он считал. Кричала Элиза точь-в-точь как мать, когда видела на кухне таракана. Эти крики действовали ему на нервы. Может, не стоило вести ее на "Шестое чувство"?
Но после каждого крика Элиза прятала лицо у него на груди, не в силах смотреть, как к маленькому мальчику являются призраки и требуют с ними поговорить. Она дрожала в его объятиях, и это было приятно. Он чувствовал себя мужчиной.
Второе свидание, в отличие от первого, полного неловких фраз и напряженных пауз, прошло более или менее гладко. Последовав совету соседа по комнате, он пригласил Элизу в кино. "Там вам болтать не придется", — объяснил сосед. И оказался прав: во время фильма было не до болтовни, да и само кино давало пищу для разговоров. До начала фильма — чистая логистика: "На какой фильм сходим? Хочешь попкорн? Сядем вперед или назад?" А потом можно было обсудить фильм и его неожиданный финал. Впрочем, не такой уж неожиданный: во-первых, видно его было за милю, а во-вторых, прошедшую неделю все вокруг только и обсуждали "потрясающий поворот" в конце нового фильма, так что теперь этот поворот уже никого не потрясал.

— А тебе какой момент больше всего понравился? — спросила Элиза.
Он ответил не сразу — не потому, что не мог выбрать, а потому, что не стоило отвечать откровенно.
— Финал. Потрясающий неожиданный поворот.
На самом деле больше всего ему понравилось, когда мальчишку заперли в маленькой темной комнате. Но это ей говорить не стоит — не поймет.
Они добрались до ее корпуса, и Элиза пригласила зайти выпить. Напряженный, он последовал за ней. Корпус состоял из пяти спален с общими ванной и кухней. В отличие от него, Элизе повезло: в спальне она жила одна. По сравнению с его спальней, пропитанной запахом соседских носков, здесь был просто рай.
Девушка принесла два бокала и бутылку дешевого вина, плеснула щедрые порции себе и ему. Вино было липким, неприятным на вкус, от него сразу закружилась голова. Он вообще почти не пил — не любил чувствовать себя пьяным. Однако сосед по комнате, неистощимый источник непрошеных советов, сообщил, что на свидании обязательно нужно пить. Так проще расслабиться.
Впрочем, первой расслабилась Элиза — настолько, что полезла к нему целоваться. Действовала грубо, даже агрессивно: стаскивая с него рубашку, поцарапала спину. Он старался быть активнее: целовать ее в ответ, ласкать, вести. Но когда положил руку ей на талию, она схватила ее и передвинула на бедро, а когда поцеловал в шею, прошептала: "Укуси меня!" Когда же дело дошло до лифчика, она быстро потеряла терпение и расстегнула его сама.
Бесконечные поправки, указания и требования… Приятное чувство собственной мужественности растворилось без следа. Он снова мальчишка, его снова бесконечно воспитывают: объясняют, как вести себя за столом, как одеваться, как развлекать гостей, как быть хорошим мальчиком…
И хотя почти каждый час его беспокоила внезапная и нежелательная эрекция, сейчас ничего не выходило. Не вставал. Он припас в кармане презерватив, Элиза достала из сумочки второй, но похоже было, что ни один сегодня не понадобится.
В душе родилась и стала расти ярость. Это все она виновата — не он! Какого черта она так в него вцепилась? Почему, что бы он ни сделал, все не так? Он бы всю ночь ее трахал, если б она перестала клевать ему мозги и дала сосредоточиться!
И когда Элиза в очередной раз впилась в него ногтями, он схватил ее за запястье.
— Эй, больно вообще-то! — прошипела она.
Стиснув зубы, неотрывно глядя на нее, он выкрутил ей руку, и Элиза сползла с кровати.
— Да что ты творишь?! — то ли прошипела, то ли прокричала она.
Он хорошо знал эту интонацию, этот придушенный крик: так ругала его мать, когда боялась, что услышат соседи. В самом деле, вокруг еще четыре спальни, и стенки в кампусе тонкие, как бумага.
Он молчал — просто смотрел на нее.
Глаза Элизы наполнились слезами. Она потянулась за полотенцем и поспешно прикрыла наготу.
— Пойду помоюсь. А ты лучше выметайся отсюда!
И нетвердыми шагами, оставив дверь открытой, хотя он тоже был раздет, бросилась в ванную.
Он медленно оделся. В ушах стоял звон, перед глазами всплывали яркие сцены. Что, если ворваться к ней в ванную и стукнуть головой о стену? А потом показать, что с потенцией у него всё в порядке! Если ударить как следует — быть может, ему пригодятся оба презерватива…
Но он ясно понимал, что никогда этого не сделает. Нет. Просто оденется и пойдет домой. На вопрос соседа, как прошло свидание, ответит: "Джентльмены о таком не рассказывают". Ха-ха. И если будет осторожен, как-то дотянет до конца занятий в колледже, не сталкиваясь ни с Элизой, ни с ее подругами…
Он вышел из комнаты и хотел уже выйти из корпуса, однако взглянул на дверь ванной, из-за которой доносился шум воды.

В кухне рядом стояло несколько стульев: он взял один и осторожно, стараясь не шуметь, подпер им ручку двери в ванную. Попробовал открыть — стул стоял крепко, и дверь не поддавалась.
Потом выключил в ванной свет.
— Эй, — позвала Элиза. — Занято! Кто там?
Шум воды стих. Он припал ухом к двери. Послышался удар и стон боли: Элиза на что-то наткнулась в темноте. Потом шорох — она пыталась открыть дверь.
— Эй! У меня дверь заело! Эй!
Кричала она не слишком громко. Вокруг еще четыре спальни, и, конечно, Элизе не хотелось, чтобы все их обитательницы обнаружили ее голой в запертой ванной. Как-то это унизительно, верно?
Она дергала дверь, и он чувствовал, как стихает ярость. Элиза наказана. Заперта в темной комнате. Самое подходящее место, чтобы подумать о своем поведении.
— Эй! Выпустите меня! — Теперь в ее голосе звучала тревога.
Она начала стучать в дверь. Уже громко позвала на помощь. А потом начала кричать — и эти крики уже не действовали ему на нервы.
Наконец-то у него встал.

Глава 57

Добравшись до участка, они отправились прямиком в комнату оперативных совещаний. Фостер оглядел карту на стене — крупномасштабную карту Сан-Анджело и окрестностей в радиусе примерно десяти миль.
— Ладно. — Он протянул Зои и Тейтуму голубые маркеры. — Отметим те районы, где, если верить Ермилову, копать проще.
— Почвы Тулия стоит отметить другим цветом, — заметила Зои. — Пока что убийца сосредоточился именно на них.
— Другим цветом? — пробормотал Фостер. — Вечно у вас, федералов, какие-то странные идеи! — Однако вышел из комнаты и вернулся минуту спустя с целым букетом маркеров в руке. — Держите, — сказал он, бросая Зои зеленый маркер.
Та поймала его левой рукой, неожиданно ощутив при этом довольно нелепую гордость, и постаралась сделать вид, что каждый божий день только и делает, что ловит разные предметы.
— Так, — сказал Фостер. — Список у вас есть?
— Есть. — Тейтум развернул список, составленный по указаниям доктора Ермилова. Сходив к ближайшему ксероксу, он сделал две копии списка и раздал их Фостеру и Зои.
Бентли стала отмечать расположение почв Тулия. Каждый пункт в списке представлял собой пару координат и радиус. Она отмечала их на карте зеленым маркером. Один район оказался там, где нашли тело Николь Медина, второй — в месте погребения Мэрибел Хоу. Затем в западной части карты начали появляться новые зеленые круги.
Фостер и Тейтум, стоя вплотную по обе стороны от нее, рисовали свои круги. Скоро вся карта была покрыта голубыми и зелеными отметками.
— Можно еще сузить район поисков, по крайней мере, для начала, — предложила Зои. — Обе жертвы были похоронены менее чем в шести милях от города. Думаю, имеет смысл сосредоточиться на шестимильном радиусе. Потом можно будет его расширить.
Взяв рулон желтой полицейской ленты, Фостер приложил к городу на карте и обвел его неровной чертой.
— Убийца роет ямы вблизи дорог, но, как правило, объездных, малопосещаемых, — сказал Тейтум. — Кроме того, он избегает густонаселенных мест, так что район Грейп-Крик можем исключить. И отмечать стоит только дороги, почву вокруг которых легко вскапывать.
Они начали тщательно, одну за другой, отмечать подходящие дороги. Их было куда больше, чем хотелось бы, и все же поиск замаскированных ям в этих местах выглядел уже вполне осуществимым. Работа на несколько дней.

Наконец были отмечены все дороги.
— Пойду к Дженсену, — сказал Фостер. — Постараюсь выбить из него бюджет хотя бы на один радар. Начинать нужно как можно скорее.
— Надеюсь, поможет местный отдел ФБР, — предложил Тейтум. — Я с ними поговорю.
— А мне нужно поработать с Гарри, — сказала Зои. О письме от убийцы она уже рассказала им в машине. — Подготовить вторую статью.
— Спрошу еще Шелтона, нельзя ли что-нибудь выяснить по электронному адресу, — заметил Тейтум.
Зои рассеянно кивнула.
— Там временный ящик. Вряд ли удастся много накопать, хотя попробовать стоит.
Фостер и Тейтум отправились звонить, оставив Зои в пустой комнате одну. Она устало вздохнула, затем открыла ноутбук и несколько раз перечитала письмо убийцы. Подошла к белой доске, написала на ней три фразы:

> Каждый предпринятый мною шаг необходим и неизбежен
> .

> Всему этому есть причина
> .

> Подождите, пока не узнаете историю целиком
> .

Некоторое время, постукивая маркером по губам, вглядывалась в эти фразы. Затем набрала номер Гарри.
— Как раз собирался вам звонить, — сказал тот. — Прочли?
— Прочла, — ответила Зои. — И у меня есть пара идей.
— Я посмотрел, кто такой этот Генри Ли Лукас. Вы-то, наверное, знаете.
— Серийный убийца. Прикончил очень много народу, сколько именно, точно неизвестно. В какой-то момент он заявлял, что убил три тысячи человек, — на это и ссылается наш неизвестный.
— А вы знаете, где его судили?
Зои нахмурилась.
— Где-то в Техасе. Если не ошибаюсь, его поймал какой-то техасский рейнджер.
— Хотели судить в Остине, но там на суд ломились толпы народу, поэтому процесс перенесли в Сан-Анджело.
Зои шумно выдохнула и снова вчиталась в письмо.
— "В те времена у каждого был среди присяжных друг или родственник", — прочла она вслух.
— Ваш серийный убийца вырос в Сан-Анджело! — гордо сообщил Гарри. — Парень из местных.
— Упоминает, что это обсуждали его родители, — заметила Зои. — В каком году был суд?
— Кажется… в восемьдесят четвертом.
— Значит, если тогда ему было от пяти до десяти, сейчас около сорока, может, чуть больше.
— А почему от пяти до десяти? Что, если ему было тринадцать?
— Тогда он вряд ли стал бы вспоминать, как об этом разговаривали родители. Скорее, вспомнил бы, как обсуждали ребята в классе. — Ей вспомнилось собственное детство, когда ребята в школе не говорили ни о чем другом, кроме как о мейнардском убийце.
— Хм, верно подмечено!

— И теперь ясно, как с ним говорить, — продолжала Зои. — Этот парень состряпал целую историю о своей миссии. Помните сравнение с "
Annus Mirabilis
" Эйнштейна? Он сообщает нам, что у него грандиозный план. Призвание. Этим он хочет поделиться.

— А что вам говорит это призвание? — спросил Гарри. — Как оно поможет составить его профиль?
Зои фыркнула.
— Никак. Призвание — просто сказочка, которую он сам себе рассказывает. Но, разглагольствуя об этом, он может случайно выдать какие-то важные для нас детали. Вывести на что-то реальное.
— Что значит "сказочка, которую сам себе рассказывает"?
— Гарри, люди постоянно лгут самим себе. Кому и знать это, как не вам? И наш парень рассказывает себе красивую, сложную, величественную ложь, чтобы избежать встречи с очень простой и неприглядной правдой.
— Какой правдой?
— Что он закапывает женщин живьем, потому что ловит от этого кайф.

Глава 58

Зои читала статью о Генри Ли Лукасе в "Американском журнале криминалистической психиатрии", когда дверь в оперативную комнату распахнулась и влетела с горящими глазами детектив Лайонс.
— Есть подозреваемый! — задыхаясь от волнения, сообщила она.
Ее радостное возбуждение мгновенно заразило Зои, словно вирус, распространяющийся по воздуху.
— Кто?
— Его зовут Альфред Шеппард. Позвонил на горячую линию.
— Когда?
— Сегодня утром. — Не в состоянии стоять спокойно, Лайонс ходила взад и вперед по комнате. — Этот парень, Шеппард, позвонил часа полтора назад и сказал: он, мол, вспомнил, что видел девушку, похожую на Мэрибел Хоу, в местной пивной с каким-то парнем.
Зои обратилась в слух.
— Вчера его машину останавливали на одном из блокпостов на Шестьдесят седьмом. Фургон, белый "Форд Транзит". Мы решили, что к этому человеку стоит приглядеться повнимательнее. И знаете, что?
— Не знаю.
— Оказалось, что он дважды появлялся возле мемориала Николь Медина!
В самом деле! Слишком много совпадений, чтобы не обращать на них внимания. Зои вскочила, не в силах больше сидеть на месте.
— Родители Николь его знают?
— По имени — нет. Я послала человека показать им фотографии с камеры; может, узнают в лицо.
— Его история подтверждается?
— Мэрибел Хоу действительно была в пивной с другом, сделала с ним селфи и выложила в "Инстаграм", отметив свое местонахождение. Фото запостила за три дня до своего исчезновения. Так что история подтвердилась, но узнать ее мог кто угодно.
Зои кивнула.
— Набрали основания для ордера на обыск?
— Сейчас ищу.
— Мое мнение как специалиста поможет склонить судью на вашу сторону?
— Не повредит.

— А где Шеппард сейчас?
— Мы попросили его приехать и подробно рассказать нам о Мэрибел Хоу и о парне, с которым она была. Сейчас он в допросной номер один. Все еще думает, что помогает полиции.
— С ним там кто-нибудь есть?
— Нет. Я быстренько взяла у него показания и попросила подождать. Он сидит там уже минут пятнадцать. Вот-вот появится Фостер, но я решила и с вами обсудить, как действовать дальше. За допросом можно следить из наблюдательной комнаты. Пойдемте со мной.
Вместе с Лайонс Зои прошла через холл и углубилась в недра полицейского участка. Комнаты для допросов располагались в дальнем конце здания — и не случайно. Всякий, кого вели на допрос, должен был пройти мимо десятка разных отделов, встретить множество копов в форме, детективов, задержанных. Увидеть закрытые двери с табличками типа "Отдел убийств", "Хранилище улик" или "Оружейная". Гражданские, мало знакомые с работой полицейских, в таких интерьерах неизбежно начинали нервничать. А когда человек нервничает, он совершает ошибки.
В правую и левую стены наблюдательной комнаты, маленькой и скудно освещенной, были вделаны односторонние зеркала, выходящие в соседние помещения для допросов. Детектив Фостер, лейтенант Дженсен и Тейтум уже смотрели сквозь стекло на человека в допросной номер один.
Он был лыс, одет в белую футболку и вытертые, заляпанные грязью джинсы. Руки скрестил на груди, правой ногой отстукивал по полу какой-то энергичный ритм.
— Как он сюда попал? — без предисловий спросила Зои. — На своей машине или его кто-то подвез?
— На своей. Машина на парковке, — ответил Фостер. — Сейчас ее осматривают.
— Надеюсь, только снаружи! — встрял Дженсен. — У нас нет причин…
— Просто заглянут в окна и сделают несколько снимков, — резко ответил Фостер. Как видно, сегодня он был не в настроении уламывать и улещивать лейтенанта.
— Ладно, — сухо ответил Дженсен. — А права ему зачитали?
— Нет. Он не арестован, — ответил Фостер.
— Детектив, мне не нужен еще один такой же скандал, как с делом Уитфилд! Будьте добры зачитать ему права.
— Тогда он не скажет нам ни слова, — вмешалась Зои. — Нельзя дать ему понять, что он под подозрением. По крайней мере, не сразу. Да и не обязаны вы зачитывать ему права, пока он не под арестом.
Дженсен упрямо замотал головой.
— Его провели через весь полицейский участок в комнату для допросов, закрыли за ним дверь и надолго там оставили. Умелый адвокат легко докажет, что он чувствовал себя задержанным.
— Он приехал на собственной машине, — повысив голос, возразил Фостер. — И может уйти, когда захочет. Если он что-то скажет, мы получим невынужденное признание.
— А он знает, что вправе уйти? Нет, не знает. Просто не устраивайте из этого шума, детектив. Скажите: перед тем, как начать разговор, вам необходимо кое-что ему зачитать. Или пусть детектив Лайонс зачитает. Намекните, что это пустая бюрократическая формальность.
Фостер сделал такое движение, словно хотел броситься на лейтенанта. Заметив это, Лайонс положила руку ему на плечо и сказала поспешно:
— Давайте сначала заведем с ним разговор. Посмотрим, что он скажет. Если все будет выглядеть подозрительно, зачитаем ему права. Без этого никаких обвинений высказывать не будем. Так пойдет?
Дженсен немного поколебался, но в конце концов пробормотал:
— Ладно, приемлемо.
Зои взглянула в одностороннее зеркало на Шеппарда.
— Только будьте внимательны. Если это тот, кого мы ищем, на очевидных вопросах его не поймать. К ним он готов. Постарайтесь сбить его с толку.

Глава 59

— Извините, что заставили вас ждать, мистер Шеппард. Нужно было сначала кое-что проверить.
Голос Фостера звучал из динамика. Акустическая система создавала легкое эхо, и Тейтума это отвлекало. За зеркалом Фостер и Лайонс сидели напротив Альфреда Шеппарда. На плече у Лайонс висела сумка с ноутбуком. В руках у обоих были толстые папки. У Фостера — настоящее дело Мэрибел Хоу, подкрепленное пачкой пустых страниц, у Лайонс — папка фальшивая.
— Ничего. Понятно, что вы сейчас очень заняты, — ответил Шеппард хриплым голосом завзятого курильщика.
— Мистер Шеппард, мы очень ценим вашу помощь, — заговорила Лайонс. — Как вы, наверное, слышали в новостях, расследование ведется по нескольким направлениям, и ваши показания, надеюсь, помогут нам сузить список подозреваемых.
Зои наклонилась к микрофону:
— Он не хочет слышать то, что уже есть в новостях. Сделайте вид, что даете ему эксклюзивную информацию.
Лайонс мигнула — возможно, показала, что услышала, а может, и просто так. Затем начала рассказывать о подробностях дела. Не говорила ничего такого, чего нельзя узнать из газет и с новостных сайтов, однако излагала все таким тоном, словно рассказывает об этом в первый раз и по секрету.
— А она молодец! — заметил Тейтум.
— Не могли бы вы рассказать нам о том вечере, когда видели Мэрибел Хоу? — С этими словами Фостер бухнул на стол свою папку и достал из нагрудного кармана блокнот и карандаш.
— Э-э… да, конечно. Было это несколько недель назад. Двадцать шестого июля. В день рождения моего друга мы пошли посидеть в пивную. Там я и увидел ту девушку…
— Мэрибел Хоу. — И Фостер положил перед ним большое цветное фото, извлеченное из папки. Мэрибел Хоу в парке, на фоне реки, улыбается в камеру, и ветер играет прядью ее волос. Прекрасная фотография, одна из лучших в ее "Инстаграме".
— М-м… ну да. Она была с парнем. Около шести футов росту, черные волосы, борода. Я их заметил, потому что они о чем-то спорили и девушка выглядела вроде как расстроенной. Я даже подумал, не подойти ли к ним, но друг меня убедил, что не стоит.
— Мистер Шеппард, это очень полезная для нас информация! — сказала Лайонс. — Мы пытаемся составить список возможных подозреваемых и сосредоточились на нескольких людях. Ваше описание полностью соответствует одному из наших основных подозреваемых. Ваши слова крайне важны!
Все это была наглая ложь, однако Шеппард клюнул: расправил плечи и улыбнулся детективу.
— Очень рад, что могу вам помочь.
— Так, расскажите нам подробно, что вы видели, — попросил Фостер.
— Ну, они сидели в кабинке, и парень вроде как малость наезжал на нее. Я не слышал, что он говорил, но девушка… Мэрибел выглядела расстроенной.
— Насколько расстроенной?
— Ну… сложно сказать. Несчастной.
— Были ли еще какие-то признаки того, что они ссорятся? Кроме того, каким тоном говорил мужчина?
— Да нет. Говорю же, самого разговора я не слышал. Да и ушли они быстро.
— Попробуйте его расшевелить, — сказала Зои в микрофон. — Вдруг изменит историю.
— Он не совершал никаких насильственных действий? — спросил Фостер.
— Да нет, что вы! Если б он ее бить начал, я бы, конечно, не стал сидеть и смотреть.
— А может быть, делал какие-то угрожающие жесты?
— Э-э… нет…
— Наседал на нее, теснил, прижимал к стене? — с надеждой в голосе спросила Лайонс.

Шеппард, казалось, ненадолго задумался.
— Знаете, вот сейчас, когда вы сказали, я вспомнил… да, пожалуй, он этак угрожающе над ней нависал. Поэтому я и подумал, что надо бы вмешаться.
— Она была просто расстроена? Или плакала? — спросила Лайонс.
— Не знаю. Когда они уходили, может, и плакала.
— Говорит все, что от него хотят услышать, — заметил Тейтум.
— Ага, — согласилась Зои. — Ничего такого, что кто-то другой мог бы потом опровергнуть, — но он явно старается угодить.
Лайонс снова начала рассказывать Шеппарду, какую пользу он принес обществу своими показаниями, и при этом как бы невзначай обронила: есть, мол, еще одно, более раннее дело, по-видимому, связанное с этим, которое они тоже хотели бы с ним обсудить. Шеппард обратился в слух.
— Я бы сказала, у нас есть шансы с вашей помощью поймать Убийцу-Землекопа! — сказала Лайонс.
— Отлично! — ответил Шеппард.
— Даже не поморщился, — прошептал Тейтум.
— Уже привык? — заметил Дженсен.
— Может быть, — пробормотала Зои. Пока Фостер раскладывал на столе фотографии, она не сводила глаз с подозреваемого. — Фото с места преступления его явно не смущают.
— И что это означает? — спросил Дженсен.
— Что ему недостает эмпатии. Хотя в Интернете изображения насилия кишмя кишат. Любой, кого интересует насилие, может найти там что угодно и в любых количествах. Хотя, конечно, одно дело — какая-то случайная фотография с кровью-кишками, и совершенно другое — разложившийся труп человека, которого ты видел живым…
— Он убийца?
— Он живо интересуется этим делом. Но это еще не значит, что он убил.
Еще немного поговорили. Фостер пару раз упомянул прозвище "Землекоп". Никакой реакции.
— Теперь одежда, — прошептала Зои.
Дженсен кивнул, взял со стола пакет с уликами и вышел из комнаты. Секунду спустя появился в допросной, деревянным шагом прошел к столу и объявил театрально:
— Детектив Фостер! Одежда!
— Такому актерскому мастерству и пятилетка не поверит, — с досадой пробормотал Тейтум.
— Не важно, — ответила Зои. — Посмотри на Шеппарда — он и не заметил!
В самом деле, Шеппард, как завороженный, уставился на прозрачные пакеты, в которых лежали одежда и обувь Мэрибел Хоу — то, в чем ее нашли.
— Вам знакомы эти предметы? — спросил Фостер, раскладывая пакеты на столе. — Что-то из этого было на девушке, когда вы ее видели?
— Э-э… туфли вроде.
Дженсен мялся у стола, не зная, что делать дальше. Фостер бросил на него многозначительный взгляд. Лейтенант подмигнул ему и вышел из комнаты.
Теперь по столу были разбросаны в продуманном беспорядке улики и фотографии с места преступления — и на Шеппарда это подействовало. Он еще более нервно задергал ногой. Фостер и Лайонс вновь начали расспрашивать его о встрече с Мэрибел, задавая и дополнительные вопросы. Был ли с ней кто-то еще? В вечер исчезновения она была с подругами — кого-то из них он там не видел?
Задавая вопросы, Фостер встал, начал ходить по комнате, а потом снова сел, теперь справа от Шеппарда, придвинув стул к нему вплотную. Шеппард оказался зажат между ним и стеной. Чтобы выйти, ему пришлось бы попросить детектива его пропустить.
— Не нравится мне это! — пробормотал Дженсен. — Подозреваемый как в ловушке. Хороший адвокат непременно на это укажет.
— Стандартная техника допроса, — невозмутимо заметил Тейтум. — Мы в ФБР всегда так делаем. И потом, видите, он показывает ему фотографии? Всегда можно сказать: просто сел так, чтобы было удобнее.
Дженсен промолчал, но ненадолго приободрился.

— Я хотела бы показать вам фрагмент видео, отснятого Убийцей-Землекопом, — сказала Лайонс, расстегивая сумку и доставая оттуда ноутбук.
— Конечно. — Шеппард кивнул.
Лайонс включила компьютер и запустила первое видео: Николь Медина зовет на помощь. Тейтум не сводил глаз с Шеппарда. Тот, явно забыв обо всем, смотрел на экран с открытым ртом.
— Смотрите-ка, его это явно возбуждает! — воскликнул Дженсен.
Видео шло несколько минут; Шеппард не отрывал глаз от экрана.
— Вы знаете, кто это? — спросила Лайонс.
Он взглянул на нее — и тут же снова уставился на экран.
— Еще одна жертва.
— Видели это видео раньше?
— Нет, только фотографии в газетах.
Она начала задавать вопросы о Николь Медина. Шеппард отвечал коротко и расплывчато: все его внимание поглощал экран.
— Похоже, наш человек, — пробормотал Тейтум.
— Не знаю, — вполголоса ответила Зои. — Скорее нет. Реакция не сходится.
— Почему? Посмотри, он же глаз оторвать не может! Разве не этого ты ждала?
— У убийцы дома хранятся оба видео. Скорее всего, полных. Могу спорить, каждое из них он пересмотрел несколько десятков раз. Наверняка у него и любимые эпизоды есть. А этот парень разве похож на человека, который все это уже двадцать раз видел?
— Может… ну, знаешь, бывают такие удовольствия, что каждый раз — как в первый.
Зои взглянула на него, подняв бровь.
— Тогда он не стал бы убивать новых девушек. Нет, убийца сделал бы вид, что ему это отвратительно. Или посмотрел бы несколько секунд с равнодушным видом и отвернулся. Но вот так? — Она покачала головой. — Сомневаюсь.
Прошло еще несколько минут. Крики Николь, искаженные слабым эхо от акустической системы в наблюдательной комнате, били по нервам.
— Ладно, теперь моя очередь, — пробормотал Тейтум, вставил в ухо наушник и вышел из наблюдательской. Остановился снаружи и немного поморгал, привыкая к яркому свету: если он появится в допросной моргающим и со слезами на глазах, это, пожалуй, смажет впечатление. Подождав секунду, толкнул дверь.
В комнате воняло потом — ни зеркала, ни динамики этого не передавали. Шеппард, оказывается, обильно и пахуче потел. Когда Тейтум вошел, все взгляды устремились на него.
— Мистер Шеппард, — сказал он, — я агент Грей, ФБР. Составлю вам компанию до конца разговора.
— А… конечно. Пожалуйста.
Тейтум прислонился к стене и скрестил руки на груди. На этом его роль заканчивалась. Стоять у двери, перекрывая выход, — и всем своим видом напоминать, что ты федеральный агент. Пусть Шеппард понервничает.
Фостер и Лайонс продолжили допрос. Встречался ли Шеппард когда-нибудь с Николь Медина? Не видел ли ее с тем же человеком, что был с Мэрибел Хоу? Новые фотографии, много фотографий: стол почти скрылся под ними. Фостер и Лайонс свою задачу выполняли на "отлично".
— Мистер Шеппард, — сказал вдруг Фостер, — скажите нам, пожалуйста, где вы были двенадцатого августа в восемь вечера?
Еще одна идея Зои. Дата выбрана наугад. Никто из девушек в этот день не пропал — и вообще, насколько им известно, ничего не случилось. Зои рассуждала так: убийца, разумеется, подготовил алиби на те вечера, когда похищал своих жертв, но если спросить его о другой дате, то можно застать врасплох. Он удивится, начнет спрашивать себя, что им известно. Это выбьет его из колеи.
Так оно и вышло.
— А… а что? Не понимаю, какое это имеет отношение к…
— Надо уточнить кое-что из ваших показаний, — спокойно ответила Лайонс. — Касательно того мужчины, которого вы видели. Так где вы были?

— Я… мне нужно припомнить… Я что, подозреваемый? — Его взгляд метнулся к Тейтуму, затем снова к Лайонс.
— Разумеется, нет. — Последняя пожала плечами. — Вы здесь, чтобы помочь нам.
— Ну… да.
— Так вы помните, что делали тем вечером?
Шеппард испуганно завертел головой.
— Не нравится мне это! — раздался в наушнике у Тейтума голос Дженсена. — Фостер, вы задаете ему прямые вопросы. Я хочу, чтобы вы зачитали ему права. Второе дело Уитфилд мне здесь не нужно!
— Не надо, — послышался голос Зои. — Вопрос о дате, никак не связанной с преступлениями. И мы обо всем этом заранее договорились.
— Я… кажется, я был дома, — сказал Шеппард.
— Кто-нибудь может подтвердить ваши слова? — спросил Фостер.
— Ловкий адвокат на основании вот этой сцены весь протокол интервью сделает недействительным! — истерически заорал в ухе Дженсен. — Фостер, прочтите ему права, немедленно!
— Да что вы за идиот! — рявкнула Зои. — Ведете себя, как…
Тут связь прервалась — видимо, Дженсен выключил микрофон. Тейтум мысленно выругался, осознав свою ошибку. Он ушел в допросную, чтобы создать дополнительное давление на подозреваемого, — но при этом оставил Зои наедине с Дженсеном. А если есть на свете что-то, на что Зои неспособна в принципе, — это общаться с людьми, подобными лейтенанту, и держать себя в руках.
— Э… я… кажется, один был… или нет, подождите… — Шеппард облизнул губы. На заднем плане Николь Медина издала долгий, полный отчаяния стон. Взгляд Шеппарда метнулся к экрану, затем к Тейтуму. Выглядел он, словно зверь, загнанный в угол, который вот-вот совершит ошибку.
В этот миг дверь допросной распахнулась, и в комнату влетел Дженсен с листком "правила Миранды" в руках.
— Мистер Шеппард, — начал он. — Прежде чем мы двинемся дальше, прошу вас подписать вот это. Ничего особенного, простая формальность. Здесь сказано, что вы знаете свои права. Что имеете право на адвоката, и все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Ну, как в кино…
Он положил бумагу на стол, поверх фотографии Мэрибел Хоу, и лучезарно улыбнулся.
Шеппард взглянул на бумагу и нахмурился.
— С какой стати мне это подписывать? Я просто пришел помочь.
— Такая процедура… — пробормотал Дженсен.
С каждой секундой нить допроса все плотнее сплеталась, все туже затягивалась вокруг Шеппарда искусная паутина. С каждым движением ловушка закрывалась все плотнее, и все сложнее становилось выбраться из нее невредимым. Однако пришел Дженсен — и легким движением слона в посудной лавке все разрушил.
— Я что, арестован? — спросил Шеппард.
Фостер тяжело вздохнул.
— Нет, мистер Шеппард. Вы просто пришли нам помочь.
— А… ну… тогда я пойду, наверное. Я вам все уже рассказал, что знал. Да и час поздний. Пора домой.

Глава 60

— Когда ты позвонила, я удивился, — сказал Джозеф после того, как они заказали ужин. — Думал, ты сейчас дома с сестрой.
Они сидели в том же ресторане, где встретились впервые. Зои заказала тот же стейк: при одной мысли о нем заурчало в желудке.
— Я отложила вылет. Вернусь, наверное, во вторник.
— С ней все в порядке?

— Да.
Зои улыбнулась, вспомнив сообщение, полученное от сестры всего час назад. С тех пор, как Марвин окончательно переселился к ним домой, Андреа слала ей гифки с ворчливыми стариками из "Маппет-шоу". И, кажется, наслаждалась его обществом.
Бармен поставил перед ними напитки. Зои заказала, как обычно, "Гиннесс", Джозеф — пинту "Шайнера".
Бентли отхлебнула пива, слизнула пену с верхней губы, смакуя густой, словно у сметаны, вкус. Она была рада встрече с Джозефом. Тейтум предлагал заказать еду в номер и поговорить о деле, но Зои нужно было передохнуть. Горький привкус от того, как Дженсен одним махом разрушил все их усилия на допросе, смешался с усталостью от постоянных размышлений о мотивах убийцы. Все это измучило ее, и теперь хотелось поговорить о чем-нибудь другом.
— Так что ты делал в пятницу вечером? — спросила она.
— Ходил с друзьями в кино. — Джозеф пожал плечами. — Было весело.
И стал рассказывать, как девушка, сидевшая впереди, настолько бурно реагировала на происходящее на экране, что в конце концов он уже смотрел не на экран, а на нее. Зои слушала с улыбкой, вполуха, невольно возвращаясь мыслями то к Андреа, то к Шредингеру, то к Альфреду Шеппарду. Нет, Шеппард — не их человек. Почти наверняка. Если уж строить догадки, скорее всего, он увлекается серийными убийцами, а теперь съехал с катушек оттого, что настоящий живой убийца орудует совсем рядом, у них в городе. Если б Лайонс получила ордер на обыск, скорее всего, у него дома нашли бы кучу книг и фильмов о прославленных маньяках прошлого.
Но сам он никого не убивал.
Конечно, на всякий случай за ним установили наблюдение, но… И снова она ощутила прилив гнева, вспомнив, как Дженсен несколькими словами разорвал их тщательно сплетенную паутину.
— О чем задумалась? — спросил Джозеф.
Зои встрепенулась. В ресторане было непривычно тихо, половина столиков вокруг пустовала. И атмосфера казалась непривычно подавленной для субботнего вечера.
— Что-то здесь пусто. У вас по субботам всегда так?
Джозеф поднял бровь.
— Может, ты не слышала, но у нас по городу бродит серийный убийца.
— Действительно. Совсем забыла.
— Кстати, как дело? Прогресс есть?
— Кое-какой есть, да. Несколько направлений выглядят многообещающими.
— Я читал твое интервью чикагской газете, — сказал Джозеф. — Ты, похоже, вполне уверена в себе.
— Мы таких людей успешно ловим уже много лет. И потом у нас есть преимущество.
— Какое?
— Знаешь, я бы не стала…
Тут зазвонил телефон. Зои бросила на Джозефа виноватый взгляд и взяла трубку. Тейтум.

> — Не хочу мешать твоему
> свиданию
> , — начал он, сделав на последнем слове какое-то странное ударение, которого Зои не поняла, — но у меня тут кое-что есть.

— Что?
— Шелтон выслал нам в помощь команду на машине с ППР…
— ППР?
— Подповерхностный радиолокатор. И они уже нашли одну яму.
Зои громко ахнула и хлопнула ладонью по барной стойке, вызвав несколько недовольных взглядов других посетителей.
— Где?
— На севере. В полумиле к северу от Грейп-Крик. Почвы Тулия.

— К северу от Грейп-Крик? — Бентли встала, одними губами прошептав Джозефу: "Сейчас вернусь". — Далеко от Сан-Анджело?
— В пяти с половиной милях.
— Почти на краю нашего периметра… — Она открыла дверь и вышла наружу. На улице было уже темно, но стояла все та же сухая жара. Впрочем, к техасской погоде Зои уже начала привыкать. — Не стоит ли нам расширить ареал поисков?
— Он и так велик, — ответил Тейтум. — На ночь поиски прекратили, а завтра выходной, так что продолжим не раньше понедельника. Что ж, пока и так неплохо.
— Расскажи про яму.
— Шесть футов глубиной, прямоугольная, прикрыта двумя большими деревянными щитами, сверху около пятнадцати дюймов земли. В нескольких ярдах от дороги, в укромном месте. Всё как мы и ожидали.
— Фостер установил там наблюдение?
— Сейчас пытается организовать. Дженсен негодует: уже второй наблюдательный пост, которого мы от него требуем, да еще и в выходные. Но Лайонс говорит, никуда он не денется. И наблюдение они организуют, даже если самим придется там стоять.
— Тейтум, это фантастическая новость!
— Знаю. — В его голосе слышалась улыбка. — Ладно, не буду отрывать тебя от ужина. Будет еще что-нибудь новенькое — позвоню.
— Спасибо!
Она дала отбой и, пробираясь между пустыми столиками, вернулась на свое место. Пока ее не было, принесли ужин.
— Хорошие новости? — спросил Джозеф.
— Да, есть прогресс… Боже, какой чудный запах! Умираю от голода!
Зои отрезала большой кусок стейка и немедленно отправила его в рот, наслаждаясь сочным нежным мясом. Прожевала, проглотила и с улыбкой обратилась к Джозефу:
— Андреа я никогда этого не скажу, но здесь жарят стейки так, как ей и не снилось!
— Добро пожаловать в Техас. — Джозеф улыбнулся. — Знаешь, я никогда не встречал женщину, которая умеет так наслаждаться едой!
— Может быть, не с теми женщинами встречался?
— Конечно, не с теми — иначе давно носил бы обручальное кольцо.
— Хочешь жениться?
— Еще как! — Он бросил на нее лукавый взгляд. — Не тревожься. Делать тебе предложение я пока не готов.
Она фыркнула.
— Да ты и не успеешь, я уезжаю через два дня!
— Зря ты меня недооцениваешь. Если помнишь, гоняться за девушками через всю страну я уже пробовал. — И он покатился со смеху. — Да не надо смотреть с таким ужасом — я не собираюсь тебя преследовать!
Секунду спустя Джозеф сообразил, что сказал что-то не то, и сразу посерьезнел.
— Ох, прости, я не хотел…
— Не переживай! — ответила Зои; она и сама смеялась.
Некоторое время они ели молча. В самом деле, вокруг было чертовски пусто. Интересно, знает ли убийца, как напугал жителей города? Бентли попыталась представить, где он сейчас, чем занимается. Может, бродит вокруг дома новой жертвы, так же, как караулил у домов Мэрибел и Николь, ждет, чтобы она ушла куда-нибудь и вернулась к ночи? Но ведь так может пройти несколько недель. Возможно, им удастся поймать его прежде, чем следующая жертва попадет к нему в руки. А если он навестит одну из своих ям и попадет в засаду?
От этих мыслей ее отвлекла яркая вспышка. Взглянув в ту сторону, она увидела, как компания молодежи, притиснувшись друг к другу, делает групповое селфи за столиком. Зои смотрела на них, закусив нижнюю губу. А что, если она ошибается? Если убийца вовсе не караулит своих жертв возле домов?
— О черт! — пробормотала она.
— Что? — спросил Джозеф.

Лайонс говорила, что Мэрибел Хоу постоянно обновляла "Инстаграм". Мать Николь Медина рассказывала, что дочь вечно сидела в телефоне, болтала с подругами. Обе девушки вели активную жизнь в соцсетях. Как же она это упустила?!
Порывшись в сумочке, Зои достала телефон и зашла в инста-профиль Мэрибел Хоу. Множество комментов от скорбящих друзей. Аккаунт открытый. Поискала профиль Николь Медина — и сразу его нашла. Тоже открытый аккаунт.
— Похоже, в профиле убийцы я упустила кое-что важное, — сказала она.
Последнее фото Николь Медина перед смертью — с вечеринки. Даже указано место. Любой, кто просматривал ее "Инстаграм", знал, куда она пошла и с кем — и мог угадать, что вернется поздно. Все, что требовалось от убийцы, — спрятаться возле ее дома и подождать.
— Что упустила? — спросил Джозеф.
Не обращая на него внимания, Зои переключилась на профиль Мэрибел Хоу. Да, вот ее последняя фотография — с подружкой на выходе из кинотеатра.
Убийца следил за жертвами через социальные сети! Ждал, пока они куда-нибудь отправятся вечером, и отправлялся караулить их у дома. Возвращались они поздно. В темноте. Когда все вокруг уже спят. И до дома оставалось всего несколько шагов, так что они теряли бдительность.
Эта мысль тяжело ее поразила. Выходит, убийце нет нужды выбирать заранее какую-то конкретную жертву! Он может просматривать десятки аккаунтов. Сотни. Даже сейчас, когда все напуганы, кто-то из его потенциальных жертв обязательно продолжит тусоваться и гулять по ночам!
В голове Зои роились идеи. Что, если подсунуть ему наживку — создать фальшивый аккаунт? Такое делать им уже приходилось. Что, если выделить "группу риска" и поставить под наблюдение? Что, если проверить, кто заходил на страницы Мэрибел и Николь, и посмотреть, на каких еще страницах бывали эти люди?
— Мне пора, — сказала вдруг Зои. — Извини.
— Ты даже стейк не доела, — расстроенно заметил Джозеф.
— Я… да, верно. — Она помахала бармену. — Заверните мне с собой, пожалуйста.
— Может, увидимся сегодня попозже? Я не собирался рано ложиться спать. Звони мне, когда захочешь.
Зои окинула его долгим взглядом. Эта мысль пришлась ей по душе.
— Договорились, — ответила она наконец. — Позвоню.

Глава 61

Такого дерьмового дня рождения у Джулиет еще не было! Даже в семь лет, когда аниматор в костюме медведя еще долго снился ей в кошмарах. Даже в четырнадцать, когда прямо на вечеринке ее бросил сукин сын Роджер Харрис. Она всегда говорила себе: не стоит ждать от дня рождения слишком многого. Меньше ожиданий — меньше разочарований. Но что все обернется
так
плохо!..

Еще вчера она с нетерпением ждала вечеринки. Создала событие в "Инстаграме": девять друзей оставили пометки "приду" и еще пятеро — "может быть". Заранее заказала большой стол в "Роннис", уже мысленно представляя, как все хором поют "С днем рождения тебя", а она задувает свечу на шоколадном торте.
"Не жди слишком многого, Джулиет. А лучше вообще ничего хорошего не жди".
Потому что в Сан-Анджело объявился серийный убийца, и черт его дернул всплыть именно накануне дня ее рождения! Так что пять "может быть" быстро превратились в "не приду", девять "приду" — в "может быть", а в личку полетели письма с извинениями.
Хотите знать, сколько ее друзей все-таки появились на вечеринке? Двое.

Точнее, одна Тиффани. И Луис, ее бойфренд. Джулиет он не друг: честно говоря, она всегда считала его озабоченным козлом. Но хоть не трус, и то радует.
По крайней мере, одного унижения она избежала — не пришлось сидеть за длинным столом всего с двумя гостями. Ресторан был почти пуст, так что они могли выбрать любой столик. Но каждую минуту Джулиет косилась в сторону большого стола и думала: ну что бы этому убийце хоть пару дней подождать? Веселилась бы она сейчас там в компании друзей… и даже не знала бы, что все они предатели.
Гребаный шоколадный торт со свечой Джулиет вообще не взяла.
Тиффани очень старалась ее развеселить, но голос у нее заметно дрожал; то и дело подруга поглядывала на часы и напоминала, что хорошо бы разойтись пораньше. Можно подумать, серийные убийцы работают по расписанию. "Девять вечера — пора на охоту!"
Впрочем, Джулиет не возражала. В полупустом ресторане было на редкость уныло. Все на нервах. Официантка уже предупредила их, что сегодня "Роннис" закрывается рано. Немногие посетители тревожно зыркали по сторонам, словно хотели удостовериться, что не остались здесь последними. "Безопасность — это главное": фраза дня. То, что Джулиет и сама писала в ответ на сообщения типа: "Извини, очень хотела прийти, но сама понимаешь…" Ну да. Понимает.
Веселился один Луис. Хотя представления о веселье у него были своеобразные. Ржал как конь, отпускал похабные шуточки, беспрерывно лапал Тиффани — и над столом, и, как скоро оказалось, под столом тоже. Несколько раз, протягивая грабли к коленкам Тиффани, случайно натыкался на ногу Джулиет. А может, и не случайно. Кто его знает. И когда Тиффани в очередной раз подскочила на стуле и взвизгнула, Джулиет попросила счет.
Домой они ехали на машине Луиса, и тот беспрерывно лез Тиффани под юбку. Смотреть противно, и в то же время почему-то глаз не отвести. Джулиет страстно мечтала поскорее добраться до дома.
Где-то на полпути Луис предложил "устроить тройничок в честь праздника" и первый громко заржал. Одна из тех веселых шуток, про которые понимаешь, что они не совсем шутки.
Тьфу, пакость какая! Когда же они доедут?
Он остановил машину возле ее дома, и Джулиет вышла.
— Хочешь, проводим тебя до дверей? — вдруг посерьезнев, спросил Луис.
Она уже почти сказала "да" — честно говоря, новости о серийном убийце и ее напугали, — но представила себе, как всю дорогу Луис будет лапать Тиффани, а та — хихикать и взвизгивать, а на крыльце, пожалуй, еще снова предложит "тройничок"…
— Да нет, не надо. Правда. — И старательно улыбнулась, думая, что не стоит обижать ребят, — как бы там ни было, они все-таки ее не бросили. — Спасибо, что пришли!
— С днем рождения тебя, солнышко! — сказала Тиффани. — Завтра позвоню.
— Мы подождем тут, пока ты не войдешь в дом, — добавил Луис.
Может, он все-таки не такой козел, как кажется? Ну, озабоченный… но это ведь не самый страшный порок.
Вокруг стояла жаркая душная тьма. Мама много раз спрашивала, не хочет ли ее домовладелец поставить перед домом фонари. И каждый раз Джулиет отмахивалась, думая про себя: "Вечно найдет, чем меня достать!" — но сейчас вдруг поняла, что мама права. Два-три фонаря здесь точно бы не помешали.
Да ладно, ерунда. Дверь дома меньше чем в двадцати ярдах от дороги.
Она двинулась вперед по песчаной тропинке. Почти сразу споткнулась: высокий каблук зацепился за корень или еще что-то такое. Эта дорожка вообще не для туфель на каблуках.
Через несколько ярдов в кустах раздался шорох. Джулиет замерла. Машина Луиса сзади, она слышит включенный мотор; но можно ли разглядеть Джулиет в такой темноте? И что, если кто-нибудь выпрыгнет из кустов, схватит ее и утащит во тьму? Что будут делать Луис и Тиффани?
Охваченная страхом, Джулиет бросилась бежать. Вновь споткнулась и едва не упала, однако удержалась на ногах. Оказавшись на крыльце, дрожащей рукой начала нашаривать в сумочке ключи. Где же они? Где?
Наконец нащупала знакомое кольцо в форме дельфина, вытащила звякнувшие ключи, нашла нужный, вставила в замок. Дверь со щелчком отворилась.

Джулиет торопливо включила свет — и в гостиной, и снаружи, на крыльце. Глубоко вздохнула, стараясь успокоить сбившееся дыхание. Перешагнув порог, обернулась. Луис и Тиффани помахали ей из машины. Джулиет, старательно удерживая на лице улыбку, помахала в ответ.
Машина тронулась с места.
Что за кошмарный вечер! Слава богу, он подошел к концу. Теперь — в туалет и спать.
Джулиет повернулась, захлопнула дверь ногой… но дверь у нее за спиной не захлопнулась.
Она хотела обернуться, и в этот миг чужая рука схватила ее за правое плечо, а к горлу прижалось что-то холодное и острое.
— Не кричи — порежу. Поняла? — проговорил хриплый злой мужской голос за спиной.
Джулиет застыла, не в силах ни шевельнуться, ни вздохнуть.
— Если поняла, просто кивни.
Невероятным усилием она сумела дернуть голову вниз.
— Теперь иди вперед. Прямо на кухню. Без резких движений.
И Джулиет пошла. Казалось, тело, сделанное из желе, растекается. Даже если она решит сопротивляться — ударить его локтем под ребра и бежать, или обернуться, схватить за руку с ножом и укусить, — просто не сможет. Все силы сейчас уходили на то, чтобы удержаться на ногах.
Значит, он все-таки ждал ее во тьме. Терпеливо дожидался, пока уедет машина. А потом шагнул в дом за ней следом, прежде чем она успела закрыть дверь.
— Мой парень спит в спальне, — едва слышно, надтреснутым голосом произнесла Джулиет. — И вот-вот проснется.
— Нет у тебя никакого парня. Вы расстались четыре месяца назад, помнишь? Ты еще написала очень трогательный пост.
— Что вы со мной сделаете? — Ее глаза заволоклись слезами.
Они вошли на кухню. В темном окне Джулиет увидела свое отражение, и за спиной у себя — мужской силуэт.
— Не плачь. Сегодня твой день рождения, верно? — Он подтолкнул ее к кухонному столу. — Садись.
Стул тонул во тьме. Если она сядет — наверное, уже не встанет. Пока остается на ногах, у нее есть шанс. Можно вырваться и броситься бежать. Можно начать сопротивляться. Схватить что-нибудь, ударить его и…
Вдруг она ахнула от острой, ослепляющей боли в шее.
— Порез совсем неглубокий, — прошептал мужчина ей на ухо. — Могу и глубже.
Джулиет осторожно села на стул. Всхлипнула еще раз, и еще. Она плакала почти беззвучно и не могла остановиться. По шее стекала за воротник липкая струйка крови.
— Постарайся успокоиться. Вот, попей. — Он отпустил ее руку и поставил перед ней бутылку минеральной воды.
Она открыла крышку и сделала пару глотков. Поставила бутылку на стол.
— Так лучше? — спросил он.
— Пожалуйста, не делайте мне больно!
Он молчал — не шевелился и не произносил ни слова. Только держал у ее горла нож. И по-прежнему сжимал ее плечо. Не заснул там часом? Джулиет снова задумалась о том, чтобы вскочить, дать ему ногой по яйцам и броситься бежать.
Слегка дернула головой.
— Не шевелись.
Она застыла.
Текли секунды. Джулиет не понимала, что происходит. Блузка на плече уже сильно намокла от крови. Это действительно неглубокий порез? Или она сейчас умрет?
Ее подташнивало, кружилась голова. Руки и ноги стали вдруг очень тяжелыми. Может быть, от потери крови. Хотя не так уж много она потеряла…
Нет. Это не рана и не кровь. Он что-то подмешал в воду.
— Что… — с трудом произнесла она — тяжело было даже шевелить языком. — Что…
Он наклонился и тихо запел ей в самое ухо:
— С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя, с днем рожденья, Джулиет, с днем рожденья тебя!

Глава 62

Сан-Анджело, Техас, воскресенье, 11 сентября 2016 года

Спал он меньше трех часов и проснулся перед рассветом. Пожалуй, не отказался бы вздремнуть еще пару часиков, однако вот-вот должна была проснуться девушка, и безопаснее было закончить работу сейчас, на восходе солнца, прежде чем поднимутся прочие жители города.

Впрочем, есть что-то и в том, чтобы пробуждаться на рассвете, ранним воскресным утром, и прислушиваться к тишине. Все спят, и легко вообразить, что ты один в целом мире.

Контейнеры с землей и ящик с девушкой внутри он загрузил в фургон еще с вечера, перед тем как лечь спать. Осталось сесть за руль, выехать из гаража и отправиться в путь.

Уже на улице он вдруг задумался о том, не забыл ли что-то нужное. Припарковался у тротуара, проверил сумку. Ноутбук, одноразовый телефон, шнур, перчатки. Лопата и прочее — в багажнике.

Вот что забыл: солнечные очки! Мало приятного будет ехать обратно под слепящим солнцем. Вернуться за ними? Пожалуй, не стоит. Ничего страшного. Будет ему урок в следующий раз.

Над ним сияли небеса того нежного темно-голубого оттенка, что встречается лишь ранним утром, до восхода, когда еще видны самые яркие звезды. Он ехал, напевал себе под нос какую-то мелодию, и чувствовал, как растет внутри радостное возбуждение.

Последний отрезок пути был ухабистым и неровным. Эту яму он выкопал в довольно труднодоступном месте. Один раз, наткнувшись на камень, подумал даже, что сейчас спустит колесо…

Сзади послышались приглушенные звуки. Девушка просыпалась.

Он остановил машину, взял сумку и, открыв дверь, выпрыгнул наружу. Яма, разумеется, снаружи незаметна — но как он мог забыть, где она? Достал лопату и принялся очищать доски от верхнего слоя земли и песка. На это ушло меньше пяти минут. Что-что, а копать он умеет как профи!

Воткнул лопату в землю, приподнял левую доску…

И тут у него упало сердце.

Часть земляной стенки обрушилась и засыпала яму почти до половины. Черт! Когда это произошло? Проверял ведь яму две недели назад — все было в порядке! Чтобы убрать отсюда всю эту землю, уйдет часа два, не меньше.

Девушка за спиной испустила приглушенный крик.

Что делать? Ехать в другое место? Есть несколько возможностей, однако менять планы в последнюю минуту не хотелось. И потом, ближайший его "тайник" полиция уже нашла.

Нет. Ничего он не будет менять. Яма по-прежнему подходит для его задачи. Какая разница, зарыть ли тело на глубине шести футов или трех? Погребение есть погребение. Глубина могилы важна только ему самому.

Приняв решение, он сразу почувствовал себя лучше, открыл заднюю дверцу фургона и вытащил ящик — легко, как проделывал уже сотню раз. Пожалуй, это самое сложное: в одиночку дотащить ящик до могилы и ровно туда поставить.

Перед самой ямой он остановился и подсоединил к камере провод. С Мэрибел Хоу забыл сделать это вовремя, пришлось спускаться в яму. Неприятно. Но теперь он человек опытный, глупых ошибок не допускает.

Ящик с глухим стуком упал в яму, и девушка внутри вновь приглушенно вскрикнула. Не обращая на нее внимания, он достал ноутбук, подсоединил к камере. Затем вывалил землю из контейнеров, одного за другим. Включил компьютер. Несколько секунд — и на мониторе материализовалось изображение девушки в самодельном гробу. Наконец-то!

Подхватив лопату, он бросил на ящик первую порцию земли. Девушка кричала все громче — но пока никто, кроме него, ее не слышал.

Глава 63

Ясно было, что этой ночью никому долго спать не пришлось. И у Тейтума, и у Фостера, и у Лайонс вокруг глаз чернели такие же круги, какие Зои, когда встала, видела в своем зеркале. Несмотря на воскресное утро, еще до девяти часов все трое собрались в участке. Фостер заварил суперкрепкий кофе, и они начали.
Зои заснула уже после двух часов ночи… одна. Когда они с Тейтумом закончили обсуждать дело, она написала Джозефу, но тот не откликнулся. Должно быть, все-таки лег спать. Теперь все сидели в оперативной комнате.

— Итак, — сказал Фостер, потирая лоб. — Из письма, которое прислал мне агент Грей в два часа ночи
, я понял, что у вас появились какие-то новые идеи.

— Да, — ответила Зои. — Поначалу мы предполагали, что убийца следит за жертвой лично: бродит возле ее дома, ждет, чтобы она ушла вечером и вернулась поздно. И хватает ее, когда она возвращается домой, — ночью, в темноте, пока все вокруг спят.
— Угу.
— Но что, если он следит за несколькими жертвами сразу? И не лично, а через социальные сети? Скорее всего, в основном через "Инстаграм". Проверяет профили девушек, и когда они пишут, что куда-то идут, или отмечают свое местоположение вдали от дома, понимает, что у него появилась возможность. Отправляется к ним домой и ждет.
— Профили Мэрибел Хоу и Николь Медина подходят под эту гипотезу?
— Подходят, — раньше Зои отозвалась Лайонс. — Последнее фото Мэрибел — она выходит из кинотеатра. А Николь в последний раз отметила себя на вечеринке.
— И у обеих открытые аккаунты, — добавила Зои.
— Хм-м… Значит, поначалу мы думали, что он следит за девушками лично, поэтому знает, где они живут. Но если следит только в Интернете, как выясняет их домашние адреса?
— Мало ли способов выяснить чей-то адрес, — ответил Тейтум. — В случае Николь она всегда отмечала на фото свое местоположение, так что достаточно было посмотреть на локацию фото, сделанных у нее дома.
— Мэрибел Хоу была чуть более осторожна, — добавила Зои. — Сама свое местоположение не отмечала. Зато она использовала "Мьюзикал. ли".
— Я в социальных сетях не очень, — признался Фостер. — Что такое "Мьюзикал. ли"?
— Приложение в социальных сетях, где люди постят себя поющими, — объяснил Тейтум. — "Мьюзикал. ли" по умолчанию отмечает, где вы находитесь. Многие пользователи об этом даже не знают.
— Аккаунты Мэрибел в "Мьюзикал. ли" и "Инстаграме" связаны, — добавила Зои. — Так что любой за пять минут мог выяснить ее адрес.
Фостер тяжело вздохнул.
— Что ж, звучит очень похоже на правду. И что нам делать?
У Зои зазвонил телефон. Это Гарри — должно быть, хочет обсудить следующую статью. Она отклонила звонок, решив перезвонить ему через пять минут.
— Можно проанализировать профили местных пользователей соцсетей и предупредить тех, кто в группе риска, — предложил Тейтум.
— Или подсунуть ему наживку, — добавила Зои.
— Мы с Зои спорим. Я не большой фанат этой идеи, — отреагировал Грей.
— Я так уже делала!
— И сама мне сказала, что в тот раз девушку едва не убили.
— Потому что наблюдали за ней криворукие идиоты! А у нас это сработает.
— А что за наживка? — прервал их спор Фостер.
— Ну, нам нужно создать… — У Зои снова зазвонил телефон. Снова Гарри. Она вздохнула. — Извините, это может быть важно.
Ответила на звонок.
— Гарри? Что-то вы рано встали с утра в воскре…

— Я получил новое письмо.
Голос Гарри звучал серьезно, даже мрачно, словно говорил не назойливый циничный журналист, к которому она привыкла.
Зои нахмурилась.
— Что…
— Там всего одна фраза: "Может быть, это заставит вас подумать". И ссылка. На третье видео.
Зазвонил телефон у Фостера, и Зои вздрогнула.
— Фостер, — сказал тот в трубку. — Помедленнее… Что?!
— Что за видео? — быстро спросила Зои у Гарри.
— Третья девушка. Сейчас пришлю ссылку. — И он повесил трубку.
Телефон пискнул: пришла ссылка на видео. Зои кликнула по ней, и на экране появился знакомый вебсайт. Шредингер, "Эксперимент номер три".
А затем началось видео. Девушка в тесном пространстве, с заткнутым ртом и выпученными от ужаса глазами.
— Диспетчер получил звонок от матери девушки по имени Джулиет Бич, — заговорил Фостер. — Сегодня утром она не смогла дозвониться Джулиет по телефону, пошла к ней домой и увидела кровь… — Тут он умолк и уставился на Зои с телефоном в руке.
Та показала ему экран.
— Только что получила от Гарри, журналиста.
Лайонс уже набирала что-то у себя в телефоне. Секунду спустя показала им экран: профиль Джулиет Бич в "Инстаграме".
— Вот она. Последний пост — вчера вечером. Идет праздновать свой день рождения.
— Значит, видео совсем недавнее, — сказал Фостер. — Не исключено, что прямой эфир.
Теперь все столпились вокруг телефона Зои.
— Зачем он ей рот заткнул? — через несколько секунд молчания спросила Лайонс. — Другим не затыкал.
— Потому что теперь его методы всем известны. Жертвы знают, что их снимают на видео, — объяснила Зои. — Он не хочет, чтобы жертва сказала что-нибудь, что может нам помочь.
— А что там в углу? — спросил Фостер. — Какая-то коробочка.
Зои вгляделась туда, куда он указывал. В самом деле, небольшая металлическая коробка с зеленой надписью и очень знакомым символом.
Череп и кости. Яд.

Глава 64

Карта на стене казалась огромной. Зои беспомощно шарила по ней взглядом. Где искать жертву? Слишком много вариантов.
— Мне нужен радар! — кричал в трубку Фостер. — И как можно скорее! Каждая минута на счету!
На самом деле все понимали: скорее всего, радар им не поможет. В почвах Тулия слишком много глины.
Фостер приказывал диспетчеру собрать всех поисковых собак в округе и запросить помощи у полиции Абилены и Мидленда.
— У полиции штата тоже! — кричал он, прижав трубку к уху. — Нам нужны все чертовы собаки, какие есть!
Тейтум по своему телефону говорил с Шелтоном, обсуждал поиск цифровых следов. Письма, полученные Гарри, веб-сайт, посетители "Инстаграма" Джулиет — на всем остались цифровые отпечатки, которые могли вывести на след убийцы. Или не вывести.
Какофония голосов мешала Зои сосредоточиться. Она отошла к стене, прижала пальцы к вискам. Где может быть девушка? Думай!

— Эта коробочка в ящике, рядом с девушкой, — раздался рядом негромкий голос Фостера. — Там кислота, верно? Совсем как рассказывала та ученая. Теперь этот ублюдок затеял эксперимент с кислотой.
Зои прикусила губу.
— Возможно. Хотя… маловероятно.
— Почему?
— Его заводит другое. Он явно наслаждается, когда хоронит женщин живьем и следит, как они медленно умирают от нехватки воздуха. Смерть от кислоты — совсем не то, что ему нужно. И потом для организации такого убийства нужны технические навыки, которые он пока не демонстрировал.
— Тогда… что же это такое?
— Фейк, — ответила Зои, очень надеясь, что голос звучит уверенно. — Реквизит.
— А если…
— Трансляция остановилась! — объявил вдруг Тейтум. — Все оборвалось.
— Уже? — Фостер поспешил к экрану. — Да ведь и пятнадцати минут не прошло!
Но Тейтум был прав. Вместо девушки они видели лишь черный экран.
* * *
Он сидел у себя в подвале, с легкой улыбкой наблюдая, как борется за жизнь погребенная девушка. Пожалуй, эта лучшая. Единственное, что ему не удавалось предсказать, — как поведет себя жертва, когда попадет в могилу: такие вещи люди обычно не постят в "Инстаграме". Но эта просто идеальна. Крики, рывки, слезы на щеках, огромные испуганные глаза…
Кляп и связанные руки — пожалуй, отличное дополнение. Раньше он об этом не думал, однако теперь так и будет действовать дальше. Когда связаны руки и заткнут рот, картинка выходит еще более… отчаянная.
— Подумай, — шептал он девушке на экране, — подумай над своим поведением!
Кнопка под видео была красной — положение "оффлайн". Он поколебался. Может, пора продолжить трансляцию?
Нет. Подождем еще несколько секунд.
Он отпил воды из стакана, мыча себе под нос прилипчивый мотивчик, услышанный по радио несколько дней назад.
Ладно. Пора.
Он нажал мышью на кнопку, и красный цвет сменился зеленым. Прямой эфир продолжается!
* * *
— Снова началось! — крикнула Лайонс.
И действительно, на экране опять появилась девушка.
— Похоже, у него были технические проблемы. — Фостер висел на телефоне, отдавая распоряжения диспетчерам: направить патрульных к дому Джулиет, домой к ее матери, поговорить с друзьями, с которыми она встречалась накануне.
— Не думаю, что технические, — ответила Зои. — Вот здесь видно, сколько времени длится видео, — оно не останавливалось. Он сам выключил трансляцию. А потом включил.
— Зачем?
— Это и есть эксперимент номер три. Дело не в кислоте. Он с нами играет. Помните, что говорила доктор Кобб? Состояние суперпозиции. Каждый раз, когда он прекращает трансляцию, мы не знаем, жива Джулиет Бич или мертва. Она в обоих состояниях одновременно. Контейнер с кислотой нужен, чтобы мы думали, что он может открыться в любой момент. Чтобы увеличить неопределенность — для нас. Заставить гадать, жива она или мертва.
— Или это настоящий контейнер с кислотой.
— Нет, не настоящий.
— Очень интересно, — раздраженно хмыкнул Фостер. — А теперь, может, скажете что-нибудь полезное? Карта необъятная, а у меня всего две собаки и один дешевый радар, да и тот барахлит. Где нам искать в первую очередь?
Поколебавшись, Зои ответила:

— У профайлеров есть так называемая географическая формула. Позволяет рассчитать примерное расстояние, на котором преступник нанесет следующий удар, исходя из допущения, что, по статистике, каждое преступление совершается все дальше и дальше от дома. Но… метод очень неточный. И требует расчета некоторых переменных, связанных с психологическим портретом преступника.
— Звучит сложновато… Зои, у нас совсем нет времени!
— Ничего особенно сложного. Просто математика.
Бентли села и начала писать в блокноте, восстанавливая формулу по памяти. Этому методу она никогда вполне не доверяла — слишком часто видела, как преступники действуют вне буферных зон, предсказанных формулой. А кроме того, терпеть не могла неопределенность.
Но надо же откуда-то начать…
— Ну? — нетерпеливо спросил Фостер.
— Секунду, — ответила она, еще раз просматривая выписанные на листок переменные, соображая, насколько те соответствуют географии предыдущих убийств. Да, более или менее соответствуют. Будь у нее хоть полчаса, можно было бы рассчитать точнее…
— Шесть-восемь миль от его дома, — объявила она. — Для простоты можем исходить из того, что живет он в центре Сан-Анджело. Предыдущие места преступлений этому соответствуют.
Лайонс уже отмечала на карте места поиска, а Фостер, снова схватив телефон, приказывал отправить туда всех кинологов с собаками, каких смогли найти.
* * *
Джулиет не могла дышать. Ощутила это, едва очнулась, и чувство не уходило. Тьма, кромешная тьма окутывала ее невесомым покрывалом, липла к телу, не отпускала. Перекрывала доступ воздуха.
Джулиет кричала, кричала, пока к горлу не подступила рвота, и лишь тогда усилием воли заставила себя остановиться. Во рту кляп; можно задохнуться и умереть.
Впрочем, наверное, смерть и так неизбежна.
Лежа на спине неподвижно, она могла вообразить, что находится в огромной темной комнате. Однако любое движение разрушало эту иллюзию. Стены тюрьмы смыкались вокруг нее со всех сторон. Деревянная крышка ящика — меньше чем в двух дюймах от носа. Попытавшись поднять ногу, она ударилась коленом о дерево.
В горле першило, между ног было жарко и влажно. Она обмочилась чуть раньше, когда давление в мочевом пузыре стало нестерпимым. Воспоминания о прошлом вечере были отрывочными и бессвязными. В ресторане с Тиффани и Луисом… в машине… а что потом? Обрывки образов и ощущений вспыхивали и гасли в сознании, словно светлячки. Нож, приставленный к горлу. Чужая хватка на плече. Кислый запах чужого пота.
Она снова начала кричать. И зарыдала. А потом затихла, чувствуя, как смыкаются тьма и тишина.
И вдруг… какой-то звук. Что это? Ритмичное бам-бам-бам… Что-то очень знакомое! Басы! Музыкальный ритм. Где-то рядом, не очень далеко, кто-то слушает громкую музыку! И она закричала опять, напрягая все силы, чувствуя, что горло вот-вот разорвется от крика.
Музыка стихла.
Теперь ее все-таки вырвало. Рвота заполнила рот, пошла носом, перекрыла ноздри.
Джулиет не могла дышать.
* * *
— Что за звук? — спросил вдруг Тейтум.
— Какой звук? — нахмурилась Зои.
Звуков вокруг было примерно миллион: Фостер и Лайонс, перекрикивая друг друга, говорили по телефонам, трещала и хрипела полицейская рация, настроенная на поисковую волну, видео включалось и выключалось еще четыре раза, и каждый раз напряжение в комнате росло так, что его можно было руками потрогать: никто не знал, вернется ли трансляция или это конец.
— Какой-то звук на видео. — Тейтум оглянулся вокруг. — Фостер! Лайонс! Ради бога, заткнитесь хоть на секунду!

Все замолчали, Фостер выключил радио. Остались лишь звуки, доносящиеся с экрана телефона. Тихий плач Джулиет. И что-то еще. Размеренное ритмичное "бам-бам-бам".
— Музыка! — сказал Тейтум.
— Кто-то поблизости слушает музыку? — недоверчиво переспросил Фостер. — Думаете, что, возможно, она не похоронена?
— Нет, нет, слушайте! Стихает, — сказала Зои.
В этот момент Джулиет начала отчаянно кричать сквозь кляп, и ее крик заглушил басы.
— Скорее всего, мимо проехала машина, в которой громко играла музыка, — сказала Зои. — Эта жертва зарыта не так глубоко, как предыдущие.
— Отлично, собакам будет проще, — заметила Лайонс.
— Что-то не так. — Тейтум склонился над экраном. — Взгляните на нее!
Джулиет отчаянно дергалась и металась в своих путах. В углу рта сквозь кляп проступила пена. Из ноздри вздулся пузырь жидкости. Зои перевела взгляд на металлическую коробочку, спрашивая себя, неужели все-таки ошиблась — но контейнер с "кислотой" оставался закрыт. А в следующий миг она поняла, что происходит.
— Ее только что вырвало! — воскликнул Фостер. — Она давится. Черт!
Чувство беспомощности было почти невыносимым. Все, что они могли сделать, — смотреть, как несчастная девушка, с широко раскрытыми глазами и судорожно сокращающимся горлом, дергается в тесной клетке. Она мотала головой, билась ею о деревянные стенки, поцарапав себе лоб. Зои затаила дыхание: ей казалось, она сама заперта в ящике и борется за жизнь.
Но вот из ноздри Джулиет вырвался еще один пузырь, и она затихла. Заморгала, судорожно раздувая ноздри. Все-таки продышалась!
Тейтум медленно выдохнул.
— Едва не… — проговорил он.
— Еще бы немного… — выдохнула Лайонс.
— Музыка, — снова заговорил Тейтум. — Надо найти машину, в которой играла музыка. Отследив ее маршрут, мы сможем понять, где Джулиет.
Фостер молча смотрел в пространство.
— Фостер, вы меня слушаете? Скажите патрульным, чтобы останавливали всех, у кого громко включена…
— К черту! — Фостер уже набирал номер на телефоне. — Есть идея получше. — Он приложил телефон к уху. — Вот что: скажи всем патрулям, чтобы включили музыку и проигрывали ее через громкоговоритель. Так громко, как только могут, поняла? Если проедут мимо места, где ее закопали, мы их услышим. Да, верно. И скажи, чтобы песни выбирали такие, где побольше басов. Как можно больше. Только скоординируй их друг с другом, чтобы разные песни ставили, не одну и ту же!
Он включил радио, где диспетчер уже передавала патрулям его инструкции, и широко улыбнулся остальным:
— Вот теперь, пожалуй, мы ее найдем!

Глава 65

В горле першило, во рту стоял тошнотворный вкус рвоты. Джулиет уже почти не двигалась — не было сил. И даже мысли о том, что воздух скоро закончится и она умрет, не вызывали прежнего ужаса.
В голове пульсировала боль. По виску что-то стекало — должно быть, кровь. Страшно болели плечи: несколько часов она пролежала с руками, связанными за спиной. Кисти совсем онемели. Первое время Джулиет пыталась шевелить пальцами, чтобы не прекращался приток крови, но теперь уже не думала об этом. Ей хотелось одного — чтобы все закончилось. Уже неважно как.
Сколько она здесь лежит? Целую вечность. Воспоминание о музыке над головой стало расплывчатым, нечетким, словно из сна. Наверное, вообще почудилось.

И вдруг, будто услышав ее мысли, наверху вновь послышалась музыка. На этот раз она звучала по-другому. Неприятная, визгливая, с каким-то треском.
Однако сил на крик не осталось.
Потом музыка стихла, и Джулиет погрузилась в забытье.
* * *
— Пока не идет трансляция, мы с каждой секундой теряем шансы, — мрачно заметил Фостер.
Экран оставался черным уже три с половиной минуты — пока что самый долгий перерыв в вещании. Если убийца решил прекратить ее совсем, Джулиет обречена. Даже если трансляция возобновится, велика вероятность, что за это время кто-то из патрульных проехал мимо могилы, но теперь они об этом не узнают. Фостер делал все возможное для координации поисков — каждый раз, когда прекращался прямой эфир, приказывал остановиться и патрульным: но в поисках Джулиет участвовали уже четырнадцать полицейских машин с орущей из динамиков музыкой, и слаженно действовать им становилось сложно.
Что еще хуже, диспетчерская разрывалась от телефонных звонков. Граждане Сан-Анджело, тихим воскресным утром разбуженные музыкой на полной громкости, вовсе этому не обрадовались и принялись дружно набирать 911. Вперемешку с ними звонили перепуганные люди, наткнувшиеся на видео с Джулиет. Пробиваться через все это и продолжать координировать поиски было все труднее. Лейтенант Дженсен, появившийся в участке часом раньше, вызвался решить эту проблему, но, по мнению Зои, только ухудшил ситуацию.
— Снова пошло! — воскликнула Бентли.
На экране появилось лицо Джулиет. Она лежала с закрытыми глазами; грудь вздымалась и опускалась.
— Там музыка! — сказал Фостер. — Слышите?
Музыка уже стихала, однако он был прав; на видео определенно звучал слабый, но размеренный и ритмичный звук басов.
— Что за песня? — спросил Тейтум.
Зои прислушалась, напрягая все силы, чтобы различить ритм и сопоставить с чем-то, ей известным.
— Это… какой-то рэп, кажется?
— Подождите, — сказал Фостер. — Сейчас запрошу у диспетчера список песен.

— "
Swing My Door
"! — воскликнула Лайонс.

Все уставились на нее.

— "
Swing My Door
", поет Гуччи
[24]
. — Она закатила глаза. — Не знаете? Вы все что, только что из анабиоза вышли?

Фостер схватил микрофон переносной рации.
— Диспетчер, это пять-тринадцать. У кого играет Гуччи?
Секундное молчание.
— Пять-тринадцать, диспетчер. Вызываю машину девять-ноль-два.
— Принято. Где находится?
Радио затрещало, а затем сквозь треск помех прорвался второй, мужской голос:
— Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Я на Саут-Барма-роуд, примерно через минуту буду на Арден-роуд.

— Принято, девять-ноль-два. Остановитесь. Скажите, у вас играет… э-э… "

Swing My Door
"?

— Пять-тринадцать, подтверждаю.
— Девять-ноль-два, это пять-тринадцать. Развернитесь и двигайтесь в обратном направлении. Я скажу вам, когда остановиться.
— Принято, пять-тринадцать, начинаю движение.
Фостер с облегчением выдохнул.
— Диспетчер, это пять-тринадцать.
— Слушаю.
— Направьте людей с радаром и кинологов в расположение девять-ноль-два.
— Пять-тринадцать, поняла.
Фостер приглушил громкость рации, из которой доносился голос диспетчера, отдающего новые распоряжения кинологам.
— Вот так. Где он сейчас?
— Дорога здесь. — Лайонс показала на карте. — И вот тут, рядом, участок почвы Тулия. Похоже, все сходится.
— Отлично! — сказал Фостер. — Теперь, как только услышим музыку…
— Эфир прервался, — объявила Зои.
Экран снова погас.
* * *
Убийца не сводил глаз с кнопки трансляции, стоящей в положении "выключено". Сердце отчаянно билось. Его поразила новая ужасная мысль.
В первый раз, услышав звуки музыки из проезжающей машины, он просто пожалел о том, что закопал жертву неглубоко. Это нарушило чистоту эксперимента. Ему не хотелось слышать никаких посторонних звуков — только крики, стоны и плач.
Во второй раз музыка играла еще громче, и были в ней какие-то неприятные скрипуче-визгливые нотки, от которых мороз подирал по коже. Кто-то слушал песню не только на полной громкости, но и через совершенно ужасную аудиосистему.
Добрых пять минут прошло, прежде чем он понял, что это ему напоминает. Громкоговоритель патрульной полицейской машины. Тот, через который обычно водителям приказывают остановиться. Похоже, кто-то начал проигрывать через громкоговоритель музыку. Но зачем…

И вдруг его осенило. Они так ищут девушку! Пытаются вычислить, где она, с помощью его же собственного видео
!

Он выключил трансляцию, дрожа всем телом, говоря себе, что ошибся. Ничего подобного, разумеется! Просто мимо проехал какой-нибудь тинейджер с кошмарной стереосистемой и дурным музыкальным вкусом.
И все же его глодал страх.
Схватив телефон, он нашел номер офицера Ричарда Руссо — приятеля, с которым они не раз вместе пили пиво. Набрал дрожащей рукой.
Дик ответил после третьего гудка. На заднем плане слышалась настоящая какофония — рев и грохот музыки.
— Привет, Дик! — заговорил убийца. — Как ты?
— Привет, чувак, — ответил Дик. — Слушай, я тебе перезвоню…
— Послушай, я вчера купил два стейка и упаковку пива. Не хочешь заглянуть на огонек?
— Не могу! — перекрикивая оглушительную музыку, ответил Дик. — Я на задании. Нас всех сорвали из дому. Тот убийца закопал еще одну девушку, и мы ее ищем.
— Черт, ужас какой!.. А что у вас там играет? Вы что, в ночном клубе ее ищете?
— Да нет, чувак. Диспетчер велела нам поставить музыку. Мол, это как-то поможет в поисках.
— А… — Он хотел сказать что-нибудь еще, но не смог: вдруг пересохло в горле, и забылись все слова.

— А стейк для меня придержи; надеюсь, к вечеру освобожусь. Идет?
— Конечно. Удачи тебе, Дик, — выдавил он наконец и повесил трубку.
Его охватил черный ужас. На видео звучала музыка из патрульной машины — значит, приблизительное место захоронения им уже известно. Совсем скоро они его найдут.
Убийца отчаянно старался припомнить предыдущий вечер. Видела ли девушка его лицо? Может быть. А может, и нет. Будем надеяться, что нет. Она была в таком страхе…
Компьютер!
Ноутбук на месте преступления, все еще подключенный к камере. Ничего страшного в самом компьютере они не найдут — аппарат использовался только для загрузки видео. Однако на клавишах могли остаться отпечатки пальцев. А еще сами клавиши и щели между ними — настоящий склад клеток кожи, ногтей, хлебных крошек и так далее. И все это — образцы ДНК.
Первая мысль была — вскочить, схватить сумку и бежать на юг. Через три часа он доберется до мексиканской границы.
"Хватит! Не паникуй! Думай!"
Время у него еще есть. Видео транслировалось с небольшой задержкой. А теперь он отключил трансляцию. Полиция не знает точное место захоронения — лишь приблизительное. Надо добраться туда раньше, отсоединить компьютер и унести с собой.
Он вскочил и бросился к дверям. Дорога каждая минута. Может быть, даже успеет раскопать могилу и придушить девушку… И к тому времени, когда на место подъедет полиция, там не останется ничего, что могло бы его разоблачить.

Глава 66

Секунда шла за секундой, и у Зои падало сердце. Трансляция видео началась более шести часов назад — и тридцать семь минут назад прекратилась. Похоже, совсем. Надежда на то, что она возобновится, таяла с каждой минутой. Очевидно, убийца решил, что они посмотрели достаточно.
Две команды кинологов с собаками обследовали район, пока безуспешно.
— Предположим, что это был не прямой эфир, — заговорил Фостер, озвучивая грызущую Зои тревогу. — Трансляция шла с задержкой. Будем надеяться, небольшой, на несколько минут. Нужно понять, на каком участке маршрута девять-ноль-два нам сосредоточиться в первую очередь.
Взяв маркер, он обвел широким кругом перекресток, где они остановили патрульного.
— Вот сюда он добрался. Ехал от Восемьдесят седьмого шоссе вниз по Барма-роуд. А до этого — по Восемьдесят седьмому от Рыбачьего озера. — Фостер обозначил маркером маршрут. Тот проходил мимо нескольких отмеченных на карте участков с почвой, подходящей для рытья.
— Думаю, весь вот этот район можно исключить, — сказал Тейтум, указывая на северную часть маршрута. — Слишком близко к Грейп-Крик. Убийца не стал бы копать в густонаселенном месте.
— И я так думаю, — согласился Фостер. — А как насчет остальных?
Зои опустила глаза на исчерканную страницу блокнота. Весь последний час она так и этак играла с переменными формулы Россмо, используемой в географическом профайлинге — и, кажется, нашла набор переменных, верно описывающих случаи Николь и Мэрибел. Если немного изменить их, основываясь на том, что ей известно о психике преступника…
Насколько уверенно он чувствовал себя с третьей жертвой?
Зои задумалась о письме, полученном Гарри. Ярости, которой было пропитано предыдущее письмо, в нем не чувствовалось. Напротив, складывалось впечатление, что убийца доволен собой. Да, он уверен в себе.
— Нам нужен район на расстоянии от восьми до десяти миль до его дома, — сказала она.
— Вы же говорили, от шести до восьми! — поправил Фостер.
— Я говорила, что метод неточный, — огрызнулась Зои.
— Так… тогда дорогу в районе озера исключаем. И Саут-Барма-роуд тоже.

Все дружно уставились на карту.
— Или здесь, или здесь. — Лайонс указала на две обведенные кружками территории вблизи Норт-Барма-роуд.
— Что скажете? — спросил Фостер.
— Южнее, — без колебаний ответила Зои. — Там не Тулия, почва другого типа. Доктор Ермилов говорил, что копать ее трудно.
— И что?
— Сейчас убийца похоронил жертву в неглубокой могиле. И на это была какая-то причина.
Фостер схватил микрофон портативной рации.
* * *
По дороге на место он проехал мимо трех патрульных машин и каждый раз замирал от страха. К тому времени, как добрался, сердце стучало в груди, словно дятел, долбящий дупло. Нервно оглядываясь, он выбрался из машины. Если его сейчас заметят — всё, конец.
Он так нервничал, так боялся, что не сразу нашел место, — и перепугался еще сильнее, даже заплакал от досады. Что за ирония судьбы: издевался над полицией, не способной обнаружить его жертв, а теперь сам столкнулся с той же бедой! И все же нашел. Вот почти незаметные приметы. Россыпь мелких камешков на песке. Легкая неровность почвы. Тайные знаки, непонятные никому, кроме него.
Ноутбук и одноразовый телефон здесь, рядом, в сумке, присыпанной песком. Он отсоединил от компьютера шнур, ведущий к подземной камере, выключил телефон, бросил и то, и другое в кузов фургона. Тревога немного утихла.
Теперь девушка.
По дороге на место он убедил себя, что она наверняка его видела. Так что нужно избавиться от нее до приезда полиции.
Убийца выхватил из кузова лопату и с силой воткнул в землю. Могила неглубокая, думал он, управлюсь за несколько минут.
Раскапывать могилу целиком и не надо. Все, что нужно, — добраться до "гроба".
Убийца торопливо работал лопатой. Дыра уходила все глубже в землю. Нещадно палило солнце: жара, словно в аду. Он обливался пóтом, но продолжал копать — резкими, дергаными движениями, в которые вкладывал весь свой страх и всю ярость.
Лопата ударилась о дерево. Он зачерпнул еще песка и начал расширять дыру, обнажая бледные деревянные доски.
Надежда, что девушка могла уже задохнуться, угасла: едва лопата в первый раз ударилась о ящик, оттуда раздался громкий крик.
Он снова бросился к фургону, оставил лопату в кузове и достал оттуда кувалду, мысленно похвалив себя за то, что на всякий случай всегда возит ее с собой. Морщась от боли в натруженных мышцах, подтащил кувалду к яме.
Голова девушки прямо здесь. Их разделяет только деревянная крышка ящика. Два или три удара по крышке — вот и все, что ему нужно.
Он поднял кувалду и нанес первый удар. Однако бить приходилось под неудобным углом: он чуть не вывихнул плечо, а кувалда лишь скользнула по деревянной крышке, поцарапав поверхность.
Девушка внутри снова отчаянно завопила. Убийца ударил во второй раз — и попал по земле. Черт! Дыра слишком узкая, толком не размахнешься.
Он перехватил кувалду и попробовал другую тактику: бил вертикально, со всей силы.
Бам!
С треском откололась большая щепка. Так-то лучше… Да, вот так, пожалуй, получится!
Бам!
Вмятина в доске. Отлично!
Бам!
Он обливался потом, руки дрожали. Еще несколько минут работы, и…
И тут до него донесся далекий вой сирен.
Он отчаянно заработал кувалдой. Бам, бам, бам!
Но дерево слишком прочное! Будь у него еще хоть десять минут!.. Нет ни одной. Сирены все ближе. Надо бежать.

Громко всхлипнув, он бросился к фургону, прыгнул за руль и захлопнул за собой дверь. Рукоятка кувалды больно уперлась в грудь; постанывая, он пытался отодвинуть кувалду и одновременно завести мотор.
Возвращаться тем же путем нельзя — сирены доносятся с той стороны. Сейчас полиция мчится по этому грязному проселку сюда, к нему. Он нажал на педаль и рванул вперед по бездорожью.
* * *
— Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Слышите меня?
По голосу чувствовалось, что патрульный бежит. Обращался он уже напрямую к Фостеру, минуя диспетчера, позабыв обо всех правилах и протоколах, — да и никто здесь о них не вспоминал. В комнате стояло напряженное молчание. Зои не спускала глаз с Фостера, пока он отвечал в микрофон:
— Это пять-тринадцать, говорите.
— Я здесь с двадцать вторым, — сказал патрульный. "Двадцать вторым" назывался отряд, состоящий из кинолога с собакой, высланный на Норт-Барма-роуд. — Собака что-то учуяла, бежит вперед. И повсюду свежие следы шин.
— Девять-ноль-два, это пять-тринадцать. В какую сторону двигаетесь?
— Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Идем на запад. Я… подождите. — Пауза. — Яма в земле! Здесь кто-то копал!
Зои и Тейтум переглянулись.
— Почему яма не прикрыта? — пробормотала Зои. — Не нравится мне это!
— Девять-ноль-два, подходите осторожно, — сказал в микрофон Фостер. — Подозреваемый может быть рядом.
— Понял, пять-тринадцать. Подходим к яме. Собака тянет прямо туда.
Наступила мертвая тишина. Стихли все переговоры по рации. Другие патрульные, должно быть, тоже замерли и напряженно ждали вестей.
— Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Подошли к яме. В ней определенно зарыто что-то деревянное.
— Девять-ноль-два, это пять-тринадцать. Девушку слышите?
— Ничего не слышим. Копаем.
— Может быть, кончился воздух, — сказал Тейтум.
— Или там все-таки была кислота, — добавила Лайонс.
— Не было, — твердо ответила Зои.
Хотела бы она сама в это верить! Страшно даже подумать, что в ящике они обнаружат изуродованный, изъеденный кислотой труп. Зои пыталась убедить себя, что не ошиблась, — но не могла. Правда в том, что никто не в состоянии точно знать, как мыслит убийца.
— Девять-ноль-два, это пять-тринадцать… — начал Фостер — и замолчал.
Оно и понятно. Что тут скажешь? "Копайте быстрее"? "Что у вас там происходит"? Оставалось только ждать.
* * *
Болело все. Мир вокруг расплывался и тонул во мраке. Истощенная и измученная, Джулиет была на грани потери сознания. Сверху доносились какие-то звуки, и она знала, что это должно бы ее беспокоить. Что это важно. Однако не могла пошевелиться, не могла издать даже стон.
Мысли ее вернулись во вчерашний день — день рождения. Не следовало отказываться от шоколадного торта со свечкой. Теперь она понимала, какую ошибку совершила. Нежный, тающий во рту шоколад, огонек свечи, друзья, поющие "С днем рождения!", — пусть и всего двое… как это теперь ее порадовало бы! Жаль, что нельзя вернуться назад. Задуть свечу. Сказать Тиффани, как она благодарна ей и Луису, что они все-таки пришли… Обнять Томми, чмокнуть в курносый нос и услышать его смех…
Что-то заскрежетало по дереву у нее над головой.
А в следующий миг ее ослепил яркий, невероятно яркий свет. Джулиет зажмурилась и попыталась отвернуться. И какое-то прекрасное, немыслимо сладостное ощущение… Ветерок! Господи, свежий воздух! Она вдохнула как можно глубже, чувствуя что-то… что-то столь огромное, что даже не могла это назвать и осознать.

— Эй, ты как? Пошевелиться можешь? О господи!..
Руки на лице. Кто-то вынимает изо рта пропитанный рвотой кляп. Джулиет была не в силах говорить — только дышала, дышала и никак не могла надышаться.
Рядом послышался голос:
— Пять-тринадцать, это девять-ноль-два. Нашли девушку. Жива!

Глава 67

Джулиет лежала на больничной кровати. Руки и ноги казались непомерно тяжелыми, перед глазами все плыло. Трудно было сосредоточиться. После пребывания взаперти в кромешной тьме от яркого света и красочного мира вокруг кружилась голова. Джулиет закрывала глаза, чтобы отдохнуть — но долго отдыхать не удавалось: страх, что все исчезнет, что, открыв глаза, она снова окажется в ящике под землей, не давал уснуть. Полицейские сказали, что в могиле она провела от восьми до четырнадцати часов. Неправда, ответила Джулиет. Она лежала там целую вечность! Неправда, неправда, повторяла она, схватив полицейскую за запястье, чтобы та ее услышала и поверила. Тогда ей что-то вкололи, и на время Джулиет охватило блаженное равнодушие ко всему. Она плыла в полудреме, словно в теплой воде, — и очнулась только, когда медсестра выключила свет. Тогда Джулиет начала кричать. Когда поняли, что успокоить ее не удастся, свет вновь включили.
Мама просидела с ней пару часов и обещала завтра привезти Томми. Джулиет была рада, когда она ушла. Мама всегда очень много говорит, когда волнуется; слишком утомительно.
Теперь кто-то снова вошел к ней в палату. Та женщина-детектив, и с ней двое незнакомцев. Они представились: агент Грей и Зои Бентли. Кто такая эта Зои, тоже агент ФБР или полицейская, Джулиет не поняла.
— Джулиет, — начала Зои. — Мы надеялись, что ты постараешься что-нибудь вспомнить. Это очень поможет нам поймать преступника.
Вспомнить… Меньше всего ей сейчас хотелось вспоминать!
— Я уже говорила детективу… ничего не помню. Только как ехала домой, а потом… — Она слабо покачала головой.
— Он дал тебе психотропное средство, — объяснил агент Грей. — Рогипнол. Его побочный эффект — амнезия на последние события.
Джулиет заморгала.
— Рогипнол? Это же… наркотик для изнасилования, правильно? Он…
— Изнасилования не было, — быстро ответила Зои.
Откуда она знает? Может, Джулиет осматривали, пока она спала? При мысли, что этот человек ее трогал, по коже у Джулиет побежали мурашки, и глаза затуманились слезами.
— Я ничего не помню. Не знаю, что вам рассказать. — Говорить было тяжело. Язык словно распух и едва шевелился во рту.
— Даже самая крохотная деталь может очень нам помочь, — сказала Зои. — Значит, как ехала домой, ты помнишь?
Тиффани на переднем сиденье, Луис за рулем. Одной рукой крутит руль, другой лезет своей подружке под юбку.
— Помню.
— Вот ты приехала домой. Что дальше?
— Я… пошла к двери.
— Помнишь, как отпирала дверь?
Джулиет сжала кулак.
— Нет… кажется, нет. Зато помню ее уже открытой. Я стою на пороге и машу рукой Тиффани.
— А дальше?
— Дальше я пошла на кухню.
— Зачем?

— Наверное, пить хотела… — Нет. Она много выпила в ресторане. И теперь хотела не пить, а писать. — Не помню. Может быть, я пошла в туалет.
— Нет, на кухню, — настойчиво ответила Зои. — Зачем?
— Я… не помню. — У нее задрожали губы, и слезы покатились по щекам.
— Зои, — мягко сказал агент Грей, — она действительно не помнит. Рогипнол…
— Не думай глазами, — произнесла Зои, склоняясь над ней, пристально глядя в глаза. Джулиет хотелось убежать от этого взгляда. — Думай всеми своими чувствами. Что ты слышала? Чем пахло? Что ты ощущала?
— Не знаю. — Голос ее дрогнул и сломался. — Ничего!
— Когда к твоему дому приехала полиция, входная дверь была открыта. Ты ее не закрыла?
— Закрыла… наверное.
— Помнишь, как закрывала дверь?
— Я…
— Зои, — твердо начала детектив Лайонс, — Джулиет многое пришлось вынести, и…
— У тебя синяк на плече, — сказала Зои. — Кто-то тебя схватил.
Все люди, которых видела Джулиет после своего спасения, были к ней добры и полны сочувствия. Кроме этой женщины. Она разговаривает так, словно на нее сердится.
— Пот! — выпалила вдруг Джулиет. — Помню запах пота. Чужого пота.
Зои откинулась назад.
— И нож у горла. Наверное, это был нож. Он… это он заставил меня пойти на кухню.
— Ты видела его лицо?
— Нет. Он стоял у меня за спиной.
— Когда вы вошли на кухню, прямо перед тобой было окно. Свет был включен, на улице темно. Ты могла увидеть его отражение в стекле. Помнишь?
Джулиет пыталась припомнить, однако воспоминания ускользали и таяли, словно туман.
— Нет. Помню только нож. И голос. Он говорил так, словно издевался надо мною. Не знаю, как объяснить. Как будто… — Она запнулась в поисках подходящего слова.
— Как будто очень доволен собой? — подсказала Зои.
— Да, — выдохнула Джулиет. — Как будто доволен собой.
Уголки губ Бентли дернулись в легкой улыбке.
— Спасибо, — сказала она и сжала руку Джулиет.
Та выдернула руку. Эта женщина, заставившая ее вглядываться в собственный кошмар, была ей ненавистна. Джулиет ничего не сказала, лишь бросила на нее свирепый взгляд. Но Зои, кажется, и не заметила этого. Вряд ли ее интересовали чувства Джулиет.

Глава 68

В половине девятого Зои вдруг сообразила, что с самого завтрака у нее ни крошки не было во рту. Хотя нет, не совсем. Когда все в участке праздновали спасение Джулиет, Лайонс принесла пончики, и Зои тоже взяла один. А на обратной дороге из больницы купила в автомате батончик "Сникерса".
Теперь она сидела в номере мотеля, разложив перед собой фотографии с мест преступлений, с блокнотом в руке, и торопливо записывала все идеи, что приходили ей в голову.
И тут у нее громко заурчало в желудке.
Зои вздохнула и отложила блокнот. Взяв телефон, открыла "последние контакты", нашла номер Джозефа, хотела уже его набрать, но призадумалась.
Джозеф — отличный парень, с ним весело и легко. И провести с ним еще одну ночь… м-м… приятная перспектива. Но что дальше? Все равно это никуда не ведет.
В ту ночь ей требовалось отвлечься. Измученная мыслями об Андреа, она готова была хвататься за что угодно — лишь бы хоть ненадолго забыть о том, что Род Гловер преследует ее сестру. А от Тейтума толку не было — он на нее злился… кстати, она так толком и не поняла, за что. Оставался Джозеф.

Вот ужин с Тейтумом — это совсем другое. Зои сама не смогла бы объяснить, почему. Потому что они работают вместе? Но у нее и раньше бывали напарники, и никогда Зои особенно не заботило, что думают о ней другие люди. А теперь всерьез беспокоит то, что Тейтум, возможно, до сих пор обижен…
Они ведь толком и не поговорили. Дело Шредингера и беда с Андреа оттянули на себя все ее внимание. Может быть, оно и к лучшему.
А может, и нет.
Наверное, стоит поговорить начистоту — и раз и навсегда покончить с ссорой. Зои уже пыталась извиниться, но тогда Тейтум был в ярости, а она, кажется, сказала что-то не то и все испортила. Есть смысл извиниться еще раз. А потом вместе поужинать: она умирает от голода!
Выйдя из номера, Зои направилась к двери Тейтума. Постучала. Из-за двери донеслось сонное:
— Сейчас!
Она ждала, возвращаясь мыслями к последнему месту преступления. Оно, конечно, даже на первый взгляд отличается от предыдущих. Ящик с девушкой почему-то не зарыт в землю полностью. Провод от камеры не обрезан, а просто отсоединен и торчит из земли. Почему убийца изменил своим привычкам?
Разумеется, серийные убийцы часто меняют тактику. Их фантазии развиваются. И с каждым разом — с каждым убийством — они оттачивают технику, находят ходы и детали, лучше отвечающие их потребностям. Но почему он не закопал гроб целиком? Зои нахмурилась.
Отворилась дверь. На пороге, сонно моргая, стоял Тейтум: рубашка измята, всклокоченные волосы торчат во все стороны.
— Уснул прямо так, — вздохнул он. — Представляешь, как умаялся?
— Представляю, — пробормотала Зои. — Послушай, я хотела…
Почему же убийца отсоединил камеру?
— Так что ты хотела? — спросил Тейтум.
Бентли молча смотрела на него; мозг лихорадочно работал.
— Убийца, — сказала она. — Он понял, что мы вот-вот ее найдем. Поэтому отсоединил камеру. И поэтому… Вот — он пытался ее выкопать, чтобы убить! Чтобы она ничего нам не рассказала.
— Хм… очень может быть.
— Не может быть, а так и есть! — Зои протиснулась мимо него в номер и начала взволнованно расхаживать взад-вперед.
— Как раз собирался пригласить тебя войти, — подняв бровь, пробормотал Тейтум.
— Как ты и говорил, пистолета у него нет, — продолжала Зои. — Иначе он пристрелил бы Джулиет прямо через крышку.
— Тогда… почему же он не закончил свое дело?
— Должно быть, услышал, что подъезжают копы, испугался и бросился бежать. Они разминулись с ним всего на несколько минут.
— Не хочешь поужинать? — спросил вдруг Тейтум. — Я проголодался.
Зои подняла глаза. Ах да, для этого она сюда и пришла… Поесть.
— Хорошая мысль. Давай закажем пиццу или что-нибудь такое. Мне надо все обдумать.

Глава 69

Уже несколько часов он сидел в подвале, объятый паническим страхом. В голове крутились неотвязные мысли, планы, безумные идеи; но он не трогался с места. В любую минуту в дом могут ворваться полицейские. Что, если кто-нибудь заметил, как он отъезжает от места погребения за несколько минут до того, как там появилась полиция? Что, если девушка видела его лицо и смогла описать так ярко и точно, что теперь любой коп с первого взгляда его опознает?

Конечно, рано или поздно это должно было случиться. В конце концов, он сам привлекал к себе внимание. И понимал: однажды сделает ошибку или что-то упустит из виду, и его поймают.
Но почему так скоро?
Здесь, на столе в подвале, лежал список будущих экспериментов. Всего двадцать. По нарастающей. Проведя очередной эксперимент, он вычеркивал его из списка.
Вычеркнуты только два. А третий он провалил.
В ярости убийца схватил листок со списком, изорвал на мелкие кусочки, зажал в кулаке.
И снова замер в ожидании конца.
Посмотреть неоконченное видео?.. Нет, сейчас оно его не порадует. Скоро наверху послышатся тяжелые шаги, полиция вышибет дверь и, быть может, бросит в подвал световую гранату, чтобы ослепить его и избежать сопротивления…
Наконец, не выдержав напряжения, он набрал номер Дика.
Гудок. Второй гудок. Быть может, Дик сейчас в полицейском участке оглядывается на коллег и шепчет беззвучно: "Это он!" И все вскакивают, связываются с кем-то, чтобы срочно проследить звонок, а Дику шепчут: "Веди себя естественно!"
Сердце билось где-то в горле. Убийца уже готов был дать отбой, когда Дик ответил:
— Привет!
Голос веселый. Даже слишком. Ловушка? Они всё знают?!
— И тебе привет, — ответил он, очень стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ну, как дела?
— Нашли девушку. Живую, представляешь? В шоке, но не пострадала.
— Потрясающе!
— И не говори! Я-то был уверен, что отыщем еще один труп… Тот редкий случай, когда радуешься, что ты коп!
— Не хочешь отпраздновать? — поинтересовался убийца, проглотив вертящийся на кончике языка вопрос: "Она видела его лицо?"
— Ох, нет, извини. Вымотался, как собака. Весь день сегодня охранял место преступления. Давай как-нибудь на неделе?
— Конечно. Значит, с девушкой всё в порядке?
— Ага. Только ничего не помнит. От шока, наверное. Доктора говорят, может, вспомнит немного погодя…
Он прикрыл глаза. Неужели Дик его дурачит? Нет, вряд ли. Лжец из него никудышный: помнится, когда у его жены был день рождения и они готовили вечеринку-сюрприз, Дик с самого утра места себе не находил, так что жена обо всем догадалась.
— Будем надеяться, — поспешно сказал он, вдруг сообразив, что молчание затянулось.
— А стейк для меня придержи, ладно?
— Ну! А ты приноси пиво.
— За мной не заржавеет! — Дик рассмеялся. — Ладно, пока!
— Пока.
Убийца положил телефон на стол. Ладони вспотели, пришлось вытереть их о рубашку.
Выходит, он не на крючке?
Похоже, пока нет.
Впрочем, это лишь вопрос времени. Девушка что-нибудь вспомнит. Или по следам шин найдут его фургон. Или сообразят, что он должен искать информацию о расследовании, и расспросят всех полицейских: кто, что и кому об этом говорил. И Дик скажет: "Да нет, никому. С какой стати мне об этом болтать с посторонними? Хотя подождите-ка… Это ерунда, конечно, и ничего не значит, но…"
Он разжал кулак и долго смотрел на клочки бумаги, оставшиеся от списка экспериментов.
Нужно продолжать. Сколько еще экспериментов он успеет поставить, прежде чем его схватят? Два? Три? Пять?
Один?
Придется скорректировать план.
Двадцатый эксперимент — лучший. Настоящий шедевр. То, что навеки впишет его имя в историю. Пожалуй, предыдущие стоит пропустить. Для этого эксперимента понадобится усилитель сигнала. Он провел предварительную работу, знает, где его купить, и, если заказать сегодня, усилитель доставят ему уже на следующий день.

И, может быть, на этот раз стоит выбрать такую жертву, которая действительно превратит его в легенду…

Глава 70

Сан-Анджело, Техас, понедельник, 12 сентября 2016 года

Полицейский участок с утра в понедельник гудел, словно рой разъяренных пчел, с той лишь разницей, что эти пчелы беспрерывно пили кофе, выкрикивали указания по телефону и ходили по коридорам быстрым деловым шагом, что-то мыча себе под нос. Все были страшно заняты, а кто бездельничал, те, видимо, прикидывались страшно занятыми, чтобы не отставать от коллег.

Насколько понимал Тейтум, на поиски Убийцы-Шредингера были брошены все силы отделения полиции Сан-Анджело. Магазинные воришки, скандальные мужья, наркодилеры и пьяные водители могли сегодня нарушать закон в свое удовольствие. Твори что угодно: полиция тобой заинтересуется, только если начнешь живьем закапывать женщин.

Официально за ход операции по-прежнему отвечал Дженсен, однако в деле наметились тектонические сдвиги. К расследованию присоединился Департамент общественной безопасности штата Техас. Участок наводнили техасские рейнджеры, и один из них, крепко сбитый седовласый человек, постепенно брал управление на себя. Перед таким ударом в спину Дженсен оказался бессилен. Тейтум понимал: через день или два дело и формально, и на практике перейдет в руки ДОБ.

А пока парадом командовал Фостер. Отправлял одних просматривать записи с камер наблюдения, других — опрашивать свидетелей, третьих — шерстить аккаунты потенциальных жертв, и так далее.

Утреннего совещания сегодня не было. Время разговоров прошло — настало время действовать. Поговорить еще успеется. А кроме того, все внимание Дженсена отвлекала пресс-конференция, назначенная сегодня на девять утра, на которой к нему собирался присоединиться офицер из ДОБ. Граждане Сан-Анджело — да и всего Техаса — жаждали услышать подробности о блистательной полицейской операции, вырвавшей из когтей злодея прекрасную и героическую Джулиет Бич. Да-да, так и сказали по радио сегодня утром, Тейтум сам слышал. Прекрасную и героическую.

Грею сложно было сосредоточиться. Его стол стоял напротив стола Фостера; и каждые несколько минут к Фостеру кто-нибудь подходил, наклонялся, выпятив зад в сторону Тейтума, и начинал что-то выяснять или о чем-то докладывать. Узкий проход между столами гарантировал, что корма любого, кто подойдет к Фостеру, окажется в нескольких дюймах от Тейтумовой физиономии. За последние два часа он налюбовался седалищами всех возможных видов и очертаний — и теперь предпочел бы посмотреть на что-нибудь другое.

При виде очередной задницы, обтянутой форменными брюками, Тейтум скрипнул зубами и вернулся к чтению отчета о месте преступления. В этот раз было с чем поработать!

Джулиет Бич захоронили в ящике, почти идентичном двум предыдущим. Металлический флакон с изображением черепа и костей, якобы с кислотой, был пуст и ни к чему не подсоединен — просто "реквизит", как и предположила Зои. Тейтум понимал, на что рассчитывал убийца. Ему хотелось максимально усилить нервозность и напряжение зрителей. Ради этого он прерывал трансляцию — и ради этого же добавил непосредственную угрозу: флакон, якобы с кислотой, способный убить жертву в любой момент.

На деревянной крышке ящика имелись царапины и вмятины. Одна вмятина, глубиной 0,6 дюйма, судя по форме, нанесена тяжелым орудием с тупым прямоугольным концом. Явно не лопатой. Орудие почти пробило крышку, а ведь она почти в дюйм толщиной…

Тейтум представил себе, как убийца — зловещая безликая тень — колотит по крышке чем-то тяжелым, спеша убить Джулиет Бич, пока до нее не добралась полиция.

Как и в предыдущих случаях, отпечатков пальцев, волос, обрывков ткани или чего-либо подобного на внешней стороне ящика не было. Внутренняя сторона полна отпечатков,

следов крови, сломанных ногтей, клеток кожи… Скорее всего, сюрпризов не будет: экспертиза подтвердит, что все это принадлежит жертве.
На песке вблизи ямы обнаружили следы шин, в том числе совсем недавние. Они соответствуют тем следам, что были найдены возле захоронения Николь Медина.
Провод, идущий от инфракрасной камеры в ящике, на сей раз не был обрезан и торчал из песка. На его пластиковом разъеме нашелся один-единственный отпечаток пальца. Его уже прогнали через АСИОП — Автоматическую систему идентификации отпечатков пальцев, — однако, поскольку отпечаток лишь частичный и смазанный, система его не распознала.
Что бы ни писали в детективах, отпечатки пальцев — вовсе не волшебная улика, позволяющая сразу и безошибочно установить преступника. Если вам попадется хороший отпечаток, пожалуйста, введите его в систему, и часа через два она выдаст длиннейший список возможных соответствий. Беда в том, что ее база данных слишком велика. Если отпечаток не очень хорошего качества — список соответствий растянется до бесконечности.
Однако Тейтум мысленно сделал себе пометку. Он знал, что тут можно сделать.
Ящик зарыт на глубину приблизительно трех футов от поверхности почвы. Под ящиком имеется полость, частично засыпанная обвалившейся землей. Яма обвалилась — вот почему убийца не смог закопать Джулиет так же глубоко, как остальных. Жизнь ей спасла счастливая случайность.
Жаль, никто не догадался снять место преступления до того, как полиция начала раскопки. Разумеется, в тот момент полицейских интересовало совсем другое — и на этот раз даже Зои не стала на них ворчать. Место несколько более отдаленное, чем в прошлые два раза; находится на большом частном поле, огороженном забором. Убийца, по всей видимости, попал на поле через ворота, которые не запираются. На воротах имеются множественные отпечатки пальцев, их сейчас сравнивают с отпечатками пальцев полицейских и хозяина поля, фермера. Следы шин убийцы ведут с места преступления в другую сторону, к месту, где часть ограды срезана кусачками. Там отпечатков нет.
На сколько же они с ним разминулись?
Фантазии о том, "что, если бы" и "как могло бы быть", Тейтум не считал признаком слабости. И теперь, прикрыв глаза, позволил себе чуток помечтать, как вовремя подсказал полицейским поставить на Барма-роуд блокпосты, и убийцу схватили, и теперь граждане Сан-Анджело устраивают парад в честь…
Новая пара ягодиц ткнулась ему в лицо.
— Ой, извините, — проговорил молодой следователь и придвинулся ближе к столу Фостера.
Тейтум встал и быстрым шагом вышел на улицу. Там нещадно пекло солнце — но все лучше, чем в заднице.
Достав телефон, он набрал номер единственной и неповторимой Сары Ли, своего личного аналитика.
— Тейтум, я не твой личный аналитик, — сразу заявила она. — И у меня сейчас важная и срочная работа!
— Вот это меня в тебе особенно восхищает — способность легко и непринужденно справляться со множеством дел сразу. Да еще и о собаке заботиться!.. Кстати, как там Грейс?
— У Грейс все отлично, Тейтум. — Он расслышал в ее голосе улыбку. — Так что тебе нужно?
— У меня есть отпечаток пальца.
— Подозреваю, даже десять. Если ты свои пальцы где-нибудь не потерял.
— Да нет, с места преступления.
— Введи в АСИОП, она сразу выдаст результат.
— Отпечаток смазанный, АСИОП его не берет.
— А от меня ты чего хочешь?
— Помнишь дело Клауса? В Лос-Анджелесе, года… года три назад.
Она на секунду задумалась.
— Кажется, помню. Грабитель банков, верно?

— Ну да. Там у нас было два частичных отпечатка, а ты произнесла какое-то заклятие и нашла аналогичные с места схожего преступления.
— Это не заклятие.
— Ну, посмотрела в хрустальный шар…
— Тейтум!
— Добавила глаз саламандры и пыльцу с крыльев феи, потом открыла книгу заклинаний…
— Все не так было!
— Произнесла волшебные слова…
— Я лишь посмотрела в другой базе данных, поменьше.
— Вот! — просиял Тейтум. — Я же говорю, магия! Сможешь сделать то же с моим нынешним отпечатком?
Сара вздохнула.
— Тогда я использовала базу данных по отпечаткам пальцев, найденным на местах ограблений в том же районе за предыдущие три месяца. И даже так, если помнишь, мы получили уйму ложных совпадений.
— И одно настоящее, — подчеркнул Тейтум.
— Ну, допустим.
— Сумеешь сравнить мой отпечаток с базой данных по преступлениям в Техасе за последние десять лет?
— И это ты называешь "поменьше"? Там мы точно ничего не найдем!
— Тогда ладно. — Поколебавшись, он предложил: — А если только в Сан-Анджело и за последние три года?
— М-м-м… — Это предложение тоже не слишком ее порадовало. — Работы будет много. А тут, знаешь, надо мной висят люди, которым действительно срочно нужно…
— Но они же не такие обаяшки, как я!
— Не хочу тебя разочаровывать… Ладно. Посмотрим, что я смогу сделать.
— Спасибо, Сара! Ты мой добрый гений!
— Ладно, ладно! — И она повесила трубку.
Улыбаясь во весь рот, Тейтум сунул телефон в карман, вновь нырнул в участок и с компьютера отправил Саре фотокопию смазанного отпечатка пальца. Затем, не желая больше любоваться чужими задницами, решил пойти куда-нибудь выпить кофе и съесть бутерброд.
Когда он вернулся на стоянку возле участка, в телефоне уже мигало письмо от Сары. Тейтум прочел его, не выключая мотор, чтобы кондиционер в машине поработал подольше.
Имеются возможные совпадения с семью отпечатками, найденными на местах преступлений, писала Сара. Три случая — перестрелки между гангстерами, два взлома, один угон автомобиля, одно изнасилование. Подробностей в базе данных нет, только фамилии подозреваемых и номера дел.
Тейтум вошел в участок и склонился над столом Фостера, выставив в сторону пустого стула собственную корму.
— Нашел отпечатки пальцев, потенциально совпадающие с нашим. Один в деле об изнасиловании.
— Серьезно? — напрягся Фостер. — Имя знаешь?
— Дерек Вудард.
Плечи Фостера опустились.
— А-а! Нет, этот урод давно за решеткой. Отбывает срок за серию нападений на пенсионерок.
— Черт! — пробормотал Тейтум, стараясь не поддаваться разочарованию. — Но есть еще шесть совпадений.
— Показывай.
Вместе они прошли по списку, проверяя каждое дело по номеру. Трое в тюрьме, один покойник, один получил пулю в спину и с тех пор передвигается в инвалидной коляске. Оставшиеся двое — угонщик и взломщик. За угон так никого и не привлекли, но известно, что нарушителей было трое; они проникли в машину, разбив стекло, покатались и бросили ее со спущенной шиной неподалеку от Сан-Анджело. Случилось это девять месяцев назад

— и Тейтуму трудно было представить себе преступление, более несхожее с характером и почерком серийного убийцы.
"Взлом" на деле оказался попыткой проникнуть на местную бензозаправку, совершенной четыре месяца назад. Неизвестный разбил стекло, сработала сигнализация, и нарушитель сбежал. Скорее всего, это тоже был не убийца; однако в деле сообщалось, что неизвестный, разбивший окно, попал на запись охранной камеры. Самой записи в деле не было. Отпечатки пальцев на месте преступления проводили через АСИОП, совпадений не нашли.
— Надо бы взглянуть, — сказал Тейтум.
— Пошлю туда кого-нибудь, — ответил Фостер. — Тебе-то самому зачем ехать?
Грей окинул взглядом полицейский участок — жужжащий, гудящий, копошащийся ад.
— Я все равно собирался передохнуть, — сказал он.

Глава 71

Заправка находилась на выселках Сан-Анджело, и, кроме машины Тейтума, здесь находился всего один автомобиль. Женщина совершенно измученного вида стояла возле колонки и наполняла бензобак, а с заднего сиденья машины ей корчили рожи трое детей. Тейтум улыбнулся женщине — как надеялся, сочувственно — и вошел в магазинчик при заправке.
Доходяга за прилавком поднял на него глаза и икнул.
Тейтум достал свой значок.
— Агент Грей, ФБР. Хотел задать вам несколько вопросов о…
— Ик!
Тейтум моргнул. Громкая икота сбила его с мысли.
— Э-э… хотел расспросить вас о попытке…
— Ик!
— Извините… хм… выпейте воды!
— Не-а, — ответил доходяга. — Ик!
— От икоты поможет!
— Не поможет.
— Ну хорошо. — Тейтум заткнул большие пальцы за ремень и продолжал: — Хотел задать вам несколько вопросов о попытке ограбления, которая произошла у вас четыре месяца назад. Вы тогда здесь работали?
— Ик! Ага.
— Насколько я понял, человек, который пытался к вам вломиться, попал на камеру…
— Ага. — Продавец показал на экран, разделенный на четыре части. Все четыре демонстрировали видео с камер безопасности: две части торгового зала, входная дверь и бензонасос. Женщина у колонки уже закончила свое дело и просто стояла, глядя в пространство, а за спиной у нее прижимались к оконному стеклу в машине рожицы детей.
— Можно мне посмотреть запись?
Продавец поднял бровь.
— Ик! Да это же когда было! У нас компьютер сохраняет записи только за последний месяц. Ик!
— Неужели вы не сделали копию видео? — недоверчиво спросил Тейтум.
— Да нет. А — ик! — зачем? Тот парень все равно был в маске.
— В какой маске?
— Лыжной. Такой, знаете, лица совсем не видно. Разбил стекло вон там. — Продавец указал на окно возле двери. — Тут сработала сигнализация, и он убежал. Так что интересного кина не вышло.
Тейтум молчал, ожидая следующего "ик!". Молчание затягивалось, вместе с ним нарастало странное напряжение.
— А можете мне сказать…
— Ик!
— Вы уверены, что не хотите попить воды? От икоты и вправду помогает!

— Мне не поможет.
— Почему?
— А я уже давно — ик! — икаю.
— Ну так попробуйте попить!
— Ик! Пробовал уже. Четыре года пробую. Не помогает.
— Вы что… четыре года икаете?
— Ик! Ага. И воду пил. И чего только не пил. Хрен там. Знаете, что еще пробовал? Задерживать дыхание. Пить воду — ик! — из опрокинутого стакана. Не помогает. И сильно удивиться или — ик! — испугаться. Не действует. И лимон жевал — не помогло. И — ик! — советы агентов ФБР не помогают тоже.
— Извините.
— Думаете, мне нравится икать? Да я — ик! — ночью просыпаюсь от этой гребаной икоты! А уж с женой в постели… Чертовски устал я от этого. А когда устаю, икаю еще сильнее. А некоторые думают, что это смешно. Ик! — И он с подозрением уставился на Тейтума.
— Я не думаю, что это смешно, — заверил тот; ему вдруг стало стыдно.
— В общем, записи нет. Ик! Но я ее несколько раз смотрел. Ничего особенного. Мужик в маске и в перчатках. Разбил молотком стекло, потом убежал. Ик!
— В перчатках? — удивленно переспросил Тейтум. — Мне сказали, остался отпечаток пальца.
— Ага. Перчатки были латексные, и — ик! — он их порвал, когда разбивал окно. Отпечаток остался на стекле.
Грей рассеянно кивнул. Нет, похоже, это не тот, кого они ищут.
— Спасибо. Удачи вам с…
— Ик!
— Ну да. С этим.
Тейтум вышел из магазина в слепящий жар техасского полдня. Пока глаза заново привыкали к яркому свету, легко было вообразить, что ты где-нибудь в пустыне. Впрочем, через дорогу действительно расстилалась пустыня: плоская песчаная равнина, кое-где утыканная кактусами и камнями.
Тейтум вдруг нахмурился и оглянулся. Видеокамера висела прямо над входом в магазин, ее легко было заметить. И с того места, где он стоит, невозможно сказать, куда она направлена. Он снова повернулся к огромному пустому полю. Потом еще раз посмотрел на камеру.
Безумная, конечно, идея, но… Грей достал телефон и набрал номер Зои.
— Ты сейчас рядом с картой?
— Да.
— Можешь кое-что для меня проверить? Я на заправке на Шестьдесят седьмом шоссе, примерно в миле к югу от Сан-Анджело. Посмотри, пожалуйста, нет ли там поблизости участков, пригодных для рытья?
— Секунду.
Он ждал, остро чувствуя, что зря тратит время.
— Да, заправка стоит на подходящем участке, — ответила наконец Зои. — А что?
— Видишь ли… четыре месяца назад сюда пытались вломиться. И отпечаток пальца, найденный на месте взлома, совпадает с тем, что мы получили вчера. А камера над дверью выглядит так, словно смотрит прямо на поле через дорогу.
Пару секунд Зои это обдумывала.
— То есть наш неизвестный пытался вломиться на заправку, чтобы уничтожить запись с камеры?
— Допустим, он здесь кого-то убивал, и ему показалось, что это попало на камеру. Как думаешь, такое возможно?
— Он чертовски осторожен. Сейчас. А если речь о первом убийстве… Скорее всего, он был сильно взволнован. Страх мог его подстегнуть и заставить действовать быстро… как вчера, когда он пытался выкопать Джулиет, чтобы убить. Та же реакция. Внезапный и сильный страх способен толкнуть на рискованные действия… Да, полагаю, это вполне возможно.
— Отлично! — приободрившись, ответил Тейтум. — Надеюсь, тот парень с собакой, натасканной на трупы, сейчас не занят. У меня для него есть работенка.

Глава 72

Меньше десяти минут понадобилось Шелли, натасканной на трупы, чтобы обнаружить вдали от дороги клочок земли, полускрытый кактусами и сухими кустарниками. Здесь собака остановилась, начала скрести землю и скулить. А Виктор оглянулся на Тейтума и сказал:
— Ну вот, нашли.
Спешить на этот раз было совершенно некуда, так что они всё сделали по правилам. Приехали криминалисты, обтянули место преступления желтой лентой и огородили трехстворчатым экраном, чтобы скрыть от глаз прохожих или проезжающих автомобилистов. Нескольких копов отрядили отгонять подальше журналистов и просто любопытствующих. Могилу раскапывали неспешно и аккуратно. Виктор и Тейтум ждали наверху; вскоре к ним присоединились Зои и Фостер. Окрестности наводнили копы и рейнджеры. Появился и доктор Кудряш — стоя рядом с Тейтумом, тоже ждал, когда покажутся на свет останки.
— Второе тело за пять дней, — грустно произнес Виктор.
— Для меня третье, — поправил Кудряш.
— Раньше в нашем городе такого не было, — пробормотал Виктор.
— М-да, дела…
Тейтум взглянул на собаку, нюхавшую его ботинок.
— Ваша собака… Шелли просто мастерица своего дела!
— Так и есть, — мрачно ответил Виктор. — А видели сегодня на первой полосе "Сан-Анджело стандарт таймс" Джонса и его Бастера с этой девушкой, Джулиет?
— Джонса и Бастера? — переспросил Тейтум. — Того парня с собакой, которые ее нашли? Да, конечно. Отличное фото.
— Отличное, это уж точно!
Полицейские выбрались из могилы, затем один снова спустился туда и сдернул крышку. Все дружно отвернулись, морщась и чертыхаясь себе под нос.
Виктор снова вздохнул и покачал головой.
— Ладно, Шелли, пошли. Нам еще рапорт писать.
Кинолог ушел, а Тейтум приблизился к могиле. Зои, как всегда, на пару шагов его опередила.
Да, здесь все было по-другому.
Для начала, останки намного старше. Тело сильно пострадало от насекомых и разложилось почти полностью. Как насекомые до него добрались, понятно: ящик сколочен далеко не так тщательно, как предыдущие, между досками заметные щели. По форме не продолговатый, а квадратный — с виду самый обычный ящик, вроде тех, в каких хранят овощи или фрукты. Тело, от которого остался почти один скелет, съежилось внутри в позе зародыша. Если и эту девушку похоронили живьем, как предыдущих жертв, то смерть ее была еще ужаснее: ей пришлось умирать в слишком тесном ящике, скорчившись в неестественной позе.
Тейтум отвернулся; его затошнило. Люди вокруг, судя по лицам, чувствовали то же самое.
— Камеры нет, — сухо сказала Зои.
Тейтум ощутил прилив гнева, трудно сказать, на кого: на себя — за то, что этого не заметил, или на Зои — за то, что может, глядя на эту кошмарную картину, спокойно подмечать детали. Он заставил себя взглянуть снова. Да, она права. Ящик очень простой — и ни инфракрасной камеры внутри, ни просверленного отверстия, в которое выводят провод.
— Прошу прощения, — проговорил Кудряш, проталкиваясь сквозь толпу.
— Надо достать ящик, — сказал ему Фостер. — В яме совсем нет места.
— Только, пожалуйста, не насыпьте землю внутрь, когда будете его поднимать!
Решено было снова закрыть ящик, а затем откопать его полностью и вытащить из ямы. Тейтум, отступив на несколько шагов, наблюдал за работой. Он поверил своей безумной

догадке, догадка оказалась верной — и привела к еще одной убитой девушке. Но такая победа его совсем не радовала.
— Это первая жертва, — послышался рядом голос Зои.
— Точно?
Она пожала плечами.
— Очень похоже. Его основная фантазия: закопать девушку живьем, без всяких позднейших наслоений. Пока даже ящика подходящего нет. Место тоже не слишком удачное — близко к городу, не особенно укромное. Ему повезло, что никто не заметил.
— Может быть, он закапывал ее ночью, в кромешной тьме…
— Может быть. Однако здесь все кричит об отсутствии опыта. Закончив и получив сексуальную разрядку, он смог сосредоточиться и обратил внимание на заправку. И задумался.
— О камерах?
— Да, забеспокоился, что мог попасть на камеры. Надел лыжную маску и перчатки… Скорее всего, то и другое было у него с собой. И попытался вломиться внутрь, чтобы уничтожить запись.
— А камера вообще смотрит в другую сторону, — закончил Тейтум. — Вот ведь тупой ублюдок!
— Верно. — Зои подняла брови, удивленная его внезапным гневом. — Только теперь уже не тупой. У него было достаточно времени, чтобы подумать о своих ошибках и научиться их не повторять.
Тейтум кивнул. Он устал от попыток залезть убийце в голову. Сейчас, в кои-то веки, хотелось видеть в нем просто монстра, создание тьмы, понять которое невозможно, да и не нужно — главное, прийти с вилами и факелами и его уничтожить.
— Вероятно, эта жертва была как-то с ним связана, — добавила Зои. — Жила по соседству или с ним знакома. Если увидим связь, сможем его поймать.
— Ага, — пробормотал Тейтум.
Поняв, что он не в настроении общаться, Зои отошла и принялась разглядывать окружающую местность. Наверное, старалась представить, что видел той ночью убийца. Завтра она сможет рассказать, что и как произошло, так, словно сама при этом присутствовала.
Полицейские начали извлекать ящик из ямы; Кудряш подбежал к ним с криком: "Осторожнее, осторожнее!" Наконец ящик поставили на твердую землю, снова открыли, Кудряш надел перчатки и склонился над ним, осматривая останки. Тейтум вообразил, как он на всякий случай щупает скелету пульс, — и его губы растянулись в безрадостной улыбке.
Кудряш достал из ящика сумочку и молча протянул Фостеру. Тейтум шагнул к ним, чтобы посмотреть.
Фостер открыл сумочку и бросил беглый взгляд внутрь.
— Деньги — сорок долларов и мелочь, — объявил он. — Скомканный автобусный билет. А это что? Водительские пра… — Вдруг рот у него приоткрылся, глаза расширились, наполнились удивлением и болью.
— Что такое? — спросил Тейтум.
— Я ее знаю, — внезапно охрипшим голосом ответил Фостер. — Она… мы в школе вместе учились. Дебра Миллер. Вот черт!
— Мне очень жаль.
— Такая милая была, — продолжал Фостер, — все ее обожали… После школы уехала из города. Говорили, вроде бы в Калифорнию.
Тейтум промолчал, глядя, как Кудряш хлопочет над телом. Быть может, Дебра Миллер и мечтала уехать в Калифорнию, но убийца решил иначе, и она упокоилась в земле своей родины…

Глава 73

Лайонс поехала известить родителей Дебры, и Зои напросилась с ней.
— Не понимаю зачем, — сказала ей Лайонс по дороге. — В нашей работе нет ничего тяжелее, чем сообщать родным. Или тебе нравится страдание?
Зои не совсем поняла этот вопрос: сама ли она любит страдать, или ей нравится смотреть, как страдают другие? Ответ в любом случае был один.
— Совсем не нравится. Но люди, охваченные сильными чувствами, забывают об осторожности и начинают говорить правду.
— Ничего нет тяжелее, — повторила Лайонс.
— Не нужно рассказывать им кровавые подробности, — заметила Зои. — Тем более что подробностей мы и сами пока не знаем.
— Да я не об этом. Сообщать родителям, что их сын или дочь погибли насильственной смертью, всегда ужасно, однако хуже всего, когда не можешь сказать наверняка.
— Это верно.
Теперь Зои поняла, о чем говорит Лайонс. Они объявят родителям Дебры, что нашли тело их дочери… но дальше скажут, что тело разложилось до неузнаваемости, и попросят помочь найти подтверждение, что это она. И тут — так же неизбежно, как всходит солнце по утрам — вздернет безобразную голову надежда. "Вдруг это не она! — зашепчет родителям. — Вдруг полиция ошибается!" Они увидят соломинку, за которую можно схватиться в штормовом море горя и утраты. До последнего не согласятся признать, что нет, убита не неизвестная воровка, похитившая сумочку их дочери, а именно их дочь.
А значит, о смерти своего ребенка им придется узнать дважды. В первый раз — когда они впервые об этом услышат; во второй — когда не останется сомнений.
Они припарковались у дома, выкрашенного в веселые бело-желтые тона, с симпатичным зеленым штакетником вокруг двора. Однако, выйдя из машины и идя к дверям, Зои начала замечать повсюду следы небрежения и упадка. Цветы в саду — пожухшие, густо заросшие сорняками. Грязные окна. Облупившаяся краска на стенах. Повсюду жужжали мухи.
Лайонс постучала в дверь. Подождала, постучала еще раз.
— Минуточку! — раздался из-за двери мужской голос.
Ждали они гораздо дольше минуты; и, когда Лайонс уже готова была постучать еще раз, дверь наконец отворилась. Перед ними стоял лысый старик с усталым морщинистым лицом, в белой рубашке, покрытой пятнами. С первого взгляда Зои показалось, что ему не меньше восьмидесяти, потом она поняла: нет, намного моложе. Пожалуй, ближе к шестидесяти. Просто он так выглядит.
— Мистер Миллер? — спросила Лайонс.
— Да.
— Я детектив Лайонс. Позволите войти?
Плечи его поникли.
— Что-то с Деброй?
— Лучше поговорить в доме.
— И во что она влипла на этот раз?
Лайонс поколебалась.
— Сэр… не присядете?
Он широко раскрыл глаза.
— Она что, ранена?
Лайонс вздохнула, видимо, смирившись с тем, что в дом их не пригласят.
— Мистер Миллер, боюсь, Дебра умерла.
— Умерла? — едва слышно прошептал он.
— Мы полагаем, что так. Да, сэр.
— Вы… полагаете? — Вот она, треклятая надежда. — То есть не уверены?
— Практически уверены. Мы обнаружили тело и сумочку с водительским удостоверением вашей дочери.
— А она похожа на мою дочь?
Лайонс сглотнула.
— Тело в плохом состоянии. Мы полагаем, что ее убили четыре месяца назад.
— Четыре месяца? — Надежда стремительно улетучилась. — Да… тогда все верно. Понимаю.

— Когда вы в последний раз видели вашу дочь? — спросила Лайонс.
Мистер Миллер испустил долгий дрожащий вздох.
— Ну… в последний раз — где-то в начале мая.
Лайонс и Зои переглянулись. Нападение на заправку произошло в ночь на шестое мая.
Мистер Миллер повернулся и, волоча ноги, побрел в дом. Дверь он оставил открытой, и Зои и Лайонс последовали за ним.
Дом казался заброшенным, нежилым. Повсюду пыль и грязь. Свет по большей части был выключен, шторы задернуты — освещенность ровно такая, чтобы не натыкаться на мебель. Миллер прошаркал в кухню и включил флуоресцентную лампу: она загудела и залила все вокруг резким белым светом. Старик тяжело опустился на стул возле ободранного стола. Здесь были еще два стула; Зои заняла один, Лайонс — другой.
— Вы сказали, ее убили. Кто это сделал? Как? — спросил он. Его голос охрип, глаза заблестели влагой.
— Точных деталей мы пока не знаем, — ответила Лайонс.
— А что знаете?
— Четыре месяца назад вы в последний раз видели свою дочь и с тех пор с ней не говорили, — не отвечая на его вопрос, мягко заговорила Зои. — Почему вы не сообщили о ее исчезновении?
— Мы думали, она просто уехала. — Он покачал головой. — Она всегда так делала — исчезала на месяцы. Потом появлялась без предупреждения, в ужасном виде. Мы знали, что она… ну… употребляет. Приезжала то с разбитой губой, то с синяком под глазом, а нам твердила одно: все прекрасно, не лезьте. И ничего не рассказывала. Иногда звонила из тюрьмы. Три раза я платил за нее залог.
Долгий, безнадежный вздох перешел в стон, и по щеке поползла одинокая слеза.
— Какая она была чудесная! В школе — настоящее солнышко, такая светлая, счастливая… Все ее любили, все хотели с ней дружить. А после школы… что сказать?.. сбилась с пути. В колледж поступать не захотела, устроилась билетершей в кино неподалеку, начала курить. Мы не знали, что делать. Потом объявила: мол, поедет в Калифорнию, ей там предлагают какую-то необыкновенную работу. Мы так радовались! А когда она появилась в следующий раз, ясно было, что в жизни у нее происходит много всякого, но достойной работы нет точно. Да и вообще ничего достойного нет.
Миллер уставился пустыми белесыми глазами в стену. Слезы текли уже одна за другой, терялись в канавках морщин.
— Ее погубили мужчины, точно вам говорю. Не с теми она связывалась. Говорят, девушка учится выбирать себе парней, глядя на отца, — но, клянусь, я никогда не поднимал на нее руку!
— Некоторые женщины просто выбирают неправильных мужчин, и родители здесь ни при чем, — заметила Зои.
В ответ он улыбнулся дрожащими губами.
— Кто это сделал?
— Мы пока не знаем, — ответила Лайонс. — Вы кого-нибудь из них знаете по именам?
— Никого. Дебра говорила, что с ними покончено. Я спрашивал, кто поставил ей синяк, сломал палец или еще что-нибудь, а она отвечала: "Не важно, с ним покончено". Понятия не имею, возвращалась ли она все время к одному и тому же парню или каждый раз находила себе новых.
— А что произошло, когда вы виделись в последний раз? — спросила Лайонс.
— Дебра приехала накануне. Выглядела еще хуже обычного. Исхудала — краше в гроб кладут. И какая-то… сломленная. У вас, дамы, есть дети?
Обе покачали головами.
— Тогда вы и представить не можете, что это значит — увидеть своего ребенка таким. Мы с Мартой решили: на этот раз просто взять у нас денег и исчезнуть у нее не выйдет. Мы ее спасем. — Он всхлипнул, закрыл лицо руками, и его плечи мелко затряслись.
Наступило молчание, лишь тикали ходики на стене, и Зои казалось, что тикают они все медленнее и медленнее.
Наконец старик смог отнять ладони от заплаканного лица.

— Мы сказали, что ей придется остаться. Будешь лечиться, сказали мы. Ляжешь на реабилитацию. Мы тебе поможем. Она ответила, что ей это не нужно. Накричала на нас. Мол, в помощи не нуждается, а раз так, то уедет навсегда. А я… я наговорил ей лишнего. Боже, что я ей наговорил! Если у вас когда-нибудь будут дети — никогда, никогда не показывайте им, что разочарованы в них!
Зои пожалела, что здесь нет Тейтума. Он умел утешать плачущих, она — нет.
— Дебра уехала. И больше не появлялась. Мы думали, вернется, как всегда… А потом умерла Марта. Месяц назад. Просто… просто умерла. Остановилось сердце. Разбилось, должно быть. Вот и всё.
Лайонс начала задавать вопросы: куда именно Дебра могла поехать, были ли у нее здесь друзья, и так далее. Однако старик отвечал все короче и односложнее.
Наконец, получив от Миллера заверение, что помощь ему не нужна, и фамилию дантиста Дебры (чтобы опознать ее по зубам), Лайонс и Зои встали — а старик остался сидеть, бессмысленно глядя в стену, словно механическая игрушка, у которой кончился завод.

Глава 74

Сан-Анджело, Техас, четверг, 5 мая 2016 года

Он толкнул дверь и вошел в пивную. Сел за стойку, как всегда, гневно стискивая челюсти. Стиснутые зубы, сжатые кулаки, все тело напряжено так, словно готово взорваться… и лишь после нескольких кружек пива жизнь становилась хотя бы терпимой.
В последние дни он начал пить раньше обычного. Свои обязанности он выполнил как положено, но что толку? Неудача есть неудача, даже если в ней нет твоей вины.
Он сделался здесь завсегдатаем, и бармен уже не спрашивал, что ему принести, — просто кивал и наливал пива.
— Эй! — послышался сбоку женский голос. — А ведь мы знакомы!
Он готов был пожать плечами, помотать головой, ответить: "Нет, вы обознались", — но решил сначала все-таки на нее взглянуть… и слова застряли у него в глотке.
— Точно, я тебя знаю! — просияв, продолжала она. — Мы в школе вместе учились!
— Дебра? — спросил он, не веря своим глазам.
Неужели она? Милая чистая девушка, фантазии о которой скрашивали ему бесконечно долгие уроки? Те же губы, тот же нос… однако на этом сходство кончалось. Она страшно исхудала, на изможденном лице торчали скулы. Волосы — когда-то каскад золотых кудрей — превратились в неопрятные, грязные даже на вид заросли белесой пакли. Кожа какая-то странная, словно маслянистая. И глаза. Пустые, мертвые глаза.
— Ну конечно! — откликнулась она, откровенно радуясь, что ее узнали. Должно быть, не так часто это случалось. — Как поживаешь?
Через несколько секунд он понял, что она не помнит, как его зовут — да и неудивительно. Он угостил ее пивом и в разговоре, рассказывая глупую историю о каком-то письме, полученном из школы, как бы невзначай упомянул свое имя. В глубоко запавших тусклых глазах отразилось облегчение: теперь можно было обращаться к нему по-человечески, без словечек типа "солнце" или "зая".
Он рассказал, чем сейчас занимается. На Дебру это явно произвело впечатление, да ему и самому стало чуть полегче. Задал тот же вопрос ей, упомянул: мол, слышал, что она уезжала в Калифорнию, — и Дебра отвела взгляд. Расплывчато ответила: да, там у нее была хорошая работа, только парень оказался урод. Теперь со всем этим покончено. И с работой, и с парнем. И с Калифорнией.
— Вообще-то я хочу уехать на автобусе, — сказала Дебра. — Может, даже сегодня.
— Куда?
Она пожала плечами.
— Не знаю. Куда глаза глядят. И начать сначала. С чистого листа, понимаешь?
— Понимаю.
— Что мне на самом деле нужно, — продолжала Дебра, — так это время. Чтобы подумать о своей жизни.

Он напрягся, словно она пнула его под дых.
— Да. Прекрасно понимаю, о чем ты. — Его голос дрогнул, и он сунул руку в карман. Полиэтиленовый пакетик почти обжег пальцы. Купил он его несколько месяцев назад — и носил с собой, вовсе не думая, что когда-нибудь использует. Просто еще одна фантазия. Конечно, на такое ему смелости не хватит! Но теперь он открыл пакетик и сжал в ладони круглую таблетку.
Через несколько минут Дебра вышла в туалет, быть может, желая уйти от неизбежных томительных пауз в разговоре. Едва она скрылась, он вытащил руку с зажатой в ней таблеткой из кармана. Оглянулся вокруг, заранее обливаясь по́том. Никто на него не смотрел. Одно быстрое движение — и таблетка оказалась в ее недопитом стакане. Целая вечность прошла, пока таблетка растворилась и исчезла, — и все это время и бармен, и любой посетитель могли заметить, что он делает, и поднять тревогу…
Однако никто не заметил.
* * *
К тому времени, как он предложил подвезти ее на автобусную станцию, Дебра уже с трудом соображала. Призналась, что денег на автобус нет. Он сунул ей в руку стодолларовую купюру, и она без возражений убрала ее в карман — похоже, привыкла брать деньги у едва знакомых мужчин.
Стоило сесть в фургон, как Дебра откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. Ящика сзади даже не заметила. Лопаты тоже.

> Некоторое время он всерьез размышлял над тем, чтобы все бросить. Сердце стучало оглушительно, словно подключенное к стереосистеме. Но мозг наполняли образы, которым невозможно было противиться, и… в конце концов,
> она сама сказала, что ей нужно время подумать!

Он повез ее в ближайшее место. Разумеется, было темно — но дорогу он знал. Остановил фургон в нескольких ярдах от вырытой ямы. Вышел, взял с собой фонарь и лопату, подойдя к яме, легко нашел свою метку. Счистил с дощатой крышки землю и песок, откинул крышку — и один взгляд в разинутую черную пасть земли заставил его содрогнуться от сладкого предвкушения. Неужели это не мечта, не фантазия, а на самом деле?!
Открыв заднюю дверь фургона, он достал ящик и потащил его по песку, жалея, что не подъехал ближе и не поставил машину к яме задом.
"В следующий раз", — сказал он себе. Эта мысль его поразила. Разве будет следующий раз? Нет, такое можно совершить только однажды.
Подошел к машине спереди, открыл дверцу с пассажирской стороны. Отстегнул ремень безопасности. Когда наклонялся, в ноздри ударил запах Дебры: от нее пахло дешевыми духами и гнилью. Когда вытаскивал ее из машины, она начала просыпаться, что-то забормотала.
До сих пор ему казалось, что ящик вполне нормального размера; лишь теперь, когда понадобилось втиснуть в него живую женщину, стало очевидно, что для этой задачи он мал. И что ему мешало найти "гроб" побольше?
"Ты же не всерьез собирался это делать", — подсказал внутренний голос.
Он начал заталкивать Дебру внутрь. Она сердито заворчала. Он толкнул сильнее. Она попробовала сопротивляться; тогда он налег на нее со всей силы. Дебра закричала — не слишком громко, да и услышать ее крики здесь было некому. Хныкала, пыталась вцепиться в него ногтями. Он с размаху ударил ее по лицу. Она упала в ящик, ударившись головой, и вскрикнула. Хотела выбраться, схватившись за край ящика, но в этот миг он захлопнул крышку, попав ей по пальцам. С новым криком она отдернула руку, и он запер ящик на щеколду.
Самым сложным оказалось в кромешной темноте спихнуть ящик в яму. Едва сам туда не свалился. Наконец ящик неуклюже встал на место, и из него раздался приглушенный крик. Он выпрямился, тяжело дыша от усилий и от возбуждения, схватил лопату, начал забрасывать ящик землей, но сразу обнаружил новую проблему. Земли вокруг не слишком много — большую яму легко не закопаешь. Ну что за идиот! Надо было привезти землю с собой!

В конце концов он сгреб лопатой землю вокруг, стараясь брать понемногу со всех сторон, чтобы не оставалось подозрительных неровностей, и добавил камней. Камни отлично заполняли пустоту, а когда они с глухим стуком падали на крышку ящика, в ответ раздавались новые и новые крики.

Он работал не покладая рук, боясь остановиться. Скоро крики затихли — а жаль, хотелось бы и дальше их слышать… Хорошо бы и видеть искаженное ужасом лицо, и следить за тем, как она бьется о стенки и крышу своей тюрьмы. Но это, разумеется, невозможно…

И тут его накрыло. Он готов был взорваться; тело властно требовало разрядки.

Всего несколько секунд — и за кульминацией последовало невероятное, никогда прежде не испытанное им чувство полной и блаженной пустоты. Он смотрел на пустую темную дорогу, на силуэт бензозаправки, в звездное небо. И говорил себе: теперь у Дебры есть время, много времени, чтобы подумать о своем поведении!

Вдруг его взгляд остановился на заправке уже по-новому, с иным чувством. До сих пор она его не беспокоила: стояла ночь, и заправка была закрыта. Теперь же словно ударило: а камеры? У них наверняка есть функция ночного видения. Если по несчастной случайности какая-нибудь камера направлена в его сторону…

Как же это она раньше не сообразил?

Но тут же пришел ответ — тот же самый ответ: "Ты не думал, что в самом деле решишься". Может быть, выкопать Дебру, сказать ей, что пошутил? Отвезти на автобусную станцию, купить билет до Нью-Йорка. Она наркоманка — если начнет рассказывать, ей никто не поверит!

А если поверят? А если он попал на камеру…

О боже!

Нужно уничтожить запись.

Платить за модное "облачное" хранилище для записей с камер безопасности затрапезная бензозаправка, разумеется, не станет. Скорее всего, камеры подсоединены к компьютеру. Надо лишь разбить окно, попасть внутрь, уничтожить запись и исчезнуть. Среди разнообразного снаряжения в фургоне есть лыжная маска. А перчатки у него всегда с собой.

Он начал рыться в коробке с инструментами. Разбить окно, проникнуть внутрь, уничтожить запись. Дело двух минут. И он будет в безопасности…

Глава 75

Дейл, Вирджиния, понедельник, 12 сентября 2016 года

Андреа проснулась внезапно: что-то вырвало ее из сна. Какой-то звук — она не поняла, какой.

Звук повторился. Стук в дверь. Она взглянула на часы. Половина двенадцатого. Какого черта?

Андреа встала и босиком прошлепала в гостиную. Кто-то снова постучал в дверь. Стук спокойный, вежливый: похоже, человек с той стороны не торопится.

— Да?

— Мэм, это офицер Браунинг из машины внизу, — послышался из-за двери приглушенный голос. — Мы получили сообщение, что в вашем доме посторонний. У вас всё в порядке?

— Здесь никого нет. Дверь заперта.

— Вы уверены, мэм? Соседка сообщила, что видела, как кто-то поднимался по пожарной лестнице. Не хотите, чтобы я зашел и взглянул?

У Андреа замерло сердце. Пожарная лестница ведет прямо к окну ее спальни! Она уверена, что окно закрыто на задвижку, но… Перед глазами возник ужасный образ: Род Гловер притаился под кроватью и ждет, словно чудище из ночного кошмара. "Мама, у меня под кроватью бука!"

— М-м, подождите… — Андреа подумала о том, чтобы надеть халат; но халат остался в спальне, рядом с окном — и с пожарной лестницей. Ладно, переживет офицер Браунинг, что на ней пижамный топик и нет лифчика.

Она подошла к двери, выглянула в глазок. У двери стоял мужчина в форме; он нетерпеливо оглядывался по сторонам, и Андреа не видела его лица.

Она отодвинула задвижку, отперла замок и распахнула дверь.

— Входите…

Он повернулся к ней лицом — и мир вокруг затрещал и рухнул. Невидимая угроза, смутное детское воспоминание, ночной кошмар — обернулись чудовищной реальностью.

Андреа хотела закричать, но он, каким-то змеиным броском выбросив руку, схватил ее за горло и сжал, и вместо крика из груди вырвался сиплый, задушенный писк. Гловер переступил порог, ногой захлопнул за собой дверь. Полицейская форма ему шла, только безумная свирепая ухмылка на лице никак не могла принадлежать служителю закона.

— Ну, здравствуй, Андреа! — прошипел он. Второй рукой приставил нож к ее щеке, прямо под глазом, и нажал, протыкая кожу острием. — Не сопротивляйся, или Зои достанется одноглазая сестренка. Не кричи. Вообще ничего не делай. Ясно? Если поняла, моргни.

Андреа в ужасе заморгала, открывая и закрывая рот, словно рыба, выброшенная на берег.

— У меня хорошая новость, — продолжал Гловер. — Ты нужна мне живой. Хочу, чтобы Зои, когда вернется, увидела страх в твоих глазах. Пусть пожалеет, что бросила сестренку одну. Пусть чувствует себя виноватой. Так что будешь вести себя тихо — я тебя не трону. Поняла?

Андреа снова моргнула, чувствуя, что на глазах вскипают слезы. Даже если б она и захотела сопротивляться, не смогла бы. Страх лишил ее сил, превратил мышцы в желе. Легкие горели от недостатка воздуха, перед глазами плясали черные мушки.

Гловер чуть ослабил хватку, и Андреа с хрипом втянула в себя воздух.

— Пойдем-ка в спальню, — предложил он.

Медленно шагнул вперед, и ей пришлось попятиться. Неожиданная мысль поразила ее: он знает, куда идти. Двигается спокойно и уверенно, не сводя глаз с нужной двери, как будто план квартиры Зои прекрасно ему известен.

Из груди Андреа вырвалось рыдание.

— Ш-ш-ш! Тихо, тихо!

Шаг. Еще шаг. Одна рука у нее на горле, другая держит нож, пляшущий перед глазом, совсем близко. Андреа в ужасе зажмурилась.

— Открой глаза. И шагай.

Когда они проходили мимо гостевой комнаты, ее дверь открылась. Гловер, казалось, этого не заметил — полностью сосредоточился на двери спальни и на испуганном лице Андреа. Из гостевой спальни показался растерянный Марвин. Встретился с Андреа взглядом — и в его глазах она прочла понимание. Он уже начал двигаться, но Гловер развернулся стремительно, как змея, отшвырнул Андреа к стене, а нож с размаху вонзил Марвину в грудь. Тот ахнул, глаза его остекленели; а Гловер с силой ударил его кулаком в лицо. Что-то хрустнуло, Марвин пошатнулся и упал навзничь, по дороге стукнувшись головой о дверную ручку. На полу вокруг неподвижного тела почти сразу начала растекаться лужа крови.

— Нет! — закричала Андреа.

В следующую секунду нож возник у нее перед глазом.

— Интересный у тебя телохранитель, — прошипел Гловер. — За этот сюрприз я тебе так отплачу, что надолго меня запомнишь!

Он грубо втолкнул ее в спальню. Теперь его лицо затвердело, на нем читался гнев, зубы оскалились в злобной нечеловеческой усмешке. Он развернул ее спиной к себе — и Андреа почти ощутила облегчение от того, что больше не видела его лица. Гловер с силой толкнул ее на кровать.

Несколько секунд пустоты — а затем вокруг горла обвилось что-то мягкое. Какая-то тряпка. Андреа вспомнила, что говорила ей Зои: Гловер помешан на удушении своих жертв.

Ей не выжить.

Даже если изначально он и намеревался оставить ее в живых, то просто не справится со своими желаниями. Изнасилует и задушит, как и всех прочих девушек.

И уже ничего не сделаешь. Тряпка врезалась в горло, Андреа начала задыхаться. Она бессильно цеплялась за простыню, а Гловер, бормоча проклятия, издавая какие-то нечеловеческие звуки, стаскивал с нее пижамные штаны.
Она уже теряла сознание, впадала в блаженное забытье, когда он слегка ослабил давление, и Андреа вновь смогла глотнуть воздуха. Об этом Зои тоже рассказывала: Гловер старается, чтобы его жертвы оставались в сознании до самого конца.
Вместе с воздухом она вдохнула его запах — мерзкий запах пота и чего-то еще, звериного и нечистого. Отчаянно забилась, не желая, чтобы эта тварь к ней прикасалась. А он, сдавленно рыча, тискал и лапал ее обнаженное тело.
И вдруг раздался грохот.
У Андреа зазвенело в ушах. Тряпка, сдавливающая горло, куда-то исчезла, и теперь она могла кричать свободно, во всю мочь, сколько пожелает. Обернувшись, увидела расплывчатый силуэт у дверей. Марвин с пистолетом в руке.
Поискав глазами Гловера, увидела, что он скорчился в углу и с гримасой держится за бок. Глаза его — глаза зверя — метнулись к Марвину, и во взгляде промелькнул страх.
Снова оглушительный грохот — еще один выстрел. Зазвенело, разбиваясь, оконное стекло, и Андреа поняла, что Марвин промахнулся — должно быть, ослаб из-за потери крови и не мог как следует прицелиться. Сейчас Гловер тоже это поймет, бросится на старика и в несколько секунд с ним расправится!
Однако Гловер не стал нападать. Страх ясно читался в его лице — страх хищника, привыкшего к легкой добыче и непривычного к боли. Необходимость сражаться застала его врасплох. Он бросился вперед — не к Марвину и его пистолету, а к двери. Марвин попытался выстрелить в третий раз, но Гловер уже выбежал из комнаты.
Мгновение никто из них не двигался, а затем Марвин шагнул вперед, пошатнулся и рухнул на пол лицом вниз, по-прежнему сжимая в руке пистолет.

Глава 76

Зои сидела на кровати. Вокруг были в беспорядке разбросаны бумаги: снимки с мест преступлений, рукописные заметки, подытоживающие все, что проливало какой-то свет на роль Дебры Миллер.
Зои не оставляло чувство, что личность Дебры может сообщить им что-то важное. Она не похожа на других жертв: нет аккаунтов в "Инстаграме" или "Фейсбуке" (по крайней мере, Зои их не нашла), поэтому убийца не мог выследить ее так же, как других. И, разумеется, она гораздо старше.
Что в ней подтолкнуло его к действию? Напомнила ему кого-то знакомого? Может быть, мать? Или, возможно, его чем-то привлекла ее внешность? Отец сказал, что выглядела Дебра еще хуже обычного. Фотографий этого времени у него, естественно, не сохранилось, но как выглядят наркоманы с многолетним стажем, Зои себе представляла. Скорее всего, очень худая. Плохие волосы и зубы. Обломанные ногти. Нервный тик. Что из этого "завело" убийцу?
Зои очень старалась размышлять хладнокровно, не думая о том, каково пришлось Дебре. Судя по всему, ей пришлось умереть на редкость мучительной смертью.
Зазвонил телефон. Бентли не сразу взяла трубку: ее мысли блуждали далеко отсюда. Затем поднесла мобильник к уху, по-прежнему вглядываясь в свои заметки.
— Алло!
Пару секунд в трубке слышалось лишь шумное, затрудненное дыхание. И вдруг Зои поняла:
— Андреа?!
— Зои… я… пожалуйста, приезжай домой!
— Что такое? — В сознании сиреной взвыла тревога. — Что случилось?
— Гловер ворвался в квартиру. И… напал на меня.

— Ты ранена? — Зои вскочила с кровати. Одной рукой прижимая к уху телефон, а другой взяла сумку и начала лихорадочно швырять в нее вещи. Это невозможно! Почему он напал сейчас? Она не сомневалась, что Гловер будет выжидать, он всегда был осторожен!
— Да… нет. Не знаю. Здесь парамедики. Марвин стрелял в Гловера.
— Марвин стрелял?.. А где полиция? Гловер мертв? — Да что там происходит? И где, черт побери, ее туфли?
— Пожалуйста, возвращайся домой! Пожалуйста, Зои! Ты мне нужна! Я тебя жду! Приезжай скорее! Пожалуйста, приезжай! — Голос сестры дрожал, как в истерике. На заднем плане незнакомый мужчина проговорил, что надо бы дать ей успокоительное.
— Андреа, я уже еду, слышишь? Еду к тебе!
Сестра на другом конце провода горько разрыдалась — и каждый всхлип ножом вонзался Зои в сердце. А потом раздались короткие гудки.
Туфли нашлись в ванной. Зои надела их, двигаясь на автомате, как робот. Все происходящее подернулось дымкой нереальности. По дороге назад схватила сумку, смутно понимая, что собрала совсем не все, что очень много вещей остается здесь… сейчас это не важно. Ничего не важно. Она сбежала с крыльца — и только тут сообразила, что до Андреа пешком не добраться. Заметалась, не понимая, что делать. Тейтум — вот кто поможет! Она подбежала к его номеру и забарабанила в дверь.
— Открой!
Дверь отворилась, на пороге номера возник Тейтум, встрепанный, с дикими глазами и пистолетом в руке. Впрочем, учитывая, как она кричала и колотила в дверь, это было довольно естественно.
— Что случилось?
— Гловер напал на Андреа. Мне нужно домой. Дай мне ключи от машины.
Тейтум, нахмурясь, молча смотрел на нее. Сейчас ей хотелось завизжать, хотелось его ударить.
— Ключи от машины! Скорее!
— Как Андреа? — спросил он, чуть отступая назад, в номер.
— Жива. Больше ничего не знаю. Марвин стрелял в Гловера.
— Что?! С Марвином всё в порядке? — Он еще о чем-то спрашивал, что-то еще говорил, но Зои не понимала ни слова.
— Не знаю! — завопила она. — Дай мне ключи, мать твою!
Ключи он нашел в кармане куртки. Отдал ей. Сказал еще что-то, чего она не поняла, — кажется, спросил, как она собирается добраться в Вирджинию.
— Поеду в Остин. Оттуда можно улететь и ночью, — ответила Зои и, схватив ключи, бросилась на улицу.
Кажется, Тейтум бежал за ней, окликал, о чем-то просил, уговаривал… Она почти не слышала. В ушах, заглушая все, звенели рыдания Андреа — и звали ее домой.

Глава 77

Тейтум стоял и смотрел, как Зои исчезает во тьме, а потом вернулся к себе, глубоко потрясенный. Такой он никогда ее не видел. Она казалась почти обезумевшей. Взгляд, обычно острый и пристальный, был замутнен страхом, по лицу текли слезы, которых Зои даже не замечала.
Наконец, выйдя из ступора и встряхнувшись, Тейтум схватил со стола телефон и набрал номер. Гудок. Еще гудок. И третий.
Наконец Марвин ответил.
— Тейтум? — проговорил он сильно в нос.
— Марвин, с тобой все нормально?
— Я его подстрелил! Подстрелил чертова ублюдка! Он пожалел, что со мной связался!
— А что у тебя с голосом?
— Он мне нос сломал. Но, Тейтум, я его подстрелил!
На заднем плане послышался посторонний голос:

— Сэр,
пожалуйста
, положите пистолет!

— Черта с два! — рявкнул Марвин. — А если он вернется? Кто отстреливаться будет, ты, что ли?
— Сэр, если вы не положите пистолет, мне придется…
— Отвали от меня!
— Марвин, что у тебя там происходит? — заорал в трубку Тейтум.
— Хотят отобрать у меня пушку. Черта с два я ее отдам!
— Смотри, куда стволом тычешь, старый придурок! — завопил кто-то на заднем плане.
Тейтум стиснул зубы.
— Марвин. Отдай пушку копам.
— Да ты свихнулся! А за Андреа кто будет присматривать? Золотая рыбка?
Он потер ладонью лоб.
— Хорошо. Дай трубку полицейскому.
— Эй! Вот, внучок мой хочет с вами парой слов перемолвиться! Он из ФБР.
Секунда молчания, затем другой голос в трубке:
— Алло!
— Специальный агент Грей, — сказал Тейтум. — Кто говорит?
— Офицер Коллиер. Вы — внук этого человека?
— Да. Офицер, что происходит?
— Послушайте, агент, скажите вашему чокнутому деду, чтобы положил чертов ствол! Он нас едва не перестрелял, когда мы вошли. И вообще, по-моему, он спятил.
— Не беспокойтесь, он никого не застрелит, — отвечал Тейтум, молясь про себя, чтобы так и оказалось. — А что с Андреа? Она в порядке?
— Физически почти не пострадала. С ней сейчас парамедики. А вот ваш дед, если не положит пистолет, истечет кровью!
— Истечет кровью?
— Преступник ударил его ножом. А парамедики к нему даже подойти не могут, он ведет себя как ненормальный! Видимо, от шока.
— Да нет, он всегда такой, — вздохнул Тейтум. — Включите громкую связь.
— Э-э… сейчас.
Секунду спустя послышался щелчок — видимо, включилась громкая связь.
— Марвин! — позвал Тейтум.
— Да, чего тебе еще?
— Отдай офицеру пистолет.
— С какой радости, Тейтум? Он мне самому пригодится. Вдруг этот ублюдок решит вернуться и закончить начатое?
Удивительно, даже истекая кровью и со сломанным носом, дед вызывает жгучее желание его придушить!.. Тейтум едва не заорал, но вовремя сообразил, что это делу не поможет. Старый упрямец лишь упрется еще сильнее.
— Хорошо. Ты не хочешь отдавать пистолет полиции. А Андреа отдашь?
— Ну, может быть, — ворчливо ответил Марвин.
— На время. Пока тебя не заштопают.
— Да не надо меня штопать! Подумаешь, царапина!
— Ради меня, Марвин, хорошо? Отдай Андреа пистолет, и пусть на тебя взглянут медики.
— Ты просто заноза в заднице!
Тейтум вздохнул с облегчением и еще некоторое время слушал, как Марвин, Андреа, полицейские и парамедики ведут четырехсторонние переговоры. Наконец трубку снова взял офицер Коллиер.
— Теперь о вашем деде позаботятся, — сообщил он.
— Спасибо.
— Тяжеловато с ним.
— Это уж точно!

— Но, знаете, насколько мы понимаем, он спас девушке жизнь. Крепкий орешек ваш дед!
— Да, он такой. — Тейтум в изнеможении опустился на кровать. — А что с Родом Гловером? Убит?
— Сбежал. Местонахождение неизвестно.
— Как неизвестно? — Тейтум сжал зубы. — Вы же следили за домом, черт побери! Куда он мог деться?
— Сейчас выясняем. Найдем, не беспокойтесь, никуда не денется! Он оставил за собой кровавые следы. Далеко уйти не мог.
— Хорошо, — проворчал Тейтум. — Ладно, офицер, мне пора. Спасибо за помощь.
Он повесил трубку и, прикрыв глаза, задумался о Зои. Ей нельзя сейчас садиться за руль! М-да, зря он отпустил ее одну…

Глава 78

Сан-Анджело, Техас, вторник, 13 сентября 2016 года

Несмотря на хаос прошлой ночи, с утра Тейтум появился на похоронах Николь Медина. Скорбный голос священника разносился под сводами многолюдной церкви, и фоновым шумом звучали на заднем плане приглушенные голоса гостей. Оглядываясь вокруг себя, Тейтум понимал: хорошо, если один из десяти здесь знаком с Николь Медина или ее родителями. Бо́льшая часть людей в церкви — репортеры или любопытные зеваки.
Спать Тейтуму сегодня почти не пришлось. Почти до рассвета он общался по телефону с Манкузо, с полицейскими, начавшими охоту на Рода Гловера, с медиками, что оказывали помощь Марвину и Андреа. Потом лег в кровать и попытался уснуть. Удалось минут за пять до того, как зазвонил будильник, — по крайней мере, такое у него осталось ощущение.
Вспомнив, что машины теперь нет, Тейтум позвонил Фостеру, объяснил ему ситуацию и попросил подвезти. Полицейский ответил, что на похороны не пойдет, слишком занят расследованием, но попросит Лайонс его подхватить. Лайонс появилась четверть часа спустя, и ей тоже пришлось объяснять, где машина и что случилось с Зои.
Теперь, сидя рядом на скамьях, они внимательно оглядывали собравшихся. Тейтум сомневался, что убийца здесь появится, но мало ли. Он всматривался в лица, соображая, кто из них подходит по профилю, — и, честно говоря, подходили очень многие. Долгие часы они с Зои посвятили исследованию разума убийцы и, кажется, более или менее разобрались в этом — однако в вопросе о том, как он выглядит, особого прогресса не было. Около сорока, достаточно крепкий. Белый. На первом видео показал свои руки и ноги, но по ним много не скажешь.
Внимание Тейтума привлекло знакомое лицо. Он нахмурился, пытаясь понять, кто это, потом в мозгу щелкнуло: Гарри Барри. Скромно сидит на задней скамье, что-то записывает в блокнот. Их взгляды встретились, и Гарри кивнул ему.
Был здесь и полицейский фотограф: снимал всех входящих. Позже Фостеру и Лайонс придется провести несколько часов за сортировкой фотографий. Тейтум уже решил, что присоединяться к ним не станет. После похорон он быстро закончит здесь все дела и тоже рванет домой. Он нужен Марвину. И Зои.
— Наши ребята с радаром нашли еще одну яму, — прошептала ему Лайонс, прочтя сообщение в телефоне.
— Хорошо, — пробормотал Тейтум.
Круг сужается. Теперь поймать убийцу — дело нескольких дней, и полиция Сан-Анджело вполне справится без него.
И все же он вглядывался в людей вокруг, пытаясь угадать, не сидит ли по соседству тот, за кем они гонялись всю неделю.
Священник уже заканчивал церемонию. Хоронили Николь в закрытом гробу.
Зазвонил телефон, на экране высветился незнакомый номер. Тейтум отклонил звонок и сунул мобильник в карман.
— Похоже, закругляются, — прошептал он. — Выйду наружу и присмотрюсь к людям, когда будут выходить. А тебе, наверное, лучше остаться.

— Ага, — ответила Лайонс, явно слушая его вполуха. Она читала новое сообщение. Заглянув ей через плечо, Тейтум увидел доклад о месте убийства Дебры Миллер — увы, очень короткий. На месте преступления не найдено ничего, кроме трупа и ящика, в котором он был захоронен. В отличие от других убийств, в ящике и рядом с ним нет посторонних предметов — ни камеры, ни провода, ни какого-либо "реквизита". При трупе лишь сумочка. Лайонс пальцем прокрутила экран вниз и начала читать рапорт о вскрытии.
Склонив голову и стараясь не шуметь, Тейтум вышел наружу. Стояла невероятная жара, даже для Техаса — и то, что на похороны пришлось надеть костюм, делу явно не помогло. Едва оказавшись на улице, Грей начал обливаться потом. "Вернусь в мотель — первым делом в бассейн, — думал он. — А потом прикину, каким рейсом улететь".
Двери церкви отворились, и люди высыпали наружу. Больше десятка фотографов пятились перед процессией или сопровождали ее по бокам, щелкая камерами. Тейтум покачал головой и сосредоточился на остальных. Мог ли убийца замаскироваться под фоторепортера? Сомнительно.
Снова зажужжал телефон — тот же номер.
Он поднес трубку к уху.
— Алло!
— М-м… это Тейтум? — Женский голос, смутно знакомый.
— Да, кто это?
— Сестра Зои.
— Андреа! — Голос такой, словно от девушки одна тень осталась — неудивительно, что он сразу ее не узнал. — Как вы?
— Немного лучше. Только в голове все плывет. Я сейчас на успокоительных. Послушайте, вы не знаете, где Зои? По телефону она не отвечает.
Тейтум ощутил укол тревоги.
— Ну, она сказала, что полетит из Остина, так что, видимо, сейчас в самолете. Поэтому и недоступна.
— Да… да, наверное. Тогда всё в порядке. — Андреа вздохнула с явным облегчением, которого Тейтум не разделял. — Если она с вами свяжется, пожалуйста, попросите, чтобы позвонила мне и сказала, когда приезжает, хорошо?
— Конечно.
— Спасибо, Тейтум! До свиданья.
Она повесила трубку. Грей рассеянно смотрел, как гроб в сопровождении множества людей несут к могиле. Заметив в конце процессии Лайонс, переглянулся с ней и показал жестом, что скоро присоединится. Она кивнула.
Тейтум набрал номер Зои — и попал прямиком на автоответчик. Затем набрал Фостера.
— Да? — нетерпеливо ответил тот.
— Фостер, послушай, это Тейтум. Я… извини, что тебя беспокою, но у Зои не отвечает телефон. Может быть, она просто сейчас в самолете — но вчера уехала в таком состоянии… Я беспокоюсь. Вдруг с ней что-то случилось?
— Хочешь, чтобы я проверил сообщения о дорожных происшествиях за прошлую ночь?
— Если не слишком сложно, — ответил Тейтум с большим облегчением от того, что Фостер сам предложил. — Она ехала в Остин, серебристый "Хёнде Эксент".
— Конечно. Перезвоню.
— Спасибо!
Повесив трубку, он двинулся следом за процессией. Когда гроб опускали в землю, мать Николь горько разрыдалась, и Тейтум оставил все попытки притворяться, что выслеживает здесь преступника. Нет: он пришел отдать последнюю дань уважения девушке, которую они не смогли спасти.
Снова зажужжал телефон. Тейтум вышел из толпы и, отойдя на несколько шагов, ответил. Звонил Фостер.
— Происшествий, в которых участвовала бы женщина, по описанию совпадающая с Зои, сегодня ночью не было.
— Значит, она в самолете! — с облегчением выдохнул Тейтум.
— Из Остина в Вирджинию нет рейсов в воздухе.
Грей нахмурился.

— Может, она уже прилетела и забыла включить телефон?
— Не исключено. Последний самолет приземлился в Вирджинии два часа назад.
У Тейтума упало сердце. Нет, если б Зои прилетела домой два часа назад, сейчас уже добралась бы до Андреа или хотя бы позвонила ей.
— Спасибо, Фостер.
— Когда с ней поговоришь, сообщи мне, ладно?
— Конечно. Пока.
Тейтум снова набрал номер Зои — и снова попал на автоответчик. Попробовал еще дважды, с перерывами — с тем же успехом. Капля по капле, в душу начал просачиваться холодный ужас.

Глава 79

Внутренние часы Тейтума отсчитывали минуты и секунды. Ровно пятьдесят минут с того момента, когда он понял, что Зои нигде нет.
Расхаживая по гостиничному номеру, он обзванивал людей в Сан-Анджело, Остине, Квантико — всех, кто мог дать хоть какую-то информацию. Думал о том, в каком состоянии уехала вчера Зои: с безумными глазами, изнемогающая от страха и тревоги. Как можно было ее отпустить? Но в тот момент он беспокоился о Марвине, поэтому и совершил ошибку. И теперь с пугающей ясностью представлял себе, как серебристый "Хёнде" лежит колесами вверх где-нибудь в канаве и Зои — без сознания, истекающая кровью, быть может, уже мертвая…
Зазвонил телефон. Манкузо.
— Зои не зарегистрировалась ни на один полет, — напряженным голосом сообщила она. — Есть новости о дорожных происшествиях?
— ДОБ разослал патрули по всем дорогам между Сан-Анджело и Остином, ищут, — ответил Тейтум. — Скорее всего, она поехала по Семьдесят первому, а там заблудиться негде. Если б она попала в аварию, мы бы уже… — Вдруг у него упало сердце. — Уже знали… Черт! Манкузо, я перезвоню!
Он дал отбой и выбежал из номера.
Зои не села на самолет. На дорогах между Сан-Анджело и Остином ее тоже найти не могут. Но есть одно место, которое он не проверял. Черт, просто в голову не пришло!
Парковка с другой стороны мотеля.
Арендованный "Хёнде" по-прежнему стоял там. Зои так и не села за руль.
Может быть, поняла, что ей не надо вести машину, и уехала на такси? В этом Тейтум очень сомневался. И для начала решил проверить ее комнату.
Он вошел в холл мотеля, стараясь выглядеть как можно беззаботнее. Чтобы попасть в номер к Зои, можно, конечно, предъявить значок — но тогда дежурный клерк позвонит менеджеру, а тот потребует ордер на обыск… На все эти церемонии нет времени. Девушка за стойкой много раз видела, как они с Зои входили и выходили вместе.
— Добрый день! — заговорил он, натянув на лицо улыбку. — Моя подруга вышла из номера, захлопнув за собой дверь, а ключ забыла внутри. Вы не дадите запасной ключ?
Девушка взглянула на него неуверенно. Тейтум отвел взгляд и кашлянул, изображая смущение.
— Она… гм… ждет у меня. Видите ли, сейчас у нее нет с собой одежды.
Девушка покраснела и, стараясь спрятать улыбку, вручила Грею запасной ключ.
В номере Зои царил беспорядок. На кровати и на полу были разбросаны бумаги. Он быстро их проглядел — все связаны с делом Шредингера. В углу за кроватью нашел пару грязных носков. Зубная щетка и прочее осталось в ванной — видимо, в спешке Зои забыла упаковать туалетные принадлежности. На ночном столике лежали снимки с последнего места преступления. Тейтум взял их, чтобы просмотреть, и под ними заметил визитную карточку.

Джозеф Додсон, электрик, специалист по ремонту кондиционеров. Тейтум нахмурился, потом вспомнил, как несколько дней назад столкнулся в коридоре с незнакомцем, выходившим из комнаты Зои.
Здоровяк в клетчатой рубашке.
Вертя в пальцах визитку, он задумался, не может ли этот человек что-то знать, и тут зазвонил телефон. Номер снова незнакомый. Впрочем, за последний час он говорил со множеством незнакомых номеров.
— Алло!
— Агент Грей? — Человек на том конце провода тяжело дышал, и голос его подрагивал от волнения. — Это Гарри. Репортер.
— Сейчас у меня нет времени…
— Я только что получил еще одно письмо от Шредингера. Видео. — Наглого и циничного репортера, которого помнил Тейтум, словно подменили; казалось, этот человек на грани нервного срыва. — Пересылаю вам ссылку.
И дал отбой.
Секунду спустя телефон пискнул, возвестив о приходе сообщения. На этот раз ссылка вела не на никому не известный сайт, чье имя состояло из бессмысленного набора букв и цифр, а на "Ю-тьюб". Тейтум щелкнул по ссылке, и на экране появилось видео.
Колени у него подогнулись, и он упал на кровать, не сводя глаз с лица Зои.

Глава 80

Тьма.
В первую секунду Зои показалось, что еще ночь и в номере задернуты шторы. Во рту пересохло, и стоял вкус шерсти. Она попыталась повернуться, чтобы взять телефон и посмотреть, который час. И обнаружила, что не в состоянии шевельнуть рукой. Руки были связаны за спиной, в запястья вгрызалось что-то жесткое. Во рту сидел кляп. И все тело ныло, будто ее избили.
Зои попыталась поднять ногу — и сразу уперлась во что-то твердое над собой.
Это сон. Порой она так погружалась в свои дела, что начинала видеть о них кошмары. Однако боль во всем теле, давление на запястья, ощущения во рту… нет, все это слишком реально.
И абсолютная темнота вокруг. Такая, в которой не важно, открыты или закрыты у тебя глаза.
Зои начала извиваться, пытаясь высвободить руки. Тут же наткнулась плечами на стенку слева, стенку справа. Запаниковав, попыталась сесть — и ударилась лбом.
Причем это тесное темное место было наполнено глухими вздохами, стонами, воплями. И лишь когда горло запылало огнем, Зои поняла: объятая ужасом, кричит и стонет сквозь кляп она сама. Куда бы она ни рвалась, везде натыкалась на стену, жесткую, неумолимую. И понимала: дальше только земля. Сверху и снизу, слева и справа: камни и песок. Даже освободив руки, она останется погребенной.
Ужас вымыл из головы все рациональные соображения; тело взяло верх над разумом. Словно зверь в ловушке, Зои выла, билась и мотала головой в тесной клетке, среди бесконечной ночи.

Глава 81

Зои снова закричала. Тейтум окаменел: слушать это было невозможно.
— Выключи звук, черт побери! — дрогнувшим голосом приказал Фостер. Он разговаривал по телефону.
Вместе с Фостером и Лайонс Тейтум сидел в оперативной комнате. На столе стоял ноутбук, на экране транслировалось видео. По всему отделению полиции, на всех столах, на всех

компьютерах крутилось это же видео, изо всех динамиков раздавались эти же крики. Грей взглянул на часы — должно быть, уже в десятый раз с тех пор, как сюда вошел. Видео длится час двадцать. А сколько Зои провела в ящике? Два часа? Три?
Или восемь?
Лайонс с опухшими от слез глазами сидела перед вторым компьютером. Звук она не выключила, и все понимали, почему. Есть шанс — пусть и ничтожный, — что им удастся провернуть тот же трюк, что с Джулиет Бич. Едва Тейтум рассказал Фостеру о видео, тот разослал по городу и окрестностям патрульные машины, приказав им проигрывать через динамики музыку на полной громкости.
Но когда Зои затихала, с экрана не доносилось ни звука. И Тейтум знал: Шредингер не повторяет своих ошибок. Где бы он ни закопал пленницу, она зарыта глубоко, там, куда никакой звук не донесется.
— Новый коммент, — сказала Лайонс. — "Это фэйк". "Фэйк" через "э".
В первый раз у видео Шредингера появились комменты. И счетчик просмотров, и даже лайки и дислайки. На "Ю-тьюбе" Шредингер расположился как у себя дома: завел собственный канал, назвал его тоже, разумеется, "Шредингером". Видео озаглавил "Эксперимент номер четыре". Киберкоманды ФБР и ДОБ пытались найти цифровые следы канала, но Тейтум особых надежд не питал.
Он ходил по комнате взад-вперед, периодически застывая и снова вглядываясь в экран. Видео казалось темнее обычного, детали различались с трудом. Зои лежала на спине, с кляпом во рту: волосы растрепаны, лицо мокро от слез. Позади видна деревянная стенка. Никаких декораций, никаких намеков на яд или взрывчатку. Видео идет без перерывов.
На миг Тейтума охватила паника, все мыслительные процессы прервал леденящий страх за жизнь Зои. Потом он заставил себя дышать глубоко и мыслить рационально. Истерика Зои точно не поможет.
Снова взглянул на часы. Час двадцать три минуты с начала видео.
Две команды с радарами работали так быстро, как только могли. Используя формулу Зои, Тейтум расширил радиус поисков; однако могила Бентли, скорее всего, была засыпана глинистой почвой, так что шансы оставались почти нулевыми. Даже проведя радаром прямо над ней, ее вряд ли найдут. Тот же сектор прочесывали кинологи с собаками.
— Шеппард чист, — сказал Фостер, кладя телефон. — Я только что говорил с ребятами, которые за ним следят. Он никак не мог схватить Зои.
У Тейтума болезненно сжалось сердце. До сих пор Шеппард был их основной версией. Что же остается?
— Единственный оставшийся у нас подозреваемый — парень по имени Джозеф Додсон, — словно ответил на его мысли Фостер. — Сейчас его везут сюда. Есть соображения?
Тейтум напряг все силы, чтобы сосредоточиться, чтобы думать об этом просто как об еще одном "деле".
— По возрасту приблизительно подходит. Физически сильный. Занимается ремонтом кондиционеров, так что, скорее всего, располагает рабочим фургоном. Вполне возможно, обладает необходимыми техническими навыками, чтобы установить в ящике камеру и транслировать видео в Интернете. Кроме того, близок с Зои, мог получать от нее сведения о ходе расследования.
— Ставлю на него, — угрюмо заметил Фостер.
Все замолчали — слышалось лишь взволнованное, затрудненное дыхание Зои с той стороны экрана.
— Но почему "Ю-тьюб"? — в третий раз за последний час спросила Лайонс.
— Из-за комментов, — нетерпеливо ответил Фостер. — Хочет почитать, в каком все ужасе и шоке.
Тейтум нахмурился.
— Не укладывается в профиль. Этот парень хочет не развлечься, а показать, какой он умный. Интересуй его комменты, он сделал бы возможность комментировать видео у себя на сайте. Нет, думаю, на них ему плевать.
— Тогда что?

Грей снова взглянул на видео. Что получают пользователи "Ю-тьюба", кроме комментов? Что-то такое, что на собственном сайте убийце недоступно… Пока в голову приходила только реклама, но вряд ли убийца надеется подзаработать на рекламных роликах…
— Траффик! — вдруг сказала Лайонс, указав на меняющиеся цифры под видео. Число просмотров достигло уже нескольких тысяч и постоянно росло.
— Точно! — согласился Тейтум, стараясь не обращать внимания на подступающую к горлу тошноту. — Уже с Джулиет Бич у него возникла эта проблема. Сайт с трудом справлялся со множеством обращений. А на этот раз, похоже, он хочет широкой публичности. Чтобы "эксперимент" видели все. Хочет своей вожделенной славы.
— Как только кто-нибудь пожалуется на это видео, "Ю-тьюб" его заблокирует, — заметила Лайонс. — И что тогда?
Сердце Тейтума пропустило такт.
— Не позволим. С этим я разберусь.
Он позвонит Манкузо, попросит связаться с руководством "Ю-тьюба" и объяснить им ситуацию, чтобы они не блокировали видео, пока Зои не окажется в безопасности. Пусть это и будет именно то, чего хочет убийца… Черт, они сами делают за ублюдка его работу!
У Фостера зазвонил телефон.
— Да, — сказал он в трубку. — Ведите сюда, в допросную номер один. — И дал отбой.
— Джозеф Додсон? — спросила Лайонс.
— Он. Только что привезли. Собираем основания для ордера на обыск.
— Может, нам и не хватит материала, чтобы получить ордер, — заметила Лайонс.
Фостер поднял на нее мрачный взгляд.
— Мы обыщем его дом, — коротко ответил он. — Так или иначе.

Глава 82

Зои не знала, сколько прошло времени с тех пор, как она очнулась. Измученная, порой она вообще переставала себя ощущать — то ли теряла сознание, то ли мозг просто отключался, и тело панически трепыхалось по собственному разумению. Следить за течением времени здесь можно было лишь по нарастающему давлению в мочевом пузыре да по тому, как все нестерпимее становилась жажда. Вспоминая вчерашний день, Зои понимала, что почти не пила, и теперь очень об этом жалела.
Впрочем, убьет ее не жажда, а нехватка воздуха.
В первый раз после пробуждения, не в силах больше ни метаться, ни кричать, она немного успокоилась и принялась обдумывать свое положение.
Когда расследование только начиналось, аналитик из Квантико предположил, что Николь Медина могла прожить под землей двенадцать часов. Джулиет Бич пролежала в ящике около девяти часов — и, когда ее нашли, была на грани смерти. Зои не знала, какого размера ящик, в котором она похоронена, но логично предположить, что примерно такой же, как предыдущие. Сама она маленького роста и хрупкая; вероятно, воздуха в ящике ей хватит на дольше, чем прошлым жертвам.
Правда, она кричала и металась, сильно снизив свои шансы.
Чтобы снизить потребление кислорода, надо уснуть. К несчастью, это не вариант: слишком уж ей плохо. Значит, просто лежать тихо и оставаться спокойной.
Вот со спокойствием-то как раз проблема… И сейчас на краю ее сознания бродит ужас, только и поджидая, когда она снова наткнется на стенку, снова ощутит, что мир смыкается вокруг нее, снова вспомнит о тоннах земли и песка над своей тесной тюрьмой.
Зои попробовала применить обычную технику релаксации: сосредоточилась на своем теле, глубоко и ровно дыша, постаралась расслабить мышцу за мышцей. Однако сосредоточиться не удавалось — по-прежнему мучили пугающие мысли.
Успокоиться, освободить разум у нее не выходит. Значит, надо наполнить его мыслями — только другими.
Зои попробовала сосредоточиться на сестре — но в этих мыслях было слишком много неопределенности, тревоги и страха иного сорта, так что этот вариант она быстро отмела. В

конце концов, Андреа жива — и сейчас, по всей вероятности, в куда лучшем положении, чем сама Зои.
Вполне возможно, ее сейчас снимают и показывают в Интернете. Если она додумается до чего-то интересного и даст знать об этом зрителям… Черт, тогда сможет спасти себе жизнь!
Надежда своими силами выбраться из ловушки увлекла ее и сильно приглушила страх.
Немного поворочавшись, Зои прижалась к стенке щекой. Дерево, довольно гладкое. Она попыталась вспомнить, были ли гладко обструганы ящики предыдущих жертв. Вроде бы нет. Этот какой-то другой? Принюхалась — никаких запахов, кроме своего собственного, не ощутила. Затаила дыхание и целую вечность лежала, напряженно вслушиваясь во тьму. Ни звука.
Зрение и вкус здесь ничем ей не помогут. А слух, обоняние и осязание, похоже, бессильны.
Она постаралась вспомнить, что случилось прошлой ночью. Воспоминания возвращались обрывками, отдельными картинами — наверное, потому, что тогда Зои была расстроена и напугана почти до умопомрачения. Она помнила, как решила лететь домой из Остина. Короткий разговор с Тейтумом — что он ей говорил? Потом побежала на парковку, а там… Боль. Все мышцы вдруг свело болью. Она упала и не могла пошевелиться.
Шокер! Он обездвижил ее шокером, а затем как-то вырубил. Изменил своей обычной тактике. Стал более уверен в себе? Или не хотел ждать? Возможно, и то, и другое.
Зои изо всех сил старалась припомнить еще хоть что-нибудь полезное. Однако память показывала лишь силуэт "Хёнде" в полумраке и… ничего, только боль.
Разумеется, нельзя терять надежду. Зои знала, как работает память. Воспоминания, которые кажутся безнадежно утраченными, могут вернуться в самый неожиданный момент и с потрясающей ясностью. Надо подождать. Подождать — и занять мозг чем-то другим. С закрытыми глазами и не шевелясь можно почти забыть о том, где она.
И Зои нашла лучший способ отвлечься — сосредоточилась на деле. Работая, она забывала обо всем: часами пыталась влезть в голову убийце, понять, как он думает, что чувствует, каковы его мотивы и потребности, что его заводит. Обычно для этого она окружала себя фотографиями жертв и снимками с мест преступлений, но теперь приходилось работать с тем, что есть.
Вчера вечером, перед тем, как позвонила Андреа (на мысли о ней Зои задержалась на секунду, а затем поспешно ее отбросила), она думала о Дебре Миллер. Дебра Миллер — первая жертва, та, что подтолкнула убийцу перейти от фантазий к действиям.
Если убийца знал Дебру и знал, что она бежит из города, то понимал, что о ее исчезновении никто не заявит.
И это всё?
Точно нет. Мало ли на свете одиноких и бездомных девушек! Легче было бы подобрать какую-нибудь проститутку в баре или на дороге. Этот убийца всегда интересовался девушками, у которых есть дом и семья. Дебра катилась по наклонной, и все же у нее были любящие родители и место, куда можно вернуться.
Найти бы что-то общее между Деброй и тремя другими жертвами!.. Дебра значительно старше остальных. Наркоманка, явно нездорова. Остальные молоды и в полном порядке. Дебра стремилась бежать от своей нынешней жизни: похоже на Мэрибел Хоу, но не относится к Николь Медина и Джулиет Бич.
Хорошо, сказала себе Зои, зайдем с другой стороны. Посмотрим, что общего у этих трех жертв, а потом — применимо ли что-то из этого к Дебре Миллер.
Физически все три девушки разные, но все хороши собой. Джулиет Бич просто красавица, две другие очень ничего. Может, убийцу привлекла внешность Дебры? Она была худой, как Джулиет и Николь; однако Мэрибел была довольно пухленькая, с круглыми щечками. Нет, вряд ли ответ в фигуре.
Он следил за девушками через социальные сети. Все три девушки часто обновляли "Инстаграм", все выглядели вполне довольными жизнью. Впрочем, в мире соцсетей, полном фальшивых улыбок, это неудивительно. Все фотографировались с разными мужчинами — может быть, это его цепляло? Может, и Дебра Миллер, на его взгляд, выставляла себя напоказ, вела себя развратно или непристойно?
Да нет, насколько Зои могла судить, аккаунты у девушек, по стандартам соцсетей, очень невинные. Никаких откровенных снимков, никаких бикини, голых спин или даже

"дакфейсов". Девушки как девушки, живут обычной жизнью, развлекаются, ходят куда-то с друзьями…
С друзьями. Все три были популярны. По крайней мере, в виртуальном мире. Много снимков с разными людьми, много подписчиков. У всех трех — более пятисот фолловеров в "Инстаграме".
Итак, три девушки были красивы и популярны, а Дебра одинока, да и выглядела не очень. Неужели он искал полную противоположность Дебре? Или…
В памяти всплыли слова отца Дебры. "В школе — настоящее солнышко, такая светлая, счастливая. Все ее любили, все хотели с ней дружить…" Здесь, в тесной камере-одиночке, лишенная и зрения, и слуха, Зои услышала его голос так ясно, словно он повторил эту фразу над самым ее ухом.
"В школе".
Для убийцы все четыре жертвы были одинаковы. Красивые, популярные девушки.
Но Дебра после школы быстро стала одинокой и несчастной.
Местный парень… Он учился с ней в школе!
Теперь Зои не сомневалась, что права. Однокашники! Она — очаровательная девушка со множеством друзей; он — странноватый застенчивый парень, одиночка. Часами фантазирует о ней в классе. По профилю ясно, что он склонен к навязчивым фантазиям; наверняка таким же был и в детстве. Дебра стала для него наваждением, избавиться от которого окончательно ему не удалось. И вот, много лет спустя, он снова ее встречает. Он расстроен и зол, может быть, из-за каких-то проблем на работе: уволили, не дали повышения, начальник наорал, что-нибудь такое… И вдруг — она! Возвращается в его жизнь больше чем двадцать лет спустя. Триггер! Он срывается и осуществляет свою давнюю фантазию.
Что ж, это уже на что-то похоже. Сколько ребят учится одновременно в местной старшей школе? Отбираем тех, кто соответствует по возрасту и по профилю, снимаем отпечатки пальцев, сравниваем с тем частичным отпечатком, что у нас есть, — и готово!
К несчастью, для нее все это сейчас недоступно. Но есть полиция. И Тейтум. Как сообщить им то, что она поняла?

Глава 83

Полицейский в форме заглянул в оперативную.
— Фостер, Джозеф Додсон здесь.
— Хорошо, — ответил тот. — Иду.
Офицер закрыл дверь, а Фостер повернулся к Тейтуму и Лайонс.
— Так, придется соображать быстро! Время поджимает.
Обычно подозреваемому сначала дают попотеть, а потом принимаются обрабатывать — по очереди, по принципу "доброго и злого следователя". Но сейчас на счету каждая минута. Пока подозреваемый потеет, Зои задыхается в могиле. Тейтум взглянул на экран. Последние двадцать минут она лежала неподвижно, с закрытыми глазами — и это пугало куда сильнее, чем крики и борьба.
— Как думаешь, как лучше повести дело? — спросил он.
— Ты заходи первым, — ответил Фостер. — Тебя он уже видел и в курсе, что ты знаешь, кто он. Может, это выбьет его из колеи. Пожалуй, стоит взять с собой реквизит, как тогда, с Шеппардом. Снимки с мест преступлений, толстую папку, его визитку в пакете для улик. Пусти ему пыль в глаза, сделай вид, что мы знаем больше, чем на самом деле. Потом захожу я и говорю, что могу снять у него с хвоста федералов, если он скажет, где Зои… Как-то так.
Тейтум поколебался. С обычным преступником такое бы сработало, но с серийным убийцей?..
— А что с ордером на обыск? Проще будет прижать его к стенке, если найдем что-то конкретное.
Фостер вздохнул.

— Если не получим через десять минут, мы просто… — И он неопределенно повел рукой в воздухе. Тейтум понял его и кивнул. Фостер намерен обыскать дом Джозефа Додсона с ордером или без.
Однако Грея беспокоило кое-что еще.
Очевидно, Зои переспала с этим Додсоном. Неужели не заметила никаких признаков? Настолько слепа? В детстве Зои дружила с соседом, Родом Гловером, а он оказался безжалостным серийным убийцей. Тейтуму хотелось верить, что его напарница не способна повторить такую ошибку.
Хотя, конечно, из психопатов иногда выходят прекрасные актеры…
— Вот что я тебе скажу, — ответил он наконец. — Первым иди ты. С реквизитом и всем прочим. Через полчасика присоединюсь я, и разыграем эту сцену про ФБР. А Лайонс, будем надеяться, тем временем найдет в квартире у этого парня что-нибудь полезное.
— Уверен? — нахмурившись, переспросил Фостер.
— Да. Мне нужно кое-что обдумать. Привести мысли в порядок.
Долгое мгновение детектив смотрел на монитор, затем шумно выдохнул и вышел, прикрыв за собой дверь.
Тейтум повернулся к компьютеру. Теперь Зои лежала с открытыми глазами. Иногда мигала — лишь это подсказывало, что она жива. Число просмотров измерялось уже шестизначной цифрой. История распространилась по всем новостным каналам, ссылка на видео облетела все социальные сети. Убийца получил то, что хотел. На дело рук его смотрел весь мир.
— Что бы ты сказала, будь ты здесь? — вопросил Тейтум, обращаясь к экрану. Затем снова начал мерять шагами комнату. Допустим, Джозеф — не тот, кто им нужен. Что тогда? Что сделала бы Зои?
Проанализировала бы все, что им известно. Оценила бы значение каждого факта. И постаралась бы сделать новые умозаключения.
Зои опять закричала сквозь кляп и забилась в своей темнице. Широкими шагами Тейтум подошел к компьютеру и выключил звук. Чертово видео смотрит множество народу, и если там прозвучит что-то важное, он и так об этом узнает.

> Он сел за стол, достал блокнот. Закусил губу. Затем написал: "
> Неизвестный напал на парковке
> ".

> По крайней мере, в этом можно не сомневаться. С ключами от машины Зои вряд ли побежала куда-то еще. И на парковке темно и пустынно. Подумав еще, приписал снизу:
> "
> Следил за ней и ждал подходящего случая
> ".

Значит, у убийцы изменилась стратегия. Он выбрал своей мишенью именно Зои и целенаправленно следил за ней. Почему? Ради славы? Решил убрать с дороги человека, который подобрался к разгадке ближе прочих? Зои публично опозорила его в интервью. Может быть, это подтолкнуло его действовать?
Тейтум попытался представить, что убийца — тот парень, Джозеф. Нет, не сходится. Если б Джозеф хотел похитить Зои, достаточно было бы прийти к ней в номер и постучать в дверь. Она его знает. Открыла бы — а дальше уже можно обездвижить, подсыпать наркотик ей в питье или что-нибудь еще.
Едва он об этом задумался, начали всплывать и другие странности. Когда убийца пытался вломиться на бензоколонку, на нем были латексные перчатки. Но Джозеф — электрик. Дядя Тейтума тоже работал электриком. И Тейтум помнил, что на работе он пользовался особыми резиновыми перчатками, куда плотнее и крепче обычных латексных.
Джозеф очень крупный. Телосложение убийцы по первому видео оценить сложно, но все же Тейтуму показалось, что он человек обычных размеров. И будь убийца необычно высоким или широкоплечим, вряд ли он стал бы снимать себя на видео — побоялся бы, что это заметят.

И прежде всего, тогда
Зои знала бы.

Глава 84

Зои пыталась произнести хоть что-то через кляп. В результате ее чуть не вырвало. Последовала паническая атака, однако она заставила себя успокоиться. Не удастся ли избавиться от кляпа? Она попробовала вытолкнуть его языком… и вдруг замерла.

Не только полиция смотрит видео. Наверняка смотрит и
он.
И если удастся убрать кляп или подать какой-то сигнал, он тут же прервет трансляцию.
Все шансы помочь своим сведутся к нулю.

Нужно придумать что-то такое, чего он не заметит. Или заметит лишь задним числом, когда она уже передаст сообщение. Значит, никаких слов, звуков, жестов.
Единственный безопасный способ — моргать.
Как она жалела сейчас, что не знает азбуки Морзе! Впрочем, кто вообще в наше время ее знает? Серией морганий, коротких и долгих, она смогла бы сообщить все что угодно. Но Морзе исключается. Единственная возможность — передавать морганием числовые значения букв. В алфавитном порядке: А — одно мигание, Б — два, и так далее… Черт, тридцать три мигания для буквы Я! После каждой буквы долгая пауза. Пробелы между словами пусть как-нибудь расставят сами.
Мысленно она составила короткое сообщение. "Убийца знал Дебру Миллер в школе". Определенно лучше сократить. И, по возможности, придерживаться первой половины алфавита. "Он знал Дебру в школе". Намного лучше!
Так, ладно. О — это 16, Н — 15, З — 9… попробуем!
Задача оказалась почти невыполнимой.
Мигать надо натурально, чтобы убийца не заподозрил неладное. Коротко и легко, почти незаметно. И внимательно считать, сколько раз мигнула. В кромешной тьме, где трудно понять, открыты у тебя глаза или закрыты…
Зои дошла до буквы Л, потеряв по дороге вторую Н — и поняла, что больше не может.
Она всхлипнула. Что же теперь, начинать сначала? Убийца не дурак. Он скоро заметит, что мигает она как-то неестественно. Нет! Это вообще не сработает! Сообщение должно быть короче — намного короче! Но таким, чтобы хоть кто-то смог понять, что она имеет в виду.
Надо обратиться к конкретному человеку.
Тейтум! Да, Тейтум поймет. С ним она обсуждала связь между убийцей и Деброй. И, уезжая, оставила в номере свои заметки о Дебре — он должен был их видеть. Он догадается, о чем речь!
Новое ее послание было короче и проще некуда: ШКОЛА. 26-12-16-13-1.
Надо попробовать.
Однако, если не давать убийце то, что ему нужно, он может прекратить трансляцию просто с досады или от скуки. А этого позволить нельзя.
Так что Зои снова задергалась и закричала.
* * *

Он сидел на работе, заперев дверь, чтобы никто не зашел, и смотрел на Зои Бентли. Дел было полно, но он не мог оторваться от видео. Лучше всего получился первый час: вне себя от ужаса, она вопила и билась, принося ему невообразимое наслаждение. Где теперь ее хладнокровие и расчетливость? Вот что случается с людьми, когда им дают время подумать
!

Потом Зои успокоилась, и это начинало его раздражать. Как же так? Всего семьдесят три минуты качественного материала? Он ожидал большего!
Целую вечность она лежала спокойно, а он жалел, что не может как-нибудь ее расшевелить. Пожалуй, в следующих экспериментах…
Она открыла глаза и некоторое время просто моргала. Что это у нее с глазами? Какая-то нервная реакция?
А потом снова начала вопить и биться, еще сильнее, еще яростнее прежнего. Ах, какое наслаждение!.. Скоро им овладела похоть; раскрасневшись, тяжело дыша, он потянулся к ящику за "Клинексом".
Когда закончил, Зои уже успокоилась и лежала с закрытыми глазами. Он испустил долгий дрожащий вздох. Самый удачный эксперимент!
* * *
Зазвонил телефон — Гарри. Тейтум поднес мобильник к уху.
— Да?
— Вы смотрите видео? — взволнованно спросил Гарри.
— Нет, а что?
— А вы посмотрите! По-моему, Зои пытается что-то нам передать!
Тейтум подбежал к компьютеру и взглянул на экран. Вначале он не заметил ничего необычного. Лежит с открытыми глазами, моргает. Как-то странно моргает… Быстро-быстро, потом останавливается, потом снова быстро…
— Она… она моргает в каком-то определенном порядке!
— Это не азбука Морзе, я проверил.
Зои вдруг зажмурилась, а через несколько секунд вновь начала извиваться и пинать ногами крышку своего гроба. Тейтум сморщился и отвернулся.
— По-моему, притворяется, — сказал Гарри.
Грей повернулся к экрану.
— Откуда вы знаете?
— Я много лет пишу о секс-скандалах и знаменитостях. И, уж поверьте, вижу, когда кто-то играет на публику, — самодовольно заявил Гарри. — Скоро прекратит. Она уже два раза так делала. Сейчас увидите сами.
Как и предсказывал Гарри, Зои вдруг замерла с закрытыми глазами. Вид у нее был измученный.
— Готовьтесь, сейчас начнет.
Зои открыла глаза и заморгала. Лишь через секунду Тейтум отреагировал.
— Считайте! — заорал он в трубку. — Считайте, сколько раз она моргнула!
И сам начал считать, записывая результаты в блокнот. Минуту спустя Зои снова закрыла глаза.
— Есть! — сказал Гарри. — Двадцать пять — двенадцать — шестнадцать — тринадцать.
— У меня вышло: двадцать четыре — двенадцать — шестнадцать — двенадцать — один, — пробормотал Тейтум. — И, кажется, пауза после второй дюжины.
— Если там пауза, значит, "двенадцать и один" — всего тринадцать.
— Нет. Именно двенадцать и один. Если это не Морзе, то, скорее всего, номера букв в алфавитном порядке. Количество миганий — номер буквы.
— Ладно. Так, посмотрим. Двадцать четыре — это… А, Б, В…
— Можно не вслух? — рявкнул Тейтум. — Я так думать не могу!
Он быстро выписал в блокнот азбуку, поставил под каждой буквой порядковый номер и начал сравнивать с тем, что успел записать. Зои на экране снова закричала.
— Ага, — сказал в трубке Гарри. — У меня получилось… ЦКОЛ. Бессмыслица какая-то.
— А у меня ЧКОКА, — пробормотал Тейтум.
— Если в конце была единица, то… ЦКОЛА… ЧКОКА…
— Школа! — заорал Грей. — Это "школа"!
— Точно! — радостно откликнулся Гарри. — Она говорит, что ее закопали в школе!
— В этом есть смысл… — Тейтум поколебался. — Откуда ей знать, где ее закопали?
— Может быть, слышала какие-нибудь звуки и поняла?
— Может быть, — согласился агент. — Немедленно проверим!

— Отлично! Держите меня в курсе.
— Угу, — промычал Тейтум, повесил трубку и хотел уже бежать прочь из комнаты, но вдруг остановился.
Зои пыталась найти связь между убийцей и Деброй. А что, если она имеет в виду именно это?
Снова проклятая неизвестность! Неверное решение заставит их потерять драгоценное время — и, скорее всего, будет стоит Зои жизни. Необходимо исследовать обе версии. Фостера и Лайонс он попросит поискать Зои в местных школах. Это самый вероятный сценарий.
А сам заглянет в школьные годы Дебры — на случай, если Зои говорит именно о них…
* * *
Кристин Манкузо сидела перед компьютером, открытым на странице "Ю-тьюба", и беспрерывно говорила по телефону. Звук она давно выключила, а выключить видео так и не смогла. Не решалась. Как будто это значило предать Зои, бросить ее одну во тьме.
Она только что закончила долгий разговор с главой отделения ФБР в Сан-Антонио. Шесть его лучших людей были сейчас в Сан-Анджело; аналитики бегали по потолку, пытаясь разыскать Зои. По крайней мере, так он говорил. Слова, слова, слова, думала Манкузо. Все для того, чтобы успокоить ее, или прикрыть свою задницу — или, вернее всего, и то, и другое. Но что ей остается? Только вести разговоры со всеми, кто в состоянии помочь.
Она снова набрала Тейтума, чтобы узнать новости. Номер был занят.
И вдруг телефон у нее в руке зазвонил.
— Алло!
— Агент Манкузо? — Знакомый голос, хотя сразу она его не узнала.

—
Шеф
Манкузо.

— Ах да, шеф. Верно. Это Митчелл Лонни из полиции Гленмор-Парк. Помните меня?
Вспомнила она не сразу. Молодой парень, симпатичный, с грустным взглядом зеленых глаз.
— Да, Лонни, помню.
— Послушайте, я сейчас смотрю видео…
— Я тоже, Лонни. Очень жаль, но новостей пока нет.
— Нет, послушайте. Я кое-что понял! Зои пытается что-то нам сказать! Она мигает в определенном порядке, и…
— "Школа", — прервала его Манкузо. — Она вымигивает слово "школа".
Наступило молчание.
— Ну да, — сказал наконец Лонни.
— Знаю. Это мне уже сообщили напарник Зои и трое аналитиков.
— Я просто хотел помочь…
Манкузо прикрыла глаза, досадуя на себя.
— Понимаю, — ответила она мягче. — Спасибо. Мы делаем все, что можем.
Делают все, что могут… В этом-то и беда. До Зои не дотянуться. Ни Манкузо, ни Лонни, никто другой практически ничего не в силах сделать. Только смотреть.
* * *
В непроглядной тьме Зои продолжала свое дело. Тридцать секунд панических метаний. Затем досчитать до десяти и промигать послание. Минута отдыха. И все сначала. Паника — пауза — мигание — отдых. Паника — пауза — мигание — отдых.
Зои не знала, видит ли ее кто-нибудь. Не знала, расшифровали ли ее послание. Понимала, что скоро придется остановиться. Она потребляет слишком много воздуха.
И все же, пока могла, она продолжала. Мигала в пустоту — и ждала.
* * *
Что-то подозревать он начал на четвертом приступе паники. Как-то слишком регулярно происходили у нее истерические припадки. Словно по расписанию. Верно, Зои Бентли —

такой человек, от которого ждешь, что и истерики у нее будут случаться по заранее продуманному плану. Тем не менее…

Он внимательно смотрел, как она мечется, дергается и мотает головой. Глаза закрыты, но что-то не так. Он видел в таком положении уже несколько женщин, включая и ее саму, и сейчас… как-то неправильно она себя ведет.

Бентли замерла на полминуты, а потом началось нервное мигание.

Нет, не нервное. Наоборот! Методическое.

Он всмотрелся, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Она передает какие-то сигналы! Как же он раньше не заметил? Слишком поглощен был собственным возбуждением, слишком упивался ее страхом…

Она его одурачила!

Он быстро поставил видео на паузу, прервав трансляцию. Прокрутил экран вниз и начал читать комментарии:

— "Школа"! Она мигает слово "школа"!

— Да фейк это все.

— А по-моему, "шхуна".

— Нет, определенно "школа".

— Я начал считать, но сбился.

— ФЕЙК

— Школа!

— Точно, школа!

Сотни людей заметили это раньше него!

Он был близок к панике, но усилием воли заставил себя успокоиться. "Школа"? Что это вообще значит? Она что, думает, что он закопал ее в школе?

Он усмехнулся и покачал головой. Ничего подобного! И очень хорошо, что он отключил трансляцию, пока она не сообщила что-нибудь еще.

Глава 85

Человек, открывший ему дверь, выглядел ужасно, краше в гроб кладут. Мертвенно-бледное лицо, налитые кровью глаза. Исходящий от него запах напомнил Тейтуму, как умирала в больнице его тетушка. Как бы старательно медсестры ни проветривали палату, как бы часто ни протирали дезинфектантами изъеденное болезнью тело, ничто не могло истребить вонь подступающей смерти.

— Мистер Миллер? — спросил Тейтум.

Старик кивнул устало и раздраженно, как бы говоря: "Какого черта вам здесь надо?" В его дыхании чувствовался запах алкоголя.

— Агент Грей, ФБР. — Он показал значок, на который мистер Миллер даже не взглянул. — Можно вас на несколько минут?
— Конечно, — хрипло ответил старик. — Вы насчет Дебры?
— Да. Хотел узнать… у вас сохранились ее школьные альбомы?
Он ожидал вопросов, не удивился бы, если б скорбящий отец попытался сорвать на нем гнев; однако мистер Миллер просто кивнул и жестом пригласил его зайти. В доме было темно, и в воздухе висела та же тонкая вонь умирания. Тейтум старался дышать неглубоко и через рот.
Мистер Миллер провел его в комнату, которая могла принадлежать только самой Дебре. В отличие от остального дома, она была залита светом: солнце било в большое запыленное окно. На кровати Тейтум заметил углубление, словно недавно здесь кто-то сидел. Должно быть, последние сутки мистер Миллер провел в этой комнате, оплакивая давно убитую дочь.
В углу стоял небольшой книжный шкаф, полный книг и фотоальбомов.
— Можно мне их забрать? — спросил Тейтум.
— Лучше не надо, — ответил старик. — А смотреть можете, сколько хотите.
Тейтум не стал спорить и достал последний по времени школьный альбом, за 1993 год.
— Не хотите чего-нибудь выпить, агент Грей?
— Просто воды, спасибо, — ответил Тейтум, уже перелистывая страницы.
Никакого определенного плана у него не было. Тейтум решил обращать внимание на ребят, которые чем-то выделяются: странно одеты, не улыбаются, не появляются на групповых фото.
Скоро стало ясно: Дебра в самом деле пользовалась невероятной популярностью. Какой групповой снимок ни возьми — везде в центре она, хорошенькая, как куколка, и сияющая улыбкой. В полном соответствии с самыми замшелыми клише, даже выступала в команде чирлидеров. Какой контраст с той женщиной, что встретил убийца много лет спустя!
Вдруг Тейтум застыл: на одной фотографии его внимание привлекло знакомое лицо. Улыбающийся подросток-афроамериканец. Сэмюэл Фостер.
Черт, ну разумеется! Как он не сообразил? Фостер говорил, что учился вместе с Деброй в школе. Он зря тратит драгоценное время — надо было сразу пойти к Фостеру и расспросить его о бывших одноклассниках! Тейтум уже готов был отложить альбом, поблагодарить Миллера и вернуться в участок, как вдруг его внимание привлекло еще одно лицо. Парень в очках и с буйными кудрями. Подпись под фотографией: Клайд Прескотт.
Тейтум нахмурился, вглядываясь в снимок: вроде бы этого парня он уже где-то видел, и не раз. Полистал альбом — на групповых снимках или на клубных фото Клайда не было.
Клайд Прескотт. Клайд Прескотт… Тейтум снова взглянул на серьезное лицо, на непослушную массу мелких кудряшек…
Кудряш!
Патологоанатом. Теперь понятно, почему его так прозвали! Когда-то он и в самом деле был до изумления кудряв. И тоже учился вместе с Фостером.
Накануне, когда они нашли Дебру, Кудряш, вопреки обыкновению, тоже приехал на место убийства. И, едва откопали тело, поспешил к нему, словно боялся, что кто-то его опередит. Хотел что-то спрятать? Может быть, улики?
Фостер, узнав в жертве бывшую одноклассницу, отреагировал на это вполне понятно и естественно. А вот Кудряш, сколько помнится, промолчал. И это уже откровенно странно. Не мог он совсем не отреагировать!
Если только не боялся показать, что был с ней знаком.
Тейтум глубоко вздохнул. Не спеши, сказал он себе, подумай. Проверь, подходят ли прочие детали. Убийца вовремя узнал, что они вот-вот найдут Джулиет Бич, как будто ему кто-то подсказал. Да, Кудряшу очень легко пошустрить в полицейском участке, послушать разговоры или просто позвонить кому-нибудь из многочисленных знакомых в полиции и поинтересоваться, что происходит.
А как насчет профиля? Около сорока, белый, высокий интеллект… Работа, требующая не быстроты, а тщательности и аккуратности…

И он определенно старается себя показать, подчеркнуть свой профессионализм. Вспомнить только, как он оценил время смерти Мэрибел Хоу! Просто на удивление точно. И со временем смерти Николь Медина то же самое. Демонстрирует свои способности…
Время смерти… Тейтуму припомнились подробности дела Уитфилд, проститутки, убитой и закопанной в пустыне. Во время суда выяснилось, что время смерти следствие установило неверно. В результате подозреваемый был оправдан — и, очевидно, среди прочих полицейское начальство винило в этом Кудряша. Стал бы он, рискуя снова ошибиться, указывать настолько точное время смерти Николь и Мэрибел? Конечно нет! Если только… если только точно его не знал. Если не убил их своими руками.
Должно быть, эта история и стала стрессовым фактором, тем, что заставило его сорваться! Тело Уитфилд обнаружили около восьми месяцев назад. Суд прошел, видимо, несколько месяцев спустя… значит, плоды своей ошибки Кудряш начал пожинать в апреле или в мае. Именно тогда, когда была убита Дебра Миллер.
Они предположили, что убийца захочет участвовать в расследовании, поэтому открыли горячую линию. Но Кудряш и так стал важным участником расследования! У него был доступ в оперативную комнату, к карте, к наброскам собственного профиля, к фото с мест преступлений…
Конечно, все это очень расплывчато. Ни одного прямого доказательства. Но Тейтум чувствовал, что прав.
Он взглянул на часы. Почти два. Зои под землей около шести часов. Времени остается все меньше. Раз появилась догадка, нужно ее проверить, и немедленно! Если окажется, что он неправ, — что ж, сядет с Фостером и переберет поодиночке всех прочих учеников этой чертовой школы. Вот только, пожалуй, времени уже не хватит.
Черт побери, он должен быть прав! От этого зависит жизнь Зои.

Глава 86

Клайд Прескотт готовил образцы для токсикологического исследования. С кровью и стекловидным телом он уже закончил и теперь отделял, одну за другой, ткани внутренних органов, упаковывал и снабжал ярлычками. Доктор чертовски устал: поспать сегодня удалось меньше трех часов, а сизифов труд, которым он сейчас занимался, был изнурительным и совершенно бесполезным.
Предстоящий визит агента Грея тоже не радовал. Тот позвонил минут двадцать назад, попросился взглянуть на тело Мэрибел Хоу, что-то там проверить. Что ему нужно, Клайд так и не понял. Все прочие сейчас, не покладая рук, обшаривали местные школы.
Послышались шаги, и Клайд поднял глаза. Перед ним стоял Сэмюэл Фостер.
— Привет, Кудряш. — Он устало улыбнулся.
— Привет, Сэмюэл, — ответил Клайд. — Как успехи?
— Плохо. Не хватает собак. Запросили подкрепление из Остина и Хьюстона. Пока никакого прогресса.
— А как Зои?
— Трансляция прервалась около часа назад, — угрюмо ответил детектив. — Надеемся, что в порядке, но, по нашим оценкам, закопали ее не меньше семи часов назад. А может, и больше. Так что я готовлюсь к худшему.
— Жуткое дело, просто кошмар! — проговорил Клайд, помечая черным маркером пробирку с тканью почки. — Чем могу тебе помочь?
— Меня сюда позвал Грей. Сказал, приведет какого-то свидетеля.
Клайд слегка напрягся.
— Свидетеля?
— Ну да. Я толком не понял. Что-то связанное с телом Мэрибел Хоу. — Фостер пожал плечами. — Попросил идти сюда, сказал, что сам подойдет через минуту. И был очень расстроен.
— Это-то понятно.
— Представляю, каково ему!

Клайд кивнул, и оба погрузились в тяжелое молчание. Фостер хотел уже что-то сказать, но тут отворилась дверь и вошел агент Грей.
— А, вот и вы! — сказал Фостер. — Так что стряслось?
— Просто хочу, чтобы на тело Мэрибел Хоу взглянул мой свидетель. — С этими словами агент Грей обернулся к кому-то у себя за спиной и произнес: — Входите, мисс!
Послышались шаги — неуверенный перестук высоких каблуков, и в прозекторскую вошла Джулиет Бич. Встретившись взглядом с Клайдом, она застыла на месте, глаза расширились от ужаса. Девушка громко ахнула и поднесла руку ко рту.
Внутри у Клайда все оледенело. Он оперся о стойку, чтобы удержаться на ногах. Отчаянно старался выглядеть как обычно, но чувствовал, что у него трясутся руки.
— Итак, мисс, если не возражаете взглянуть… — Тут Тейтум вгляделся ей в лицо. — Мисс!
Джулиет ахнула и бросилась бежать.
— Агент Грей, — начал Фостер, — что…
— Никому не двигаться! — рявкнул Тейтум. — Оба оставайтесь здесь!
И бросился за девушкой.
— Да что происходит? — воскликнул Фостер. — Зачем он ее сюда привел? Девочка уже достаточно пережила, на кой черт тащить ее в морг?
Клайд прочистил горло.
— Может, мне за ней сходить? — сипло предложил он. — В самом деле, это место… гм… не для посторонних.
— Не обижайся, Кудряш, но ты не особенно-то ладишь с людьми. Лучше я за ними схожу и выясню, что все это значит.
— Да, иди, — поспешно ответил Клайд. — Чем скорее, тем…
Грей вернулся в прозекторскую, захлопнул за собой дверь. Лицо его изменилось: челюсти были сжаты, глаза пылали гневом.
Машинально, прежде чем сообразил, что делает, Клайд отступил на пару шагов, так, чтобы от федерального агента его отделял стол для вскрытия.
— Что ж, Прескотт, — прорычал агент Грей. — Игра окончена!
— О чем вы? — выпалил Клайд. — Эта девушка…
— Как мне вас называть? Кудряш или Шредингер? Какое прозвище предпочитаете?
— Что?! — изумленно воскликнул Фостер. — Агент Грей, да что такое…
— Он знает, о чем я! — отрезал агент Грей, ткнув в Клайда пальцем. — Правда?
— Неправда! — Кровь отлила у Клайда от лица. Девушка его узнала! Один взгляд — и память к ней вернулась. — Я понятия не имею, что здесь происходит!
Его мозг лихорадочно работал. Выбраться отсюда, как угодно выбраться, прыгнуть в машину и…
— Агент Грей, вы хотите сказать, что доктор Прескотт… и есть серийный убийца?
— Поговорите с Джулиет, — ответил агент. — Пусть она вам ответит.
Несколько мгновений никто не двигался.
— Просто смешно! — воскликнул наконец Клайд. — Даже если этой девушке кажется, что она меня узнала… вспомните, сколько ей пришлось пережить! Да она сейчас видит убийцу в каждом встречном! А ведь совсем недавно говорила, что не помнит, кто ее схватил!..
Фостер, прищурившись, внимательно смотрел на него.
— Идите за ней! — продолжал Клайд. — Приведите ее сюда! Давайте вместе это обсудим!..
— Вы правы, — сказал вдруг агент. — На пустые обвинения и споры времени нет.
— Вот именно!
— Так что давайте быстро все проясним. Возьмем у вас отпечатки пальцев.
— Ч-что?
— Сравним их с тем частичным отпечатком, что есть у нас. И с отпечатком, найденным на разбитом окне бензозаправки. Понадобится всего пятнадцать минут. У меня есть личный аналитик, она очень быстро все сделает.
— Что скажете, доктор Прескотт? — медленно спросил Фостер, не сводя глаз с Клайда. — Не возражаете, если мы снимем ваши отпечатки?
Что ж, он знал, что рано или поздно это произойдет. Сопротивляться бесполезно; главное теперь — держаться с достоинством.
— Не нужно, — с напускным бесстрастием ответил он. — Вы не ошиблись. Это я.

И подумал о Зои Бентли глубоко под землей. Последний эксперимент. Тот, что прославит его имя.
Никогда, ни за что он не скажет им, где она. Никогда.

Глава 87

Тейтум вышел из морга на улицу. Он чувствовал себя совершенно измотанным — а самое сложное только начиналось. Прескотта они прижали к стенке, но он ясно дал понять, что не выдаст местоположение Зои. Ни за что. Нужно как-то его расколоть, и быстро.
У дверей ждала Джулиет.
— Вы… вы его арестовали? — дрожащим голосом спросила она.
— Да. Он уже признался.
— И его посадят? Не… не выпустят под залог, или что-нибудь такое?
— Нет. Он слишком опасен.
— И мне не придется давать показания? В суде? Раз он сам признался…
— Надеюсь, что нет, — поколебавшись, ответил Тейтум.
Джулиет судорожно вздохнула, по щеке скатилась слеза.
Дверь отворилась, и на крыльцо вывалился потрясенный Фостер. Грей повернулся к нему:
— Где он?
— В допросной. Молчит как рыба.
Тейтум кивнул.
— Съезжу к нему домой. Может, там найдется что-нибудь полезное — карта, дневник…
— Только поторопитесь. Времени у нас все меньше. — Фостер повернулся к Джулиет. — Хорошо, что вы его узнали, мисс! Быть может, это спасет жизнь Зои Бентли.
Джулиет недоуменно уставилась на Фостера. Тейтум невольно фыркнул.
— Я его не узнала, — ответила она наконец. — Просто сделала то, о чем попросил агент Грей. Я ведь говорила вам: я совсем не помню, что случилось той ночью! Да и вряд ли могла увидеть его лицо.
Фостер заморгал, затем повернулся к Тейтуму.
— Так это был блеф?!
— Он умирал от желания признаться. Все, что требовалось, — слегка его подтолкнуть.
— Но как, черт возьми…
— Позже, детектив. Всё позже. Сейчас мне нужно попасть к этому ублюдку домой. Вы послали туда патруль?
— Да, они вас там встретят.
— Хорошо. И отправьте кого-нибудь отвезти домой нашу актрису. Джулиет, отличная работа! Сегодня вы заслужили "Оскар".

Глава 88

В допросной стояла удушающая жара. Тейтум заставил себя захлопнуть дверь, перекрыв доступ свежего воздуха. Прескотт привык работать в морге, где температура значительно ниже, чем в остальном здании, и можно было надеяться, что для него жара будет непереносима.
Хотя… могилы-то он копал под палящим солнцем.
Пока Тейтум обыскивал дом Прескотта, Фостер отпустил Джозефа Додсона, очевидно, ни в чем не повинного. Затем начал допрашивать Прескотта — и мурыжил его уже больше часа. От адвоката Прескотт отказался, о предыдущих убийствах рассказывал подробно и с явным удовольствием. Не удавалось от него добиться лишь одного: где Зои?
Тейтум сел напротив и некоторое время молча смотрел на него. Вид у Прескотта был спокойный и расслабленный, даже скучающий. Однако Тейтум не сомневался: это маска. Когда Джулиет "узнала" Прескотта, в глазах у него мелькнул страх и кровь отхлынула от

лица. Пусть лишь на несколько секунд, пусть в следующее мгновение он собрался и дальше вел себя вполне хладнокровно, — Тейтум успел разглядеть, каков он на самом деле.
Теперь надо снова добраться до того, настоящего Прескотта. И заставить его расколоться.
К несчастью, в использовании самого эффективного орудия — времени — он сильно ограничен. Еще несколько часов, и Зои неминуемо умрет. Нельзя терять ни секунды. Но нельзя и выдать свою тревогу Прескотту.
Длилось молчание. Тейтум отсчитывал про себя секунды, слушая, как они, одна за другой, с грохотом валятся в пустоту.
— У вас на компьютере есть запароленное приложение, — сказал он наконец. — Оно отвечает за видеотрансляцию с места захоронения Зои?
— Правильно, — ответил Прескотт. Голос спокойный, бесстрастный. Пожалуй, с ноткой самодовольства.
— У меня предложение. Назовите пароль. Я включу трансляцию.
Прескотт поднял бровь.
— И за это?..
— Дам вам посмотреть.
Прескотт скрестил руки на груди, слегка улыбнулся и промолчал.
— Я же знаю, вы этого хотите.
— Вы ничего обо мне не знаете, агент!
— Последняя возможность взглянуть на одно из ваших драгоценных видео. Подумайте. В тюрьме такое кино показывать не будут.
На миг Прескотт, кажется, заколебался — и Тейтум усилием воли заставил себя сохранять бесстрастный вид. Ему нужно знать, жива ли Зои! Она в гробу уже почти десять часов. Может, и дольше. Страх за ее жизнь грыз его сознание, неотвязным белым шумом заглушал мысли.
Прескотт покачал головой.
— Нет.
Иной реакции Тейтум не ожидал. Это часть маски Прескотта — и не стоит надеяться, что маску он сбросит быстро. Тем не менее Грей не смог удержаться от искушения спросить — и теперь жалел, что позволил врагу одержать маленькую победу.
Он достал из портфеля блокнот, перелистнул страницы.
— Вы, должно быть, не видели составленный нами профиль Убийцы-Землекопа?
Прескотт кашлянул.
— Нет, не приходилось. А интересно было бы послушать ваше мнение.
— Возраст от тридцати до сорока пяти, — начал зачитывать Тейтум. — Белый. Владеет фургоном. Профессия из таких, где важны точность и аккуратность. С виду обычный человек, не привлекает внимания. Это все довольно очевидно. А вот дальше начинается любопытное…
Отворилась дверь; вошел Фостер с несколькими уликами в полиэтиленовых пакетах и положил их на стол. За ним шла Лайонс с портативным измельчителем бумаги. Не глядя на Прескотта, она поставила свой агрегат туда же, и оба вышли, закрыв за собой дверь.
Прескотт внимательно рассматривал улики. Тейтум встал, подсоединил к измельчителю шнур.
— Так на чем я остановился?.. Ах, да. По-настоящему интересно стало, когда мы попытались понять, что вас заводит. — Он включил измельчитель в розетку на стене и сел. Открыл один пакет, достал оттуда ноутбук. — Вам следовало запаролить весь компьютер. А то чего только мы там не обнаружили!
— Быть может, я хотел, чтобы вы это нашли.
Тейтум включил ноутбук, пребывавший в спящем режиме.
— Допустим. Но люди часто забывают, какая масса информации о них сохраняется на компьютере.
Старый ноутбук медленно пробуждался к жизни. Тейтум ждал, усилием воли заставляя себя не проявлять нетерпения, даже не смотреть на часы в правом нижнем углу. Время, время! Как же его не хватает!
— Например, одна примечательная деталь: вы одержимы жаждой славы.
Прескотт презрительно фыркнул.

— Ну разумеется! Голливуд за углом, там только меня и ждут!
Тейтум поднял бровь.

— Слава бывает разная. У вас собственный зал славы, верно? Позвольте, я прочту кое-что из истории поиска в вашем браузере. — Он открыл на компьютере вкладку "История". — Знаменитые серийные убийцы. Известные серийные убийцы. Самые известные серийные убийцы. Знаменитые маньяки… подбираете синонимы, отлично. Что еще? О, вот это мне нравится:
значительные
серийные убийцы. Поиск по этим словам вы задавали почти каждый день. Должно быть, представляли в этих списках и статьях свое имя?.. К этой статье вы возвращались снова и снова: "Двадцать самых печально известных серийных убийц Америки". Интересно, какое место вы отводили себе? Тринадцатое? Девятое? Седьмое?

— Об этом я не думал.
— Что ж, тем лучше, потому что у меня есть для вас новость. Серийный убийца, которому удалось убить всего трех-четырех человек, в такие списки не попадает.
Прескотт только усмехнулся и поерзал, поудобнее устраиваясь на стуле.
— Впрочем, место в списке вас не заботит, верно?
— Совершенно верно.
— А о чем же вы заботитесь, Прескотт?
Тот скрестил руки на груди.
— О человечестве.
В одно слово он вложил уйму пафоса. Тейтуму очень хотелось схватить доктора за горло и придушить, но он заставил себя тонко улыбнуться.
— Разумеется. Вы же у нас известный человеколюб!
— Иногда приходится убивать немногих, чтобы многих спасти.
Тейтум вздернул бровь.
— Спасти от чего?

— От самих себя. — Напускное безразличие стерлось; теперь глаза Прескотта пылали фанатичным огнем. — Вы заметили, что у нас больше совсем нет времени
подумать
? Раньше каждый из нас задумывался постоянно. Стоя на автобусной остановке, в очереди в магазине, даже сидя без дела у себя дома, мы думали! А теперь чем занимаемся?

Тейтум молчал, не мешая собеседнику читать проповедь.

— Сразу достаем мобильные телефоны. Проверяем "Твиттер", "Инстаграм" или начинаем играть в "Тетрис". Боже упаси нас
задуматься
хотя бы на пять минут! Как полагаете, к чему это со временем приведет? Что станет с человечеством, бегущим от собственных мыслей?

— Так вот что вы давали своим жертвам! Время подумать…

— Не только им. Я дал время подумать
всем.
Каждый раз, когда я останавливал трансляцию, все начинали ломать голову: жива девушка или мертва?

— Суперпозиция?
— Именно! Суперпозиция. Вопрос без ответа. Я выкрутил им руки и заставил думать!
Тейтум вздохнул, на губах выступила легкая усталая улыбка.

— Да, понимаю. Знаете, что написала в вашем профиле Зои? Вы настолько одержимы собой и вашей так называемой миссией, что она ожидает найти у вас дома дневник с подробным описанием всех ваших подвигов. — Тейтум открыл следующий пакет с уликами, извлек оттуда стопку бумажных листов. — И взгляните-ка, что я нашел! Не дневник — лучше! Незаконченную рукопись — вашу автобиографию. Вот предисловие, а в нем написано все то, что вы сейчас изложили. Человечество, время подумать, мобильные телефоны, бла-бла-бла — вся эта утомительная чушь… Но вы по-настоящему
работали
над рукописью. На этих страницах множество ваших пометок и исправлений. Да, вы очень старательно ее готовили! Наверное, не могли дождаться, когда же допишете последние две или три главы и отправите книгу в издательство. Судя по истории браузера, уже начали подыскивать литературного агента. Вы — методичный человек, Прескотт, все планируете заранее…

Тейтум взял в руки верхнюю страницу.
— Надеюсь, свои заметки вы хорошо помните. — С этими словами, окинув страницу скучающим взглядом, он повернулся и сунул ее в измельчитель. Тот заурчал, пробуждаясь к жизни, и принялся жевать бумагу и выплевывать ее длинными белыми лентами.
Тейтум сунул в измельчитель вторую страницу, затем третью — и задумчиво смотрел, как растет на полу горка резаной бумаги.
— Вы уничтожаете улики, — заметил Прескотт. Говорил он по-прежнему спокойно; но под покровом этого спокойствия Тейтум ощутил нечто новое.
— Улик против вас столько, что на десять судов хватит, — ответил Тейтум, скармливая измельчителю четвертую страницу. — Как полагаете, сколько глав вам еще осталось? — Пятая страница.
— Несколько. Точно не знаю. Этому допросу я точно посвящу отдельную главу.
— Знаете, что я думаю? — поинтересовался Тейтум, берясь за следующую страницу. Урчание измельчителя звучало у него в ушах сладкой музыкой. Он надеялся только, что сейчас в допросную с криком: "Вы уничтожаете улики!" не ворвется Дженсен. — По моим прикидкам, вам осталось… три главы. Про Зои. Про то, как вас поймали. И про суд. Ну и, может быть, эпилог — в ожидании смертного приговора.
— Это профессиональное мнение редактора?
— Скорее, небезразличного читателя. — Тейтум открыл еще один пакет для улик, достал оттуда книгу. — "Убийства Банди". Найдена в вашей библиотеке вместе с еще четырьмя книгами схожего содержания. Увлекаетесь Тедом Банди?
— Он мне интересен.
— На некоторых страницах в книге множество пометок и подчеркиваний. Вы, конечно, их помните.
Прескотт не отвечал. Молчание затягивалось, и Тейтум скормил измельчителю еще несколько листов рукописи. С каждой секундой Зои была все ближе к смерти — и Тейтуму хотелось, чтобы Прескотт тоже ощутил цену времени.
— Я о тех страницах, где описаны побеги Банди. Скажите, Прескотт, неужели вы действительно надеетесь бежать из тюрьмы?
— Никогда об этом не думал.
— Тед Банди бежал в семьдесят седьмом году. С тех пор многое изменилось. И я лично позабочусь о том, чтобы вас держали в самом изолированном и надежно охраняемом из возможных мест и следили за вами двадцать четыре часа в сутки. Поверьте, главы о том, как вам удалось удрать, в вашем жизнеописании не будет. — Теперь настала его очередь усмехнуться.
— Вы неверно меня понимаете, агент. Со мной покончено.
— Вот тут вы правы! — Тейтум взял еще одну страницу, проглядел ее. — Нравится мне вот эта пометка: "Этот раздел переработать, слишком банально". Должен признаться, с вашей оценкой я согласен. Кроме того, вы делаете ошибку в слове "диссонанс" — правильно пишется с двумя "с".

И эта страница отправилась путем всех предыдущих. Прескотт по-прежнему "держал лицо", однако по легкому, почти незаметному изменению позы Тейтум безошибочно ощущал, что тот напряжен. Все-таки действует! Но долго ли еще придется ходить вокруг него, прежде чем он заговорит?
— Насколько мы можем судить, копий вашей автобиографии не существует. Криминалисты, конечно, ищут, но я уверен, что это единственный экземпляр. На столе у вас мы нашли пачку бумаги в пятьсот листов, наполовину опустевшую. Рукопись составляет — точнее, составляла — двести тридцать листов. Через двойной интервал — оставили место для пометок, верно? — Тейтум сунул в измельчитель следующую страницу. — Да, только одна копия. Не считая той, что в компьютере. — Отложив рукопись, он повернулся к ноутбуку. — Вот она. Файл, как вы, наверное, помните, называется "Время подумать". — Он щелкнул мышью по иконке. — Если я его сотру… вы сможете восстановить книгу по памяти? — Палец его застыл над клавишей "Delete". Прошло несколько секунд. Прескотт не двигался, не произносил ни слова, лицо его было бесстрастно. Но уже не спокойно.
— Что ж, давайте проверим. — Тейтум нажал одну клавишу, затем вторую. — "Shift", "Delete". Или, может, достанем ее из "корзины"?
Вот оно! Нервно дернувшиеся губы, первая вспышка гнева в глазах. Тейтум откинулся на стуле и вновь принялся отправлять бумагу в измельчитель. Теперь взгляд Прескотта не отрывался от его руки, и Тейтум понял, что не ошибся. Других экземпляров рукописи у Прескотта не было.
— Надеетесь написать книгу заново? — продолжал он. — Пытаетесь припомнить любимые абзацы? Удачные выражения? Старайтесь, Прескотт, старайтесь, — только будьте уверены, я позабочусь о том, чтобы вам нечем было писать. У вас не будет ни ручек, ни карандашей, ни даже гребаных цветных мелков. Что до бумаги — вы даже почтовой открытки не получите! Не получите туалетной бумаги — будете подтираться пальцами! Ваша автобиография никогда не увидит света дня, если я не получу то, что мне нужно.
Еще страница. И еще. И еще.
— Где. Зои. Бентли.
Прескотт стиснул челюсти, словно заставлял себя молчать.
— В вашем компьютере остались следы покупки. В воскресенье вы заказали в интернет-магазине усилитель сотового сигнала. Зачем? Что это за место, в котором нужен усилитель?
Нет ответа.
"Еще немного! Ну же! Зои, держись!"
— А знаете? — вдруг просияв, заговорил Тейтум. — Я ведь так и не рассказал о самой любопытной детали вашего профиля. Об этом догадалась Зои, а побывав у вас дома и порывшись в вашей библиотеке, я понял, что она попала в точку. Дома у вас хранятся медицинские справочники и книги о серийных убийцах. И еще книга под названием "Заживо погребенные": не нужно открывать, чтобы догадаться, что в ней вызвало ваше любопытство.
— И что с того? — оскалился Прескотт. — Я читал о том, что меня интересует.
— Знаете, чего не хватает в вашей библиотеке? Я не нашел там ни одной книги о Шредингере, физике или квантовой механике. Ничего по философии, социологии или психологии. Даже ни одной брошюрки об умственном и нравственном упадке человечества. Как будто на самом деле все это вам совсем не интересно. Странно, правда?
Прескотт не отвечал.

> — Позвольте, я прочту вам кое-что из заметок Зои. — Тейтум отложил листы рукописи, пододвинул к себе блокнот, полистал. — "
> Неизвестный одержим своей миссией, своей целью. Он хочет верить, что именно это движет им и побуждает убивать. Ради этого он создал сайт, ради этого транслирует видео, себя называет Шредингером, а свои убийства — "экспериментами". Но все это ложь, которой он обманывает самого себя
> ".

Тейтум поднял глаза, встретился взглядом с Прескоттом и продолжал читать:

— "

Истина в том, что всех этих женщин неизвестный убил лишь по одной причине. Закапывание женщин живьем его сексуально возбуждает. А "миссия" — просто ширма, призванная избавить его от невыносимого стыда

".

Тейтум отложил блокнот и вновь стал скармливать измельчителю листы рукописи.
— Зои выражается по-научному, — заметил он. — А суть проста: мужик — извращенец, он закапывает женщин живьем и на это дрочит. И сам так стыдится этого странного фетиша, что целую теорию сочинил, лишь бы не признаваться себе, кто он такой на самом деле — чокнутый неудачник!
Еще страница. Прескотт молчал; его трясло.
— Разделавшись с этим дерьмом, которое вы именуете книгой, — продолжал Тейтум, — я соберу пресс-конференцию. Объявлю, что мы поймали Убийцу-Землекопа. И скажу: этот несчастный лузер смотрел видео и полировал свои причиндалы. Вот и вся ваша миссия. Таким люди вас и запомнят.
Еще страница.
— Если вы не скажете. Где. Зои. Бентли.
— Делайте что хотите! — дрожащим от ярости голосом выкрикнул доктор Прескотт. — Ничего вы от меня не узнаете! И ваша драгоценная доктор Бентли сгниет под землей! Она была у вас под самым носом, а вы ничего и не поняли!
Охваченный радостным волнением, Тейтум отложил рукопись.
— Была у нас под носом, — медленно повторил он.
— Вот именно! — выплюнул Прескотт, побагровев. — Она у вас под носом, черт побери!

— Следите за словами, доктор. В первый раз вы сказали: "

Была

у вас под самым носом". А дальше? Вы куда-то ее перенесли?

Наступило молчание. Тейтум сверлил убийцу взглядом и напряженно размышлял. Зачем понадобился усилитель сотового сигнала? Что изменилось?
По какой-то причине в этот раз Прескотт не смог вывести шнур из ящика на поверхность земли. Поэтому сигнал пришлось усиливать… Черт! Похоже, теперь все встало на свои места!

— Нет. Разумеется, не вы.

Мы сами

ее перенесли. И она действительно была прямо у нас

под носом

!

Тейтум вскочил. Прескотт испуганно вжался в стул, но Грей, больше не обращая на него внимания, кинулся к дверям.
Теперь он знал, где Зои.

Глава 89

Сколько она здесь? Зои понимала, что на собственное ощущение времени полагаться не стоит. Клонило в сон, но она старалась не засыпать. Казалось бы, во сне человек потребляет меньше кислорода, однако Зои понимала: если уснет — скорее всего, уже не проснется. Нет, она не готова сдаться.
От первого сообщения — "школа" — она перешла к чуть более длинному: "Дебра школа". Это оказалось сущим кошмаром. Передать сообщение Зои пыталась трижды и каждый раз

пропускала буквы, путалась в цифрах, мигала слишком часто или останавливалась не там. Со вниманием и концентрацией было худо — и становилось все хуже.
Наконец она оставила попытки и теперь просто лежала, отдавшись разноголосице мыслей. Голова кружилась, в висках пульсировала боль. От изнеможения, от жажды или от недостатка кислорода?
В миллионный раз Зои задавалась вопросом, не испортила ли все, постаравшись связаться с людьми наверху. В конце концов, они ее ищут, а она передала им слово "школа". Что, если она сама направила их по ложному пути?
Ну, по крайней мере, Тейтум сообразит, что убийца не решился бы зарыть жертву в общественном месте, где столько возможных свидетелей.
Теперь ей стали слышаться голоса: Андреа, родители, старые друзья и коллеги… Хотя бы на пороге смерти сознание сумело отвлечься от серийных убийц и психопатов.
Из полузабытья ее вырвал сильный удар, донесшийся сверху. Зои распахнула глаза, вглядываясь во тьму. Ничего. Вокруг все так же темно.
Но над головой раздавались звуки — настоящие звуки! Приглушенные голоса людей, удары, скрежет. Проведя вечность во тьме и тишине, наконец-то Зои слышала что-то, кроме собственного дыхания. Она попыталась закричать, позвать на помощь — но уже не могла.
Послышался скрип, следом в глаза ударил ослепительный свет. Зои мгновенно зажмурилась, однако солнечные лучи, пробившись сквозь веки, окатили голову острой болью.
Кто-то уже присел над ней и вынимал изо рта кляп. Зои подвигала языком. Что за блаженство: наконец-то свободна! Хотела попросить воды, но не смогла произнести ни слова.
Над ухом послышался знакомый голос, полный тревоги, волнения и заботы. Тейтум! Он помог ей выбраться из ящика и встать. Колени у Зои тут же подогнулись, и Тейтум подхватил ее, чтобы не упала. Кто-то перерезал путы на запястьях. Люди вокруг галдели, чей-то голос громко звал врача.
К ее губам поднесли горлышко бутылки. Зои набрала в рот прохладной свежей воды — и едва не разрыдалась от восторга.
Сильная рука, обнимающая ее за плечи. Голос Тейтума:
— Всё-всё. Всё хорошо. Мы тебя нашли.
Не без труда Зои разлепила один глаз. Она ожидала увидеть вокруг пейзаж, знакомый по предыдущим местам преступлений: бесконечная равнина, кактусы, камни и песок. Однако увидела нечто совершенно иное: аккуратно подстриженная зеленая трава, деревья, шумящие над головой, крупные белые камни странно знакомой формы… могильные плиты?
Зои открыла второй глаз. Что это? Кладбище?
— Где?.. — сипло спросила она.
— Кладбище Фейрмаунт, — ответил Тейтум. — Мы в Сан-Анджело.
Кладбище! Ее похоронили на кладбище! Зои пыталась сообразить, как так вышло, но мозг отказывался работать. Обернувшись, она увидела глубокую яму, откуда ее вытащили, и в ней гроб с открытой крышкой — не ящик, настоящий гроб.
— Это… могила?
— Могила Николь Медина, — объяснил Тейтум. — Перед самыми похоронами он подменил ее тело твоим.
Зои снова взглянула вниз. В гробу блестело что-то металлическое — инфракрасная камера. Она вздрогнула. "Перед самыми похоронами…" Кто мог такое сделать? Священник? Директор ритуального бюро? Зои обхватила себя руками: в мозгу у нее всплыл ответ.
— Патологоанатом… Соответствует профилю… Стрессовый фактор?
— Дело Уитфилд, — ответил Тейтум.
— Неверное время смерти… Ну конечно! Как мы сразу не догадались?! Ты получил мое сообщение? Я пыталась передавать буквы миганием, но все время сбивалась со счета, боялась, ты ничего не поймешь, пробовала снова и снова…
— Мы поняли, что ты хотела сказать, Зои. По твоей подсказке его и нашли. Он учился вместе с Деброй в старших классах. Послушай, давай отойдем…
— Когда он подменил тело? Сколько времени я лежала в гробу?

— Тебе надо отдохнуть. — Тейтум помахал парамедику.
— Скажи мне, сколько?
Грей кашлянул.
— Судя по тому, что нам известно, совершить подмену он мог только сегодня ночью. Позвонил в ритуальное бюро, сказал, что ему необходимо срочно провести на теле какие-то последние тесты. Вечером гроб с телом привезли в морг, а в пять утра увезли.
Зои снова оглянулась на гроб. Теперь она заметила, что в нем нет обивки — внутри лишь голые доски. Должно быть, обивку убийца снял, чтобы на видео не было заметно, что этот "ящик" чем-то отличается от предыдущих.
— Должно быть, он ждал до последнего. Вколол мне снотворное как можно позже, чтобы я не очнулась во время похорон. И чтобы подольше протянула. Скорее всего, в четыре тридцать. А сейчас сколько времени?
Подошел парамедик с медицинским саквояжем. Зои сделала шаг назад.
— Сколько сейчас времени?!
Парамедик бросил взгляд на Тейтума; тот поднял руку, призывая его подождать.
— Половина седьмого или чуть больше.
Зои моргнула.
— Четырнадцать часов… — "Что это стучит?" — подумала она. Какой-то неприятный клацающий звук, совсем рядом. — Четырнадцать часов… — И вдруг поняла: это она сама стучит зубами. — Я пролежала здесь четырнадцать часов. Он положил меня сюда. Я… я… — Почему здесь так холодно? В Сан-Анджело всегда невыносимая жара, почему же сейчас она дрожит и никак не может согреться?
— Мисс, я дам вам кое-что, чтобы вы успокоились, хорошо? — осторожно предложил парамедик.
Зои отступила еще на шаг, дрожа как осиновый лист. Ладони вспотели, зубы стучали, и никак не унималась дрожь. Она беспомощно взглянула на Тейтума. Сама не понимала, чего от него хочет, — но пусть сделает что-нибудь! Как-то ей поможет…
— Я здесь, — сказал он.
Она повернулась к парамедику. Тот уже готовил шприц.
— Мисс?
Зои неохотно кивнула — скорее, дернула головой, — и медик взял ее за руку. Игла пронзила кожу, и в тот же миг сверкнуло воспоминание: она на стоянке, что-то жалит ее в шею, и по телу распространяется острая боль. Вот так убийца ее схватил.
— Не уходи! — прошептала она Тейтуму.
И он ответил:
— Я здесь. Я никуда не уйду.

Глава 90

Дейл, Вирджиния, понедельник, 19 сентября 2016 года

О посттравматическом синдроме Зои знала очень немного, однако была уверена: людям, на которых обрушилась эта напасть, не полезно заботиться о других таких же бедолагах. И тем не менее именно этим занимались они с Андреа — заботились друг о друге. И, пожалуй, получалось неплохо.
Конечно, не обходилось без проблем. Так вышло, что их травмы друг другу противоречили. Зои стремилась круглые сутки держать открытыми все окна в квартире. Ей нужны были свет и воздух, уличный шум звучал для ее ушей сладкой музыкой. Андреа предпочитала, чтобы и двери, и окна были закрыты и заперты на все замки. Она превратила квартиру в маленькую крепость, куда не проникнут незваные гости. Сестры искали и находили компромиссы. Например, в гостиной окно будет открыто, а в спальне — то, что выходит на пожарную лестницу — всегда закрыто и заперто на задвижку.
Обеим снились кошмары.
Поначалу они спали в одной комнате и даже в одной кровати. После того как Андреа среди ночи, отбиваясь от невидимого противника, оставила на лице у Зои длинную царапину и

едва не выдавила ей глаз, от совместных ночевок пришлось отказаться. Однако сегодняшнее утро, ленивое и ласковое, словно в долгожданный выходной, казалось почти нормальным. Зои проснулась от грохота кастрюль и сковородок — Андреа что-то готовила, — вылезла из постели и, моргая, прошлепала на кухню.
Сестра стояла у плиты, что-то напевая себе под нос, — пожалуй, довольно бодро. Рядом с ней на тарелке высилась груда жареных оладий. Андреа сняла со сковородки очередной подрумянившийся оладушек, перевернула и отправила на тарелку, улыбнувшись тому, как ловко подбросила его в воздухе и как ровно он лег.
Зои потянулась к оладьям, но Андреа хлопнула ее лопаткой по руке.
— Ой!
— Не сейчас, — строго сказала Андреа. — Будем есть их с маслом и кленовым сиропом. И еще я купила апельсиновый сок!
— Пожалуйста, только один! — взмолилась Зои. И опять потянулась к оладушкам.
Лопатка опустилась в дюйме от ее пальцев.
— Смотри у меня! — пригрозила Андреа, поигрывая своим орудием.
— Ну хоть чашечку кофе можно? — проворчала Зои, пожирая оладушки жадным взглядом.
— Кофе — пожалуйста.
Зои приготовила себе кофе, терпеливо ожидая, когда темная влага жизни наполнит чашку. Отпила глоток, вдохнула пряный запах. Что за чудо!
А затем — одно молниеносное движение, и верхний оладушек у нее в руках! Зои торопливо запихнула его в рот, при этом едва не подавившись.
— Ты бы себя сейчас видела! — фыркнула Андреа. — Точь-в-точь хомяк!
Зои улыбнулась с набитым ртом и, дожевывая оладушек на ходу, ушла в гостиную.
— Я включу музыку? — спросила она оттуда. Музыка ей теперь требовалась почти постоянно — чтобы заглушить тишину.
— Ладно, только не Бейонсе и не Тейлор — их я больше не вынесу!
— Кэти Перри пойдет?
— Пойдет… — Андреа тяжело вздохнула.

Зои включила "
Teenage Dream
" и подошла к окну в гостиной, которое Андреа снова закрыла. Распахнула окно и высунулась наружу, глядя на снующие туда-сюда автомобили.

Не нужно быть экспертом по травмам, чтобы понимать огромную разницу между бедой Андреа и ее собственной. Человек, пытавшийся ее убить, сейчас в федеральной тюрьме и ждет суда. А человек, пытавшийся убить Андреа, — на свободе. Копы оцепили здание, проверили все входы-выходы, перекрыли соседние улицы, обыскали весь город — и все же Роду Гловеру удалось уйти.
— Хотела бы я в пятницу вечером так же веселиться! — сказала Андреа у нее за спиной.
— Что? — недоуменно переспросила Зои.
— Как в песне.
— А-а… — Зои не вслушивалась в слова песни, да и мелодией мало интересовалась. Ей просто нужны были звуки. Постоянные звуки, успокаивающие, напоминающие, что она больше не одна и не взаперти.
— Завтрак подан, мадам. Может, выключим этот шум?

— М-м… еще пару песен, а? Сейчас как раз начнется "
Firework
"!

Андреа вздохнула и с недовольным видом пошла на кухню. Зои поплелась за ней, чувствуя себя виноватой.
Со временем полегчает. Хотелось бы надеяться.
На обеих тарелках высилось по горе оладий, плавающих в озере кленового сиропа. На третьей тарелке нарезанные фрукты — бананы, яблоки, клубника, черника. Такие завтраки

созданы, чтобы фотографировать их и выкладывать в "Инстаграм", однако сестры Бентли полагали, что еду лучше есть, а не постить в Интернете.

> Зои разрезала оладушек, окунула кусочек в кленовый сироп, наколола сверху на вилку банан и отправила в рот. Закрыла глаза, дыша через нос, всем телом впивая необычайную сладость. В соседней комнате Кэти распевала припев "
> Firework
> " — и Зои хотелось, чтобы этот блаженный миг длился вечно.

— Вчера я слышала, — сказала Андреа, — как ты говорила по телефону со своей начальницей. О том, что у вас в отделе кто-то сливает информацию.
— А, ничего особенно. Не беспокойся. Просто кто-то рассказал тому репортеру, что я…
— Это я рассказала.
Зои уставилась на сестру, словно громом пораженная.
— Ты знаешь, что он пишет о тебе книгу? Он позвонил мне. Сказал, что очень хочет посмотреть вблизи, как ты работаешь, что он сумеет прославить твое имя. И все эти идиоты у тебя в отделе, что смотрят на тебя свысока, потому что ты не агент, сразу…
— Андреа! Ты хоть понимаешь, что могло выйти? — Жаль, что Гарри Барри здесь нет: с каким удовольствием она воткнула бы ему вилку в глаз! — Я занимаюсь своим делом не для того, чтобы прославиться. Плевать мне и на эту дурацкую книгу, и на то, кто как на меня смотрит!
— И напрасно. Это очень важно — как ты выглядишь в глазах людей.
— Никогда. Так. Больше. Не делай! Ясно? Не смей разговаривать обо мне с журналистами у меня за спиной! Особенно сейчас, когда мы живем вместе…
— Ну, об этом можешь больше не беспокоиться.
— Вот и хорошо. — Зои все еще злилась — на Гарри. Ей ли не знать, что этот сладкоречивый сукин сын умеет быть чертовски убедительным? Ничего удивительного, что ему удалось запудрить мозги Андреа.
Примерно минуту они ели в молчании, а потом Андреа сказала:
— Я собираюсь съездить к маме.
Во второй раз за сегодняшнее утро Зои едва не подавилась.
— Что?!
— В последние дни она мне покоя не дает. Тревожится за нас обеих. И хочет хоть одну из нас увидеть лицом к лицу.
— Поговори с ней по видеочату.
— Не смешно, Зои.
— Ну ладно, поезжай. Мне-то что? Это тебя она за три секунды с ума сведет… И когда улетаешь?
— Завтра. Уже купила билет.
— А когда вернешься? Могу забрать тебя из аэропорта, если только прилетишь не среди ночи.
— Я… не знаю.
Зои вдруг почувствовала, что что-то не так. Андреа не ела, сидела, опустив глаза в тарелку, и вид у нее был виноватый.
— Дело не в маме?
— Ну почему, в маме тоже…
— Ты не хочешь больше здесь жить.
— Сама пока не знаю. — Андреа подняла голову; в глазах у нее стояли слезы. — Но мне нужно уехать. Хотя бы на время. Подальше от этого города, от воспоминаний, от…
— От меня?
Андреа потянулась за стаканом. На вопрос она не ответила.
— Я не хочу, чтобы ты уезжала, — сказала Зои. Ей вдруг показалось, что она тонет.
— Зои, послушай, может быть, это только на несколько дней, чтобы развеяться! Ничего особенного…
— Развеяться?! С мамой?!

— С собой!.. Дело не только в Гловере. Просто мне нужно изменить свою жизнь. Я приехала сюда, плохо понимая, как буду жить и чем заниматься, — и мне здесь не очень-то весело.
Зои положила вилку и закусила губу.
— Я люблю тебя, Зои! — сказала Андреа. — Но сейчас мне нужно побыть одной. Без тебя. Хорошо?
— Хорошо.
— Не сердишься?
— Что ты, Рей-Рей! Как я могу на тебя сердиться! — Она сунула в рот еще кусочек оладьи и начала жевать, не чувствуя вкуса. — Ешь лучше, остынут.

Глава 91

Подходя к палате интенсивной терапии, Тейтум чувствовал, как сердце его сжимается от беспокойства. Вчера, когда он навещал Марвина, старик был под успокоительными: смазанная речь и бледная, почти прозрачная кожа. Подробностей Тейтум не уловил, но слышал, что в рану попала инфекция, и, пожалуй, в первый раз за долгое время задумался о том, что его дед и вправду уже очень стар.
Он собирался с духом, готовясь к еще одному невеселому посещению, как вдруг из палаты донесся взрыв женского смеха. Следом раздался игривый визг, и из палаты вышла средних лет медсестра, качая головой, с широкой улыбкой на лице.
Увидев Тейтума, она остановилась.
— Вы сын Марвина Грея, правильно? — спросила она. — Ну просто вылитый он!
— На самом деле внук, — ответил Тейтум, не слишком польщенный таким замечанием.
Она покатилась со смеху.
— Ах вот оно что!.. Так я и подумала.
Грей вздохнул.
— Ему лучше?
— Я бы сказала, намного лучше! Ваш папаша еще нас всех переживет! Думаю, завтра его выпишут.
— Э-э… уверены, что не нужно оставить его в больнице на день-другой, на всякий случай?
— Знаете, молодой человек, — ответила медсестра, — мы вряд ли смогли бы его здесь удержать! — Она подмигнула ему и удалилась.
Тейтум вошел в палату. Марвин хмуро разглядывал какой-то листок бумаги. Нос у него был еще красный и распухший, но, пожалуй, выглядел он получше, чем вчера.
— Что это у тебя? — спросил Тейтум, присаживаясь на стул у постели.
— Скажи-ка мне, внучек, это семерка или единица? — поинтересовался Марвин, показывая ему листок.
— По-моему, семерка… это что, телефон медсестры?
— Не твое дело. — Марвин положил листок на тумбочку и взялся за телефон. — Кстати, будут спрашивать — всем говори, что ты мой сын. Понял? Это очень важно!
— Хорошо, буду иметь в виду. Говорят, тебя завтра выписывают?
— Давно пора, Тейтум, давно пора! Что за удовольствие торчать в этой дыре? Пить нельзя, курить нельзя…
— Ты же семь лет назад бросил.
— Да, представь, и не хотелось! Не вспоминал даже, пока мне не сказали, что здесь курить не положено. Теперь только и думаю: как я жил-то без сигарет? — Марвин постучал по экрану телефона. — Вот, читаю статью об этом твоем парне.
— Каком парне?
— О Прескотте. — И дед показал Тейтуму открытый сайт — разумеется, "Чикаго дейли газетт"!
Грей закатил глаза. Гарри Барри, как видно, собирался выдоить эту историю досуха.
— Не верь всему, что пишут в газетах.

— Парень-то оказался хитрой сволочью! Неужто вправду был патологоанатомом в полиции? И ты с ним вместе работал?
— Ну да. С виду ни за что не догадался бы.
— А все потому, Тейтум, что ты никогда внимательно на людей не смотришь. Вот окажись там я — сразу его раскусил бы! Я ведь тебе всегда говорил: смотреть надо в глаза. Как бы человек ни врал, а глаза о нем правду скажут!
Тейтум встретился с ним взглядом.
— И какую же правду говорят мои глаза?
— Что тебе не терпится от меня свалить! — ухмыльнулся Марвин.
Грей невольно улыбнулся в ответ. Интересно, подумал он, почему сегодня дед так мирно настроен — уж не переборщил ли с обезболивающими?
— Андреа передает тебе привет.
Марвин сразу посерьезнел, на лице его отразилось беспокойство.
— Как она там?
— Учитывая обстоятельства, очень неплохо.
— Напугал он ее сильно, бедную девочку! — проворчал Марвин. — Тейтум, когда уже вы посадите этого ублюдка за решетку? Ты там что-то совсем мышей не ловишь!
— У меня, дедуля, отпуск. Блаженное одиночество в пустой квартире. — Тейтум снова вздохнул, вспомнив, что наслаждаться одиночеством ему остался только один день.
— Да, как там Тимоти? — вдруг с тревогой спросил Марвин. — С тех пор как этот сукин сын пырнул меня ножом, я его и не кормил!
— У Тимоти все прекрасно. Плавает себе в аквариуме.
— Отлично! — с явным облегчением откликнулся Марвин. — А кот?
— И у Веснушки все хорошо, можешь не волноваться.
— Ну, не бывает же так, чтобы одни хорошие новости…
— Он по тебе скучает.
— Хватит надо мной издеваться! Лучше скажи, что с твоим внутренним расследованием? Тебя больше не обвиняют в том, что сделал мир чуть лучше?
— Похоже, нет. Дело закрыли. Новый свидетель оказался другом матери Уэллса, и все говорит за то, что его даже не было на месте происшествия.
— Кто такой Уэллс?
— Тот педофил, которого я пристрелил.
— Так и говори: педофил! Буду я еще по фамилиям запоминать всех уродов, в которых ты стрелял!
— Вообще-то я стрелял только в одного и… Ладно, не важно, — пробормотал Тейтум. И, немного помолчав, спросил: — Ты не возражаешь поговорить о… о том вечере?
— С чего бы мне возражать?
— По показаниям Андреа и по следам на месте происшествия полиция составила общее представление о том, что случилось. Но хочу послушать и тебя.
— Хм… Ну, просыпаюсь я оттого, что кто-то стучит в дверь. Встал не сразу — и, пока вставал, Андреа сама подошла к двери и открыла.
— Ты слышал, как он вошел?
— Да сам не знаю, что я слышал, Тейтум. Помню, дверь захлопнулась. И дальше какой-то странный звук. То ли стон, то ли всхлип, бог его знает. В общем, я нутром почуял: что-то не так! Открываю дверь — и смотрю, этот парень заталкивает Андреа в спальню. Я шагнул вперед…
— Интересно, что ты собирался сделать? Поколотить его? — Вопрос прозвучал куда резче, чем Тейтуму хотелось.
— Послушай, ты хочешь послушать, как было дело, или лекции мне читать? Сделал я куда больше, чем эти чертовы копы!
— Да, это правда… Так что же?
— Он мне врезал. Не слишком сильно, прямо скажем. Может, этот парень и считает себя крутым, но откровенно тебе скажу, Тейтум, дерется он как девчонка!
— Вообще-то он сломал тебе нос, пырнул ножом и устроил сотрясение мозга.
— Тейтум, кто здесь рассказывает историю? Я или ты? Или, может, ты там был? Если ты так же проводишь допросы, нечего удивляться, что этого козла никак не поймать!

— Извини. Итак, он дерется как девчонка.
— Вот именно. В общем, возвращаюсь я к себе за пушкой и иду в спальню. Выстрелил в него — и попал. Он поворачивается ко мне. Тогда я делаю предупредительный выстрел в окно…
— Иначе говоря, ты промазал.
— Ну ты и заноза, Тейтум!.. Да, промазал! Было темно, комната маленькая, у меня чертовски болел нос, и я боялся попасть в Андреа, ясно?
— Ясно.
— А дальше он смылся.
Тейтум наклонился к деду:
— Как?
— Ногами. Через дверь. Пробежал мимо меня и был таков.
— Как он при этом выглядел?
Марвин на секунду задумался.
— Вот помнишь, когда Веснушка в последний раз вцепился мне в ногу, я гонялся за ним со сковородкой?
— И разбил телевизор. Да, Марвин, этот великий день навеки останется в моей памяти.
— Я загнал гада в ванную и там зажал в угол!.. Так вот, Марвин, выражение морды у этого парня, когда он бросился наутек, было точь-в-точь как у Веснушки!
— Как у зверя в капкане, — подсказал Тейтум.
— Именно, — подтвердил Марвин. — Теперь я и думаю: может, надо было не с пушкой на него идти, а со сковородкой?

Глава 92

Дейл, Вирджиния, вторник, 20 сентября 2016 года

При Андреа Зои "держала лицо" любящей сестры, поддерживающей любое ее решение. Но когда Андреа села в такси и отбыла в аэропорт, дала слабину. Страх ждал Зои в засаде, сторожил по углам, темной тенью мелькал в неосвещенной комнате или за закрытой дверью — и теперь, когда она осталась одна, почувствовал себя хозяином.
Зои открывала все окна. Гуляла до изнеможения. Включала музыку на полную громкость, чтобы в квартире не осталось ни единого тихого уголка. Заставляла себя работать: читала расшифровки допросов Клайда Прескотта, жалела, что не может заняться им сама. Почему бы и нет? Допрашивала же она Джеффри Олстона и еще некоторых серийных убийц. Но встретиться с Прескоттом лицу к лицу… нет, просто невозможно.
Зои читала его неоконченную автобиографию. Тейтум разыграл перед Прескоттом драматический спектакль, предварительно сохранив файл с рукописью на другой носитель. А вот бумажную рукопись действительно уничтожил, и об этом Зои жалела: ей хотелось бы посмотреть, как Клайд редактировал свой текст и вносил правки.
На долгое время — иногда на целых пятнадцать или двадцать минут — Зои удавалось забыться в работе: она размышляла, делала заметки, уточняла профиль, зная, что все это когда-нибудь может оказаться бесценно для другого профайлера. А потом вдруг обнаруживала, что снова смотрит в стену, напряженная, как струна, боясь вздохнуть, чувствуя, как со всех сторон ее окружает мертвое молчание.
От неожиданного стука в дверь зашлось сердце. Она хотела уже бежать на кухню и хватать самый большой нож, который там найдется, когда донесся голос Тейтума:
— Зои, ты дома? Это я.
Она отперла дверь и впустила его, почти презирая себя за то, какое испытала облегчение.
— Читаешь? — поинтересовался он, кивнув на разложенные листы рукописи.
— Очень увлекательно. Прескотт пишет ярко и выразительно. Из этой рукописи я узнала о нем очень много нового.
— По-моему, чем меньше знать об этом монстре, тем лучше.

— Он не… — Тут Зои помотала головой и не закончила фразу. — Жаль, что ты уничтожил его пометки. Хотела бы я на них взглянуть! — К собственному удивлению, она ощутила, что говорит сердитым тоном.
— Извини, я был слишком занят — спасал твою жизнь. Обо всем остальном как-то не думал.
— Можно же было измельчить чистые листы, а исписанные оставить. Или заранее скопировать рукопись. Или…
— О чем ты вообще говоришь? Я с ума сходил от тревоги за тебя! Ты представляешь, что мне пришлось пережить?
— Нет! — выкрикнула Зои. Сама не понимала, почему взорвалась — как-то ее вдруг замкнуло. — Не представляю! Наверное, мне все-таки пришлось хуже!
Тейтум взял ее за руку и очень осторожно привлек к себе. Зои не противилась; прижалась щекой к его груди, и он обнял ее — нежно, почти невесомо, словно чувствуя, что все давящее и стесняющее для нее сейчас невыносимо. Закрыв глаза, Зои слушала биение его сердца.
Через некоторое время она глубоко вздохнула и отстранилась.
— Прости.
— Не за что извиняться.
— Выпить хочешь?
Было три часа дня, и Зои ожидала, что он откажется.
— Не прочь.
Она открыла шкаф, достала бутылку "Талискер Скай" и два бокала. Плеснула немного янтарной жидкости Тейтуму и куда более щедрую порцию — себе.
— А почему так мало? — поинтересовался Грей, разглядывая бокал на свет.
— Середина дня. — Зои пожала плечами.
— Но у тебя в четыре раза больше.
— Мне можно. Я травмирована.
— Я тоже травмирован, и еще как! Только что был в больнице у Марвина.
Зои подлила ему виски, и Тейтум коснулся бокалом ее бокала.
— За травму!
Она фыркнула.
— За травму!
Оба отпили по глотку. Зои немного посмаковала горькую жидкость с дымным привкусом, затем проглотила, чувствуя, как в груди разливается приятное тепло. Пили в уютном молчании; Зои не думала ни о чем конкретном, мысли бродили сами по себе, и в этом была какая-то не знакомая прежде свобода.
В конце концов она, вздохнув, заговорила:
— Ладно. Манкузо сказала мне, что делом Гловера теперь занимаешься ты.
— Сама сказала? — удивился Тейтум. — А мне она велела тебе не говорить…
Зои промолчала, слегка усмехнувшись. Немного подумав, Грей чертыхнулся.
— Блефуешь! Ничего она тебе не рассказывала!
— Она — нет. — Зои отпила еще виски, довольная собой. — А вот ты только что рассказал. Правильно я понимаю: ты сам напросился?
— Конечно.
— Есть какие-нибудь идеи, как он умудрился сбежать?
— Полиция считает, что ушел по крыше. Оттуда спустился по водосточной трубе в переулок, где полицейского кордона не было, и удрал.
— Ниндзя какой-то… А потом, видимо, убрался на автомобиле, несмотря на то, что по всему городу объявили план "Перехват".
— В целом как-то так, да.
— Еще и истекая кровью.
— Они полагают, что Марвин не так уж серьезно его ранил.
— А ты что думаешь?
Тейтум взглянул ей в глаза.
— Что-то здесь не бьется.
— Давай посмотрим.

Вместе они вошли в спальню Зои — где Тейтум, разумеется, никогда прежде не был. У порога она на секунду замялась, вспомнив, что у нее не прибрано: повсюду разбросана одежда, в том числе и белье, на столе три чашки с остатками кофе, на кровати и на полу кипы бумаг. Ну и черт с ним!
— Не обращай внимания на… — она обвела спальню неопределенным жестом, — на все.
— Договорились, — усмехнулся Тейтум.
— Судя по следам крови и по показаниям Андреа, когда Марвин выстрелил в Гловера, тот стоял здесь. — Зои встала у кровати.
— Значит, Марвин — у двери. — Тейтум занял место своего деда. — У него сотрясение и сломан нос. Скорее всего, прислонился к стене или к косяку.
— Он стреляет. Ранит Гловера в бок.
— К сильной боли Гловер не привык, — задумчиво произнес Тейтум. — Насколько нам известно, в детстве его не били. Он никогда не лез в драки — по крайней мере, такие, в которых не имел явного преимущества. И охотился всегда на слабых.
— В Чикаго я задела его ножом, — медленно покачала головой Зои, вспоминая тот день. — Порез был неглубокий, но он испугался до полусмерти.
— Итак, ему больно.
— Второй выстрел — и промах, пуля выбивает окно. Но Гловеру вряд ли становится легче.
— В Марвине он видит непосредственную угрозу. И понимает, что стрельба привлечет копов. — Зои закусила губу. — Надо бежать.
— Окно разбито, повсюду острые осколки стекла, и он не хочет поворачиваться спиной к Марвину. — Тейтум устремил взгляд куда-то в пространство, словно видел то, что происходило здесь несколько дней назад. Зои знала этот взгляд, не раз слышала от Андреа, что сама, когда задумывается, смотрит так же.
— И бежит к дверям.
— Верно. — Тейтум повернулся к двери, готовый повторить путь Гловера.
— Тейтум! — вырвалось вдруг у Зои. Она сама не поняла, почему его остановила.
— Что такое? — удивленно спросил он.
— Ничего. Пойдем вместе.
Они вышли из спальни. Тейтум открыл входную дверь и выглянул в холл. Лестничная площадка, лифт, двери соседних квартир.
— Куда же дальше?
— Он напуган, — напомнил Тейтум. — И ранен.
— И знает, что снаружи копы, — добавила Зои. — Не случайно же он сам переоделся копом.
— А как он, переодетый копом, попал в здание? — спросил вдруг Тейтум.
— Как он вообще попал в здание? Час был уже поздний. Полицейские наверняка обращали внимание на всех, кто входил и выходил.
Зои привыкла думать в одиночку. Прежде, работая с Тейтумом, она лишь проверяла на нем свои теории. Но теперь словно включилась какая-то связь между ними — и они начали думать в унисон, как шестеренки единого механизма.
— Мы знаем, что в Дейле он прожил несколько недель, — сказал Грей.
— И, стоило мне уехать, — выполз из своей норы.
— Андреа сказала копам, что он как будто хорошо знал твою квартиру, — продолжал Тейтум. — Знал, где что расположено. Они предположили, что он уже залезал сюда, когда никого из вас не было дома.
От этой мысли Зои охватила тошнота.
— Не обязательно. В таких домах все квартиры одинаковые.
— Он ждал. — Тейтум огляделся вокруг. — Обычная его тактика, верно? Засесть в засаде и ждать добычу. Найти подходящее место, затаиться там… и просто ждать.
Зои кивнула.
— Ждать, пока мимо пройдет одинокая девушка.

Глава 93

Управляющий домом, ворчливый старик, поначалу наотрез отказывался общаться с ними без ордера. Однако Зои и Тейтум — все в той же новой манере, которая и ставила ее в тупик, и безмерно радовала, — поняли друг друга без слов и разыграли целый спектакль. Зои была жертвой, к которой кто-то вломился домой, а Тейтум — суровым федеральным агентом, готовым покарать негодяя.
Не прошло и семи минут, как управдом готов был хоть первенца в жертву принести. Впрочем, первенец им не потребовался. Только имена и описание внешности всех новых жильцов.
Описывать людей управдом оказался не мастер. Впрочем, среди новых жильцов нашелся один-единственный одинокий мужчина средних лет: некий Дэниел Мур.
Ключи от квартиры управдом им не дал, зато сообщил, что сходит туда сам, а они, если хотят, могут пойти с ним вместе.
Полчища мух и витающий в квартире запах с порога сообщили, что в этой квартире уже несколько дней никто не живет.
В кухонной раковине валялась гора грязной посуды с остатками тайской еды навынос. Воняло неописуемо; управдом, зажав нос, бормотал что-то о насекомых, счетах за уборку и судебных исках.
Зои, не обращая на него внимания, двинулась прямиком в спальню. Тейтум — за ней.
И на полу, и на простынях темнели пятна засохшей крови. Сомнений не оставалось. Словно подстреленный зверь, Гловер убрался в свое логово и здесь зализывал раны.
Зои нахмурилась, соображая. Здесь он был в безопасности, а потом снова бросился бежать… почему?
— Что-то его спугнуло, — произнес у нее за спиной Тейтум.
— На следующий день после нападения на Андреа полицейские опрашивали соседей, — ответила Зои. — Ходили из квартиры в квартиру, интересовались, не видел и не слышал ли кто-то чего-нибудь подозрительного.
— Постучали и сюда.
— Наверное, еще и объявили: "Откройте, полиция!" — Зои представила, как Гловер скорчился в углу, зажимая себе рот, чтобы не издать ни звука, — и при мысли о том, что он был ранен и напуган, испытала некоторое удовлетворение.
— Подождал, пока они уйдут, собрал самое необходимое и бросился наутек, — проговорил Тейтум, разглядывая бумаги на тумбочке у кровати. — Телефонные счета на имя Дэниела Мура… Похоже, он состряпал себе полноценную фальшивую личность.
— Или украл, — добавила Зои. — Он уже много лет в розыске и все это время умудрялся как-то скрываться от полиции.
— Взгляни-ка! Счет из больницы.
На секунду Зои подумала, что Гловер обратился в больницу со своим огнестрельным ранением. Но нет, настолько он еще не обнаглел. Счет был за МРТ, трехнедельной давности.
Результаты МРТ она нашла скомканными на полу. Развернула, перечитала несколько раз — и широко раскрыла глаза.
— Что там? — спросил Тейтум.
— Подозрение на злокачественную опухоль мозга, — ответила Зои. — Возможно, он умирает.
Вот и сложилась головоломка! Последний элемент со щелчком встал на место. Теперь понятно, почему Гловер не стал ждать, пока уляжется шум и охрана Андреа потеряет бдительность. Он просто не мог себе позволить долго ждать.
— Все-таки есть на свете справедливость! — с мрачным удовлетворением заметил Тейтум.
Зои не ответила: в ее душу по капле просачивался холодный ужас.
Раненый зверь ползет в берлогу и там зализывает раны.
Но умирающий… умирающему зверю терять нечего. Он становится непредсказуемым — и намного более опасным.

Глава 94

Возвращаться домой Зои не хотела, так что они отправились в бар в Вудбридже. Тейтум неторопливо посасывал пиво "Блю мун", а Зои пила уже второй "Гиннесс". Впервые за долгое время она по-настоящему опьянела. Обычно любая потеря контроля над собой заставляла ее нервничать; сейчас алкоголь, сглаживающий острые углы реальности, стал для Зои желанным подарком.
— Знаешь, что мне нравится? — спросила она.
— И что же? — поинтересовался Тейтум.
— Пиво.
Он поднял бровь.
— Да ты, похоже, наклюкалась!
— Ты мне не мать! — прикрикнула она.
— И слава богу.
— С моей матушкой вообще невозможно ладить. Не понимаю, почему Андреа решила к ней переехать!
— Ну… может быть, ваша мать не так уж плоха, — вздохнул Грей.
Зои спорить не стала.
— Тейтум, тот вечер…
— Какой?
— Когда я сказала, что ты застрелил того парня, потому что думал, что он того заслуживает.
— Ну. — Он сделал большой глоток.
Зои точно знала, что должна извиниться, — и вдруг сообразила, что не помнит, из-за чего именно они поссорились. Мало того, вполне возможно, она была права. Впрочем, сейчас лучше свою правоту не доказывать.
— Я была дурой, — изрекла она наконец.
Не так уж часто Зои Бентли называла себя дурой. Строго говоря, вообще никогда. Но искусство дипломатии требует жертв.
— Что ж, спасибо, что призналась. — Тейтум благодарно улыбнулся ей.
И всё? Похоже, в самом деле всё. Вопрос исчерпан. Каким-то чудом ей удалось пройти с завязанными глазами через минное поле и остаться невредимой!
— И еще я хотела сказать тебе спасибо за то, что спас Андреа.
— Не я ее спас.
— Нет, ты. Ты попросил присмотреть за ней своего деда, а тот выстрелил в Гловера и спас Андреа. Так что я у тебя в долгу за жизнь Андреа. Или она в долгу за свою жизнь. Или мы пополам… — Зои хихикнула. — Если я должна половину ее жизни, и она должна половину…
— Так, тебе определенно хватит. Давай-ка я отвезу тебя домой, — предложил Тейтум и начал вставать с табурета.
— Подожди! — Она схватила его за руку. — Еще немного!
Он со вздохом сел.
— Ты даже не представляешь, как будешь завтра маяться похмельем.
— Я… ик… не знаю, что такое похмелье.
— Вот завтра и узнаешь.

На заднем плане заиграла "
Girls Just Want To Have Fun
" Синди Лопер.

— О-о, обожаю эту песню! — воскликнула Зои.
— И почему я не удивлен?
— Что ты имеешь в виду?
— Да ничего. — Тейтум усмехнулся.
Несколько минут они сидели молча, слушая песню. Потом Зои снова заговорила — посерьезнев, даже, кажется, слегка протрезвев.

— Мне нужно найти Рода Гловера. Понимаю, звучит как навязчивая идея…
— Ты права.
— Что?
— Ты права. Его нужно найти. И я тебе помогу.
— А… тогда хорошо. — Ее охватило странное тепло, не имеющее ничего общего с алкоголем в крови. — Спасибо.
— Всегда пожалуйста… напарница. — Тейтум осторожно взял у нее полупустой стакан.
Она старалась остаться серьезной; ведь они говорили о серьезных вещах. Но Синди за спиной пела о том, что девушки просто хотят веселиться, по телу и душе разливалась приятная легкость… и впервые за много дней Зои по-настоящему улыбалась.
Сейчас она чувствовала себя почти в безопасности.

Благодарности

Эта книга никогда не увидела бы света дня, если б не моя жена Лиора. Вместе со мной она обдумывала сюжет, читала и редактировала книгу, оказывала бесценную поддержку всегда, когда я в ней нуждался. Она часто просит, чтобы я перешел на романы о цветах и бабочках, но никогда не отказывается помочь, когда я пишу об убийцах-психопатах. Когда-нибудь напишу триллер о цветах и бабочках специально для нее.
Кристин Манкузо, многому научившая меня по части писательского ремесла, прочитала первый черновик этой книги. Сделала массу интересных замечаний, помогла мне развить характер Джулиет Бич, взаимоотношения Зои и Джозефа — и многое, многое другое.
Джессика Триббл, мой редактор, оказала мне неоценимую помощь. С ее поддержкой я сократил все, что стоило сократить, "докрутил" логику детективного сюжета и переписал начало так, что оно стало сильнее и ярче.
Вторым редактором этой книги стал Брайан Квитермес. Он исправил проблемы с темпом повествования, придал блеск диалогам и помог удалить две ненужные и слабые главы.
Окончательной редактурой занималась Стефани Чу: она пригладила мою неуклюжую грамматику, исправила огромное количество орфографических ошибок, а также обратила мое внимание на несколько фактических неточностей, прокравшихся в текст, — например, на то, что у меня в одном месте слишком долго длился закат.
Сара Хершман, мой агент, неизменно верила в меня. В том, что эта серия книг вышла и имеет успех, ее заслуга не меньше моей.
Спасибо друзьям из "Авторского уголка" за то, что болели за меня, поддерживали и поздравляли, когда вышла в свет первая книга из серии. Лучших друзей и желать нельзя!
Спасибо родителям за неизменную поддержку в моем путешествии по тем американским горкам, что именуются "писательской карьерой".

1

Квантико — город в штате Вирджиния, неподалеку от которого находится военная база Корпуса морской пехоты США, где в числе всего прочего находится Лаборатория ФБР.

2

Расхожее название Лос-Анджелеса.

3

Томас Уильям "Том" Селлек (р. 1945) — американский актер, известный своими ролями частных детективов и полицейских в различных телесериалах.

4

Район в Чикаго.

5

CODIS (Combined DNA Index System) — национальная база данных ДНК, созданная и поддерживаемая ФБР.

6

Джон Уэйн Гейси-мл. (1942–1994) — американский серийный убийца, изнасиловавший и убивший 33 молодых людей, в том числе нескольких подростков; также известен как Клоун-убийца.

7

"Йелп" (
англ.
Yelp, yelp.com) — веб-сайт для поиска на местном рынке услуг (к примеру, ресторанов или парикмахерских) с возможностью добавлять и просматривать рейтинги и обзоры этих услуг.

8

Монти Риссел (р. 1959) — серийный убийца и насильник, в конце 70-х годов изнасиловал и убил пятерых женщин в Александрии, шт. Вирджиния.

9

"Чикаго кабз" — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге; чирлидеры — танцевально-музыкальная группа поддержки спортивной команды.

10

Киноа — хлебная зерновая культура.

11

Намек на комедийную мелодраму "Красотка" (реж. Г. Маршалл, 1990), где главная героиня, девушка по вызову (Джулия Робертс), завязывает серьезные отношения с миллиардером (Ричард Гир).

12

Т. е. с мужиком, клиентом.

13

Гарри имеет в виду серийного убийцу Джона Гейси.

14

Популярная сеть небольших супермаркетов.

15

Девушка-детектив, персонаж книг, фильмов и компьютерных игр.

16

Теодор Роберт (Тед) Банди (1946–1989) — американский серийный убийца, насильник и некрофил. В 70-х годах его жертвами стали более 30 женщин.

17

Вилма (Уилма) Флинтстоун — персонаж популярного американского комедийного мультсериала "Флинтстоуны".

18

"Вперед, девичья сила" (

англ.
Go, girl power) — слоган, воодушевляющий и приветствующий расширение возможностей женщин, их независимость, уверенность и силу; стал популярен в середине 1990-х гг. благодаря поп-группе "Спайс гёрлз".

19

Хумус — закуска из нутового пюре.

20

Квантико — город в штате Вирджиния, неподалеку от которого находится военная база Корпуса морской пехоты США, где, в числе всего прочего, находится Лаборатория ФБР.

21

Здесь и далее: вспоминаются события, подробно описанные в романе М. Омера "Внутри убийцы".

22

Четвертая поправка к Конституции США в широком смысле запрещает незаконное получение информации в качестве доказательства вины субъекта.

23

Теодор Роберт (Тед) Банди (1946–1989) — американский серийный убийца, насильник и некрофил. В 70-х годах его жертвами стали более 30 женщин.

24

Рэдрик Делантик Дэвис (р. 1980, более известный под сценическим псевдонимом Гуччи Мейн) — популярный американский рэп-исполнитель.

/9j/4QAYRXhpZgAASUkqAAgAAAAAAAAAAAAAAAP/sABFEdWNreQABAAQAAAAKAAD/4QN+aHR0 cDovL25zLmFkb2JlLmNvbS94YXAvMS4wLwA8P3hwYWNrZXQgYmVnaW49Iu+7vyIgaWQ9Ilc1
TTBNcENlaGlIenJlU3pOVGN6a2M5ZCI/PiA8eDp4bXBtZXRhIHhtbG5zOng9ImFkb2JlOm5z
Om1ldGEvIiB4OnhtcHRrPSJBZG9iZSBYTVAgQ29yZSA2LjAtYzAwMiA3OS4xNjQ0NjAsIDIw
MjAvMDUvMTItMTY6MDQ6MTcgICAgICAgICI+IDxyZGY6UkRGIHhtbG5zOnJkZj0iaHR0cDov
L3d3dy53My5vcmcvMTk5OS8wMi8yMi1yZGYtc3ludGF4LW5zIyI+IDxyZGY6RGVzY3JpcHRp
b24gcmRmOmFib3V0PSIiIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vbnMuYWRvYmUuY29tL3hhcC8x
LjAvbW0vIiB4bWxuczpzdFJlZj0iaHR0cDovL25zLmFkb2JlLmNvbS94YXAvMS4wL3NUeXBl

L1Jlc291cmNlUmVmIyIgeG1sbnM6eG1wPSJodHRwOi8vbnMuYWRvYmUuY29tL3hhcC8xLjAv
IiB4bXBNTTpPcmlnaW5hbERvY3VtZW50SUQ9IjVCNTVDNEQ0MjNFQzAxOEY3ODQ1MkFGMUFC
QkYyQUY4IiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSJ4bXAuZGlkOjQwNTc1NUUwMEQ2OTExRUJBNzhE
QjA1QTAyRjJCNjVGIiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUlEPSJ4bXAuaWlkOjQwNTc1NURGMEQ2OTEx
RUJBNzhEQjA1QTAyRjJCNjVGIiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCAy
MS4yIChXaW5kb3dzKSI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkRnJvbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUlEPSJ4
bXAuaWlkOjgxMWRkYjFiLTZkYTAtYmE0Ni1hZGE3LTJlZmY1OGE5ZWFhZSIgc3RSZWY6ZG9j
dW1lbnRJRD0iYWRvYmU6ZG9jaWQ6cGhvdG9zaG9wOmI5OGE4MzI1LTk1MzMtNTM0Yi04ZWRm
LTI2MDBhYjg2ZTA2MSIvPiA8L3JkZjpEZXNjcmlwdGlvbj4gPC9yZGY6UkRGPiA8L3g6eG1w
bWV0YT4gPD94cGFja2V0IGVuZD0iciI/Pv/uAA5BZG9iZQBkwAAAAAH/2wCEABQQEBkSGScX
FycyJh8mMi4mJiYmLj41NTU1NT5EQUFBQUFBRERERERERERERERERERERERERERERERERERE
REQBFRkZIBwgJhgYJjYmICY2RDYrKzZERERCNUJERERERERERERERERERERERERERERERERE
RERERERERERERERERP/AABEIAxkB/gMBIgACEQEDEQH/xACaAAADAQEBAQEAAAAAAAAAAAAA
AB
AgMEAAUGBwEBAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAQACAwQFEAACAgEEAAQFAQcCBQQDAQAAA
RECAyEx
EgRBURMFYXEiMgYUgZFCciMzNLFSgpIkFRahYkNTwdFENREBAQACAQQABgEEAQMFAAAAAAE
R AgMhMUESUXEiMhMEYYGRQlIU8LHRYoIjMzT/2gAMAwEAAhEDEQA/APkx0hUh0jm9cFBOSCjL
cBgYzAkRcgwdAUBkdAUghSBvDkgMZsRki7nQMkGBBYAxmLBIDoCcLDoDB0BBOg45gAgBhYrY
oGxQsBpmgzoCkMqSOWcOqitKBpjLqkGLWsFSSOTC1IUgOBqisC1QwIjOiDnYXkSFsWJGSGgk
VVgpSoUjm4JOtaDLe7kre0k+MlEKktSsi0o2a8dCTqYi1awFAYMuaFY4GiSLR0DNCiitQKx7
AJIXUmS6g3XroZLokzWFWw9xEdIzUnucznuczbkYVhOYNUEMKgkDoYVDg3OxEiiQowNGA3AR
SagyFAQwEIHSAkUSCtyAkFoZIWxlsjAkFajbCyArGEbJUIOZzOFigFIKqUSIFFY7FgjIU7YL
FbkiVsBzALLgpBSketSGArUrWkDVoUVTNOASgZSxlQLUASQNWoaqR2kiDtidmM7E/uJEe4yq
MqDpEQSCkVx4b5Psq38i36POtXjt+4MSG4+Ee4ZXmEhkIsEgtsZbo02ZCykix5ESRfKiBuMUj3Axnu
IdHMyOYUCyAggrUA1BZOhxUjp1B08OHSEQ6MtCy/QSfZxJqU710M7NPt3+Vi/nqUavZ7/wCR
+zLG/wBVgUV/iqj5lH3Pc9yr1+5nza4siS+R857xW4xtWNpUmj27oX/vFqUavZ7/wCR
nOvVIVmj27oX7+ZY6/b/ABPyRHFivnuseNTax5zessGJ/17xyzWN9dCpxH5/17xyzWN9dCpx
...

9P8AkuGnZ6+L3CmkpK37T5ipCXLrbCD2YgNrBAOjDqaqNfQX/U4v56mVI19D/Jxfz1Jrw9X8
lU9lfI8ZI9r8kX/Ur5Hjht3XH9kX6nav1MiyY3qtzd7v7u+6lTH9NN2vNnksR2KW9jdZb7eS
2ZLdr5oZuQJQ180Sr6b8o+3F8j5tI+l/J/txfI+cSNbd3Pj+19LiT/7MuO+snzSWh9J7Flr2
cGTpXcNr6Twezgt1sjxXUOpXtFp32n85RbAEBl2avbJ/VY43k3fk/wDmf8KKfj/T/qfq8umO
mib8WyX5P/mf8KNeHDOeT+jxJPqfd1PtuD5o+ZrXU+r9ypa/t+CtVLdlCKdqd++vzfP9brXz
XWOils+gzZKe0YfQxa57L6reQaqns+GXr2Lr9x4l7WyWd7uW9w7fMfff/T/3Ckuyb1bZ7fv/
ANmD5P8A0PGp9y+Z7fvv2YPkU7Vbfdq8OqPf9hh0yJ7RqeA2z3fY1GLL/Ky17rk+1D9H7X/9
7/eel0cHVx1b6brbJGjZ8oloUx2tjsrUcNbFNv4V0tn3VXuLL61vX++dTPB9DlrX3Tr+rVf1
qLVeZ4LRmzDWtzMeYTiKysCtA0kxsX03rbyaY/pyWpiIvZ95xetXH2K6prU8ylD2Pbstc2N9
XL4/aZc3Wtgs62XyZrbr9TjrcfRUaofY6tIGiQJW5Ak0yvFJGrpdV5HzvpRDi0W4nVa/9Dqp
P7rHlVSNvdz+tfT7a6IzVgqNek6+XodD+zk+TPMxtrVbnq9Ff0snyPMVdCvaCd9no1de/Thb
TKvEl2c1epT0MP3P7rGNWtRzVwyd03q9yz/czX+3wDF99fmbvev7lP5TBhlXXzN3vX92n8oT
7ab90eTdH0HuCwPHjrnbShRxPAep7Gav63pq1dbU3Q6+Rt/ix+j7f/vuI8Pt3++5hsTjxDP8
Nev816Lxe2r+O5frdno9OuT0rWbvWPqPFskI0Xt/A9c97WfY9D8f/wA2pgsb/wAf/wA2o691
v2rzvyCX380/7tDyz6v8s6Dd/wBVi1X25I8GfKI6uUWqJfcohuv1cncyrDjUtv8AcEdL2fS8
Z9iXq/7tJ+eh8tTY+p/Jc1Ot1sft9NXo7fsPl6jXLUtgDMXxMuqw6QqKVRl1hkjV0f8AJxfz
1MyKVXiDeOj2/wAk/wAlfI8UZtvdt/MSzK9RrPWepbMm9Qs5IiCQfFfNBg5KST6T8mX04vkf
ODOze7b+bFQ25rOmvrMKYc18F1ko4sj6P9X0/d6KvZ/p5V/EfNHFLhbay9e1+L3Mn4zlb/oZ
K2r/AO4ensnW6v19zKtP4V4ng+pZbWt+9iN2tu2/mOZ8Gcbednrd73X9TanX664YK2rp56lf
ySs9v/hR41altXq22/iFomuLMeCVrB9i+3j6vTx3vDslNF8T5NDy3vLKXC219sHz5b57vLdz
Zk5GhsZYwajsS1XzPc97rNMPyPIrQo2/Ftl4ZszZfgi6we17I5xZfkzxra6Ha1Wja+RS4W09
phGqGVQ7DJA3lq6HafVyqy+16WXwNPuvTVH+oxf27/6nnLQ76no248pHxhjHX2Seuwa4yqpB
SuOQayWmOTRTGGtIKoWchVcdVueli7lMteHYU/EwRIyQzoxtJW23t1L64ryCvtmRbtGTX5D+
pd6NsenwH1fFs/S4cOuW0vyI9juPIuFPpoZrMULfgpPN6hHgKkx0KtzLb0eh/ayfI85bDI5o
azJjP8laFgcVg0GOv1r5mn3pf1afymVkrtvfUs9MDHXKKRo6nbt1b8lqnuiOwl3IdmsZ6PWv
g6nf+rHb07+NSL9izfwWq0eY1GqO52/3P97HMveD1s7V6f8A2jDi+rs5Ul8DL7h2uu8fodei
4r+LxMdm3u2/mSsiz8B69c2s1j0Px/8Azann3PQ/Hn/1tR17rf7arl94/Rd/sYcy54L2+qvk
df2Hp97+r0cqU/wPwPH9+/z8pHfy27/6nnLQ76no248pHxhjHX2Seuwa4yqpB
SuOQayWmOTRTGGtIKoWchVcdVueli7lMteHYU/EwRIyQzoxtJW23t1L64ryCvtmRbtGTX5D+
pd6NsenwH1fFs/S4cOuW0vyI9juPIuFPpoZrMULfgpPN6hHgKkx0KtzLb0eh/ayfI85bDI5o
azJjP8laFgcVg0GOv1r5mn3pf1afymVkrtvfUs9MDHXKKRo6nbt1b8lqnuiOwl3IdmsZ6PWv
g6nf+rHb07+NSL9izfwWq0eY1GqO52/3P97HMveD1s7V6f8A2jDi+rs5Ul8DL7h2uu8fodei
4r+LxMdm3u2/mSsiz8B69c2s1j0Px/8Azann3PQ/Hn/1tR17rf7arl94/Rd/sYcy54L2+qvk
df2Hp97+r0cqU/wPwPH9+/z8/wDMefjs6v6W18mdXLHwfT4/xTKc+Sta+aNFu70oy
Z3/F/wDs+YeS/ja3/MzPk3CU2XzT5+xk7OR5crm1gSTQ5LURRnoAHVeqKpC0RRIw6wUimwEj
pBpzJ2YXYAxnIIJ2wskhkK0AhkSAKDBxFwDjkpJZCJKVqFVKqsCxaVVHVQpD1qCcqjpDKo3E
QnEFKo6AcoAnbgRuTtzogUIrGOiSREh0cqjaIE5VGqpOSbNGOniItCuLzHVYKwEmMkGdQwNI
rJaopAKryHIBAGNINySbO0GegrYEtkT5QynJAsgIpnI6NBdiB2TvoPzFlMEmnIltSrrBPYMN
J3UIlx8TRxnUnepFKCdkXaJWBJSI2Uegj1JM+RGn2bPj6/aWTI4r5kbox5kalZ2mZgfeMtc3
cy5KOa2tKZipudYbHudXOHZG+5oZnvuUOwVKImitUVGrragOB4g6ttUOhENJh1NIlrC2sKQM
tRwJQc2KBgOGSJOSGSOSCCdADmwEhSkdVOqitaizaFUFKR1WR1SAQUqWSBWo8CsuSDsBaAbI
ObAqyBajpERiAMY5VkgC1GVIHrSCiqQtS4BWMq0x6qCGS0pCK1UHVQygmbRqpGgEwBWEGVQt
HKwtmQcnBzuSdvMS2XwBpbLIyZCtkkd6hJZ2aOd1GpFZQ+qvEk6asW1oEtxZC1vBMDGxZFBO
2VEFaN2Stere5FqWUZXTMU+QPq8AWG69/BBVZ3MNctqP6i9e1WxJRgZ3qJjaBhJtErIvMk7o
jKytCNFrVJW0Ao2MuQ13MmZCqx3YcSFuPjOrl5OzPfVl7aGezGDZ1SyWhKpVMK1pCsAbCg6N
sgdgSKZbMtR6oFUOScKzmwChQyFSH2CiCBiux25ERloBIeqEHoVSkStS9SZopDpHIdEHI5sD
sTdpJQzsctWBDrQiZVOCtRkhDq0kokBaD7kHL4D1rIi3LpkzXQkdALMV2ggodVLchbJOiFe
TiCabOCbyQZX2Cb7CJNfrQJbPG5itmW5lvm5kW+/Z5OEFZUtzzFkjYb1/Mi9NZ6nPMoPO9VE
r529Kknp+uluFZU9Tyed2c7XekgnpWy1biRbXotjAqtbsMctiMar5a1W5nqnd6AXWnVsuk0o
RF1cd1sPFl4k+VzuFnuyRr282JzruF0qt9QPj5AgXadSle1y3ZndESdNdCD1a9hD+qnseXiU
bmlWqtmRaLNMlYKfihG2BTujJlNdjJlKJjsPRQhWtR4OjEC+xme5puZZnuajnseqKrYRKEM3o
FddJ0IcciLQMkBD1Rlsy0ObObJtkhk5IVFKokZHBAwJQ1R0D1QqjWslVUFUVqiYy6qLVQtU
PJAW4OdhHYXVkcGdpCkLEDIkKKVrIlSycImaaIQqeotrMVMU0odJIgrnerJCrjO8EFkhE75Y
Jla2chkz+RnvnkhbKtwLWsyW5G3YlmW2VMm7zsKbLZ0yF807EZk6lZZDIuzsPTGytMZRpVRJ
HgkBUTY/JSC1l4Eci1VIm2vAZVncNcbs9ECT5eCK48Fras0Y8CqpKpO2iIsvoeBenTjU1Vxq
q+I6kkzLAluDjXZGpYnffYp6VKL4gssHB+CC8LsbGo2ROysyOWK+JVJWo2bng8WBYiTD6LYf
Rjc2tPZInbFYllmaVdyFmvA1vD5iPFVAWb1nXYZdhsa6qtiThCFXbkZ8g6tBPI5As8ajgQyZ
uMo5CFdy2Vk6LU053uqgWGQrMvRJ0KzvALAQ8tKHQiHBsWxGMxSA1RRKBUgtgXNnLUCHqiQq
patDqoohYtBKBtgHIkZMaRIOqSNuFs5AZDIjSkTdjm5IKoLvBPlxRJ5JFNCsidsykzXzwZ1k
b1IZb3nBXL4mJ5J0QbXhAGy2eSFuyY7XbB8xGVbZuT0A7MmvgNDYh24yUAdvBAegJVPloaMe
OCOKsas011ImtdJQiTra/wAiyxTqzr6aIki68RqYp1Gxrm4NSXEkFMCWtiq4VQrutgrE7Aip
8n8C9KwoRSnXNFMSQ4WUaY2ytcRoVEx+EDgZZuLQVi5blbasoloRR9NIlaqRpsSaHAS4Jnem

ipzQFmtXyIZEzdCEtUKnmWx2ZG2I9K1CVqGWsvPeJErY0ehahlyVBpisiNpNN0Zrii+AUgDv
SpuBkyPU6qgFtWPVC5zrTiDvYn4mY9FFgCwEy1ILYJFbBszYUKhwQyA4NVJI1UWrUWtSiQs0
60C2IwSyGDJjJE5KJySrp8BfELqLJDJ1aBXZsWQvYg7lAvJzIG4E+ZA9sjZHJkhAvZ+BDViy
HJ2cDWfHQ5/SpFqnZyxB6tJAt5h4wK1yAlWuwzH4qoeHiIKkMBqAuskgUToUrTkxa11hGmtX
4FgK1xaFaVWyEx1dnBtphVVPiRZ71YlcTu9djaqciixPwJM1aKmiK1wu7NVMC3ZprRLYsLLN
j6la6susaQ70GiUOGcpjJHNQc2TSmlReUiJ+YSysGakKYnJhTJU4ljnaBU5C04LOorTbHe5z
YIlk0JBSRW4JEaI3RW1vIkyLPdGbJQ13ZGyMtMN6mS9T0ciMWQizW3DktCA9WJmZuM1FasvV
EqKTTWuhbHSJ30RKR8jJFDteqhxyO8QPhds5anQcZaMFCrUdERWpWlQVqWoo3Jm0VUZrQ7YW
ZEA9QwOlAGSyS42NyLYGMgtZwRt5lWtCV9iZJyK+EkqrUtbyIEVdJZHJedEVyW0gjSnizTJF
VvQLipdVjUjaru/gRT48vkNWhf04UILpGxBmcvQoqKillq0VNXuLenLVkUInUpWrepamLkV4
cSDNai3YtcbyOFsXdOT1L40kQpadetVqVrjnYO5opCEOxY+JZIVDpgT1qUQlWNUgpXUaAJgk
UqHkT5CWuiKniLkvC0BW2molWrBTBpedx5F4pHLUz1aVkRsHKDuRoDbYWlWg8hXcyTi2sLyk
EiBmBXLOs4J+qDR4gnZheQna0kiWZJjNiNgWfLoYMrNmaxgysj4RrqxM25Sm0kL6s3GKpiRo
s4RLCvEbKwrpp0jPZiBsKjUc9r1VqEFQmXSdlpCBDJGWnJFaoVItSpI9UMzjoFkNx61Aqlq0
JWlQyroPw0BVEzlnstTqqCrrqBqGSc1oZ8jNMSjPkpIslx7yUyWnY6sVDWs6kE1Xz3HWPipZ
auNbsW9eQhBVdvkHiUWN/sK1otiKdaSF18i9aQNxRJm9OdWUrikeBnsSJxVdgNeYW4EvYgnZ
a6DrREnZC2zQiBlli0Gul/E8R5YtJqr2UkIlevXKhlkR5C7iD+rXgwwXs+pAVlPIXbnxOr25
cCnsrKN6p5K7KXiP+q+JLD0vUF5nn/qJCs4GNefNwpuL1LtVlnk9vsu1lRM24MnGqEPT5yNz
gxLMd6sg02c0dzRlWRB5kmjnAvIg8gOchWmjkBOCXKAcwStrSJCF5gd0SFsmwOxO9gIttErW
aDyI3uRQy3Md2aMljM9WKHapme5ptsRpWbG2a041xqSysq3CM1nLMR08YJYVDtCm3G9zSPOh
JFfCArUvRdDoVFKow6npWSyUCpQMmQGRqqTqqStaiBrQqlAarQEkzkGCq1GaGVSBHXWSVkXs
9BGpRJPdQJapeNBXUQjwnQtWkBVYG3JFhhVfMYKIYLxkKUHCtwRNIrYHcR2EH5C2uRvkgzX7
HkQabZUjPk7CM9rOxPg2OAe/Y8iDzWZS+OKyZ1qaw52udmwc34A8Tk4Jm102YVyDJ3OBwM0e
dqnLJbcS15Dy0LCzT+vYZdlkU/MGhYPtWpdxof8AWODDodIYPtWiuWbyzfXtpHkHalZlTbD2
l2ZK17B4SyWRSvZaM4dJu96ucf1TxK9sd9qVoWD7R6V+0k4RWmXSWeThevJmp5fBBYZW9ZZC
rmOuSEJbs+CDDWWq/ZSfFblFaVqYsSS+p7lvUkqVnaBLWknyFdgIuxK9ybvqJexDKd7STW51
mCr1E0crhHYa+It9XBen0oap3Lm0UGYvlckHoEVvUrAE40w5DSK9DiLakaKVJ46yaFUw62gP
WoVUaIIHoitULjXmURCjsDjI6qNBMkg62wzUisgRIOw0AZEBXqws4k47Y44Q4DYGxWyQuwsg
YlrQKGzgz5M0CZMvgiXF23IFve19gKnmaKY4GaSEVLikLZquouTLGxnvZ2NOdrs2XkRqwtai
PRi51zeoVVsLo2pLY1C1DIQfkIVyRuie4py1OaDDWpSjTepJPi2Bpo28VGgjx8kIZDh3SGPX
GmBSQWPfG6+BMkKUgaDMHSSDiFuAggCNclkVrna3JCyWGstv6jQOLVyzFJXHmjQMGbfF6asN
JjrlKeojOHbK/IW1tCLzIV5JLAyKYrtIJFIwtnLDUVjpE0C1ZRvwErvI601CtQuR8UZW5KZb
SyS3NRz2vUxxxzJOYAi+JJ7eOhWIOWiCkYdBgetJBWsmmtBRVWdB60gdKAwTOQaFGYCRXMgY
zYGwQCMLYsknCyFsQUZsR2OBBB0gkZk7WgSF7QZ73bGu+TO4EElXxZWlZKVxyG64oVSuyRky
5J0R172bhD4sHLfccudqCwuJA6OJg23XBOsaj9PE7p1ujUjla8i2PxJ2qej2OvxtCFp10nLK
s5QxL6dSeW8aI1ZqpIwNcrBIcnwdfJ2LRRSy2XqZOv8AeoPqvx/HgxV5acjV7x2OpkxtOOR0
w53Z8l1Olk7b+muhLudDJ1n9SPp/ZfcMfWwtNGb3n3PH2FCqWFl83hvG5pTT2MdX9Rtx00lB
GqnbFyJ0xOtjZWsiusWILrHzrDRly9F71PXw0mobYxwcvnb9a1dxPTaPoMmJNamW+FRBil4+
x0mrJ12jPx1A4JMnBiApCiMA7QIJDW7Q6s3sdWhRNIGoCq/EpWsHKWUVYM1vWZIcxoOgy64I
lqNY5aAsPgxyFyW8DlaCVnLCNUGLUZg2NuN7uO3OkK0BpwJ1OkBCvfmSlV5CVozTjrBh2psd
F4mhISqGjyFzNAWGtToggSBbFGIyKYAsVsiDFZzASKwSFoAhwGcBkStkrOSjAqSCLTH4lVQe
tB4gUlEE76lbaE3aS7i9EuFW9Dd1us5kTrdXm5Pa6+DibkFW0le/Jotlw1S0UG/gSyU
0Okcq+X7FPrCsehq7ePjeRIlBQ8/s0cGDHj1PdeLmYMuL07bBIUceW+P7XBmzXte02cs20Se
jMuWFaDVlZimK9uMSDNMFMOF2Uo7s04ocHyw0U2PVw4pqYuvidnJ6+PHxRmGpenAjpLNyooI
+nN0kLLd1sf0j3xmnDjiozoJYLY9DFmrB7Nseh53YJ1qmK6yPM8Z8Z8UbeJ1qmK6yPM8GSN8b
qey8VWpM2TFAZXq8xIdUL2xagSepZZHrSKjZSmLXUqmkMtTOXWaRyqkBlIBBm9XTEhIBA7Og
gk0TZW+xFi1CiPcIHuMZroJt6lbuENRNRy2Mgth2QhFAkE+ngrXQ5QSGUMuqiaZWiIJQxx2
TFmn2Fsx2hWGERbFbGZOkduYfsR66oTYHiFjNAZMkYBoAzQCHlqSGJSlKFaYvcvEG1ISwhUvCE
SqMQTtYbLaCVPrZrZqIq7FMWWBvtqwKGbqs3HnsOkJwpqjLehSqC0ajDw+w/
gnUwVrOh9Hnwc0eHmwvFcWtvmvFb4FUi06GfL2hN2sSieStxozLUg8J6LUsqSV3VY6hiOswwiD/
R6wY30E3CQe9axAx+51x14qupgG2S3YexddDjujaiLiJYOvxNSuYs7NSxvSvYsU7FGusyopHwk
2XFDdXHztJJzltCPY6vX4OjqjRMOVqUUUK50fk2hMNTiE3JoJR7z6Vxsqmd6hTvJeG6jHJhqUw
B0hGbJU0ZMqWhyZDHZYQWtTLuc7Y6cwk/eXiA6T0zSJYsh+KYJm0aPv4cwOQzd5MtjNkBvQ8Dk
LwTsSZcjIWZIXRtL7cqo5JeCi6uKlUyd3aFhiBd7+QxZhsPVx8C8WZxEBbmF+jYM6KHWamwtbM
ZbGlJK0xcdTsZUoLSsnZeTQDdIJ2L2NIZyhhWmLSfvUYBhxghOiECYDGlh3QSDPqQXM+gHSHM
9MUmrHighanXXCIZnBtyaI2tLFasVbkiHjDpbq2GbaZQrLaBlDwzsDQiYmXtdSsqApOGRkCRw

XGxWlPE10RCjRoqzccatUaBalEbc6RqTJ2eqsiN0CtFkPnMmB42QsfRZsFbnnZuk1qisTy5f
iBxuNmxXq9hFVvQzgjW/IPHkdSvEZq1tkMFGt+OhO/LK4qWw9O939R6vX6SpqzQZen0uGrPT
VIQ6qkB6Ck2hGUZG9oBqRO5lyalb3kyZsyqjFrtrqFoRjy5+O4H2eeniZcjb0ZzdEM151M1r
j3mrgXRgcOTTHrSdibpGqNGFeYE2O0OGb8dSTwc6ytymB+DBqXCyqK0UA1oZbZmtTNmcGxox
5kRY7EmVuTYnw6qOu4UDVQttWLNSehMpkJo3HnvcWcgM5EjHBATT7RIeqTETHqZaVpSB7V8j
qod6CEnohHqX+4m1AGItkbLUq7KYFsDScAegZOakkXcMDVrBzRQF4lMdQVNGOpK1ox0LcRaa
FUjTnWbLVtHkdjC5k+geKTNkwSGGtbh4tLWoUWZ+JsydeCDwg7S5JzlD48jQvpBVYLKxK248
jNNMvmYMdoNNbGpXLbWPQplRZWk82rKVyNbM6TZwvG9FAsZa52iqzJmsufrTpSc6JgrdDcpH
IsZsnWrbwIfoa+B6DaAOWcPP/Q1kpXqVXgbBW4JYTVFUci7SznkSLJ9ao2Ts4JWzkL5fMLs1
NFb5IM97mfJ2ktDzs/cfgYtdZrhuzZ0kePm7DsxP1DvuTtWdjFrcRtlaZRZeSM1k04OU1ckM
4rRZc0SVYKpytC2PFOrM5bLixStSnpxqaVVJQdxlA1g2ByoHePjaUSw6M1zKJQIFu4Q6q2de
kGWozJeLMmfXVG2+x52S31A6RlspEL3r4olGpGjGhJsrdkfE1GNk7ioeyFNuFhWcjgoWfInH
HE0+2SL1SJUgvWDLVcCWUSTOulGg0BVQC6kNNTrAmS2OHKFtsaLrQzbg0kmUiSTq5KrYyaEw
FC2Qy2NRDU0Y2ZqvUuhDXSxorZGKjgoskCxY3rQnapJZgPJJpnCeVGd0kvaxN2gy6RGySE9O
dWV8ZOlMmpSUqaaNENgq8Catky1Qa3W55+a8tGvHEEzY2UiykDt5Ga9uCJY72b0FnDcskB/U
QYs1nVcvIz27X8XgWWfXL1F3KvxHXZXmeHS3qt2qdXnrA5Xq96uflsSy9iNzwK9jNjvK2Nj7
KzKfEsj16q5O6q7Cfrl4mLK09Hoeb263rswy16vffYqlMmDs9ydKs83Fns/psJ2KurlBkK3v
duSFrtmnHbnWGDJg8UTXqx35NShsLb3L1poIseum5DFlNfGmRvSCyyQ4ZZ41aoZaslZ8FeLh
np0oo0IY8SvX4o0Yr+D3AToZVQa0H4+KKVSYNo0ouRpVdBaU1LNQgqIkSyrQukRzA1GLM9Dz
r6s9DNsef4g6QjfgJGo1gbomk76slGpVomtzccti2Jj2FNRypGMhWMhrnO7jgBJp9vjrJprW
BKVLRBlquqguEMguvJECx4olZtsq/pRN/AknZEGoLuxOzAxB6sLWh3iFsGinQCJKJQiJa11N
CRNFaoWTLQ5BSBBqM00wcrHC2RoOsyVmym4LIDCchWzmwBhqUyZzFBLBouRKdSlZQltRnZCA
yt20Q+JOqOpoGZNAMj5KDzHNW6+B6fHQzXwfS34kkccqv0lMWa1FqHrYbRLO7GOGmSy69Xb6
keZXPbFk+B7dcf0nm3wK+Romb1Plfq15IyOzaixtxU4Pi9jr4UDWXl8PLcOSzdYe6NLpFyjw
q25MseKzdTbiXKupPDWutTXWiS0JRntihyiLxfVKPQ4yRWOLagalfqK6nxDjxOmj1RuVTlTU
gjhxqdAZMUWlGhYknKGtXUCnXHIXga2ZppjLKoYLJjxPzDZWRd146oE8jLSHK3kZ812bLGbO
kWWo87NfQxWNmUyXRl1kRbGqwcQEaWxLxK21Js3HHZOwrHsIzcc6QZCsZC5wAnM4i+/omUrI
tFBdV8TDTqvzGag61dDlEamgje0E+aLWoRvXyMmJ3Ukiz03I38yaCANSCrkIIB0CIOkk5spR
k05GotQLSjoOqBs2w5oPE5ajpGpQlx1BZaFmiTRJn4NsDTRp4i8ZLBZwyPagHUjlO9OWwqXH
cqJfQE5WKUsZ1qOpCUrtp7Ess+B2odfEcs0+NwieaLOCvOERr9VpY5SlbwoMyp9bZohSKkky
yErV8TpkpYSqUgmXPV81BS60LWrLDkpJJir14fJGytNB60msDY/IQCqTyU8TS6k2vAESo6rI
9KFa1Apqg/CdSiqdAE1ahaGqgxJJKCNqS5RqtXQiFaZ3bz3MmfU35Kp7nm9mrWxmukY8hlsi
95W5CzMusTZMdiDFXeBNjp6CM3HKksTZSxNmo50rQUAJpygnQcAGn6IlBdPQhSrZoXkBplXk
iF68WaVKEdeTKiI8GyV3Bragw9q3FSgvYzqS2ojXgLjlqWFOWEaBKBG9SpO1ZehUnTkSyaY3
ENtAqgVGbg6qnUdqSR8dpKQSrWNitTUAJQUJzqUSIWGSkV4x6js3GWVqBPE0WqRahkg4gdB0
MxTNaglq+ZqdZEdQWWdYxuMFuAtlBYOScZOdB4GSIIOvgcqQXgDQJB1YeDLpSNWkkmX02LTE
51NrpAOIpBYoDwNHE5UBJKkCWrDk08Rb45IJpScsUsrSkIoqkU64x1SCqQ0EkuB3ErAIMkvE
6BgEk77Ga2hquQtWQrcRs9Dzs71N+TQ83PaWYdIzZWZ2jQ15kYky6oWJ2LWUEWhiIhbDpCta
m3LCbEZSxNm457QIOCcLGAOCAlh+l1rxHrSXIqclakyLfgdoNCEshCeRGPJXlua2ZckyFbjO
9CS0ZosiNkZ7NOkKOSGSJDAL1lDVCyUTooRRAiAIyVKsadREoG8RRlXWSgEBrUQrSo7QKMdD
KxSusolbGaYkDqaDJwgEGp1RFojCQK0Vg6CSUCtSWgRiiwGBlWRuIJPidwkpxGVRCXpjJNFe
IJJtNhVSqqc0CKkGApDwCTdZO4lOIVQknxCqlGgJEi8QbFCdkwphpk6AVQWyJWKxmKwpTuT
Y2R6kMlmkZbkRzW3PK+60s2ZrOGYZhGa66zBMjlk3oUjzIX3MtlyEWUsyLYoJgWxzYjZuOdK
wcQyBs050IAc2A0xkQAYSZy/S8Tk01rJGiLoYK5qCepbcWyGiI3WhkvubLTBlyIzWojYg05K
sVsK2RoaoJ1OnUgqjmgoD1JRNsFHrAXXUPGHJhtRIDeoyYrWohRMfkKthq1kkerKVZPYerkW
bFExk5EQyaFl3ElapZ2gVmgnxA0VZOxIjUEXWSlrM6GRCigY6Gc0yWDJSMiatAyZZGBeo6RF
3hjq5ZWFIOdRa2kfkiysBxCcmGTOTgUFgRzTLIdB0HBJFgDGYrqSLsI2UaEaBtLkxW2M9Cdr
pGW4nZwyOW8nXvyZky2bM5dJEexk8DHz1HyuWQe5l1kPbIZr3HuTdCWE3Zkm2WgnZG4ymwNF
IFZpgjQjHbJs1HLYDpOAachYQMM6AX6lWEMjq1DsaZpkgWCxWQiORmfIy1tyORg6SM7I20cl
mTsZbDcFdwo5EFUFio6zJAmE5IMGSDcBTANE7ATqw1bCVqOtBSm51UzqOSkCAQ6aTEaa1R1X
O5ZZW3DByQxqMFgS9SorUlVElUZJBgMAScQ8DrNjJjkJPH4g4lm4A9QKPCWNwHRzYotaj8EG
Aooi+mc6DSNuQT4tA1KAgCSWcrMeDnBIjuB5EMxLY0yphbZEStl8ijxIjfGkZbibs2Z73Dly
NaIz2VmpMWusgZMsbGPLkb0RazjcjHizNdIzOrCscl+SBzRG1B1SI32NFlOpB+Qs5SrUndF2
oIWciieBNsd6E2ajFKybKCWNxy2KwBAacqPgHwAjiT9XqHQWrOiBBydmPUnbclErEMhoujPb
QzXWItSRem5X5CWUgUnoNU51gKJUyGgk267FU5UiBqFgTCCK0NTQVIpUyTJnNScxq6okNXCK
VtItF5jKoo6chaSFSGehMU6ehzcAqzrKTQMnISdXBQhgIOg5nSZToAMhWjSJDkdIKCERG0K2

jroCqDRlqMwKo0CEyiYtgwCcwQFHNinCsYS10iLmxLZEiN83kSTdzGW5qe+Z+BBuzLLGCy1g
mp0RWOdWSyOXCNGS/FQZrGa3Ga61I3tOiLZVBmabehl0JZIXQdU8xHZJiiWWmhnc7s0XsQyC
yha7bFaaOe5zZJJisa2grNslbgmx2LBqOOxUcwtAYudAPgJI/gLMr9XS0DAEFinTBO3mUJXY
mEs5JWSgo2oI3sZdIg9GC0M65NuAadbUAHYFXICnrqP4EU4ZSRRhkImFAjRJztx0OA6ywMV3
Q1KwLVDK0ElUxmydXJSCBqnbgTg52IGTSGbM1pkrSxSiw8DIV2ByNM5OwJC8g8iwsqIDJ8x1
aSAMZanBReSWDoOZyIuQQHNlkOAxVYcCVHNgs4I2s2wtMmT2uZ7t2Ko5VJudEFj01OquJoZC
7MVrI2vCIu51tQNQtQMiNnLA2qoVPUXJtqTTPZ8nLEC3JNuEDYMz2epRPkStuSDfchkZW94M
122LKTeoW5FtodOgmA2BqUduFRUWKnxFagd3Ebk1GKVsRsaBWjbjtSMp4CMbwFieX6wmEEBE
gSu5K2cGbLaAMJa0Iy3uG+SDNa4Nntcm7yMsOS+yA+plWyOV5dJcXaEk6AraBL1vj+5QJyNy
y9YWnlIVYgryNygk0VZWplVyyvoSWCSVxuRBSozYlbDqGFWTVRTkTkFrEcrbnQJjsO7EMuhH
PQTkJa4xm1T1BXkM7s3oc6X8iu2uv3XDK6yHPIQ4X8juF/Iz+TT/AGn911Wrk1LVuZFS/kOr
NaMtdtb9tlLYnI6M1LluRsHk4m7AVwJ2gwLyBzLCyeBXYR3J8wMPZyCAKxzskTeRg5sk8gru
BO7ToI/iLyJ3yE07lqJkvInMBkkroTy20A7QZ8t5BqD4Eb2kDu3ohHoiaGeK0M95krMk7sll
O2hGzHdiViwMp3OqgsXnBoZNZqqIu0hbkXY1IztQYjYzYrNOO1HkCQbHC55dAY0FTKeBGP1Z
MW2h0gsKJdmPM2arMyZiqZcjNHXwJLlbdmZ6tL4noqFoeH9ve66zXXz3bjrWVVLcCLNSzhNH
mdzI73a8EY3oc9P1M6y7bYtOX0Nqq6iylHj9vD6FoX2vY9HpXd8SdtzP7rHp185OfBduPl/H
47VPPVxlczJwVxUvlcUUn07ZOtWVuUD1ywWp7Zd/dZBt7bb+GyOP/I4s49kSuUpXIY8lL4XF
1Aa3O0sszBW71Bq5CeHr2y15JpBy4bYlLcnP8unt6e31fAK+odzkzK4+NO7hG7ZJm9k0LJAy
ySL+mfmgceLg568mm9xpclVPQjkuO2QvqdWRrb6kbjza/cj0j537nfX5HUJXmdyXmjB2fvZE
df1JtrNvbv8AwvZ6srzRmyW+oyJjVsd+L9ecW3t7ZFuWutynqmRWCrToeoNDygrkEWG1t9Bv
078zz3n45fuOKp6oPUIZMd6a7omrnXXabddbmJqdwO5PGnk2Yb4bVTc7GduTTW+l2+r4KZF5
CdsrM7yD408j4m7ZJmtZOsqOeQZ9Oz/iRlrR2twTOevJptLdbnHdpW2WCF8mhoft93vZAftt
3/EjH5+P/Yys1byM8kF/+3Xj7kLb2vI/40H5+P8A2WXn5suuhC9pK9rA+tfhZpuJIYcb7ORY
quJ8WdMzHt4blBW8gWeh6a9jyr/5K/uFt7Flf/yV/ccvzcf+y9nlO5K95PY/8fy//ZX9wv8A
45kf/wAlf3Mvzcf+y9niNiOwc/8ASvaj14tr9x6mL8dy58dciyVSsuUQzptvrrM7XEoy8S15
ETN/uXtdvb3VWsrcvI886a2bT217M+xpFbPPQ9u9qye4TwarVfxM9D/xTL/8AbX9z67
bdWbfg+dk4Flxbr5ODkzu55cwDHQQoJSUS+mBNis6SVOs7v1HjJzQZOYpnuoMmU23MWQkx3R
K1n5l7mewEKY3lsqLdmivttm/qaghiy+ldX3g2V9yp4mnl5rzS//ABT6cNRqXDDSNqo8Xvdr
17fT9qPaTpmrK1qzzO/0lljXXqY9vFHKvzCCkZX5pmWsRz5jGBgrt0cvO8KvBlvh6IybTi
63YyenjtdbpGv2t7tvOKkdkj2O/iwPi9X5IGD3HFmca1fxpZA5Ozl7sK+B3/4mmMdfb4jL6fJj
rlrxsprTPE8Ezy7r6XU5IWVbMwqlo22w9+rrb9hk/AF9rpyfvZZVq6Oa6Am5n6+ugVXSbUk+B
63YyenjtdbpGv2t7tvOKkdkj2O/iwPi9X5IGD3HFmca1fxpZA5Ozl7sK+B3/4mmMdfb4jL6fJj

Nb/U+56H+Ni/kqdP2vs0/wCvCQ7ft67eel7/AGU1jzNfY7FOtjeW+laoqfG/kHuf6nJ6GN/0
6f8Aqzz8Wl5dpp/jqzbg3tnbv3PcVlv4vReSPsD4f8f/AMyp9wb/AGpJvJO2Br2fm1/vt83/
AKgt8Dsv32+b/wBRUz6rMBijtCM1GbBRWNCVS/gFb17V+pnM4O4so3qZslTe6me9JIPNvUXH
mti03RovRkL4zntrNp67TMbi9e1R/AZ9jGvEwWxk3STy39TTxa1lsyd+lV9Klnm5slsr5WZT
gJap24+HTj+3v8SyWrJp6vdv1/p3r5AdSXE3trNp67TMT2sfuGK/mmG/fxV8W/keMqyMqHn/
AOJx58pbtd6+Zca/TUwKpq4CWoejXTXSeusxA9Hp9zHixqlpku+9Rr6Zk8rHU10xnG/rce23
tc5GaVy3L3GooabKKg6oenHTDLQuzT4krNWs2tgKhStDhx8OvHfbXOWs5BIWyLKgLVO4ZdrJ
mn9VT4k7YxPTOXJw68ll2z0WcL/qqfEP6mnxM3AZVOP/ABeP+TmrW7K8FJnve2TcfgMqHXTh
00udZ1+I61ndQ1tbG5qWtjFeM6XFmL2WFadur+7Rj+vTzMnph9M8t/V478Ycq37a/hMdm7OX
uVdBXRnbj49eP7YcZHrZqYW+U6l8vax3o6qdTKscahVDG3Dptt73OSzrHBTr3WK/K2w7Qjod
tpLLrfKbf1+J6a/uPJupbjxZZUgEHLj4tePPr5OEePHc2dPuY8NWrz+xGZ429WSyW8Kmt9Zv
PXbscNnf9ww5sTpWZ+KPDvZ20RW1ZD6aqpZnTSaT117NyL+2ZKdfLzu4UHrZfeetj3bfyR8z
myTojO6nPfh1329tl65eh7l7tbufRX6ca8PM8vcoqeLFeuiO2us1nrr2Pqbr5K4ctL22rZNn
1P8A5H05n6/+U+RshGZ34deTrt4ZsN2brJlveu1rNo+n6v5B1MWGmO3ZVWxk3STy39TTxa1lsyd+lV9Klnm5slsr5WZT
k128OdfT+4/kWLJhdOty520lqIPlhoOg1x8evHMastvtXax9TsVy5Z4yPpv/Jel/wC//lPi
wGeTg05L7bZyM4Ndq1m14tsU45ndl0wc1IgUxZypVFYBRSPBi3q9Mn01+owNXU4Ox0jzZBiO
pSAMkzXpJnvQ3WRC1TNdIxWoQeODbdELoHTDJZai2RayQnEy0i6krY/I1uonGdBFSrTzHWMZ
UZStSSTxiOhr46ErKCWCUxwaqVJ0UmiigWaZUCqFEOkTKaoPWsFIOSJF4g4FIDBJHgK6GiBX
UMjCHpnemVaGVSOEFjKKkFIDBJLiJbGXgD0DusM/pk7eSNDXICpBNSILH4s50Luol14IMmRn
dJY3pItWsHEWd0I2WppyWVUZ6rlqwtakS4uz0G4KmrKWaoSa5asDhC6d/kQyxVQjVlvChHn5
csBlvXXJXZV1Zny5HfYEO7l7BaS0QOnqjxgERqyjI3ckcEvYCXiFLUN3GhpmpWEgY7Y1HOkY
sDM5I052FSAxxWTNhDoCxWzTnXNgAFCx3dByRzHopAyZqlNCi2ZyroUhcTnb1e2T6b8n6bVj
SJIZOrw2GYoGzpDKw5kMloKcjL2LBa3rOpLXJ21QK6hsoRmOrPZMDY1nAsyKKzqoDGWi0IB4
lET3Hq0WSJO5SxJoDD42aamahpoLNWqMmCqHSFkUwnJB2JCcwSEECYdzoOgk51OSCCSAwcHk
Ja/kSC1oEqnbcKrOo6BorUCSUsIlIVRzcISqnUNtXBz0JqAydreR1rOzhE8llRQtwakSsuTB
e6rojnfgviyE+JnLcg6tyxcmRVJ5c8aIyWt4sMtzU98kma1Z1YztIlr+CB0kwWzjRE2NayRG
zJFsxG0hoe7BWnJ6iMlqnuJZeLLZLJaGazk1GLQbkDGSgXxNMBAWFoVohQFbgNreRNm447UG
5OOCLmCCcBknJlaEkjRirLCt6TqrA/gdasDQcXtx0foqY0k0x0zu+fYDOkDsI7AZHWcGbJ9R
azM93qFbhaqDrW8wtk7spCne3kTYbOBHbxQoE9R0ya1KAQg7VMdHPQEMyTuyiZO+rJQ+JSaq
mfEoRpoLNUqVBVFEhZKjtx4OgkRIY44CKCKERQbOkDZJtvRGaZDWtOiOrQatYC3BEGhdRtzm
iRLWBbIqoMKSGVy4CtYMsiWrEdnf5BrSdykJIilZ8UZLXUyx+xl8EZnZGLW9Ya951IXyeQmb
NOiIS2ZdZHWtqTbkN7JIRWJsHqTtoPawjciskegr03C1Ar8xAPUEwpBZyTvZ7ImSXtItVO4W
h1WNWa7MkeuiBEFNERtYor0NaxJuTm5AkakcbcgwDAg0xYEHQEVkK4DGBAsjU2YK+Jmojfhp
FZMbV344FkNGgUh/A5PS+3VhuRFuApwd3iV5A5CchXclgzsRs5Y71JskWxKxRsSxFF/EQNtS
d8ta7kjBRhyd2NiC7dgy1I9eYA7o8xdqzL1yyZyfVrTHRClpZqphZqlDTREKI00Rpmq1RRIF
UMLDoOgKCyBADQLMA1BFs4A7wLMgcA9Rq1g5IZARJ2HYrKqBMC2sc7E92TWBlwRrV2t8CmW0
KEdjUICfbYhnycVA97cUexZnNuAta1mXXvJlyWY7sq77ImSOtQ0VqLFNUY
AULIoIAogDZOzKW0J8fEKYXj4hgetZC0ByRBCxHaCPdzJuxzty2ClANQiqLdwPZZ+RHdgYW2+
pVtJakXZK2ph7ncj6UFuG5raPZ7mvGpgteX8SXPkxXaDn3d5rg1reLEl2O1sw3aqJKgWsxLX
8hHbzJGWo3yFonb5DN8RZyMwRyX8EC9p2OrXkSSVXZlFVU1sNbJXHtuZb3dxA5c3LRC0rLln
VxzqytaQpLspMhEsSxWIUknbyCNF4xuB6h+Yr1NMUrDGh0HPUWcFDAUjiWCwJZjWZM1HHamo
pZaqli0UItiXFres6LYlqa8VZlmemlZNGO0Uky6Ox6NicvqArQiPL6gL7FknaGB3JWudXlk
albQ7kQrk0CskklXcS94QjsiWRySR7Gd7IwureppdJBwgHSMvpFK1K8Y8YehNBx1GrjY1Kya6U
Jm1CuE0YsMFqYyypBM5LWkF6VFSK0IUyRVCpDo0zXBOOSIGBMHC/cyTlrqw7s5uNBkoBDsc2
K2CSWHW0M9nL0Kv6hXWArc6JzAHedEC2uiO0RlsLXhfEi7cVJ17rdnmdrucvpqZtbmuTZuzL
aR593L1A8vgJMmXaTAz5CpbnyA7eKeJZG1+KhmAEh2ZWWuGcSvJYKg8KljSWPqBa1+aSh6Ysf1
ukoRG1p0A34IdJUUvcCFaRqwXyKIqJazu/gBUEh2ZWuGNWVx44OsVpwS+QwJbKqOb1h7tlHHOxEx
5E3CGtbwQsDFJYBAwyqORhOAwNAdiysJwTsx72gja0m5HDfbxCzI9ATR1teOyEKegGajYRtHOxEx
aqKklqyreyOdd5FOUJI0cuNDJMlbaUFpUC5ULIVqVSCkUSIUkBqPxCqkjiS
O+o2rGWOSSKqBo0rHAromJyyWTBbwNTxgVmbaUFpSC9ULIVqVSCkUSIUkBqPxCqkjiI
ZAQ6JiugMBFs4QgrcuBthKqDm5cATLzGAc2ScxPuA3yY2F0QTu50GtaDPbLAWtkSV1mqmfJl
nY693bY8/u9l1xq9Tna7Js8zR1xBHzYQRrPQTWlSLa85lmT5S

DUZtUd50OhVUvcGlV8Rap2csg5tvUKq3sMqyde6rogIOKfMnDu5Y1au2rKxBEqxpDqiGqc4Q
UlbEcHO3ggqsA05LxIXs7MvZQiaq3sSS4wc0WagHEslJVgLKRBO7jYu67EdoJ2cjMz5L+COu
sefk3xC2tIq1AUpU6dnln1U1UXjjUXFSbD5nrBztenWYLRSyjeotNFIJBqGT1Dylio4CL8h1
X6WIi8aAn1FsZG1Wj0HQk8ep2eXLGsTZSuI1VxjqkBgZZ64iyxFaVKcRGWe2Ii6m7iRtQjKy
ushrQvwAqQDQ0qUVQVH3JORSoqRRDBXbHI56hroAFjJgCINJL7mNZwhaEoa2ikSq8TrudBki
IyLZzogWfEFfMEdKAWaSk53jVmDP2Hb6aha1JbXZs8uKk1NgUpJPt9mvXrC+4w6yI97trCuN
dzwr5HZ8rBz5Xe3Jkd9WDrOhpb1ewWxGxtyXc6ehK15OtbwJ8XYoqPJ20RVJU+ZN2VdFuNjo
7PU0zgYb1KRCKQqLUi7O7hGWnOz8A0x+LHrSNxwLkkkCJDuc3BJz0RPWw6pOrG4+QNJpeCGg
dLyGjitSKPFsPwQdbbB0qBTaDCSlhtZbme93YcLIXtOxGz47j2uqmTJkbN66uG++BvkkjuHc
B2nR5LbXLU0VUIlSupetZZm1vj1XxLipM9nLNGV8KwQopcmI70/hAshe4GRGdDkKxiStK6mn
joTxUk2Kn0hBtesj6zhIPTNCqdEnZ48pLGjnQsqnOpLKKoPWo/EMEScRLULwCxCMzqI6l2hG
gbJxCkPACRW4HqxI1GQE6YwlUO9BDkMJIUyRbuXA2wi1Y1n4EirVyNyjU5Ink10QUunmdayq
juSojDmyvK+NTNrUmXZs9sj41EpSHA0LEviZsvYWKrfiZrrIp2u3Xr1+J87n7FsrdmL2exbL
aWzNMg6SSGmXLGkQ52gRaZPUd2EovFnNguzkvEFrzpUV25bFcNJEdxxYp1ZV2VDsllVQiSry
3DLcgTbI/gXrVVQqUaIoqsC5DKoVoBudEQyLfgg1x+LGrXjqwu4GFsKFoDcA0aYJ3chTkVuC
JqtJaiuwJkS78hFpbOSF78RcmbjoiDfidJq4bb/AL3bJsYEHSPPtchscjmGqlwLC2OukmjDT
xJqvgaLfRQ529Xq1mIzZrS4DTRE5lldkFJRZkL0FTFWmKUUsmjX18chTOjThx6GxY/oYuKhs
VPpZqTo429X0QwiYxpwdAYOSGEBAQHSCGRbBYBKUAdSkHMy0nAttB2yVlJKAGDkgk0ZOA8hD
pIGObg5MS70Inx+Z27AnFQ0ekkjXtxRDkqqWLkyS4MuXLOgWta65dkyPI4QraxqK7iK3Fabk
smZYl8Tnl1kDsZvTWr1PC7HZd2N2+y72MTch3dOwtyBasEyc7cTWGbT7HKq3YlW2PtuKh50I
2s2xm52DWgLu7Fi5GmzVFCOquKFS5Ba3IWtZLKg1K+BetVXcFaSlY1Yrt5HXtyOSBOS5F1VU
Jr6TuUjlYGzkERuB2gm7NmXSGdpF3AhuUEMubgm2NZwStkVdWItM2lqzJm7E6InkzO7+BFnW
avPvuO7CzqoMG3IqUgsO1AseZMkK4ay5EleBpwrQqdZmq0rqL2L+BV/SjJdyznO703pAqtR7
PUWq8QNizAbAgDVFnupjUs9br4oRi6mHk5PZx4wkydriHx0Nip9ImKhpVfpNuGXqcYGSCcTL
kjjjpEOOQVqGCVdAo8CsgRisdoUy0SAND7CsmoQV6DIVgXJnE9hpJGbJ3sGSeQDFHbRI69uN
SLtBHLmLLWHZMnFT4kMdXZ8rGvq9C3Y/qZNK+CPRfSxRxYetovJrr0eI7pHkd7Oqbbn03a9o
Vqt4XFvifGWxWt2VhzJpuyrb94etnd003m3Zmb5OWcfaP8V6a/iv+87/AMW6f+6//MjfrWfz
avim+Im59P7z7F1ul13lxOzt8WfOVpGrLs1rtNusNVQhW+R73tf4/fuVWXM+GN7LxZ7lPx7p
Y1xan+Z6hNazeXWdHxKSSK4qeLPqez+MYbJvBZ1t8dj57Pgyde7w2UWRmyx003127I2cvQtj
xQpZ7vtfsuDPgrlycuTb2ZufsXWfjb94+lrN5tZcPmVoI7H02X8fwtf07WT+J8/2epfq5PTy
7+fmZutjWm+u/bugkF2g+i/7F1/S5zaYnc+bQWWd29N9d/t8DMnOyRs9r6uPu5nivKUToW95
9tw9ClbY3Ztv+JlNbjJu+s29PLym53F5a6H0fS9h6/aw1y3dpt5M+cyVVL2pXZNr9xXWxa8k
2tk8DPkNX/1NvtfQ/W5OLlUX3M9L3D2Xr9XBfNR2lebGa2zLG3LrrfW93zebIqL4nnXu7M+j
9k9nwe547ZMztKcfSzzPfOhj6HY9HE268U/qOk1w47cmb6vNAb/bPbcnuOVY6L6V99vJH0Xd
/H/bujieXLa+my5bs05Xbw+RQ6QITem3gG2gNFtaCTcjMQVaaq1N2KpkxqWehT6ayZ2dNIlm
tGhlK5LcnJF7hG7ep5hCM5sDFm1yKUrLgnVG7p4eVpZVR6PVxcanoY6iYaQbaUGOdp6UL8dA
0qW46GnLLUxUHkdIEQHSCSSiGJKwyYs2GFsGQMlCSEDFky2LJ2GbFeoGEdvMG4t6grKBrA2R
NsezItlUblAt7SCSWW/FSBhcuSCfWx+vlSf2zqZXd2Z6Xtn9xBOtb26SvW7GVdfG7eWx89n7
eSHkvZnse7f2V/MfH+4drk+Fdje164c+LWYy9j238irRWp2nt9tjF7l2+v3O7hy4N3avL954
RXp2jsYl/wC+v+oS3s6XSS+z9B90plv171wS7+EHx/6L3j/bk/ej7Tu9pdTFbNZSq+CPCr+X
4G9cdo/YdK82luOky+c7Ne7T6ezzSfhYf2zr/q+1jxNTVv6j7ulsPuGGYVqXR837R1f0nud8
PgvtM2dXScn02YxX0XuHaXR69siWtVFUfDX7/Z7F+druZn5H0/5RP6akbc9T5fDXlsG98N8O
sx7V9J7H7lkvb0MzdtNLM0++9erxrPH1VcfvPF9uldnGq/7lPyPyPpPd2l1rNlOutyxvPXknr5
L7K56tfmz5/3HuZaZ7VrZpJnvexWnqUfxZi7X4/bPltk5pSyst1mFpddd9vcnsXuGXLkeHK3
ZPZvwL/kWNOmO/irGr232mnRbtPKz/8AQ8z8i7tXamCjlpzYus1+oyzbll07Pd//AJ/+E+At
d6n6Dij0q8to1MUe2/8AsHbXOGeLk9PbpnLwfxtz2n/Keh+UKcdJ8z1Osunz/oceUfwnmfk/
9uk+YYxrhqbe3LNsYen7T/i4/kFZat5rVWd7JfvPtfaf8GxF/8Ax/j8yZFq9fE5d/3hoff4H/8ACD/wCPf5n0Kw0pd5YXJqG/gKzi1i6vW6/s/W1aSSm9vNnx
Xu3ud/cs3J6Y19tT6r8l6Obtdflib+jW1PM+EnwCtaTz5U5JIk3IzQjMuhWBHMNVLEd60Yam
vK0qwZ8agOS8nOu+vSJXfghECZC2aZBsCAPVCO58dZcI93q4eNUYel1+bTPdxY/AJ1O1wfFQ
24qk8dDXjqbjhaetSkHJBFgtnBysFo5Iw7O5BmToOaIChgJHNjgGTDJN2SJ2ykvW1ZuRWR9U
71JBr1qhxPmH1CWBsibOtYR2MnDrEbDuxOxEkmPs35Pii+W/BNmSibTszFb1jqpP6TThzrr5
KN7TqZcb1kllyauz8C7G9X1fcwfqsNqVerX0s+Bz+39nFd1vRR2HR/I7J7HR/I7dZ+nmXLH4PxR7Ff
yHo3XJ2/5lqdem3Vwnvx+Mx5PtH4/wCtR5O3Vqftr4m4X3mqftr4m4X3Pqdfp93Diwbq7z0eX7Tu7u
V2t522Plq9m1+zXsZnL5K1v2MekM99r7bf2ffe9Ud+pkrVS34HdPb+y9Fb+q9FbiPyPrv/K+k/C/

/Kd/5T0l4X/5SuKzp7a9tWz2Xq36nWrTJ9z+qPI8Htd+uH3ZZJ+mr42L938pV6uvWq5f8Vj5
tTks7W1bC34N8eltu2/l+g+4dRd7r2xp6tTVnyVulm679O1HJu9t95v1aLHl+qi2fij2F711
bLk3H8yC42E9+PpjMY/Zvbr0v6+VRGyYfyTtKmJYE/qs5/cd2vyTDRNYU7W+Ox8zn7N+xd5c
jmzM7WSesdOPTbbf336SPr/x/wDwqfOx5nc997GDNbHWITO9q986/T69cWXlyTb0R4Pf7Nex
mtkpPFvSRt+mYWvHnfa769PDb2Pfu1lXFW4r4Hm0btdWblyiSKU3T8EzFvxeiST7Zh+h/wD8
3/B/+D89Sf8A6n1a/Ier6XpxeeMbHy1nBre5xhw4dbr7e0w9r8c/yn/KbPytxip8zxfaPcMf
RzvLmnjEfSX9+94we4Y61wq0p/xI1r9uGNs/km3h9P7Q/wDpMb+B3uHcp7b17ZFCf8K+LPH9
v/I+r1+vTFdX5VWsI8X3v3X/ALhlmsrHX7UzeXKaW7dezDgy2zdul7b2yVb/AHn33vv+HkPz
zrZFjy0yW2rZWf7D6r3P8k6na698ONX5W2lBDvM2YU/D/wDHv8zN+Ve5ZK3XUp9NYVm1uzP7
B711/bsVqZlaW5+lHn++d/H3+z62GePFL6h8MyfU+q/H/eF3cfo5X/VqvH+JHjfkXs36e/6r
Cv6dvuS8GfP4M9+vkrlxuLVco+wX5R082Hh2K2myi6SlErMXMfHNk2y3a9L1LehPpz9PLczo
G8uKY6yIlJeuigKdZmnmEJe0nWYHoZdii2YRTTnRSNODHyZClWz2/b+q92FanSNvTwcEmejj
oJTHCg146mpHK3JqVgvVQCtSiNOdopDQKnB0vcgVWTGTMFco/rGXqujY2K8iRmebQjfMWRNG
55kTtmMLysV5dAy3NGt5pJPJJlWQX1Ay16tfqHeqZPUOdyOGv1QrMYuYXkgmfVu9UR5JMfqg
9Uh6trsTdoMvrCZM8IBh2W/qWgazisIz0vrIXkkzgl5xJh7ObwGyZHycGDNeWHdqQl7EXqGz
BBuQbVyGWrAHYQ56bHKWArWEBhki+OolVyLc+OxhqKu3Fame1+Ql8ksEyDWDiu0AtaCUyUjW
TOwq1BuyqrGhoZcUpWQKsblEjCtwXYnZjXcEp8Wakc7SW1EbnQ6z5AtojpGHcpcBysWm4crl
izkq0AmczthYdIVqLAdgLoljWUDY0LdzoSTbOVdJOaGexpiOopZWRKOEMZrrq5bi2cnJnAcg
FKWcaOtheS0EMNHR6rvaT6PBh4Ij1OsqJHo1qawxa6lDRRQJWCqc7CwqgavY6tW9yiUEwStP
MpGh0BgU8Gtgu5Kp1jD6C3LQS1gLYSwAHkEtk0EYlgaP6kHcyJy2JKeod6pFnEFvUA8hI62x
A7yivIRARXeSCFsknW2IsF0WWSEB5YREFtiFwlbJq2Zr2KWIWCHwXcLAgm3IUdJwCJiigmOt
jNK+M61vA6mxN7mW44DvGxzJ+Ik7YsMLCMRqKCyQlCldzFJ1XzOegwrFzuUbELstchc1GXVr
ClkbOWXyfaZzcYvYa7htuKhrbky5ijMUWaKDAFsNXcir9tTO2aMv2mUlXTqU+BNblPEqzqeF
sdbyOW4ttzLsMeQ3HwFruMtyUMsfge57f1uClo8jF96Pp+t9qKGtFUyla2DXYZG3FSlEzRVQ
RoaETFMkMBDCw6AwFHEn/9k=